

Baltijas Starptautiskā akadēmija
Rīgas Stradiņa universitāte
Daugavpils Universitāte
Uniwersytet Przyrodniczo Humanistyczny w Siedlcach

Zinātnisko rakstu krājums pēc IV. Starptautiskās zinātniski praktiskās konferences “Transformācijas process tiesībās, reģionālajā ekonomikā un ekonomiskajā politikā: ekonomiski-politisko un tiesisko attiecību aktuālās problēmas” materiāliem

The transformation process of law, the regional economy and economic policy:
the relevant economic and political and legal issues
IV International scientific and practical conference proceedings

«Процессы трансформации в праве, региональной экономике и экономической политике: актуальные проблемы экономико–политического и правового развития» Сборник научных публикаций по материалам IV международной научно-практической конференции

**„Transformācijas process tiesībās reģionālajā ekonomika un ekonomiskajā politikā:
ekonomiski-politisko un tiesisko attiecību aktuālās problēmas”**

2015.gada 11.decembri IV Starptautiskās zinātniski praktiskās konferences rakstu krājums. – Rīga: Baltijas Starptautiskā akadēmija, 2016. –439.lpp

IV Starptautiskās zinātniski praktiskās konferences „Transformācijas process tiesībās reģionālajā ekonomika un ekonomiskajā politikā: ekonomiski-politisko un tiesisko attiecību aktuālās problēmas”rakstu krājumā apkopoti zinātnieku, praktiķu un studējošo konferencē nolasītie referāti.Konferencē piedalījās referenti no Latvijas, Gruzijas, Kazahstānas, Kīpras, Krievijas, Nīderlandes,Polijas, Somijas, Ukrainas, Uzbekistanas, Čehijas, Taivānas, Vācijas. Krājumā iekļauti 65 raksti, kuros analizēta tiesību, reģionālās ekonomikas un ekonomiskas problemātika.

Konferences organizatoriskā komiteja:

Dr.oec., asoc.prof. S.Buka (Baltijas Starptautiskā akadēmija, Latvija)
Dr.iur.prof. V.Reingolds (Baltijas Starptautiskā akadēmija, Latvija)
W.Kego (Stokholmas drošības un politikas attīstības instituta vadošais petnieks, Zviedrija)
Dr.oec.prof. I.Stecenko (Baltijas Starptautiskā akadēmija, Latvija)
Dr.iur.prof.A.Vilks (Rīgas Stradiņa universitāte, Latvija)
Dr.habil.sc.pol., prof. J.Zielinsky (Uniwersytet Przyrodniczo Humanistycznyw Siedlcach, Polija)

Zinātniskā un redakcijas koleģija:

Dr.oec.asoc.prof.T.Boikova (Baltijas Starptautiskā akadēmija, Latvija)
Dr.iur. A. Gabrieljans(Baltijas Starptautiskā akadēmija, Latvija)
Dr.habil.iur.prof. O.Joksts (Rīgas Stradiņa universitāte, Latvija)
Dr.biol.asoc.prof.I.Koķina (Daugavpils Universitate, Latvija)
Dr.iur.prof. V.Reingolds (Baltijas Starptautiskā akadēmija, Latvija)
Doc. V. Silineviča (Baltijas Starptautiskā akadēmija, Latvija)
Dr.oec.prof. I.Stecenko (Baltijas Starptautiskā akadēmija, Latvija)
Dr.iur.asoc.prof.M.Sumbarova (Baltijas Starptautiskā akadēmija, Latvija)
Dr.iur.asoc. prof. Jānis Teivāns-Treinovskis (Daugavpils Universitate, Latvija)
Phb.in BA, prof. M.Zineldin (Linnaeus University, Zviedrija)

Izgatavots SIA “Petrovskis un Ko” www.punko.lv

CONTENTS / СОДЕРЖАНИЕ

Ekonomika un vadība / Экономика и управление / Economics and management

Ekonomika un vadība

Roldugin Valery, Ravshan Kayumov, Inovātīva pieeja finanšu darbībai	21
Jeļena Sventicka Latvijas individuālo uzņēmēju finanšu stāvokļa kontrole.....	31
Kasjuk Jeļena Uzņēmuma konkurētspējas analīze kā uzņēmuma darbības risku vērtējums	35
Julia Finaschkina Mārketinga komplekss uzņēmumu konkurētspējas vērtējumā mazajā biznesā Latvijas tirgū.....	44
Margarita Šalajeva Medicīnas tūrisma attīstības Jūrmalā perspektīvu vērtējums.....	50
Jekaterina Paločkina, Gaļina Berezkina, Eļ Džamiļ Kultūras tūrisms kā reģionu attīstības sociāli-kultūras aspekts	58
Andrejs Jonkins Valsts ietekme uz tirgus ekonomiku, izmantojot jaunu likumu ieviešanu	62
Ataul Karim Rukon Ekonomiskās izaugsmes līmeņa analīze: Latvija un Bangladeša.....	66
Agita Rēdere Cilvēkresursu atlase sociālās aprūpes un sociālās rehabilitācijas institūcijā.....	73
Diāna de Vaškeviča Valsts ieņēmumu dienesta Muitas policijas rādītāju analīze kontrabandas jomā Latvijā.....	78
Edgars Štāls Cilvēkresursu plānošanas aktualitāte ilglaicīgās pieaugušo sociālās aprūpes iestādēs	84
Sandra Bērziņa Ikgadējā darbinieku novērtēšanas aktualitāte pašvaldības SIA „Veselības un sociālās aprūpes centrs - Sloka”.....	90
Iļona Teihmane Sociālā darba vadīšanas loma romu tautības sociālās atstumtības mazināšanā.....	95

Danuta Vanāģele	
Darbinieku adaptācijas vadības mehānismi un līdzekļi sociālās aprūpes un sociālās rehabilitācijas institūcijā.....	100
Zane Rutkupe, Māris Jurušs	
Nelegālā cigarešu importa apkarošana.....	107
Ilgā Pīrante	
Darba samaksas organizācija veselības un sociālās aprūpes institūcijā.....	115
Monika Hodinková	
Kā nošķirt uzņēmēju nodokļu vadības likumiskas un nelikumiskas darbības robežas?.....	120
Zdenek Sadovski, Marianna Dražanova, Zdenek Karpišek	
Koncepcijas „Rūpniecība 4.0” realizācijas un transformācijas procesu Ārriekšnosacījumi.....	125
Aleksejs Domanovs	
Eiropas Parlamenta deputātu-eiroskeptiķu nozīme lēmumu pieņemšanā ekonomikas jomā	132
Aleksandrs Sakovskis	
Latvijas mājokļu sektors – ekonomiskās izaugsmes problēma vai potenciāls?.....	137
Viktors Blohins	
Rīgas brīvostas attīstība Eiropas Savienības transporta politikas ietvaros	142
Ināra Lisa	
Skandināvijas valstu pieredze ēku energoefektivitātes jautājumā Baltijas valstīs	147
V. Strelchonok, Y.Popova,	
Faktoru savstarpēja atkarība sarežģītas evolucionālas sistēmas “Sociālais modelis”ietvaros.....	152
Aleksandrs Mihailovs	
Mazāko kvadrātu metodes izmantošana, lai novērstu kopējas fundamentālas atkarības no saistītiem rīkiem.....	161
Popova Y., Gunare M., Vankova K. Zagulova D.	
Cena un sezonālitate kā noteicošais faktors SPA pakalpojumu pārdošanā kūrortā	167
Eva Vincencova	
Налого на обучение для развития компетенции студентов	175
Shansharova Assemgul	
Struktūr reformas „zaļās” ekonomikas veidošanās nosacījumos.....	186
Lija Beinerte	
Klasteru pieeja kā Latvijas mazā un vidējā biznesa inovatīvas attīstības tehnoloģiju vadība	192
Irina Bezručenko	
Ķīnas Tautas Republikas kompāniju un pilsoņu investīciju Latvijas kompāniju pamatkapitālā dinamikas empīriskā analīze.....	200
Po Yuan Hsiao	
Brīvu ekonomisku zonu izveides plāns Taivānā	206

Maksims Rapoport	
Mārketinga komunikāciju kompleksa loma un nozīme neformālā izglītībā Latvijā	210
Artur Ivlevs	
Inovācijas: nodarbinātības struktūras izmaiņu būtība.....	217
Andrejs Surmačs	
Netiešās finanšu politikas veidošanas teorētiskie pamati.....	225
Jaroslava Odorovskaya	
Kultūras un ekonomikas sasaiste: ikdienas kultūra	232
Kristina Golubkova	
Patērētāju tirgus attīstības perspektīvas novērtējums Latvijā izglītības jomā.....	241

Экономика и управление

Roldugin Valery, Ravshan Kayumov	
Инновационный подход к финансовой деятельности	21
Свентицкая Елена	
КОНТРОЛЬ ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ЛАТВИИ	35
Елена Касюк	
Анализ конкурентоспособности предприятия, как оценка рисков деятельности предприятия	35
Julia Finaschkina	
Комплекс маркетинга в оценке конкурентоспособности предприятий в малом бизнесе на латвийском рынке.....	44
Маргарита Шалаева	
Оценка перспектив развития медицинского туризма в Юрмале	50
Екатерина Палочкина, Галина Березкина, Эль Джамиль	
Культурный туризм, как аспект социально-культурного развития регионов	58
Андрей Ионкин Влияние государства на рыночную экономику по средствам ввода новых законов	62
Ataul Karim Rukon	
Анализ уровня экономического роста в Латвии и Бангладеша	66
Агита Редере	
Отбор человеческих ресурсов в институции социальной помощи и социальной реабилитации.....	73
Диана де Вашкевич	
Анализ показателей Таможенной полиции СГД Латвии в сфере контрабанды.....	78
Эдгар Шталс	
Актуальность планирования человеческих ресурсов в долговременных учреждениях социальной помощи для взрослых.....	84

Сандра Берзиня

Актуальность ежегодной оценки сотрудников ООО самоуправления
«Цетр здоровья и социальной помощи – Слока»..... 90

Илона Тейхмане

Роль управления социальной работой для национальности цыган
в уменьшении социального отторжения..... 95

Данута Ванегеле

Механизмы и средства управления адаптацией работников в
институции социальной помощи и социальной реабилитации..... 100

Зане Руткупе, Дг.оес. Марис Юрушс

Борьба с незаконным импортом сигарет..... 107

Илга Пиранте

Организация оплаты труда в
институции социального обслуживания..... 115

Monika Hodinková

Как разделить границы законной и незаконной деятельности
предпринимателей налогового управления? 120

Зденек Садовски, Марианна Дражанова, Зденек Карпишек

Предпосылки реализации концепции «Промышленность 4.0» и
трансформационных процессов в ЧР..... 125

Доманов Алексей Роль депутатов-евроскептиков при принятии

Европарламентом решений в сфере экономики..... 132

Александр Саковский

Сектор жилищного хозяйства Латвии – проблема или потенциал
экономического роста? 137

Viktors Blohins

Развитие Рижского Свободного порта в рамках транспортной
политики Европейского Союза..... 142

Инара Лиса

Опыт Скандинавских стран в вопросе энергоэффективности
зданий в странах Балтии..... 147

V. Strelchonok, Y. Popova,

Взаимозависимость факторов в рамках сложной
эволюционной системы «Социальная Модель»..... 152

Михайлов Александр

Использование метода наименьших квадратов (МНК)
для исключения общих фундаментальных
зависимостей из смежных инструментов..... 161

Popova Y., Gunare M., Vankova K. Zagulova D.

Цена и сезонная изменчивость, как ключевой фактор для
продажи СПА услуг на курорте..... 167

Eva Vincencová

Налоги на обучение для развития компетенции студентов 175

ShansharovaAssemgul

Структурные реформы В условиях формирования «зеленой» экономики..... 186

Лия Бейнерте Кластерный подход, как технология управления инновационным развитием малого и среднего бизнеса в Латвии..... 192

Ирина Безрученко

Эмперический анализ динамики инвестирования китайскими компаниями и гражданами КНР в уставной капитал латвийских компаний..... 200

ПоYuanHsiao

План создания свободных экономических зон (СЭЗ) в Тайване
Максим Рапопорт Роль и значение комплекса маркетинговых коммуникаций в неформальном образовании в Латвии..... 206

Artur Ivlevs

Инновации: ключ к изменению структуры занятости..... 217

Андрей Сурмач

Теоретические основы формирования косвенной финансовой политики..... 225

Ярослава Одоровская

Связь культуры и экономики: культура повседневности 232

Кристина Голубкова

Оценка перспективы развития потребительского рынок в сфере образования в Латвии 241

Economics and management**Roldugin Valery, RavshanKayumov,**

AN INNOVATIVE APPROACH TO THE FINANCIAL ACTIVITY21

Sventitsky Elena

THE CONTROL OF FINANCIAL STATUS OF INDIVIDUAL ENTREPRENEURS OF LATVIA31

Elena Kasyuk

The analysis of competitiveness of the enterprise, as activity risk assessment of the enterprise35

Julia Finaschkina

Themarketing mix in the evaluation of competitiveness of the enterprise in the small business in the Latvian market44

Margarita Shalaeva

The assessment of development prospects of the medical tourism in Jurmala50

Yekaterina Palochkina, Galina Berezkina EL Jamil

Cultural tourism, as an aspect of social and cultural development of the regions.....58

Andrew Ionkin	
Influence of the state on the market economy by the means of introduction of new laws	62
AtaulKarimRukon	
Analysis of economic growth level in Latvia and Bangladesh.....	66
Agita Rēdere	
The selection of human resources in the social care and social rehabilitation institution	73
Diana de Vashkevich	
The analysis of indicators of customs police of TAI of Latvia in the field of smuggling	78
Edgars Štāls	
The topicality of long-term planning of human resources in the establishments of social care for adults	84
Sandra Bērziņa	
The topicality of an annual assessment of municipality LLC „Health and social care center - Sloka”	90
Iloņa Teihmane	
The role of social work administration for the nationality of gipsies in reduction of stigma	95
Danuta Vanāģele	
The management mechanism of adaptation of employees and tools in the institution of social care and social rehabilitation	100
Zane Rutkupe, Dr.oec., docents Māris Jurušs	
Combating with the illegal import of cigarettes	107
Ilga Pīrante	
The organization of salaries in health and social care institution	115
Monika Hodinková	
How to Demarcate the Border of Legal and Illegal Activities in Entrepreneur’s Tax Management?	120
ZdenekSadowski, Marianne Darzhanova, Zdenek Karpishek	
Prerequisites of implementation of the concept „Industry 4.0” and transformational processes in CR.....	125
Domanov Alexey	
The role of deputies – eurosceptics in decision making in the field of economy by the European Parliament.....	132
Alexander Sakovsky	
The sector of housing economy of Latvia – problem or potential of economic growth?.....	137

Viktors Blohins	
The development of Riga Free Port within the frameworks of transport policy of the European Union.....	142
Inara Fox	
The experience of the Nordic countries on the issue of efficiency of buildings in the Baltic countries.....	147
V. Strelchonok, Y.Popova,	
INTERDEPENDENCE OF FACTORS WITHIN THE COMPLEX EVOLUTIONARY SYSTEM “SOCIAL MODEL.....	152
Alexander Mikhailov	
The use of least squares method (LSM) for the elimination of general fundamental dependencies of related tools.....	161
Popova Y., Gunare M., Vankova K. Zagulova D.	
PRICE and seasonal variability as KEY FACTORS FOR SALE of SPA-services at resort.....	167
Eva Vincencová	
Teaching taxes for development of competencies of students.....	175
Shansharova Assemgul	
STRUCTURAL REFORMS UNDER THE CONDITIONS OF FORMATION OF “GREEN” ECONOMY.....	186
Leah Beynerte	
The cluster approach, as a technology of management of innovation development of small and medium – sized business in Latvia.....	192
Irina Bezruchenko	
Empirical analysis of the dynamics of investment by the Chinese companies and citizens of PRC in the share capital of the Latvian companies.....	200
Po Yuan Hsiao	
The plan of creation of the pilot FEZs in Taiwan.....	206
Maxim Rapoport	
The role and significance of the marketing communications mix in the informal education in Latvia.....	210
Artur Ivlevs	
The Innovation: the Key to Change the Employment Structure.....	217
Andrew Surmach	
The theoretical foundations of formation of indirect financial policy.....	225
Jaroslava Odorovskaya	
The Communication culture and economy: the culture of everyday life.....	232
Kristina Golubkova	
The evaluation the prospects of the development of consumer market in the field of education in Latvia.....	241

Juridiskā zinātne

Andrejs Vilks

Nākotnes kriminalitāte 248

Ērika Krutova

Polijas dienestu starpvalstu sadarbības tiesiska regulējuma
teorētiskas un praktiskas problēmas 254

Vīta Upeniece

Preventīvā kara nošķiršanas no agresijas tiesiskas problēmas 258

Aldona Kipāne

Salīdzinošā kriminoloģija: jēdziens, saturs un nozīme 264

Ēriks Treļš

Publiku aicinājumu uz terorisku darbību krimināltiesiska
regulējuma teorētiskas un praktiskas problēmas 272

Aldis Dreiblatens

Terorisma draudu iespējamība un to ietekme uz
kuģošanas aizsardzību Latvijas ostās 277

Jacek Zelinskij, Irina Pikueva

Jautājumā par publiskas drošības draudu un
tiesiska režīma savstarpējām attiecībām 282

Kristine Arensone

Starptautiskā tiesiskā sadarbībakrāpšanas
apkaršanā Eiropas Savienībā 288

Marina Kameņeckā-Usova

Mediation by Internationally recognized
Sport Bodies: CAS and FIFA 294

Karina Palkova

Nepingadīgo pacientu tiesības un to problemātikas analīze 301

Rolands Neilands

Galvojuma aksesoritātes principa izņēmumi 305

Marija Danileviča

Likums par dzīvojamo māju apsaimniekošanu 311

Evita Širante

Tiesību nepilnības un to novēršanas veidi 317

Daiga Šteinberga

Galvojuma problēm jautājumi 327

Georgijs Dallakjans

Bēgļu problēmas ES tiesisks aspekts 331

Irina Cvetkova

Galvošanas aktuālas problēmas kā aksesoritātes saistību veids 336

Kristaps Zariņš

Tiesībunormu efektivitāte medicīnas tiesību kontekstā 342

Aleksej Pulik	
Valsts civiltiesiskās atbildības regulēšanas Polijas modelis.....	349
Diāna Liepa	
Direktīvas 2015/ 849 uzlabojumi un efektivitāte.....	354
Armen Gabrielyan	
LivingWill.....	361
Aleksandrs Baikovs	
Privāttiesību racionalitāte, saprātība, noteiktība	367
Nadežda Žukova	
Tiesisku attiecību aktuālas problēmas, slēdzot aizdevuma līgumu.....	381
starp fiziskām personām	
Olga Matvijenko	
Latvijas un Eiropas Savienības elektronisko plašsaziņas līdzekļu normatīvā regulējuma salīdzinoši-tiesiska analīze.....	386
Ksenija Šumskaja	
Sibīrijas latviešu diaspora - likumdošanas par nacionālā mazākumtautību skolām realizācija 1918.-1938.g.	394
Alla Ivanova	
Darba starptautisko standartu integrācijas problēmas nacionālajās tiesībās	399
Ainur Musambaeva	
Frančaizinga līguma tiesisks raksturs	406
Murat Saule	
Īpašumtiesību tiesiska regulējuma starptautiski standarti.....	415
Sandugash Tusupbekova	
Starptautisku organizāciju nozīme apkārtējās vides aizsardzības jomā	425
Dilshod Chiniev Legislative Guarantees of the Right of Ownership – Important Condition of Its Existence and Protection	434

Юридическая наука

Андрей Вилкс	
Криминальность будущего.....	248
Эрика Крутова	
Международное сотрудничество полицейских служб: теоретические и практические проблемы правового регулирования	254
Вита Упенице	
Разделение превентивной войны от агрессии: правовые проблемы	258
Алдона Кипане	
Сравнительная криминология: определение, содержание и значение	264

Ēriks Treļs	
Теоретические и практические проблемы уголовно-правового регулирования публичных призывов к осуществлению террористической деятельности.....	272
Алдис Дрейблатхенс	
Возможность угрозы терроризма и его влияние на защиту судоходства в Латвийских портах	277
Jacek Zelinskij, Irina Pikueva	
К вопросу о взаимосвязи угроз публичной безопасности и правового режима	282
Кристина Аренсоне	
Международное правовое сотрудничество в борьбе с мошенничеством в Европейском Союзе	288
Marina Kameņeckā-Usova	
Посредничество Международно признанных спортивных органов: CAS и FIFA	294
Карина Палкова	
Права несовершеннолетних пациентов и анализ их проблематики.....	301
Роландс Нейландс	
Исключения принципа акцессорности обеспечительного обязательства	305
Marija Danileviča	
Закон об управлении жилыми домами.....	311
Эвита Ширанте	
Юридические лазейки и способы их предотвращения	317
Дайга Штейнберга	
Проблемные вопросы поручительства.....	327
Georgijs Dallakjans	
Социально –правовой аспект проблемы беженцев в ЕС	331
Irina Svetkova	
Актуальные проблемы поручительства как вида акцессорных обязательств.....	336
Кристапс Зариньш	
Эффективность правовых норм в контексте медицинских прав.....	342
Aleksej Pulik	
Гражданско-правовая ответственность государства: польская модель регулирования	349
Диана Лиена	
Улучшения и эффективность директивы 2015/ 849	354
Armen Gabrielyan	
Завещание о жизни	361

Aleksandrs Baikovs	
Рациональность, разумность, определенность частного права	367
Nadežda Žukova	
Актуальные проблемы правовых отношений при заключении договора займа между физическими лицами	381
Olga Matvijenko	
Сравнительно – правовой анализ нормативного регулирования электронных СМИ в Латвии и ЕС	386
Ksenija Šumskaja	
Реализация латышской диаспорой Сибири законодательства о школах национальных меньшинств в 1918-1938 гг.	394
Alla Ivanova	
Проблемы интеграции международных стандартов труда в национальное право	399
Ainur Musambaeva	
Правовая природа договора франчайзинга	406
Murat Saule	
Международные стандарты правового регулирования права собственности	415
Sandugash Tusupbekova	
Роль международных организаций в сфере охраны окружающей среды	425
Дильшод Чиниев	
законодательные гарантии права собственности - Главное условие его существования и защиты	434

Contents Legal science

Andrejs Vilks	
Criminality of the future	248
Erika Krutova	
International cooperation of police services: theoretical and practical issues of legal regulation	254
Vita Upeniece	
Division of preventive war from aggression: legal issues	258
Aldona Kipane	
The comparative criminology: definition, content and meaning	264
Eriks Trels	
Theoretical and practical issues of the criminal and legal regulation of public calls for the implementation of terrorist activity	272

Aldis Dreiblatens	
The possibility of the threat of terrorism and its influence on the protection of shipping in the Latvian ports	277
Zelinskij Jacek, Pikueva Irina	
On the question of interrelation of threats of public safety and legal regime	282
Kristine Arensone	
International judicial cooperation in the fight against fraud in the European Union	288
Marina Kameņeckā-Usova	
Mediation by International lyrecognized Sport Bodies: CAS and FIFA.	294
Karina Palkova	
The rights of imperfect patients and analysis of their problematics	
Exception of the principle of accessory of security obligations	301
Rolands Neilands	
Exceptions of the principle of accessory	305
Marija Danileviča	
The law on the management of residential house.....	311
Evita Shrante	
Legal lop holes and ways of their prevention	317
Daiga Shteinberga	
Problematic issues of guarantee.....	327
Georgijs Dallakjans	
Social and legal aspect of a problem of the refugees inEU	331
Irina Cvetkova	
The topical issues of guarantee as a form of accessory obligations	336
Kristaps Zarinhs	
The efficiency of legal norms in the context of medical rights	342
Aleksej Pulik	
Civil liability of the state: polish model of regulation	349
Diana Liepa	
Improvements and effectiveness of directive 2015/ 849	354
Armen Gabrielyan	
Living will.....	361
Aleksandrs Baikovs	
Rationality, reasonableness, certainty of private law.....	367
Nadežda Žukova	
The topical issues of legal relations at the conclusion of borrow agreement between physical person.	
European private company.....	581

Olga Matvijenko	
Comparative and legal analysis of the statutory regulation of electronic mass media in Latvia and EU.....	386
Ksenija Shumskaja	
The implementation of the Latvian diaspora of Siberia of the legislation on schools of ethnic minorities in 1918-1938.	394
Alla Ivanova	
The problems of integration of international standards of labor into the national law	399
Ainur Musambaeva	
The legal nature of the franchise agreement.....	406
Murat Saule	
International standards of the legal regulation of property right	415
Sandugash Tusupbekova	
The role of international organizations in the field of environment protection.....	425
Dilshod Chiniev	
Legislative Guarantees of the Right of Ownership – Important Condition of Its Existence and Protection.....	434

IEVADS

Pasaules finanšu krīzes sekas noteica problēmas Eiropas Savienības dalībvalstu ekonomikas un tiesību jomās, un atkārtoti parādīja valstīm nepieciešamību turpināt ekonomikas transformācijas procesus. Izmaiņas ekonomikā, politikā un tiesībās vienlaicīgi kļuva par Eiropas Savienības nostiprināšanas, attīstības, vienotības un identitātes veidu.

Analizējot Eiropas Savienības politikas mērķus, jāuzsver, ka lielākā mērā tie ir orientēti ilgtermiņa perspektīvā, bet mazākā mērā – ātras uzvaras iegūšanai. Tieši tas palīdz Eiropas Savienībai savlaicīgi korektēt mērķu sasniegšanas metodes, izmantojot arī instrumentus no ekonomikas un tiesību jomas.

Baltijas Starptautiskā akadēmija organizē zinātnisku konferenci ar prioritāru mērķi – sniegt jaunajiem zinātniekiem, doktorantiem, maģistrantiem savu pētījumu aprobācijas iespēju, un ne tikai ziņojumu prezentācijai, bet komunikācijai, diskusijām ar kolēģiem no Latvijas augstskolām, Eiropas Savienības citu valstu augstskolām, no Neatkarīgo Valstu savienības un citu reģionu augstskolām.

Ar katru gadu palielinās konferences dalībnieku skaits, par ko mēs ļoti priecājamies, ir izveidojusies laba tradīcija pirms Jaunā gada svinībām – pētījumu rezultātu apkopošana. Kaut arī tie ir starprezultāti, mēs ceram, ka notikusī konference, iespējams, palīdzēja atrisināt vienu no mūsu pētnieku uzdevumiem.

Vēlamies pateikties mūsu partneriem un kolēģiem, kas piedalījās konferences organizācijā: Daugavpils universitātei, Rīgas Stradiņa universitātei, Dabas-Humanitārai universitātei (Siedlca, Polija).

Ceram uz mūsu turpmāko sadarbību!

*BSA zinātniskā darba prorektore
prof. Inna STECENKO*

*BSA Senāta priekssēdētājs
asoc.prof. Staņislavs BUKA*

Введение

Последствия мирового финансового кризиса выявили проблемы в экономической и правовой сфере стран ЕС и еще раз показали всем государствам Евросоюза необходимость продолжения процессов трансформации экономик стран ЕС. Преобразования экономики, политики и права в ЕС одновременно стали для Евросоюза способом укрепления и развития его сплоченности и идентичности.

Анализируя цели политики ЕС, хотелось отметить, что рассчитаны они в большей мере на долгосрочную перспективу, и в меньшей – на получение скорого выигрыша. Именно это позволяет Европейскому Союзу своевременно корректировать методы их достижения, путем использования инструментов и методов, в том числе из экономики и права.

Организация Балтийской Международной академией конференции ставит своей приоритетной целью предоставление для молодых ученых, докторантов, магистрантов возможность апробации своих исследований не только в презентации докладов, но и в общении, дискуссиях с коллегами как из Латвийских вузов, так и из стран ЕС и СНГ и других регионов.

Количество участников конференции, к нашему огромному удовлетворению, ежегодно растет и становится хорошей традицией в предверии празднования Нового года - подведение итогов исследований, хотя возможно итоги не окончательные, а промежуточные, но мы искренне надеемся, что проведенная конференция позволила решить возможно одну из задач наших исследователей.

Хотелось поблагодарить наших партнеров и коллег соорганизаторов конференции: Даугавпилсский Университет, Рижский Университет Страдия, Природно - Гуманитарный Университет в Сиедльце (Польша) за возможность нашего сотрудничества и надеемся на его плодотворное продолжение.

Проректор по научной работе БМА
Проф. Инна Стеценко

Председатель Сената БМА
ассоц проф. Станислав Бука

Introduction

The consequences of global financial crisis have revealed the issues in the economic and legal field of the EU countries and once more time have shown to all states of the European Union the need of continuation of transformation processes of the economies of the EU. Transformations of the economy, policy and law in the EU simultaneously have become for the European Union a way of strengthening and development of its cohesion and identity.

Analyzing the goals of the EU policy, I would like to note that they are designed to a greater extent for a long –term prospect and to smaller extent for getting a quick win. Namely, it allows the European Union promptly to improve the methods of their achievements by the means of use of tools and methods, including from the economy and law.

The organization of the conference by the Baltic International Academy sets as its priority goal the provision for the young scientists, doctoral students, master’s degree students the opportunity of approbation of their researches not only in the presentation of their reports, but also in communication, discussions with colleagues from the Latvian universities, as well as from the EU and CIS countries and other regions.

The number of participants of the conference, to our great satisfaction is growing annually and is becoming a good tradition in anticipation of the New Year celebration –summing up the results of the researches, although it is possible that the results are not final, but intermediate, but we sincerely hope that the held conference possibly has allowed solving one of the problems of our researchers.

I would like to say thank you to our partners and colleagues co – organizers of the conference: Daugavpils University, Riga Stradina University, Natural and Humanities University in Siedlce (Poland) for the opportunity of our cooperation and we hope for its fruitful continuation.

Pro –rector for research of the BIA
Prof. Inna Stetsenko

The Chairman of Senate of the BIA
Associated professor. Stanislav Buka

Ekonomika un vadība
Economics and management
Экономика и управление

AN INNOVATIVE APPROACH TO THE FINANCIAL ACTIVITY

Roldugin Valery

Latvia, Baltic International Academy,
Department of Entrepreneurial Activity
voldugin@hotmail.com

Ravshan Kayumov

Uzbekistan, Tax Academy of the Republic of
Uzbekistan, Department of Finance and Credit
kayumov_1960@mail.ru

Abstract

Nowadays it is recognized that entrepreneurship and innovation lie at the heart of economic growth. Addressing the environmental and social issues, innovations create new jobs and contribute to creating conditions for sustainable development. However, the formation and the development of funding infrastructure to support innovative companies in the early stages is a complex process that depends on a number of factors, requiring the special approach to the analysis of enterprise's financial performance. Additionally, it presumes high business activity to creating new businesses, some of which succeed and some fail trying to overcome the uncertainties of the enterprise risks and profitability.

Key words: financial analysis, financial ratios, enterprises, profitability.

Аннотация

В наше время предпринимательство и инновации лежат в основе экономического роста. В поиске путей решения социальных проблем и охраны окружающей среды инновации способствуют устойчивому развитию экономики Узбекистана. Формирование и финансирование инфраструктуры, с целью поддержки на ранних стадиях развития инновационных предприятий, являются сложным процессом, который зависит от ряда факторов, требующих особого подхода к анализу финансовых показателей предприятия. Новые подходы к финансовому анализу призваны снизить фактор неопределенности, когда определяются предпринимательские риски и уровень доходности.

Ключевые слова: доходность, предприятия, финансовые показатели, финансовый анализ.

Introduction.

Entrepreneurship, innovation and competitiveness issues are of particular importance for the so-called “catch-up countries,” which includes Uzbekistan as well. The success of the reforms in our country is largely determined by the development pace of basic industries of the economy. Achieving this goal requires

radical restructuring of economic relations in these sectors of the economy, which in turn requires modernization of their production capacity.

Modernization of the economy should foster production technologies and products come in tune with the standards of developed countries. For the modernization sufficient investments are needed to update the fixed assets and maintain sustainable economic development. In accordance with the Uzbekistan's current strategic economic development program an active investment policy should be carried out aimed at further structural reforms, diversification of industries and sectors of the economy, deepening the process of modernization, technical and technological renovation of production, as well as the development of transport, engineering, communications and social infrastructure. Effectiveness of these activities is largely determined by the degree of using innovative technologies. At the same time, innovation should be applied not only in the production, technology, marketing, but also in the financial condition appraisal of the enterprises too.

Basic theoretical and practical provisions.

The financial analysis is based on calculation of the indicators showing the various aspects of activity of the enterprise and its financial situation. Such ratios are the basic instruments of financial analysis which provide the relationship establishment between various figures in financial reports.

While using such instruments the financial manager is concerned not only about the evaluation of a current financial state of the organization, but also about the prediction of reaction of the lenders and other persons, who use normally these instruments for evaluation of activity of the company. We shall review the process of defining of such ratios in this paper.

The total amount of the financial ratios used for the analysis of activity of the enterprise is rather great. If you set a goal to list all ever used financial ratios, you may found out more than hundreds. It is accepted to break them down into groups what can be made in various ways. We shall consider only the basic ratios. Let's view some divisions from a point of view of some persons representing various groups interrelating with the enterprise.

The quite different persons concern about the results of activity of the specific enterprise. The most concerned groups are the owners (investors), heads of the company, creditors, employees of the company, government institutions and society as a whole as potential investors and consumers of variable social benefits produced by the enterprise.

You can see below the list of the financial ratios most frequently used in the financial analysis. The recommended ranges of values for some ratios are mentioned as well. However, it is necessary to remember that the admissible values of ratios can essentially vary not only within the different branches, but

also within the different enterprises of one branch; and we can have a full picture of financial state of the company only by analyzing all complex of financial ratios accounting the specific features of its activity.

Operational and profitability ratios ratios show the efficiency of corporate performance by the means of correlation of the volumes of sales and earnings to the volumes of sales, the assets and equity capital [6, 78].

<p>Net Income Margin after tax, NIM, %</p>	<p>The Net Income divided by Sales Revenue. The Net Income Margin shows the return from the sales after the income tax and all expenses have been deducted. The Net Income Margin of large enterprises is decreased due to big staff and subsidiaries expenses.</p>
<p>Asset Yield</p>	<p>The efficiency of corporation's performance. This ratio is calculated by the dividing of Sales Revenue by Total Assets.</p>
<p>Return on Average Total Asset, ROA, %</p>	<p>This ratio shows the possibilities of the enterprise to obtain a sufficient profit respectively the used assets. The amount of assets is equal to the current assets plus fixed assets; though the amount of current liabilities is deducted sometimes in order to receive the combination of fixed assets plus working capital.</p>
<p>Return on Capital Employed, ROCE</p>	<p>This ratio is defined by dividing the earnings before interest and tax by the employed capital. It is called sometimes as the return on net assets or capital employed, or the basic ratio. The employed capital equals to the amount of stockholders equity plus long-term liabilities. It can be also expressed via the assets as a sum of assets minus the short-term liabilities. The meaning of operational income is applied, because the composition of employed capital involves the long-term loans, what means that the respective profit must be calculated before their interest payment.</p>

<p>Return on Average Equity Capital, ROE, %</p>	<p>This ratio shows the ratio of Net Income after taxes per unit of Stockholders' Equity and allows defining the efficiency of the capital use invested by the owners of the corporation. The ROE reflects the profit resulted from all investments of the shareholders after accounting of all factors including the financial dependence. The financial dependence shows the relationship between the stockholder's equity and total amount of preferred stocks, borrowed funds and received loans.</p>
<p>Gross Income on Sales Revenue</p>	<p>This ratio is calculated by dividing the Gross Income (sales less cost) by the Sales Revenues. The non-production companies apply the purchases as cost of sales adjusted to the initial and final inventories which reflect the applied allowance or rate of profit. The cost of sales of the production companies includes the expenses on raw materials, manpower and overhead expenses invested into the production of goods to be sold. The Gross Income Ratio shows the efficiency of production activities of the enterprise and the efficiency of the policy of products prices.</p>
<p>Operating Income before investment and taxes on Sales Revenue, %</p>	<p>This ratio is calculated by dividing the operating profit by the sales revenue. The operating income is the gains which remain after the expenses on sales and managerial expenses have been deducted from the Gross Income. This ratio shows the profitability of the company after deduction of the production costs and goods sale. The operating income is called sometimes as the Income Before Investment and Taxes, PBIT. However, it is not somehow correct, because with regard to the PBIT the long-term loans interest is normally concerned, i.e. the loans which maturity exceeds one year.</p>

<p>Operating Income before taxes on Sales Revenue, %</p>	<p>This ratio shows the complete influence of the capital structure and corporate financing on its profitability. The only difference between this ratio and operating income ratio is the influence of interest payments. Therefore, at concurrent analysis of these two ratios we can notice the influence of capital structure on the profitability. We can reveal, that the corporation which has a constant good ratio of operating income can have either bad or even declining income ratio before tax. It may relate to the unreasonable interest payments which are too high compared to the capabilities of the corporation under the profit generation due to the inappropriate capital structure.</p>
<p>Return on investment, ROI, %</p>	<p>This ratio has another name – return on long-term capital, which specifies the efficiency of use of its capital by the company without considering the component parts of the long-term capital: borrowed capital and stockholders' equity capital. It is defined by the formula: Net Income after Taxes divided by Stockholders' Equity and Long-term Debt. It shows how many money units the corporation requires to obtain one money unit of profit. This ratio is one of the most important indicators of the competitiveness.</p>

While analyzing the financial standing of the corporation we must bear in mind the following:

- the financial ratios serve for the evaluation of the efficiency of the operations of the corporation, and they don't always give a chance to estimate its successful activity compared to the competitors;
- before drawing the conclusions it is necessary to analyze the numerator and denominator of the respective ratio;
- while comparing the ratios of the corporation to the similar values of the competitors, it is necessary to keep in mind that that various methods of the accounting can influence on the results of comparison;
- the meaning of the ratio has a sense only at comparing to the industry standard as well as to the appropriate ratio of the corporation for the last periods of activity or planned indicators.

The detailed financial analysis of the corporation should be carried out respectively the dynamics of a number of quarters; regarding the express-analysis it is enough to compare the data on the beginning and on the end of the period of the analysis. The analysis based on the analysis of accounting ratios allows drawing attention to the headache of the activity of the enterprise and to generate the list of problems to be settled only at more detailed studying of the activity of the enterprise. Therefore, at carrying out of the financial analysis the main thing is the ability to handle the obtained results instead of calculation of the ratios.

Using these ratios, it is possible to analyze the five main aspects of the company's effectiveness: profitability, asset turnover, financial leverage, liquidity and market value [1]. Braley R. and Myers S. give the same grouping of these indicators, but only call them types of financial ratios [5]. The authors of the textbook "Fundamentals of Management" call groups of ratios [3].

In textbooks published in the neighboring countries, the majority of authors distinguish four groups of ratios. The fifth group of the ratio related to issues of market valuation activity covered in textbooks on corporate finance. [4]

Study of methodological and academic literature has shown that some authors give their recommendations on normative values of some parameters. This applies mainly to liquidity and equity autonomy. The standard value of the absolute liquidity ratio is recommended to set at 0.2 [9, 4]; 0.2-0.25 [8]; 0.3 [2]. The standard value of quick ratio according to this author's opinion should be 0.7; 0.7-0.8; 0.8; 0.8-1; 1. Regulatory level of current liquidity is proposed within the range of 2; 2-3.

At the same time, the authors question the correctness of the establishment of such normative values of these parameters. In particular, Lobanova E., Limitovsky M. refer to the following rule: "The rule of thumb: the current ratio should be at least 2, and acid - not less than 1. This rule is often declared, but is essentially useless "[2]. But then they write: "quick ratio is more consistent with the interests of the company, revealing its ability to pay timely commitments. Standard level of this ratio of 1: 1, ie, unit, the maximum permissible level of current liquidity "[2].

I would like to draw attention to the following circumstance. The value 1 of the current ratio means current assets and current liabilities are equal and indicate enterprise lacks of working capital. The critical situation begins when the company begins to lose its own working capital. Its absence means insolvency.

In addition, the accuracy of setting up regulatory liquidity ratios is doubtful. The level of absolute liquidity 0.2 indicates that the company has available funds to cover a fifth of current liabilities. Let us assume that the bulk of the current liabilities are short-term loan obtained for a period of ten months, and it must be repaid at the end of the loan term. Then, availability of funds in the first nine months shows diversion of economic turnover, as in these months no significant mandatory payment is planned. And the availability of funds in the tenth month of credit is not enough to repay the loan.

On the other hand, the normative values of the absolute liquidity ratio and quick ratio 0.2-0.3 0.8 - 1 determine that the absolute amount of the receivables

should exceed the amount of cash on the balance sheet 3-4 times. But how this relationship justified is not clear.

Suggested levels of standards for the equity ratio are also under doubt. Pribytkova G. offers this ratio to be at 0.5. [4] Similar opinion is shared by the authors of the textbook edited by Shokhina E. [9]. According to the authors of the textbook edited by Stoyanova E., this figure should be not less than 60% [8]. In theory, the formation of the company's assets, equity should cover the constant need for resources and working capital need to be covered by borrowing. But in sectors of seasonal production basic need is of temporary nature. Therefore, such a ratio of equity to current liabilities is groundless.

For the correct analysis firstly it is necessary to determine what parameter groups are the most important. In practice these are liquidity and solvency ratios (capital autonomy or financial independence). But the value of liquidity ratios depends on the frequency of sales, namely, determined by the rate of assets turnover, mainly current. Particularly, if the business has daily sales, it is unlikely to have liquidity problems. And if the sale of products is carried out periodically (say once a month), the entity shall have absolutely liquid assets with appropriate maturity to cover current liabilities. Therefore, the shorter the sales interval, the less you need to keep funds in the account. This is mainly important if we consider that assets must be in circulation instead of lying idle. This approach to assess the absolute liquidity ratio allows you to accurately determine not upper and lower bounds, but its exact value for a specific period.

With this procedure in assessing the liquidity, we need to approach quick liquidity ratio in a completely different way. It shows the level of financial competency of company's financiers. We will explain this with the above mentioned example, companies with monthly sales (this is a typical example for the construction companies that receive payments from customer on a monthly basis after issuing act of completion). Suppose the company in the coming month is expecting to repay current debts in the amount of 100,000 soums, accordingly, it should have appropriate funds in its account. But if the average receivables turnover is 20 days, and expected cash inflow is 60,000 soums, It will be more precise to keep only 40 thousand in the accounts, and the rest put into circulation. I would like to note that only skilled financial managers can handle such liquidity policy. If the receivable is not received on time, to raise funds for a short period of time for them is not difficult.

From the above it can be concluded that a unified standard value for the coefficients of absolute and quick ratios do not exist. With regard to the current ratio, its size should be greater than one. The exact value of this coefficient is calculated from the equation: value of current assets equals the sum of current liabilities and net working capital. Therefore, the larger is the net working capital (capital), the higher is the value of this coefficient.

Solvency ratio or financial stability is calculated as the ratio of equity to debt. But borrowing consists of two different parts, long-term and short term liabilities. When analyzing the financial independence of the company, it is important to assess the validity of attracting long-term debt sources as company's capital, ie, to evaluate the effect of financial leverage. The law of economies of scale suggests: the larger the company, the cheaper the cost of production. Therefore, if the cost of long-term debt is below the level of return on company's capital, its acquisition is justified and even beneficial, because it increases the rate of return on equity. The greater the difference between the return on equity and the cost of borrowed funds, the more profitable is its presence. Therefore, setting ratio norms in this case is inappropriate or even meaningless.

Current liabilities of the enterprise consist of short-term loans and payables. Given the fact that the funds of creditors is the cheapest, but rather a rate free source of attracting resources, from the company's perspective, its growth is beneficial. Constraints of such growth are settlement and payment discipline in the country and the risk of deferred liability that cause sanctions.

As for short-term loans, their volume should not be determined by any regulatory levels to equity. They must be formed based on their economic purpose: short-term loans are raised to meet temporary financial needs. The constant need should be covered by own working capital of the enterprise. If we consider that the level of solvency for current obligations of the enterprise depends on the level of profitability of sales and turnover rate of its assets, the company with a high return on sales will not experience difficulty in paying debts (enough profit) and high turnover (more frequent) provide constant cash inflows for the timely and full payments.

From the above it can be concluded that the main parameters determining the effectiveness of the company are the return on equity (assets), return on sales and asset turnover. Their value depends on the coefficients of liquidity and solvency, which would be correct to call characterizing the activity of the enterprise. Therefore, in order to ensure efficient management of financial condition of the company, it is more logical to assess and establish normative values for the coefficients of profitability and turnover. But here the question arises - how to compare these coefficients. Here are summarized the most common in the literature opinion.

It's stated that the financial ratios illustrate the financial proportion between the different parts of the statement. The advantages of financial ratios are easiness in calculation and elimination of the inflation effect, which is especially important in the long term analysis. The common sense of the method is, firstly, in the calculation of the corresponding index and, secondly, a comparison of this index with a benchmark, such as conventional standard parameters; industry averages; similar parameters in previous years; indicators of companies competitors,

(compared) enterprises; any other parameters of the analyzed company or with established norms.

At the same time we disclose the disadvantages of this method. In particular, if the level of actual financial ratios is worse than that of comparison, it indicates to the weak points in the enterprise, and they need further analysis. However, further analysis may not confirm the provisional negative evaluation due to an increase of any factor. Thus, in some cases, one or the other coefficient does not meet the generally accepted standard rate due to specific conditions and characteristics of the business policy of an individual enterprise. In addition, it's not always reasonable to compare with the average industry coefficients, as for example many businesses follow diversification policy. Financial ratios do not capture differences in accounting methods; do not reflect the quality of the components. Finally, they are of static character.

All these arguments are valid, but they do not reveal the main drawback used in the practice of financial performance evaluation. The current practice of assessing the financial condition allows us to estimate only the current activities of the company, but it does not aim at achieving the goals. By the goals should be understood the payback of the initial investment in the enterprise and receive an annual profit size expected by the investment project. This approach to the analysis of financial condition has several advantages. First, we consider the shareholders' interests, for whom it is important to recover their investment and get the promised benefits and not how the company performs compared to previous periods or with other companies.

Second, financial statements analysis acquires complete sense: to assess current performance in order to achieve the final result. If we look at every company -as an investment project (or set of projects), the final result is achieved at the end of the project life cycle.

Conclusions

We have developed and proposed a new framework for the analysis of companies' financial condition, which involves comparing the following indicators: actual data for the previous year, norms for the current year, the actual data for the current year, ie performance norms introduced additionally. In this case, innovation is not in the performance indicators, but the procedure in their calculation. Using normative indicators allows better manage the financial condition of the company. In addition, for the analysis proposed to use balances of assets and liabilities as of the balance sheet date, and their mean values calculated by the average method.

Fundamentally new in the developed guidelines is the procedure for calculating financial performance standards of the enterprise. To calculate the normative values of the basic indicators for assessing the financial condition of

enterprises is used interconnection of these parameters. Such interconnection, if given values of one indicator, allows you to calculate the values of others. As specified indicator is proposed to use profitability of assets (total capital), as this indicator is the main purpose to establish the enterprise. The minimum value of this ratio should correspond to the index rate of profit in the enterprise project (feasibility study or business plan). Based on this index using formula of Dupont we determine normative values for return on sales and asset turnover, in turn, set normative values for liquidity and solvency coefficients.

References

1. Bodi Z., Merton R. Finances: Trans. with Engl.: Ouch. pos. - M.: Publishing House "Williams", 2008, 592 p.
2. Lobanova E., Limitovsky M. Finance Manager - M. : Publishing LLC Consulting Company "Deka", 2000, 400 p.
3. Meskon M., Albert M., Hedouri F. Fundamentals of Management/ Fundamentals of Management: Trans. With angl. - AM: Business, 1999, 800 p.
4. Pribytkova G. Financial Management: Didactic material "Financial management in the diagrams, drawings, calculations". - Orenburg: SEI OSU, 2003, 92 p.
5. Richard Braley, Stewart Myers. Principles of Corporate Finance: Trans. from English. - M. : ZAO "Olympus - Business", 1997, 1120 p.
6. Roldugin V. Corporate management. The course-syllabus of lectures and control tasks for distance learning course, Riga, "Jumi", 2006, 124 p.
7. Savitskaya G. Economic activity analysis: Proc. Manual. - 7 th ed., New knowledge, 2002, 704 p.
8. Financial Management: Theory and Practice: /Textbook / Ed. E. Stoyanova. - 4th ed., Rev. and add. - M. : Publishing House of the "Perspective", 1999, 656 p.
9. Financial Management: Textbook / Ed. prof. E. Shokhin. - M. : ID FBK-PRESS, 2002. – 408 p.

КОНТРОЛЬ ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ЛАТВИИ

Свентицкая Елена Александровна

Латвия, Балтийская Международная Академия Докторант программы
«Региональная экономика и экономическая политика»

elenasventicka@inbox.lv

Научный руководитель: доцент Карлис Кетнерс

Аннотация.

В работе рассмотрены виды и возможности регистрации и налогообложения индивидуальных предпринимателей Латвии, проанализированы формы их финансовой отчетности.

Ключевые слова: индивидуальный предприниматель, налогообложение, финансовая отчетность.

Abstract:

The paper discusses the types and the possibilities of registration and taxation of individual entrepreneurs in Latvia, the types of financial statements are analysed.

Key words: individual entrepreneur, taxation, financial statements.

Введение.

Совершенствование и контроль финансовой отчётности предпринимателя поможет выявить преимущества и угрозы их деятельности и перспективу развития экономики и трудовой занятости жителей страны. Регистрация собственного бизнеса физического лица создаёт рабочие места и дополнительный доход предпринимателю, но координальные различия финансовой отчетности затрудняют финансовый анализ, что приводит к необходимости совершенствования существующей методологии оценки контроля состояния индивидуальных предпринимателей.

Цель работы: проанализировать формы и методы регистрации, налогообложения и финансовой отчётности физических лиц, зарегистрированных в Латвии как индивидуальный предприниматель.

Бухгалтерская отчетность является основой для контроля финансового состояния предпринимателя. Формы годовой бухгалтерской отчетности отличаются в зависимости от формы регистрации предпринимателем своей деятельности и выбором системы учета доходов и расходов (кассовым методом простой записи или методом двойной записи по выписке счета).

Основные теоретические и практические положения

Хозяйственной деятельностью физического лица в Латвии считается деятельность с целью производства товаров или оказанию услуг за вознаграждение. Согласно законодательству Латвии, если физическое лицо получает доходы от своей деятельности оно должно зарегистрировать её двумя предлагаемыми способами: в Регистре предприятий и в Службе Государственных доходов или только в Службе Государственных доходов, в зависимости от годового нетто оборота и количества нанятых работников. [1,1] Вид и размер налогов, которые обязан будет платить в Государственную казну предприниматель, а также вид бухгалтерской отчётности зависит от формы хозяйственной деятельности при регистрации и выбираемого метода учёта и налогообложения. В связи с этим активность регистрации предпринимателей напрямую зависит от вида налогообложения, простоты учёта доходов и расходов и финансовой отчетности.

В Латвии одинаковыми правами на регистрацию в качестве предпринимателя пользуются и резиденты, и нерезиденты. [2,5]

Для лица занятого хозяйственной деятельностью законодательство Латвийской Республики предлагает широкий выбор возможностей налогообложения и финансовой отчетности. В зависимости от суммы оборота предприятия в предыдущем таксационном периоде (или от суммы планируемого нетто оборота), а также от рода деятельности индивидуальный предприниматель может быть:

- плательщиком обязательного социального страхования – 30,58 % [3,3] и подоходного налога с населения – 23 % с разницы между доходами и расходами;

- плательщиком только подоходного налога с населения – 23 % с разницы между доходами и расходами [4,3] (при этом не имея социальной защищённости, но при желании, с правом осуществлять добровольные социальные платежи);

- плательщиком налога на микропредприятия 9 % от нетто оборота (при условиях нетто оборота не более 100 000 евро, не более 5 работников с заработной платой не более 720 евро). Данный налог на микропредприятия включает в себя подоходный налог с населения в размере 35 % от суммы перечисленного налога и обязательные платежи социального страхования в размере 65 % от суммы налога и распределяется между работниками пропорционально сумме заработной платы [5,2].

- плательщиком патентной платы — это установленный законом единый фиксированный платеж, включающий в себя не только подоходный налог с населения, но и взносы государственного социального страхования. Ограничением данного налогообложения является определенный список профессий, имеющих возможность стать плательщиком данного налога, оборот

предпринимателя в размере 50 000 евро в год, [6,4] и осуществляемая деятельность должна вестись без привлечения наемного труда.

В связи с тем, что индивидуальный предприниматель сам ведёт свой бизнес, то учёт доходов и расходов ему необходим в первую очередь для расчёта подоходного налога с населения, размер которого определяется видом регистрации и для сдачи финансовой отчетности.

Латвийское законодательство предлагает два вида отчетности – при выборе кассового метода учета – сдачу обобщенной годовой декларации доходов физического лица, где указывается только сумма полученных доходов и расходов, с разницы которой рассчитывается сумма подоходного налога с населения, или, при выборе учета двойной записи - упрощенного бухгалтерского баланса, где отражено состояние средств, резервов и задолженностей предпринимателя, а так же доходы и расходы. [7,1] Предприниматели, ведущие учет кассовым методом и являющиеся плательщиками налога на микропредприятия сдают информативный ежеквартальный отчет о доходах и заработной плате. Предприниматели, получающие ежемесячный доход более минимальной заработной платы сдают ежеквартальный отчет лишь о сумме, с которой рассчитаны социальные отчисления. Предприниматели, ежемесячный доход которых не достиг минимальной заработной платы ежеквартально не отчитываются вообще.

Разновидность бухгалтерской отчетности предпринимателей, ее периодичности и содержания затрудняет финансовую аналитику и контроль за деятельностью предпринимателя. Анализируя вышеперечисленные возможности налогообложения предпринимателя, методы регистрации и различия финансовой отчетности выявлено, что сведения, содержащиеся в финансовой отчетности предпринимателя имеют не системный и мало информационный характер. Степень информированности в финансовой отчетности различна и имеет низкую степень детализации показателей финансового состояния предпринимателя, что уменьшает возможности анализа деятельности и платёжеспособности индивидуального предпринимателя.

Заключение.

Одной из основных функций налоговой службы страны является справедливое налоговое администрирование с целью обеспечения согласно налоговым законам, полную, своевременную и справедливую инкассацию налогов и сборов. Служба государственных доходов каждый год собирает отчёты всех зарегистрированных предпринимателей с целью учета налоговых сборов и налогового контроля, в том числе и индивидуальных предпринимателей. Анализ финансового состояния предпринимателя по данным отчетности осуществляется различными способами и не несёт

единообразной информации пригодной для анализа и принятия решений в области налоговой политики. Различия в требованиях к отчётности и связанная с этим недооценка показателей финансового состояния также приводит к сокращению налоговых поступлений и пополняемости бюджета.

Совершенствование методики анализа и контроля финансового состояния предпринимателей Латвии поможет избежать трудностей с прогнозированием показателей финансового состояния предпринимателя и соответственно налоговых поступлений в бюджет Латвийской республики.

Список использованной литературы и других источников

1. 14.10.1992.g. LR Likums” Par grāmatvedību” www.vid.gov.lv
2. 09.08.2010.g. LR Likums “Mikrouzņēmumu nodokļa likums”, 6.pants. www.vid.gov.lv
3. vid.gov.lv
4. 11.05.1993. LR likums “Par iedzīvotāju ienākuma nodokli”11.pants,10 punkts
5. 4.22.12.2009. MK noteikumi Nr.1646 “Kārtība, kādā piemērojama patentmaksā fiziskās personas saimnieciskajai darbībai noteiktā profesijā, un tās apmēri” ar grozījumiem 17.11.2010.
6. 13.04.2000.g. LR Komerclikums, www.vid.gov.lv
7. 08.05.2007.g. LR Noteikumi par individuālo komersantu finanšu pārskatiem
8. О.Лукашина, В.Галкина, Предпринимательское право, 2005.г. 15 стр

Анализ конкурентоспособности предприятия, как оценка рисков деятельности предприятия

Елена Касюк

Студентка магистратуры «Управление и администрирование предпринимательской деятельности»

Балтийской Международной Академии, Рига, Латвия,

Elena19732@inbox.lv

Руководитель – доктор экономики, профессор БМА Т.В.Голубкова

Аннотация

В статье, приводятся результаты проведенного исследования по теме риски в предпринимательстве, представлена обоснованная детализация предпринимательских рисков и сформулированы маркетинговые риски, как первопричина в перспективном развитии деятельности предприятия. Данное исследование, позволило осуществить поставленную в работе цель: «Проанализировать причины возникновения предпринимательских рисков и предложить методику оценки рисков для их снижения». Для этого, обосновывается необходимость проведения анализа конкурентоспособности предприятия, во избежание рисков на стадии их возникновения. Представлены источники возникновения конкурентоспособности, анализ которых, позволил разработать методику оценки маркетинговых рисков на основе методов оценки конкурентоспособности предприятия. Аргументированно доказано, что проведение анализа конкурентоспособности предприятия, являются основой стратегического управления, а постоянно действующий анализ и оценка внутренних и внешних факторов, позволяет иначе оценить деятельность предприятия на рынке, при этом сокращая или исключая его риски.

Ключевые слова: риски, маркетинговая деятельность, конкуренция, конкурентоспособность.

Abstract

The article provides the results of the carried out research on the topic “Risks in the entrepreneurship, the justified detalization of entrepreneurial risks is presented, as well as the marketing risks are formulated as the prime cause in the prospective development in the activity of enterprise. This research has allowed implementing the stated goal in the paper: “To analyze the causes of occurrence of entrepreneurial risks and to suggest the evaluation methods of risks for their reduction. For this purpose is justified the necessity for carrying out the analysis of competitiveness of enterprise to avoid the risks at the stage of their occurrence. The sources of emergence of competitiveness are presented, the analysis of which has allowed developing the methodology of evaluating of marketing risks on the basis of evaluation methods of competitiveness of enterprise.

Convincingly is proved that the carrying out of analysis of competitiveness of enterprise is the basis of strategic management and permanent analysis and evaluation of internal and external factors allows differently evaluating the activity of enterprise in the market, while reducing or eliminating its risks.

Keywords: risks, marketing activity, competition, competitiveness.

Введение.

В условиях рыночной экономики, под риском в общем смысле, понимают возможность появления неблагоприятного события, которое повлечет за собой огромные издержки, т.е. потери. На современном этапе, предпринимательская деятельность, осуществляемая в жестких условиях конкуренции, не является исключением. Более того, в условиях рынка, в условиях увеличения конкурентов, риски в бизнесе имеют тенденцию увеличения.

Основные теоретические и практические положения

Предусмотреть, возможные риски на рынке, предприниматель, как субъект предпринимательской деятельности не может. Однако, глубокая детализация предпринимательского риска позволит обозначить направление и степень риска. В зависимости от степени детализации и выбранного подхода могут быть сформулированы различные определения предпринимательского риска. Одним из наиболее распространенных, является подход, согласно которому риск интерпретируется как возможность отклонения фактических результатов деятельности от ожидаемых (прогнозируемых). Чем шире диапазон возможных отклонений, тем выше риск в деятельности предприятия.

Риски в предпринимательской деятельности, как правило, рассматриваются, как финансовые риски предприятия и реже увязывают их с маркетингом. Данная позиция, не справедлива, хотя бы потому что, финансовые потери, как правило, являются следствием просчетов маркетинговой деятельности предприятия. А, это :

- ошибки при выборе рынков сбыта продукции, неточный расчет емкости и границ рынка;
- отсутствие продуманных маркетинговых стратегий, формирование и адаптированной к рынку товарной политики, продуманных политики сбыта, формирования цены, коммуникационной политики;
- слабый анализ конкурентов.

Перечисленное, может привести к недополучению доходов, необходимых для сохранения или дальнейшего развития бизнеса, невозможности реализовать продукт по нужной цене, в намеченные сроки, в рамках намеченного рынка и как следствие - снижение конкурентоспособности предприятия, что в перспективе принесет убытки и, в крайнем случае, уход с рынка.

В связи с этим, возможно сформулировать один из предпринимательских рисков, как маркетинговые риски. Однако, детализация намеченных маркетинговых рисков, учет фактических результатов деятельности предприятия и прогноз ожидаемых результатов, не даст возможность

избежать риски без оценки и глубокого анализа конкурентной среды, где осуществляет свою деятельность предприятие.

На современном этапе мирового развития конкуренция, как движущая сила вынуждает производителей товаров постоянно искать новые пути повышения их качества, снижения цены, повышения качества сервиса. В связи с дефицитностью ресурсов встает новая проблема - экономия ресурсов у потребителей товаров за счет упрощения конструкции и повышения качества товаров. Что в свою очередь, создает сопутствующий риск в маркетинговом риске в целом.

Как было доказано многими экономистами, конкуренция является движущей силой развития общества, главным инструментом экономии ресурсов, повышения качества товаров и уровня жизни населения. Этому способствует постоянно действующий механизм по улучшению конкурентоспособности товара. В связи с чем, второе.

В иерархии понятий конкурентоспособности базовым является «конкурентоспособность продукции», которая может рассматриваться для различных видов товаров. Конкурентоспособность является фактором, при котором товар и услуги предприятия, приобретают весовую значимость, прежде всего для конечного потребителя. В свою очередь, поиски возможностей повышения конкурентоспособности для большинства предприятий, зачастую заканчиваются „фатально” в виду ошибочно сделанных выводов или плохо проведенного анализа. Определение проблемы и поиск оптимального решения, является наиболее весомой задачей при проведении стратегического планирования. Таким образом, увеличение конкурентоспособности предприятия в качестве предпосылки имеет сложный процесс анализа внутренней и внешней среды предприятия, финансовый анализ, учёт статистических данных и прогнозирование возможных изменений рынка в долгосрочной перспективе.

Понятие «конкурентоспособность предприятия» в экономической литературе, чаще всего, сводится к способности предприятия производить конкурентоспособный товар.[2.3.Портер М. Международная конкуренция / М. Портер ; пер. с англ. ; под ред. и с предисловием В.Д. Щетинина. – М.:Международные отношения, 2004. – 155 с.]

Европейский форум по проблемам управления определил, что “конкурентоспособность – это реальная и потенциальная возможности фирм в существующих для них условиях проектировать, изготавливать и сбывать товары, которые по ценовым и неценовым характеристикам более привлекательны для потребителя, чем товары их конкурентов”. [4.3.Фатхутдинов Р.А. Стратегический менеджмент: Учебник. – 4е изд., перераб. и доп. М.: Дело, 2001. – 113 с.] Данное определение особенно четко приближает понимание конкурентоспособности и конкурентной среды [рис.1].

Наиболее авторитетным источником, изучающим аспекты конкурентоспособности, по мнению автора, является ежегодно публикуемый доклад под руководством К. Шваба – глобальный отчет о конкурентоспособности. У истоков этого международного исследовательского проекта стоял М. Портер, остающийся, и по сей день одним из наиболее цитируемых и почитаемых теоретиков по конкурентоспособности. [5.3. The Global Competitiveness Report 2014-2015 Доступно: <http://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2014-2015>]

Однако, учитывая, что в настоящее время предприятия могут производить различные виды продукции и одновременно работать на различных товарных (отраслевых) рынках в рамках стратегии диверсификации, на каждый данный момент времени уровень конкурентоспособности предприятия и уровень конкурентоспособности продукции, производимой им, не совпадают. Прежде всего, следует отметить, что в качестве базы для сравнения уровня конкурентоспособности предприятия используются данные по предприятиям-конкурентам, а не по производимым товарам.

Вместе с тем при сравнении данного предприятия с предприятиями-конкурентами необходимо учитывать различные категории конкурентов: прямых конкурентов (производящих такую же продукцию); косвенных конкурентов (производящих товары-заменители); потенциальных конкурентов (производящих товары или услуги, позволяющие удовлетворить данную потребность другим способом), которые могут относиться к различным отраслям или сферам деятельности.

Выбор тех или иных видов конкурентов для исследуемого предприятия зависит от целей и задач исследователя, что, в свою очередь, приводит к использованию в качестве базы для сравнения либо различных видов товаров (базовый товар; товар-заменитель; услуга, позволяющая удовлетворить данную потребность другим способом); либо различных отраслей, имеющих специфику развития конкуренции и рыночных отношений.

Большинство авторов не рассматривают понятие «конкурентоспособности предприятия» с точки зрения занимаемой доли рынка и конкурентоспособности продукции, выпускаемой предприятием. Такой подход является не совсем точным с точки зрения экономической сущности.

Анализ конкурентоспособности, как способность исключить риски предприятия, являются основой стратегического управления, исходя из чего, предприятию следует тщательно

проводить анализ посредством различных матриц. Их использование, позволяет иначе оценить деятельность предприятия на рынке, тем самым

отбросив в сторону все мыслимые и не мыслимые „псевдо-преимущества” и оставив лишь голые факты.

На рисунке 1., отображена модель для предприятий о появлении конкурентных преимуществ.

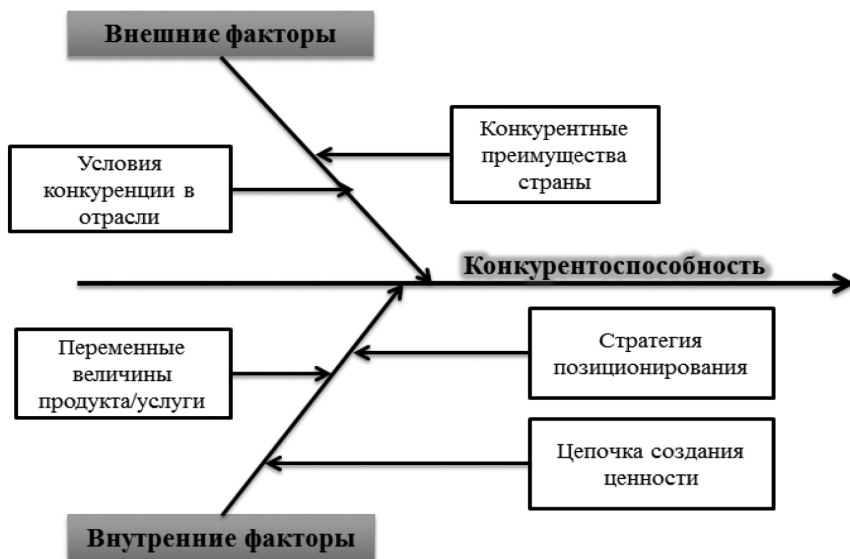

Рис. 1. Источники возникновения конкурентоспособности

Как видно из рисунка 1. конкурентоспособность определяется после проведения анализа внутренней и внешней среды.

Как отмечает М. Рыбаков в книге „Как навести порядок в своем бизнесе”, внутренняя среда – это совокупность факторов, на которые руководство предприятия должно воздействовать для того, чтобы устанавливать и поддерживать с клиентами отношения сотрудничества .[3.5.Рыбаков М. Как навести порядок в своем бизнесе. Практикум. Издательство: ИКАР, 2012. - 38 с]

По мнению Р.С. Каплан и Д.П. Нортон, анализ внутренней среды – это процесс комплексного анализа внутренних ресурсов и возможностей предприятия, направленный на оценку текущего состояния бизнеса, его сильных и слабых сторон, выявление стратегических проблем. [1.5.Каплан Р.С., Нортон Д.П. Стратегические карты. Трансформация нематериальных активов в материальные результаты. Издательство: Олимп-Бизнес, 2012 - 43 с.]

Из выше сказанного следует, что анализ внутренней среды, проводится с целью оценки стратегической позиции предприятия на рынке, с учетом

имеющихся ограничений по сильным и слабым сторонам бизнеса, т.е. наличие рисков.

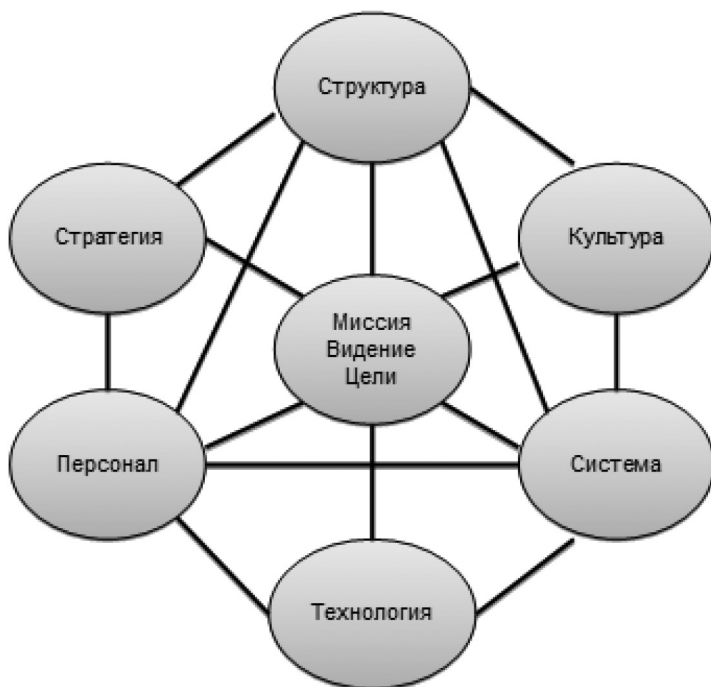

Рис. 2. Факторы внутренней среды предприятия

Особенно важным, является Необходимость идентифицировать, те внутренние переменные, которые могут рассматриваться как сильные и слабые стороны предприятия, оценить их важность и установить, какие из этих переменных могут стать основой конкурентных преимуществ. Для этого проводится анализ с использованием матрицы – SWOT.

Внешняя среда (в зависимости от характеристик факторов воздействия) разделяется на дальнее и ближнее окружение. Ближнее окружение оказывает непосредственное воздействие на системы, а дальнее – опосредованное.

Дальняя внешняя среда (или макроокружение) является частью внешней среды, но частью универсальной, общей для всех организаций. Реакция конкретной организации на воздействие макроокружения оказывается специфической, отражающей особенность каждой организации и ту конкретную ситуацию, в которой она находится.

Как отмечает И. Ларинов, макроокружение как система включает такие подсистемы, как политика, экономика, общество, социум и технологии.

В качестве примера анализа дальнего окружения внешней среды, автором приведен список критериев по четырем основным подсистемам – политика, экономика, социум и технологии [таб. 1].

Таблица 1.

Критерии дальнего окружения внешней среды

Политика	Экономика	Социум	Технологии
Изменение положения Латвии на международной арене	Динамика изменений в экономике	Изменение базовых ценностей	Государственная промышленная политика
Изменение во властных структурах государства	Изменение ставки рефинансирования ЦБ	Изменение уровня и образа жизни	Тенденции в сфере НИОКР
Отношения с органами власти	Инфляционные процессы	Экологические изменения	Новые технологические решения
Изменение законодательства	Основные внешние издержки	Изменения демографические	Новые продукты
Государственное регулирование	Экономические стратегические альянсы	Изменения структуры доходов и расходов населения	Новые технологии

По мнению И. Ларинова, все четыре указанных компонента внешней среды взаимосвязаны, поэтому анализ их воздействия на предприятие, должен быть скорректирован с учетом того, что изменение одного из факторов может как создавать новые возможности для организации, так и нести новые угрозы, т.е. создавать риски. Приоритетность указанных факторов для каждой организации имеет свою специфику.

В следующей таблице приведен пример анализа ближнего окружения внешней среды по трем основным подсистемам – поставщики, потребители и конкуренты [табл. 1.2].

Таблица 1.2.

Критерии ближнего окружения внешней среды

Поставщики	Потребители	Конкуренты
Рабочая сила	Номенклатура	Уровень конкуренции
Капитал	Ассортимент	Структура конкурентных сил
Информация	Качество	Конкурентная позиция
Энергия	Объем производства	Действия конкурентов
Материалы	Цена	Ключевые факторы успеха

Прогнозирование внешней среды позволяет организации создать перечень рисков и возможностей, с которыми она сталкивается в этой среде. Для успешного планирования, что бы в перспективе не столкнуться с рисками, руководство должно иметь полное представление не только о существенных внешних проблемах, но и о внутренних потенциальных возможностях и недостатках организации.

Заключение

Таким образом, можно отметить, что проведенные исследования в данной работе, позволили:

Сформулировать один из предпринимательских рисков, это маркетинговые риски. И, поскольку, финансовые риски, являются следствием просчетов маркетинговой деятельности предприятия, первостепенной задачей для предприятия, является оценка маркетинговых рисков. Однако, детализация маркетинговых рисков, не даст возможность избежать риски без оценки и глубокого анализа конкурентоспособности предприятия на рынке. В свою очередь, анализ конкурентоспособности, как способность исключить риски предприятия, является основой стратегического управления, исходя из чего, предприятию следует тщательно проводить анализ посредством различных матриц. Их использование, позволяет объективно оценить деятельность предприятия на рынке.

Анализ конкурентоспособности должен включать: а). анализ внутренней среды предприятия, который , проводится с целью оценки стратегической позиции предприятия на рынке, с учетом имеющихся ограничений по сильным и слабым сторонам бизнеса, т.е. наличие рисков; б). анализ ближнего окружения , по трем основным подсистемам – поставщики, потребители и

конкуренты; в). анализ внешней среды. Прогнозирование внешней среды, основанное на результатах проведенного анализа, позволит предприятию создать перечень рисков и возможностей, с которыми она сталкивается в этой среде в будущем.

Список использованных источников и литературы

1. Каплан Р.С., Нортон Д.П. Стратегические карты. Трансформация нематериальных активов в материальные результаты. Издательство: Олимп-Бизнес, 2012. - 378 с.
2. Портер М. Международная конкуренция / М. Портер ; пер. с англ. ; под ред. и с предисловием В.Д. Щетинина. – М. :Международные отношения, 2004. – 374 с.
3. Рыбаков М. Как навести порядок в своем бизнесе. Практикум. Издательство: ИКАР, 2012. - 570 с.
4. Фатхутдинов Р.А. Стратегический менеджмент: Учебник. – 4е изд., перераб. и доп. М.: Дело, 2001. – 448 с.
5. The Global Competitiveness Report 2014-2015 Доступно: <http://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2014-2015>

The marketing mix in the evaluation of competitiveness of the enterprise in the small business in the Latvian market

Julia Finaschkina

Doctoral programme “Regional economics and economic policy”

The Baltic International Academy, Latvia, Riga

E-mail: mila6ka30@inbox.lv

Scientific adviser: PhD, Prof. Tatyana Golubkova

Abstract

At the present stage, in Latvia to small business is not paid a due attention.

A special place in a small business is given to the souvenir industry, as well as its further development. The carried out research has shown that this direction is an open niche for business. The further development of this business is possible by the means of evaluation of current situation in the market of small business and analysis of competitiveness of enterprises, operating in this field. This article reflects the results of carried out analysis of competitiveness of the enterprise, using a specific example. This determines the relevance of this article. The peculiarity of this evaluation is marketing mix which allows analyzing particular enterprises of small business, implementing its activity in the field of souvenir production, using the classical model of 4P – product, price, place, promotion. It determines the goal: “to analyze the competitiveness of the enterprise of small business “Suvenīru fabrika”, Parsteigumu aģentura, Elfu fabrika, using the marketing mix.

The analysis of competitors of souvenir gifts in Latvia, according to the point system on the basis of marketing mix allowed evaluating the state of souvenir field and prospects of its further development.

Keywords: the evaluation of competitiveness, marketing mix, competitors.

Аннотация

На современном этапе, в Латвии, малому бизнесу не уделяется должного внимания. Особое место в малом бизнесе отводится сувенирной отрасли, а также ее дальнейшему развитию. Проведенное исследование показало, что данное направление является открытой нишей для бизнеса. Дальнейшее развитие данного бизнеса возможно посредством оценки сегодняшней ситуации на рынке малого бизнеса и анализа конкурентоспособности предприятий, работающих в данной сфере. Данная статья отражает результаты, проведенного анализа конкурентоспособности предприятия, используя конкретный пример. Этим обуславливается актуальность данной статьи. Особенностью данной оценки, является комплекс маркетинга, который позволяет проанализировать конкретные предприятия малого бизнеса, осуществляющие свою деятельность в сфере сувенирного производства, используя классическую модель 4-х «Р» - Продукт, цена, место, продвижение. Это определило цель: «Проанализировать конкурентоспособность предприятий малого бизнеса

„Suveniru fabrika”, Parsteigumuāģentura, Elfu fabrika с использованием комплекса маркетинга.

Анализ конкурентов сувенирной продукции в Латвии на основе бальной системы комплексмаркетинга позволил оценить текущую ситуацию в сувенирной отрасли на Латвийском рынке и перспективы развития данной отрасли.

Ключевые слова: оценка конкурентоспособности, комплекс маркетинга, конкуренты.

Topicality

At the present stage, the leading economists say about the role of small business in the development of the economy of the country. Small business for each state it is a gold fund. It takes nothing away, but only gives to the state; it not only pays taxes, but also forms working places. According to the statistics of 2014 in Latvia were 43 thousand odd of small enterprises. More statistics about 70% of all working places in Latvia belongs to the small and medium – sized enterprises. On average, for the last years, small business accounts for over 65% of the gross national product. At the same time, per thousands of residents' accounts for only 18 with a little enterprises of small business that emphasizes the necessity and prospects of development of small business in the future [3].

Basic theoretical and practical provisions

A special role in the small business takes the field of souvenir gifts. And not because in Latvia is developed the tourism industry, but because today the souvenir business in Latvia is a relatively free niche. Qualitative and interesting offers in this segment of the market is small. For the general representation of the topic, it is necessary to provide the results of the carried out survey of business information portal “Nozare.lv” industry experts.

The owner of the Dome Hotel Gundar Ozols evaluates the offered assortment of souvenirs in Latvia as poor and the called reasons are the lack of imagination and fear of risk. In addition, he considers that the souvenir business could perk up with the increase in the number of tourists in the capital.

According to the opinion of director of Hotel Bergs Iveta Sprudza, there is a lack of qualitative souvenirs, but the souvenir business could become an application area of abilities of young artists, who are just studying or have recently finished studies, she considers.

At the same time, Consultant on Tourism Aigar Smilatns argues that the industrial souvenirs will always cost out Latvia more expensive, then, at the time of order for cities with large tourist flow. As for handicrafts, then they are expensive around the world. The expert believes that the dealer's margin for souvenirs is too high.

On the need for the promotion of trade of souvenirs and its production in Latvia always says Mayor of Riga – Nil Ushakov. According to his opinion, the situation, when the street vendor sells the usual mittens for 35-42 euro is abnormal.

The Vice Mayor Ainars Slesers on his part added that Riga has no single, pelicular only to it souvenir, there is a lack of souvenirs with the logo of the city. [4]

In order to get the idea of the situation, which now exists in the Latvian market in the production and sale of souvenir gifts, it is necessary to provide the assessment of competitiveness of enterprises, operating in field of souvenir production.

The analysis of competitiveness will allow to get to know the strengths and weaknesses of competing enterprises, as well as to get to know who is the leader in this field and who is able to improve the current situation in the market. For the analysis are used the specific enterprises, offering the same type of product in the Latvian market, these are: „Suvenīru fabrika”, Parsteigumu aģentura, Elfu fabrika [5].

For the analysis of competitiveness of the enterprise is used the method of the point system on the basis of classical model of marketing mix of 4P – product, price, place, promotion [1.124].

The data which are needed for the evaluation of competitiveness were systemized by the author in the table (See table 1). In the table are mentioned the most common parameters that characterize the main factors of the competitiveness, each of the parameters gets a quantitative assessment on the basis of specially developed classificatory for this analysis, suggesting the evaluation on a scale from 0 to 100%.

The analysis of competitors according to the “4P” element – product, as the main source of income includes the assessment of width and depth of the assortment [2.41].

Table 1.

№	Factors of competitiveness	Elfu fabrika	Parsteigumu aģentura	Suvenīru fabrika
1	Width of assortment	10%	10%	5%
2	Depth of assortment	15%	5%	10%
	Total	25%	15%	15%

The analysis of the second element of “4P” – price includes an assessment of the availability of discounts and level of prices. The results of an evaluation are presented in the table 2.

Table 2

The comparison of competitors of “4P” element - price

№	Factors of competitiveness	Elfu fabrika	Parsteigumu aģentura	Suvenīru fabrika
1	Discounts	0	0	0
2	Level of prices	15%	10%	15%
	Total	15%	10%	15%

The analysis of the third “4P” element – place includes the assessment of availability of infrastructure (the availability of the public transport), convenient location of sales of production. The results of the evaluation are represented in the table 3.

Table 3

№	Factors of competitiveness	Elfu fabrika	Parsteigumu aģentura	Suvenīru fabrika
1	Infrastructure (the availability of the public transport)	10%	15%	15%
2	Place (location)	10%	15%	15%
3	The availability of parking (number)	10%	10%	15%
	Total	30%	40%	45%

The final stage of analysis of competitors is evaluated on the fourth element of marketing mix – promotion, including the assessment of advertising and availability of popularity. The results are represented in the table 4.

Table 4

The comparison of competitors on the “4P element - promotion

№	Factors of competitiveness	Elfu fabrika	Parsteigumu aģentura	Suvenīru fabrika
1	Placement of advertising	10%	10%	15%
2	The level of popularity among consumers (questionnaire)	15%	5%	10%
	Total	25%	15%	25%

In order to understand what enterprise of souvenir production takes the leading position and is the leader in the Latvian market on the basis of assessments obtained in the result of carried out analysis of competitiveness, represented in the tables 1; 2;3; 4, are summarized and represented in the free table 5.

Table 5

The free table of analysis of competitiveness in %

№	Factors of competitiveness	Elfu-fabrika	Parsteigu-muaģentura	Suvenīru fabrika
1	Product	25%	15%	15%
2	Price	15%	10%	15%
3	Place	30%	40%	45%
4	Promotion	25%	15%	25%
	Total	95%	80%	100%

The summarized results, represented in the table 5, the author represents in the form of diagram (See Figure 1).

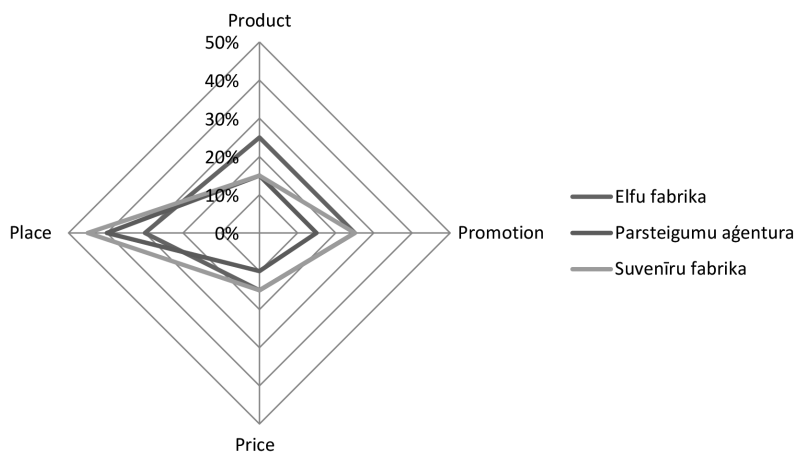

Figure 1. The analysis of competitiveness of enterprises of souvenir products in the Latvian market

Having analyzed the table 5 and 4 it is possible to conclude that the enterprise „Suvenīru fabrika” takes the leading position. The weaknesses of the enterprise „Suvenīru fabrika” are product and price. The second place takes „Elfu fabrika”. The strength of this enterprise is product (assortment). And the last place takes

the enterprise „Parsteigumu aģentura”, the weakness of which is location. The weakest point is price.

Conclusions:

The carried out researches on the state of the small business in Latvia have allowed determining that business – niche of souvenir business as one of the directions of small business at the modern stage is open and free. This fact determines the good prospects of development in this direction in the future.

For the determination of prospects of development of souvenir production, has identified the need of carrying out of analysis of existing business – subjects in the market. For their evaluation was made the analysis of competitiveness of three, leading structures of souvenir field: „Suvenīru fabrika”, Parsteigumu aģentura, Elfu fabrika.

For the analysis of competitiveness of the enterprise was used the method of the point system on the basis of classical model of marketing mix of 4P – product, price, place, promotion. For the assessment of competitiveness were represented the summarized parameters in the tables which represent the characteristic of the main factors of competitiveness on the basis of the specially developed classificatory for this analysis.

The carried out analysis of competitiveness has shown that the leading position in the market takes the enterprise „Suvenīru fabrika”. The weakest points of the enterprise „Suvenīru fabrika” are product and price. The second place takes „Elfu fabrika”. The strength of this enterprise is product (assortment). And the last place takes the enterprise „Parsteigumu aģentura”, the weakness of which is location. And the weakest point is price.

Conclusion

Thus, it can be argued that all the examined enterprises have their disadvantages. The enterprises, as well as a whole, the souvenir field should make efforts for their future development. To solve this problem is possible by the means of attraction of investments in the souvenir field and enterprises can solve this problem by the means of attraction of new labor forces.

References

1. Капон Н., Колчанлв В., Управление маркетингом: Учебник для вузов/ Пер. с англ. под ред. В. Б. Колчанова. – СПб: Питер. 2010. – 563 стр.
2. Котлер Ф., Основы маркетинга. Краткий курс: Пер. с англ. – М., Издательский дом „Вильямс”, 2007. – 425 с.
3. <http://rus.delfi.lv/archive/kakoj-proby-zolotaya-seredina.d?id=9015831>
4. <http://www.mixnews.lv/ru/economics/news/>
5. <http://suvenirufabrika.lv/ru/kontakty>
6. <http://elfufabrika.lv/>
7. <http://parsteigumuagentura.lv/en/jaunumi>

Оценка перспектив развития медицинского туризма в Юрмале

Мargarita Шалаева

докторант, программы «Региональная экономика и
экономическая политика»

Балтийская международная академия, Рига, Латвия
margarita@ltravel.lv

Аннотация

В данной статье рассмотрены характерные особенности латвийского города-курорта Юрмала, включая сложившуюся в городе ситуацию с деловой активностью. Уделено внимание природным ресурсам города и возможностям развития лечебно-оздоровительного туризма в качестве альтернативы или дополнения к туризму рекреационному. Рассматриваются бенефиции Юрмалы с случае организации Специальной Экономической Зоны поддерживающей различные виды предпринимательской активности, направленной на развитие в г.Юрмала лечебно-оздоровительного туризма.

Ключевые слова: Юрмала, туризм, медицинский туризм, ресурсы, природа, рекреация, минеральные воды, Свободная экономическая зона

Abstract:

This article describes the characteristics of the Latvian resort city of Jurmala, including the current situation in the city with business activity. Attention is paid to the natural resources of the city and the possibilities of health tourism as an alternative or complement to tourism and recreation. We consider the benefice of Jurmala with the case of the Special Economic Zone supports various types of entrepreneurial activity, aimed at the development in Jurmala health tourism.

Keywords: Jurmala region, tourism, medical tourism, resources, nature, recreation, mineral water, Special Economic Zone

Введение

Латвия относится к числу европейских стран, которые не располагают обширными минеральными запасами. Степень развития промышленности так же уступает соседям из стран Северной и даже Восточной Европы. В этой связи весьма актуальной становится задача эффективного использования имеющихся ресурсов, в частности - для развития въездного туризма лечебно-оздоровительной направленности.

Под лечебно-оздоровительным туризмом чаще всего понимается посещение места отдыха с целью прохождения определенного курса

медицинских процедур, в отличие от рекреационного туризма, когда медицинская составляющая отдыха отсутствует, или не имеет важного значения.

Основные теоретические и практические положения

В крупнейшем латвийском курорте — Юрмале исторически развивались оба эти направления — как рекреационное, так и медицинское. Однако, в последние два десятилетия, в силу политических изменений Юрмала стала в основном местом рекреационного отдыха, при этом медицинско-курортная составляющая стала разрушаться.

Однако существует точка зрения, что именно лечебно-оздоровительный туризм может способствовать развитию города Юрмала, а так же всей национальной экономики Латвии. В настоящей работе, посвященной утверждению этого тезиса, рассмотрена ситуация, сложившаяся на рубеже 2014 и 2015 годов, и предпосылки к переориентации курорта Юрмала с рекреационного на лечебно-оздоровительный туризм, а так же возможности, которые могут возникнуть в случае создания специальной Свободной Экономической Зоны (СЭЗ).

Курортные факторы г.Юрмала

Для развития лечебно-оздоровительного (или, как его еще называют — медицинского) туризма в Юрмале есть ряд предпосылок, сложившихся в течении двухвековой истории развития этого города-курорта. Прежде всего это природные особенности Юрмалы, расположенного посередине соснового леса, растущего на песчаных дюнах между рекой Лиелупе и побережьем Рижского залива. Чистый воздух, при отсутствии выбросов промышленных предприятий обогащен фитонцидами, имеются отличные пляжи, развитая инфраструктура для отдыха и развлечений. Западная часть Юрмалы с Национальным парком Кемери располагает залежами лечебных грязей и сапропелей, здесь имеются источники минеральных вод, содержащих сероводород и бром.

Юрмала развивается как бальнеологический курорт и место отдыха уже более 200 лет, и обладает международной известностью. В частности, девять лет подряд пользователи российского интернет-портала www.travel.ru называли Юрмалу лучшим курортом Балтийского моря, в 2010 году Юрмала получила Диплом Еврокомиссии за лучшее европейское место для отдыха - European Destination of Excellence award (1). В 2014 году Всемирная организация здравоохранения отметила Юрмалу как город здоровья в третий раз (2).

Мировые тенденции в туризме

В настоящее время, несмотря на определенные застойные явления в мировой экономике туризм по-прежнему остается одной из наиболее динамичных ее отраслей, обеспечивая более 277 млн. рабочих мест и 9.8% мирового ВВП (3). По данным Всемирного совета путешествий и туризма (WTTC) в рейтинге The Travel & Tourism Competitiveness Index Ranking за 2015 год Латвия занимает 53 место. (9) При этом она уступает России и Польше (45-ое и 46-ое место), Эстонии (39-ое место), и Финляндии (22-ое место).

Стагнационные процессы в европейской и российской экономиках вместе с тем играют на руку Латвии вообще, и Юрмале в частности, так как уровень цен за соизмеримые услуги в Латвии ниже чем в большинстве европейских стран и крупных городах СНГ. Это касается в том числе медицинских и сервисных услуг.

При этом для Евросоюза и соседних стран остается актуальной тенденция старения населения, и роста востребованности сервисных, оздоравливающих и медицинских услуг. Вопрос цены услуг при стандартизации их уровня в пределах Евросоюза стимулирует международный медицинский туризм, как и признание национальными организациями социального страхования расходов на иностранные услуги в пределах ЕС.

Вместе с этим растет спрос на использование натуральных продуктов питания, косметики, лекарственных средств. Все эти позиции вполне возможно предлагать в Латвии, и в Юрмале в частности.

Структура экономической активности г. Юрмала

В результате изучения данных 3,5 тысяч юрмальских предприятий на основании данных компании Lursoft за 10 лет, с 2004 по 2014 гг., основным видом деятельности медицину и социальный уход назвали 40 предприятий (4). В городе действует 3 больницы, 11 специализированных лечебных учреждений, 11 стоматологических клиник и кабинетов, 4 санатория и реабилитационных. Совокупный оборот таких предприятий в 2014 году составил 28,7 млн. евро, количество занятых – 1591чел. (См. график 1). Соотношение сотрудников в медицинских учреждениях к количеству койко-мест составляет 0.90 - 1.40, что более чем в 2-3 раза превышает аналогичное соотношение в отелях.

Абсолютное большинство юрмальских предприятий – 3305 или 93,5% согласно классификации ЕС (оборот не превышает 2 млн. евро и численность персонала 9 человек) можно отнести к микропредприятиям. Малых предприятий (с оборотом от 2 до 10 млн. евро и количеством работников от 10 до 49 человек) в Юрмале 29. Средних (с оборотом от 10 до 50 млн. евро) – всего 4, а с учетом персонала от 50 до 249 человек – 29 предприятий. Крупных (с оборотом более 50 млн. евро) в городе-курорте нет, однако на 4 предприятиях количество работников превышает 250.

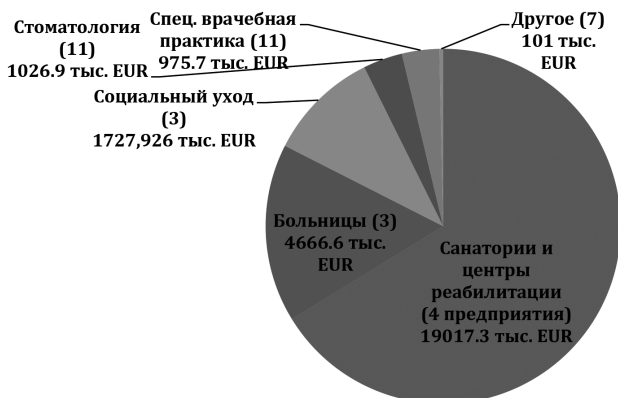

График №1. Медицинские и социальные учреждения Юрмалы: количество и оборот, 2014 г.

Источник: составлено по данным Lursoft statistika за 09.09.2015

Согласно классификации NACE, в 2014 году больше всего в Юрмале действовало предприятий оптовой и розничной торговли (642). Второе место занимают предприятия, связанные со строительством и недвижимостью (435). На третьем месте предприятия общественного питания (135). Совокупный оборот предприятий Юрмалы увеличился с 171 млн. евро в 2004 году до 348 млн. евро в 2007 году и 399 млн. евро в 2014 году. Соответственно, в эти периоды росла и прибыль: 4,6 млн. евро, 16,2 млн. евро и 23,6 млн. евро. Если в 2004 году на предприятиях Юрмалы было занято 8,4 тыс. чел., то в 2014 году численность работников составила 12,2 тыс. человек.

Инвестиционная привлекательность г.Юрмала

Инвестиционная привлекательность Юрмалы до настоящего времени в значительной мере была связана с возможностью получения вида на жительство ЕС (ВНЖ) гражданами таких стран как Россия. Прежде всего это касается инвестиций в недвижимость.

Согласно данным Lursoft за 2014 год, из 3,5 тысяч предприятий Юрмалы, 647 иностранных инвесторов вложили в капитал 558 компаний, общая сумма накопленных прямых иностранных инвестиций (ПИИ) на 09.09.2015. составила 63,9 млн. евро. Инвестиции первой сотни крупнейших инвесторов составили чуть более 62 млн. евро, из которых почти 46 млн. евро – инвестировано 20 зарубежными предпринимателями. (6)

Происхождение как минимум половины крупнейших зарубежных компаний из России, всего из стран СНГ 64 инвестора. 38 инвесторов пришли из ЕС и 10 из других стран – Саудовская Аравия, Белиз, Сингапур и др.

ТОП 10 крупнейших иностранных инвесторов в Юрмале

№	Инвестор	Страна	Инвестиции, EUR	Предприятие в Юрмале	Основной вид деятельности (NACE)
1	Шефлер Юрий (Scheffler Yuri)	Великобритания	11,253,493.00	Meierovica 35, SIA	Недвижимость
2	LP CARMIN CAPITAL	Великобритания	5,000,100.00	R89, SIA	Недвижимость
3	Думенко Петро (Dumenko Petro)	Украина	2,718,056.53	DiGas, SIA	Производство
4	OLTIUS LIMITED	Кипр	2,330,664.03	BURTNIIEKU 21, SIA Lielupes sporta un atpūtas centrs, SIA	Недвижимость
5	XL TOP LTD	Великобритания	2,069,100.00	Centerbridge, SIA Griffin Baltic Residential, SIA	Недвижимость, спорт
6	ООО "FASIS"	Россия	2,000,000.00	CRESCERE, SIA	Недвижимость
7	ООО "Krustol"	Россия	2,000,000.00	CRESCERE, SIA	Недвижимость
8	ООО "RMS grupp"	Россия	2,000,000.00	CRESCERE, SIA	Недвижимость
9	ООО "Softlain"	Россия	2,000,000.00	CRESCERE, SIA	Недвижимость
10	Вознесенская Виктория (Voznesenskaya Victoria)	Россия	1,700,047.24	LN 25, SIA	Недвижимость
	Итого ТОП 20		45,956,198.57		
	Всего 100 инвесторов		62,079,819.06		

Источник: (6)

Следует отметить, что часто за такими странами как Великобритания или Кипр скрываются инвесторы из других стран, к примеру, крупнейшим инвестором Юрмалы является россиянин Юрий Шефлер, чьи британские инвестиции в капитал юрмальских предприятий составляют 11,254 млн. евро.

В списке 20 крупнейших предприятий Юрмалы с иностранным капиталом, куда вошли компании с инвестициями не менее 1 млн. евро (в таблице 1 представлены первые 10 предприятий) 14 крупнейших инвесторов вложили свои средства в предприятия связанные с недвижимостью, и лишь одна крупная инвестиция связана с вложением в капитал предприятия медицинско-рекреационного типа.

Программа представления ВНЖ при условии покупки недвижимости в Латвии, действовавшая с 2010 года делала Юрмалу весьма привлекательным местом для обеспеченных жителей, прежде всего, России. Однако с 1 сентября 2014 года, когда были приняты поправки о порядке выдачи видов на жительство резко сократилось количество запросов ВНЖ, и можно говорить об окончании инвестиционного бума на рынке недвижимости Юрмалы. (7)

Мало того, на основании анализа деловой активности в Юрмале (4) можно отметить, что ее пик как раз пришелся на 2010 – 2014 годы. Если в год вхождения в ЕС в Юрмале было открыто 111 новых предприятий, а в предкризисном 2007 году 160 предприятий, то в 2014 г. соответственно 333 предприятия.

Очевидные перспективы развития г.Юрмала

Бум инвестиций в недвижимость в последние полтора десятилетия рекреационного туризма в Юрмале заслонил собой процессы развития в медицинской отрасли. Однако в это время в Юрмале проходила определенная работа, направленная на ее развитие или, точнее — сохранение. В частности, ряд предприятий медицинского направления смогли усовершенствовать и обновить свою инфраструктуру с использованием фондов Евросоюза, привлекались внешние инвестиции, пропагандировалось развитие Юрмалы в данном направлении.

Вступление Юрмалы в Европейскую ассоциацию Spa-курортов, а также получение Юрмалой в 2013 году статуса города-курорта способствовали укреплению позиции города именно как центра медицинско-оздоровительного направления.

Латвийские специалисты отмечают, что для развития отрасли требуется целенаправленные усилия в самых разных областях — в частности, необходима поддержка научно-исследовательской и инновационной деятельности. В частности, следует развивать бальнеологические исследования, разработки в области традиционной и народной медицины,

связанные с использованием латвийских природных ресурсов. Требуется организация медицинского образования в области курортологии. (8)

Однако, вместе с определенными успехами можно наблюдать так же отсутствие долгосрочной стратегической идеи развития Юрмалы. В списке инфраструктурных проектов значатся восстановление курортного парка Кемери, организация биоклиматической станции, новых пешеходных дорожек и прогулочных зон, а также велотрасс. Все это лишь часть большой необходимой работы, которую можно выполнить, лишь поставив перед собой стратегическую цель — превращение Юрмалы в полноценный курортный город.

Заключение

СЭЗ как решение проблем г.Юрмалы.

Представляется необходимым создание региональной специальной Свободной Экономической Зоны, ориентированной на установление особо благоприятных условий для компаний и инвесторов, связанных с медицинско-оздоровительным туризмом, включая учреждения здравоохранения и курортологии, а также гостиничный бизнес, предприятия общественного питания и турфирмы в Юрмале, Риге и Рижском районе.

Подобная СЭЗ позволила бы усилить возможности Юрмалы за счет близости столицы страны — Риги, с ее мощным медицинским потенциалом. Это позволило бы включить в проект и предприятия промышленности, выпускающие лечебную косметику, фитопрепараты, лечебные минеральные воды и т.д.

Подобная СЭЗ, без сомнения, позволит уменьшить зависимость Юрмалы от сезонности туристического потока и активизировать интерес иностранных инвесторов, как тех, кто уже работал на местном рынке, так и новых. Изобилие пустующих объектов недвижимости стало бы фактором, позволившим быстро нарастить возможности приема гостей города, которые также могут в перспективе инвестировать в новые предприятия. (4)

Развитие подобной СЭЗ позволило бы сохранить национальные медицинские кадры, и уберечь их от экономической миграции, привлечь молодежь к изучению соответствующих профессий и работе в Латвии. Это бы способствовало улучшению ситуации в рекреационном бизнесе, в частности в связи с тем, что туристы, прибывающие с оздоровительными целями, находятся в городе в несколько раз дольше, чем с чисто познавательными или культурными.

Юрмала могла бы предлагать возможности оздоровления участникам международных конференций, семинаров, и прочих мероприятий, шансы на проведение которых в Риге несомненно бы возросли. Все это позволило бы стать Юрмале более качественным городом для жизни местного населения, и мотором для развития национальной экономики.

Список литературы

1. Jūrmala – the Biggest Seaside Resort in the Baltics, Live Riga [официальный сайт] <http://www.meetriga.com/en/7476-why-jurmala>
2. Third time Jūrmala receives Healthy cities certificate, Tourism.jurmala.lv [официальный сайт] http://www.tourism.jurmala.lv/page/1762&news_id=3298&comments=news
3. 5 Charts That Show Why the Travel Industry Is the World’s Fastest Growing Sector, [Электронный ресурс] <http://skift.com/2015/06/08/5-charts-that-show-why-the-travel-industry-is-the-worlds-fastest-growing-sector/>
4. Margarita Shalaeva, BIA, The main indicators of the companies’ operation at the resort city Jūrmala/ Основные показатели деятельности предприятий города-курорта Юрмалы
5. Данные Регистра предприятий Латвии по предприятиям Юрмалы. Рига. Lursoft. 09.09.2015.
6. Olga Pavuk, Dr.Oec, BIA, The role of foreign direct investments in the economics of Jūrmala/ Роль прямых иностранных инвестиций в экономике Юрмалы
7. Резко сократилось число запросов на ВНЖ в обмен на покупку недвижимости, 01.12.2014, Delfi, [Электронный ресурс] <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/rezko-sokratilos-chislo-zaprosov-na-vnzh-v-obmen-na-pokupku-nedvizhimosti.d?id=45297216>
8. Veselības tūrisma veicināšana. Jūrmala. Aleksandra Stramkale, Tūrisma un ārējo sakaru nodaļas galv.specīāliste, Rīgas plānošanas reģions [Официальный сайт], <http://www.rpr.gov.lv/uploads/filedir/NAP%202014-2020/Veselibas-turisms.pdf>
9. В мировом рейтинге Travel & Tourism Эстония опережает Латвию и Литву, 09.11.2015 Балтийский курс, [Электронный ресурс] (http://www.baltic-course.com/rus/_analytics/?doc=112669)

Культурный туризм, как аспект социально-культурного развития регионов

Екатерина Палочкина

Управление предпринимательской деятельностью и администрирование,
Балтийская Международная Академия, Рига, Латвия
ekaterinapalochkina@gmail.com

Галина Березкина Эль Джамиль

Управление предпринимательской деятельностью и администрирование,
Балтийская Международная Академия, Рига, Латвия
galina.berjozkina@inbox.lv
руководитель: doc.Veronika Silinevič

Аннотация

Актуальность исследования культурного туризма, выявление его потенциала как ресурса социокультурного развития регионов связаны с потребностями управленческой практики и с долгосрочным прогнозированием развития территории. Результаты такого анализа будут важны и для профессиональной среды - предпринимателей, специализирующихся на организации культурного туризма в разных странах, работников туристического сервиса и учреждений культуры, а также для структур власти разного уровня, внимание и влияние которых на рынок туристических услуг должно быть не меньшим, чем на другие социально-экономические сферы.

Ключевые слова: культурный туризм, социально-культурное развитие, развитие регионов.

Abstract

The relevance of the study of cultural tourism, identifying its potential as a resource for socio-cultural development of the regions linked to the needs of management practices and long-term forecasting of development of the territory. The results of this analysis will be essential for the professional environment - businessmen, specializing in the organization of cultural tourism in different countries, the employees of the tourist services and cultural institutions, as well as for the power structures of different levels, attention and influence on the market of tourist services should be not less than other socio-economic spheres.

Key words: cultural tourism, socio-cultural development, regional development.

Введение:

В современном мире туризм является одной из крупнейших высокодоходных и наиболее динамичных отраслей экономики, туризм рассматривается как отрасль, стимулирующая местную экономику,

повышающая благосостояние и влияющая на качество и уровень жизни населения страны.

Сегодня во всём мире наблюдается динамичное развитие международного туризма, а, следовательно, идёт увеличение использования культурных и природных ресурсов принимающих стран. Природная любознательность туриста в отношении различных уголков мира и населяющих их народов образуют один из наиболее сильных туристических мотивов. Возрастает количество туристических поездок с культурно – познавательными целями. Новое понимание культуры в общественном развитии и осознание необходимости сохранения культурного многообразия в мире расширяет перспективы культурного туризма, как ресурса регионального развития, а также влияния на социальную и культурную сферу, экологию, внешнеэкономическую деятельность и международные отношения. Это связано с тем, что в современном мире туризм из преимущественно экономического явления превращается в феномен социального и культурного порядка.[1]

Цель исследования: определить сущность культурного туризма, как общественного явления, оказывающего существенное влияние на экономическую сферу. Объект исследования - культурный туризм, как неотъемлемая часть социокультурной сферы современного общества.

Актуальность исследования культурного туризма, выявление его потенциала как ресурса социокультурного развития регионов связаны с потребностями управленческой практики и с долгосрочным прогнозированием развития территории. Результаты такого анализа будут важны и для профессиональной среды - предпринимателей, специализирующихся на организации культурного туризма в разных странах, работников туристического сервиса и учреждений культуры, а также для структур власти разного уровня, внимание и влияние которых на рынок туристических услуг должно быть не меньшим, чем на другие социально-экономические сферы.

Основные теоретические и практические положения

Один из факторов, стимулирующих развитие культурного туризма на современном этапе, обострение конкуренции между туристическими странами и регионами. Развитые в туристическом отношении страны уже не могут увеличивать количество принимаемых ими туристов за счёт плотности и уровня комфорта туристической инфраструктуры. Здесь во многом уже достигнуты пределы возможного. Поэтому ставка делается не на рост мощности турпотоков, а на интенсивность туристических программ, и эффект достигается прежде всего за счёт культурных компонентов. Именно они позволяют существенно увеличить конкурентоспособность страны на международном туристическом рынке.

Культурная жизнь Риги никогда не была бедной: празднование Нового Года, Лиго, Дни города; культурная программа председательства в Совете ЕС, праздник песни Балтийских и Северных стран, Школьный праздник песни и танца, культурный фестиваль Baltica и т.д.

В 2015 году в Ригу прибыло:

- 4 млн. 399 тыс. туристов, из которых всего около 36% транзитных, самолетом;
- 19 тыс. 222 туриста поездом;
- 477 тыс. 338 туристов пересекло границу на автомобиле.

Всего: 4 млн. 895 тыс. туристов и лишь малая часть из них посетила не только столицу Латвии — Ригу, но и другие города и их туристические объекты.

На территории Латвии работает большое количество предприятий, осуществляющих реализацию туристических услуг. По состоянию на ноябрь 2015 года в Риге зарегистрировано 115 туристических фирм и еще 19 в других городах Латвии. Большинство туристических фирм республики являются турагентами и реализуют среди местных жителей туры за рубеж. Среди прочих предложений эти фирмы предлагают и туры по Латвии.

Практически ни одна туристическая фирма Латвии не делает ставку на комплектование и продвижение местного культурно-туристического продукта на международный рынок, что не способствует большому числу прибытий в Латвию иностранных гостей, ввозу иностранной валюты и, соответственно, развитию туристической индустрии.

На рынке туристических услуг представлены разные экскурсионные программы по Латвии. Чаще всего организуются обзорные и тематические автобусные экскурсии по городам - Сигулда, Вентспилс, Даугавпилс, Юрмала для школьных групп и гостей республики.

Но при отсутствии должной рекламы, а также субъектов туристической деятельности в отдаленных от столицы районах, они в настоящее время не стали маршрутами массового туризма.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что в Латвии при наличии богатого историко-культурного потенциала наблюдается слабое развитие культурно-познавательного туризма. Отсутствие заинтересованности и инициативы на местах не позволяет подключить к реальному использованию богатейший потенциал городов и малых поселений республики. Лишь некоторые из них смогли получить «туристическую» специализацию и известность (например, Юрмала). Впрочем, и в этих местах туризм не смог оказать значительного влияния на экономику города или района, так как не связан с хозяйственным развитием. Преодоление этих негативных тенденций предполагает разработку и продвижение новых туристическо-экскурсионных маршрутов и программ в Латвийской Республике и

прилегающих к ней областей. Разрабатываемые программы должны быть ориентированы на сохранение культурного наследия, на создание и реконструкцию туристического хозяйства с целью повышения его роли в формировании доходной части бюджета республики.

Развитие туризма, как эффективной отрасли экономики, важно и в связи с тем, что в настоящее время Латвия не имеет возможности выделять средства, необходимые для сохранения историко-культурного наследия.

Поэтому необходима интеграция природного и историко-культурного наследия в социально-экономическую структуру регионов, в том числе путем организации регулируемого доступа к ресурсам. На базе туристических ресурсов можно развивать предпринимательство, в том числе привлекая ресурсы местного населения и создавая тем самым дополнительные рабочие места. Развитие туризма является самостоятельной и весьма важной в ряде стран отраслью экономики со своими законами, канонами и традициями. Комплексное решение проблем, связанных с развитием туризма, требует привлечения внешних ресурсов (интеллектуальных, материальных и финансовых). Кроме того, потребуется выстроить сеть партнерских отношений государственных и региональных органов власти и управления, органов местного самоуправления, туристических фирм, инвесторов, представителей частного сектора, местного населения и других.

Список использованной литературы

1. Сенин В.С. Организация международного туризма: Учебник. – М.: Финансы и статистика, 2003. – 400с.

Влияние государства на рыночную экономику по средствам ввода новых законов.

Андрей Ионкин

Программа «Управление и администрирование
предпринимательской деятельностью»
Балтийская Международная Академия, Рига, Латвия
andrejsjonkins@inbox.lv
Научный руководитель: Veronika Siliņeviča
Балтийская Международная Академия, Рига, Латвия

Аннотация

В данной статье рассматриваются плюсы и минусы ввода новых законов, их влияние на экономику и потенциальные действия участников рынка. Закон «О запрете нечестной практике в розничной торговле» и новый порядок уплаты НДС при торговле электроникой должны положительно повлиять на экономику Латвии, в том числе на налоговые сборы страны.

Ключевые слова: закон , институт, рынок, бизнес

Abstract

This article looks at advantages and disadvantages of the introduction of new laws and their impact on the economy and potential actions of market participants. The law “On the prohibition of unfair practices in the retail trade” and a new procedure for payment of VAT when trading electronically should have a positive impact on the economy of Latvia, including the country’s tax revenues.

Key words: law, institution, market, business

Введение.

21 мая 2015 года был принят новый закон «О запрете нечестной практике в розничной торговле» , который вступит в силу с 1 января 2016 года.

Данный закон, на первый взгляд, помогает производителям и оптовым торговцам получить более выгодные условия в сотрудничестве с розничными сетями.

Основная мысль закона очень правильная, более того – необходимая. Розничные сети, которые известны своими официальными сборами, в отсутствие такого закона чувствуют себя очень комфортно, ведь каждый бизнесмен желает увеличить оборот компании и готов ради этого идти на некие финансовые жертвы, даже если они не имеют ничего общего с необходимыми расходами.

Основные теоретические и практические положения

Рассмотрим, например бонусы, которые традиционно требуют розничные сети:

1 Основная масса розничных сетей требует выплаты бонуса за маркетинг. Что же скрывается под названием «бонус за маркетинг»? Как правило это просто дополнительный заработок розничной сети. С одной стороны название бонуса говорит о том, что розничная сеть на эту сумму должна организовать некую маркетинговую деятельность, в реальности никаких проектов розничная сеть не делает, более того требует с поставщика предоставить его маркетинговый план, на основании которого должны увеличиться продажи в данной сети.

2 Также очень большой популярностью пользуется бонус за объем продаж. В отличие от бонуса за маркетинг этот бонус кажется более – менее обоснованным и логичным. Но, возникает вопрос с его расчетом. Если его считать от нетто закупочной цены сети за вычетом остальных «поборов» то это вполне приемлемая стимуляция сети. Но обычно сети просят этот бонус считать с полной закупочной (а некоторые сети даже с продажной!!!) цены с налогом и без вычета остальных бонусов, что делает этот бонус не таким эффективным и существенно более чувствительным для оптового продавца.

3 Еще один чудо бонус – бонус за логистику. Несмотря на то, что основная масса поставщиков не использует логистику предлагаемую розничной сетью, представители сети настаивают на выплате бонуса за логистику, причем такой бонус в процентном соотношении может превысить сумму двух вышеупомянутых бонусов. Этот бонус не только не логичен, но и является прямым нарушением любых нравственных и моральных норм.

Конечно, далеко не все поставщики соглашаются на выплату вышеуказанных бонусов и все это предмет переговоров, но многие поставщики, особенно новички на рынке, вынуждены соглашаться с условиями розничных сетей, чтобы хоть как то увеличить оборот компании. Также большое количество новых игроков прогорает именно из-за невнимательности или попросту неумения посчитать конечные расходы связанные с продажей своей продукции через розничные сети.

Второй момент, который стоит рассмотреть – отсрочки платежей, которые требуют розничные сети от оптовых продавцов.

На данный момент нормальной считается отсрочка платежа 60-90 дней. Если это неликвидный товар то вопросов нет, но если товар оборачивается за 5-7 дней возникают вопросы в обоснованности такой большой отсрочки платежа.

Возьмем, например, оборот всего 50000 евро в месяц с оборачиваемостью товара за 10 дней. Получается, что к моменту оплаты (возьмем 90 дней) розничная сеть имеет балансе задолженность в 150 000 евро с реальным

наличием товара примерно на 25000 (при такой оборачиваемости товара сеть держит примерно двухнедельный запас продукции). Таким образом получается у розничной сети образуется беспроцентный кредит, который можно использовать инвестирую в любое другое направление и главное - его не надо гасить! Все время сотрудничества с компанией поставщиком эта задолженность просто висит на балансе давая возможность развития розничной сети, но тормозя при этом перспективы развития поставщика.

По совокупности двух факторов (отсрочки платежа и бонусов) такой закон очень нужен с точки зрения логики бизнеса и защиты оптовых продавцов от своеволия розничных сетей, но закон явно недодуман и первое, что предпринимают розничные сети это в ультимативной форме требуют от поставщиков снизить закупочную цену именно на суммарный процент всех запрещенных новым законом бонусов. Пока нет четкого представления, как розничные сети будут бороться с сокращением отсрочки платежей, но основные направления очевидны – опять же снижение закупочной цены и ужесточение логистических требований к поставщикам (например, существенное сокращение сроков поставки товара после заказа представителя розничной сети, что в свою очередь приведет к существенному увеличению издержек на логистику со стороны поставщика).

Так же сокращение отсрочки платежа, с большой долей вероятности, приведет к задержке оплат со стороны розничных сетей и как результат к конфликтным ситуациям между розничными сетями и оптовыми продавцами.

Но, несмотря на все минусы и сложности данного закона, считаю это хорошим первым шагом со стороны государства на встречу производителям и оптовым продавцам. Даже при условии, что розничные сети получают свои бонусы через увеличение торговой наценки или завышенную стоимость мест в рекламных сетевых печатных изданиях, напрямую попросить бонусы уже не получится.

Если, будет принят закон, который должен измениться порядок уплаты НДС при торговле электроникой* (законопроект будет рассмотрен уже в этом году) и при условии, что аналогичные законы будут приняты и на другие товары, это будет уже второй серьезный шаг на встречу оптовому бизнесу Латвии.

Благодаря данному нововведению, для честного предпринимателя по сути ничего не изменится. Придется внести лишь несколько изменений в бухгалтерские программы и единственное неудобство, если например компания торгует оптом электроникой и бытовой техникой придется

* закон предусматривает изменение в порядке уплаты НДС. В будущем планируется, что оптовый продавец выписывая накладную, указывает цены с нулевым налогом (НДС) , а сумму налога (на данный момент 21%) оплачивает розничный продавец.

указывать разные ставки ПВНа , что в большинстве случаев приведет к выписке отдельных накладных. Для розничного покупателя вообще ничего не изменится, более того, та часть розничных покупателей, которая не следит за законодательством, вообще может не узнать об изменениях.

Единственные, кто существенно пострадают при введении данного закона – нечестные бизнесмены, которые несмотря ни на что занимаются так называемой «отмычкой» ПВНа посредством бумажной переписки товаров между соседними странами и периодически меняющие компании для того, чтобы к ним не могли предъявить претензии налоговая служба и экономическая полиция. При введении такого закона, сам принцип бумажного перемещения товара между странами теряет смысл, ведь платить налог все равно придется.

Конечно, черный бизнес все равно найдет способы обхода закона и неуплаты налогов, но введение такого закона существенно поможет как легальному бизнесу, так и государству в сборе налога на добавленную стоимость через увеличение доли продаж крупных компаний, которые исправно платят налоги по сравнению с черным бизнесом .

Заключение

Можно отметить, что введя указанные выше законы, государство существенно повлияет на внутренний рынок и скорее всего сможет увеличить налоговые сборы по налогу на добавочную стоимость. Считаю, что ввод указанной выше системы уплаты налога на добавленную на все не продуктовые товары необходимо осуществить в ближайшем будущем.

Список использованной литературы

1. Likumi.lv <http://likumi.lv/>
2. Debets-kredets <http://www.d-k.lv/>
3. Латвийская Республика <http://latvia.news-city.info/>
4. Smartlatvia.lv <http://www.smartlatvia.lv/>

Analysis of economic growth level in Latvia and Bangladesh

Ataul Karim Rukon,

PhD Student

Baltic International Academy, Riga, Latvia

Abstract.

The purpose of writing a scientific thesis was an analysis of economic growth level in Latvia and Bangladesh with the help of statistical, graphical methods and systematic approach. Author analysed the GDP dynamics and dynamics of GDP per capita. Based on the statistical data analysis, the author highlighted the main economic problems in Latvia and Bangladesh. In the end, the author suggested some areas for improvement in the socio-economic situation in both surveyed countries.

Key words: GDP, economic growth, innovation, innovative development, sustainable development

Аннотация.

Цель написания научной статьи - анализ уровня экономического роста в Латвии и Бангладеш с помощью статистических, графических методов и системного подхода. Автор проанализировал динамику ВВП и динамику ВВП на душу населения. На основе анализа статистических данных, автор выделил основные экономические проблемы в Латвии и Бангладеш. В конце концов, автор предложил несколько областей для улучшения социально-экономической ситуации в обеих исследуемых странах.

Ключевые слова: ВВП, экономический рост, инновации, инновационное развитие, устойчивое развитие

Introduction.

Bangladesh and Latvia is completely different states, as by the level of socio-economic development, and economic potential and by opportunities for future growth. However, both countries have one thing in common. Latvia and Bangladesh are considering innovation as a key method of achieving sustainable economic growth. By applying different approaches to implementing innovation policies and the use of existing potential, both seek the help of science to achieve better economic results and ensure sustainable development. In the scientific literature, issues of innovative development and its impact on economic growth is considered by many scientists, but not enough attention is paid to the comparison of the economies of Latvia and Bangladesh in terms of efficiency of implementation innovation policy. First of all, it is advisable to carry out a comparative evaluation of economic development in both countries, in particular with the factor of global financial crisis. That is the purpose of this study, which would become the basis for

a thorough study of connection between economic growth and innovation policy in Latvia and Bangladesh. To achieve this goal we used methods of comparison, graphical and statistical analysis as well as a systematic approach to identify the problems of economic development today.

Basic theoretical and practical provisions.

The modern paradigm of global economic development makes it necessary to carry out the transformation and modernization of the national socio-economic system, taking into account not only national characteristics of socio-economic relations and market mechanisms, but also the world, the global market as the impact of global processes on the national economy leads to its subordination to the laws of the global market. Innovative worldwide business, including highly developed countries, is considered as a key to the welfare of the country and its sustainable economic development. The modern developments of the world's economy are based on the basis of innovation and, thus, benefit those countries that adhere to the innovative development strategy.

Results of research. First of all, it is advisable to analyse the dynamics of GDP Latvia and Bangladesh and identify the main trends (figure 1). So, from 2008 to 2010 the Latvian economy took one of the sharpest downturns in the world, when the fall of GDP reached 21 %. The financial assistance of the European Union, the IMF, and the World Bank supported the economic recovery program. Latvia frontloaded austerity measures and implemented structural reforms while maintaining an exchange rate pegged to the euro. Overall, consolidation measures reached almost 17 % of GDP during the time period from 2008 to 2012, including eight percent in 2009 – the first year of the adjustment program. Latvia returned to growth in the latter half of 2010 as a result of economic stabilization measures, while maintaining a fixed exchange rate with the euro, which was accompanied by a favourable situation in external markets and increase in market confidence. At present, Latvia continues to show rapid and sustainable growth and has achieved considerable improvement in the fiscal position. Latvia still continues structural reforms towards improving competitiveness and productivity. The housing market bubble and credit crunch in 2008 had a severe impact on employment, as many companies have been able to operate only due to easy bank financing. So we can see that GDP in Latvia shows a tendency to grow, but this growth is not rapid and more like a slow pace. However, such policy should not be considered inadmissible as the theory of rapid economic development primarily involves rapid decline of economic processes in the country. Therefore, we believe that a wise policy of economic growth, followed by the Latvian government will bring better results in the future.

If we analyse the Bangladesh GDP dynamics, we can see that there is a clear upward trend, and during 2014 level of growth was significant, at 15 %. Notable is

the fact that the economy of Latvia was in the stage of decline in 2009-2010 (during the global financial crisis), when the absolute GDP indicator of Bangladesh did not reflect the national economy in general.

Bangladesh's GDP is about one third of Denmark's. Although half of the GDP is generated by the service sector, agriculture with its 20 percent share remains the mainstay and employs half of the working population. The economy is gradually shifting from agriculture to manufacturing. The greatest constraint today lies in energy production, which, although investments have been made, remains insufficient to keep pace with growth in manufacturing. The garment and manufacturing sectors offer good prospects of generating employment and underpinning economic growth, but they require structural and infrastructure support to do so. It is estimated that the annual economic growth is 2 percentage points lower than the potential due to lack of sufficient energy.

2015 can be considered as quite successful for Bangladesh. Growth averaged 5,4 % per year over the period 01.01.2015 - 0.1-0.6.2015, which has been the highest 5-year average since the country's independence. Identified the reasons for this rapid growth, we can say that growth was underpinned by [4]:

1. Resurgence in private investment, which grew at an annual average rate of 10 % and increased its share in GDP from 16 % in FY01 to 18.5 % in FY05.
2. The share of public investment fell from 7 % to 6 % during the same period.
3. Growth has been fairly broad-based, although it has benefited from strong exports, mainly in the garment exports.
4. Large remittance inflows fuelled growth in construction and services sectors.
5. In agriculture, growth has been rather anomic, averaging just 2 % over the same period.

Instead, the results of Latvia in 2015 will not be as high as in Bangladesh. In particular, it is necessary to say that Latvia's economy continued to develop and grow in the first six months of 2015 despite problems in external markets, although this growth lagged behind the predictions on which the 2015 budget was based. It is expected that Latvia's GDP growth this year could be a little above 2 %.

Another important measure that is necessary to compare is GDP per capita. The dynamics of this indicator is shown on Figure 2. The Gross Domestic Product per capita in Latvia was last recorded at 9973,57 US dollars in 2014. The GDP per Capita in Latvia is equivalent to 79 percent of the world's average. GDP per capita in Latvia averaged 5141,63 USD from 1965 until 2014, reaching an all-time high of 9973,57 USD in 2014 and a record low of 2152,74 USD in 1965 GDP per capita in Latvia is reported by the World Bank. Instead, the gross Domestic Product per capita in Bangladesh was last recorded at 750.42 US dollars in 2014. The GDP per Capita in Bangladesh is equivalent to 6 percent of the world's average. GDP per capita in Bangladesh averaged 376,04 USD from 1960 until 2014, reaching an

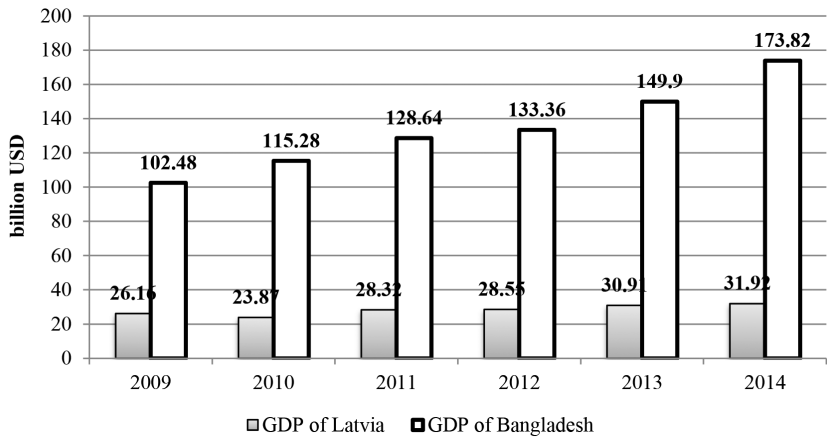

Figure 1. Dynamics of Latvia and Bangladesh GDP in the 2009-2014
 Source: World Bank, International Monetary Fund, Central Intelligence Agency data

all-time high of 750,42 USD in 2014 and a record low of 252,71 USD in 1972 [3]. GDP per capita in Bangladesh is reported by the World Bank. So we can say that the Latvian economy is more developed, since it characterizes GDP growth, but does not account for the social sector, while GDP per capita reflects the development of socio-economic environment in general [8].

Despite the fact that the economies of both countries show positive results the last couple of years to highlight the real issues, which in terms studies have a weight and in innovation field.

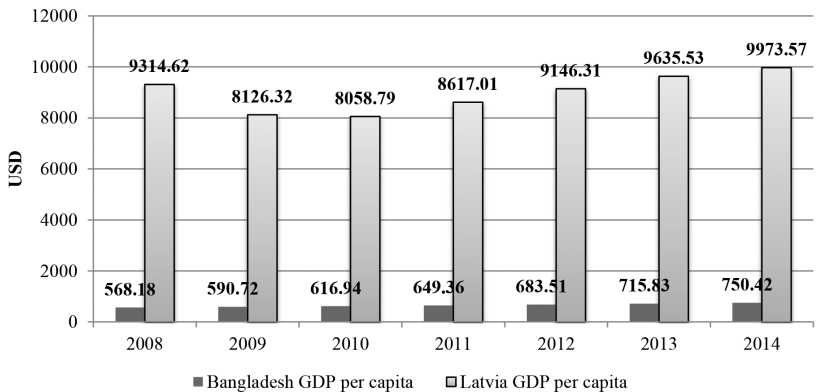

Figure 2. Dynamics of Latvia and Bangladesh GDP per capita in the 2009-2014
 Source: World Bank, International Monetary Fund, Central Intelligence Agency data

Latvia's ongoing transition to a free-market economy has been facilitated by openness to global commerce and efficient regulation. Prudent fiscal policies and low taxes have limited the government's presence in the economy and fostered a dynamic private sector. Although Latvia remains poised to continue to reap the benefits of advancing economic freedom, more institutional reforms must be implemented to shore up a weak judiciary and the property rights regime and to tackle pervasive corruption effectively. Latvia's economic freedom score is 69,7, making its economy the 37th freest in the 2015 Index. Its score has increased by 1,0 point since last year, with improvements in freedom from corruption, the management of government spending, and monetary freedom outweighing declines in labour freedom, business freedom, and fiscal freedom. Latvia is ranked 17th out of 43 countries in the Europe region, and its overall score is above the regional and world averages [1].

Since 2011 Latvia has reached some stability and slow recovery is happening after the crisis, but there are still a number of significant issues that may limit the development of the future:

- inflation persistence;
- slow productivity growth;
- high GDP volatility and low average growth rates;
- low growth in the Baltic States and the EU and the world in general, limiting external demand and Latvian exports;
- the need to reduce government debt;
- dependency increases (due to negative natural increase and emigration);
- a large external debt and its servicing-related expenses;
- volatility in global financial markets, which makes it difficult to obtain loans for refinancing of existing debt in both the public and private sectors;
- unsustainable demand uncertainty and major trading partners;
- poor Latvian competitiveness in the EU and world markets;
- political instability;
- cooperation between policy-makers.

The major economic problems which faced by the Bangladesh are inflation, price stability, stability of democratic institution, level of socioeconomic development, low unemployment of resources, economic performance and so on.

1. Absence of inclusive growth. Economic growth of a country includes economic development, but does not reflect every citizen's growth.
2. Ensuring institutional capacity building and good governance. The government of Bangladesh emphasises on digitisation of public services. But very little progress has been achieved so far in that direction.
3. Providing equal opportunities for local and foreign investors. With increasing number of job seekers, Bangladesh needs foreign investment to create more employment opportunities and foreign investment can only be attracted through

gh formulation of investment friendly policies.

4. Maintaining a balance between local versus imported products. Countries like Bangladesh should provide protection to local products to enable them to be competitive and thrive.
5. Maintaining political stability. Economic development cannot be achieved without political stability. Absence of political stability is a major challenge to our future economic development.
6. Managing rise in unemployment. There are about 1,98 million unemployed/under-employed people in Bangladesh. Every year many more enter the job market. Ensuring employment for these unemployed people is clearly difficult for the government alone to handle.
7. Ensuring demand driven and profession oriented education. The number of educated unemployed is rising and the education system has to be reorganised. Profession-oriented and demand-based curriculum has to be introduced. A powerful link is required between the academia and industry leaders to affect adjustments in the curriculum according to requirement.

Conclusions and proposals.

In the end, we note that the analysis showed that both economies are increasing their gross domestic product and gradually increase GDP per capita. The economy of Bangladesh for the last five years has soared, while economic growth in Latvia is much lower. It should also be noted that GDP per capita in Latvia more than 10 times higher than in Bangladesh, that indicates a higher standard of living and purchasing power. Despite the different patterns of economic growth, countries have similar problems. In particular, the following issues should include political instability, inflation, inefficiency in the management of public finance and reducing investment flows. All these issues need to be addressed.

Latvia in its aim to transit to a new economic development model, has to overcome a number of macro structural bottleneck [7]:

1. Reduce high general government structural deficit.
2. Ensure good functioning and stability of the financial sector in the light of the ongoing deleveraging of the private sector.
3. Promote rebalancing of the economy towards tradable sectors and raise productivity by becoming ensuring better matching to labour market needs.
4. Address weaknesses and business environment.

To ensure further positive change in the economic growth of Bangladesh stronger attention is needed to complete the transition in garments including implementing wage increases and the new labour legislations, recruiting more factory inspectors and completing building inspections followed by remediation measures such as relocation of closed garments factories. Priority should be on completing the ongoing road development projects, i.e. Dhaka-Chittagong and Dhaka-My-

mensingh highway; Double Tracking of Dhaka-Chittagong Railway; the Padma Bridge; Dhaka metro rail; and the two Bibiyana gas field based power plants [4]. Immediate action should be taken to enact the Public Private Partnership (PPP) law, and awarding contracts for building Special Economic Zones (SEZs).

References and other sources

1. 2015 Index of economic freedom. Accessed at: <http://www.heritage.org/index/country/latvia>.
2. Aslung, A.; Dombrovskis, V. (2011). “How Latvia Came through the Financial Crisis”, Peterson Institute for International Economics, 2011, p. 140.
3. Economy of Latvia: 2008-2014. Accessed at: <http://www.eiro.lv/en/media/media-kit/economy-of-latvia-2008-2014>
4. Growth in Bangladesh. Accessed at: World bank <http://web.worldbank.org/579398,00.html>.
5. <http://ec.europa.eu>.
6. Pradeep M. Innovation, Inclusion and Integration: from Transition to Convergence in Eastern Europe and the Former Soviet Union/ M.Pradeep. – World Bank, 2008. – 142 pp.
7. Skribane I., Jekabsone S. Structural weakness and challenges of the economic growth of Latvia / Social tyrimai / Social research. 2014. Nr. 1 (34), 74-85.
8. The Bangladesh Development Update: Economy Progressing, but Below Potential: Accessed at: <http://www.worldbank.org/en/news/feature/2014/10/21/the-bangladesh-development-update-economy-progressing-below-potential>.
9. The economic problems faced by Bangladesh. Accessed at: <http://www.uk-essays.com/essays/economics/the-economic-problems-faced-by-bangladesh-economics-essay.php>

Cilvēkresursu atlase sociālās aprūpes un sociālās rehabilitācijas institūcijā

Agita Rēdere

Latvija, Baltijas Starptautiskā akadēmija, Rīga, Latvija
Profesionālā maģistra studiju programma „Cilvēku resursu vadīšana”

randa3@inbox.lv

Zinātniskais vadītājs: As.prof., Dr.oec. Viktors Morohins

Anotācija

Pētījuma mērķis: aktualizēt darbinieku atlases procesa atšķirības sociālās aprūpes un sociālās rehabilitācijas institūcijās, izstrādāt ieteikumus veiksmīgākai darbinieku piesaistei. **Problēma:** līdz šim pētījumu cilvēkresursu atlasei institūcijā ar sistēmisku pieeju vadības organizācijā nav bijis. Sakarā ar pakalpojuma pieprasījumu, aktualizējas jautājums par kvalificētu un zinošu darbinieku atlasī. **Novitāte:** izpētīta cilvēkresursu atlases sistēma institūcijā, noteiktas darbinieku atlases procesa atšķirības un izstrādāti ieteikumi veiksmīgai darbinieku piesaistei ar sistēmisku pieeju vadības organizācijā. **Secinājumi:** Institūcijā nav izstrādāta cilvēkresursu atlases politika, līdz ar to nav sistēmiskas pieejas vadības procesā. Darbinieku atlasei jāizmanto dažādas metodes atkarībā no darbinieka amata līmeņa un profesijas.

Atslēgas vārdi: cilvēkresursu atlase, sistēmiska pieeja, vadība.

Abstract

The aim of research: to update the staff selection differences between social care and social rehabilitation institutions, as also to develop recommendations for successful staff attraction. Problem: there hasn't been any research done for human resource selection within institution with systematic approach in management organization. Due to inquiry of service, the issue of qualified and knowing staff selection gets more important. Novelty: researched human resource selection system in institution, there have been set the differences within staff selection process as also have been developed for successful staff attraction in institution with systematic approach in management organization. Conclusions: There is no policy on human resource selection therefore is no systematic approach in management process. For staff selection it is needed to use different kind of methods concerning the employee position level and profession.

Keywords: human resource selection, systematic approach to management

Ievads

Viens no svarīgākajiem nosacījumiem katra darboties spējīga uzņēmuma pamatā ir pareiza personāla pārvaldes izveidošana. Uzņēmuma izdevumi, kas saistīti ar personāla izmaksām sasniedz līdz pat 80% no kopējiem izdevumiem. Tas nozīmē, ka personāla vadības funkcijai ir būtiska ietekme uz uzņēmuma[4] veiksmīgu pastāvēšanu. Personāla pārvalde ietver personāla politikas un konkrētās sistēmas izstrādi un īstenošanu.

Personāla vadības sistēma ir daudzpusīga un satur vairākas apakšsistēmas: personāla lietvedību, darba apstākļu, darba attiecību, organizatoriskās struktūras, sociālās infrastruktūras, tiesisko aspektu, motivēšanas un personāla plānošanas [3] sfēras. Personāla resursu plānošana vispirms jāsāk ar esošo resursu nodrošinājuma, amatu un to pienākumu izpēti, tālākā darbā veicot nepieciešamo resursu pamatojuma un priekšlikumu izstrādi.[3] Lai precīzāk plānotu un vadītu cilvēkresursu vadības procesu, ieteicams nedefinēt svarīgākos pamatprincipus cilvēkresursu vadības jomā- cilvēkresursu politiku: kādi darbinieki nepieciešami, lai sasniegtu uzņēmuma mērķus, kā uzņēmums tos sekmēs, atlasīs, novērtēs, attīstīs, atalgo un noturēs. [4]

Cilvēkresursu plānošana ir stratēģisks jautājums, jo tiek veikta, lai nodrošinātu biznesa plānu izpildi. Pēc tam, kad ir izveidota personāla politika, veikta nepieciešamā personāla plānošana un darba analīze, izveidoti darba apraksti un prasību profils vakancei, var ņerties pie personāla meklēšanas[5] un atlases.

Darbā izmantotas aprakstošā, kvantitatīvā metodes, sintēze, sistēmiskā pieeja vadīgas organizācijā.

Svarīgākās atziņas teorijā un praksē

Vispirms vajadzētu izstrādāt un apstiprināt nepieciešamo darbinieku skaitu tieši aprūpes iestādēs, kas būtu līdzvērtīgs Eiropas praksei. Diemžēl Latvijā tas vēl ir tikai izmēģinājuma projekts, ko izstrādāja LR Labklājības ministrija 2013. gadā kopā ar Valsts Sociālo aprūpes centru darbiniekiem, bet praksē tas nav ieviests - līdzekļu trūkuma dēļ. Projektā ir ieteikumi, cik nepieciešams darbinieku uz noteiktu klientu skaitu ņemot vērā klientu aprūpes līmeņus. Saskaņā ar Labklājības ministrijas izstrādāto projektu PSIA “Veselības un sociālās aprūpes centrs - Sloka” Pansionāta nodaļas klienti atbilst 3. aprūpes līmenim (aprēķins uz 6-8 klientiem).[6]

1.tabula.

Darbinieku skaita salīdzināšana iestādē un izmēģinājuma projektā

N.p.k.	Amats	Klientu skaits iestādē	Darbinieku skaits iestādē	Klientu skaits projektā	Darbinieku skaits projektā	+/-
1.	Nodaļas vadītājs	90	1	90	1	-
2.	Sociālais darbinieks	90	2	90	3	-1
3.	Sociālais aprūpētājs, rehabilitatētājs	90	2	90	4	-2
4.	Aprūpētājs, māsu palīgs	90	12	90	11	+1
5.	Medicīnas māsa	90	4	90	3	+1

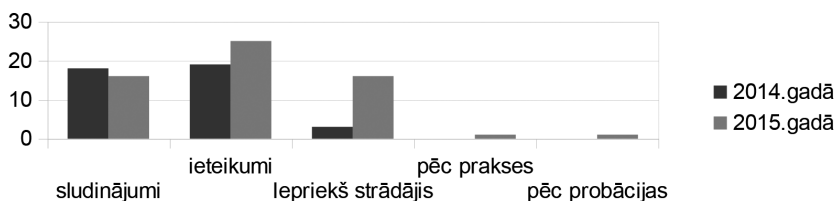
No datiem izriet, ka PSIA “Veselības un sociālās aprūpes centrs - Sloka” klientu aprūpē nepietiek sociālie darbinieki un sociālie aprūpētāji. Analizējot citu nodaļu darbu jāsecina, ka arī nepieciešams izstrādāt normatīvos aktus, kas reglamentētu darbinieku skaitu uz noteiktu vienību (sētniekiem, apkopējiem-kvadrātūru, personāla speciālistam-darbinieku skaitu, ārstiem-pacientu skaitu, grāmatvežiem-apgrozījuma apjomu un tml.). Pieejot šim darbam ar sistēmisko pieeju, sakārtojot normatīvos aktus, kas reglamentētu darba apjomu, var izveidot štatu sarakstu, kas atbilstu izstrādātajiem aktiem.

Uz doto brīdi izstrādātais štatu saraksts ar apstiprinātām pamata darba algām balstās uz “Valsts un pašvaldību institūciju amatpersonu un darbinieku atlīdzības likumu”[1], noteiktajām mēnešalgu grupām un maksimālajām mēnešalgām. Izveidojot šo sistēmisko pieeju, varētu izveidot jaunu darba samaksas sistēmu, kas optimāli atbilstu katra uzņēmuma darbībai.

“Sociālo pakalpojumu un sociālās palīdzības likuma” 41. un 42.pants nosaka, ka sociālo darbu drīkst veikt personas, kas ieguvušas otrā līmeņa profesionālo augstāko vai akadēmisko izglītību sociālajā darbā vai karitatīvajā sociālajā darbā. Tiesības sniegt sociālās aprūpes vai sociālās rehabilitācijas pakalpojumus un sociālo palīdzību ir personām, kas ieguvušas pirmā līmeņa profesionālo augstāko izglītību sociālās aprūpes, sociālās rehabilitācijas vai sociālās palīdzības sniegšanas jomā vai profesionālo vidējo izglītību sociālās aprūpes jomā.[2] Tas uzliek papildus nosacījumus darbinieku atlasē. Tāpat pēdējo gadu darbības atlasē prakse sociālās aprūpes un sociālās rehabilitācijas iestādēs liecina par to, ka arī tādiem amatiem kā aprūpētāji, tiek prasīta atbilstoša aprūpētāja izglītība, jo pierādīts, ka amata pratēji, izmantojot savas profesionālās zināšanas, sniedz klientam kvalitatīvus pakalpojumus, respektējot katra klienta individualitāti.

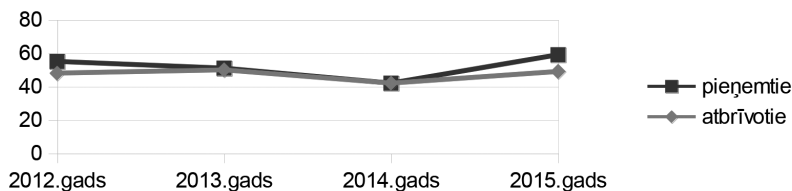
Pētījuma rezultāti un to izvērtējums

Darbiniekus var meklēt: aptaujājot radus, draugus un paziņas; ievietojot sludinājumu avīzē vai internetā; meklējot CV datu bāzēs internetā; sadarbojoties ar darbinieku atlasē kompānijām; uzrunāt atbilstošākos darbiniekus sadarbības partneru, konkurentu vai klientu uzņēmumā; sadarboties ar izglītības iestādēm, kuras sniedz pamatzināšanas jomās, kuras uzņēmumam ir svarīgas [4]; profesionāļu asociācijās, dažādos pasākumos-konferencēs, prezentācijās, semināros. [5]

1.attēls. Vakanto amata vietu uzziņas avoti PSIA “Veselības un sociālās aprūpes centrs – Sloka”

Apkopotā informācija norāda, kā pieaudzis to darbinieku skaits, kas atnākuši strādāt uz ieteikuma pamata, kā arī atgriezās strādāt darbinieki, kas bija strādājuši iestādē jau iepriekš (jāpiebilst, ka tie gan vairāk ir darbinieki ar terminētiem darba līgumiem noteikta darba apjoma veikšanai). Darbinieki, kuri atsaukušies uz sludinājumiem, iedalās sīkāk: 64,5% (2015.g.) un 44,5% (2014.g.) tādi, kas sludinājumu atraduši paši dažādās interneta vietnēs, 44,5% (2015.g.) un 55,5% (2014.g.), kas par vakanto amatu uzzinājuši Nodarbinātības Valsts aģentūrā, kur iestādes sludinājumi tādām amata kategorijām kā aprūpētājiem, apkopējiem ir ievietoti nepārtraukti. Prakse apliecina, ka visnepastāvīgākā darbinieku daļa - tā, kas atsaukusies uz darba piedāvājumiem tieši caur Nodarbinātības Valsts aģentūru, ļoti bieži nenostādājot pat pārbaudes laiku 3 mēneši.

2. attēls. Darbinieku kustība PSIA
"Veselības un sociālās aprūpes centrs - Sloka"

Kustības dinamika parāda, ka 2015.gadā darbā pieņemto darbinieku skaits ir lielākais pēdējo 4 gadu laikā. Atbrīvoto skaits saglabājies 2013. un 2012. gada līmenī. Tas nozīmē, ka darbinieku skaits iestādē ir palielinājies, taču tas joprojām ir nepietiekams.

Secinājumi un priekšlikumi

PSIA "Veselības un sociālās aprūpes centrs - Sloka" izanalizējot darbinieku lielo kadru mainību, darbinieku trūkumu, jāsecina, ka šīs negatīvās tendences ir saistītas ar darbinieku lielo noslogotību, neadekvāta darba samaksas sistēmu, darbinieku motivācijas trūkumu. 1. Institūcijā vajag pilnveidot cilvēkresursu atlases politiku, lai sekmīgāk īstenotu sistēmisko pieeju vadības procesā. 2. Nepieciešams uzlabot darba samaksas sistēmu, kas optimāli atbilstu uzņēmuma darbībai. 3. Darbinieku atlases sistēma jāveido ar tādu metožu palīdzību, kas atbilst darbinieka profesijai un amata līmenim. 4. Jāizstrādā kārtība strādājošo motivēšanai ar mērķi uzlabot jaunu darbinieku piesaisti un palikšanu uzņēmumā.

Izmantotās literatūras un avotu saraksts

1. LR “Valsts un pašvaldību institūciju amatpersonu un darbinieku atlīdzības likums” ar grozījumiem 17.12.2014
2. LR “Sociālo pakalpojumu un sociālās palīdzības likums” ar grozījumiem 26.11.2015
3. Forands I. “Personāla vadība”, Latvijas izglītības fonds, Rīga, 2000-2002, 191lpp.
4. Vintiša K. “Cilvekkresursu plānošanas un novērtēšanas metodes mazam un vidējam uzņēmumam”, Latvijas Darba devēju konfederācija, Rīga, 2010, 59lpp.
5. Zīlīte L. “Personāla vadība un socionika”, Biznesa augstskola Turība, Rīga, 2013., 304lpp.
6. http://www.lm.gov.lv/upload/sociala_aizsardziba/sociala_palidziba_pakalpojumi/2_profesion_darb.pdf (skatīts 11.2015)
7. http://www.lm.gov.lv/upload/sociala_aizsardziba/sociala_palidziba_pakalpojumi/ievads_31_10_2013.pdf(skatīts 11.2015)
8. http://www.lm.gov.lv/upload/sociala_aizsardziba/sociala_palidziba_pakalpojumi/7_metodika.pdf
9. (skatīts 11.2015)

Анализ показателей Таможенной полиции СГД Латвии в сфере контрабанды

Диана де Вашкевич,
докторантка программы
Региональная экономика и экономическая политика
Балтийская международная академия, Рига, Латвия,

Аннотация

Глобализация экономических процессов и распад социалистического лагеря стали одними из факторов резкого роста уровня теневой экономики в мире и в Латвии в том числе. Криминальный или «черный» сектор занимает весомую долю в общем объеме теневой экономики и требует более тщательного исследования. В статье сделана попытка проанализировать показатели Управления таможенной полиции Службы государственных доходов Латвии, относящиеся к криминальным преступлениям в регионе за период с 2003 по 2014 гг.

Ключевые слова: теневая экономика, криминальная экономика, таможня, акциз, наркотики.

Abstract

The globalization of economic processes and the collapse of the socialist camp became one of the factors of a sharp rise in the level of shadow economy in the world and in Latvia as well. Crime or 'black' sector has significant share in the total volume of the shadow economy, and require a more thorough investigation. The article attempts to analyze the performance of the Customs Police Department of the State Revenue Service of Latvia, relating to criminal offenses in the region over the period from 2003 to 2014.

Keywords: shadow economy, the criminal economy, customs, excise, drugs.

Введение.

Глобализация экономических процессов, сопровождающаяся ростом теневой экономики как в развитых, так и в развивающихся и переходных странах заставляет исследователей изучать эти процессы. Особое внимание обращается на постсоветские страны, так как именно в них неформальная экономика во всех ее проявлениях тормозит продвижение к цивилизованному рынку, мешает введению прозрачного бизнеса, и, следовательно, в полной мере участвовать в международных экономических отношениях, столь важных для региональной интеграции. [1]

Цель данной работы – проанализировать показатели Управления таможенной полиции Службы государственных доходов Латвии, связанные с контрабандой акцизных товаров и наркотических средств.

Служба государственных доходов (СГД) Латвии на своем сайте регулярно публикует статистику результатов деятельности своего подразделения - Таможенной полиции. Обобщая данные за 2003—2014 гг., было обнаружено, что формат предоставления статистических данных менялся несколько раз, что делает невозможным провести детальный анализ обзор по всем параметрам. Однако по некоторым позициям сравнение провести все же удалось.

Основные теоретические и практические положения

Анализ статистических данных Службы государственных доходов Латвии (СГД) с 2003 по 2014 гг. показал, что количество дел о контрабанде акцизных и других товаров, начатых Таможенной полицией за 12 лет увеличилось в 9,3 раза, а количество дел, направленных для уголовного преследования выросло в 8,1 раза (см. табл.1). В то же время, количество составленных административных протоколов в таможенных пунктах за анализируемый период резко сократилось: к примеру, если в 2009 году было составлено 425 протоколов, то в 2014 году только 25. Опять же сравнимые данные по суммам наложенных штрафов статистика СГД обнародовала только за три года: с 2006 по 2008. К примеру, в 2008 году сумма штрафов за административные нарушения составила 27,2 тыс. латов (38,8 тыс. евро), а в 2007 году – 16,3 тыс. латов (23,3 тыс. евро).

Таблица 1.

Уголовные и административные дела Таможенной полиции СГД Латвии, 2003 – 2014 гг.

Действия	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Начатые уголовные процессы	29	41	79	68	76	114	227	329	259	211	193	272
Уг. процессы переданные для начала уголовного преследования (кол-во)	11	19	32	41	41	66	112	139	107	107	79	89
Составлено протоколов административных нарушений	78	103	338	166	205	269	425	304	149	76	52	25

Составлено автором по данным СГД Латвии. [2]

За 12 лет Таможенной полиции СГД удалось задержать 498,47млн. штук сигарет, 124 тыс. литров алкоголя, 3569,9 тыс. литров топлива (в основном бензин и дизельное топливо) (см. табл. 2).

К сожалению, в открытом доступе нет статистики ущерба, нанесенного контрабандными товарами, обнаруженными на таможенных пунктах. Есть лишь данные по некоторым наиболее значимым эпизодам. К примеру, в 2014 и в 2015 гг. по двум эпизодам обнаружения груза сигарет без акцизных марок в количестве 23 млн. штук сумма ущерба оценивается в 3,1 млн. евро.

Таблица 2.

Контрабандные товары, изъятые в рамках начала уголовных процессов и составленных протоколов административных нарушений Таможенной полицией СГД Латвии, 2003 – 2014 гг.

Товар	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Всего
Сигареты, млн. шт.	-	0,97	8,1	36,1	32,3	31,3	58,6	62,4	68,8	83,3	44,0	72,6	498,47
Табак, тыс. Кг	-	-	47,49	-	-	-	12,7	18,2	5,9	-	-	-	84,29
Алкоголь, тыс. Л	9,1	40	12,3	0,6	5,6	0,41	4,9	1,9	12,3	0,016	27,0	9,9	124
Топливо, тыс. л	297,9 (кг) 20(л)	457,6 (кг)	23,6 (л) 15 (кг)	1,9	1 (л) 31,7 (кг)	5,6	3,9	4,9	15,7	39,8	19,5	221,0	3569,9 (л) 770,5 (кг)
Наркотики, психотропные вещества, кг	97,1	0,4	4,7 197 *	1,2	6,9	3,0	12,3	202,3	87,9	4,4	122,8	303,4	846,4 197 *

Составлено автором по данным СГД Латвии. [2]

Что касается контрабанды товаров криминального свойства, то, судя по статистике задержаний, через таможенные пункты Латвии регулярно провозятся сравнительно большие партии наркотиков. В перечне обнаруженных наркотических средств более 15 наименований. Самые распространенные: гашиш, марихуана, кокаин, галлюциногенные грибы и различные лекарственные средства.

За 12 лет Таможенной полиции удалось задержать 846,4 кг наркотических психотропных средств, рекордно большой объем наркотиков обнаружен в 2013 году – 122, 8 кг. В 2013 году в Прокуратуру для начала уголовного преследования было направлено уголовное дело, заведенное в 2011 году, о перевозке наркотических средств преступной группировкой, в котором фигурировали шесть лиц. [3] Как известно, в Латвии действуют около 70 организованных преступных группировок, действующих в сферах торговли наркотиками, незаконного оборота акцизных товаров, киберпреступности и др. [4]

Показатели деятельности Таможенной полиции Службы государственных доходов являются, по сути, инструментом контроля и информирования заинтересованных лиц (должностных и не должностных), а его форма и публикуемые данные должны соответствовать целям и задачам, заявленным СГД, а также давать представление о движении к достижению этих целей и выполнению поставленных задач.

Сопоставление статистики Таможенной полиции и Стратегии СГД

Поскольку статистика результатов деятельности Таможенной полиции недостаточно информативна для анализа деятельности этого подразделения СГД, автору пришлось также прибегнуть к сопоставлению данных этой отчетности с данными Стратегии СГД, в которой сформулированы её цели и задачи.

Деятельность Таможенной полиции направлена на достижение 3-й стратегической цели деятельности СГД: «обеспечить борьбу с уголовными преступлениями в сфере государственных доходов и таможенных дел, снизив налоговое мошенничество и контрабанду», путём выполнения указанных для этой цели задач.[5]

Изучив раздел 4 «Третья стратегическая цель» стратегии СГД и сопоставив его с отчётом Таможенной полиции СГД, можно отметить следующее: в стратегии практически нет исходных данных, которые могли бы служить базой и ориентиром для показателей эффективности выполнения поставленных задач. В описательной части мы видим всего лишь две количественные величины, да и те, почему-то, за 2012 год. К тому же они никак не укладываются в дальнейшую логику метода измерения результатов деятельности Таможенной полиции.

Контрабанда акцизных товаров, особенно сигарет, признана в стратегии серьёзной проблемой, как для всей Европы, так и для Латвии в особенности. Отмечено, что организованные преступные группы активно участвуют в этом нелегальном бизнесе, особенно в районах, граничащих с Белоруссией и Россией. **Однако борьба с такими организованными преступными группами, к удивлению, не значится в числе приоритетных направлений СГД (и Таможенной полиции).**

К тому же, заявленные приоритеты, на которые следует ориентироваться Таможенной полиции, сформулированы слишком широко, не давая возможность концентрировать ресурсы на направлениях высокого риска: **«...в сферетаможенных дел будем бороться с контрабандой акцизных товаров (всех!!!) и наркотиков».**

Далее сформулированы пять задач, которые подлежат выполнению в рамках достижения поставленной цели. Здесь мы также видим отсутствие конкретики и обилие расплывчатых формулировок, таких, как: «внедрение

эффективных методов», «активное участие», «координация создания механизма», «усовершенствование системы», «укрепление потенциала».

Достижение такого важного, на наш взгляд, результата, как «уменьшить оборот наркотиков», также не поддается оценке, поскольку отсутствуют какие-либо исходные данные о ситуации в Латвии, на которые можно опираться. К тому же, такой показатель отчёта Таможенной полиции, как общий вес всех изъятых наркотических веществ и их прекурсоров, свидетельствует, скорее, не об уменьшении оборота наркотиков, но лишь о поверхностном отношении СГД к составлению отчёта.

Изучив и сопоставив отчёт Таможенной полиции и стратегию СГД, приходим к выводу, что СГД (и Таможенная полиция) не располагают достоверными данными об удельном весе и объёме нелегального рынка акцизных товаров, а также о ситуации в сфере оборота наркотиков, что делает работу Таможенной полиции и таможни в этой сфере малоэффективной (неизбежны ошибки в определении приоритетов и распределении сил и средств). В такой ситуации существенно возрастает риск неэффективного использования бюджетных средств, выделенных на защиту интересов государства в сфере таможенных дел.

Количество начатых и переданных уголовных дел, фактически является единственным критерием оценки эффективности деятельности Таможенной полиции и достижения результатов в сфере борьбы с контрабандой, заявленных СГД в стратегии.

Зключение

Сравнительный анализ показателей работы Таможенной полиции Службы государственных доходов Латвии показал, что через границы страны путем контрабанды провозятся не только акцизные товары – сигареты, алкоголь и топливо, но обнаруживаются достаточно большие объемы наркотических и психотропных средств. С одной стороны, это говорит об улучшении работы правоохранительных органов с криминальной экономикой, однако, с другой стороны статистических данных не хватает, чтобы оценить размеры наркотрафика в регионе, находящемся на перепутье Запада и Востока. В тоже время повышение акциза на табачные изделия в 2015 году вряд ли будет способствовать сокращению контрабанды сигарет. [6] Тренд неуклонного роста количества уголовных дел о контрабанде акцизных товаров также означает, что увеличение акциза, которое можно проследить по годам, привело к росту контрабанды.

Снижение количества административных протоколов может указывать либо на перераспределение функций между управлениями СГД, либо на сокращение штатов, либо на то и другое вместе (реорганизация внутри СГД, а также внутри Таможенной полиции).

Список использованной литературы и других источников

1. О. Павук. Теневая экономика в мире и в Балтии (Лекция). Рига. 13.11.2013. 13 с. http://www.baltic-course.com/rus/ekonomiceskaja_istorija/?doc=83562
2. Muitas policijas pārvaldes rezultāti. 2004—2014. gadi./Valsts ieņēmumu dienests.<https://www.vid.gov.lv/default.aspx?tabid=11&id=7227&hl=1>
3. **Таможенное уголовное управление СГД передает уголовное дело о деятельности международной преступной группировки, занимающейся перевозкой наркотиков, для начала уголовного преследования.**/Valsts ieņēmumu dienests. - Рига. 24.05.2013. <https://www.vid.gov.lv/default.aspx?hl=3&tabid=7&id=15&oid=96641>
4. В Латвии действует 70 организованных преступных группировок. 02.10.2014. <http://www.baltic-course.com/rus/pravo/?doc=97104&underline=%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%B6>
5. Valsts ieņēmumu dienesta darbības stratēģija 2014.–2016.gadam, https://www.vid.gov.lv/dokumenti/par%20mums/strategijas%20un%20plani/vid%20strategija%202014-2016_23%2004%202014_apstiprin%281305%29.pdf
6. Akcīzes nodoklis tabakas zstrādājumiem./ Valsts ieņēmumu dienests.<https://www.vid.gov.lv/default.aspx?tabid=8&id=6650&hl=1&mod=33>

Cilvēkresursu plānošanas aktualitāte ilglaicīgās pieaugušo sociālās aprūpes iestādēs

Edgars Štāls

Latvijas Baltijas Starptautiskā akadēmija, Rīga
Maģistrants, Cilvēku resursu vadība
sedgars@inbox.lv

Zinātniskais vadītājs:

Dr.oec., as.prof. V. Morohins

Anotācija

Latvijā līdz šim nav veikti apjomīgi pētījumi, kas saistās ar cilvēku resursu plānošanu Latvijas ilglaicīgās sociālās aprūpes iestādēs (pansionātos), turpretī citās valstīs ir pat izstrādāti un zinātniskos izdevumos publicēti matemātiski modeļi pensionātu cilvēku resursu plānošanai kopumā un to plānošanai. Šī pētījuma mērķis ir aktualizēt cilvēku resursu plānošanas izaicinājumus pensionātos nākotnē. Pētījumā tika pielietotas kvalitatīvās un kvantitatīvās pētījuma metodes. No pētījuma rezultātiem izriet, ka Latvijai cilvēku resursu nodrošinājums pensionātos būs liels izaicinājums, kopīgā darbaspēka trūkuma dēļ.

Atslēgas vārdi: cilvēku resurss, demogrāfija, pensionāti, plānošana

Annotation

There haven't been made extensive researches of human resource planning in long term social care (nursing home) institutions in Latvia, meanwhile in other countries there have been elaborated and published in scientific media mathematical models for planning number of employees in general and in long term. The object of this research is to raise the awareness of human resource challenges in the future. In elaboration of research qualitative and quantitative research methods were used. As the result of the research it shows, that human resources will be an important challenge in Latvia, because of the overall lack of employees.

Keywords: human resources, demography, nursing homes, planning

Ievads

Latvijas populācijas struktūras izmaiņas pēdējos gados parāda, ka iedzīvotāju skaits turpina samazināties, pieaug vecu cilvēku īpatsvars vecuma grupā 65 un vairāk gadi (65 gadi un vairāk- pieaugums: +8% laika posmā no 2000.- 2014.gadam), kā arī palielinās pensionātu iemītnieku skaits un īpatsvars pensijas vecuma populācijā (iemītnieku skaita pieaugums: +34%, īpatsvara pieaugums + 0,3 procentpunkti laika posmā no 2000.- 2014.gadam). Paralēli vecu cilvēku skaita īpatsvara pieaugumam, darba spējīgo iedzīvotāju skaits pēdējos gados ir samazinājies par 13% laika posmā no 2000.- 2014.gadam [1]. Arī prognozes par nākotnes populāciju Latvijā norāda, ka esošās vecuma struktūras izmaiņas tendences turpināsies arī nākotnē, kā rezultātā vecu cilvēku īpatsvars turpinās pieaugt (līdz 2030.gadam + 8%), bet darba spējīgo iedzīvotāju skaits

turpinās sarukt, un laika posmā līdz 2030.gadam saruks par 26% no 2015.gadā reģistrētajiem [8]. Šāda situācija var novest pie darbaspēka trūkuma daudzās tautsaimniecības nozarēs, tai skaitā medicīnā, izglītībā un ilglaicīgās sociālās aprūpes jomā. Potenciālajam darbaspēka trūkumam ir nopietnas sekas, piemēram, sniegto pakalpojumu kvalitātes samazināšanās ilglaicīgās sociālās aprūpes jomā (turpmāk- pansionātos), kam var sekot pansionātu iemītnieku, tai skaitā vecu cilvēku dzīves kvalitātes samazināšanās. Pētījumi liecina, ka pastāv sakarība starp aprūpes kvalitāti un personāla darba stundām, piemēram, mazāk izgulējumu pansionātu iemītniekiem ir tajos pansionātos, kuros ir lielāks cilvēku resursu skaits, kas ir iesaistīts tiešā pansionātu iemītnieku aprūpē [12]. Pēc Tiesībsarga atdzinuma un medijos izskanējušās informācijas, jau šobrīd trūkst darbaspēks Latvijas pansionātos [3; 4], tāpēc, ņemot vērā faktu, ka demogrāfiskās struktūras izmaiņas turpināsies arī nākotnē, darbaspēks kopumā samazināsies, aktualizējas jautājums par to, kādā veidā plānot cilvēku resursus pansionātos, kāds ir optimālais cilvēku resurss, kurš ir iesaistīts tiešā pansionātu iemītnieku aprūpē, lai nodrošinātu nepārtrauktu aprūpes kvalitāti. Līdz ar to šī pētījuma **mērķis ir** aktualizēt cilvēku resursu plānošanas izaicinājumus pansionātos nākotnē, ņemot vērā vecu cilvēku īpatsvara pieaugumu un iedzīvotāju skaita samazināšanos darba spējīgā vecumā. Līdz šim Latvijā nav veikti apjomīgi pētījumi šajā jomā, bet vairāk tiek aktualizēts kvalitātes jautājums pansionātos un nepietiekamais finansējums [6]. Lai sasniegtu izvirzīto mērķi, tika izmantotas kvantitatīvās un kvalitatīvās pētniecības metodes. Kvantitatīvās pētniecības metodes pielietošanas ietvaros tika analizēta statistika par demogrāfiju un tās struktūru, kā arī pansionāta iemītnieku un aprūpētāju skaita attiecību Latvijā. Ar kvalitatīvo metožu palīdzību tika analizēti mediju un valsts iestāžu dokumenti, kā arī intervijas ar atsevišķu pansionātu vadītājiem. Kvalitatīvie dati tika analizēti pēc A.Trojas pieejas, proti, induktīvi- deduktīvās soļu metodes [17], kur katra intervija tika transkribēta kā to paredz kvalitatīvā pētniecība pēc S.Kvales [15].

Svarīgākās atziņas teorijā, praksē

Šobrīd Latvijā pastāv sistēma, kas nosaka cilvēku resursu plānošanu dažādām pansionātu iemītnieku kategorijām, piemēram, redzes invalīdiem, bērniem ar īpašām vajadzībām, kuri uzturas ilglaicīgās aprūpes iestādēs un veciem cilvēkiem. Šī cilvēku resursu plānošanas sistēma balstās uz pašaprūpes noteikšanas spējām un citiem kritērijiem, kā rezultātā tiek noteiktas nepieciešamās aprūpes stundas dažādām pansionātu iemītnieku kategorijām [5]. Sistēmas ietveros tiek novērtēts konkrētais indivīds un, izvērtējot šī konkrētā indivīda pašaprūpes līmeni, t.i, spēju nodrošināt sev ēdienu, higiēnu u.c., tiek noteikts kāda apjoma palīdzība ir nepieciešama un cik aprūpētāja darba stundas ir nepieciešamas lai nodrošinātu pamatvajadzības. Šobrīd šī sistēma tiek praktiski pielietota Latvijas pašvaldībās, taču tai trūkst zinātniskās aprobācijas un fleksibilitātes attiecībā uz sociālās sistēmas izmaiņām, kas skar cilvēku resursu politiku. Tas nozīmē, ka šī cilvēku resursu plānošanas sistēma nav pielāgota nākotnes cilvēku resursu izmaiņām, ku-

ras pamatojas demogrāfiskās struktūras izmaiņās. Arī citās valstīs pastāv metodes, modeļi vai sistēmas, uz kuru bāzes tiek noteikti nepieciešamie resursi aprūpes nodrošināšanai pensionātos. Piemēram, Norvēģijā pastāv tā saucamā IPLOS sistēma [14], kas pēc principa ir nedaudz līdzīga šai Latvijas cilvēku resursu plānošanas sistēmai, taču tā ir vienkāršāka, zinātniski aprobēta un ir noteikta kā vienots standarts visā valstī. Rezultāti no IPLOS sistēmas tiek apkopoti reizi gadā, sniedzot ziņas centrālai Norvēģijas statistikas pārvaldei [16].

Pētījuma rezultāti un to izvērtējums

Cilvēku resursu plānošana pensionātos nav viegls uzdevums, ņemot vērā faktu, ka Eiropā un citās valstīs jau šobrīd ir jūtams medicīnas un sociālo darbinieku trūkums [10]. Arī finansiāla rakstura resursi ilglaicīgā aprūpes jomā ir pieauguši pēdējos gados ne tikai Latvijā, bet arī citās Eiropas valstīs [13; 1], bet darba spējīgo skaits turpina sarukt. Tas izskaidrojams ar to, ka finansiālo resursu palielinājums ir tikai šķietams, un pamatā tas notiek inflācijas dēļ, jo cenu patēriņu indeksam arī ir vērojams pieaugums, un tādēļ par reālu finansiālu palielinājumu ilglaicīgās sociālās aprūpes nozarē vēl nevar runāt, kā arī par papildus līdzekļiem darbinieku skaita palielināšanai nozarē. Līdz ar to Latvija ir liela izaicinājuma priekšā, jo pēc Eiropas Komisijas prognozēm iekšzemes kopprodukts ilgtermiņa aprūpei turpinās saglabāties 0.7-0,8% līmenī līdz 2030.gadam, bet ilgtermiņa aprūpes saņēmēju īpatsvars pieaugs un darba spējīgā vecuma iedzīvotāji turpinās samazināties [11]. Laika posmā līdz 2030.gadam difference starp darba spējīgo iedzīvotāju grupu un iedzīvotājiem vecuma grupā turpinās palielināties (skat. 1. tabulu) Tāpēc cilvēku resursu plānošanas aktualitāte pensionātos turpmākajos gados turpinās pieaugt.

1.tabula.

Demogrāfiskās struktūras izmaiņas darba spējīgā un pensijas vecuma iedzīvotāju grupā pēc Eurostat datiem [8]

Demogrāfiskās struktūras izmaiņas darba spējīgā un pensijas vecuma iedzīvotāju grupā			
Gads	2015	2020	2030
Darba spējīgais vecums no 18 - 64 gadi	1 255 627	1 147 041	932 781
Pensijas vecums no 65 un vairāk	382 566	385 918	414 164
Darba spējīgais vecums no 18 - 64 gadi, attīstība	100%	91%	74%
Pensijas vecums no 65 un vairāk, attīstība	100%	101%	108%

Pēc Latvijas Republikas Labklājības ministrijas datiem, tiešā pacientu aprūpē iesaistīto dažādu speciālistu slodžu skaits ir robežās no 2,84 līdz 7,5 iemītnieki uz vienu aprūpētāja slodzi un no 15 līdz 45 pensionāta iemītnieki uz vienu medicīnas māsas slodzi (skat. 2.tabulu).

Aprūpētāju un medicīnas māsu slodžu skaita attiecība pret pensionāta iemītņieku skaitu [2]

Pansionāti	Aprūpētāju slodžu skaita attiecība pret pensionāta iemītņieku skaitu	Medicīnas māsu slodžu skaita attiecība pret pensionāta iemītņieku skaitu	Rehabilitācijas speciālistu slodžu skaita attiecība pret pensionāta iemītņieku skaitu
Valsts sociālās aprūpes centrs "Kurzeme"	4,44	21,5	51,6
Valsts sociālās aprūpes centrs "Zemgale"	6,89	34,3	823,0
Valsts sociālās aprūpes centrs "Latgale"	5,61	34,2	52,4
Valsts sociālās aprūpes centrs "Rīga"	2,84	22,7	42,8
Valsts sociālās aprūpes centrs "Vidzeme"	6,42	26,8	291,4

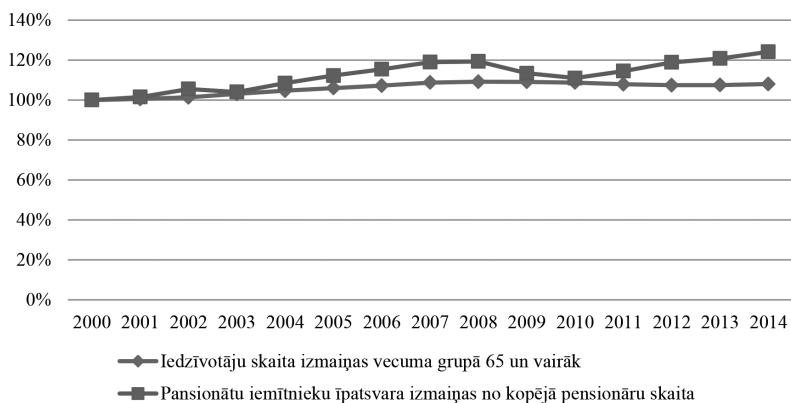
Ņemot vērā kvalitatīvo datu analīzi un mediju apkopoto informāciju, aprūpētāju nodrošinājums joprojām tiek uzskatīts par nepietiekošu [6]. Turklāt mazinoties darbaspēka īpatsvaram laika posmā līdz 2030.gadam, kā to parāda Eurostat dati, pensionātu iemītņieku skaita attiecība pret aprūpētāju un medicīnas māsu slodžu skaitu pieaugs, ņemot vērā līdzinājās tendences vecu cilvēku īpatsvara pieaugumu un pensionāta iemītņieku īpatsvara pieaugumu pensionāru populācijā laika posmā no 2000.- 2014.gadam (skat.1. attēlu).

Pētījuma galvenais secinājums un priekšlikumi

Demogrāfijas struktūras izmaiņas nākotnē, kā arī jau esošs cilvēku resursu trūkums pensionātos, saasinās situāciju ar cilvēku resursu nodrošināšanu tajos, radot vēl lielāku aprūpētāju un māsu trūkumu. Vēl jo vairāk tādēļ, ka zemā atalgojuma dēļ ir grūti piesaistīt jaunus darbiniekus šajā sfērā.

Ņemot vērā pētījuma galveno secinājumu, būtu jārada jauni modeļi cilvēku resursu plānošanai pensionātos, lai cilvēku resursu nodrošinājums būtu optimāls, kā arī nodrošinātu labāku pensionātu iemītņieku aprūpi. Tāpat aktīvi jārisina personāla piesaistes jautājumus, lai radītu motivāciju strādāt vecu ļaužu aprūpes jomā. Esošā cilvēku resursu plānošanas sistēma ir jāpilnveido, ņemot vērā demogrāfijas un finansējuma prognozētās izmaiņas.

Iedzīvotāju skaita (65+ gadi) un pansionāta iemītņieku dinamika
vecuma grupā 65+ gadi, 2000.-2014. gads

1. attēls. Iedzīvotāju skaita vecuma grupā 65+ un pansionātu iemītņieku īpatsvara dinamika laika posmā no 2000.- 2014. gadam [1]

Izmantotās literatūras un avotu saraksts

1. Csb.gov.lv,. (2015). Statistikas datubāzes | Latvijas statistika. Retrieved 13 November 2015, from <http://www.csb.gov.lv/dati/statistikas-datubazes-28270.html>
2. Latvijas Republikas Labklājības ministrija,. (2011). Statistikas pārskats par sociālām iestādēm Latvijā. Dati pēc individuāla pieprasījuma.. Rīga: Latvijas Republikas Labklājības ministrija.
3. Latvijas Republikas Tiesībsargs,. (2013). Latvijas Republikas tiesībsarga ziņojums par Valsts sociālās aprūpes centriem pilngadīgām personām ar garīga rakstura traucējumiem. Rīga: Latvijas Republikas Tiesībsargs. Retrieved from http://www.tiesibsargs.lv/files/content/zinojumi/Zinojums%20par%20VSAC%20-%20kopsavilkums_gala.pdf
4. Pilseta24.lv,. (2011). Rīgas veco ļaužu uzturēšanās iestādēs vēlas algot vairāk aprūpētāju. Retrieved 22 November 2015, from <http://riga.pilseta24.lv/zina?slug=rigas-veco-lauzu-uztusesanas-iestades-velas-algot-vairak-aprupetaju>
5. Profesionālās darbības organizēšana valsts sociālās aprūpes centros. (2010) (2nd ed.).
6. TVNET,. (2012). LM atzīst, ka aprūpe sociālajos centros nav pietiekama. Retrieved 9 October 2015, from http://www.tvnet.lv/zinas/latvija/422674-lm_atzist_ka_aprupe_socialajos_centros_nav_pietiekama
7. Appso.eurostat.ec.europa.eu,. (2015). Population projections. Retrieved 25 October 2015, from <http://appso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do>
8. Crisp, N., & Chen, L. (2014). Global Supply of Health Professionals. New

England Journal Of Medicine, 370(10), 950-957. <http://dx.doi.org/10.1056/nejmra1111610>

9. European Commission, (2012). Economic and budgetary projections for the 27 EU Member States (2010-2060). European Economy.
10. Lee, H., Blegen, M., & Harrington, C. (2014). The effects of RN staffing hours on nursing home quality: A two-stage model. *International Journal Of Nursing Studies*, 51(3), 409-417. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2013.10.007>
11. Palacios-Cena, D., Hernandez-Barrera, V., Jimenez-Garcia, R., Valle-Marti, B., Fernandez-de-las-Penas, C., & Carrasco-Garrido, P. (2013). Has the prevalence of health care services use increased over the last decade (2001-2009) in elderly people? A Spanish population-based survey. *Maturitas*, 76(4), 326-333. <http://dx.doi.org/10.1016/j.maturitas.2013.07.016>
12. Helsedirektoratet.no, (2015). IPLOS-registeret. Retrieved 22 November 2015, from <https://helsedirektoratet.no/iplos-registeret>
13. Kvale, S., Rygge, J., Brinkmann, S., & Anderssen, T. (2009). *Det kvalitative forskningsintervju*. Oslo: Gyldendal akademisk.
14. Ssb.no, (2015). Mitt SSB: Statistikkbanken. Retrieved 22 November 2015, from <https://www.ssb.no/statistikkbanken/selecttable/hovedtabellHjem.asp?KortNavnWeb=pleie&CMSSubjectArea=helse&checked=true>
15. Tjora, A. (2012). *Kvalitative forskningsmetoder i praksis*. Oslo: Gyldendal Akademisk.

Ikgadējā darbinieku novērtēšanas aktualitāte Pašvaldības SIA „Veselības un sociālās aprūpes centrs - Sloka”

Sandra Bērziņa

Baltijas starptautiskā akadēmija, Rīga, 6 Latvija

Maģistrants, Cilvēku resursu vadība

sandrux777@inbox.lv

Zinātniskais vadītājs: Dr.oec., as.prof.V. Morohins

Anotācija

Pētījumā ir veikta ikgadējā darbinieku novērtēšanas analīze, aplūkota darbinieku novērtēšanas sistēma, tās pilnveidošanas iespēja, kā arī darbinieku novērtēšanas statistikas rādītāji. Pētījuma mērķis ir izstrādāt priekšlikumus, kuri sekmētu darbinieku novērtēšanas sistēmas pilnveidošanu, kas uzlabotu darbinieku darba kvalitāti, darba samaksas sistēmu. Darba novitāte ir cilvēkresursu novērtēšana, kas veicinātu kvalitatīva rakstura izmaiņas darbinieku un vadības starpā, kā arī nodrošinātu stabilitāti, profesionālu un motivētu sadarbību kopīgu mērķu sasniegšanai. Pētījumā tika pielietotas aprakstošās, kvantitatīvā un sistēmiskā metode. Nobeigumā tika izvirzīti priekšlikumi par darbinieku novērtēšanas efektivitāti darba ražīguma palielināšanai iestādē.

Atslēgas vārdi: cilvēkresursu novērtēšana, darbinieks, mērķis, sistēma, vadītājs.

Annotation

In research is done analysis of annual employee evaluation, inspected the system of employee evaluation, possibility of improvement as also statistical data of employee evaluation. The aim of research is to develop proposals to ensure improvement of employee evaluation system which will improve work quality as also the wage system. Novelty is evaluation of human resources, which ensures qualitative changes between employees and management as also provides stable, professional and motivated co-operation to reach common aim. in research is used descriptive, quantitative and systematic method. There are proposals of employee evaluation efficiency made to increase work productivity in institution.

Keywords: Evaluation of human resources, an employee, a system, manager.

Ievads

Darbinieku novērtēšana ir komplicēts un ilgstošs process, un tā izstrādei un ieviešanai nepieciešami ievērojami resursi. Personāla jeb esošo darbinieku novērtēšanai ir divi galvenie pamatmērķi: noskaidrot darbinieku motivāciju un kompetences un plānot darbinieku motivāciju, kā arī apzināt viņu sasniegumu un attīstības līmeni [5]. Novērtējot tiek noskaidrots, vai darbiniekam ir motivācija un vēlme strādāt, tāpat tiek izzināti faktori, kas mazina viņu motivāciju. Darbinieks ir uzņēmuma galvenā vērtība, jo ar savu darbu un resursiem nodrošina uzņēmuma peļņu un attīstību attiecīgajā jomā, tāpēc cilvēkresursus nepieciešams plānot un

katru darbinieku nodarbināt tajā jomā, kur viņš ir visspēcīgākais. Novērtēšana dod iespēju motivēt un noturēt visvērtīgākos darbiniekus, kā arī lietderīgi izmantot katra darbinieka potenciālu. Darbinieku novērtēšana uzņēmumā parasti ir process, kas tiek detalizēti plānots un veikts noteiktā laika periodā. Uzņēmuma darbinieki novērtēšanas procesu var uztvert ļoti atšķirīgi, jo parasti tas saistās ar pārmaiņām, kas cilvēkos raisa neziņu un bailes. Tas nozīmē, ka novērtēšanas procesa organizācijai jābūt atklātai un jāveic detalizēta izskaidrošana uzņēmuma darbiniekiem.

PSIA „Veselības un sociālās aprūpes centrs – Sloka” darbinieku novērtēšanu veic vienu reizi gadā, ar mērķi novērtēt katra darbinieka darba kvalitāti, tālākattīstību, kvalifikācijas paaugstināšanu, kā arī pārkāpumus. Novērtēšanas rezultātā tiek salīdzināti iepriekšējā perioda nospraustie uzdevumi, to izpilde. Apkopojot novērtēšanas rezultātus, tiek noteikta darbinieku kvalifikācijas pakāpe, jo saskaņā ar „Valsts un pašvaldību institūciju amatpersonu un darbinieku atlīdzības likumu” [2] darba algu nosaka atbilstoši šī likuma noteiktajām normām.

PSIA „Veselības un sociālās aprūpes centrs – Sloka” vidēji nodarbināti ir 106 darbinieki, kas ir dažādu profesiju pārstāvji ar dažādiem izglītības līmeņiem, kvalifikāciju un darba pieredzi.

Sakarā ar zemo atalgojumu, nepietiekamu motivāciju PSIA „Veselības un sociālās aprūpes centrs – Sloka” ir liela kadru mainība. Daudzi darbinieki, īpaši saimnieciski tehniskais, administrācijas darbinieki darba attiecības uzsāk ar domu, tikai uz kādu laiku, līdz atradīs citu piemērotāku darba vietu.

1. tabula

Atbrīvotie darbinieki gada laikā 2012.-2014. gads

	2012	2013	2014
Visi darbinieki	49	51	44
t.sk.			
administrācija	2	2	5
Medicīniskais personāls	8	6	6
Aprūpes personāls	23	20	18
Saimnieciski tehniskais personāls	16	23	15

Sakarā ar salīdzinoši zemo atalgojumu iestādē ir jūtams personāla trūkums, jo saskaņā ar „Sociālās palīdzības un sociālo pakalpojuma likuma” [1] un „Ārstniecības likuma” [4] prasībām noteiktām amatu kategorijām jābūt ar speciālo izglītību, sertificētām, reģistrētām ārstniecības reģistrā. Līdz ar to, šī pētījuma mērķis ir aktualizēt darbinieku novērtēšanas sistēmu, lai ar šīs sistēmas palīdzību motivētu darbiniekus tālākizglītoties, paaugstināt kvalifikāciju. Lai sasniegtu izvirzīto mērķi tika izmantotas aprakstošās, kvantitatīvās un kvalitatīvās pētniecības metodes.

Svarīgākās atziņas teorijā, praksē

Izvērtējot katra darbinieka darba rezultātus, darbinieks vispirms veic savu pašnovērtējumu 5 baļļu sistēmā aizpildot „Darbinieku kompetenču un darba rezultātu novērtēšanas anketu”, tad tiešais darba vadītājs – 5 baļļu sistēmā un pēdējais posms kopīgas pārrunas ar iestādes vadītāju un administrāciju, kur tiek apkopoti visi darbinieka rādītāji. Nozīme arī ir darbinieka darba stāžam. Novērtēšanas beigu posms ir darbiniekam kvalifikācijas noteikšana un piešķiršana, ko veic saskaitot iegūtās balles.

Veicot darbinieku novērtēšanu bieži darbiniekiem ir nesaprašanā, kāpēc jābūt tādai novērtēšanas sistēmai, ja ar labiem darba rezultātiem gan kvalitatīviem, gan kvantitatīviem tomēr darba algas starpība nav nozīmīga. Tas izskaidrojams ar to, ka pašvaldības uzņēmumam ir jāvadās no „Valsts un pašvaldību institūciju amatpersonu un darbinieku atlīdzības likumu” [2] noteiktajām mēnešalgu grupām un maksimālajām mēnešalgām.

1. Tabula

Mēnešalgu grupas un maksimālās mēnešalgas [3]

Nr. p. k.	Mēnešalgu grupa	Mēnešalgas maksimālais apmērs (<i>euro</i>)
1.	16	ne vairāk kā 2441
2.	15	ne vairāk kā 2353
3.	14	ne vairāk kā 2264
4.	13	ne vairāk kā 1917
5.	12	ne vairāk kā 1647
6.	11	ne vairāk kā 1382
7.	10	ne vairāk kā 1174
8.	9	ne vairāk kā 994
9.	8	ne vairāk kā 874
10.	7	ne vairāk kā 788
11.	6	ne vairāk kā 700
12.	5	ne vairāk kā 620
13.	4	ne vairāk kā 558
14.	3	ne vairāk kā 501
15.	2	ne vairāk kā 450
16.	1	ne vairāk kā 403

Šobrīd šī sistēma tiek pielietota pašvaldības uzņēmumos, tomēr jāsecina, ka augstāko darba samaksas likmi uzņēmums bieži nevar piešķirt, jo piešķirtā darba algas fonda ietvaros tas nav iespējams vai arī ja uzņēmums vēlas piemaksāt darbiniekam no pašu ieņēmumiem (maksas pakalpojumi), tas nav iespējams, jo to neapstiprina pašvaldība, ir pašvaldības apstiprināts štatū saraksts ar darba algu.

3.tabula

**Darba algas kategorijas un apmērs aprūpētājs 39. saime, 1. līmenis, 3. mēnešalgu grupa
profesijas klasifikatora kods 5322 02**

1. kategorija	2. kategorija	3. kategorija
400 - 430	430- 470	Ne vairāk kā 501

Šobrīd šī sistēma tiek pielietota pašvaldības uzņēmumos, taču tai trūkst zinātniskas pieejas, kas skar cilvēku resursu politiku. Izvērtējot darbiniekus bieži nonākam pie dilemmas, ka darbiniekam ar augstāku izglītības līmeni, darba stāžu un sasniegumiem atalgojums salīdzinot ar darbinieka ar zemāku izglītības līmeni, darba stāžu algas starpība ir ļoti minimāla (skat. 2. tabulu).

Pētījuma rezultāti un to izvērtējums

Darbinieku ikgadējā novērtēšana nav viegls uzdevums, jo ņemot vērā faktu, ka Eiropā ir jūtams medicīnas un sociālo darbinieku trūkums [7]. Notiek liela kadru mainība. Ar darbinieku novērtēšanas palīdzību iestādei vajadzētu celt darbinieku motivāciju . Personāla motivācijas pamatā ir uzņēmuma ilgtermiņa stratēģija un politika. Tai jābūt izstrādātai un pārdomātai, lai veicinātu darbinieku attīstību, vēlmi strādāt un saņemt atbilstošu novērtējumu par paveikto. Viena no pamatfāzēm ir konkurējošas un mērķtiecīgas atalgojuma politikas izstrāde, optimālas darba samaksas sistēmas ieviešana, nodrošinot visas sociālās garantijas un nodokļu nomaksu. PSIA „Veselības un sociālās aprūpes centrs – Sloka” iespēju robežās motivē savus darbiniekus ievērojot normatīvos aktus, piešķirto budžetu, kā arī ienākumus no saimnieciskās darbības (maksas pakalpojumi) . Lai motivētu darbiniekus veic darbinieku apmācību, apdrošināšanu nelaiemes gadījumiem un veselības apdrošināšanu, darbinieku ēdināšanu par pašizmaksu, kā arī medicīniskos pakalpojumus par pazeminātām cenām. PSIA „Veselības un sociālās aprūpes centrs - Sloka” savu darbinieku apmācībai piešķir lielu nozīmi, jo darbam ar mūsu pacientiem un klientiem ir jābūt īpašām darba prasmēm un zināšanām. Centrs ir nodibinājis mācību filiāli kā savu struktūrvienību, kas reģistrēta izglītības ministrijā, kur var tālākizglīties gan aprūpētāji, medicīnas māsas, pedagogi. Centram visas mācību programmas ir licenzētas, var iegūt kredīta punktus. Saviem darbiniekiem Centrs organizē šos kursus par brīvu vai ievērojamām atlaidēm, kas ir liels atspazds darbiniekiem, jo saskaņā ar „Sociālās palīdzības un sociālo pakalpojumu likuma” šādā institūcijā strādājošiem ir obligāti jāveic kvalifikācijas celšana

– aprūpētājiem -8 stundas, soc. aprūpētājiem -16 stundas, sociāliem darbiniekiem – 24 stundas [1]. Medicīnas māsām , ārstiem , lai pagarinātu savu reģistru un sertificēšanu tāpat jānoklausās noteikts lekciju cikls , lai iegūtu vajadzīgās kredītstundas. Centrā godina darbiniekus apaļajās dzīves jubilejās ar atzinības rakstiem, Centra gadadienā ar atzinības rakstiem un piemiņas balvām. Jāsecina, ka šis uzmanības un cieņas apliecinājumu arī dod lielu gandarījumu darbiniekiem. Tāpat mēs Centra darbinieku esam izvirzījuši nominācijai Jūrmalas Gada cilvēks, kur darbinieks šo titulu ieguva, un vienu ilggadēju darbinieci Trīszvaigžņu ordeņa nominācijai, kur viņu arī nominēja .

Pētījuma galvenais secinājums un priekšlikumi

PSIA „Veselības un sociālās aprūpes centrs – Sloka” darba snieguma vērtēšana ir iekļauta darba izpildes vadības sistēmā un ir cieši saistīta ar apmācību un attīstības plānu. Darba sistēmas pārvaldīšanas sistēma saista katra darbinieka veikumu ar kopējiem uzņēmuma mērķiem. Šī sistēma uzņēmuma vadībai palīdz apzināt katra darbinieka veikumu, kas tiek gaidīts no katra darbinieka, sniegt nepieciešamo atbalstu mērķa sasniegšanā, regulāri pārbaudīt sasniegto, aktīvi iesaistīties darbu veikšanā. Novērtēšanas mērķi var būt saistīti gan ar skaidrības ieviešanu par nospraustajiem uzdevumiem, veiksmīgu kritēriju izpildi saistībā ar algu , un prēmijām, gan atalgojuma izmaiņām, gan atlaišanu, brīdināšanu, atzinības, atbalsta izteikšanu, gan problēmu atrašanu, personiskās vērtības apzināšanās veicināšanu. Vērtēšanas mērķis ir arī nodrošināt optimālus, tajā skaitā divpusējus saziņas kanālus. Radīt iespēju saņemt atgriezenisko saiti no vadītāja, motivēt darbiniekus, kā arī uzlabot uzņēmuma kopējo darbību.

Ņemot vērā pētījuma secinājumu, būtu jārada jauna darba samaksas sistēma valsts un pašvaldību institūciju amatpersonu un darbinieku atlīdzībā, lai varētu motivēt un piesaistīt kvalificētus darbiniekus, lai izskaustu lielo kadru mainību, kā arī darbinieku strādāšanu vairākās darba vietās, kas mazina darba kvalitāti.

Izmantotās literatūras un avotu saraksts

1. LR „Sociālo pakalpojumu un sociālās palīdzības likums” 01.01.2003. ar grozījumiem 02.02.2015.;
2. LR„Valsts un pašvaldību institūciju amatpersonu un darbinieku atlīdzības likums” ar grozījumiem 17.12.2015.;
3. LR„Valsts un pašvaldību institūciju amatpersonu un darbinieku atlīdzības likums” pielikums Nr.3 ar grozījumiem 17.12.2015.;
4. LR „Ārstniecības likums” ar grozījumiem 16.07.2015.
5. Boitmane I. Personāla atlase un novērtēšana, Rīga, „Lietišķās informācijas dienests”2006, 106-107.lpp;
6. Zīlīte L. Personāla vadība un socionika, Rīga SIA „Biznesa augstskola Turība”2013, 112-113. lpp;
7. Crisp,N&Chen,L(2014),Global Supply of Health Professionals.New England JournalOf Medicine, 370.http://dx.doi.org/10.1056/nejmra1111610.

Sociālā darba vadīšanas loma romu tautības sociālās atstumtības mazināšanā

Iloņa Teihmane

Profesionālā maģistra studiju programma „Cilvēku resursu vadīšana”

Latvija, Baltijas Starptautiskā Akadēmija, Latvija

ilona.teihmane@inbox.lv

Zinātniskais vadītājs: Dr.sc.ing.,as.prof. **Žanna Caurkubule**

Anotācija

Rakstā tika apkopoti sociālās rehabilitācijas atbalsta pasākumi, metodes un pieredze darbā ar mazaizsargāto sabiedrības grupu (romiem) Jūrmalā. **Pētījuma mērķis** ir analizēt teorētiskos un praktiskos aspektus par sociālās rehabilitācijas pakalpojumiem romu tautības iedzīvotājiem. **Pētījuma problēma**-romu integrācija sabiedrībā **Novitāte**-sociālās rehabilitācijas centra mērķis ir veicināt romu iekļaušanos sabiedrībā un veicināt romu konkurētspēju un veiksmīgu iekļaušanos darba tirgū, jo pētot romu stāvokli Latvijā ir secināts, ka to problēmas seko viena aiz otras kā apburtajā lokā, no kura tikt ārā ir samērā grūti. Darbā tika **izstrādāti priekšlikumi un ieteikumi**, kas sekmētu sociālo darbu ar mērķa grupu veiksmīgākai sadarbībai- mazināt klienta atkarību nosakot profesionālas robežas; veidojot kontaktu un uzticību ar klientu, pieņemot kāds viņš, respektējot viņa specifiskās vajadzības, kultūras iezīmes utt.

Atslēgas vārdi: Sociālais darbs, vadīšana, integrācija, sociālā atstumtība

Abstract

In the article were gathered support measures in social rehabilitation, methods and experience gained while working with vulnerable groups of society (Roma) in Jūrmala city. The aim of research is to analyze theoretical and practical aspects of social rehabilitation services for Roma population. Problem of the research- integration of Roma in society. Novelty- centre of social rehabilitation aim is to encourage Roma integration in society as also to increase their competitiveness and successful joining in to labour market. While researching Roma situation in Latvia it has come to conclusion, that the problems are following like in a circle and it is quite hard to get out of it. There are proposals and suggestions created for social work promotion to greater co-operation- to reduce subordination of client for professional borders: to build contact and trust with client, to accept as he is, while respecting his specific needs, culture features etc.

Keywords: social work, management, integration, social exclusion

Ievads.

Kā galvenie iemesli negatīvajām attieksmēm pret atšķirīgu etnisko grupu pārstāvjiem, ir saskatāmi pozitīvas saskarsmes pieredzes trūkumā un bailēs no svešā, galvenie ksenofobijas pārvarēšanas pamatmehānismi ir atklātas sabiedrības veidošana, veicinot saskarsmi dažādu grupu pārstāvju vidū, iepazīstot citādo un

izplatot „labās” prakses un pozitīvo pieredzi.

Sociālo pakalpojumu attīstība ir būtisks Latvijas sociālās politikas mērķis, kā arī svarīgs priekšnoteikums mazaizsargāto sabiedrības grupu sociālās atstumtības mazināšanai un viens no sociālo pakalpojumu veidiem ir sociālā rehabilitācija un tajā veiktais sociālais darbs.

Darba mērķis ir identificēt sociālā darba vadīšanas šķēršļus darbā ar romiem un izstrādāt priekšlikumus, kas sekmētu sociālo darbu ar mērķa grupu veiksmīgākai sadarbībai romu tautības sociālo atstumtības mazināšanā. Darbā izmantotās izpētes **metodes** - teorētiskās literatūras un praktiskās pieredzes analīze.

Svarīgākās atziņas teorijā, praksē

Romu skaits Latvijā 2015.gadā ir 7796, kas ir 0,36% no kopējā iedzīvotāju skaita.

Sociālā darba vadīšanas loma romu tautības sociālo atstumtības mazināšanā ir veicināt romu iekļaušanos sabiedrībā un veicināt viņu konkurētspēju un veiksmīgu iekļaušanos darba tirgū, jo pētot romu stāvokli Latvijā ir secināts, ka to problēmas seko viena aiz otras kā apburtajā lokā, no kura tikt ārā ir samērā grūti, kā redzams 1.attēlā romu kopienas „apburtais loks” [2]:

1.attēls. Romu kopienas „apburtais loks”

Vai romu tautības darba meklētāju nepieņem tāpēc, ka kandidāts ir roms, vai tāpēc, ka šim kandidātam nav izglītības? Izglītības trūkums ir daudzu romu problēma. Un kam gan mūsdienās vajag neizglītotu darbinieku? Diskriminācija, sociālā atstumtība un segregācija, ar ko saskaras romi, **ir savstarpēji pastiprinoši faktori**. Tiem ir ierobežotas iespējas iegūt augstas kvalitātes izglītību, grūtības integrēties darba tirgū, attiecīgi zems ienākumu līmenis un slikts veselības stāvoklis, kā dēļ ir lielāka mirstība un īsāks mūža ilgums salīdzinājumā ar citu tautību iedzīvotājiem [3].

Pēdējos gados daudz tiek minēts par **romu integrāciju** sabiedrībā. Tomēr jāvērs uzmanība, ka integrēta sabiedrība ir tā, kurā iesaistītie indivīdi atbalsta sabiedrībā pieņemto kārtību, pieņem un ievēro tās noteiktās normas, vērtības, uzskatus, iesaistās un piedalās sabiedriskajos, ekonomikas u.c. procesos, ir lojāli pret attiecīgo sabiedrību. Psiholoģiskā nozīmē **integrācija ir spēja uzticēties**. Uzticēšanās sabiedrībā attīstīsies tikai tad, ja integrācijā iesaistītās puses jūties drošas un aizsargātas. Latviešiem tas nozīmē garantijas savu tradīciju, dzīvesveida, latviskās identitātes, tautas dzīvē spēka attīstības nodrošināšanā. Cittautiešiem uzticēšanās pamatā ir pārliecība, ka Latvijas valsts interesēs nav viņu izraidīšana, piespiedu asimilācija vai tiesību ierobežošana. Ir jācieņa ne vien savas tradīcijas, dzīvesveids, bet arī mazākumtautību valoda un kultūra. **Sabiedrības integrācija neparedz etniskās identitātes zaudēšanu**, bet gan tās izkopšanu un paplašināšanu, jo konkrēti šajā gadījumā ir romu kultūra ir ļoti spilgta.

Par sociālu problēmu romu integrācijā var uzskatīt tā saucamo „**sociālo barjeru**”, kas tiek definēta kā „fizisko un psiholoģisko šķēršļu kopums, kas traucē cilvēkiem iekļauties sabiedrībā un veicina sociālo izslēgtību un izolētību”.

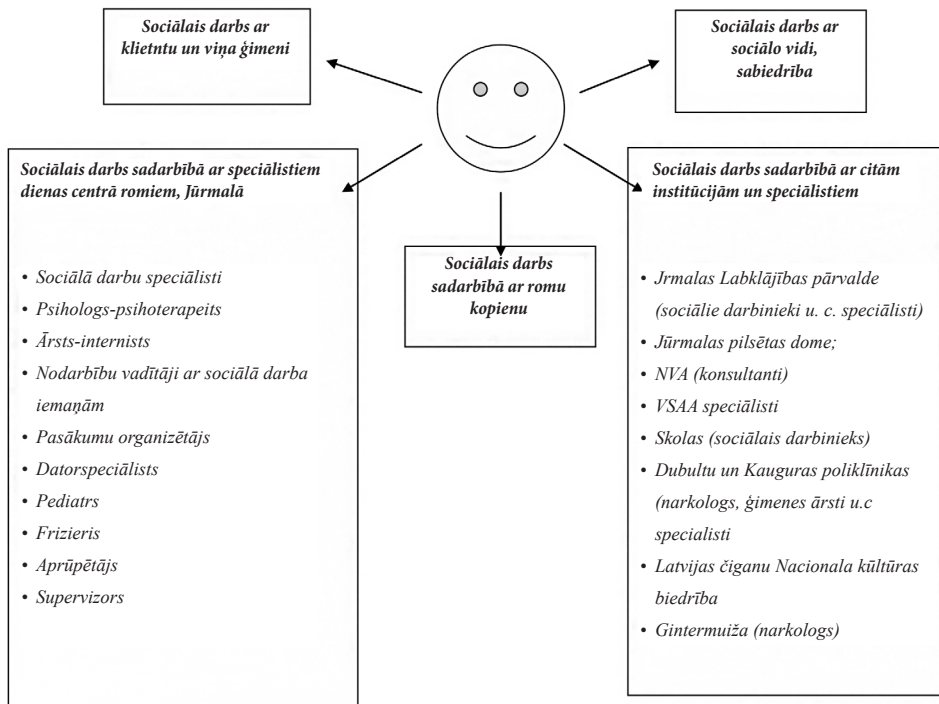
Integrācija ir daudzpusējs process - tas nozīmē ne tikai to, ka cittautieši ir apguvuši latviešu valodu un pārvarējuši atsvešinātību no latviešu kultūras vērtībām, bet arī - latviešu “atvērtību” attieksmē pret cittautiešiem. Līdz šim Latvijā nereti ir valdījis uzskats, ka **integrācija ir cittautiešu problēma**. Taču ir jāmainās arī latviešu attieksmei un izpratnei. **Sabiedrības integrācija** Latvijā - tā ir pie dažādiem sociāliem slāņiem piederošu cilvēku, latviešu un cittautiešu, pilsoņu un nepilsoņu **partnerība**, kurā aktīvas ir visas integrācijā iesaistītās puses [1].

Sociālais darba vadīšana darbā ar romiem, tas nav tikai darbs ar mērķa grupu, tā ir nepārtraukta sadarbība ar klienta ģimenēm, dažādiem speciālistiem un citām institūcijām.

Pētījuma rezultāti un to izvērtējums

Analizējot teorētiskos un praktiskos aspektus **sociālā darba vadīšanā** darbā ar romiem, referāta autore saskārās ar sekojošiem šķēršļiem sociālās atstumtības mazināšanā :

- 1. Iesaistīšanās.** Sākumā grūtības nodibināt kontaktu starp sociālo darbinieku un klientu (nepieciešama pacietība, klients vēro, atklājas pamazām).

2.attēls. Sociālā darba vadīšanas virzieni sociālās atstumtības mazināšanā [4]

2. **Informācijas vākšana un tās analīze.** Klients neuzticas līdz galam, nepatiešas informācijas sniegšana;
3. **Problēmas definēšana.** Dažāda izpratne par sociālām problēmām un to risināšanu.
4. **Mērķu noformēšana.** Klients uzstāda nereālus un neizpildāmus mērķus (piem. dzīvokļa piešķiršanā (man pienākas), darba jautājumos(labi atalgots darbs, bet neatbilstoša izglītība utt.).
5. **Vienošanās noslēgšana ja klients piekrīt.** Lai radītu klientā uzticību, jāveic periodiski izskaidrojošs darbs (kāpēc nepieciešama informācija, kas tiek rakstīts utt.).
6. **Intervence.** Sadarbībā ar citām institūcijām un profesionāliem jūtama profesionāļu vidū dažāda izpratne par šo mērķa grupas sociālām problēmām un to risināšanu.

Klients gaida tūlītēju rezultātu.

Grūtības klientu motivēt aktīvi līdzdarboties savas problēmas risināšanā.
Veicot intervenci jāņem vērā romu kultūras atšķirības, vērtības, normas, specifiskās vajadzības.

Secinājumi un priekšlikumi

Secinājumi un priekšlikumi, kas sekmētu sociālo darbu ar mērķa grupu veiksmīgākai sadarbībai romu tautības sociālo atstumtības mazināšanā:

1. Veidojot kontaktu un uzticību ar klientu, **pieņemt** kāds viņš, **respektējot viņa specifiskās vajadzības**, kultūras iezīmes utt.

2. Analizējot nepieciešamo informāciju par klienta dzīves vietu, sociāliem apstākļiem, izglītību, finansiālo stāvokli (datu vākšana, iztaujāšana, apsekošana dzīves vietā, anketas utt.) **respektēt viņa vēlmi ar to dalīties**;

3. **Kopā ar klientu noteikt** iespējamās problēmas cēloņus, seku mijiedarbību un sastādīt intervences plānu, tādējādi veicinot klienta piedalīšanos, līdzdalību savas problēmas risināšanā;

4. Identificējot problēmu(as), iedrošinot un atbalstot, **palīdzēt** klientam atrisināt un mazināt problēmu loku;

5. Regulāri novērtēt palīdzības efektivitāti, **veicot izskaidrojošu** darbu ar klientu par problēmas risinājuma gaitu (individuālās pārrunas);

6. Lai veicinātu klienta uzticēšanos vēlams nodrošināt **empātisku** komunikāciju;

7. Priekšlikumus pasniegt **ieteikumu formā**, neuzstājot;

8. Ja klients ieteikumus nepieņem, **neuzspiest** savu viedokli, teiktais tiek atkārtots citiem vārdiem, lai pārliecinātos, vai pareizi saprasts teiktais;

9. Mazināt klienta atkarību nosakot **profesionālas robežas**;

10. **Neizvirzīt** pārspīlētas prasības, kas izraisa klientā neizpratni, lai ieguldītais darbs mērķa sasniegšanā, būtu klientam iespējams.

Literatūras un avotu saraksts:

1. Iniciatīvu izglītību centrs ESF projekts “Iecietības kultūra Latvijas vidē”
2. Romu kopienas „apburtais loks”. Avots: www.neogeo.lv
3. Romu sociālā un ekonomiskā integrācija <http://eur-lex.europa.eu>
4. Sociālās rehabilitācijas programmas izstrāde un ieviešana dienas centrā Jūrmalā romu tautības iedzīvotājiem

1DP/1.4.1.2.4./10/APIA/NVA/003, Jūrmala, 2013

Darbinieku adaptācijas vadības mehānismi un līdzekļi sociālās aprūpes un sociālās rehabilitācijas institūcijā

Danuta Vanaģele

Baltijas starptautiskā akadēmija, 6 Latvija
Profesionālās maģistra studiju programma „Cilvēku resursu vadīšana”
datella@inbox.lv

Zinātniskais vadītājs: as. prof. Dr.oec. Viktors Morohins

Anotācija

Šī pētījuma mērķis izpētīt darbinieku adaptācijas vadības procesu un noteikt adaptācijas kavējošos faktorus sociālās aprūpes un sociālās rehabilitācijas institūcijā un izstrādāt priekšlikumus veiksmīgai darbinieku adaptācijas vadības mehānismu un līdzekļu pilnveidošanai. Pētījumā tika pielietotas kvalitatīvās un kvantitatīvās pētījuma metodes. No pētījuma rezultātiem autore secina, ka adaptāciju raksturo gan ievadīšana darbā, gan psiholoģiskie faktori, gan gala rezultāts.

Atslēgas vārdi: darbinieku adaptācija, vadības mehānismi un līdzekļi.

Abstract

The object of this research is to explore the adaptation of staff management process and identify adaptation hindering factors in institution which provide social care and social rehabilitation, and to develop proposals for the adaptation of successful employee management mechanisms and resources for improvement. In study was used qualitative and quantitative research methods. From the results of the research the author concludes that adaptation is characterized by induction and psychological factors as well as the final result.

Key words: Employee's adaptation, management mechanisms and tools.

Ievads

Katram cilvēkam ir sava iepriekš iegūta profesionālā pieredze un priekšstati par darbu, kā arī sava motivācija, vērtību un attieksmju sistēma kā ietekmē tiek izvēlēta darba vieta. Darbiniekam jaunā darbā ir nepieciešams adaptācijas laiks, kur būtisks ir darbinieka socializācijas līmenis un spēja pielāgoties jauniem darba apstākļiem.

Latvijas uzņēmumu prakse jaunu darbinieku integrācijā ir ļoti atšķirīga, katrs uzņēmums izmanto tieši savai uzņēmējdarbībai efektīvākos veidus un instrumentus. Institūcijā liela nozīme ir komandas saliedētībai, darbinieku lojalitātei un adekvātai izpratnei par uzņēmuma vērtībām un mērķiem. Šeit minama iepazīstināšana ar pašu uzņēmumu, tā vēsturi un citiem svarīgiem uzņēmuma faktiem, ievadapmācības, zināšanu pārbaude, kopīgi darba un ārpus darba pasākumi, kas ļauj ātrāk iekļauties kolektīvā, mikroklimate pētījumi un individuālas sarunas/aptaujas ar jauno darbinieku.

Novitāte: Noteikti adaptācijas kavējošos faktoros sociālās aprūpes un sociālās rehabilitācijas institūcijā un izstrādāti priekšlikumi veiksmīgai darbinieku adaptācijas vadības mehānismu un līdzekļu pilnveidošanai, nodrošinot veiksmīgu darbinieku adaptācijas vadību sociālās aprūpes un sociālās rehabilitācijas institūcijā.

Pētījuma metodes: Teorētiskās metodes: Zinātniskās literatūras analīze; Normatīvo dokumentu analīze. Empīriskās metodes: Aptauja; Datu analīzes metodes: Kvantitatīvo datu apstrāde.

Svarīgākās atziņas teorijā , praksē

Ilgvars Forands savā darbā apraksta, ka adaptācijas būtība ir cilvēka ātrāka pielāgošana apkārtējai videi, gan darba, gan sociālai, savukārt adaptācijas mērķis ir “saīsināt pielāgošanās un iestrādes periodu, pēc iespējas ātrāk izmantot darbinieka zināšanas un prasmes un palīdzēt darbiniekam būt apmierinātam ar izvēli” [3]. Sandra Pallo – Enika, izstrādātajos mācību materiālos, akcentē adaptāciju kā integrācijas daļu un skaidro abu jēdzienu sakarības:

- **integrācija** – pilnīga iekļaušana uzņēmumā vai organizācijā, konsolidēšana ar jauno kolektīvu, pieņemot tā normas, tradīcijas, vienlaikus saglabājot cilvēka individualitāti un neatkarību;
- **adaptācija** – ir integrācijas daļa, kas saistīta ar jauno darbinieku mācīšanu un sagatavošanu noteiktu pienākumu pildīšanai [2].

Armands Kalniņš prezentācijā “Personāla adaptācija un socializācija” akcentē citus adaptācijas atslēgvārdus, kur adaptācija ir definēta kā “pielāgošanās jaunai situācijai, prasībām, noteiktiem apstākļiem, kas patstāvīgi mijiedarbojas ar negatīvo (nelabvēlīgo) faktoru pārvarēšanu saistītu piemērošanos videi (organizācijai, darbam)” [1].

Autore secina, ka, aplūkojot trīs dažādus adaptācijas jēdzienus, var secināt, ka adaptāciju raksturo ievadīšana darbā, kas saistīta ar jaunā darbinieka mācīšanu (iztrūkstošo zināšanu un prasmju apguve) un formālo informēšanu par darba kārtību, esošajiem noteikumiem un normām, gan psiholoģiskie faktori, kas ietver starppersonu attiecības, saskarsmes un komunikācijas procesu norisi darba vietā, spēju iekļauties (pielāgoties) šajos procesos, gan gala rezultāts, kuru raksturo kritērijs - apmierinātība ar izvēlēto darba vietu.

Problēmas aktualitāte Jūrmalas pilsētā

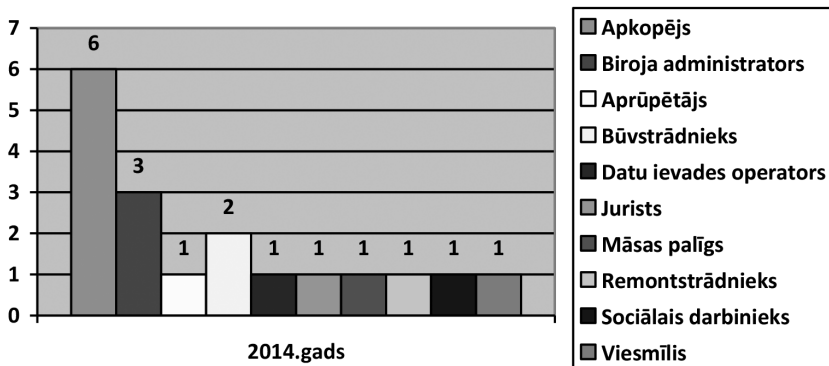
Adaptācija darbā ir personāla atlaides procesa sastāvdaļa. Personāla atlaide ir uzskatāma par veiksmīgu, ja darbinieks ir adaptējies jaunajā darba vietā. Jūrmalas pilsētā 2015. gada oktobrī Nodarbinātības valsts aģentūrā reģistrēto bezdarbnieku (darbspējas vecuma (15 – 61 gads) īpatsvars ekonomiski aktīvo iedzīvotāju darbības vecumā skaitā, procentos ir 5,5% (1496 iedzīvotāji), kas ir trešais zemākais reģistrētais valstī [7]. Reģistrēto brīvo darba vietu skaits Jūrmalā 2015. gada oktobrī veidoja 74 vienības. Šajā pašā mēnesī 16 darba devēji pieteica 36 vakances. Ņemto brīvo darba vietu skaits oktobrī ir 93 [7].

Jūrmalas (no Dubultiem) attālums līdz Rīgai ir 24 km. Rīgā neto vidējā darba samaksa mēnesī 2015. gada septembrī veidoja 671 eiro, bet Pierīgas reģionā 570 eiro [6]. Analizējot nodarbinātības datus, autore secina, ka darba devējiem Jūrmalā, t.s. pētījuma bāzes vietai, ir jābūt ieinteresētai veiksmīgai darbinieku atlasei ar sekmīgi noslēgušos adaptācijas procesu, sasniedzot adaptācijas darbā noteikto mērķi, jo zemie bezdarba rādītāji un darbaspēka migrācija valsts iekšienē darba meklējumos kāpina konkurenci starp darba devējiem brīvo vakanču aizpildīšanai.

Darbinieku adaptācijas datu analīze

Personāla vadības dokumentu analīze PSIA “Veselības un sociālās aprūpes centrs – Sloka” par 2014. gadu atspoguļo statistiku, kas nenorāda tendences visā Latvijā. Pētījuma bāzes vietā 2014. gadā štatu sarakstā noteiktas 122 amata vienības, pieņemti darbā 42 darbinieki. Atbrīvoto darbinieku skaits ir par diviem vairāk nekā pieņemto darbinieku skaits – 44. Savukārt, no 42 pieņemtajiem darbiniekiem tajā pašā gadā darba tiesiskās attiecības tika pārtrauktas ar 18 pieņemtajiem darbiniekiem [8].

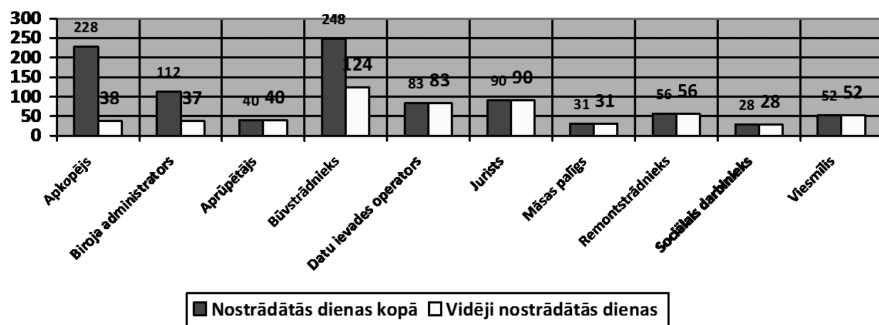
Attēlā Nr.1 aplūkojot 2014. gadā pieņemtos un no tiem atbrīvotos darbiniekus redzams, ka amata kategorijā apkopēja ir visvairāk atbrīvotie darbinieki. Puse (50%) no tām atbrīvotas ar darba devēja uzteikumu, pamatojoties uz LR Darba likuma 101.panta 1.daļas. Savukārt, divas (33%) saskaņā ar LR Darba likuma 47.panta 1.punktu – uzteikums pārbaudes laikā. Viena (17%) apkopēja uzteikusi darbu darba devējam saskaņā ar LR Darba likuma 100.pantu [8].

Attēls Nr.1 «2014. gadā pieņemto un no tiem 2014. gadā atbrīvotie darbinieki»

2014. gadā pieņemto un no tiem atbrīvotie darbinieki institūcijā vidēji nostrādājuši 54 dienas. Apkopējas, ka atbrīvotas ar darba devēja uzteikumu pārbaudes laikā (LR DL 47.p. 1.p.) vidēji

institūcijā nostrādājušas 9 dienas, gan viena deviņas, gan otra. (skat. attēlu Nr.2). Vidēji visvairāk dienu nostrādāts amatā Būvstrādnieks (124 dienas), bet vismazāk – sociālais darbinieks (28 dienas) [8].

Apkopējas, ar kurām pārtrauktas darba tiesiskās attiecības aptaujas anketā norādījušas, ka nav spējušas pielāgoties jaunajām prasībām (100%). Savukārt viena papildus minējusi psiholoģiskos faktoros – nespēja iekļauties darba kolektīvā, tā kultūras dzīvē. Divi biroja administratori tika pieņemti darbā uz noteiktu laiku, darba tiesiskās attiecības pārtrauca beidzoties darba līgumā noteiktajam termiņam, savukārt trešais biroja administrators uzteica darbu darba devējam, nevēloties sniegt ziņas par uzteikuma iemeslu.

Aptaujājot darbiniekus, kuri pārtraukuši darba tiesiskās attiecības, kā kavējošo faktoru vai grūtību radošus apstākļus adaptācijai darba vietā norādījuši:

- Darbuzdevu izpildes jeb mentoringa trūkums (17 respondenti);
- Stresa faktori - neizpratne par uzdevumu, nepietiekoša informācija uzdevuma izpildei, nesamērīgi termiņi, ierobežotas konsultēšanās iespējas uzdevuma izpildē (7 respondenti);
- Klientu mērķa grupas īpašības (personas ar smagu garīga rakstura traucējumiem), darbs paaugstinātas spriedzes apstākļos (9 respondenti);
- Informācijas sniegšanu par organizācijas vēsturi, filozofiju, mērķiem, kultūru, darbības politiku un produkciju/pakalpojumiem (5 respondenti);
- Prasme pastāvīgi strādāt (2 respondenti);
- Psihofizioloģiskie un higiēnas apstākļi darbā (7 respondenti);
- Neinteresants darbs (1 respondents);
- Pārliela darba intensitāte un darba apjoms (12 respondenti);
- Nesabalansētas tiesības un pienākumi (14 respondenti);
- Motivācijas trūkums (11 respondenti);
- Nestimulējoša darba apmaksas sistēma (10 respondenti).

Savukārt tie paši darbinieki kā veicinošos faktoros adaptācijai darba vietā norādījuši:

- Darba apstākļi - nodrošinājums ar atbilstošiem darba instrumentiem, inventāru un iekārtām (11 respondenti);
- Vispārējās informācijas sniegšana par organizāciju (8 respondenti);
- Detalizētas informācijas sniegšanu par darbinieka vietu organizācijas struktūrā un uzdevumiem organizācijā (struktūrvienībā) (16 respondenti);
- Pirmās darba dienas pasākumus, ievadīšanu darbā, iepazīstināšanu ar darba biedriem, apsveikšanu, darba vietas (tehnoloģiju un iekārtu) ierādīšanu (17 respondenti);
- Pielāgošanās jaunām, neordinārām situācijām (8 respondenti);
- Motivācija darbam (15 respondenti);
- Profesionālās kompetences un atbilstoša kvalifikācija (17 respondenti);
- Nākotnes sociālās garantijas (darba devēja apdrošināšana) un atvieglojumi vai atlaides (zobārstniecības, podiatra, ēdināšanas un mācību pakalpojumi) (17 respondenti);
- Kultūras dzīves daudzveidība (14 respondenti);
- Kompetenti, izprotoši un atbalstoši tiešie vadītāji (11 respondenti).

Pētījuma rezultāti un to izvērtējums:

- Adaptācija ir divpusēja – kācilvēks pielāgosies jaunai darba vietai, videi, apstākļiem, psiholoģiskajiem faktoriem un kā jaunā vide uzņems – vadītāji, darba kolēģi un citi uzņems jauno darbinieku.
- Adaptāciju veicina dažādi faktori, kā, piemēram vai iepriekš šajā jomā strādāts, vai ir attiecīga kvalifikācija. Vai jaunajā vietā strādā paziņas, kas varētu ātrāk ievadīt darba ritmā, kā arī atkarīgs no paša cilvēka spējām.
- Adaptācija ir atkarīga arī no institūcijas lieluma. Pārbaudes laiks tiek izmantots, lai darba devējs integrētu uzņēmumā jauno darbinieku. Vienlaikus, pārbaudes laiku darba devējiem būtu jāizmanto, lai pārliecinātos, ka atrasts īstais darbinieks, un, lai pārliecinātu darbinieku, ka šī ir viņa īstā vieta un, ka tieši šeit, viņš spēs sevi realizēt un veiksmīgi attīstīt savu karjeru. Šajā laikā jāpānāk, ka darbinieks sāk izjust piederību un vēlas arvien vairāk uzlabot savu individuālo darba sniegumu [9].
- Adaptācija darbā ir atlases procesa sastāvdaļa. Atlases process ir sekmīgs, ja darbinieks ir veiksmīgi adaptējies jaunizvēlētajā darba vietā.
- Darbaspēka migrācija Latvijas teritorijā, atšķirīgais atalgojuma lielums un brīvo darba vietu skaits Latvijas reģionos veicina darba devēju savstarpējo konkurenci darbinieku atlases procesā un motivē ieviest efektīvu adaptācijas sistēmu [4].
- Adaptāciju kavējošie faktori vienlaikus var būt adaptāciju veicinošie faktori, kas atkarīgs no darbinieka kvalifikācijas un personības īpašībām, piemēram,

darba izpildes īsi termiņi un uzdevumi, kura veikšanai nav zināšanu un iepriekšējās pieredzes var būt kā izaicinājums jaunajam darbiniekam, lai pašaplicinātos un gūtu publisku uzslavu un novērtējumu no darba devēja.

Secinājumi

Institūcijā daļēji tiek veiktas aktivitātes, lai palīdzētu jaunajam darbiniekam integrēties, kas nereti noved pie tā, ka darbinieks nejut piederību institūcijai, nav iesaistījies institūcijas darbībā un procesos, tāpēc arī izpaliek darba sniegums, kas nereti rada vērmi – mainīt darba vietu. Protams, ir arī labie piemēri, institūcijā, kur par jaunajiem darbiniekiem tiek domāts un adaptācija institūcijā pirmajos mēnešos norit sekmīgi.

PSIA „Veselības un aprūpes centrs – Sloka” jaunais darbinieks tiek iepazīstināts ar tiešajiem darba amata pienākumiem un uzdevumiem. Pirmajā dienā darbiniekam uzdod vienkāršākus uzdevumus. Neskatoties uz to, ka trūkst kvalificēti darbinieki, nereti nākas atteikt potenciālajiem darba meklētājiem, kuriem var novērot atkarības problēmas, kā dēļ pēc dažām nostrādātām darba dienām, neierodas darbvieta, kā arī pensionāriem, kas vēlas piestrādāt, un citiem, kuriem ir problēmas ar veselību, jo darbs var būt saistīts ar smagumu celšanu. Te ir arī būtiski izskaidrot visu par darba drošību. Ir gadījumi, kad darbinieki iegūst darba traumas, kuras vēlāk prasa ilgu atveseļošanās laiku, tāpēc iestāde gādā, lai nodrošinātu darba ergonomiku (pielāgotu vidi, palīg līdzekļus u.c.) un aprūpētāju izglītību.

Darbinieku adaptāciju ietekmē:

1. Procesa vadība (mentorings, novērtēšana u.c.);
1. Darba organizācijas un darba apstākļu (faktoru) ietekme;
2. Sabalansētas tiesības un pienākumus;
3. Cieņpilnas attiecības starp kolēģiem;
4. Izaugsmes iespējas;
5. Motivējoša darba samaksa vai paaugstinājumu amatā;
1. Saliedēts kolektīvs ar kopīgiem pasākumiem;

Adaptāciju **kavējošie faktori**:

1. Stresa faktori, darbs paaugstinātas spriedzes apstākļos;
2. Liels darba apjoms;
3. Motivācijas trūkums;
4. Veselības problēmas.

Priekšlikumi.

1. Apzinātas uzņēmuma politikas veidošana, kuras mērķis ir stresoru identificēšana un rīcība to mazināšanai (piemēram, skaidri pausta vadības atziņa, ka darba pienākumi ir sarežģīti un var radīt stresu, tāpēc kopīgi jārod veidi kā to mazināt, u. c.);

2. Darba laika un atpūtas plānošana un pielāgošana nodarbināto vajadzībām (piemēram, atvaļinājumu plānošana atbilstoši darbinieka ģimenes stāvoklim, plānojot atvaļinājumu skolēnu brīvdienās u. c.);
3. Iekšējās komunikācijas attīstīšana un nodarbināto iesaistīšana (konkrētu mehānismu noteikšana iekšējās komunikācijas nodrošināšanai, piemēram, regulāras darbinieku sapulces, aptaujas u. c.);
4. Dažādu atbalsta programmu ieviešana (piemēram, sporta aktivitāšu atbalstīšana, veselīga dzīvesveida popularizēšana u. c.);
5. Pozitīvas attieksmes izkopšana un ievērošana gan darbā, gan privātā dzīvē.

Izmantotās literatūras un avotu saraksts

1. Kalniņš Armands, “Personāla adaptācija un socializācija”, Rīga: Valsts izglītības attīstības aģentūrā, 2011. Skatīts 12.11.2015 http://viaa.gov.lv/files/news/6100/23_09_2011_1.pdf
2. Pallo – Erika Sandra, “Jauno darbinieku adaptācija un ievadīšana darbā”, Rīga: SIA “Komerzizglītības centrs”, 2013. Skatīts 12.11.2015 http://www.bigevent.lv/upload/documents/sandra.pallo_pdf.pdf
3. Forands Ilgvars, “Palīgs personāla speciālistiem”, Rīga: Latvijas izglītības fonds, 2007.gads – 251 lpp.
4. Skribans Valērijs, “Darbaspēka migrācijas ietekme uz darba tirgu Latvijā”, Rīga: Latvijas Universitāte, 2010.gads – 189. līdz 200 lpp. Skatīts 20.11.2015 http://www.lu.lv/fileadmin/user_upload/lu_portal/apgads/PDF/LUR-758_Ekonomika-Vadiba.pdf#page=189
5. Cilvēkresursi, personāla vadība, darba vide. Skatīts 15.11.2015 <http://cilvekre-sursi.lv/2008/12/14/adaptacija-un-socializacija-jauna-darba-vieta-3/>
6. LR Centrālā statistikas pārvalde “Mēneša vidējā un reālā darba samaksa”, skatīts 27.11.2015 http://data.csb.gov.lv/pxweb/lv/Sociala/Sociala__isterm__dsamaksa/DS0070m_euro.px/table/tableViewLayout1/?rxid=89fa53c2-5ff7-456f-aae4-c4274cf3b2aa
7. Nodarbinātības Valsts aģentūra, Dokumenti un statistika | Bezdarba statistika “Izvērstā statistika par bezdarba situāciju Latvijā un reģionos”. Skatīts 29.11.2015 <http://www.nva.gov.lv/index.php?cid=6&mid=494&txt=504&t=s-tat>
8. Personāla vadības dokumenti, PSIA “Veselības un sociālās aprūpes centrs – Sloka”, 2014.gads.
9. Darbinieku pārbaudes laika nepieciešamība vai formalitāte. Skatīts 28.11.2015 <http://apollo.tvnet.lv/zinas/darbinieka-parbaudes-laiks-nepiecie-samiba-vai-formalitate/612978>

Nelegālā cigarešu importa apkarošana

Bc.oec., Zane Rutkupe,

Valsts ieņēmumu dienests

Dr.oec., docents Māris Jurušs,

Rīgas Tehniskā universitāte, Rīga, Latvija

Anotācija

Sabiedrības veselības aizsardzības un fiskālajos nolūkos Eiropas Savienībā pēdējo gadu laikā tiek palielināts akcīzes nodoklis cigaretēm, kas likumsakarīgi izraisa arī cigarešu cenu kāpumu. Ņemot vērā Latvijas ģeogrāfisko novietojumu blakus zemo cigarešu valstīm, patērētājiem ir diezgan daudz iespēju izmantot kontrabandas iespējas. Tādā veidā palielinās nelegālo cigarešu imports un valsts zaudē nodokļu ieņēmumus. Par to, kā nodrošināt legālā tirgus drošību, apturot vai vismaz samazinot cigarešu kontrabandu, tiek domāts gan Eiropas Savienības, gan nacionālā līmenī. Nodokļu administrācijas un muitas dienestu vadošie eksperti, vērtējot cigarešu kontrabandas mijiedarbību uz dažāda veida procesiem, meklē aizvien jaunus un efektīvākus veidus, kā ierobežot nelegālo cigarešu plūsmu. Tabakas izstrādājumu legālā tirgus aizsardzība, nelikumīgās tirdzniecības ierobežošana, kontrabandas apkarošana, nelikumīgas ražošanas un viltošanas apturēšana, ir nodokļu administrācijas prioritāte un izaicinājums turpmākajos gados.

Mērķis ir koncentrētā veidā sniegt priekšlikumus nelegālā cigarešu importa apkarošanai, balstoties uz cigarešu tirgus analīzi.

Izstrādājot darbu, datu analīzes rezultātā tika secināts, ka Latvija ir viena no līderēm Eiropas Savienībā nelegālā cigarešu tirgus jomā. Kontrabandas apjomi, kas Latvijā sastāda gandrīz 30% pārsvarā tiek pārvietoti Latvijas virzienā no Krievijas un Baltkrievijas. Pēdējos divos gados īpaši augusi ir nelegālā cigarešu plūsma no Baltkrievijas, kam par iemeslu ir būtiski mazākas cigarešu cenas salīdzinājumā ar Latvijas tabakas tirgu.

Atslēgas vārdi: akcīze, cigaretes, kontrabanda, nodoklis.

Abstract

For public health purposes as well as fiscal purposes, the European Union has raised the excise duty on cigarettes in recent years, which, in turn, leads to the increase in prices of cigarettes. The consumers benefit from our close geographical location to neighbouring countries where the prices of cigarettes are substantially lower than in the European Union. This increases the cigarette smuggling and the State is suffering losses on the excise duties. The problem of protecting the legal market by stoppage and reduction of cigarette smuggling is on the agenda on both the European Union and national level. Leading experts of tax administration and customs services are assessing the cigarette smuggling interaction with different types of processes in order to seek for new and more efficient ways of limiting the illicit cigarette flow. The priorities and challenges of the tax administration for the coming years are to protect the legal market of tobacco products, limit the illicit trafficking, fight the smuggling, stop illegal manufacturing and counterfeiting.

The aim of the report is a concise way to present proposals to combat illegal imports of cigarettes on the basis of the cigarette market analysis.

Latvia is one of the leaders in the European Union in the illicit cigarette market. Volumes of smuggling in Latvia accounts for almost 30% form total market, mainly it is moved in the direction of Latvia from Russia and Belarus. In the last two years increased the flow of illegal cigarettes from Belarus, which is due to significantly lower the price of cigarettes in Belarus compared to tobacco Latvian market.

Keywords –excise, cigarettes, smuggling, tax.

Ievads

Referāta mērķis ir koncentrētā veidā sniegt priekšlikumus nelegālā cigarešu importa apkarošanai, balstoties uz cigarešu tirgus analīzi.

Ar 2018.gada 1.jūliju ir noteikts, ka akcīzes nodoklis cigaretēm Latvijā būs 60 eiro par 1000 cigaretēm, kas veido 25% no maksimālās mazumtirdzniecības cenas, bet minimālā nodokļa summa sasniegs 100 eiro par 1000 cigaretēm. Šīs prasības izpilde liek domāt, ka nodokļa celšanai nav īsti ekonomiskā pamatojuma, jo akcīzes nodokļa celšanu pēdējos gados ir izraisījusi kontrabandas un nelegālā cigarešu tirgus attīstību.

Balstoties uz KPMG „Project SUN” pētījumu, Latvija ir viena no līderēm nelegālā tirgus apjomu ziņā ES dalībvalstu vidū. Lai gan 2013.gadā nelegālā cigarešu tirgus apjomu īpatsvars Latvijā ir samazinājies līdz 29%, salīdzinot ar 31%, kas bija 2012.gadā, Latvijā vēl aizvien ieņem pirmo vietu Eiropas Savienībā kā valsts ar vislielāko nelegālo cigarešu tirgus apjomu. Lietuvas un Igaunijas nelikumīgās tirdzniecības īpatsvars 2013.g. bija 27% un 19%.

Darbā sniegti priekšlikumi, kā pilnveidot cigarešu tirgus kontroli. Tā kā Latvijai un arī pārējām Baltijas valstīm ir tiešā robeža ar Krieviju un Baltkrieviju, kas ir lielākie kontrabandas avoti zemo cigarešu cenu dēļ, būtu vēlama efektīvāka un stingrāka sodu sistēma, pastiprināti kontroles pasākumi un robežas aizsardzība. Latvija muitas iestādēm būtu jāpilnveido praktiskā sadarbība ar Krievijas un Baltkrievijas muitas iestādēm, atbilstoši noslēgtajiem starptautiskajiem līgumiem par sadarbību muitas jomā.

Tā kā faktiski Latvijas muita un citi dienesti apkaro kontrabandas ieplūšanu visā ES, Latvijai būtu vēlams piesaistīt finansējumu no ES fondiem. Pilnveidojot nodokļa administrēšanu, mazinātos kontrabandas apjomi un varētu veiksmīgi īstenot ieplānoto akcīzes nodokļa palielināšanu.

Tie ir galvenie ieteikumi, lai varētu īstenot cigarešu tirgus kontroli, taču jāatceras, ka plānotā nelegālā cigarešu importa apkarošana ir ļoti resursietilpīgs, laikietilpīgs process, kas īstenojams tikai ar ciešu valsts dienestu sadarbību un citu valstu pieredzes apgūšanu.

Darbā izmantotā metodoloģija: statistikas datu analīze, grafiskā, aprakstošā metode, struktūras un dinamikas analīze. Tiek izmantoti gan citu autoru veiktie pētījumi, gan starptautiskie zinātniskie raksti un publikācijas, kā arī interneta resursi.

Svarīgākās atziņas teorijā , praksē

Nelegālā tirgus apjomu konstatēšanai un izziņāšanai pamatā izmantots audita un konsultāciju kompānijas KPMG pētījums par nelegālo tirdzniecību „Project SUN”.

Nelegālā cigarešu importa apkarošana

Ar 2018.gada 1.jūliju ir noteikts, ka akcīzes nodoklim cigaretēm Latvijā jābūt 60 eiro par 1000 cigaretēm, kas veidos 25% no maksimālās mazumtirdzniecības cenas, bet minimālā nodokļa summa sasniegs 100 eiro par 1000 cigaretēm. Starptautiskie eksperti to min kā vienu no iemesliem tam, kāpēc Latvija ir starp līderiem Eiropas Savienībā nelegālo cigarešu importā.

Kaut arī pēc KPMG datiem [4] Eiropas Savienībā kopumā to cigarešu patēriņš, kas ir ievests Latvijā nelegālā ceļā, no 2013. līdz 2014.gadam ir krities no 58,6 miljardiem līdz 56,6 miljardiem, kontrabanda un lēto kaimiņvalstu cigarešu nelegālais imports vēl joprojām ir aktuāla problēma visās Eiropas Savienības valstīs, īpaši Baltijā.

Sakarā ar to, ka tiek celts akcīzes nodoklis cigaretēm, tas sadārdzina arī cigarešu cenu legālajā tirgū. Latvijā 2013. – 2014.gadam nelegālā cigarešu tirgus īpatsvars ir palielinājies no 28,8 – 29,3 % no kopējā cigarešu patēriņa. KMPG ikgadējā pētījumā „Project SUN” [4] par 2014.gadu Latvija tiek minēta kā valsts ar vislielāko nelegālo cigarešu patēriņa īpatsvaru. Lai noteiktajā termiņā izpildītu Eiropas Savienības prasības katru gadu pakāpeniski palielinot akcīzes nodokli, Latvijā atkal ar 2014.gadu ir palielinājies nelegālo cigarešu patēriņa īpatsvars (skatīt 1.tabulu).

1.tabula

Nelegālā cigarešu tirgus apjoms un īpatsvars no kopējā cigarešu patēriņa Latvijā 2009.-2014.g.

	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Nelegālo cigarešu mazumtirdzniecības apjoms, milj.cig.	0,75	1,02	0,83	0,73	0,68	0,75
Nelegālo cigarešu patēriņa īpatsvars kopējā patēriņā, %	25,8	37	31,6	30,7	28,8	29,3

Avots: autoru veidots pēc KPMG „Project SUN” datiem

Eiropas Savienības austrumu robežai ir ģeogrāfiski visriskantākais novietojums, kas veido lielu nelegālo cigarešu pieplūdumu no blakus esošajām trešajām valstīm – Krievijas un šobrīd vislielākajai kontrabandas iepludinātājai Baltkrievijai. Baltkrievijā cigaretes ir vairāk kā 4 reizes lētākas nekā Latvijā. Akcīzes nodokļa pieaugums palielina nelegālo tirgotāju vēlmi nopelnīt uz cenu starpības,

tādējādi risks neiekasēt nodokļus būtiski pieaug. Jāpiebilst, ka ar nelegālo cigarešu ieplūšanu cīnās ne tikai Eiropas Savienības austrumu robeža, bet arī tādas valstis kā Francija, kas saskaras ar lielu kontrabandas apjomu no Alžīrijas, kā arī citas valstis.

Akcīzes nodokļa celšana radījusi arī cenas pieaugumu, kas savukārt veido Eiropas Savienības Austrumu robežu par ļoti pievilcīgu teritoriju kontrabandas attīstībai. Patērētājs, vēloties ietaupīt, meklē lētākus veidus, kā iegūt sev vēlamās cigaretes, līdz ar to piekrīt tās iegādāties arī nelegālajā tirgū.

Adrians Kūpers un Daniels Vīts žurnālā „World Customs Journal” min to, ka 2006. gadā nelegālās pārdošanas apjomi bijuši 11% no visa pārdoto cigarešu kopuma un 2011. gadā Eiropas Savienības līmenī, nelegāli pārdots 10.4% no cigarešu apjoma. Tas nozīmē tikai to, ka vairāk kā 5 gadu laikā vēl nav praksē pielietoti tādi līdzekļi, lai izraisītu būtisku nelegālā cigarešu importa apjomu kritumu [3]. Par spīti tam, Eiropas Komisija par prioritāti izvirzījusi apturēt kontrabandas cigarešu, plūsmu no tādām kaimiņvalstīm kā Krievija, Ukraina, Moldova un Baltkrievija. Eiropas Savienība ir izstrādājusi pasākumu plānu, lai nodrošinātu prioritātes īstenošanu. Plāns sastādīts izstrādājot vairākus būtiskus uzdevumus, kuru izpildei vajadzētu nodrošināt pozitīvu rezultātu. To skaitā ir, piemēram, jaunākās paaudzes tehniskā aprīkojuma (skeneru, automatizētas pazīšanas rīku un nakts redzamības aprīkojuma) uzstādīšana robežkontroles punktos, lai palīdzētu atklāt kontrabandu.

„International Tax and Investment Center” eksperti veikuši pētījumus par nelegālā cigarešu tirgus ietekmējošiem faktoriem un ir nonākuši pie vairākiem pamatelementiem, kas ir būtiski cīņā ar kontrabandu [6]:

Avots: autoru veidots pēc „International Tax and Investment Center” pētījuma materiāliem

3.att. Pamatelementi kontabandas apkarošanā

Pēdējo gadu laikā tiek domāts par dažādiem tehniskajiem risinājumiem nelegālā cigarešu importa ierobežošanā un kā vienu no reālākajiem min Izsekošanas un identificēšanas sistēmas (angl.v.: Track&Trace) pielietošanu [5]. Tā paredz divus galvenos pamatprincipus. Pirmkārt, tai jārada iespēja izsekot tabakas izstrādājumu izplatīšanai, kā arī pieprasīt un saņemt attiecīgu informāciju kontroles dienestiem. Otrkārt, sistēma paredz izveidot un ieviest īpašus, unikālus, drošus un nenopemamus marķējumus, kam būtu jāļauj dalībvalstu kontroles dienestiem noteikt tabakas izstrādājumu izcelsmi, novirzīšanas vietu, kā arī pārraudzīt un kontrolēt tabakas izstrādājumu kustību un to tiesisko statusu. Uz šo brīdi, balstoties uz to, ka Track&Trace sistēmas ieviešana ir resursu ietilpīgs projekts, tas nav obligāts pasākums Eiropas Savienības dalībvalstīm, taču neskatoties uz to Lietuvā, piemēram, jau ir ieviests pilotprojekts. Arī tādas valstis kā Īrija, Lielbritānija un Austrija atbalsta Track&Trace sistēmu.

Kā viens no Track&Trace sistēmas praktiskiem risinājumiem praksē ir Co-identify [2]. Tā ir īpaša sistēma, kuru jau ieviesušas tabakas kompānijas vairākās

valstīs: Lietuvā, Krievijā, Šveicē, Francijā, Luksemburgā. Tabakas aprites kontrolē varētu ieviest Codentify vai citus atbilstošus risinājumus. Tam ir vairākas priekšrocības:

Avots: autoru veidots pēc PMI datiem, 2015

1.att. Izsekošanas un identificēšanas sistēmas procesa risinājuma Codentify priekšrocības

Tās pamatā ir īpaša marķējuma pievienošana katrai cigarešu paciņai. Marķējums pamatā sastāv no trīs līnijās izkārtota apzīmējuma: punktu koda (jeb ang.v: dot code), numuru kombinācijas un nepieciešamības gadījumā arī papildu informācijas (cigarešu cenas, valsts koda). Codentify ir unikāls katrai cigarešu paciņai. Codentify kodu ģenerē sistēma un pamatā domāts biznesa procesa organizēšanai. Tomēr, tas var kalpot arī nodokļu samaksas apstiprinājumam. Piemēram, tas varētu aizstāt akcīzes nodokļa marķu. Papildus tam, tiek piešķirts kods arī Codentify kods katram cigarešu blokam un katrai kastei un paletai. Ti, katrs nākamais iepakojums tiek marķēts ar uzlīmi uz kuras ir kods, pēc kura var noteikt, kādas tieši ir cigarešu paciņas konkrētajā iepakojumā. Kods tiek reģistrēts sistēmā un tas ļauj izsekot pilnībā cigarešu paciņu no ražotāja līdz izplatītājam.

Valsts ieņēmumu dienesta plāns par muitas tehnisko nodrošinājumu 2015.-2016.gadam sniedz pārlicību, ka no muitas dienestu puses tiek uzlabotas fiziskās kontroles un jaunais plāns pierāda to, ka šis ir jaunu tehnoloģisko iekārtu modernizācijas periods [7]. Šajā periodā paredzēts uzstādīt vairākus jaunus kravu skenerus muitas kontroles punktā, nomainīt ass auto svarus Paternieku un Silenes muitas kontroles punktā un veikt citus pasākumus. 2014.g. jau ir noslēgts līgums ar sadarbības partneriem par videokoncepcijas izstrādi, kuru paredzēts ieviest 2016.gadā, tādējādi uzstādot videonovērošanas kameras austrumu robežas un Rīgas muitas kontroles punktā. Tāpat arī līdz 2016.g. beigām plānots pilnībā aprīkot Vientuļu robežšķērsošanas vietu, lai varētu pilnvērtīgāk kontrolēt transportlīdzekļu saturs plūsmu.

Kā vienu būtisku faktoru tabakas kontroles jomā arī ārzemju eksperti min kinoloģijas dienesta rīcībspēju. Lai muitas kontroles pasākumu īstenošanas procesā nodrošinātu iespēju optimāli iesaistīt muitas kinologus ar darba suņiem, Valsts ieņēmumu dienests šogad turpina veikt pakāpenisku novecojušo darba suņu nomaiņu ar jauniem [1]. Šī gada oktobrī iegādāti trīs jauni darba suņi, kas tiks apmācīti narkotisko vielu un tabakas izstrādājumu meklēšanā un pēc pamatapmācības kursa beigšanas kinologu vadībā uzsāks darbu Latvijas muitas kontroles punktā.

Jāuzteic muitas kontroles dienesti, jo liela daļa no iepriekš minētajiem pamatelementiem tiek ievēroti arī Latvijā tabakas kontrolē. Neskatoties uz to, ir jāturpina darbs pie šo priekšnoteikumu pilnveidošanas un praktiskās pielietošanas. Kā tika minēts iepriekš, ļoti būtiski ir veidot atbilstošu sabiedrības domu. Katram patērētājam ir jāsaprot tās sekas, kas izriet no kontrabandas cigarešu patērēšanas. Nav runa tika par fiskālajiem zaudējumiem. Lietojot kontrabandas cigaretes

ikdienā patērētājs nevar būt 100% drošs par to izcelsmi un sastāvu. Legālajā tirgū pieejamā produkcija tomēr nāk ar savu izcelsmi. Autori nevēlas tiekt to, ka legālajā tirgū iegūstamās cigaretes ir veselīgākas, bet tomēr grib likt sabiedrībai aizdomāties par to, ka tas, kas tiek pārbaudīts no kontroles dienestu puses sniedz lielāku pārliecību par precī nekā tas, kas tiek ievests no trešajām valstīm neveicot nekādas preces pārbaudes.

SECINĀJUMI

1. Akcīzes nodokļa un līdz ar to arī cenas palielināšana ir radījusi labvēlīgu augsni Eiropas Savienības austrumu robežas kontrabandas apjomu pieaugumam. Patērētājs, vēloties ietaupīt, meklē lētākus veidus, kā iegūt sev vēlamās cigaretes, līdz ar to piekrīt tās iegādāties arī nelegālajā tirgū.

2. Pieņemot lēmumu palielināt akcīzes nodokli, nav ņemts vērā tas, ka būtiski palielinās arī kontrabandas risks, bet vienlaicīgi nav ieguldīti papildus līdzekļi nodokļa administrēšanā, proti, Finanšu ministrija un Saeima ir cerējusi iekasēt vairāk nodokli, bet ar tiem pašiem resursiem. Diemžēl, prakse pierāda, ka ieguldījumi administrēšanas resursos nav veikti pietiekošā apmērā, tādējādi risks ir iestājies, proti pieaudzis nelegālais tirgus.

3. Eiropas Savienības austrumu robežai ir ģeogrāfiski visriskantākais novietojums, kas veido lielu nelegālo cigarešu pieplūdumu no blakus esošajām trešajām valstīm – Krievijas un Baltkrievijas. Baltkrievijā cigaretes ir vairāk kā 4 reizes lētākas nekā Latvijā. Ģeogrāfiskais novietojums blakus zemo cigarešu cenu valstīm tieši ietekmē legālo un nelegālo patēriņu.

4. Latvijā 2014.gadā nelegālais tirgus sasniedza 29%, kas ir viens no augstākajiem rādītājiem Eiropas Savienībā, tāpēc palielinot akcīzes nodokli, legālais cigarešu patēriņš kristīsies un nelegālais palielināsies vēl vairāk, ja netiks pilnveidota nodokļu administrēšana un aktīvāk apkarots nelegālais tirgus.

PRIEKŠLIKUMI

1. Finanšu ministrijai ir jāierosina un Saeimai jāparedz valsts budžetā nākamajiem periodiem finansējuma palielinājums Valsts ieņēmumu dienestam un citiem kontroles dienestiem, lai nodrošinātu pieaugošajam riskam adekvātu resursu daudzumu tabakas tirgus kontrolei un nelegālā tirgus ierobežošanai.

2. Valsts ieņēmumu dienestam, lai varētu īstenot ieplānoto akcīzes nodokļa palielināšanu un samazinātu nelikumīgās tirdzniecības apjomus, būtu jāuzlabo kontroles principi - efektīvāka un stingrāka sodu sistēma, pastiprināti kontroles pasākumi un robežas aizsardzība, īstenojot pilnīgu cigarešu tirdzniecības izsekošanu ar mūsdienīgām sistēmām, kas ļauj monitorēt cigarešu tirdzniecības jebkurā legālā tirdzniecības vietā, nepieļaujot, ka, piemēram, legālās tirdzniecības vietās var kases sistēmās reģistrēt cigaretes, kurām nav unikāla marķējuma.

3. Lai pilnveidotu administrēšanu, Latvijas muitas dienestiem būtu jāaiz-

stāj papīra akcīzes nodokļu marku sistēmu ar Track&Trace sistēmu. Tas uzlabotu kontroli un vienlaicīgi samazinātu administrēšanas izdevumus, atsakoties no akcīzes nodokļa marku izdevumiem 1,5 milj.EUR ik gadus. Ietaupītos līdzekļus varētu novirzīt kontroles pilnveidošanai vai citām budžeta vajadzībām – piemēram, Valsts ieņēmumu dienestam nelegālā tirgus ierobežošanai. Vienlaicīgi, ieviešot Track&Trace sistēmu būtu jāprasa Eiropas Komisijas atbalsts, jo Latvija faktiski nodrošina visa Eiropas Savienības cigarešu tirgus drošību un aizsardzību, un ciešāk jāsadarbojas ar citām Eiropas Savienības valstīm (piemēram, Lietuvu), izmantojot to labo praksi šīs sistēmas ieviešanā.

4. Latvijas muitas iestādēm būtu jāpilnveido praktiskā sadarbība ar Krievijas un Baltkrievijas muitas iestādēm, atbilstoši noslēgtajiem starptautiskajiem līgumiem par sadarbību muitas jomā. Būtu nepieciešamas realizēt vairāk pasākumus un projektus minēto līgumu ietvaros, īpaši sadarbības jautājumos, lai aizkavētu, izmeklētu un apkarotu normatīvo aktu muitas lietās pārkāpumus, kā tas paredzēts līgumos.

5. Pastiprināti jādomā par muitas dienestu personāla un kinologu dienesta attīstību. Jāattīsta muitas darbinieku izglītošana un kvalifikācijas celšana preču fiziskās kontroles uzlabošanā, piemēram, apmācības procesā kā paraugus izmantojot konfiscētos transportlīdzekļus un pieredzi no atklātajiem pārkāpumiem. Būtiska nozīme ir visu iesaistīto kontroles dienestu darbinieku motivācijas celšanai un personu novērtēšanai, palielinot to atalgojumu, prēmijas par atklātajiem pārkāpumiem un ieviešot citus stimulus.

Izmantotās literatūras un avotu saraksts

1. Valsts ieņēmumu dienests iegādājies trīs muitas darba suņus. Finanšu ministrija, 2015.Saktīts 2015.gada 30.novembrī. Pieejams: http://www.fm.gov.lv/lv/aktualitates/nozares_zinas/vid/51502-valsts-ienemumu-dienests-iegadajies-tris-muitas-darba-sunus
2. CODENTIFY. PROTECTING GOVERNMENT REVENUES SECURING THE SUPPLY CHAIN FIGHTING ILLICIT TRADE, PMI. Skatīts 4.decembrī 2015.gadā. Pieejams: http://www.pmi.com/eng/documents/Codentify_E_Brochure_English.pdf
3. Cooper A., Vitt D. The linkage between tax burden and illicit trade of excisable products: the example of tobacco. World Customs Journal. International Network of Customs University. 2011.
4. Project SUN. A study of the illicit cigarette market in the European Union. KPMG. 2013., 2014.
5. Report on implementation of Track&Trace excise goods (cigarettes) supervision system into Latvia. The Cabinet of Ministers of the Republic of Latvia. Skatīts 2015.gada 1.decembrī. Pieejams: <http://www.mk.gov.lv/lv/mk/tap/?pid=40281412&mode=mk&date=2013-08-06>

6. The Illicit Trade in Tobacco Products and How to Tackle It, International Tax and Investment Center, page 22.
7. Used and planned technical support, intensity and application efficiency for monitoring the European Union's external borders, State Revenue Service, Riga, 2015. Skatīts 2015.gada 30.novembrī. Pieejams: [http://titania.saeima.lv/livs/saeimasnotikumi.nsf/0/b3910df53b3a69c1c2257def00310c7a/\\$FILE/Izmantot%C4%81%20un%20pl%C4%81not%C4%81%20tehnisk%C4%81%20no-dro%C5%A1in%C4%81juma%20izmaksas%20izmanto%C5%A1anas%20intens....pptx](http://titania.saeima.lv/livs/saeimasnotikumi.nsf/0/b3910df53b3a69c1c2257def00310c7a/$FILE/Izmantot%C4%81%20un%20pl%C4%81not%C4%81%20tehnisk%C4%81%20no-dro%C5%A1in%C4%81juma%20izmaksas%20izmanto%C5%A1anas%20intens....pptx)

Darba samaksas organizācija veselības un sociālās aprūpes institūcijā

Ilga Pīrante

Baltijas starptautiskā akadēmija Latvija
Profesionālā maģistra studiju programma “Cilvēku resursu vadība”
ildzina2@inbox.lv

Zinātniskais vadītājs: As.prof. Dr.oec. Viktors Morohins

Anotācija

Darba mērķis ir aktualizēt darba samaksas kārtību veselības un sociālās aprūpes institūcijā, un pilnveidot darba samaksas sistēmu. Izmantojot dažādas pētniecības metodes analizēti institūcijas iekšējie normatīvie akti un to atbilstība ārējiem spēkā esošajiem normatīvajiem aktiem. Izpētes rezultātā veikti secinājumi un izstrādāti priekšlikumi jaunas darba samaksas formas ieviešana veselības un sociālās aprūpes institūcijā saskaņā ar spēkā esošajiem normatīvajiem aktiem noteikumiem.

Atslēgas vārdi – atalgojuma sistēma, darba samaksa, motivācija.

Abstract

The aim of research is to update arrangement of work payment in health and social care institution as also to improve it. By different research methods were analyzed inner regulations as also their eligibility to external current regulations. As a result of research were made conclusions and proposals for a new payment form implementation in health and social care institution according to current regulations.

Key words – payment system, work payment, motivation.

Ievads

Darba samaksas organizācija ir būtisks institūcijas sistēmas pamats. Sekmīgi ieviesta atalgojuma sistēma paaugstinās darbinieku motivāciju, veicinās darbinieku lojalitāti un institūcijas mērķu sasniegšanu. Pārdomāta atalgojuma sistēma ir viens no galvenajiem instrumentiem, kas motivē darbiniekus mērķu sasniegšanai. Tā rada sakārtotu darba vidi – skaidru un taisnīgu sistēmu un vienotus principus atalgojuma noteikšanā dažādu amatu veicējiem. Atalgojuma sistēmas ieviešana sniedz vadītājam argumentus, nosakot un skaidrojot atalgojuma lielumu darbiniekiem un institūcijas īpašniekam. Institūcijas darba samaksas organizēšana ir novecojusi un balstās un grozītiem un spēku zaudējušiem normatīvajiem aktiem, nav saistīta ar reālo tās organizēšanu, nav skaidrus un saprotamus principus, kas paredz cik, kam un par ko tiek maksāts, lai darbinieki būtu motivēti, censtos pēc iespējas labāk veikt savu darbu, sasniegt noteiktos mērķus un tajā pašā laikā - lai tie saņemtu iekšēji taisnīgu, darba tirgum un institūcijas iespējām atbilstošu atalgojumu.

Pētījuma mērķis: aktualizēt darba samaksas kārtību veselības un sociālās aprūpes institūcijā, un pilnveidot darba samaksas sistēmu.

Normatīvo aktu ietvars

Pētījuma bāzes vietā, kuras pamatdarbības veids ir ilgstošās sociālās aprūpes un sociālās rehabilitācijas institūcija, 2010. gadā apstiprināta “Grāmatvedības politika”, kurā ietverta “Darba samaksas kārtība” (apstiprināta 01.07.2009). Darba samaksas kārtība izstrādāta pamatojoties uz LR Darba likumu, likums “Par nodokļiem un nodevām”, likums “Par grāmatvedību”, likums “Par iedzīvotāju ienākuma nodokli” un likums “Par valsts sociālo apdrošināšanu”. Ministru kabineta noteikumi, kuri iekļauti Darba samaksas kārtībā - Nr.318 “Noteikumi par iedzīvotāju ienākuma nodokļa papildu atvieglojumiem invalīdiem, politiski represētajām personām un nacionālās pretošanās kustības dalībniekiem”, Nr.112 “Noteikumi par ienākumiem, par kuriem jāmaksā darba alga” un Nr.145 “Kārtība, kādā iedzīvotāju ienākuma nodokļa maksājumi tiek ieskaitīti pašvaldības budžetā”; ir atzīti par spēku zaudējušiem [8].

Svarīgākās atziņas teorijā , praksē

Darba samaksas kārtībā definēts, ka darba samaksa ir darbiniekam regulāri izmaksājam atlīdzība par darbu, kura ietver darba algu un normatīvajos aktos, darba koplīgumā vai darba līgumā noteiktās piemaksas, kā arī prēmijas un jebkura cita veida atlīdzību saistībā ar darbu [8]. Savukārt, Labklājības ministrija darba samaksu definē kā atlīdzību, kuru darbinieks regulāri saņem par paveikto darbu [9]. Latvijas Vēstneša portālā Marikas Kupčes publikācijā “Darba samaksa un darba alga – kas ir kas?” skaidrojot, ko saprot ar jēdzienu “darba samaksa” aprakstīts, ka darba samaksa sastāv četrām daļām - tajā ietilpst darba alga, piemaksas, prēmijas un cita veida atlīdzība, kas saistīta ar darbu. Darba samaksas nemainīgā daļa ir darba alga. Savukārt piemaksas, prēmijas un cita veida atlīdzība – mainīgā daļa [4]. Pētījuma bāzes vietas Grāmatvedības politika nosaka, ka darba samaksa ir darba alga (amatalga, mēnešalga), piemaksas, prēmijas un vidējā izpeļņa, kuru izmaksā gadījumos, kad darbinieks neveic darbu attaisnojošu iemeslu dēļ [8].

Personāla vadības teorijās darba alga minēta kā viens no svarīgākajiem personāla motivējošajiem faktoriem. Nauda ir viena no nepārprotamākajām atlīdzības formām. Tai ir pārliecinošs spēks, jo tā ir tieši vai netieši saistīta ar vajadzību apmierināšanu [1]. Atalgojums, piemaksas un privilēģijas ir efektīvi līdzekļi, kas ļauj uzņēmuma personālu komplektēt no iespējami augstāka līmeņa kandidātiem, taču ar šiem līdzekļiem neizdodas radīt ilgtermiņa motivāciju [5]. Atalgojuma sistēma ir darbinieka novērtējums par paveikto, tai jābūt shematiski izstrādātai un pārdomātai, lai veicinātu darbinieku attīstību, vēlmī strādāt un saņemt atbilstošu novērtējumu par paveikto [2]. Pētījuma bāzes vietā nav izstrādāta atalgojuma sistēma ar personāla motivācijas komponentiem. Analizējot intervijas pētījuma bāzes vietā ar personālvadības speciālistu tiek secināts, ka institūcija darba sa-

maksu organizē saskaņā ar likumu “Valsts un pašvaldību institūciju amatpersonu u darbinieku atlīdzības likums”, kas nav iekļauts vai kādā citādā veidā atrunāta institūcijas Grāmatvedības politikā. Minētā darba samaksas organizēšana notiek mijiedarbojoties ar ikgadējo darbinieku novērtēšanu, kas izriet no personāla kompetenču veidiem saskaņā ar Darbinieku novērtēšanas kārtību [7].

Atalgojuma sistēma un mēnešalgas mainīgās daļas noteikšana

Atalgojuma sistēmas veidošana uzņēmumā ir viens no atbildīgākajiem personāla vadītāja uzdevumiem. No sekmīgi izveidotas atalgojuma sistēmas ir atkarīgs – darbinieku motivācija un lojalitātes līmenis, korporatīvās kultūras vērtības, vadības darbības efektivitāte un godīgums, kā arī optimāla personāla izmaksu vadība. Atalgojuma sistēmas izveide un uzturēšana ir dažādu uzņēmuma dienestu sadarbības rezultāts: personāla nodaļa kopā ar grāmatvedības un uzskaites, ekonomiskās kontroles un plānošanas, juridisko dienestu un informatīvo sistēmu dienestu veido mainīgā un nemainīgā atalgojuma elementu apvienotu sistēmu, no kuras efektivitātes, elastības un saprotamības atkarīga darbinieka motivācija, lojalitāte un uzņēmuma izmaksu efektivitāte [3].

Aatalgojuma daļa, kas saistīta ar darbinieku darba rezultātiem vai kvalitāti, uzņēmuma peļņas vai apgrozījuma rādītājiem, biznesa plānu izpildi un attīstības dinamiku, tiek saukta par atalgojuma mainīgo daļu. Tieši šai atalgojuma daļai būtiska nozīme īstermiņā, jeb operatīvajā personāla motivācijā, un šo atalgojuma daļu ikdienā var izmantot tiešie vadītāji, lai sekmētu savus darba rezultātus. Praksē pielietotākās atalgojuma mainīgās daļas ir prēmijas (īstermiņa, ilgtermiņa, individuālās, projekta, speciālo amatu un svētku), piemaksas, virsstundu apmaksa, pabalsti, autotransporta kompensācija, telefona izmantošanas kompensācija, maksājumi par laiku, kad netiek strādāts, komisija un procentu maksājumi, pensiju fondi, atlīdzība, aizejot no uzņēmuma [3].

VSIA „Bērnu klīniskā universitātes slimnīcas” atalgojuma sistēmas principi nosaka uzņēmuma atalgojuma sistēmas mērķus:

1. nodrošināt līdzvērtīgus nosacījumus atlīdzības noteikšanā,
2. atbilstoši finansiālajām iespējām un ekonomiskajai situācijai valstī panākt darba tirgum atbilstošu un konkurētspējīgu darba atlīdzību darbiniekiem,
3. atbilstoši finansiālajām iespējām novērtēt darbinieku personisko ieguldījumu,
4. piesaistīt un noturēt ilgtermiņā kvalificētus un profesionālus darbiniekus,
5. motivēt darbiniekus, lai sasniegtu augstākus uzņēmuma un personiskos mērķus [6].

Atalgojuma sistēma iekļauj normatīvās bāzes pamatojumu, atalgojuma apmēru regulējošo mehānismu, atalgojuma patstāvīgās un mainīgās daļas aprakstu, stundas tarifa likmes vai akorda algas piemērošanas kārtību, mēnešalgu grupu un intervālu (maksimālā un minimālā likme), samaksas veidus personālam, papildus kritēriji mēnešalgas noteikšanai.

Pētījuma bāzes vietā atalgojuma apmērs tiek noteikts saskaņā ar štatu sarakstu un ikgadējo darbinieka novērtēšanu. Darbinieku novērtēšana tiek veikta vienu reizi gadā par noteiktu laika posmu. Darbinieku novērtēšanas kārtība nosaka kā tiek novērtēta darbinieku darbība un tās rezultāti nodaļās un struktūrvienībās. Novērtēšanas rezultāti tiek izmantoti darbinieka mēnešalgas mainīgās daļas apmēra noteikšanai u.c. mērķiem. Novērtēšana tiek veikta izmantojot punktu sistēmu aizpildot apstiprinātu novērtēšanas anketu. Pirmajā posmā anketu aizpilda pats darbinieks veicot pašnovērtējumu, otrajā posmā darbinieku vērtē tiešais vadītājs un trešajā posmā ar valdes priekšsēdētāja rīkojumu izveidota speciāla komisija. Noteicošā ir komisijas piešķirto punktu skaita kopsumma, kas turpmāk ietekmē darbinieka mēnešalgu. Piešķirot novērtējumu tiek ņemts vērā gan darba stāžs, sasniegumi darbā, pārkāpumi, kvalifikācijas celšana, tālākattīstības un pašizaugsmes centieni. Pēc novērtēšanas attiecīgajam darbiniekam tiek piešķirta mēnešalgu grupa un kvalifikācijas pakāpe un tiek apstiprināta darbinieka alga saskaņā ar likumu “Valsts un pašvaldību institūciju amatpersonu un darbinieku atlīdzības likums” [7].

Institūcijas struktūra nosaka sešas nodaļas un divas patstāvīgas struktūrvienības, t.s. izglītības iestāžu reģistrā reģistrētu izglītības iestādi. Institūciju un tās struktūrvienības atalgojuma apmēru regulē dažādi spēkā esošie normatīvie akti, jo institūcija darbojas dažādās jomās – ārstniecība, būvniecība, transporta pakalpojumi, sociālie pakalpojumi, izglītība, ēdināšana u.c.

Secinājumi

- Pētījuma bāzes vietā izstrādātā Grāmatvedības politikas sadaļa Darba samaksas kārtība balstās uz novecojušiem un/vai spēku zaudējušiem normatīvajiem aktiem vai kuri vairākkārtīgi ir veikti grozījumi.
- Pētījuma bāzes vietā nav izstrādāta atalgojuma sistēma ar personāla motivācijas komponentiem. Atlīdzība par darbu tiek noteikta personāla kompetenču veidu ietvaros balstoties uz spēkā esošo likumu “Valsts un pašvaldību institūciju amatpersonu un darbinieku atlīdzības likums” un ikgadējo darbinieku novērtēšanas savstarpējo mijiedarbību.
- Mainīgajai atalgojuma daļai atalgojuma sistēmas ietvaros ir būtiska nozīme personāla operatīvajā motivācijā.
- Grāmatvedības politika un Darbinieku novērtēšanas kārtība nav savstarpēji saistītas.
- Institūcijas struktūra ir komplicēta, sastāv no nodaļām un patstāvīgām struktūrvienībām, kuru atalgojumu regulē dažādi spēkā esošie normatīvie akti.

Priekšlikumi

1. Apkopot spēkā esošos normatīvos aktus, kas regulē atalgojumu, veikt to analī-

- zi un sagatvot normatīvo bāzi atalgojuma sistēmas aktualizēšanai.
2. Veikt sagatavošanas darbus atalgojuma sistēmas izstrādei izveidojot institūcijas atalgojuma sistēmas principus.
 3. Atalgojuma sistēmas principu izstrādei izveidot darba grupu, kuru pārstāv visu struktūrvienību vadītāji un grāmatvedības politikas īstenošanas un kontroles dienesti. Noteikt darba grupas sākuma un beigu datumu, definēt sasniedzamos kritērijus.
 4. Veikt padziļinātu atalgojuma sistēmas efektivitātes novērtēšanu līdzīgās institūcijās pēc darbības jomas Latvijā. Pārņemt labās prakses piemērus pielāgojot pētījuma bāzes vietai.

Izmantotās literatūras un avotu saraksts

1. Armstrong M. How to Manage People – London: Kogan Page, 2011. – p.192.
2. Boitmane I. Personāla atlase un novērtēšana. Rīga: SIA “Lietišķās informācijas dienests”, 2006. – 160 lpp.
3. Ešenvalde I. Personāla vadības mūsdienu metodes. – Rīga: Merkūrijs LAT, 2008. – 349 lpp.
4. Kupče M. Darba samaksa un darba alga – kas ir kas?. Rīga: Latvijas Vēstneša portāls, skatīts 30.11.2015 - <http://www.lvportals.lv/visi/skaidrojumi/199979-darba-samaksa-un-darba-alga-kas-ir-kas/>
5. Pikerina P. Personāla vadība. Rīga: SIA Jāņa Rozes apgāds, 2002. – 125 lpp.
6. Atalgojuma sistēmas principi – Rīga: VSIA “Bērnu klīniskā universitātes slimnīca”, skatīts 01.12.2015 - http://www.bkus.lv/CMS/modules/EReditor/jscripts/tiny_mce/plugins/filemanager/files/algas.pdf
7. Darbinieku novērtēšanas kārtība. Jūrmala: PSIA “Veselības un sociālās aprūpes centrs – Sloka”, 2012.gads.
8. Grāmatvedības politika, apstiprināta 30.07.2010 PSIA “Veselības un sociālās aprūpes centrs – Sloka”
9. Labklājības ministrija, skatīts 29.11.2015 <http://www.lm.gov.lv/text/12>

How to Demarcate the Border of Legal and Illegal Activities in Entrepreneur's Tax Management?

Ing. Monika Hodinková,

Ph.D., researcher, Akademie STING, o.p.s.,

Stromovka 1, 637 00 Brno, Czech Republic,

email: hodinkova@post.sting.cz, phone: +420 541 221 806

Abstract

The tax management process can be considered as a rational behaviour of taxpayers leading to optimization of his tax burden. In addition to the tax management can entrepreneurs encounter with other opportunities on the border of the legality, tax avoidance, or even beyond this border tax evasion. The aim of the paper is to identify different approaches and provide its comparison. The results are discussed from many aspects, including the impact of the tax havens existence on public budgets revenue.

Key Words: tax avoidance, tax evasion, tax havens, tax management, tax planning

Аннотация

Процесс налогового управления может рассматриваться, как рациональное поведение налогоплательщиков, ведущих к оптимизации своего налогового бремени. В дополнении к налоговому управлению предприниматели могут столкнуться с другими возможностями на границе законности, избежание налогов или даже за пределами этой границы уклонение от уплаты налогов. Целью данной работы является выявить различные подходы и обеспечить их сравнение. Результаты обсуждались во многих аспектах, включая существование влияния зон льготного налогообложения на общественный бюджетный доход.

Ключевые слова: уклонение от налогов, незаконное уклонение от уплаты налогов, зоны льготного налогообложения, управление налогом, налоговое планирование

Introduction

Tax management according to Hoffman [5,02] can be described as rational activity of taxpayers, who is able to manage his financial affairs in such a way to optimize his tax costs. In the present case, the taxpayer knows and uses the legislation offered ways to optimize his tax liability and realize the tax savings. In addition to this legal activity there are also other practices that allow taxpayers to reduce their tax burden. These activities are on the border of legal and illegal. It is all about the deliberate tax avoidance, thus questionable reducing of the tax base, and activities in the illegal zone, worldwide known as tax evasion. The aim of the paper is to identify approaches to the issue and to provide its comparison. There are also discussed the impacts of the tax havens existence on the public budget revenues and on the tax liability of the other taxpayers.

Basic theoretical and practical provisions

Tax management, tax avoidance and tax evasion

The definition of activities that allow optimizing the tax liability is not clearly identifiable. A number of authors [7,13; 12,14] incline to split the process of tax liability optimization (minimization) in three degrees, which are specified below. Lymer and Oats [7,13] discuss the differences between tax planning, tax avoidance and tax evasion. The precisely boundary between these three types of activities according to the authors, is not clearly defined. Vančurová and Láchová [12,14] state the process of tax liability minimizing can be divided into three degrees. The first degree is tax liability optimization (tax savings), the second degree is the tax avoidance and the third degree represents the tax evasion.

Many authors dealing with the issue of tax management [5, 02; 3, 95;12,14] emphasis the legality of the practices referred as tax management of tax planning. Tax planning by [7,13] includes strategic use of legislation offered tax advantages, which are applied to minimize company's tax liability. Vančurová and Láchová [12,14] underline the fact that it is completely understandable that each taxpayer try to pay the lowest amount on his taxes. The process of tax liability minimization is by authors considered to be fully rational economic behaviour of taxpayer. In connection with the issue of tax planning it is possible to come across also to the attitude of the European Commission [2,14], which points to the fact that the tax planning develop across countries and cause that movable taxable profits move to the states with favourable regimes. The main characteristic of these procedures is they reduce tax liability through strictly legal measures, which is in contrary to the intent of the law. At the same time stresses aggressive tax planning uses the technical details of a tax system, or differences between two or more tax systems in order to reduce the tax liability and can take many different forms. Therefore European Commission appeals to the EU Member states to maintain the same general approach to aggressive tax planning.

A certain transition or the borders between legal and illegal practices are known activities the most often labelled as tax avoidance. Vančurová and Láchová [12,14] state that this additional degree on the ways to minimize taxes through the searching of lawmaker unintended crevices in the tax laws. If a specific use of imperfect tax law formulation will begin be used on a wider scale, it leads to a change in the tax law, which causes that these unintended benefits are usually achieved only temporary.

On the opposite end of the spectrum of the tax minimization are tax evasions, which can be according to Šíroký et al [11,08] quite clearly considered as illegal activity. The main different of this illegal activity is that the taxpayers can be because these way of tax minimization prosecuted. In connection with the issue of tax evasion is often also decline the term "tax havens". Larudee [6,09] points to the fact that tax havens are jurisdiction, which offers primarily two things: zero (or approaching zero) taxation of business activities and safety for financial assets.

Radu [9,12] states that tax havens are constantly lingering problem, which notorious affects the public budget revenues of countries with higher taxation.

Široký [10,13] states nowadays still more and more tax residents of a country work in abroad, between states wanders more and more commodities, and therefore is necessary the cooperation of national Governments in the issue of taxation, in order to limit tax evasion and positively influence national tax revenues. The cooperation can be according to Široký [10,2013] seen as the first step towards the convergence of tax systems of different countries. The European Parliament [1,14] stated that the fight against tax evasions and tax avoidance is one of the leading points of the EU tax policy. It is estimated that in the EU Member States every year the tax revenues are shorten about 1 trillion Euros, which greatly undermines fair economic competition and causes a huge loss of the public revenues. In order to avoid fiscal frauds was adopted the action plan (COM(2012)0722) and two recommendations. The first of them is addresses to aggressive tax planning (C(2012)8806) and the second deals with promoting good governance in tax matters (C(2012)8805). In the issue of tax havens is interested also the OECD [8,15], which published a list containing 38 jurisdictions that are considered to be tax havens. The list includes: Andorra, Antiquilla, Antiqua and Barbuda, Aruba, Bahamas, Bahrain, Bermuda, Belize, British Virgin Islands, Cayman Islands, Cook Islands, Cyprus, Dominica, Gibraltar, Grenada, Guernsey, Isle of Man, Jersey, Liberia, Liechtenstein, Liberia, Malta, Marshall Islands, Mauritius, Monaco, Montserrat, Nauru, Netherlands Antiles, Niue, Panama, Samoa, San Marino, Seyschelles, St. Lucia, St. Kitts & Nevis, St. Vincent and the Grenadines, Turks & Caicos Islands, US Virgin Islands and Vanautu. These jurisdictions would, according to the OECD [8,15] focus on the higher transparency and to establishment effective exchange of information related to tax matters.

Discussion

Tax management leading to optimization (minimization) of the Entrepreneur's tax liability is a legal activity, which the most authors [3,95;5,02; 7,13] fully support as a way of making tax savings, which allows the taxpayers to optimize their tax burden. These tax saving can be used for the further development of the business activities.

Among the contentions part of the tax liability optimization can be classified its second and third degree thus tax avoidance (the second degree) and tax evasion (the third degree). There are not always clearly established the exact boundaries between these degrees. Tax avoidance a part of authors [11,08;7,13;12, 14] evaluate as a grey zone, which is very difficult to exactly establish. The taxpayers in this case use for their advantage disputed or imperfectly worded section of the tax laws. The increase use of these unintended loopholes in the law is usually only temporary. Authors across the different approaches agree that tax evasion is an illegal activity and represent a deliberate behaviour of taxpayer for the purpose

of making illegal tax savings. Authors [11,08;12,14] also mention the criminal vulnerability of such negotiations.

The author agrees with the attitude [7,13;12,14] the determination of borderline between the tax management, tax avoidance and tax evasion is very difficult. The assessment of this boundary in the context of the Czech Republic is also very complicated, because there are frequent changes in legislation, and even the renowned experts from qualified tax advisors often argue with each other about the correct interpretation of the tax laws. A possible way to assess these borders of “the grey zone” by author could be in the deliberate negotiations of taxpayers which, however, may be in the case of litigation very difficult detected.

The issue of tax havens is next to the authors [6, 09;9,12;10,13] also devote a whole series of significant international organisations [2,14;8,15]. In the realized researches and the processed studies is the most often highlighted the interconnection of national economies as a result of globalization and the adverse effects of tax measures of a jurisdiction (a tax haven) on the revenue of the other jurisdictions. The tax competition between jurisdictions can bring on the other hand also positive effect, but it is necessary to promote international collaboration and emphasize the importance of international coordination in the area of taxes in order to reduce tax evasion.

Conclusion

On the basis of the extensive literature research was found out that in the literature are the most often distinguish three degrees of the tax liability optimization (minimization), and it: tax liability optimization (minimization), tax avoidance and tax evasion.

The attitude to these activities and their exact demarcation is very different and opinions of authors dealing with the topic are also very diverse. Despite this opinion disunity there can be found a particular agreement in the support of the international organizations activities and their fight against tax havens. The fight against the jurisdictions known as tax havens in nowadays globalized world is not possible without international coordination. The possible opportunity for the future is the harmonization of tax systems across the EU Member States and globally coordinated stance against tax havens.

The issue of tax havens will be further addressed in the context of its use by small and medium-sized enterprises in the Czech Republic as a tool of their tax liability optimization.

References

1. EUROPEAN PARLIAMENT. 2014. Obecná daňová politika. [online]. [cited 1 October 2014]. Available from internet: <http://www.europarl.europa.eu/aboutparliament/cs/displayFtu.html?ftuld=FTU_5.11.1.html>

2. EUROPEAN COMMISSION. 2014. Doporučení komise týkající se opatření, která mají pobídnout třetí země k uplatňování minimálních standardů řádné správy v oblasti daní. [online]. [cited 2 October 2014]. Available from internet: http://ec.europa.eu/taxation_customs/resources/documents/taxation/tax_fraud_evasion/c_2012_8806_cs.pdf
3. FALLAN, L. et al. 1995. Adoption of Tax Planning Instruments in Business Organizations: a Structural Equation Modelling Approach. *Scand. J. Mgmt.* vol. 11, no. 2, pp. 177-190.
4. HODINKOVÁ, M. 2015. Tax management v malých a středních podnicích. Dizertační práce. Brno: Vysoké učení technické v Brně, Fakulta podnikatelská, 185 s. Vedoucí dizertační práce: doc. Ing. Zdeněk Sadovský, CSc.
5. HOFFMAN, W. H. 2002. The Theory of Tax Planning. *The Accounting Review.* vol. 36, no. 2, pp. 274-281.
6. LARUDEE, M. 2009. Sources of Polarization of Income and Wealth: Offshore Financial Centers. *Review of Radical Political Economics.* vol. 41, no. 3, pp. 343-351.
7. LYMER, A., OATS, L. 2013. Taxation: Policy and Practice. 20. vydání. Birmingham: Fiscal Publications. 530 p. ISBN 978-1-906201-20-3.
8. OECD. 2015. Jurisdiction Committed to Improving Transparency and Establishing Effective Exchange of Information in Tax Matters. [online]. [cited 25 March 2015]. Available from internet: <http://www.oecd.org/countries/monaco/jurisdictionscommittedtoimprovingtransparencyandestablishingeffective-exchangeofinformationintaxmatters.htm>
9. RADU, D. I. 2012. Tax havens impact on the world economy. *Procedia – Social and Behavioral Sciences.* vol. 62, pp. 398-402.
10. ŠIROKÝ, J. 2013. Daně v Evropské unii. 6th ed. Praha: Linde. 392 p. ISBN 978-80-7201-925-0.
11. ŠIROKÝ, J. et al. 2008. Daňová teorie s praktickou aplikací. 2nd ed. Praha: C. H. Beck. ISBN 978-80-7400-005-8.
12. VANČUROVÁ, A., LÁCHOVÁ, L. 2014. Daňový system ČR 2014. 12th ed. Praha: VOX, 2014. 392 p. ISBN 978-80-87480-23-6.

Предпосылки реализации концепции «Промышленность 4.0» и трансформационных процессов в ЧР

Зденек Садовски, кандидат экономических наук, доцент,
Чешская Республика, Академия STING, ректор, sadovsky@sting.cz.

Марианна Дражанова,
кандидат экономических наук, доцент,
Чешская Республика Институт экономических
исследований и аналитики, Академия STING,
директор, mdrazan@volny.cz

Зденек Карпешек,
кандидат экономических наук, доцент,
Чешская Республика, Академия STING,
проректор по науке, karpisek@sting.cz.

Исследования проведены в рамках международного междисциплинарного научного проекта «Факторы развития конкурентоспособности и эффективности управления малых и средних предприятий (МСП) в локальной и глобальной среде», № IGA 04-01

Аннотация

Новые технологии коренным образом меняют не только экономику, но и способ жизни каждого человека. Философия концепции «Промышленность 4.0» (4-й промышленной революции) затрагивает огромное количество областей, связанных с развитием промышленности, образования, правовых вопросов, R&D&I, технической стандартизации, безопасности, рынка труда, социальной системы, этики и морали. С одной стороны, это ведет к формированию комплекса требований, необходимых для трансформации этих областей, с другой стороны, дает исключительные возможности в рамках глобальной конкурентной среды обеспечить повышение потенциала и конкурентоспособности ЧР, а также качества жизни целых поколений.

Ключевые слова: инновации, исследования, 4-ая промышленная революция

Abstract

New technologies are radically changing not only the economy, but also the lifestyle of each person. The philosophy of the concept „Industry 4.0 (4th industrial revolution) affect on a huge number of areas related to the development of industry, education, legal issues, research and development, technical standards, security, labour market, social system, ethics and morals. On the one hand, this leads to the formation of the complex of requirements necessary for transformation in these areas, on the other hand, gives exceptional opportunities in the global competitive environment to improve capability and competitiveness of the Czech Republic, as well as the quality of life for generations. Začátek formuláře

Key words: innovation, research, 4th Industrial Revolution

Введение.

Как показали исследования [1,15], сформированные в настоящее время концепции, реагирующие на 4-ю промышленную революцию, проходящую в различных странах под различными названиями: в Германии – под названием 4. Industrie, в США- Industrial Consortium Smart Manufacturing Leadership Coalition, а также в Японии, Китае и др. - это, прежде всего, новая философия системного использования, интеграции и взаимного проникновения новейших технологий при их постоянном и непрекращающемся развитии.

В ЧР на уровне правительства [1,15] возникло понимание того, что сравнительные преимущества, существующие в настоящее время в промышленности, носят кратковременный характер, поэтому к первоочередным направлениям трансформации относятся: создание информационной и коммуникационной инфраструктуры, переориентация системы образования, внедрение новых инструментов рынка труда, адаптация общественного сознания к протекающим процессам, создание механизма фискальной системы поддержки фирм в случае инвестирования в новые технологии и know-how.

Содержание концепции «Промышленность 4.0»

Две из трех предыдущих промышленных революций были связаны масштабным внедрением в производство новых видов энергии: паровой, а затем электрической [2,02]. Основой третьей революции составляет применение вычислительной техники в производстве [3,11]. Феноменом настоящего этапа[1,15] является взаимопроникновение Интернета товаров, Интернета услуг и Интернета людей (Internetof Things, Internetof Services, Internetof People), сопровождающееся генерированием огромного количества информации при коммуникации в системах «машина-машина», «человек-машина» или «человек-человек». Трансформация осуществляется под влиянием новых технологий (связанных с развитием автономных роботов, анализом больших объемов информации (Big Data), с процессами компьютерного симулирования и виртуализации, с аддитивным производством (3D печать) или расширенной реальностью (Augmented reality) и др.), которые изменяют производственно-сбытовые цепочки, создают основу для новых торговых моделей, оказывают давление на гибкость современного производства и повышение требований к кибернетической безопасности и интердисциплинарности подходов. Концепция Промышленность 4.0 – это не только распространение аналоговых процессов на промышленного производство, но и комплексная система изменений, в разных сферах деятельности человека.

Концепция «Промышленность 4.0» трансформирует производство, состоящее из автономных автоматизированных единиц, в полностью интегрированную автоматизированную и непрерывно оптимизируемую

производственную среду. Предполагается возникновение новых глобальных сетей, основанных на встраивании производственного оборудования в киберфизические системы – CPS (Cyber – Physical Systems). CPS будут базовым фундаментальным элементом «разумных предприятий», будут способны автономно обмениваться информацией, вызывать необходимые реакции в ответ на изменение моментальных условий и осуществлять взаимный независимый контроль. Сенсоры, машины, узлы и ИТ системы будут взаимосвязаны в рамках производственно-сбытовой цепочки, которая выходит за рамки отдельной фирмы. Таким образом, подверженные взаимопроникающему эффекту CPS, с помощью стандартных коммуникационных протоколов на базе Интернета будут взаимосвязано реагировать и анализировать данные для того, чтобы предвидеть случайные ошибки или неполадки, конфигурировать сами себя и в реальном времени приспособляться к измененным условиям.

На подобных предприятиях будут возникать «разумные продукты», которые будут однозначно идентифицированы и локализованы, будут знать не только свою историю и актуальное состояние, но и альтернативные пути, ведущие к возникновению финального продукта. Вертикальные производственные процессы будут горизонтально связаны в рамках корпоративных систем, которые в реальном времени смогут гибко реагировать на мгновенно изменяемый спрос на продукты, на индивидуальные требования заказчика и создавать условия для их производства. Производственные процессы смогут постоянно оптимизироваться, приспособляться к неожиданным изменениям, связанным с неполадками в оборудовании и их устранении. Таким образом, разумные предприятия откроют простор для креативных путей создания добавленной стоимости и возникновения новых торговых моделей. Возникнут новые пути коммуникации между заказчиком, производителем и поставщиком, а также между человеком и машиной. Это будет содействовать решению глобальных проблем, связанных с недостатком сырья, дефицитом в энергетике или демографическими изменениями.

Базовые технологические концепции

База 4-й промышленной революции исходит из новых моделей реализации трудовых навыков человека при поддержке Интернета. Эта база заключается в новом социо-экономическом поведении человека и всего общества, что требует новых подходов и необходимой технологической системы подготовки с использованием самых современных методов, в т.ч. кибернетических.

Концепция 4-й промышленной революции, которая означает переход от отдельных изолированно используемых компьютерных и робототехнических решений производственных или административных задач к принципам

комплексности и системности, стала возможной благодаря динамике развития коммуникационных, информационных и компьютерных технологий; методов и инструментов кибернетики и искусственного интеллекта; новых материалов и биотехнологий. В отношении коммуникационных и информационных технологий и далее актуальным остается предположение, что еще приблизительно 20 лет будет действовать закон Мура, означающий, что ключевые параметры ИТ будут каждые 18 месяцев обновляться [1,15]. С этим необходимо будет считаться, и все решения в рамках концепции 4-й промышленной революции должны быть направлены на повышение качества технологических параметров, открытость и стандартизацию решений. В результате процесс внедрения концепции 4-й промышленной революции будет связан с динамикой инновационного цикла, возникновением и внедрением инноваций.

SWOT анализ комплексного развития чешской промышленности для целей реализации концепции «Промышленность 4.0»

Таблица 1.

SWOT анализ комплексного развития чешской промышленности для целей реализации концепции «Промышленность 4.0»,[1,15;дополнения и интерпретация авторов]

Анализ внутренних факторов	
Сильные стороны	Слабые стороны
Многолетние традиции промышленного производства, высокий уровень технических способностей и компетенции персонала	Низкий уровень информированности и общественная неготовность к восприятию концепции «Промышленность 4.0» ограничивают возможность оценки последствий изменений: переоценки социального статуса труда, иных общественных ценностей, включая этические и моральные вопросы.
Открытость экономики, поддержка государством развития R&D&I, относительно благоприятный инновационный климат развития чешской экономики среди стран средней и восточной Европы создают условия для реализации концепции «Промышленность 4.0	До настоящего времени отсутствует методика расчета экономической эффективности от внедрения концепции «Промышленность 4.0», позволяющая оценить финансирование ее основных этапов, включая анализ ресурсного обеспечения

<p>Тесные связи с транснациональными корпорациями, в т.ч. немецкими, в области промышленного производства и научных исследований позволяют использовать передовые решения и опыт для реализации концепции «Промышленность 4.0».</p>	<p>Относительно высокий уровень занятости у профессий с низким уровнем квалификации, которые будут переведены в автоматизированный режим, приведет к изменениям в социальной позиции отдельных людей и социальных групп, а низкая готовность социальной политики и рынка труда не даст возможность оперативно решать данные проблемы</p>
<p>Образование, в частности высшее, оценивается чешским обществом как преимущество самого высокого уровня, что при повышении качества высшего образования является одним из базовых условий наличия специалистов высокой квалификации следующей генерации.</p>	<p>Существующая специализация технических и нетехнических отраслей знаний, низкая подготовленность системы пожизненного образования не соответствует потребностям концепции «Промышленность 4.0», и требует интенсивного сотрудничества технических, общественных и гуманитарных наук и отраслей знаний.</p>
<p>Повышение качества преподавания технических предметов в технических вузах на базе кооперирования, как с вузами за рубежом, так и с самыми передовыми технологическими компаниями в рамках всего процесса R&D&I, дает возможность относительно быстро перевести образование на уровень концепции «Промышленность 4.0»</p>	<p>Недостаточная концентрация потенциала на главных направлениях R&D&I, недостаточная инвестиционная поддержка малых и средних предприятий, распыленность финансовых средств на малые и краткосрочные проекты не отвечают целям концепции «Промышленность 4.0»</p>
<p>Рост уровня трудоустройства в базовых отраслях, что свидетельствует о способности использовать новые технологии в производстве продукции и предоставлении услуг, при этом и система оплаты труда благоприятствует приливу новых талантов.</p>	<p>Недостаточное развитие коммуникационной инфраструктуры, гарантирующей высокоскоростную передачу больших объемов информации, а также недостаточное покрытие высокоскоростным Интернетом является тормозом в реализации концепции «Промышленность 4.0».</p>
<p>Анализ внешних факторов</p>	

Возможности	Угрозы
Понимание необходимости динамично, в скоростном режиме, нивелировать слабые стороны; своевременное присоединение к сотрудничеству в рамках Industrie 4.0.	Концепция «Промышленность 4.0» была инициирована Министерством промышленности и торговли и должна реализовываться как единая правительственная программа без политических спекуляций.
Возможность экспорта результатов R&D&I и принятие участия в экспорте технических решений	Внедрение в поздние сроки, низкий уровень качества, недостаточное содержание и масштабы базовой коммуникационной инфраструктуры, необходимой для внедрения концепции «Промышленность 4.0»
Целевая поддержка МСП в достижении эффективного повышения конкурентоспособности как самого динамичного двигателя чешской экономики .	До настоящего времени не существует стандартизации и кибернетической безопасности в соответствии с мировыми стандартами.
«Близость» немецкой промышленности и среды для целей использования опыта и полученных решений	Неподготовленность централизованной энергетической системы на развитие децентрализованных энергетических ресурсов и разумных распределительных сетей (Smart Grids)
Повышение качества системы образования, соответствующей новым запросам, включая открытие пространства для инициативы и креативности преподавателей способных реализовать данные запросы.	Недостаточная, невзаимосвязанная и не эффективная структура R&D&I

Возникновение новых рабочих специальностей и квалификационных возможностей	Неспособность системы образования и реквалификации реализовать изменения, требуемые для реализации концепции «Промышленность 4.0».
	Этические, моральные и социальные проблемы, негативное воздействие на рынок труда и возникновение социальных барьеров могут привести к социальному пессимизму
	Тесная взаимосвязь с немецкой концепцией «Industrie 4.0» может привести к углублению зависимости от Германии.

Заключение

Таким образом, как показал анализ, новые технологии коренным образом меняют не только экономику, но и способ жизни каждого человека. Философия концепции «Промышленность 4.0» (4-й промышленной революции) затрагивает огромное количество областей, связанных с развитием промышленности, образования, правовых вопросов, R&D&I, технической стандартизации, безопасности, рынка труда, социальной системы, этики и морали. С одной стороны, это ведет к формированию комплекса требований, необходимых для трансформации этих областей, с другой стороны, дает исключительные возможности в рамках глобальной конкурентной среды обеспечить повышение потенциала и конкурентоспособности ЧР, а также качества жизни целых поколений.

Список использованной литературы и других источников

1. Vladimír Mařík a kol., 2015. Národní iniciativa „Průmysl 4.0“, Ministerstvo průmyslu a obchodu, září 2015, 42s.
2. Akos Paulinyi, 2002. Průmyslová revoluce: o původu moderní techniky (z německého originálu přeložil Ivan Jakubec). 1. české vyd. Praha: ISV, 2002. 290s. ISBN: 80-86642-02-X
3. Jeremy Rifkin, 2011. The third industrial revolution: how lateral power is transforming energy, the economy, and the world. 1st pub. New York: Palgrave Macmillan, 2011. 291 s. ISBN: 978-0-230-11521-7
4. Ivo Kraus, 2012. Fyzikové ve službách průmyslové revoluce. 1.vyd. Praha: Academia, 2012. 281s. ISBN: 978-80-200-2087-1

Роль депутатов-евроскептиков при принятии Европарламентом решений в сфере экономики

Доманов Алексей

аспирант Кафедры интеграционных процессов
Московского государственного института международных отношений –
Университета, Россия,
атташе Посольства России в Латвии, domanov.aleksey@gmail.com
Научный руководитель – к.п.н., заведующий кафедрой Кавешников
Николай Юрьевич

Аннотация:

Оценена эффективность воздействия политических сил, стремящихся помешать одобрению Европейским парламентом (ЕП) нормативно-правовых актов, на законодательный процесс. Действуя на различных этапах рассмотрения законопроектов, евродепутаты способны помешать принятию решений, увеличивающих полномочия институтов ЕС. Проанализированы не цели парламентариев (евроскептическая идеология), а исследуемые сравнительно реже способы их влияния на принятие решений. Показано, что влияние евроскептиков на законодательный процесс значительно.

Ключевые слова: законодательный процесс, Европейский парламент, евроскептицизм, количественные институциональные исследования, принятие решений.

Abstract:

The study touches upon the efficiency of Eurosceptic MEPs seeking to prevent some legal acts from being approved by the European Parliament. They are capable of interfering with the adoption of laws enlarging the EU's powers. The author focused on ways to influence decision-making, because they remain underanalysed in comparison to the MEPs' goals (Eurosceptic ideology). The Eurosceptics' impact on law-making was found to be considerable.

Keywords: decision-making, Euroscepticism, the European Parliament, legislative process, quantitative institutional studies.

Введение.

В свете последних терактов в Париже и роста потока беженцев из Северной Африки и с Ближнего Востока в государства-члены ЕС многие политики из указанных стран задаются вопросом о жизнеспособности Шенгенских соглашений и в целом целесообразности общесоюзного

контроля над государственными границами. Сомневаясь в том, допустимо ли доверять Евросоюзу определение режима перемещения людей, граждане ЕС критически анализируют и полномочия европейских институтов в других отраслях политики.

По мере увеличения количества сомневающихся в целесообразности коммунитаризации в некоторых отраслях политики повышается вероятность того, что наиболее активные её противники – евроскептики – предпримут шаги для возврата полномочий с европейского на национальный уровень. Можно предположить, что с этой целью указанные политики будут стремиться к изменению европейского права, содействуя принятию соответствующих их идеологии решений органами ЕС. Для прогнозирования эффективности этих действий было бы небезынтересно рассмотреть воздействие на законодательный процесс и европейское право аналогичной деятельности в прошлом с помощью контент-анализа предлагаемых евроскептиками проектов решений (резолуций) ЕП с целью выяснить силу такого воздействия.

Прежде всего, необходимо выделить нормы, которые вероятнее всего могли бы продвигаться или, наоборот, отвергаться евроскептиками. Представляется, что эти положения связаны с критикуемым сторонниками евроскептической идеологии методом управления интеграционным объединением. В свою очередь, «главным методом управления в Европейском союзе... принято считать метод наднационального правового регулирования» [1: 14-15]. Следовательно, логично было бы предположить, что недовольство евроскептиков методом управления ЕС выражается в критике увеличения полномочий европейских институтов, ответственных за исполнение коммунитарных норм.

Основные теоретические и практические положения

Рассмотрены проекты докладов евроскептиков по нескольким законопроектам экономической сферы, докладчиками по которым в ЕП созыва 2009-14 гг. были депутаты из евроскептических партийных групп «Европейские консерваторы и реформисты» («EuropeanConservativesandReformists», ECR) и «Европа свободы и демократии» («EuropeofFreedomandDemocracy», EFD). Содержащиеся в данных докладах поправки оценивались по шкале потенциального недовольства, которое они могли вызвать у евроскептиков (табл. 1). Фактически, это шкала «коммунитарности» воздействия проектируемого решения, градации которой соответствуют силе предполагаемого сопротивления указанных политиков рассматриваемой правовой норме: расширение прав органов ЕС (4 б.), расширение обязательств национальных государств (3 б.), расширение обязательств органов ЕС (2 б.), расширение прав национальных государств (1 б.).

Значения «коммунитарности» правовых норм по отношению к действовавшим ранее

	Органы ЕС	Национальные государства
Расширение прав или сокращение обязательств	4 балла	1 балл
Расширение обязательств или сокращение прав	2 балла	3 балла

Стоит отметить, что объём данной работы позволяет рассмотреть действия депутатов лишь на одной стадии работы над законопроектом. Представляется, что целесообразно обратить внимание на этап с наиболее широкими возможностями для единоличной корректировки текста будущего нормативного акта: на составление доклада для рассмотрения в комитете, а не на заседания комитетов или пленарные заседания ЕП.

Автором обработано 276 поправок, относящихся к распределению полномочий между ЕС и национальными государствами, к 9 законопроектам. В таблице 2 усреднены значения «коммунитарности» поправок из девяти отдельных докладов по законопроектам. Анализ этих проектов решений позволяет сделать следующие выводы о воздействии евроскептиков на законодательный процесс.

Таблица 2.

Оценка поправок к выбранным законопроектам в первоначальных текстах депутатских докладов

Название законопроекта	[2]	[3]	[4]	[5]	[6]	[7]	[8]	[9]	[10]
Средняя «коммунитарность» поправок из доклада	2,47	1,95	1,73	1,74	1,82	1,6	2	2,52	2,16

Евроскептические депутаты ЕП активно пользовались редкими (в силу механизма распределения законопроектов для доклада среди парламентариев) возможностями сместить среднее значение «коммунитарности» будущего закона в выгодную им сторону. Практически во всех случаях они вносили достаточное количество поправок, чтобы средняя «коммунитарность» резолюции значительно отличалась от 2,5 баллов (среднего значения между 1 и 4 баллами, соответствующего идеологической нейтральности резолюции с точки зрения евроскептицизма).

Тем самым евроскептики закладывали основу для дальнейшего рассмотрения законопроектов в выгодном им ключе: поскольку при рассмотрении в комитете и на пленарке с участием евроэнтузиастов «коммунитарность» проектов резолюций неминуемо повысилась бы, нужно было внести некоммунитарные поправки на самой первой стадии работы.

Наиболее часто встречалась поправка евроскептиков, направленная на лишение ЕК полномочий по принятию делегированных актов. Например, в первоначальном докладе Х.Фаджмон по проекту регламента о сельском хозяйстве [11] к этому сводится одна пятая всех изменений, предложенных депутатом. Такая тенденция подтверждает высказанное выше предположение, что поправки евроскептиков продиктованы борьбой за полномочия между органами европейского уровня и национальными властями.

Заключение

Итак, влияние евроскептиков на законодательный процесс на рассмотренной стадии велико. Обычно евроскептические депутаты вносили достаточное число поправок, чтобы средняя «коммунитарность» резолюции отличалась от идеологически нейтрального текста: последний оценивался бы в 2,5 баллов, а парламентарии «отклоняли» это усреднённое значение даже на 0,9 баллов по 4-балльной шкале в выгодную себе сторону. Стоит отметить, что в ходе исследования разработана шкала, по которой можно измерять перераспределение полномочий между различными институтами политической системы ЕС.

Можно предположить, что в оставшийся период работы Европейского парламента созыва 2014-2019 гг. влияние евроскептиков вырастет (из-за увеличения их численности по отношению к прошлому созыву). В частности, и ранее значительное влияние на стадии подготовки доклада для комитета усилится благодаря более частой подготовке докладов депутатами из евроскептических партийных групп. Сделать прогноз о том, какое решение будет принято Европейским парламентом, уже сейчас с большой долей вероятности можно по действиям докладчика-евроскептика: если известно распределение докладчиков по законопроектам, то можно предугадать, в каких случаях намерения ЕК (в частности, расширить свои полномочия) столкнутся с препятствиями.

Список использованной литературы и других источников

1. Стрежнева М.В. Прохоренко И.Л. Управление экономикой в Европейском союзе: институциональные и политические аспекты. - М.: ИМЭМО РАН, 2013.
2. Regulation of the European Parliament and of the Council setting emission performance standards for new light commercial vehicles as part of the Commu-

- nity's integrated approach to reduce CO2 emissions from light-duty vehicles.
3. Regulation of the European Parliament and of the Council on the common organisation of the markets in fishery and aquaculture products.
 4. Regulation of the European Parliament and of the Council on the sound level of motor vehicles.
 5. Directive of the European Parliament and of the Council amending Directive 2006/43/EC on statutory audits of annual accounts and consolidated accounts.
 6. Regulation of the European Parliament and of the Council on specific requirements regarding statutory audit of public-interest entities.
 7. Directive of the European Parliament and of the Council on the protection of the euro and other currencies against counterfeiting by criminal law, and replacing Council Framework Decision 2000/383/JHA.
 8. Directive of the European Parliament and of the Council amending Council Directive 2001/110/EC relating to honey.
 9. Regulation of the European Parliament and of the Council on information accompanying transfers of funds.
 10. Regulation of the European Parliament and of the Council on protective measures against pests of plants.

Сектор жилищного хозяйства Латвии – проблема или потенциал экономического роста?

Александр Саковский,

докторант программы «Региональная экономика и экономическая политика», as@balticom.lv

Балтийская международная академия, Рига Латвия

Научный руководитель: профессор Инна Стеценко

Аннотация.

В представленной научной статье, основанной на исследованиях экономического потенциала жилищного хозяйства Латвии, были проведены анализ актуального состояния жилищного фонда Латвии и расчеты емкости рынка жилищного сектора Латвии. Автор определил основные проблемы рынка вторичного жилья и направления его развития. Автор использовал методы стратегического сегментирования, статистического анализа и метод экспертных оценок. В заключительной части автор показал высокий экономический потенциал роста рынка труда, который кроется в реновации вторичного жилого фонда раскрыл и необходимые меры по освоению этого потенциала.

Ключевые слова: Жилищное хозяйство, реновация, энергоэффективность, Латвия.

Abstract

In the represented scientific article, based on the researches of the economic potential of the housing economy of Latvia, were carried out the analysis of the current status of the housing fund of Latvia and the calculations of capacity of the housing market sector of Latvia. The author has identified the main issues of the secondary housing market and directions of its development. The author has used the methods of strategic segmentation, statistical analysis and expert evaluation method. In the final part the author has shown the high economic potential of growth of the labor market which lies in the renovation of the secondary housing fund and has revealed the necessary measures for the development of this potential.

Keywords: housing economy, renovation, energy efficiency, Latvia.

Введение.

Нет ни одного настолько социально значимого сектора современной экономики, как сфера жилищно хозяйства и нет другого такого сектора, который не был бы настолько заброшен вниманием как со стороны государства, так и научных кругов. Само существование человека невозможно представить без жилища, вся его жизнедеятельность проходит в разного рода зданиях и строениях. По сути все экономические процессы так или иначе связаны с жилищно коммунальной сферой, являющейся

одной из важнейших отраслей в государственной инфраструктуре. Однако при этом общее состояние жилищно – коммунальной сферы находится в предкризисном состоянии, износ жилого фонда советской постройки растет, капитальные ремонты практически не производились. Это создает проблему уже не только комфорта проживания, но и безопасности. Поэтому необходимо найти решения, которые из проблемы создадут предпосылки для экономического роста в масштабах всей страны.

Цель статьи - на основе анализа состояния жилищно хозяйства Латвии раскрыть его потенциал для экономического роста.

Методы исследования - В работе использовались методы статистического, экономического анализа, стратегического сегментирования и метод экспертных оценок

Основные теоретические и практические положения

По сути все экономические процессы так или иначе связаны с жилищно-коммунальной сферой, являющейся одной из важнейших отраслей в государственной инфраструктуре. Однако при этом следует признать, что в Латвии очень мало научных работ, посвященных исследованию проблем функционирования жилищно- коммунального хозяйства в рыночных условиях, практически отсутствуют определения сферы жилищной политики.

Вторичный рынок жилья в Латвии находится в предкризисной ситуации, 93,8% жилищного фонда нуждается в реновации. Порядка 68% жителей Латвии, или 1,4 млн. человек, проживающих в традиционном жилье живут в домах полувековой давности, построенных с 1946 года и позже. Удельный вес таких зданий составляет около 67% от всех единиц жилья на латвийской рынке.*

В свою очередь в новостройках, построенных с 2006 по 2014 года, живет только 3-4% населения.

Как указывают строительные эксперты, срок эксплуатации серийных многоквартирных домов закончится к 2020 – 2040- му году и тогда это действительно может стать проблемой безопасности национального масштаба.

Недавно Институт экономики строительства РТУ в сотрудничестве с сотрудничестве с Латвийской ассоциацией недвижимости LANIDA подготовил исследование, в котором говорится следующее: « ...По данным Государственной земельной службы только 2164 многоквартирных жилых дома в Риге (6%) построены в период с 1992 по 2014 год, и это очень мало....

у проанализированных многоквартирных жилых домов советской постройки в Риге общим числом 3000 с 2020 по 2050 год истекает срок эксплуатации, а средний срок эксплуатации их инженерных сетей уже истек.

С уверенностью можно сказать, что данная ситуация относится не только к Риге, но ко всей Латвии в целом, где люди живут жилых домах советской постройки.

Для полного представления о состоянии жилого фонда Латвии, необходимо рассмотреть его структуру как по типу жилища, так и по распределению по городам и сельской местности, а также по количеству проживающих людей в каждом типе в процентах. Данная информация представлена в Таб. № 1:

Таб. № 1

Типы жилья в Латвии, (%)

	2014					
	Всего	Частный дом/хутор	Рядные дома или часть частного дома	Квартира в жилом доме до 9 квартир	Квартира в многоквартирном доме с 10 квартирами и более	Жилище другого типа
Все домохозяйства	100	26.2	3.5	7.9	62.2	0.1
Города	100	13.5	2.5	7.2	76.7	0.1
Село	100	58.1	5.8	9.8	25.9	0.3

Источник: ЦСУ ЛР

Таблица показывает, что в порядка 70 % жителей Латвии проживают в многоквартирных домах.

В абсолютном выражении в соответствии с данными Министерства экономики весь жилой фонд Латвии отображен ниже в таблице №2:

Фонд жилых домов Латвии

	Количество	Площадь
Одно и двух квартирные дома	313тыс.	~32 млн.м ²
Многоквартирные дома	39 тыс.	~55млн.м ²
Всего:	352 тыс.	~87млн.м²

Источник: Министерство Экономики ЛР

Интерес для анализа представляет именно сектор многоквартирных домов, поскольку более 90% из них составляют постройки советских времен. Вопросы энергоэффективности в то время не были актуальными. Со временем жилой фонд только ветшает, а капитальные ремонты не делались с советских времен.

По оценке иностранных экспертов, работающих в энергосервисных компаниях (ЕСКО), состояние жилого фонда в Латвии одно из самых худших в Европе. Именно поэтому решать эти проблемы надо срочно и на государственном уровне.

Сохранить существующий жилой фонд можно только путем финансирования услуг по комплексной реновации и энергоэффективности. По оценкам Министерства экономики общий объем капиталовложений на реновацию всего жилого фонда Латвии составляет порядка 3.5 млрд. евро.

Однако по подсчетам автора эта цифра значительно выше. В соответствии с экспертными оценками стоимости проектов реновации жилых домов, средняя цена за метр квадратный составляет около 100 евро при упрощенной реновации и 170 евро за квадратный метр при полной реновации. Исходя из данных, полученных из таблицы № 2, нетрудно подсчитать, что емкость рынка здесь составляет от 5,5 млрд. евро до 9,3 млрд. (**Ёмкость рынка** — это объем тех товаров или услуг, которые предлагаются и приобретаются в пределах рынка (ры-

ночного сегмента). Здесь очень важно отметить тот факт, что эта цифра отражает только расходы на общестроительные работы по проектам реновации и энергоэффективности. Однако модернизация жилого фонда это еще и оснащение квартир приборами учета воды и тепла нового поколения, позволяющими обеспечить не только индивидуально точный учет потребляемых ресурсов, но и систему удаленного считывания показаний, что в совокупности решает проблему справедливой оплаты за потребленные ресурсы и создает комфортную среду для проживания в реновированных зданиях (первый шаг к умному дому).

Выводы

В результате исследования автор показал, что жилой фонд советской постройки находится в предкризисном состоянии. Ни в советское время, ни в наше время капитальные ремонты многоквартирных жилых домов не производились. С каждым годом техническое состояние все более ухудшается, что ставит под угрозу уже саму безопасность проживания.

Реновация и энергоэффективность - сферы, которые могут дать новую жизнь не только самим жилым зданиям (не только жилым, но и объектам социальной инфраструктуры и промышленным зданиям), но строительной сфере, производству современных строительных материалов, создать новые рабочие места в аффилированных предприятиях по бухгалтерским, юридическим и транспортным услугам. По сути процесс реновации жилого фонда несет в себе двойной эффект - с одной стороны огромный рынок для развития строительной отрасли и смежных с ней секторов экономики, с другой – экономия энергоресурсов в масштабах всей страны. По мнению автора емкость рынка данного сегмента составляет от 3,5 млрд. евро до 5-9 млрд. евро. Для того , чтобы оживить этот огромный рынок, необходимо создать государственную программу поддержки проектам реновации и энергоэффективности многоквартирных домов советского периода постройки. Сегодняшние меры, принимаемые правительством недостаточны для того, чтобы пошел процесс освоения этого сегмента рынка. Государству необходимо создать финансовые инструменты для стимуляции экономической активности в жилищной сфере, значительно облегчить бюрократическую нагрузку для оформления проектов энергоэффективности, а также провести ряд изменений в специальных законах, регулирующих жилищную сферу для снятия юридических барьеров для реализации программы реновации жилого фонда.

Список использованной литературы и других источников.

1. Daudzdzīvokļu dzīvojamā māju renovācijas veicināšanas valsts atbalsta programma 2007. – 2010. gadam <http://polsis.mk.gov.lv/LoadAtt/file45392.doc>
2. Mājokļu attīstības kredītiņš programma, <http://www.altum.lv/public/29224.html>
3. LR CSB, <http://www.csb.gov.lv/statistikas-temas/metodologija/dzivojama-fonda-apsaimniekosana-36994.html>
4. LR CSB, http://data.csb.gov.lv/pxweb/lv/Sociala/Sociala_ikgad_majapst/MTG0030
5. « Бизнес Вести» от 24.11.2015., № 45

Развитие Рижского Свободного порта в рамках транспортной политики Европейского Союза

Viktors Blohins

Докторант программы

«Региональная экономика и экономическая политика»

Балтийская Международная академия, Рига, Латвия

Аннотация:

В статье автором проводится оценка влияния транспортной политики государств на экономику страны в целом. Особое внимание автор уделил контейнерным перевозкам в Рижском свободном порту.

Ключевые слова: контейнеризация; транспортная политика, Рижский свободный порт

Abstract

In the article the author carries out the assessment of influence of transport policy of the states on the economy of the country as a whole. The special attention the author paid to the container transportations in Riga free port.

Keywords: containerization; transport policy, Riga free port

Введение.

Актуальность исследования в области реализации транспортной политики определяется тем, что в период реализации крупномасштабных международных интеграционных проектов есть необходимость увеличивать экспертное стратегическое планирования. Европейская интеграция поставила цель перед странами ЕС сформировать общую транспортную инфраструктуру, которая должна реализовать идею свободного движения товаров, людей и услуг на всей территории Европейского Союза. Таким образом, в рамках транспортной политики ЕС предприятия различных отраслей промышленности, в том числе транспорта, должны следовать нормам и генеральному плану развития Организации. По этой причине, в стратегии развития одного из субъектов международных отношений, в рамках Экономического союза, должны быть изучены подробным образом, ключевым элементом участия в экономических союзах.

Целью статьи является обзор развития контейнерных перевозок в Рижском свободном порту.

Основные теоретические и практические положения

Итак, последние 60 лет транспортная политика ЕС постоянно развивается и вносит значительный вклад в дело Европейского процветания и занятости населения. В индустрии сейчас занято примерно 10 миллионов человек, что составляет 4,5% от общей занятости ЕС и примерно такой же процент годового ВВП. Хорошая транспортная сеть также важна для экономики ЕС в области экспорта товаров. Морские перевозки выполняют до 90% от внешней торговли*.

Многие Европейские компании на сегодняшний день являются мировыми лидерами в области инфраструктуры, логистики и производства оборудования для транспорта.

Каждая семья в ЕС тратит примерно 13,5% своего дохода на товары и услуги связанные с транспортом, на пример сезонные железнодорожные билеты, авиа билеты, прездные итд, что ставит транспортные расходы в семейном бюджете на второе место после затрат на ведение хозяйства.

Последнее 10 лет развитие Европейской транспортной политики помогло укрепить внутренний рынок ЕС путем открытия национальных рынков, где раньше преобладали государственные монополии такие как авиация и ж.д. Более того постепенно были сняты различные барьеры связанные с различными техническими и административными стандартами, а также формами конкуренции (ценообложение и налоги). Это позволило создать единую Европейскую транспортную зону для всех видов транспорта. Особенно эта политика заметна в авиации, где была произведена либерализация рынка в 90ых годах.

Морской транспорт имеет большое значение для Европейской торговли и составляет почти 90% от внешних перевозок ЕС и почти 40% внутренних перевозок.

До 2030 года объем перевалки грузов в портах Европы должен возрасти на 60%. В течении 20 лет Европейские порты столкнутся с такими проблемами как производительность, потребность в инновациях а также с дефицитом человеческих ресурсов.

В 2007 году Европейская комиссия опубликовала доклад о политике европейских портов [5]. В докладе Комиссия рекомендует повысить эффективность работы европейских портов, для реализации «е - морской» концепции, а также принципа «универсальный пункт обслуживания» в развитии морских магистралей. Рекомендуется также сотрудничество административных советов и портов в сфере развития и популяризации положительного имиджа европейского порта.

* Eurostat http://russiancouncil./eninner/?id_4=3972#top-content 24.07.205

Этот национальный стратегический документ определяет 2007-2013 общую стратегию использования фондов ЕС в Латвии.

Транспорт и логистика вносят значительный вклад в ВВП Латвии (10% в 2014 году).*

За 11 месяцев 2015 года в порту Риги было перевалено 36,5 млн. тонн различных грузов, что на 2,1% или на 0,77 млн. тонн меньше, чем за отчетный период 2014 года. Хотя объем груза в этом году снизился, в целом, это второй самый успешный период в истории порта. Данные показатели отчасти связаны с тем, что в последние месяцы 2014 года зарегистрирован рекордный грузооборот (в среднем, 3,7 млн. тонн в месяц).

За 10 месяцев 2015 года в порту было обработано в среднем 3027 судов, большинство из них - сухогрузы (1303), 640 танкеров, 475 контейнеровозов и 333 балкера. Относительно заходов по месяцам, суда в отдельные месяцы года заходили в порт достаточно равномерно, но наибольшее количество зарегистрированных судов наблюдалось в мае и сентябре, когда порт принял соответственно 317 и 316 торговых судов.**

Таблица 1

Грузооборот в Рижском свободном порту в 2015 году (тыс.т)

Виды грузов	2014г	2015г
НАСЫПНЫЕ ГРУЗЫ	21441.6	21070.8
ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ГРУЗЫ	6550.6	5698.8
НАЛИВНЫЕ ГРУЗЫ	9270.5	9723.1
ВСЕГО	37262.7	36492.7

Как видим из представленных в таблице 1 данных, контейнерные перевозки, включенные в состав генеральных грузов, составляет 15% от общего объема перевезенных грузов Рижского свободного порта.

* На основе данных статистического бюро Латвии, www.csb.gov.lv, 12.11.2015

** Официальный Сайт Рижского саободного порта, <http://rop.lv/ru/novosti/5482-umenshenie-ob-emoj-konte-nernykh-gruzov-v-rizhskom-svobodnom-portu-sa-moe-neznachitelnoe.html> - 13.11.2015

грузооборот

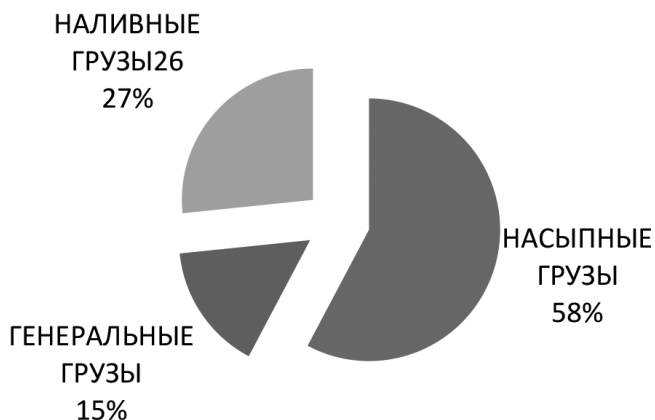

Рис.1 Грузооборот Рижского свободного порта в 2015г., (01-11мес) в %

Таблица 2

Анализ Контейнерных перевозок в Рижском свободном порту*, (тыс.т)

Виды грузов	2014г	2015г
Контейнера, в.т.ч.	3808	3501.1
Грузы в контейнерах	3669.0	3345.6
Пустые контейнеры	139.0	155.5
Кол-во контейнеров TEU	356611	325137
Грузы в контейнерах	292250	253761
Пустые контейнеры	64361	71376
Roll on / Roll off	454.5	226.9

Однако, проведенный анализ свидетельствует о незначительном падении контейнерных перевозок порта – так по данным на ноябрь 2015года объем перевозимого в контейнерах груза уменьшился на 8,1%, контейнеры TEU уменьшились на 8,8%. Для изменения в ситуации в отрасли следует проводить более глубокий анализ положения в отрасли.

* Составлено авторам по материалам сайта Рижского свободного порта file:///C:/Users/USER/Downloads/Stat_Rizhskij_Svobodnyj_port_-_Gruzooborot-2015.pdf

Стратегическое видение: долгосрочная перспектива на базе устойчивого развития.

Следует отметить, что Рижская дума вносит большой вклад в развитие Рижского Свободного порта, где планируется:

- расширить территорию Рижского Свободного порта за счет расширения границ города и построить терминалы на острове Криевусала для перемещения части грузовых терминалов из центра города.
- инвестировать в новые технологии и внедрять инновационные методы работы в целях улучшения качества обслуживания Рижского Свободного порта:
- создать общую транспортную инфраструктуру вместе с Кабинетом Министров, Рижской думой и предприятиями города.
- Для увеличения бассейна пользователей.
- Для установления стабильных моделей развития.
- Для интеграции экологических и социальных вопросов в эксплуатацию порта

Заключение

Для региона преимущества возникают в процессе строительства и расширения порта, а также во время работы самого порта, например, во время строительства терминалов, во время ремонта и модернизации старых причалов, складов, административных помещений, инфраструктуры дорог и железной дороги. В работе Рижского порта участвуют 20 000 человек, которые мотивируют региональное развитие и благополучие.

Рижский порт является центром регионального экономического развития и трудовой занятости в регионе, пополнении рабочей силы, бизнес-прибыли и уплаты налогов, поэтому следует особое внимание уделять его дальнейшему развитию.

Список литературы:

1. www.eurostat.eu
2. <http://rop.lv/ru/port/statistika.html>

Опыт Скандинавских стран в вопросе энергоэффективности зданий в странах Балтии

Инара Лиса

Докторантка программы «Региональная экономика и экономическая политика»

Балтийская международная академия, Рига, Латвия

Аннотация

Цель данной статьи – на основе опыта Скандинавских стран в сфере работы с энергоэффективностью выявить барьеры на пути к реновации зданий в Странх Балтии и предложить механизмы улучшения энергоэффективности.

Ключевые слова: Энергоэффективность, регион, реновация, инвестиции.

Abstract

The purpose of this article is to show mechanisms to improve energy efficiency in buildings, to identify barriers to energy efficiency, as well as to show the experience of the Nordic countries in the field of work with the energy efficiency of buildings.

Keywords: Region, reconstruction, renovation, investments, energy efficiency.

Введение.

Вопрос энергоэффективности зданий для стран Балтии очень актуален. Жилой фонд обновляется очень медленно - на рынке ежегодно сдается в эксплуатацию около 0,3-0,5% зданий от необходимого фонда. Количество построенных квартир в Балтийских странах пока не достигло уровня, имевшегося до вступления в Европейский союз, активность на рынке недвижимости также невелика по причине слабого ипотечного кредитования и нестабильной обстановки в мире. По обеспеченности населения жилплощадью страны Балтии отстают от стандартов ЕС. В основном, население Балтийских стран проживает в зданиях, построенных в период с 1960 по 1990 год. Данные здания нуждаются в повышении энергоэффективности и реновации. Темпы реновации жилого фонда в странах Балтии очень низкие, практически отсутствует мотивация самих жильцов. Исследования опыта Северных стран и рекомендации с учетом местных особенностей могут ускорить вопросы принятия новых программ по энергоэффективности в странах Балтии. [1]

Основные теоретические и практические положения

Особенности энергоэффективного здания

Строительство – многоуровневый и многокомпонентный процесс, на результат которого влияет целый ряд факторов и деталей. Отдельное здание, чтобы называться энергоэффективным, должно иметь не только правильную

конструкцию, включая отопление, вентиляцию, электроприборы, но и в целом должно быть качественно построено и правильно эксплуатироваться. Так выглядит схема условий получения статуса энергоэффективного здания.

Таблица 1.

Основные факторы, влияющие на получение статуса энергоэффективного здания [2]

ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОЕ ЗДАНИЕ				
Хороший проект и его качественное исполнение	Бесперебойно работающие инженерные системы и технические решения			Грамотное обслуживание и эксплуатация здания
-Постановка целей -Качественно выполненное строительство -Мониторинг -Контроль качества -Надзор за выполнением работ	Архитектура	Строительные Технологии	Инженерные технологии	-Мониторинг -Приборы учета энергопотребления -Инспекции -Программы по обслуживанию и выпуск инструкций -"Стратегия использования здания" -Привычки пользователей
	-Расположение - Пространственная планировка -Материалы -"Пассивные" конструкции ветро- и солнцезащиты	-Изоляция -Плотность Ограждающих Конструкций -Физические Свойства конструкций, Относительно Воздействия Температуры и влажности	-Отопление - Распределение Тепла -Охлаждение -Освещение -Вода - Электрические приборы	

Рис.1. Опыт Скандинавских стран в сфере энергоэффективности

Скандинавские страны – одни из самых передовых стран в сфере энергоэффективности зданий. Начиная с 1970 годов, эти страны представили целый ряд политических инструментов для энергосбережения в зданиях. Это, к примеру, строительные нормы и правила, субсидии, маркировка, декларации, информационные кампании для населения и налоги на потребление энергии. В каждой из Скандинавских стран используется тот или иной инструмент в большей степени: в Швеции доминирует опыт субсидий, в Финляндии – добровольное участие в мероприятиях по энергосбережению, в Дании – активное внедрение политических механизмов, в Норвегии – метод подготовки и обучения. В представленной таблице мы видим ряд действий в каждой из скандинавских стран:

Таблица 2.

Директивные меры для улучшения энергоэффективности в жилых домах в Скандинавских странах [3].

Страна	Меры
Финляндия	Программа по энергосбережению в муниципалитетах и неприбыльных жилищно-строительных организациях (объектах) (2002)
	Программа энергоэффективности для зданий, отапливаемых с применением жидкого топлива (2002)
Дания	Мероприятия по энергосбережению для организаций, снабжающих электричеством, природным газом и обеспечивающих подключение к системе централизованного отопления (2001)
	Энергетическая маркировка больших зданий (1997)
	Энергетическая маркировка маленьких зданий (1987)
	Энергетическая маркировка электроприборов (1993)
Норвегия	Гранты для энергосбережения в жилых домах (2003)
	Маркировка и требования к энергоэффективности электробытовых приборов (1996)
Швеция	Грант для осуществления перевода систем с электричества и ископаемого топлива к системам централизованного отопления или тепловым насосам (2006)
	Информационная кампания (2006)
	Энергетические декларации (2006)

Директивные инструменты, применяемые в Скандинавии:

1. Традиционные политические директивы -- строительные нормы и правила, налоги на использование энергии и налог на выброс углекислого газа, финансовая поддержка при использовании возобновляемых источников энергии и энергоэффективного оборудования, законодательные акты, субсидии и налоги, информативные кампании и обучающие мероприятия.
2. Инновационные политические директивы – инициативы по сотрудничеству между различными участниками строительного сектора, добровольное стремление к соответствию строительным нормам, прозрачные технологии закупок, маркировка энергоэффективности зданий, декларации энергоэффективности, профессиональное обучение энергоэффективности.
3. Методические оценки – оценки эффективности затрат и экономической целесообразности.
4. Организационные структуры - энергетические тресты, исследовательские центры, государственные и частные фонды.

Механизмы улучшения энергоэффективности и барьеры на его пути

Ряд мероприятия по улучшению энергоэффективности зданий может быть реализован при помощи нормативно-правовых актов и желания владельцев жилья, а также при использовании финансовых стимулов. Можно рассмотреть механизмы улучшения энергоэффективности в зданиях:

1. Грамотно подобранные финансовые механизмы и взаимоотношения, придающие важность процессу эффективного использования энергии для всех, кто вовлечен в систему строительства и эксплуатации зданий. Инвестирование в энергоэффективность.
2. Целостный подход к вопросам проектирования от уровня городского планирования до индивидуальных домов простимулирует взаимосвязь и солидарную ответственность для всех участников цепочки строительных и эксплуатационных работ здания.
3. Человеческий фактор – профессионализм специалистов в сфере строительства и дальнейшей эксплуатации для достижения энергоэффективности. Привлечение внимания общественности, мотивация населения, обучение и информационные кампании.

На пути энергоэффективности зданий в странах Балтии автором выявлены следующие барьеры:

1. Недостаточная мотивация в случае, когда человек, осуществивший инвестиции не получает прибыль от экономии энергии.
2. Фиксированная стоимость отопления или отсутствие возможности контролировать систему отопления.
3. Финансовые трудности жильцов многоквартирных домов. Невозможность оплаты увеличенных счетов, включающих работы по реновации.
4. Сложность взаимодействия между всеми участниками цепочки энергоэффективности, включая местные органы власти, проектные

организации, подрядные организации, инвесторов, поставщиков материалов и оборудования, а также собственно жильцов.

Чтобы преодолеть барьеры и улучшить энергоэффективность зданий, можно предложить ряд условий, таких как, усовершенствование строительных норм, правил и система маркировки энергоэффективности зданий; стимулирование инвестиций в энергоэффективность; внедрение методов интегрированного проектирования и инноваций; подготовка квалифицированных кадров для реновации и реконструкции; пропаганда энергосбережения.

Выводы и предложения

Для развития темы энергоэффективности зданий необходима интеграция опыта развитых стран Северной Европы в странах Балтии. Эти знания, результаты исследований и рекомендации будут способствовать более ускоренной и эффективной реновации жилого фонда Балтийских стран. Только систематический и последовательный подход ко всем этапам повышения энергоэффективности жилых зданий принесет долгожданный результат – качественное и утепленное жилье для миллионов жителей стран Балтии [4]. Необходимо обеспечить участие наших специалистов и экспертов на экономических форумах по утеплению жилья в Европе и Скандинавии, также приглашать специалистов для обучения и обмена опытом в страны Балтии. Также необходимо разработать четкую государственную политику и перспективный план Министерства экономики, направленные на создание новых программ по энергоэффективности.

Список использованной литературы и других источников

1. И.Лиса. Реновация жилого фонда Латвии — один из приоритетных вопросов. Baltic-course.com. 16.11.2015. Рига. [он-лайн]. [Просмотрено 29.11.2015 20.00]. Доступ в интернете: <http://www.baltic-course.com/rus/ nedvizimost/?doc=113045>
2. B. Kiss, K. McCormick, L. Neij and L. Mundaca, “Policy Instruments for Energy Efficiency in Buildings: Experiences and Lessons from the Nordic Countries”.LundUniversity. 2009. [он-лайн]. [Просмотрено 29.11.2015 20.45]. Доступ в интернете: <https://lup.lub.lu.se/search/publication/1539114>
3. “The Impact of Renewables and Energy Efficiency on Greenhouse Gas Emissions”. Nordic Council of Ministers.2007. [он-лайн]. [Просмотрено 29.11.2015 21.00]. Доступ в интернете: <http://norden.diva-portal.org/smash/get/diva2:700793/FULLTEXT01.pdf>
4. Развитие на рынке жилья в Латвии зависит от государственной политики. Baltic-course.com. 16.11.2015. Рига. [он-лайн]. [Просмотрено 29.11.2015 20.30]. Доступ в интернете: http://www.baltic-course.com/rus/_analytics/?doc=113032

INTERDEPENDENCE OF FACTORS WITHIN THE COMPLEX EVOLUTIONARY SYSTEM “SOCIAL MODEL”

Prof. V. Strelchonok, Dr.sc.ing

Baltic International Academy, Riga, Latvia

Y.Popova, Mg.oec.

Transport and Telecommunication Institute, Riga, Latvia

Abstract

The researchers often face the problem of impossibility of employing the standard research methods in the process of social events analysis; it happens due to the unsteadiness of the environment of social object functioning. This difficulty can be partially avoided if the social models are considered as complex evolutionary systems. The theory of complex systems as a rule is applicable for technical or technological objects (Nelson 2003); nevertheless, the authors of the paper make an attempt to prove that the social model corresponds to all parameters of complex evolutionary system. This fact allows concluding that it is possible to employ any indicators for analysing any social event only between bifurcation points under the condition “ceteris paribus”.

Key words: social model, complex evolutionary system, factors, regression analysis

Аннотация

Исследователи часто сталкиваются с проблемой невозможности применения стандартных методов исследования в процессе анализа социальных событий; это происходит из-за изменчивости среды, в которой функционируют социальные объекты. Эта трудность можно частично преодолеть, если рассматривать социальные модели как сложные саморазвивающиеся системы. Теория сложных систем, как правило, применяется для технических или технологических объектов (Nelson, 2003); тем не менее, авторы статьи доказывают, что социальная модель соответствует всем параметрам сложной саморазвивающейся системы. Этот факт позволяет сделать вывод, что любые показатели можно использовать для анализа любого социального явления только между точками бифуркации при условии «при прочих равных условиях».

Ключевые слова: социальная модель, сложная саморазвивающаяся система, факторы, регрессионный анализ

Introduction.

Employment of the statistical methods for social system investigation presupposes restriction of the confidence level for its results. Stability or at least minor changeability of factors of the process and the conditions of the process are important requirement for the research based on statistical data and implemented via standard statistical methods. Nevertheless, social environment is extremely unstable. Any change in the conditions of social model function-

ning violates the process and makes the research results insignificant. Such non-economic factors as change of government, changes in legislation or natural disaster substantially misrepresent actual data compared to the obtained statistical results. Moreover, if such events take place, they cardinaly change the situation in the country and have the strongest impact on the social model development; it is useless to employ statistical methods without taking into account these non-economic factors.

Globalization makes the procedure of events forecasting even more complicated. Active migration processes make practically impossible the determination the relations between the factors and their impact. Migration of young people (on the purpose of further education or employment or obtaining access to any benefits) generates the situation when secondary education, financed by taxpayers in one country brings its benefits in another country. Ambiguity of balance between the leakages and injections in human capital provide further complication to statistical analysis of social model.

All these complications are predetermined by the fact that the social model functioning within any state is a complex evolutionary system. Povarov (Povarov, 1984) determined the complex evolutionary system as a system with a hierarchy of level-arrangement of components capable of generating new level in the process of evolution. Besides, every new level has an adverse effect on the previously existing levels and rearranges them; as a result the system gains new integrity. The system differentiates with generating new levels, and new relatively independent sub-systems are formed there. The managing block simultaneously reorganizes, new parameters of order appear, and new types of direct and adverse relations are formed.

Research purpose The goal of this research is to determine the interrelations within the complex evolutionary system “Social model”, capable of generating the factors influencing the human capital development in the long run.

Research aims To achieve the set goal it is necessary to consider the social model as a complex evolutionary system, to determine the sub-systems, to discover the factors important for “Social model” subsystem functioning.

Practical implementation Defining the social model as a complex evolutionary system allows avoiding the difficulties appearing in the process of statistical analysis of social systems. It allows determining the factors subjected to changes in bifurcation points or probably being the sources of bifurcation. As a result the unchangeable factors can be investigated with implementation of standard statistical methods, while it is necessary to find other methods of data processing and apply other tools of statistic analysis for discovered factors.

Methods of qualitative content-analysis, comparative analysis, synthesis and method of factors grouping have been employed for defining the social modes as a

complex evolutionary system. Method of grouping, statistical methods and analysis have been used for determining sub-systems and connections between them. The software Statistics has been employed for analysis.

Basic theoretical and practical provisions

Social model is a complex one according to many classifications applying different concepts. Povarov (Povarov, 1984) evaluates the system from the position of number of interrelated components, generating the links and providing the flow of information. Complex evolutionary systems are characterised by openness and information exchange with environment. The special information systems are formed within such systems; they settle the features, important for system integrity and communication with the environment (Mouttet 2009) (“experience” of previous communications).

Chernyack (Chernyack , 1975) defines complex system as one oriented on solving the multi-goal multi-aspect tasks and reflected from various points of view in several models. Moreover, every sub-system functions independently, but there is a common management, common centre and common tools for agreement of activities. Such system has complex integral objective and aggregate of structures for implementation of this goal. The social model is obviously such system.

Fleishman considers the complexity of system behaviour. (Fleishman, 1982). Since social model is characterized with complex interconnections producing the multiplication effect, the system is complex and evolutionary by this property as well.

Social model is a non-determined system since it is impossible to forecast with accuracy of 1 the result of changes in any system component or condition (Kaplan M, Kaplan E, 2006). The nature of social model stochasticity is double. First, stochasticity is the consequence of randomness. If to consider randomness as a chain of undiscovered regularity, it fully corresponds to the social model, since it is impossible to consider all the factors of the model; they are intermittent, unsteady, subjected to high changeability, are not described by linear functions. Second, stochasticity can be a result of inaccurate measurements, because every factor cannot be measured, and the result of approximations is unpredictable. Evolutionary systems have the range of properties stipulated by system active components directing the entire system on achieving the certain goal. This feature is very typical for social model. Any social model manifests unsteady changeable parameters and stochasticity of the system.

Social model cannot be determined as a well-organised system. Even if the components of the system have been defined, there is no firm confidence that other components have no impact on the system; if the connections within

the system have been found for the purposes of this research, nobody can be sure that there is no other inter-influence of the components, which does not comply with the direction of the research. For considering the social model as a well-organised system it is necessary to take into account only the factors, which are important for the current research, but the impact of other factors cannot be excluded. Nevertheless, it is either impossible to consider it as a badly-organised, or diffuse systems. The social model regularities cannot be described by integral indicators and by employment the possibly representative sample. No sample can ever coincide fully with the entire social system, and all indicators reflect the certain dependencies inside model only. However, it is the approach which is usually applied to social models researches. The certain integral indicators are used for description of the certain sub-system of the social model. For instance, the indicators of infant mortality, mothers' mortality, availability of healthcare and others are used for determining the quality of healthcare system. Nevertheless, these indicators cannot be considered as ones entirely describing the social model or even health care sub-system. So, these indicators are used, but the level of confidence to these calculations is restricted.

Another feature of evolutionary system is uniqueness and unpredictability of the system behaviour under the certain circumstances (Gabbay M.D., Woods J. 2007). The social model follows this criterion. The active components of the model allow demonstration of "free will"; however, this freedom is restricted with the limitations determined by model itself and structural connections within this model.

Another property of evolutionary system is ability to change the structure and to form the behaviour options without altering the integrity and without violation of the system functioning (Fleishman, 1982). It is obvious the social model components are changeable and regularly change the model structure and operating principles; nevertheless, the system continues functioning and is goal-oriented.

Then, the property of resistance against the entropic factors and tendencies, breaking the system, is important (Chernyack , 1975). In case there is such factor in the social system (for instance, objection of population against tax policy), there is no regular increase in entropy; on the contrary, the factors of self-arrangement suppress these tendencies, and system continues operating with minimal adjustment to altered factors.

Another factor is capability of adapting to changing conditions (Chernyack , 1975); it has both positive and negative impact on the social model: social model is immune to social shocks and renews functioning after them; simultaneously there is adaptivity to managing forces within the model, obstructing the efficient governmental impact on social system.

Considering goal-setting abilities, the social model demonstrates the great potential in possibility to set new goals and aspiration of all components of social model for setting new objectives.

All the above mentioned peculiarities generate the problems for simulating the behaviour of complex evolutionary system and can have either positive or negative effect on it. They all have certain impact on the system, and the first-rate task for any researcher is to determine the degree of this influence.

Another peculiarity of social model is the fact that it demands fewer efforts to put the system into operation, to rearrange or change it than to formalise it (Kahn,1956). Neumann wrote that an effort to describe such systems results in something strange, excessively complicated and unrealistic (Neumann 2005, Bernstein J. 2010)

The authors suggest considering the social model as a complex evolutionary system with such sub-systems as “Business”, “Government administration”, “Social welfare” and “Education”. Certainly, it is possible to find a great deal of other sub-systems, but the authors suppose them to be the most important for the system development and most possible for appearance of bifurcation points. These sub-systems actively interact with the environment; the experience of this interaction is fixed with existing economic links, by legislation, and as preferences and habits of population.

Impossibility of qualitative analysis with formal methods employment and impossibility of proving the adequacy of such systems force researchers to use the following method. They fix and accumulate information from different sources, simultaneously showing new components and links of this system; as a result there occurs the possibility to reflect the consecutive states of evolutionary system. Model adequacy is also proven successively.

Accordingly, it is possible to describe the social model as a complex evolutionary system by stages. Occasional changes are not followed by bifurcation and choosing the new way of evolution; nevertheless, when accumulating changes reach the critical mass, the sub-systems change the way of interaction forcing the system to choose the new global evolution way.

The sub-system of “Social welfare” is supposed to be the most important for the entire model functioning since this sub-system is oriented on promotion of stability in the society and increase of living standards for population.

One of the principal indicators, showing the efficiency of social protection is level of poverty within the country. This indicator is often used for description of the whole social model operating; however, its employment does not prove its perfectibility. It reflects neither the level of society stratification, nor the efficiency of tax redistribution system, nor the importance of R&D expenditures for the society, while these and many other factors provide the synergy effect especially important for complex evolutionary systems. Howe-

ver, this indicator is the most important one for demonstrating the efficiency of social protection sub-system functioning in the short run between the bifurcation points.

This paper presents the level of poverty as a dependent factor. Other factors, such as GDP per capita, tax redistribution level, expenses per capita on healthcare system, education, R&D, taxes on labour, expenses on fighting the poverty, on social protection of population, and level of employment within the country are taken as independent indicators.

The choice of these indicators is supported by many researches, for example, (Popova 2011a; *Kendrick 1974*; Korchagin 2013, Stetjuha, Popova 2011); these indicators are system-forming for social welfare of the country.

Continental and Scandinavian social models are the objects of current research. The main principle of Scandinavian model is egalitarianism; Continental model is used in the majority of European countries, its principle is social protection for people who have already been presented on the labour market and have accumulated funds; this research operates with several “old” European countries. The choice of these models is based on the fact of employment of Continental model in many countries and on special efficiency of Scandinavian model (Strelchonok, Popova 2012a, b; Popova 2011b).

The statistical data, provided by European Statistical Office have been used for regression analysis (Eurostat, 2013). There have been used data for seven years. Data for five countries of Scandinavian model and six countries of Continental model have been employed.

The level of economic development of these countries is similar (by GDP per capita criterion); nevertheless, the regression analysis has demonstrated that the factors which are statistically significant for the level of poverty in these countries differ substantially.

The regression analysis of Continental model data has shown that taxes, taxes on labour, employment and government expenditures on education are significant factors for the level of poverty. The model is qualitative, Fisher coefficient is more than 35 with degree of variance 9,14; $R=0.9787$, $R_{\text{adjusted}} = 0.9587$, residuals are within 1 sigma. These results of regression analysis are easily explained by social model. The fundamental of this model is principle that social protection is provided for those who have already been presented on the labour market and have accumulated funds. Certainly, the accumulated part of income has significant impact on living standard and poverty prevention. Employment also influences the accumulated funds, and it is not surprising, his factor is significant for the model. Government expenditures on education allow population to decrease their own expenses; level of education financed by government is always higher than one financed by private investments, and permits population to receive available education and good qualification. As

a result, the accumulated funds grow. The government expenditures on social protection and fighting the poverty are not very important in the countries with Continental social model, since practically every member of society has his own sources of covering the expenses in case of loss of income. The government takes care only about children whose parents cannot provide the necessary standard of living, about disabled people who were not presented on the labour market before, and about some other categories of population. GDP per capita, usually used as an indicator of living standard, actually shows neither the level of income redistribution, nor society stratification; the statistical insignificance of this factor is naturally determined.

The significant indicators are different for Scandinavian model: government expenditures on healthcare, on R&D, expenditures on fighting the poverty and social support of population. The model is qualitative, Fisher coefficient is 11,69 with degree of variance 9,4; $R=0.9815$, $R_{\text{adjusted}} = 0.9634$, residuals are within 1 sigma. The countries, adopted this model, employ the principle of egalitarianism, it means, that every resident absolutely relies on the government in case of decreasing income. Under these circumstances the level of poverty is naturally influenced by government expenses on social support of population and fighting the poverty. Since these countries are situated in the North of Europe, the life expectancy in these countries is traditionally lower than in the south countries, and number of healthy years of life mostly depends on the country healthcare system quality. The government expenditures on healthcare allow population to prolong the healthy years of life. Significance of expenditures on R&D is also consistent with the laws of logics, since these countries are traditional leaders of putting innovations into practice; and innovations are the factor determining the contemporary standard of living of population.

The authors have made an effort to apply the regression analysis for the countries – new members of the European Union. Unfortunately, the obtained results do not allow judging about the factors, having impact on the poverty level in these countries. The authors have put forward the hypothesis that there is a certain level of income per one resident of the country, below which it is impossible to discover any regularity; after reaching this point of income per capita the regularity appears. This hypothesis requires supporting or disproval; this investigation can be presented in the further researches and papers.

Discussion

The paper under consideration examined the social models as complex evolutionary systems. The theory of complex evolutionary systems was born the middle of the XX century and was applied for technological objects. Nevertheless, the society also functions according to the laws, permitting joining the isolated social

objects into complex evolutionary systems. The paper presents the arguments that the social models can be considered as complex evolutionary systems.

The paper also singles out four sub-systems, which are, in accordance with the authors' opinion, principal for determining the efficiency of social model functioning.

One of these sub-systems, Social welfare, has been subjected to the analysis with implementation of statistical methods; there have been discovered the factors, demonstrating statistical significance for the level of poverty within the countries, adopted Continental and Scandinavian social models. The obtained data correspond to the structures of the presented models.

References

1. Bernstein J. (2010). "John von Neumann and Klaus Fuchs: an Unlikely Collaboration". *Physics in Perspective* 12, pp 36-50, DOI 10.1007/s00016-009-0001-1
2. Chernyack Y. 1975. *System Analysis in Managing Economy*. Moscow: "Ekonomika", 193pp
3. European Statistical Office <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal>
4. Fleishman V. 1982. About methods of modeling the complex systems. In: *System investigation. Methodological issues, annual journal*. pp.65-79. Moscow: "Nauka"
5. Gabbay M.D., Woods J. 2007. *The many Valued and Nonmonotonic Turn in Logic*, Elsevier
6. John von Neumann (2005). *John von Neumann: Selected letters. History of Mathematics* American Mathematical Society ISBN 0-8218-3776-1
7. Kahn. (1956). *Techniques of System Analysis*, Rand Corporation
8. Korchagin Y. (28.01.2013) *Human Capital as an Intensive Socio-economic Factor of Development of Person, Economy, Society and State* - <http://lerc.livejournal.com/>
9. Michael Kaplan, Ellen Kaplan, 2006, *Chances are--: adventures in probability*, Viking
10. Mouttet (2009), *Memristor Pattern Recognition Circuit Architecture for Robotics*, 2nd International Multi-Conference on Engineering and Technological Innovation: pp. 65–70
11. Nelson D. (2003). *The Penguin Dictionary of Mathematics*. London:Penguin. pp. 178–179.
12. Popova Y. (2011a.). *Peculiarities of Social Policy in the Contemporary Society. National and Regional Economies in the EU: Strategy of the Baltic Sea Countries Nordic-Baltic-8*, pp. 5-20, Riga, ISBN 978-9984-47-47-058-0
13. Popova Y. (2011b.). *Determination of the Social Model Factors Impact on Macro Indicators Responsible for Human Capital Development, RelStat 2011*, ISBN 978-9984-818-47-4

14. Povarov G. 1984. System Approach and Scientific-Technological Progress. Issues of technical knowledge, Moscow: "Nauka"
15. Stetjuha A., Popova Y. (2011) Determination of the Time Lag for Economic Evaluation of Investment in Human Capital. Actual Problems of Contemporary Economics. Lipetsk, "Gravis-center", ISBN 978-5-4353-0020-8
16. Strelchonok V., Popova Y. (2012a.) Grouping the Human Capital Factors in Social Model, Latvijas Universitātes 70. Konferences, Riga: LU
17. Strelchonok V., Popova Y. (2012b.) System Analysis of the Human Capital Development Factors, Nordic-Baltic-8
18. John von Neumann (2005). Miklós Rédei, ed. John von Neumann: Selected letters. History of Mathematics. American Mathematical Society. p. 123. ISBN 0-8218-3776-1;

Использование метода наименьших квадратов (МНК) для исключения общих фундаментальных зависимостей из смежных инструментов.

Михайлов Александр

Докторант программы «Региональная экономика и экономическая политика»
Балтийская Международная Академия, Рига, Латвия

Аннотация

Статья является введением в использование метода наименьших квадратов для исключения общих фундаментальных зависимостей из смежных инструментов. Рассматриваются такие аспекты, как применение метода наименьших квадратов, расчет коэффициентов, анализ результатов и получение выводов о динамике уникальных факторов рассматриваемых инструментов.

Ключевые слова: метод наименьших квадратов, фундаментальные зависимости, смежные инструменты.

Abstract

The article presents an introduction into the usage of ordinary least squares method for connected instruments common fundamental dependencies removal. The article deals with such aspects as applying ordinary least squares method, coefficient computations, results analysis and receiving conclusion of given instruments unique factors dynamics.

Keywords: ordinary least squares, fundamental dependencies, connected instruments.

Введение.

Метод наименьших квадратов (МНК) это математический способ привести, в данном случае, два разных графика к максимально похожему виду, на сколько это возможно, путем изменения некоторых коэффициентов. Этими коэффициентами являются множители каждой точки временных рядов обоих графиков. Под похожестью графиков понимается не столько внешнее сходство, сколько расположение в пространстве, но, если рассматривать смежные инструменты, изменение во времени которых подчиняется одинаковым правилам и зависит примерно от одинакового набора внешних данных, после преобразования по МНК графики окажутся наложенными друг на друга в пространстве.

С точки зрения математики, линейный метод наименьших квадратов для двух переменных выглядит так:

$$F(a, b) = \sum_{i=1}^n (y_i - (ax_i + b))^2$$

Основные теоретические и практические положения

Задачей является нахождение таких линейных коэффициентов a и b , чтобы функция принимала свое наименьшее значение.

Решив систему уравнений (1)

$$\begin{cases} \frac{\partial F(a,b)}{\partial a} = 0 \\ \frac{\partial F(a,b)}{\partial b} = 0 \end{cases} \Leftrightarrow \begin{cases} -2 \sum_{i=1}^n (y_i - (ax_i + b))x_i = 0 \\ -2 \sum_{i=1}^n (y_i - (ax_i + b)) = 0 \end{cases} \Leftrightarrow \begin{cases} a \sum_{i=1}^n x_i^2 + b \sum_{i=1}^n x_i = \sum_{i=1}^n x_i y_i \\ a \sum_{i=1}^n x_i + \sum_{i=1}^n b = \sum_{i=1}^n y_i \end{cases}$$

получим окончательные формулы (2)

$$\begin{cases} a = \frac{n \sum_{i=1}^n x_i y_i - \sum_{i=1}^n x_i \sum_{i=1}^n y_i}{n \sum_{i=1}^n x_i^2 - \left(\sum_{i=1}^n x_i \right)^2} \\ b = \frac{\sum_{i=1}^n y_i - a \sum_{i=1}^n x_i}{n} \end{cases}$$

Итоговая формула будет иметь вид: $f(t) = a*x(t) - b*y(t)$, где a и b – линейные коэффициенты, а $x(t)$ и $y(t)$ – функции исходных инструментов.

Говорить об исключении общих фундаментальных зависимостей можно только в том случае, если предметом являются смежные инструменты.

Смежными инструментами могут являться, например, цены на одинаковые товары в соседних регионах, цены на одинаковые товары разного качества в одном регионе, конкурирующие цены одного товара разных производителей. Кроме всего прочего, инструментами могут быть и не только цены. Можно так же проанализировать и, скажем, динамику рождаемости в соседних странах, графики средней продолжительности жизни стран со схожей экономикой и другие зависимости с большим количеством общих внешних факторов влияния.

Примерно так выглядят графики смежных инструментов:

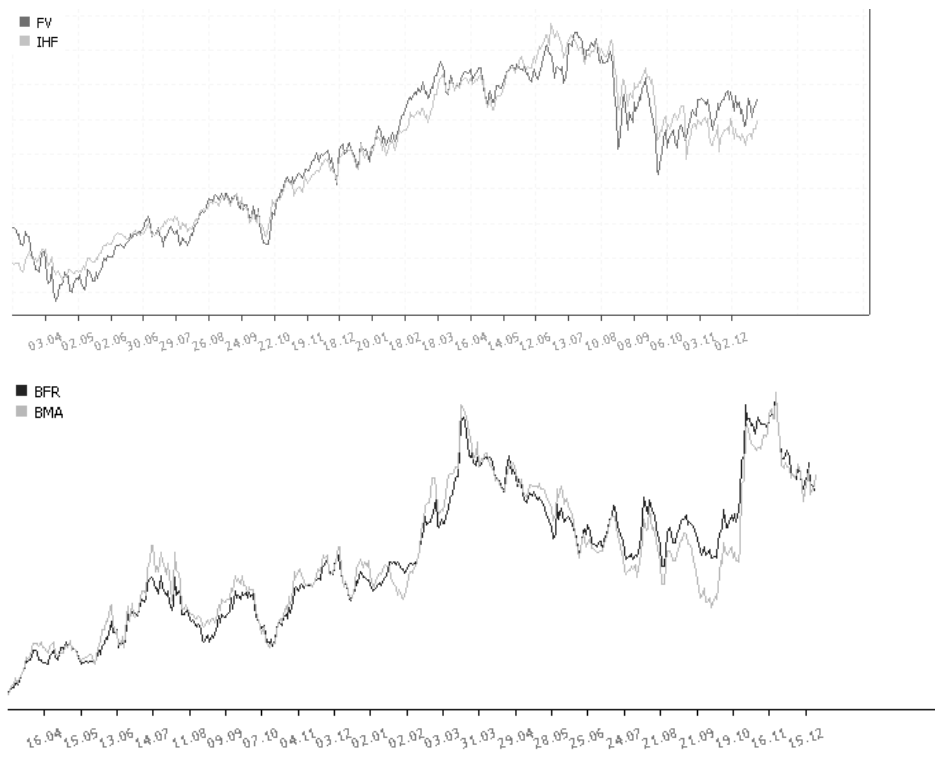

Рис. 1. Пример графиков двух смежных инструментов, наложенных друг на друга

Как видно на (рис. 1), приведенные смежные инструменты имеют настолько много общих внешних факторов воздействия, что их графики имеют не только общий тренд, меняющийся во времени, но и их колебания направлены в одну сторону. Отличается только амплитуда этих колебаний. Именно амплитуда колебаний зависит от уникальных факторов воздействия, график динамики которых можно получить «отфильтровав» основной тренд, т.е. общие факторы.

Основная цель подобных исследований заключается в выявлении динамики влияния уникальных внешних факторов на разницу двух инструментов, а, так же, определения равновесия этих факторов в каждый момент времени. Это позволит в той или иной мере, при правильном применении, определить степень отклонения разницы от среднестатистического значения и ответить на вопрос: “не стала ли разница более заметной?”. Таким образом, зная какие факторы являются общими, а какие уникальными, можно точно сказать что набор уникальных факторов влияния одного инструмента превалирует над набором уникальных факторов другого.

В качестве примера рассмотрим графики цен на нефть разного сорта.

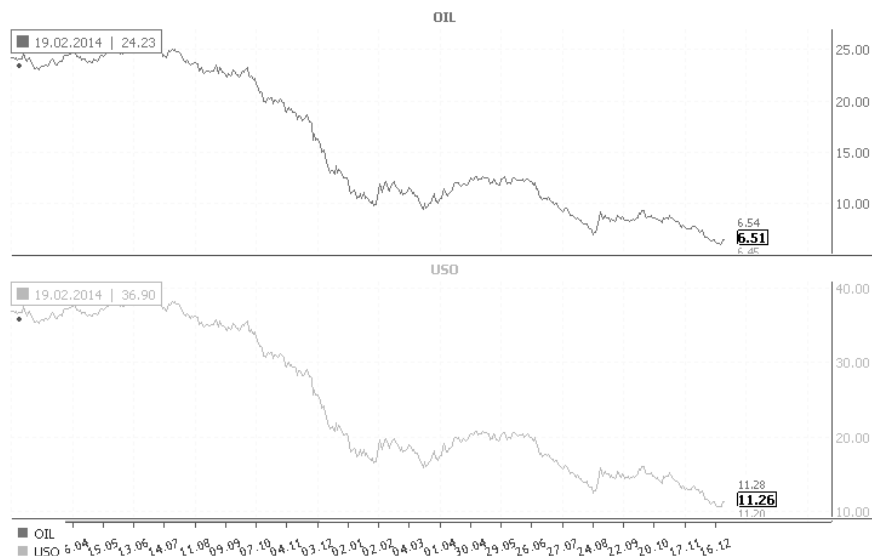

Рис. 2. Графики цен на нефть разного сорта

Несмотря на то что цены отличаются, хорошо просматривается общее сходство этих графиков. Это и говорит о наличии общих внешних факторов влияния. Попробуем убрать эти факторы и оставить только уникальный для каждого инструмента. Чтобы этого добиться, необходимо решить задачу методом наименьших квадратов и с помощью формулы (2) найти линейные коэффициенты при каждом из инструментов.

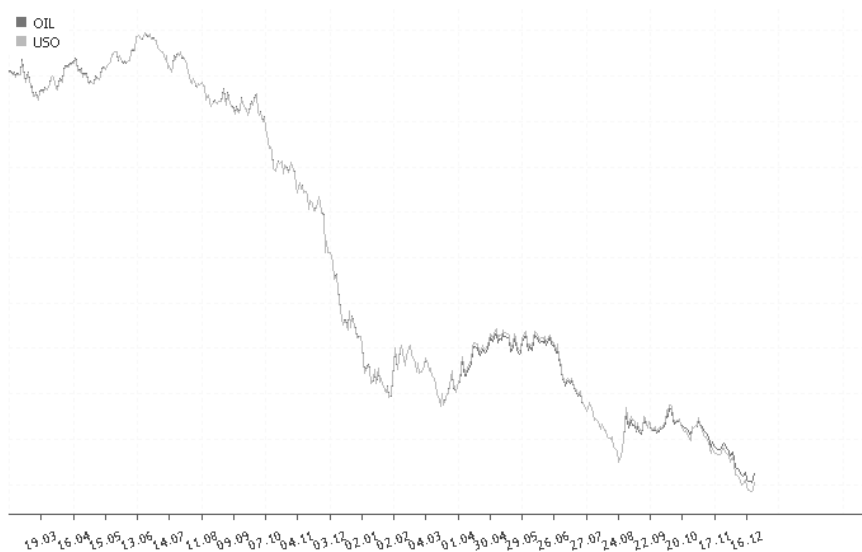

Рис. 3. График приведенных с помощью линейных коэффициентов инструментов.

Решив уравнение (2) получили коэффициенты $a=1$ и $b=0.7$. На (рис. 3) построены графики учитывая эти коэффициенты, т.е. график первого инструмента без изменений, а график второго с множителем 0.7. Таким образом, графики получились максимально совмещенными в пространстве.

Следующим шагом будет фильтрация общих внешних факторов. Для этого необходимо построить график разности первого инструмента и второго.

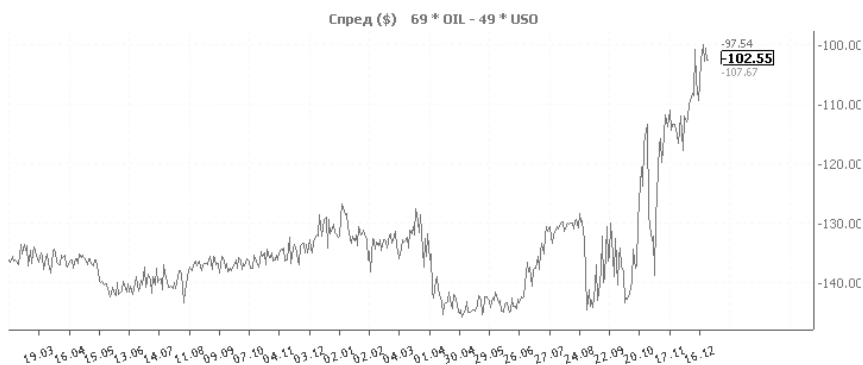

Рис. 4. График разности инструментов по формуле $(69 * OIL - 49 * USO)$

Выводы

Итак, на (рис. 4) мы получили визуализацию динамики уникальных факторов двух разных инструментов. Из этого графика можно сделать несколько выводов: во-первых, начиная с сентября этого года разница стала ощутимой, хотя до этого момента амплитуда колебаний была достаточно низкой; во-вторых, в данный момент хорошо видно нестандартное отклонение от статистического среднего значения. Как правило, такое нестандартное отклонение от статистического среднего говорит об одном из двух предстоящих явлений: либо это сильное отклонение в рамках текущего тренда, а, значит, высока вероятность возврата к статистическому среднему в ближайшее время; либо это смена тренда и необходимо наблюдать за формированием нового движения, которое только в будущем даст информацию, необходимую для анализа и прогнозирования.

Список используемой литературы:

1. Vidyamurthy G. «Pairs Trading. Quantitative Methods and Analysis», John Wiley & Sons, 2004.
2. Вербик М. «Путеводитель по современной эконометрике», Москва 2008.
3. <https://ru.wikipedia.org>
4. <http://www.cleverstudents.ru/articles/mnk.html>

PRICE and seasonal variability as KEY FACTORS FOR SALE of SPA-services at resort

Popova Y.², Gunare M.¹, Vankova K.¹, Zagulova D.¹

¹Baltic International Academy, Riga, Lomonosov Str., LV 1019, Latvia

²Transport and Telecommunication Institute,
Riga, 1 Lomonosov Str., LV 1019, Latvia

Abstract

Seasonality is one of the global factors limiting the development of the tourism market. Many resort hotels have to solve the problems connected with the seasonal decline in demand. In addition to the seasonal factors, quantity demanded is greatly influenced by the price factor. The dependence of SPA-services sales on seasonal changes, prices and types of services has been investigated. Seasonality factor has the maximum impact in July and August and a minimum in September and February. During the low season the sales are higher on Fridays, Saturdays and Sundays. In high season the sales do not demonstrate the significant variability in different days of the week. There has been discovered a significant inverse relationship between the price and the sales of the offered services. Such dependence is observed even in cases when the offer includes a service of higher quality and in higher volume. It can be assumed that at the moment the consumer is not willing to pay more for better quality or a larger volume. It has been found that 81% of the variance of the average annual sales is determined by the service price and its seasonal fluctuations.

Key words: SPA-services, resort hotel, seasonal fluctuations, price, demand

Аннотация

Сезонность относится к глобальным факторам, ограничивающим развитие рынка туристических услуг. Многим курортным отелям приходится решать проблемы сезонных снижений спроса. Кроме факторов сезонности на спрос большое влияние оказывает цена. Была исследована продажа SPA-услуг в курортном отеле в зависимости от сезонных изменений, цены и вида услуг. Было показано, что спрос на SPA-услуги подвержен сильным сезонным колебаниям. Коэффициент сезонности имеет максимальные значения в июле-августе и минимальные в сентябре и феврале. В низкий сезон продажа выше в пятницу, субботу и воскресенье. В высокий сезон продажа практически не различается в разные дни недели. Выявлена значительная обратная связь между ценой и количеством спроса на предлагаемые услуги. Эта связь не зависит от качества услуги и предлагаемого объема услуги. В настоящее время потребитель не готов больше платить за лучшее качество или больший объем. Было установлено, что 81% дисперсии среднегодовой продажи обусловлен ценой услуги и ее сезонными колебаниями.

Ключевые слова: SPA-услуги, курортный отель, сезонные колебания, цена, спрос

Introduction Seasonality is an important risk factor in the hotel industry and related services. It is a global factor restricting the development of the tourism market. Seasonal changes are changes which are annually repeated and can be related to the certain season and other factors. The same pattern must be observed for at least 3 years in a row and the difference in demand is not less than 30-40% [1].

The tourism sector is the one most subjected to seasonal influences. Moreover seasonality has the greatest impact on the activities of seaside resorts. Therefore, many hotels and tourist complexes at the coastlines are interested in solving the problems of seasonal decline in demand. The hotels located in areas with a short beach-swimming season must study the properties of seasonal demand to affect the unevenness in sales. The relevance of these studies is confirmed by the fact that there is a tendency to reduce the seasonal fluctuations in the tourism market within the countries with high level of economic development; it happens due to the rapid development of supply[2].

Price is one of the significant factors affecting the demanded quantity of services [3]. Lichtenstein et al. (1993) write that price perception of consumers has seven dimensions: price-quality association, prestige sensitivity, price consciousness, value consciousness, price mavenism, sale proneness and coupon proneness [4]. In other words, high and low prices, depending on the perception of price and product / service can have both positive and negative effect on quantity demanded.

This study presents the analysis of the demand for spa services in the resort hotel in Jurmala (Latvia), depending on the seasonal changes, prices and types of services.

Methodology of Research This research considers the sales of services in the resort SPA-complex in Jurmala (Latvia) for 3 years. Sale is presented in terms of percent to maximum values, so it is impossible to see the absolute values which are a trade secret, but the real dynamics of changes is reflected completely.

Basic theoretical and practical provisions

The analysis includes the sale of services which have been proposed for over 3 years. It should be noted that in addition to one-time manipulations the hotel provides two complexes which include different sets of bath and water treatments (Table. 1).

To study the seasonal patterns the seasonality coefficient has been employed; it presents the ratio of a percentage of the average monthly level for a number of years to the average monthly services sold over the expected period [2]:

$$K_d = x(m_i) / x_m * 100,$$

where K_d is a seasonality ratio, $x(m_i)$ is an average amount of sold services of the specified month, EUR, x_m is an average monthly level of sold services for the period, EUR.

Для оценки величины колебаний спроса был рассчитан коэффициент устойчивости уровня ряда динамики, нашем случае устойчивости динамики продажи, (K_{sds}) по формуле [5]: To estimate the fluctuations in demand there has been calculated the stability factor for the data dynamics, in this case, the stability of the dynamics of sales (K_{sds}) by the formula:

$$K_{sds} = 1 - s_{sds}(t)/y_m, \text{ где}$$

$s_{sds}(t)$ is a standard deviation, and y_m is an average level of the average annual sales of services.

The higher the K_{sds} value is, the lower the volatility of a number relatively to the dynamic trend and the higher its resistance is. In assessing the dynamics of production $K_{sds} > 0.9$ is specification of sustainability; $K_{sds} 0,9 > K_{sds} > 0,8$ is permissible volatility, while $K_{sds} 0,8 > K_{sds} > 0,6$ is unsustainable development and $K_{sds} < 0.6$ is the variation of the index which is very unstable; $K_{sds} < 0.4$ is unacceptable variability [5].

To estimate the effect of days of the week on the sales of the services ANOVA (one-factor analysis of variance) followed by a posteriori analysis by the method of Tukey for unequal groups has been employed.

The relationship between the parameters have been assessed with Pearson's correlation coefficient.

The critical level of significance when testing statistical hypothesis in this study is 0.05. The Bonferroni correction has been applied for multiple comparisons

Results and Discussion

The volume of demand for the product/service is determined by the price, the demand for the product is specified by the price of substitutes, income and purchasing power of consumers, their tastes and preferences, consumer expectations, the number of buyers and seasonal needs.

Seasonality has a significant influence on the hotel market formation and operations. According to some authors reasons of seasonality are divided into natural (e.g. climate, duration of daylight, the temperature level, the rainy season or winter) and institutional (e.g., religious and national holidays, business customs, traditions). [6] Other authors divide these factors into primary and secondary ones [7]:

- the primary factors are ones dependent on climatic conditions;
- the secondary factors are economic, social, psychological and material ones.

The seasonal changes must be taken into account in the process of planning the sales of services in the hotel due to high importance of seasonality. This is especially true for such resorts as Jurmala, where tourist flows demonstrate significant variations during the year.

Since there considered only the seasonal changes that are annually repeated,

it is necessary to assess the coincidence of the demand dynamics by month for a few years. The similarity of the annual dynamics of the demand for services by months has been estimated by means of correlation analysis: Pearson's correlation coefficient of three consecutive annual dynamics (years 2012-2015) are statistically significant (values 0.91-0.94), which indicates a high coincidence of the general trend of changes in demand for services by months. The annual dynamics of sales of services estimated by seasonality coefficient is presented in Fig. 1.

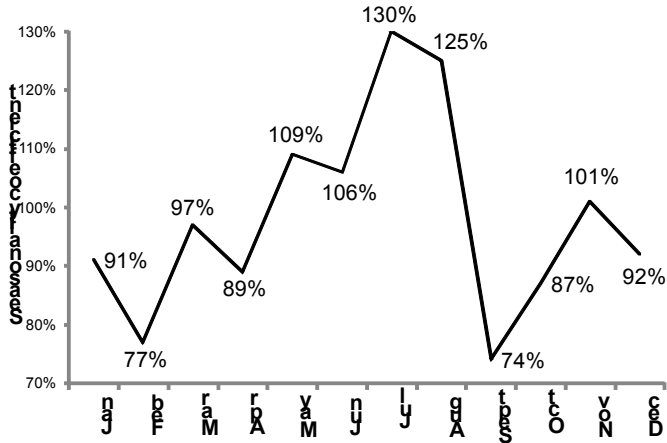

Figure 1. Dynamics of seasonality coefficient for sales of services

According to the dynamics of seasonality factor the peak of sales accounted for July-August, while the decline in sales is observed in September and in February.

The customers of the hotel under investigation are both foreigners and residents of Latvia, so it is important to study not only monthly dynamics but also dependence of sales on the day of the week. With high probability it can be assumed that the dependence of sales on the day of the week is different in high and low seasons. Therefore, the weekly analysis of sales of services in July-August and September-February has been performed.

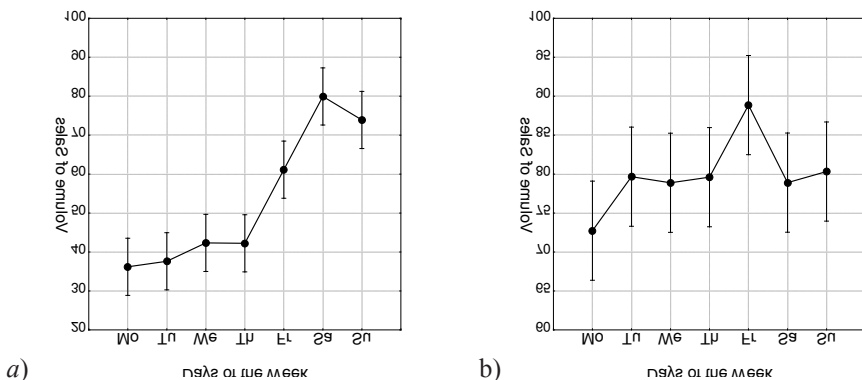

Figure 2. The average level of sales of services on weekdays in a) September, February and b) July-August. The vertical lines are 95% confidence intervals

The effect of the days of the week at the level of sales in the low season, estimated using ANOVA, is statistically significant ($F(6, 49) = 24.731, p = .00000$) (Fig. 2a). On Fridays, Saturday and Sundays the sale is significantly higher than on other days of the week. Opposite to it, in high season, in July and August, the impact of days of the week on the level of sales is not statistically significant ($F(6, 49) = 2.23, p = 0.06$) (Fig. 2b).

In July and August it is impossible to identify the days of the week with higher or lower sales, during his season the sale is almost even over the weekdays.

According to the economic theory to stimulate the consumption the prices for tourism products are often declined during the low season. However, there are certain peculiarities for each of the services sector, and volume of demand is not always associated with price by inverse relationship. This is especially true for the high-price service sector, which also includes SPA-services. At the same time it is not possible to state in advance the willingness of consumers to pay more for better quality and greater volume.

The correlation analysis has been employed to support the maxim of the Law of Demand and to investigate the relationship between volume of demand for services and their prices. The study has shown a significant inverse relationship between price and the demand for services. Pearson correlation coefficient is $r = -0.72$, i.e., the higher the price of the service, the less the volume of demand for it. Correspondingly, the Law of Demand is applicable for this market.

The analysis revealed significant seasonal drop in sales. The issue of seasonality of demand always raises the problem of the expediency of downturns correction. To evaluate the different indicators of variability the stability factor K_{stab} is often used. Usage of K_{stab} allows estimating the uneven sales of the various services, which is valuable for making management and marketing solutions.

Table 1.

Coefficients of stability of sales dynamics of SPA-services

Manipulations	K_{sds} (%)
Steaming with a broom and ice	79.14
Classic massage (60 min)	71.52
Package 1 (Saturdays-Sundays)	70.98
Package 1 (Mon-Fri)	70.86
Ritual "Russian bath"	68.17
Swimming pool 6-7	68.13
Fitness massage (90 min)	65.56
Pedicure	62.40
Fitness massage (60 min)	58.91
Vacuum massage	57.65
Package 2	48.63

The lowest resistance of sales $K_{sds} < 0,6$ is registered for the Package 2 and Fitness massage (60 min). The greatest resistance of sales is registered for services as "Steaming with a broom and ice", "Classic massage" (60 min) and Package 1.

Fluctuations in sales can be associated with both the seasonality of consumer demand and with the promotion of specific services and the price for them. The research under consideration does not demonstrate the statistically significant correlation between the price level and the coefficient of stability of sales dynamics. Correspondingly the seasonality of consumer demand for the offered services is not related to the services prices. At the same time, the annual average level of sales showed a high positive relationship with K_{sds} , $r = 0.67$ ($p = 0.01$).

The interconnection between the level of sales and price and K_{sds} and the lack of interconnection between the prices and K_{sds} allowed producing the multifactor regression analyzes to determine the integrated effect of prices and K_{sds} on the average annual sales of services. The results of this study are presented in Table 2.

Table 2.

Multivariate linear regression analysis: the dependent variable is an average annual sale of services; the independent variables are the price of services and the stability of the coefficients of the sales dynamics

	B	Beta	p	Lower boundary of CI	Upper boundary of CI
(Constant)	-83.85		0.341	-274.69	107.01
Price (Eur)	-2.54	-0.63	0.002	-3.83	-1.25
K_{sds} (%)	4.84	0.59	0.003	2.22	7.47

Note: B are non-standardized coefficients, Beta are standardized coefficients, p is the achieved significance level, CI - 95.0% confidence interval for B.

The resulting regression model is statistically significant at $p = 0.001$ ($F = 22.15$), the adjusted R-squared of the multiple regression equation is 0.81. This fact means that 81% of the variance is explained by the service price and the coefficient of stability of the sales dynamics.

According to the obtained regression coefficients:

- reduction of prices by 1 euro should increase sales by an average of 2.54 units;
- an increase in the coefficient of stability of a dynamics row by 1% is to increase sales by an average of 4.84 units.

Conclusions

Reduced seasonal dependence and extended high season have a strong impact on the performance of any enterprise due to the direct losses caused by “preservation”, or reduction of load on material and technical base. Seasonal operation of hotels and sales of the related services significantly reduce the economic efficiency of capital investments. Consequently, the desire to extend the period of a more efficient operation and minimizing the seasonality factor are quite natural. The negative impact of seasonality in different fields of tourism in general and in the hotel business in particular is often mitigated by a price: there set a price level capable of ensuring the necessary demand and the corresponding profitability level [2].

The results obtained in this study have shown that the sales of SPA-services are subjected to the strong seasonal fluctuations and depend on the price level. According to the Law of Demand, the increased prices make the demand for services fall. Such dependence is observed even in those cases when the offer includes a service of higher quality and in higher volume. That is, most likely, at the moment, the user is not willing to pay more for better quality or a larger volume.

In addition, the study has found that 81% of the variance of average annual sales is stipulated by service price and its seasonal fluctuations. Basing on these results, it can be assumed that the increase in the stability of the sales dynamics of the particular services can enhance the services sales. Apparently, the marketing of services should implement not just one-time events, but always keep the consumer interest to both the specified proposals, and to the hotel, offering these services.

References

1. Tanrisevdi A. et al., 2015. Risks, Crises and Time Losses Caused by Technology: A Case Study in Seasonal and Year-round Hotels. International interdisciplinary business-economics advancement conference, pp. 337-347
2. Narziev, M.M., 2009. Seasonality of demand for tourist services and ways to minimize the seasonal nature of the tourism industry in Uzbekistan // IGU, Proceedings, Vol. 23., pp. 61 – 66.
3. Gultinan, J. P., 1987. The price bundling of services: A normative framework. The Journal of Marketing, Vol. 51, No. 2 (Apr., 1987), pp. 74-85
4. Lichtenstein, D., Ridgway, N., Netemeyer, R., 1993. Price Perceptions and Consumer Shopping Behavior: A Field Study, Journal of Marketing Research, Vol. 30, No. 2 (May,), pp. 234-245
5. Suslov, S.A., Gromova, I.V., 2012. Methods of assessment of regional economic sustainability of agricultural production//Bulletin of NGIEI, Vol.5, pp.100-114.
6. Landvogt, M., 2012. Why Combating Seasonality in New Zealand Requires a More Coordinated Multi-layered Approach Including Collaboration with Airlines. –http://www.congress.is/11thtourismstatisticsforum/papers/Markus_Landvogt.pdf.
7. Gatina, E. 2015. Influence of seasonal factors on the demand and the price of the tourist product. <http://www.scienceforum.ru/2015/pdf/8815.pdf>.

Teaching taxes for development of competencies of students

Ing. Eva Vincencová, Ph.D.

Czech Republic, STING ACADEMY

Head Department of Accounting and Taxes

E mail:vincencova@sting.cz

Abstract

The paper deals with theoretical and practical aspects higher education teaching especially in the area of taxation at private university the STING ACADEMY. The text of the paper is divided into two successive parts. The first part article is devoted to adult education in general, as well as an overview and characteristics of teaching tax courses including study results. The second part describes the methodology, form and evaluation of teaching. The next part of the article is processed by a description and analysis of methods, including the forms of evaluation of outputs to of teaching. The aim of this paper is to identify different approaches and give your comparison. The results are discussed from different points of view, in particular the focus on the outputs of the learning process.

Keywords: Adult education, taxation, skills of students, educational process, learning outcomes.

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты преподавания высшего учебного заведения, особенно в области налогообложения в частном университете STING ACADEMY. Текст статьи разделен на две последовательные части. Первая часть статьи посвящена взрослому образованию в целом, а также обзору и характеристики преподавания налоговых курсов, включая изучение результатов. Вторая часть статьи описывает методологию, форму и оценку преподавания.

Следующая часть статьи обрабатывается с помощью описания и анализа методов, включая формы оценки результатов преподавания. Цель данной работы определить различные подходы и сделать свое сравнение. Результаты обсуждались с разных точек зрения, в особенности акцент делался на процессе обучения.

Ключевые слова: взрослое образование, налогообложение, навыки студентов, образовательный процесс, результаты обучения.

Introduction

During the human existence, the desire for knowledge has become a driving force, which subsequently led humanity to learn. Adult education is an activity, in which adults engage in systematic and sustained self educating activities in order to gain new forms of knowledge, skills, attitudes, or values [1, 07]. University education in society universally valued as an important value in human life. Humans are able to, on the basis education, acquires a rich and diverse range of information, knowledge, skills and experience. University education, is in the society universally, valued as an important value of human life. University education is concerned with the education of adults who are continuously preparing for their future profession. Adult education has its own specifics

that must be taken into account when planning courses and during the courses. Applied science of the adult education is called Andragogy, of that respects the characteristics of this type of education. Malach and Zapletal [5, 05] states that education in adulthood can be understood as a process in which an individual is through education acquires a set of knowledge and action, which then internal processing, transforming the knowledge, skills and competencies. Palán in the Expository Dictionary of Human Resource [6, 02] describes adult education as the science of adult education. It distinguishes andragogy as science and empirical-theoretical (the learning process) and practical-normative (Theory of education in adulthood). In the field of education is engaged peculiarities of the action of pedagogical regularities on the adult population, define the personality of an adult and a system of educational process. Beneš in the Pedagogical encyclopedia [3, 09] defines andragogics as “discipline in the system of science education and adult education in all its aspects.” Teaching methods and forms are measured objectives and quality in teaching adults. Králová, Asztalos [4,07] says so. Three-dimensional model of teaching adults:

- cognitive (learning is seen as a hybrid process focused on acquiring knowledge, skills and habits),
- pragmatic (in which teaching is seen as gaining a new quality actions and behavior),
- creative (in which the instruction is specified as creative modification of knowledge and experience).

The Academy policy of the quality and relevance of education includes core routing in three main educational activities, scientific research, in the process of accreditation and re-accreditation of degree programs. The goal is to achieve quality outputs from the study, that is, knowledge, skills and competencies students. The innovation existing study programs and disciplines. Curricular innovation the academy of Bachelor and subsequent Master’s program will be implemented with regard to the needs of practice so that the expertise of graduates corresponded trends in the labor market and simultaneously meet the demanding requirements of competence in the performance future of the profession. Through the innovation of existing and accreditation of new study programs will be achieved through better prepare students for their future professional career.

Methods , form and evaluation of teaching tax subjects

A teaching method comprises the principles and methods used for instruction to be implemented by teachers to achieve the desired learning in students. The design and selection of teaching methods must take into account not only the nature of the subject matter but also how students learn.

Teaching of the tax subjects

Teaching of the tax subjects at the academy’s is conducted in accordance with accredited programs of Bachelor’s degree courses and Master study program. Instruction is focused on the transfer of knowledge in the field of integrated public finance, direct taxes, indirect taxes, quasi taxes, tax administration and related issues (such as Tax records, Accounting, Law, etc.). In the case of teaching

of taxes is a so-called living discipline, which is affected by frequent changes in legislation, which are often interrelated with other related areas. All this must be incorporated into planning for of concrete forms of teaching.

Table 1:

Summary of tax subjects

Bachelor's program		Tax subjects	Range	Semestr Assessment	Typ	Course completion
B6202 Economic Policy and Administration	6202R063 Taxation	Tax system/Tax 1	2/2	1	CS	CC/E
		Direct tax/Tax 2	2/2	2	CS	CC/E
		Direct Tax/ Tax3	2/2	3	CS	CC/E
		Indirect Tax/Tax 4	2/2	5	CS	CC/E
		Tax Code	2/2	4	CS	CC/E
		Tax optimization	2/2	5	CS	CC/E
Actual tax problems	2/2	6	CS	CC/E		
B6208 Economics and Management	6208R074 Organization and Management of SMEs	Tax system/Tax 1	2/2	1	CS	CC/E
		Direct tax/Tax 2	2/2	2	CS	CC/E
		Direct Tax/ Tax3	2/2	3	CS	CC/E
		Indirect Tax/Tax 4	2/2	5	CS	CC/E
		Tax Code	2/2	4	CS	CC/E
Master degree programme		Tax subject	Range	Semestr Assessment	Typ	Course completion
N6208 Economics and management	N6208 Economics and management	Taxation	2/1	3	CEC	CC/E

Source: Materials of the academy's, processing own

Legend:

CS - compulsory subject

CEC - compulsory elective course

CC - course credit

E – exam

Graduate Bachelor's program Taxation is capable in the areas of accounting, including the tax aspects of tax administration and ensure effective functioning of the organization. It also has a very good legal orientation and is able to apply the private enterprise and the public sector, eg. For the position of accountant, an economist, a tax specialist, assistant accountant and tax office. After gaining the necessary experience may hold the position of financial advisor, economic and organizational consultant, after passing professional exams profession of tax consultant. Graduates are also prepared to study a master's degree program in the field of economic focus. Graduates are able to ensure the effective functioning of the organization especially in the areas of accounting, including the tax aspects and tax administration. Graduate also has a very good legal orientation and is able to apply the private enterprise and the public sector, eg. For the position of accountant, an economist, a tax specialist, assistant accountant and tax office. After gaining the necessary experience may hold the position of financial advisor, economic and organizational consultant, after passing professional exams profession of tax consultant. Graduates are also prepared to study a master's degree program in the field of economic focus.

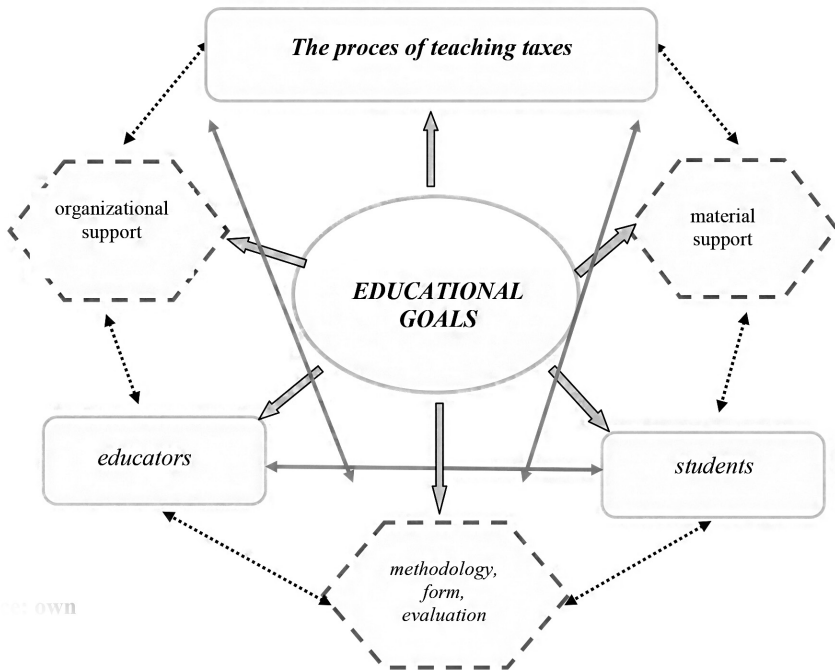

Figure 1. The ties in education

Teaching of the tax subjects is designed so that students bachelor's degree programs undergo compulsory common base (1-4 including taxes Tax Code). Rate of Tax 1, Tax 2, 3 and 4 contain tax Tax comprehensive explanation of theoretical and practical aspect of direct and indirect taxes, various tax laws in the tax system in the Czech Republic. Teaching taxes in undergraduate studies are reinforced by other tax courses, such as courses Tax Optimization and Actual tax problems. The Master's degree in Economics and Management students pass the subject of Taxation. The Taxation subject focuses on the development of theoretical and practical competencies students especially in the area of income tax and value added tax. It deals with the tax aspects of basic economic situations in the business cycle from its beginning to the termination of the restrictions, including tax risk for taxpayers. Emphasis is placed on the practical application of skills and knowledge acquired.

Source: own

Way during the educational process tax items can be briefly defined in a cycle - Theory - Applications - Experience - Reflection of exercise or practice. This cycle provides feedback that enables continuous improvement of teaching a deeper understanding of the actual teaching and learning.

The knowledge that students acquire in a given field or subject while studying practically fixed in an obligatory practice for companies. Topics individual tax courses are focused on the theoretical and on the practical acquisition application of tax laws, such as the tax on corporate income tax and value added tax, excise taxes and property taxes. The educational aim of the course is to achieve a level of knowledge, skills that students have enrolled in the tax gain. Ways of realization of the educational process within the various degree programs and courses, there are many, common standard recognized the concept of adult education is not constituted. They are usually performed traditional methodically settled forms of university teaching, such as lectures and seminars , or practice, well this is so even when teaching tax courses. At the STING ACADEMY form of teaching taxes are carried out through lectures, exercises and seminars. The methods, form and evaluation of teaching and learning, and particularly of teaching and learning innovation, has become a priority in the universities. Ways of realization of the educational process within the various degree programs and courses, there are many, general standard recognized the concept of adult education is not constituted. **The STING ACADEMY realizes educational activities for adults with completed secondary education within the accredited study programs and branches. The training general rules are applied higher education and adult education. The main form of educational activities are lectures and seminars.**

The academy's is vocationally oriented college that targets are, the application of theoretical skills of students in practice. The goal is to acquire practical

skills and competencies of the students. Mandatory condition bachelor’s degree in all fields in addition to theoretical training and relegated from the second semester the subject of corporate practice. Corporate practice, students either carried out in a particular enterprise or state authority or local government. The course is terminated by credit is contingent upon submission of a duly completed form reports on the execution of professional practice. And extent of the firm’s practice is divided as follows:

Table 2.

Subject Corporate Practice

Semestr	Total duration of practice	Course completion ní	The course of the practice and range
2.	130 hour	course credit	Three-week blocks at the end of the semester
3.	156 hour	course credit	Range: 6 hour/weeks
4.	130 hour	course credit	
5.	156 hour	course credit	

Source: Materials of the academy’s, processing own

Completion vocational business practices has a multiplier effect. Develops students’ depth of understanding and understanding of connections of the studied subject, and supports practical skills in applying knowledge. In the 4th and 5th semester is expected that students should be ,within the company’s, practice to obtain information and documentation and prepare for the practical part of the bachelor thesis.

They are usually performed traditional, methodical forms of university teaching, such as lectures and seminars or exercise (practice), well this is so even when teaching tax courses at the Academy Sting. During their studies, students should get in the field planned outcomes of learning, knowledge, skills and competencies. The emphasis is on the practical application of acquired knowledge. It is important to realize that there is a difference between knowledge, skills and competencies of a student. The lecture method is just one of several teaching methods, though in scho-

ols it's usually considered the primary one. The lecture deals with theoretical issues and problems of subject areas. It is usually carried out verbally, as interpretative or combined lecture using technical means. Standards content of the lecture are:

- Introduction (communication theme educational goals).
- Structure of lectures (about the content of lectures and educational objectives).
- Continuous interpretation (after about 20 minutes of attention falls - required activating nipple).
- Summary lectures (keywords, to highlight significant).
- Questions on exercise recommendations for self-study, homework, any queries (forecast next lecture or a follow-up seminar or tutorial).

The aim of the lecture is to present and shed light on the topic, presented the current issue of the field of study of the target groups of students develop creative thinking, to familiarize students with the information sources the studied object, news and news to explain the relationship of the subject to other subjects of the same specializations, but also to other subjects. The lectures on the tax subjects are normally used teaching aids, through which the student receives visual information. The preparation of the teacher to lecture or exercise is required, regardless of the length of his teaching experience, of course, vary with individual teachers, which is due to its focus, length of service, experience, or target group, etc.

Another traditional academy's form of education taxes is exercise and seminar. An exercise content is completely unambiguous content to clarify how the structure, process, and focus. The general layout of the exercises to a specific topic:

- Task (Trained issue): Explain solve the problem.
- Educational objective exercises: Each student (group of students) will solve the task at hand.
- Use teaching methods: dialogue, discussion, brainstorming, method of problem solving tasks (problem method), project teaching.

In the case of tax subjects are each exercise led to theme and designed for a purpose, that the exercises practiced and developed difficult or problematic area are presented at the lecture. The aim is to exercise filled its basic functions, which are shaping, integration and enhancement of professional skills of students, development and acquisition methodology of solving problems. The topics are challenging exercise their execution proportionally adapted target group of students of the teaching groups. Exercise goals are usually achieved through educational goals that represent a projected change in knowledge, skills, which should be achieved by teaching.

Educational Evaluation

The educational evaluation is the process of characterizing and appraising some aspect/s of teaching proces. Evaluation is part and parcel of educating – yet it can be experienced as a burden and an unnecessary intrusion. Educational evaluation is

a professional activity that individual educators need to undertake if they intend to continuously review and enhance the learning they are endeavoring to facilitate. Evaluation of education is the basis of feedback between teacher and student. The teacher gives a picture of the knowledge and skills of students, which provides a reflection of its own knowledge. Tax subjects are assessed at the Academy Sting credit and examination. Rate students can be in two ways, namely formative (continuous assessment during lessons when feedback shows how advances the learning process) and summative (credit, examination at the end of the semester). Knowledge of the student or graduate can theoretically explain the problem, analyze, compare, and evaluate.

Table 3.

An example of the difference of knowledge, skills and professional competences

Field of study	Knowledge	Skills	Professional competences
Taxation	The student is able to describe and explain the procedure for the determination of income tax.	The student is able to practically impose income tax and to prepare a tax return.	The ability to manage the process of taxation, including of optimizing taxes in small and medium-sized enterprises.

Source: own

Skill is the practical application of knowledge in practice in the field. Notion of a “competency” is often taken to mean an identifiable skill or practice. [2,11] “Competence,” in contrast, is often understood to consist of a large number of discrete competencies which can be tested independently by objective means. the competence is the competence to do something, show, etc.

It is arguable what methods and forms will better contribute to the development of competencies student (graduate). What teaching innovations will bring the expected results? Today it is common that by employers of graduates require professional skills and competences such as the ability to analyze and solve professional problems in the company, able to make decisions, take responsibility, willingness to learn, to have the communication skills to handle information technology, also language skills and more.

Discussion

They are usually performed traditional, methodical forms of university teaching, such as lectures and seminars or exercise (practice), well this is so even when teaching tax courses at the Academy Sting. During their studies, students should get

in the field planned outcomes of learning, knowledge, skills and competencies. The emphasis is on the practical application of acquired knowledge. It is important to realize that there is a difference between knowledge, skills and competencies of a student. The lecture method is just one of several teaching methods, though in schools it's usually considered the primary one. The lecture deals with theoretical issues and problems of subject areas. It is usually carried out verbally, as interpretative or combined lecture using technical means. Standards content of the lecture are:

- Introduction (communication theme educational goals).
- Structure of lectures (about the content of lectures and educational objectives).
- Continuous interpretation (after about 20 minutes of attention falls - required activating nipple).
- Summary lectures (keywords, to highlight significant).
- Questions on exercise recommendations for self-study, homework, any queries (forecast next lecture or a follow-up seminar or tutorial).

The aim of the lecture is to present and shed light on the topic, presented the current issue of the field of study of the target groups of students develop creative thinking, to familiarize students with the information sources the studied object, news and news to explain the relationship of the subject to other subjects of the same specializations, but also to other subjects. The lectures on the tax subjects are normally used teaching aids, through which the student receives visual information. The preparation of the teacher to lecture or exercise is required, regardless of the length of his teaching experience, of course, vary with individual teachers, which is due to its focus, length of service, experience, or target group, etc.

Another traditional academy's form of education taxes is exercise and seminar. An exercise content is completely unambiguous content to clarify how the structure, process, and focus. The general layout of the exercises to a specific topic:

- Task (Trained issue): Explain solve the problem.
- Educational objective exercises: Each student (group of students) will solve the task at hand.
- Use teaching methods: dialogue, discussion, brainstorming, method of problem solving tasks (problem method), project teaching.

In the case of tax subjects are each exercise led to theme and designed so that the exercises practiced and developed difficult or problematic area presented at the lecture. The aim is to exercise filled its basic functions, which are shaping, integration and enhancement of professional skills of students, development and acquisition methodology of solving problems. The topics are challenging exercise their execution proportionally adapted target group of students of the teaching groups. Exercise goals are usually achieved through educational goals that represent a projected change in knowledge, skills, which should be achieved by teaching. he dimension of quality exercises and skills for practice and achieve the of planned learning outcomes for students - problematic issues:

What methods prefer when you exercise?

Optimization and innovation, use of best methods for exercise are basically endless story. It can say that there is no universal optimal method, but it is possible to ponder the adequacy or inadequacy of the methods used, the effectiveness or ineffectiveness, using the methods of effectively acting on the students. Therefore, the exercises must be based both on the specific circumstances of the subject, as well as the level of knowledge and skills. We also can not ignore the motivation and stimulation for students interested in deepening their knowledge. One can say that the exercise of taxes is not preferred specific method Exercises are always influenced by the theme of the subject matter, set educational goals, but especially of course also the readiness of students for specific exercises.

When the exercise is successful?

The basic prerequisite for the success of the exercise is the preparedness of students and teachers active involvement of students in the course of the exercise. Teachers must exercise its action on eliminating distractions, select the forms and approaches that encourage students' activity and creativity. However, it is always necessary to count with the fact that there is a certain percentage of students who would ever attended the Lesson. Exercise of tax subjects is carried out separately by learning groups. During exercise affects both positively and negatively size of teaching groups. Too much teaching group may negatively influence the course of the exercise, which ultimately then fails to meet the expected target. In the event of a large teaching groups, it is necessary to divide the students into a closer working group, which will then no longer possible to exercise work well.

How to successfully activate the practice?

Proactive approach to student practice is influenced by many factors. For example, its overall approach to study its relation to the field, the subject, the teacher, the size of the group to exercise. It seems necessary to use activating methods and procedures for exercising independent thought and develop the activities of students, because permanent activation of students during exercise is a prerequisite for the fulfillment of its objectives. Proactive approach to exercise is also developing support positive learning atmosphere, trust the teacher. When learning is possible to make mistakes and then learn from them retroactively.

Conclusion

It can be said that adult education is a large area that has its own field specifics. In the educational process should always bear in mind whom education is addressed, who is the target group of students. Teaching tax objects is realized in a cycle of lectures, exercises, applications within the corporate practice and reflection on practice. Said cycle provides a deeper understanding of the subject

matter and promotes learning outcomes. Providing quality education in the field of taxation requires a systematic effort to find the best ways of teaching so that students led to the acquisition of targeted skills. The aim is to fulfill the graduate profile, achieving high quality learning outcomes in the form of knowledge, skills and acquire skills for their future career.

Predictions of the future of higher education can be seen as a wider use of modern technology. Digital technologies open up new possibilities, more linking students, teachers, educational resources, services and data the newly created value networks. Colleges as an open institution, will convey to students training for the labor market and by educational needs. Probably some poor quality schools will wear off and the new learning environment created by the activity of the different actors of education will emerge.

References.

1. Kuhn, C., & Zlatkin-Troitschanskaia, O., 2011. Assessment of competencies among university students and graduates – Analyzing the state of research and perspectives. Johannes Gutenberg University Mainz: Arbeitspapiere Wirtschaftspädagogik [Working Paper: Business Education].
2. Merriam, S., B. & Brockett, R., G., 2007. The Profession and Practice of Adult Education: An Introduction. Jossey-Bass, 2007, p. 7.
3. Beneš, M., 2009. Andragogy. In Průcha, J. (ed.). Pedagogical encyclopedia. Prague: Portál, 2009, 695 p.
4. Králová, A., Asztalos, O., 2007. Didactic of Economics. Díl I. Prague: Oeconomica, 2007.
5. Malach, J., Zapletal, B., 2005. Selected chapters of Adult Education. Ostrava: Ostravská univerzita v Ostravě, 2005. 132 p.
6. Palán, Z., 2002. Expository Dictionary of Human Resource. Prague: Academia, 2002. 280 p.

STRUCTURAL REFORMS UNDER THE CONDITIONS OF FORMATION OF “GREEN” ECONOMY

Shansharova Assemgul

PhD student program “Regional Economy & Economic Policy”

Baltic International Academy, Riga, Latvia

Scientific adviser: PhD, Prof. Inna Stecenko

Baltic International Academy, Riga, Latvia

Abstract

The article deals with the formation of the leading areas on the base of the structural changes of the new economy model, named by experts as “green” economy. The tools are analyzed that practically should be used for development and realization of the sustainable development strategy, focused on the new approaches to the resource – economic policy. Problem areas are identified for Kazakhstan from the perspective of its connection to realization of the strategy, included “green” growth and use of the opportunities in the field of formation of environmentally safe, socially just and competitive economy based on the wide range of innovations use such as (technological, product, organizational, institutional, and behavioral).

Keywords: “green” economy, new markets, “green” infrastructure, sustainable development, set of tools, “green” innovations, investment.

Аннотация

В статье рассматриваются ведущие направления формирования на базе структурных преобразований новой модели экономики, именуемой специалистами «зеленой» экономикой. Анализируются инструменты, которые целесообразно использовать для разработки и реализации стратегии устойчивого развития, основанные на новые подходы к ресурсно-экономической политике. Выявляются проблемные области, для Казахстана с точки зрения ее подключения к реализации стратегии, включенного «зеленого» роста и использования возможностей в области формирования экологически безопасной, социально справедливой и конкурентоспособной экономики, основанной на использовании широкого круга инноваций таких, как (технологических, продуктовых, организационных, институциональных, поведенческих).

Ключевые слова: “зеленая” экономика, новые рынки, “зеленая” инфраструктура, устойчивое развитие, набор инструментов, “зеленые” инновации, инвестиции в зеленую экономику.

Topicality Green growth and updated version of sustainable development interpreted by the international experts as the new economy engines that are able to solve a number of serious problems for modern social and economic development. Among them, deterioration of the environment that remains unchanged and deple-

tion of natural reserves, increased frequency of weather anomalies and dramatic climatic changes. In addition, significant attention in these documents is given to the most acute social problems, including poverty and food shortage that significant portion of the world's population lacks (in case of assumed increase of the total population up to 9 billion people by 2050) low level medical care, delving into social differentiation, lack of access to the important infrastructure services [1]. The search of more effective post-crisis model are conducted in Kazakhstan as well, both at the level of presidential structures and academic – economists, that discuss this problems on the pages of leading scientific journals [2, 3]. International experts are also connected to relevant efforts, whose growing interest is associated in particular with the task of total integration of the Kazakhstan into international economic area under the conditions of the entrance of the country into World Trade Organization (WTO).

Basic theoretical and practical provisions.

At this stage of the development, Kazakhstan with its rich natural recourses, opportunities for economic growth and advantageous geographical locations faces the issues of achieving sustainable growth in long-term prospects, taking into account concentration of efforts of the country on oil and coal energy and the fact that Republic of Kazakhstan produces the most intensive greenhouse gas emissions among the CIS countries.

The current model of the economy of Kazakhstan is called the “brown economy” (economic growth), which is characterized by:

- The dependence of the economy on the oil sector, mining and heavy industry. The oil sector accounts for 30% of the national GDP and 60% of the country's exports.
- Leverage growth based on the intensive use of energy and natural resources, which makes Kazakhstan the eleventh of the most energy-intensive countries in the world.
- Due to the increased attention to sustainable development in the developed countries of Europe, Asia and North America, Kazakhstan's export is faced with increasingly complex issues related to the execution of environmental standards.
- The dependence on extractive industries reduces the opportunities for innovation in other sectors of the processing [4].

Today, the Government is facing the problem of transition from the “brown economy” to a “green economy”, which was announced in the Message of President of Kazakhstan in the new Strategy “Kazakhstan-2050” (the President of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev summed up the main results of the Strategy “Kazakhstan-2030” implementation and addressed the people of Kazakhstan with the Message “Strategy” Kazakhstan-2050 “: a new policy established state”). In his speech, the President also noted that the main goal to be achieved by the Republic in 2050, is to create a society based on a strong welfare state, in the long term, while not exposing future generations to significant environmental risks.

Creation of a “green” economy involves modernizing production and technological devices in most industries and is a powerful incentive to deploy in various areas of innovation processes.

Creating a “green economy” as a response to the global, social and environmental challenges. Answering what a “green” economy is and directly related policies included in the structural reforms of “green” growth, it is necessary, on the one hand, to take into account its continuity with approaches developed two decades ago - Environment and Development (Rio-92) at the 2nd World Conference of the United Nations, and on the other, take into account the broader context of the problem today.

“Green” growth, as stated in international documents [5, P.5-6;] aims to support economic development while ensuring sustainable use of natural capital, minimizing environmental pollution and other forms of negative environmental impacts. It is embodied in the environmental sustainability of economic progress, and being closely associated with the concept of “green economy”, aims to improve the social welfare and social justice while significantly reducing environmental risks, including the risks of climate change and the scarcity of environmental goods.

In this sense, the “green” growth is treated as a tool to achieve broader goals of sustainable development, assuming the development and implementation of medium- and long-term political strategy covering issues of poverty and depletion of natural resources and to create conditions to support alternative economic, industrial and consumer models, as well as a tool that protects the development and growth of the volatility of prices for resources.

This approach overcomes the underestimation of natural resource capital, which should be treated as equivalent to the physical and human capital. With regard to the services provided by natural capital, they should be used in the most efficient manner, including on the basis of constant innovation and technological progress, supported by adequate funding, including infrastructure sectors. “Green” growth also requires effective leadership (governance) and in many cases determines the need to improve the functioning of institutions, including financial, and enhancing efforts to create a favorable business environment [5, P.7].

As pointed out by international experts, ignoring the problem of implementing this approach and a comprehensive restructuring of modern economies and societies is fraught with irreversible adverse effects and is associated with significant costs to society, which are in economic and human dimensions. These include the effects of a possible increase in 2050 of greenhouse gas emissions by 50% with a corresponding dramatic change in climate, significant deterioration of air quality in urban areas, combined with the negative consequences for the health of the urban population, including the growth of chronic diseases and premature deaths doubling relatively to the current level (if the increase in the average annually is 3.6 million people by 2050.). In the same row sharp decline in the productivity of agricultural land, large-scale water pollution, intensive degradation of natural ecosystems (in the last 25 years, the proportion of degraded or overexploited ecosystems has reached 60%; by 2050, this share could rise by another 10%). Most of these effects

are due to the global nature of environmental problems which affect all countries, but to a greater extent the burden will fall on the poorest nations. [5, P. 5-6].

Experts identify four main channels through which the formation of a “green” economy and related structural reforms can serve as engines of economic growth, embodied as well in an increase of GDP [6, P. 38-40].

Firstly, transition to a green economy is able to increase the input of natural resources, physical and human capital. It is about improving the productivity of natural resources (forestry, fisheries, farmland, etc.) due to more efficient management of natural capital, on improving the quality of human potential by improving health and reducing morbidity due to the improvement of the environment, and finally, to reduce the economic damages for loss of physical capital as a result of a skillful management of environmental risks, including forest fires, floods and other natural phenomena.

Secondly, this transition must be accompanied by favorable structural changes and requires a substantial investment in a number of systemically important sectors, including energy, construction, housing and communal services and others, directed at upgrading of production facilities, improved energy efficiency, switching to alternative sources of energy and reducing greenhouse gas emissions. All these results are expressed in the increase of basic industries efficiency.

At the same time, thirdly, investments in the development of “green” infrastructure stand out as an important factor of growth, including water supply and sanitation, public transport, focused on alternative fuel sources, and others. These structural changes and significant investment can spur economic growth, both on the supply and the demand side, while expanding employment and contributing to the reduction (particularly significant during the crisis) of unemployment. In this case it is the stimulating effect. Structural changes of both these types increase resilience to environmental shocks (due to unfavorable natural phenomena) and of particular importance for Kazakhstan reduce vulnerability to economic instability, coupled with the volatility of commodity prices on world markets.

Finally, fourthly, the transition to a green economy stimulate innovative activity, including at the firm level (measured as a rule, through R&D expenditures and patent activity) that must be maintained, along with the creation of favorable competitive environment, with control methods, including the introduction of standards and regulations.

In the last quarter of the century an increase in global GDP by four improved lives of hundreds of millions of people. However, the quality of 60% of the world’s major eco-system goods and services necessary for their existence decreased, or the goods and services are used in an unsustainable way. This is due to the fact that in recent decades, economic growth was achieved mainly through the use of natural resources, stocks were not recovered, but ecosystems were allowed to deteriorate and disappear.

For example, today only 20% of commercial fish stocks mainly cheap species are not used fully; 52% are fully utilized, and the possibility of expanding this business is deficient; approximately 20% is used excessively, and 8% is depleted. Water is becoming a scarce resource. According to projections, water shortages

will only increase, and after 20 years, water supplies will satisfy only 60% of the world's needs. In agriculture, the increase in yield was achieved mainly through the use of chemical fertilizers, which reduce soil quality.

The concept of “green economy” does not replace the concept of sustainable development, but now it is more recognized that achieving sustainability depends almost entirely on creating a proper economy. During the decades when the new minerals were created using the model of the “brown economy”, society did not solve problems such as social marginalization and resource depletion, and we are still far from achieving the Millennium Development Goals. Stability is the most important long-term objective, but to achieve it we have to make our economy “green”.

To transition to “green” economy conditions must be created for this. These conditions include relevant national legal documents, policies, subsidies and incentives, the world market, the legal infrastructure and protocols on trade and aid.

Existing conditions favor and perpetuate “brown” economy, which, among others, are highly dependent on energy derived from fossil fuels.

For example, the total amount of subsidies for the purchase of fossil fuels in 2008 exceeded 650 billion US dollars; and this high level of subsidy may prevent the transition to renewable energy sources.

On the contrary, the conditions conducive to the transition to a “green” economy can pave the way for successful public and private investment in “greening” of the world economy.

At the national level, examples of such conditions are: correction of fiscal policy, reform and reduction of subsidies harmful to the environment; use of new market-based instruments; influx of public investment in key “green” sector; the transition to “green” public procurement; improving environmental rules and regulations and ensure their application.

At the international level, there are also opportunities to improve market infrastructure, trade flows and aid flows, as well as the development of international cooperation.

However, for the formation of green infrastructure, particularly in developing countries a large investments that may reach 7% of GDP are required [7]. Under these conditions, the fundamental value is the competent design of financial mechanism. In the case of renewable energy and energy efficiency it is recommended to use the following main instruments: credit lines and measures to guarantee the repayment of loans for the purpose of risk-sharing with the involvement of private banks; funds of funds, under which the government directs the relatively small amount of long-term financial resources in a number of private, professionally managed funds, which are further investing in clean energy and energy efficiency; public funds, serving as a percent reduction in the financing of customers. This highlights the importance of state support, which has proven its effectiveness, in particular in the formation of energy service companies in the field of energy efficiency and energy audit.

Also are opening now (for example in the US, UK, Australia) private “green” banks, also investment banks to increase private investment, directed to green infrastructure [5, p. 26-27].

Using various sources of financial support of research projects, together with the support of innovation and the integration of different policies on the formation of a “green” economy (according to the bio-economic strategy of the EU), will allow to ensure the production of about 45 billion euros of added value by 2020 and create an additional 130 thousand jobs in bioeconomy sectors by 2025 [8].

Conclusions

Green economy does not favor any one political theory. It is possible in the conditions of any economy, the state or the market. It is not an alternative to sustainable development either. Rather, it is a way to implement the policy of this development at the national, regional and global levels and in ways that are consistent with the “Agenda 21” and simplify the implementation of its provisions.

References

1. Pakhomova N., Richter K., Malishkov G. - Problems of modernization of the transition to an innovation economy, problems of modern economy, N 3 (43) 2012.
2. Zamaraev B. Kiyutsevskaya A., Nazarova A., Sukhanov E. Return of the Russian economy on growth path: time to sum up the results of the post-crisis // Questions of economy. - 2011. - № 6. - P. 20-42.
3. I. Borisov, Kiyutsevskaya A., Nazarova, E. Sukhanov. Growing Russian economy amid rising external voltage // Questions of economy. - 2012. - № 6.
4. The appointment “green” economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication - a synthesis report for the representatives of the authorities, UNEP, 2011
5. Incorporating Green Growth and Sustainable Development Policies into Structural Report Agendas. A Report by the OECD, the World Bank and the United Nations prepared for the G20 Summit (Los Cabos, 18 - 19 June 2012) // <http://www.oecd.org/dataoecd/44/10/50643282.pdf> (Date of treatment: 10/26/2015).
6. Inclusive Green Growth: The Pathway to Sustainable Development. The World Bank. - Washington, D.C. 2012.
7. Analysis of the Scope of Energy Subsidies and Suggestions for the G20 Initiative. Joint report of the IEA, OPEC, OECD and World Bank, prepared for presentation at the summit Big Twenty (G20), Toronto (Canada), June 26-27, 2010, p. 4.
8. K. Shulenbaeva. Promotion of the Republic of Kazakhstan in strengthening inter-regional cooperation for the promotion of “green growth” and implementation of the Astana Ini

Кластерный подход, как технология управления инновационным развитием малого и среднего бизнеса в Латвии

Лия Бейнерте,

докторант программы «Региональная экономика и экономическая политика»

Балтийская Международная Академия, г.Рига, Латвия
Руководитель: Страдина С. доктор экономики, доцент
Балтийская Международная Академия, г. Рига, Латвия

Аннотация

В условиях глобализации путём развития национальной экономики может стать курс на формирование кластеров малого и среднего бизнеса. Использование кластеризации позволяет решить широкий спектр социально-экономических задач: усилить конкурентоспособность предприятий, развить их инфраструктуру, добиться повышения инвестиционной привлекательности, а также решить вопрос занятости населения.

В статье приводятся данные о состоянии среднего и малого бизнеса и успешный пример создания кластера «Dr. Beinerts» в области ветеринарных услуг. Это может служить основой дальнейшей кластеризации Латвии, как способа усиления взаимодействия и преодоления разобщенности малых предприятий, роста их технического уровня и повышения конкурентоспособности.

Ключевые слова: малый и средний бизнес, кластеризация, инновационное развитие, конкурентоспособность

Abstract

In the context of globalization through the development of the national economy may be heading the formation of clusters of small and medium-sized businesses. Using clustering allows to solve a wide range of socio-economic objectives: to enhance the competitiveness of enterprises, develop their infrastructure, achieve greater investment attractiveness, as well as to solve the problem of employment.

The article presents data on the state of small and medium businesses and successful example of creating a cluster “Dr. Beinerts” in the field of veterinary services. It can serve as a basis for further clustering of Latvia, as a way to strengthen cooperation and overcome the fragmentation of small businesses, increase their technical proficiency and competitiveness.

Keywords: small and medium businesses, clustering, innovative development, competitiveness.

Введение.

Львиная доля всех предприятий в Латвии — это малый и средний бизнес. Они дают около 50% ВВП и наибольшую часть рабочих мест в

стране.* Именно малый бизнес благодаря своей гибкости, маневренности, адаптивности к условиям внешней среды обеспечивает устойчивость развития, решение проблем занятости и социальной стабильности в государстве.

Основные теоретические и практические положения

По данным статистики, 95% предприятий Латвии – это средние, малые и микропредприятия, на которых задействованы менее 10 человек. Годовой оборот микропредприятий составляет менее 1,4 млн. евро. Большинство компаний находятся в Риге и окрестностях.**

По количеству предприятий Латвия занимает последнее место в Европе: на тысячу жителей у нас приходится всего 18 предприятий. У Литвы и Эстонии совсем другие показатели: 27 и 32 соответственно, в то время как европейский показатель — 50 на тысячу жителей, в США — 80 на тысячу***.

Средний класс - самый широкий потребительский рынок для мелкого и среднего бизнеса. Чем многочисленнее этот класс, тем увереннее стоит на ногах малый бизнес. В средний класс входят две основные категории: собственники материального капитала и собственники интеллектуального капитала, в том числе менеджеры, учёные, инженеры. В ежегодном отчете Global Wealth Report страховой компании Allianz, которая изучает благосостояние домохозяйств в 53 странах по всему миру, на которые приходится почти 91% мирового ВВП и 69% населения планеты и распределяет население всех государств на три класса по уровню благосостояния, средний класс включает граждан, стоимость чистых финансовых активов которых составляет от 6,1 тыс. евро до 36,7 тыс. евро****. Таким образом, средний класс в Латвии — очень тонкая прослойка. Так, если примерно 3% составляет элита, то средний класс — не больше 10% населения*****.

По мнению многих экономистов и лидеров бизнеса среди причин медленного развития - отсутствие достаточной защиты малого и среднего бизнеса со стороны государства. Вторая причина — неблагоприятная предпринимательская среда. Также можно упомянуть низкую платежеспособность населения.

На наш взгляд, выходом из этой ситуации может стать курс на

* http://www.gorod.lv/novosti/5600-biznesom_zanimatsya_ne_pochetno#ixzz-3s3CQWCkm

** М. Кухар, Малый и средний бизнес в Латвии <http://dumka.lv/?p=266>

*** А. Аскеров, Бизнесом заниматься не почетно, <http://www.gorod.lv>

**** <http://www.interfax.ru/>

***** http://www.gorod.lv/novosti/5600-biznesom_zanimatsya_ne_pochetno#ixzz-3s3CQWCkm

кластеризацию малого и среднего бизнеса. Использование кластеров позволяет решить широкий спектр социально-экономических задач: усилить конкурентоспособность предприятий, добиться повышения инвестиционной привлекательности, развития его инфраструктуры, а также решить вопрос занятости населения.

С понятием экономического кластера знакомимся в книге М. Портера «Международная конкуренция».* Он ввел данное понятие для фирм и компаний, находящихся на локальной территории и объединенных едиными задачами при выходе на рынок. Портер утверждал, что предлагаемая им новая парадигма необходима для достижения экономического успеха в новой глобальной экономике.

Кластер как форма организации деятельности предприятий дает возможность каждому отдельному субъекту хозяйствования более эффективно использовать имеющиеся у него ресурсы и возможности, а также привлечь к своей деятельности и максимально эффективно на взаимовыгодной основе использовать ресурсы и возможности других субъектов предпринимательства.

Основная преимущественная характеристика кластера – это формирование оптимальных условий для объединения на основе гармонизации интересов каждого из участников. Кластер представляет собой объединение субъектов хозяйствования смежного (или взаимодополняющего характера) профиля, взаимно способствующих росту конкурентоспособности производимой продукции или продвигаемых товаров и самих себя. В большинстве случаев это неформальные объединения предприятий различных форм и масштабов, связанных между собой производственно-коммерческими интересами, взаимодействующие друг с другом в рамках создания прибавочной стоимости определенного продукта или услуги.

Новые отношения внутри кластера стимулируют инновационную деятельность, способствуют развитию прогрессивных технологий и совершенствованию всех этапов совместной экономической деятельности. Происходит свободный обмен информацией и быстрое распространение новшества по каналам поставщиков или потребителей. Взаимосвязи внутри кластера ведут к разработке новых путей в обретении конкурентных преимуществ и порождают совершенно новые возможности. Малые предприятия в составе кластера в процессе развития взаимодействия и сближения интересов постепенно преодолевают разобщенность, инертность и замкнутость на внутренних проблемах, что благотворно влияет на рост их технического уровня и конкурентоспособности.

* Porter M.E. On Competition. — Boston: Harvard Business School, Hardcover – October, 1998

Отличие инновационного кластера от других видов форм экономических объединений заключается в том, что компании в кластере не идут на полное слияние, а создают механизм взаимодействия, позволяющий им сохранять статус юридического лица и сотрудничать с другими предприятиями, образующими кластер. За его пределами, кластеризация только оптимизирует деятельность, поможет сохранить и усилить конкурентоспособность именно латвийских предприятий.

Объединяя определения классиков по вопросу кластерного подхода, а также респектируя обзор Европейской экономической комиссии ООН (ЕЭК ООН) «Повышение инновационного уровня фирм: выбор политики и практических инструментов», в данном случае решение соответствует условиям создания кластера*:

- Партнерское объединение компаний, организаций и институтов (130+), работающих по одной тематике и расположенных в пределах доступности друг к другу – на расстоянии 2-х часовой поездки на машине
- Один из наиболее успешно работающих подходов для повышения качества жизни и успеха города, территории в условиях глобальной конкуренции
- Долгосрочный проект социально-экономического развития
- Основан на науке (Science-based)
- Включает соблюдение этических принципов

Развитие малого и среднего бизнеса с последующей кластеризацией важно с точки зрения государственной политики. Именно она делает развитие малых кластеров более эффективным, обеспечивает техническую помощь, помогая с концентрацией фирм. Кроме того, для регионального экономического развития этот подход важен, так как развитие кластера в регионах также будет способствовать развитию других местных отраслей в этом регионе, и следовательно, обеспечит экономический рост в целом по стране.

В Латвии при содействии Латвийского агентства развития и инвестиций (LIAA) создано значительное количество кластеров. Так, Вентспилсский парк высоких технологий является инициатором образования кластера спутниковых технологий. На данный момент идентифицировано более 20 партнёров для работы в области спутниковой навигации, телекоммуникаций, обработки изображений. В 2015 г. отметил десятилетие со дня своего основания.** Вентспилсский Парк высоких технологий вместе с рядом международных партнеров реализует проект «Межрегиональное сотрудничество кластеров малых и средних предприятий в рамках Северо-восточного коридора» или BalticSupply.

* Synopsis of Policy Options for Creating a Supportive Environment for Innovative Development. ECE/CECI/2008/3, Geneva, 9 September 2008.

** <http://www.ventspils.lv/rus/ekonomika/77089-vientspilsskomu-parku-vysokih-tiekhnologhii--10-liet!>

При поддержке структурных фондов ЕС создано два отраслевых кластера: Life Sciences Cluster (кластер фармацевтической и связанных с ней отраслей) и Clean Technology Cluster (кластер чистых технологий). Оба кластера ставят перед собой единую перспективную цель – создать в течение ближайших восьми лет основу для продвижения продукции сектора на мировой рынок.*

Хочется отметить отдельные инициативы частного бизнеса. Эти инициативы, к сожалению, не всегда поддерживаются государством или региональными структурами, их не «замечает» ЛИАА. Более того, правительство порой способствует поглощению успешного бизнеса более развитыми странами, такими, как Швеция, Норвегия, Финляндия и др.

Ситуация в Балтийском регионе в отрасли ветеринарной медицины такова, что скандинавские страны (Швеция, Финляндия и Дания), развивая и кластеризируя сферу ветеринарии для расширения деятельности и рынка сбыта, имеют намерения войти в страны Прибалтики: Эстонию, Латвию и Литву. Так, компании «Evidezia» и «Anikura», расширяя свою деятельность, приобретают большие ветеринарные компании, с хорошей организацией бизнеса, подготовленным квалифицированным персоналом**. Организуется сеть оборудованных, фешенебельных клиник с уникальными услугами и дорогостоящим оборудованием.

Участники кластера в отрасли

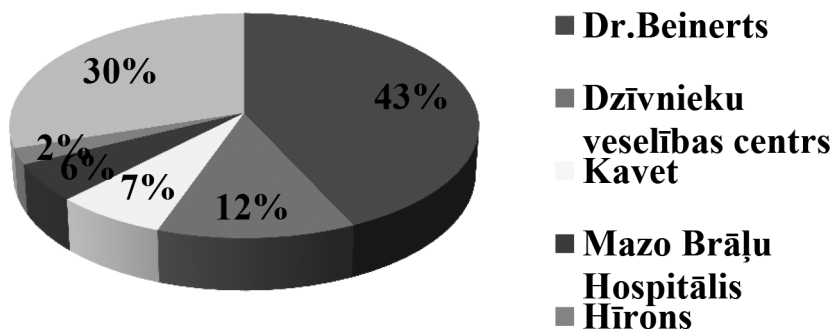

Рис. 1 Доля рынка ведущих ветеринарных компаний (по данным Lursoft 2014г.)

* <http://www.lifescience.lv/lv/farmacijas-un-saistito-nozaru-klasteris/par-klasteri/>

** Внутренняя информация исследования рынка компанией «Dr. Beinerts».

Компания «Dr.Beinerts» выступает новатором и инициатором создания кластера в ветеринарной отрасли, что могло бы обеспечить удержание рынка местными компаниями, вполне конкурентоспособными по отношению скандинавских кластеров. Это, можно сказать, была вынужденная мера, поскольку шведская компания начала определенную деятельность по покупке отдельных латвийских фирм, а в дальнейшем и отрасли ветеринарной медицины.

При этом компания успешно налаживает горизонтальные связи с шестью ведущими ветеринарными клиниками, центром обучения - Латвийским государственным университетом, государственными структурами. Компании оптимизируют перераспределение пациентов, в соответствии с ключевыми факторами успеха каждой из компаний, и движение в этом направлении набирает обороты. Компании унифицируют услуги по обследованию пациентов, закупая идентичное лабораторное оборудование и анализаторы, создают содружественное программное обеспечение для облегчения обмена информацией и результатами обследования, активно участвуют в обучении персонала компаний. Основная задача компании «Dr.Beinerts» на данном этапе – изменить видение бизнеса компаниями-конкурентами и создать сообщество нового типа, изменив парадигму.

На наш взгляд, все вместе взятое позволит компаниям – конкурентам создать отраслевой инновационный кластер, где соединятся новейшие разработки в области ветеринарии с системой подготовки персонала, наличием клиник по всей Латвии и исследовательским центром. Именно инновационное партнерство – это особенно важный инструмент в достижении творческих и коммерческих целей. Таким образом, конкуренция внутри кластера превращается в механизм активного распространения конкурентных преимуществ.

В 2014 году правительство Латвии утверждено «Национальный план развития на 2014–2020 гг.», которому дали название «Прорыв в экономике». В нем сформулированы три главных приоритета: способность человека к сохранению безопасности, рост народного хозяйства и способствующие росту территории*. Он основывается на предположении, что каждый житель Латвии хочет жить лучше, хочет совершить свой личный прорыв, и задача государства – создать для этого условия – благоприятную среду для роста. Эта среда должна удовлетворять основным потребностям, вдохновлять на саморазвитие, побуждать народ к возрождению и обеспечивать мудрое использование ограниченных ресурсов на всей территории страны.

В этом плане сосредоточено внимание на традиционной экономической стратегии развития, которое, к сожалению, полностью исчерпало себя. В нем слабо представлено инновационное развитие, включающее кластеризацию экономики. И это несмотря на то, что по данным Innovation Union Score-

* LATVIJAS REPUBLIKAS TIESĪBU AKTI «Latvijas Nacionālais attīstības plāns 2014-2020. gadam» <http://likumi.lv/doc.php?id=253919>

board 2014, Латвия оказалась на предпоследнем месте в ЕС по инновационному развитию.*

Латвийскому правительству следовало бы разработать инновационную программу национального развития на ближайшие годы, всенародно провозгласить, и дать гарантии ее выполнения. Как отметил М.Портер, для ее формирования и существования необходимо наличие долгосрочных политических и экономических гарантий со стороны государства.** Да и Европейский опыт показывает, что многие страны создавали различного рода программы, разрабатывали инновационную стратегию, создавали национальные фонды поддержки кластеров.

Так, французская программа «Competitiveness clusters» реализовывалась в две фазы. Первая фаза – 2005-2008 годы. Вторая фаза, так называемая «The competitiveness clusters policy 2.0», охватывала период 2009-2011 годов. После реализации первой фазы все 71 поддерживаемые кластеры были оценены, и правительство решило продолжить реализацию программы.*** В настоящее время в Австрии действует программа по поддержке развития научных исследований и их коммерциализации «COMET – Competence Centers for Excellent Technologies». Данной программой предусматривается создание и частичное финансирование ряда инновационных кластеров. Программа является совместной инициативой Министерства транспорта, инноваций и технологии и Министерства экономики, по делам семьи и молодежи.**** Можно привести пример Датского Министерства науки, инноваций и высшего образования, которое разработало а perfect «Gluster Policy and Cluster Programme» (smart recommendations for Policy Makers).***** Латвии следовало бы использовать этот опыт.

Заключение

В 2010 г. принята стратегия “Европа 2020”, содержащая рекомендации властям государств по ускорению темпов экономического роста. Центральное место в «Стратегии 2020» занимает инициатива ЕК по

* http://ec.europa.eu/enterprise/policies/innovation/files/ius/ius-2014_en.pdf. Innovation Union Scoreboard 2014

** Porter, M. E. (1998) On Competition. Boston: Harvard Business School Press.

*** Dahmen, E. (1970) Entrepreneurial Activity and the Development of Swedish Industry, 1919–1939. The American Economic Association/ Homewood, IL

**** The Austrian Research Promotion Agency. Competence Centers for Excellent Technologies (COMET) <https://www.ffg.at/sites/default/files/pdf/6c14add4f8135469a-268531ea610758023b917dc.pdf>

***** Christensen Thomas A. Thomas Lämmer-Gamp, Gerd Meier zu Köcker (2012): Let's make a perfect Gluster Policy and Cluster Programme (smart recommendations for Policy Makers) Berlin/Copenhagen. http://www.cluster-analysis.org/downloads/Clusters_web_singlepage_06092012.pdf

созданию «Инновационного союза»*. Данная инициатива ЕС направлена на стимулирование процесса кластеризации, создание условий для развития инновационной экономики, а также построение единого европейского рынка инноваций. Латвии нельзя отставать от этого процесса.

Литература:

1. Porter M.E. On Competition — Boston: Harvard Business School, Hardcover – October, 1998
2. Dahmen, E. (1970) Entrepreneurial Activity and the Development of Swedish Industry, 1919–1939. The American Economic Association/ Homewood, IL

* Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee of Regions. Europe 2020 Flagship Initiative Innovation Union. SEC (2010) 1161. Brussels, 6.10. http://ec.europa.eu/research/innovation-union/pdf/innovation-union-communication_en.pdf#view=fit&pagemode=none.

Эмперический анализ динамики инвестирования китайскими компаниями и гражданами КНР в уставной капитал латвийских компаний

Ирина Безрученко

докторант программы «Региональная экономика и экономическая политика»

Балтийская Международная Академия, г.Рига, Латвия

Руководитель: доктор экономики, профессор В. Ролдугин

Балтийская Международная Академия, г. Рига, Латвия

Аннотация

Данная работа представляет собой эконометрический анализ статистических данных инвестирования китайскими компаниями и гражданами Китайской Народной Республики в уставной фонд латвийских компаний в период времени с января 1992 года по декабрь 2015 года с целью оценки влияния двух факторов на динамику инвестирования – вступление Латвии в Европейский союз в 2014 году и поправки к Иммиграционному закону от 2011 года

Ключевые слова: Латвия, КНР, инвестиции в уставной фонд, эконометрический анализ

Abstract:

this paper is an econometric analysis of the statistics on investments by the Chinese companies and the citizens of the People's Republic of China to the equity capital of Latvian companies in the period from January' 1992 till December' 2015 with the aim to evaluate the influence of two factors on the dynamics of investment—accession of Latvia to the European Union in 2014 and amendments to the Immigration Law of 2011.

Keywords: Latvia, PRC, equity capital investments, econometric analysis

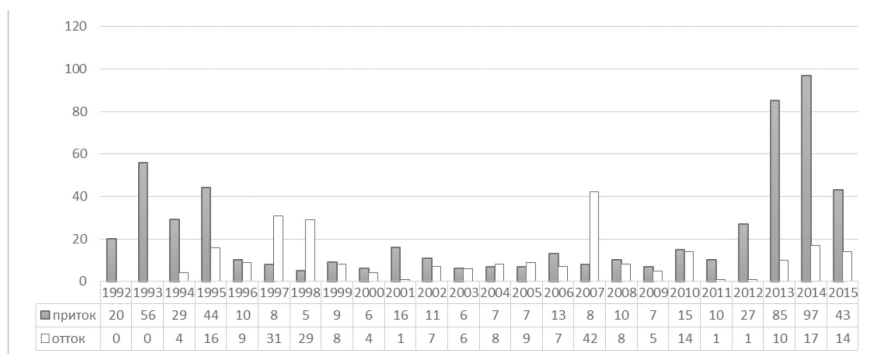
Введение

Цель данной работы -- провести эконометрический анализ статистических данных с января 1992 по декабрь 2015 года для сравнения двух факторов, способных повлиять на динамику инвестиций из КНР в уставной капитал латвийских компаний: общепризнанный в академической литературе фактор вступления Латвии в Европейский союз и второй фактор—поправки к Иммиграционному закону от 2011 года.

Основные теоретические и практические положения

Вступление Латвии в Европейский союз освещается в академической литературе, как событие, способное положительным образом повлиять на приток инвестиций в экономику Латвии[2], [3], [4].

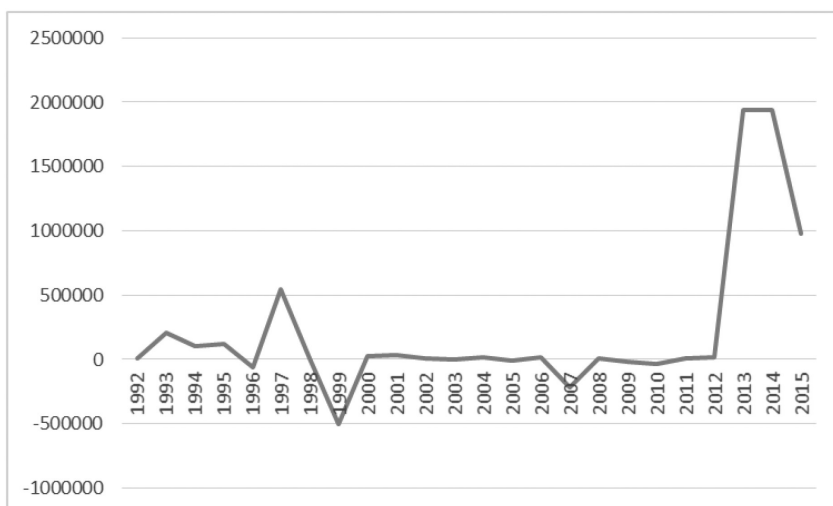
Согласно данным Lursoft доля китайских инвестиций в уставной фонд латвийских компаний не является значительной, по объему инвестиций КНР занимает лишь 44-е место из 134 представленных стран, объем инвестиций составляет лишь 5.16 млн евро. За период времени с января 1992 года по декабрь 2015 года было зарегистрировано 549 случаев инвестирования в уставной фонд латвийских компаний китайского капитала, динамика инвестирования приведена в графиках 1.1. и 1.2.:

1.1. Динамика притока и оттока инвестиций в уставной капитал латвийских компаний, число случаев:

Источник: Lursoft

Данный график показывает несущественный приток инвестиций из КНР после вступления Латвии в ЕС.

1.2. Динамика изменения объема инвестиций в уставной капитал латвийских компаний, евро:

Источник: Lursoft

График 1.2. позволяет предположить, что в период времени с 2011 по 2014 год на привлечение инвестиций существенным образом повлиял другой фактор. Изучив список Lursoft главных инвесторов КНР, можно обратить внимание на то, что 77 инвесторов из 100 в этот период времени зачисляли в уставной капитал латвийских компаний сумму приблизительно равную 35000 евро, которая согласно поправкам к Иммиграционному закону от 2011 года пункту 28.а параграфа № 23 давала инвестору право на временный вид на жительство в Латвийской Республике сроком не более 5 лет.

Эмперический анализ динамики инвестиций китайских компаний и граждан КНР в уставной капитал латвийских компаний

Эконометрический анализ был проведен для данных, отображающих инвестиции в уставной капитал латвийских компаний за период времени с января 1992 по декабрь 2015 года. В период этого времени имело место два существенных события: вступление Латвии в Европейский союз (ЕС) в мае 2004 года и принятие поправок к Иммиграционному закону в 2011 году. Для того, чтобы определить, как и насколько эти события оказали влияние на инвестиции, было рассмотрено два метода – построение модели линейной регрессии и рассмотрение Т-критерия Стьюдента с проверкой равенства средних значений в двух выборках. Рассмотрим подробнее данные методы и полученные результаты.

Линейная регрессия является широко используемым и наиболее хорошо изученным методом эконометрического анализа, который позволяет установить и исследовать влияние одной или нескольких независимых переменных (предикторов) на зависимую (результативную) переменную.

Целями регрессионного анализа являются:

- Определение степени детерминированности вариации зависимой переменной предикторами;
- Прогнозирование значений с помощью предикторов;
- Определение насколько отдельные предикторы влияют на вариацию зависимой переменной.

Уравнение линейной регрессии:

Задача данного анализа состоит в том, чтобы проанализировать взаимосвязь между объемом инвестиций и событиями «вступлении Латвии в (ЕС)» и «принятием поправок к Иммиграционному закону»; за результативную переменную принимается (Y) - объем инвестиций, а как зависимую переменную - предиктор (X) и вводится фиктивная бинарная переменная, которая принимает значение 1 или 0, например:

В ходе анализа было построено и рассмотрено несколько моделей, лучшая из которых была выбрана, используя коэффициент детерминации который

равен доле общей дисперсии Y , объясняемой регрессией. Чем ближе значение к единице, тем значительнее доля объясненной вариации и тем меньше может быть влияние каких-либо других факторов, не включенных в модель. Это, в свою очередь означает, что полученная модель регрессии хорошо аппроксимирует исходные данные и такая модель может быть использована в дальнейшем для прогнозирования значений результативного показателя. В выбранной модели, это значит, что 28% вариации Y объясняемы уравнением регрессии. Рассмотрим так же полученные оценки коэффициентов и статистику.

	Коэф.	Ст.ошибка	t -стати- стика	P-значение	Нижнее 95%	Верхнее 95%
константа	-17028,2	6663,855	-2,5553	0,011131	-30145	-3911,34
число инвестиций	10442,79	1371,331	7,615081	3,93E-13	7743,532	13142,06
закон	49930,45	12158,58	4,106601	5,26E-05	25998,07	73862,83
зима	-19309,3	10877,88	-1,7751	0,076953	-40720,8	2102,217

С помощью р-значений проверим гипотезу k . Все р-значения меньше, чем 0,1, это значит, что с вероятностью 90% можно отвергнуть нулевую гипотезу и коэффициенты являются статистически значимыми, т.е. не равны нулю. Все коэффициенты находятся в доверительных интервалах. Это означает, что ни один коэффициент не равен нулю.

Если рассмотреть период времени до принятия поправок к Иммиграционному закону и вступления Латвии в ЕС в незимний период, то уравнение составляется следующим образом:

Если прироста инвестиций нет, то объем инвестиций в данном случае будет отрицательным. Если рассматривать время после принятия поправок к закону, то уравнение принимает вид:

Важным моментом регрессионного анализа является анализ остатков. Остатки должны быть распределены независимо друг от друга (не автокоррелированы), иметь нормальное распределение и гомоскедастичный характер. Для проверки остатков на автокорреляцию был использован критерий Дарбина-Уотсона (Durbin-Watson), который рассчитывается по следующей формуле:

$$DW = \frac{\sum_{t=2}^T (e_t - e_{t-1})^2}{\sum_{t=1}^T (e_t)^2}$$

В случае отсутствия автокорреляции ; при положительной автокорреляции, а при отрицательной Наличие автокорреляции показывает, что в

модель не включен существенный фактор, влияние которого отражается в остатках. В данном случае с помощью теста Дарбина – Уотсона гипотеза об автокорреляции была отвергнута. Тест Харке- Бера (Jarqua-Bera) показал, что остатки нормально распределены: $JB = n \left(\frac{s^2}{6} + \frac{(k-3)^2}{24} \right)$. Так же тест на гетероскедастичность остатков определил, что нулевая гипотеза с вероятностью 99% не отвергается (значение квадрата $H_i >$ значения теста LM), гетероскедастичность не имеет место.

Построив модель и проверив все необходимые допущения линейной регрессии, можем сделать вывод о том, что принятие поправок к закону в 2011 году имеет влияние на объем инвестиций. Данная модель может быть использована, чтобы строить прогнозы инвестиций.

Второй метод -- проверка нулевой гипотезы о равенстве средних значений двух выборок при помощи t-статистики, т.е.

$$H_0: \mu_1 - \mu_2 = 0$$

$$H_1: \mu_1 - \mu_2 \neq 0$$

Рассматриваются три случая.

	до ЕС	ЕС без закона	до ЕС	закон	ЕС до закона	Закон
Средний	3402,28	-2948,64	3402,28	81416,66	-2948,64	81416,66
колебания	4,00E+09	4,61E+08	4,00E+09	2,67E+10	4,61E+08	2,67E+10
наблюдения	147,00	80,00	147,00	48,00	80,00	48,00
гипотетическое ср. отклонение	0,00		0,00		0,00	
отклонение	198,00		52,00		48,00	
t- статистика	1,11		-3,23		-3,56	
P(T<=t) односторонний критерий	0,14		0,00		0,00	
t- критич одностороннего критерия	1,65		1,67		1,68	
P(T<=t) двухсторонний критерий	0,27		0,00		0,00	
t- критич двухстороннего критерия	1,97		2,01		2,01	

В первом случае сравниваются изменения динамики инвестиций до и после вступления в ЕС. Сравнив полученную статистику с критическими значениями Т-теста, был сделан вывод, что опровергать нулевую гипотезу нет необходимости, т.е. разница между средними значениями выборки не является существенной. Во втором и третьем варианте, когда сравниваются изменения динамики инвестиций до вступления Латвии в ЕС и после принятия поправок к Иммиграционному закону, как и до и после принятия поправок к закону, когда Латвия уже член ЕС, были выявлены различия, которые являются статистически значимыми.

Заключение

Рассмотрев два метода: модель линейной регрессии и Т-статистику для сравнения средних значений двух выборок, можно сделать вывод, что само по себе событие вступления Латвии в Европейский союз не повлекло значимого изменения количества и объёма инвестиций китайских компаний и граждан КНР в уставной капитал латвийских компаний, в свою очередь поправки к закону об инвестициях, когда Латвия уже была страной участницей Европейского союза оказало значительное влияние на инвестиции.

Тема инвестиций взамен на вид на жительство как эффективный способ привлечения инвестиций упоминается и в других работах, посвященных инвестициям из КНР. [1]

Список использованной литературы

1. Mapping Europe-China Relations, ed. Huotari, Mikko, Otoro-Iglesias, Miguel, Seaman, John, Ekman, Alice: 2015, European Think-Tank on China.
2. Nakamura, H. Richard, Mikael Olsson, and Mikael Lonnborg. FDI in the Post-EU Accession Baltic Sea Region: A Global or a Regional Concern? *Baltic Journal of Economics*: 2012 volume 12, issue 2, 89-108.
3. Revina, Ismena, Brekis, Edgars. Foreign Direct Investment and Economic Growth in Latvia. *Economic Science for Rural Development Conference Proceedings*: 2009, issue 18, 142-149.
4. Vanags, Alf. Latvia and the European Union// *In Doing Business with Latvia*, ed. J. Reuvid, M. Terterov, 19-25: 2005, London: GMB.

The plan of creation of the pilot FEZs in Taiwan

mg.polit **Po Yuan Hsiao**,
Taipei Mission in the Republic of Latvia

Abstract

In the article the author suggests the plan of creation of free economic zones (FEZs) in Taiwan, based on the geographical peculiarities of regions, where having studied the priority directions of the country, the advantages of creation of FEZs are shown.

Keywords: free economic zones, regions, Taiwan.

Аннотация

В статье автор предлагает план создания свободных экономических зон (СЭЗ) в Тайване, основываясь на географических особенностях регионов, где изучив приоритетные направления страны, показаны преимущества создания СЭЗ.

Ключевые слова: свободные экономические зоны, регион, Тайвань

Topicality.

Economic liberalization is promoted around the world and Taiwan signed a framework agreement of economic cooperation (ECFA) with mainland of China in 2010. It is first of all, laid the foundation for the formation of free economic pilot zone in August 2013. The main goal of formation of FEZ – to the free economy on the island and strengthening of integration processes between Taiwan and mainland China. [1]

Basic theoretical and practical provisions.

It is commonly known that the leading countries of the world activate the negotiations for The Foreign Trade Association for the reduction of trade barriers and increase the trade and investment flows. However, as the research has shown in the second chapter of the represented dissertation, Taiwan remains far behind its main competitors – Asia – Pacific region – only in 2013 signed an agreement on the formation of 7 FEZs: Taipei Port FTZ, Taoyuan Airport FTZ, Taichung Port FTZ, Anping Port FTZ, Kaohsiung Port FTZ, Keelung Port FTZ, Su'ao Port FTZ, Pingtung Agricultural Biotechnology Park.

The creation of FEZs will allow Taiwan to avoid the marginalization and the main thing is to accelerate the paces of liberalization and internationalization.

It should be noted that Taiwan has a number of advantages – it is first of all, the geographical location, industrial technologies, human resources.

The formation of FEZs of Taiwan is suggested to implement in the following directions:

The formation of smart Logistics – the possibility of creation of complex logistic chains and industrial clusters. Contribution to the rapid and free movement of flow of goods and increase of goods of logistics services, inclusions on e-book accounting, the use of innovative customs administration. The special attention should be paid to the development of Taiwan ports: Taipei Port FTZ, Taichung Port FTZ, Anping Port FTZ, Kaohsiung Port FTZ, Keelung Port FTZ, Su'ao Port FTZ, Taoyuan Airport FTZ. Undoubtedly, for Pingtung Agricultural Biotechnology Park are also needed the events for the construction of logistics network, for the increase of value added of agriculture, however, of the high priority this process should cover port areas.

The following direction – is the creation of high value added of agriculture of Taiwan. Using complex agricultural technologies and success in innovations of agricultural products of Taiwan, the increase of agricultural value added by the means of expansion of individual agricultural products in the entire value chain. As a free trade zone we highlighted Pingtung Agricultural Biotechnology Park. The total area of Pingtung Agricultural Biotechnology park is 66.03 km, the number of population is 2057.56 thousand (on 01.2014), the population density is 3 100 people per 1 km. [4]

The financial industry of Taiwan is a wide range of financial services are provided for 44 banks, 22 of which are foreign banks. Among which are the following banks: Bank of America, Cathay United Bank, Deutsche Bank and others. [4] For the successful development of Taiwan, it is required the permit of financial institutions to develop wealth and asset management services under the control of a class on the basis of offshore banking units and offshore security units (OSUs), acting as the main channels of sales in the provision of a wide range of financial products and services for non-residents. The use of offshore of banking units accelerates the processes of internationalization and globalization of the economy of Taiwan. Undoubtedly, for the early development of FEZs of Taiwan, in each of the represented zones Taipei Port FTZ, Taichung Port FTZ, Anping Port FTZ, Kaohsiung Port FTZ, Keelung Port FTZ, Suao Port FTZ, Taoyuan Airport FT Zand Pingtung Agricultural Biotechnology Park, it is necessary to open the financial structures.

The direction of education and innovations

Thus, for planning of number of specialists for FEZs, it is necessary to carry out an analysis of number of universities and vocational schools that implement their programs in the cities of FEZs.

Table 1

The analysis of number of educational institutions in the cities of FEZs of Taiwan (Made by the author)

Cities	Vocational Schools	Colleges	Universities
Taipei	17	3	21
Taichung	9	-	17
Kaohsiung	18	2	14
Keelung	4	2	1
Taoyuan	7	1	10
Su'ao			
Pingtung	8	3	4

Source: <http://english.moe.gov.tw/> Ministry of Education Republic of China (Taiwan)

The suggested program of development of Free Economic Pilot Zones (FEPZs) will allow the country to implement the plan of further liberalization and globalization of Taiwan. Here, it should be pointed the advantages of opening of FEZs of Taiwan:

1. For the internal stability of the country – to facilitate the doubts and fears of economic opening for the introduction of negotiations on FTA.
2. To the outside world shows the determination of Taiwan to advance further in the liberalization to regional economic integration.
3. Focuses deregulations and institutional innovations.

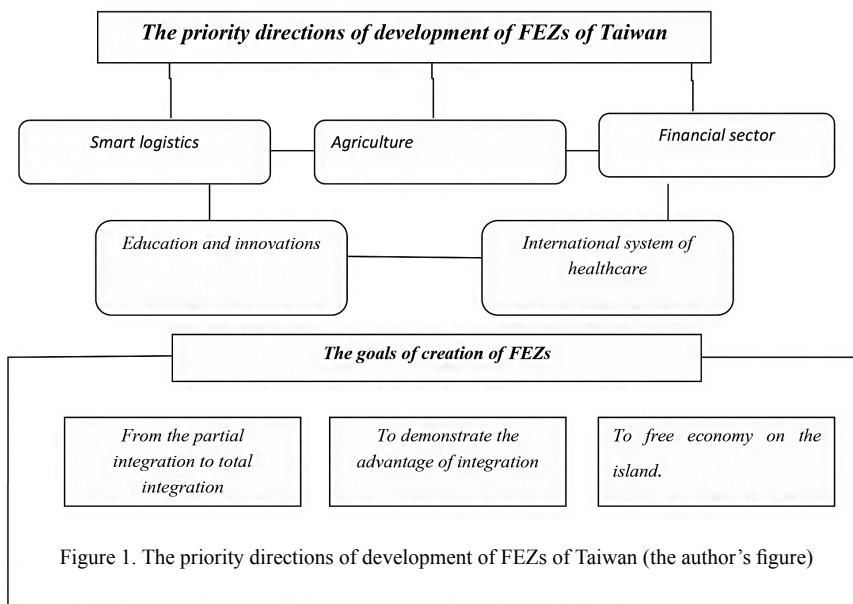
Thus, based on the results of the suggested program, we suggest highlighting the following goals of formation of FEZs of Taiwan: FEPZs as a “court” and “Pioneer” of regions.

Let's represent as the scheme the priority sectors of development of FEZs of Taiwan in figure 1.

1. To demonstrate the advantages of economic liberalization and internationalization.
2. The transition from partial integration to total integration.
3. From the small regional economic zones to large-scale and as it was mentioned in the beginning of our section, the main goal of FEZs is the free economy on the island.

Tax benefits for business are suggested:

1. Exemption from the income tax of business.
2. FEPZ enterprises with their foreign dividends and profit of repatriates for the real investments in FEPZs.
3. Foreign owners of shipment of export goods after the storage and ordinary

processing in FEPZs (but if in the domestic market is sold only 10%, when the owners exempt from taxes).

4. Exemption of FEPZ business from customs duties, goods tax, business tax for import:
5. Agriculture and industrial commodities are exempt from taxes, as well as machinery and equipment for own use.

Conclusion

The integration of the international markets has a special place in the system of integration processes. It is accompanied by a decrease and then removal of the barriers for entering the national markets. According to our opinion the access to the markets of the other countries is a key factor of development of integrated markets. Thus, a great role here plays both market and state (supranational) institutions.

References

1. Cheng-yi Lin, Denny Roy The Future of United States, China, and Taiwan Relations, Stanford University, 2011, 266p.
2. Gilbert Rozman Asia's Alliance Triangle, Palgrave macmillan, US, 2015, 158
3. <http://english.moe.gov.tw/> Ministry of Education Republic of China (Taiwan)
4. <http://eng.stat.gov.tw/> Statistics data base of Taiwan

Роль и значение комплекса маркетинговых коммуникаций в Неформальном образовании в Латвии

Максим Рапопорт,

SIA “AUTOSKOLA CREDO AUTOPRIEKŠ” Рига, Латвия

Научный руководитель: док.экон, профессор БМА Стеценко И.,

Научный консультант: док.экон, профессор БМА Голубкова Т.

Балтийская Международная академия, Рига, Латвия

Аннотация

В работе дано определение неформальному образованию, выделены и охарактеризованы объекты исследования, для выявления эффективного использования инструментов комплекса маркетинговых коммуникаций предприятиями, представлены результаты проведенного опроса, определены роль и значение использования комплекса маркетинговых коммуникаций коммерческими предприятиями на рынке неформального образования.

Ключевые слова: неформальное образование, комплекс маркетинговых коммуникаций, инструменты маркетинговых коммуникаций.

Abstract

The paper provides the definition of informal education, the objects of the research are emphasized and characterized for the identification of effective use of tools of marketing communications mix by the enterprises, the results of carried out survey are represented, the role and importance of use of marketing communications mix by the commercial enterprises in the market of informal education are identified.

Keywords: informal education, marketing communications mix, tools of marketing communications.

В последние годы, одновременно с возрастанием роли маркетинга, повысилась роль маркетинговых коммуникаций. Недостаточно иметь хорошие продукты и услуги – для увеличения объемов их продаж и получения прибыли, необходимо донести до сознания потребителей выгоды от их использования. Маркетинговые коммуникации позволяют осуществить передачу сообщений потребителям с целью сделать продукты и услуги компаний привлекательными для целевой аудитории. Действительно, эффективность коммуникаций с потребителями стали ключевым фактором успеха любой организации, включая организации осуществляющие свою деятельность в сфере неформального образования. Изучение развития самой сферы неформального образования в Латвии, представляет большой интерес, а изучение применения маркетинговых коммуникаций в данной сфере, является весьма актуальным. В

связи с этим, обозначим цельданной работы, как: определение роли и значения применения комплекса маркетинговых коммуникаций в неформальном образовании в Латвии. Для этого: - а). представим определение неформальному образованию; - б). определим объекты исследования неформального образования в Латвии и охарактеризуем их; - в). представим результаты исследования применения маркетинговых коммуникаций в объектах исследования, - представим оценку применения маркетинговых коммуникаций объектами исследования и - г). наметим предложения по использованию комплекса маркетинговых коммуникаций для эффективной деятельности предприятий а рынке неформального образования.

Неформальное образование в Латвии, на ряду с формальным, регулируется Законом об образовании. Формальное образование – это система, которая включает в себя уровни основного образования, среднего и высшего, освоение программы которых утверждает и признает государство или документ о профессиональной квалификации. Термин - неформальное образование – это организованное вне формального образования, по интересам и запросам соответствующей образовательной деятельности [1]. Другими словами, неформальное образование это последующее образование, которое следует в первую очередь за основным. Выбор направления неформального образования зависит от потребности, запроса, приоритета и желания каждого индивидуума[3].

Анализ неформального образования в Латвии, позволил разделить предприятия работающие в этой сфере, на коммерческие и некоммерческие. На ряду с различными предлагаемыми курсами, особенно популярными и пользующимися спросом у латвийского потребителя, являются предприятия предлагающие обучение вождения автомобилем. Данное обстоятельство позволило выделить отраслевое направление исследования и коммерческие предприятия, в качестве которых выступают автошколы.

По статистическим данным, в Латвии насчитывается 309 предприятий - автошкол и курсов вождения [4], т.е. 309 коммерческих организаций неформального образования предоставляющих латвийскому потребителю услугу - обучение вождения автомобилем. Из общего числа предприятий, для исследования были выбраны три коммерческих предприятия, это автошколы в Риге: CREDO/AUTOPRIEKŠ, Real Proff, Fortūna.

Autopriekš/Credo. Для того, чтобы предоставить лучшее обучение, две крупнейшие автошколы Латвии, CREDO и AUTOPRIEKŠ объединились и с 11.01.2015. работают в новом офисе. За 14 лет работы автошколы, обучение прошли более 25 000 курсантов. В коллективе **автошколы** работает более 100 сотрудников. Филиалы автошколы находятся не только в Риге, но и в Баложи, Юрмале, Лиепае, Елгаве, Вентспилсе и Даугавпилсе. Средний

процент сдачи государственного экзамена у курсантов - 88%. Автошкола несет социальную ответственность и принимает участие во всевозможных мероприятиях, поддерживая хорошие инициативы [5].

С автошколой «Credo» сотрудничают: Государственное Агентство Занятости, аэропорт „Rīga”, Полицейский колледж, Национальные вооруженные силы, Рижское общество Самаритян и другие государственные и коммерческие организации, которые доверяют профессионализму автошколы.

RealProff SIA «RealProff» создано в 2010 году на базе профессионального учебного центра г. Рига. Традиции, заложенные в данном учебном заведении, тесно переплелись с современными инновациями, воплотившись в качественное и доступное обучение. Автошкола активно использует скидки для студентов [6].

Fortūna. Автошкола «Фортуна» основана в 1994 году и является одной из ведущих автошкол Латвии. В автошколе работают опытные преподаватели, инструкторы и команда заведующих учебных курсов. В Риге и Латвии 12 филиалов, в том числе в Лиепае, Даугавпилсе, Юрмале, Бауске и Валке [6]. Инструкторы «Фортуны» - мастера своей профессии. «Фортуна» предлагает: категории A1, A, B, C1, D1, C1E, C, D, CE, DE, профессиональную категорию, подготовка водителей водного, тракторного транспорта, авто и электрокара. Курсы экстремального вождения. Многие водители пришли учиться, чтобы получить более высокую квалификацию и дополнить забытые знания.

Таким образом, среди коммерческих предприятий неформального образования, на рынке предложений услуги по овладению навыков вождения автомобилем и других транспортных средств, наметились три основных конкурента. Тем не менее, из выше представленных характеристик, т.е. разнообразия и привлекательности предоставляемых услуг перечисленными предприятиями, можно предположить, что для потребителя, выбор объекта для удовлетворения своих потребностей, является достаточно сложным процессом. В таких условиях, именно маркетинговые коммуникации и его комплекс, используемые предприятиями, помогают потребителю в выборе будущего потребления услуги.

Результаты проведенного исследования применения маркетинговых коммуникаций, показали, что только CREDO/AUTOPRIEKŠ, применяет четыре основных инструмента комплекса маркетинговых коммуникаций, а именно: рекламу, прямые продажи, стимулирование сбыта и ПР [2.106]. Что позволяет сказать, что это предприятие использует традиционный комплекс маркетинговых коммуникаций. Итоговые результаты применения основного инструментария маркетинговых коммуникаций, представлено в таблице 1.1.

Использование маркетинговых коммуникаций

	Autoprieks/ Credo	Real Proff	Fortūna
Реклама	X	-	-
Прямые продажи	X	-	-
Стимулирование сбыта	X	X	X
Пиар	X	X	X

Для определения эффективности применения инструментов маркетинговых коммуникаций, был проведен опрос потребителей, который показал ожидаемые результаты. Наибольшей узнаваемостью среди респондентов пользуется автошкола Autoprieks/Credo, за нее проголосовало почти 94% всех опрошенных. На втором месте по узнаваемости – автошкола Fortūna с 58% голосов. Наименее узнаваемой автошколой среди трех предложенных вариантов, респондентам показалась автошкола – Real Proff, за нее проголосовало только 15% респондентов.

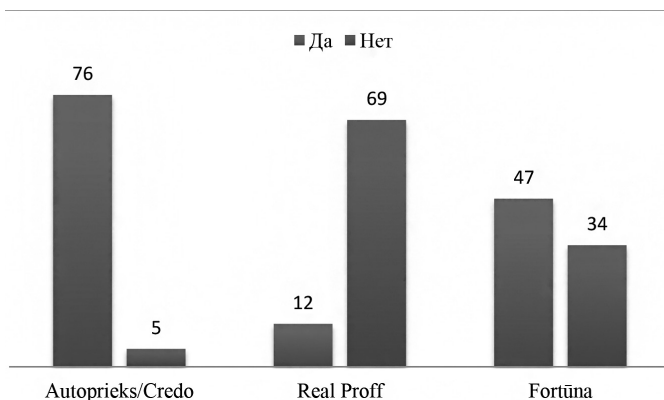

Рис. 1. Узнаваемость автошкол среди респондентов

Подавляющее большинство респондентов указали на то, что узнали об автошколе Autoprieks/Credo из интернета (44%), а также от своих друзей и знакомых (30%). Аналогичная ситуация прослеживается и в случае с автошколой Fortūna – в интернете о ней узнали 26% респондентов, а от друзей, немногим менее – 18%.

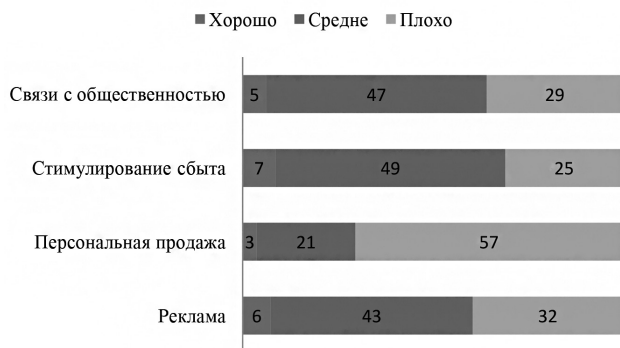
Автошкола Real Proff подавляющему большинству респондентов (85%) – совершенно не знакома. Тем не менее, респонденты о ней также узнали в основном из интернета (6%) и от знакомых (8%).

Оценивая использование инструментов маркетинговых коммуникаций для продвижения услуги автошколы Autoprieks/Credo в Латвии, респондентами наиболее высокие оценки были присвоены эффективности мероприятий по стимулированию сбыта (78%) и рекламы (86%). Высокую оценку мероприятиям по связям с общественностью присвоило только 26% респондентов, а наименьшую оценку получила результативность персональных продаж (8%).

Рис. 2. Оценка эффективности использования инструментов маркетинговых коммуникаций для продвижения услуг **Autoprieks/Credo**

Все без исключения инструменты комплекса маркетинговых коммуникаций автошколой Real Proff, респонденты оценили либо посредственно, либо плохо. Наибольшее внимание руководству автошколы, по мнению респондентов, следует уделить вопросам результативных продаж.

3. Оценка эффективности использования инструментов маркетинговых коммуникаций для продвижения услуг **Real Proff**

В случае автошколы Fortūna ситуация выглядит более оптимистично, нежели в случае Real Proff. Так, например, эффективность работы связи с общественностью оценили примерно 30% всех опрошенных. В случае мероприятий по стимулированию сбыта, этот показатель был более высоким – 32%. Эффективность рекламы признали еще 30% опрошенных. Тем не менее, как и в случае ранее рассмотренных автошкол, Fortūna по мнению респондентов обладает низкой эффективностью результативных продаж.

Рис. 4. Оценка эффективности использования инструментов маркетинговых коммуникаций для продвижения услуг **Fortūna**

Проведенный анализ показал эффективность использования инструментов комплекса маркетинговых коммуникаций, позволяющих продвинуть свою услугу на рынок. В результате, проведенный опрос выявил лидера по узнаваемости у потребителя, среди коммерческих предприятий – автошкола, на рынке неформального образования, это Autoprieks/Credo.

Заключение

Проведенное исследование показало, что неформальное образование определяется как образовательная деятельность вне формального образования и организованная в соответствии интересам и спросам. Наиболее интересным и пользующимся спросом у потребителей в Латвии, является предложение по обучению вождению автомобилями и другими транспортными средствами. Предлагающих подобную услугу Латвии, более 309 предприятий, что является впечатляющей цифрой для страны. Для оценки наличия и использования маркетинговых коммуникаций, были выбраны три объекта исследования: Анализ применения маркетинговых коммуникаций, показал что только Autoprieks/Credo из трех объектов, использует весь комплекс наиболее популярных инструментов маркетинговых коммуникаций (реклама прямые продажи, стимулирование сбыта, ПР). Применение так называемого, традиционного комплекса маркетинговых коммуникаций, как показали результаты проведенного опроса, положительно влияет на узнаваемость бренда Autoprieks/Credo. А это, в свою очередь доказывает, что применение комплекса маркетинговых коммуникаций для предприятия на рынке неформального образования играет значительную роль и значение на привлечение значительного числа потребителей.

Список литературы

1. Izglītības likums (pieņemts 29.10.1998., stājies spēkā 01.06.1999.) // Latvijas Vēstnesis Nr. 343/344 (1404/1405) 17.11.1998., argrojumiem līdz 16.07.2015. // Latvijas Vēstnesis Nr. 127 (5445), 02.07.2015.

2. Романов А.А., Панько А.В. Маркетинговые коммуникации / А.А. Романов, А.В. Панько. — М.: Эксмо, 2006. — С.432.
3. «Неформальное образование» в рамках 55-ой недели (25/09-01/10/06) 60-летия ЮНЕСКО www.unesco.org/bpi/pdf/memobpi55_NFE_ru.pdf дата просмотра 16.11.2015
4. Информационный портал 1188. *Автошколы и курсы вождения* Доступно: <http://www.1188.lv/%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B0%BB%D0%BE%D0%B3/%D0%90%D0%B2%D1%82%D0%BE%D0%88%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D1%8B%20%D0%B8%20%D0%BA%D1%83%D1%80%D1%81%D1%8B%20%D0%B2%D0%BE%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F>
5. Домашняя страница Autoprieks/Credo. Доступно: http://www.credo.lv/ru/?gclid=CMT567nMtcoCFWXecgod_0wGWQ
6. Домашняя страница автошколы Real Proff. Доступно: <http://www.realproff.lv/>

The Innovation: the Key to Change the Employment Structure

Artur Ivlevs

zeb consulting company in Germany, Munster
PhD Student on Baltic International Academy Riga, Latvia
ivlevs@web.de

Abstract

During the research of the problem “what is optimal investment level in an innovation sector” we was confronted with a fact that there is no term for the description of direct interrelation of investments in the innovation sector and their influence on the structural employment changes in the state. There are two theories: the sector theory and innovation theory. The challenge is to bring together sector and structural theories. The goal of this paper is to close this gap in the theory.

Keywords. employment structure, innovative mirror, innovative pressure, post-industrial society, the structural change, the three - pie theory, the impact of changes, a cascade of changes

Аннотация

В ходе исследования проблемы того, что является оптимальным уровнем вложения в инновационный сектор, столкнулся с тем фактом, что нет термина для описания прямой взаимосвязи инвестиций в инновационный сектор и их влияния на изменения структурной занятости в государстве. Существует две теории: сектор теории и инновационной теории. Проблема состоит в том, чтобы объединить сектор и структурные теории.

Ключевые слова: структура занятости, инновационное зеркало, инновационное давление, постиндустриальное общество, структурное изменение, трех - секторная теория, последствия изменений, каскад изменений

Introduction

On the base of analytical analyses we have created a model that allows to describe the tradeoff between an investment in the National Innovation System and long term changes on the employment market. The derivation of this research is the theoretical nucleus of the paper.

The gained knowledge is immediately applicable and can be used as base for new researches or for political adjustment on the level of innovation investment and desired employment structure. The understanding of this logical chain is the key for the getting the goals. The results can be used for further deeply research and understanding of modern employment structure changes under the framework of new economy.

Although the foundation for scientific and theoretical concept of postindustrial society laid the American scientists, the European economists and philo-

sophers also made their contribution. In 1776 Adam Smith mentioned in his work “The research of nature and reasons of the wealth of nations”, service industry and the army, church, state, theater is unproductive business. Karl Marx also underestimates the service industry. However, over the last 250 years the picture has changed radically and service industry makes the most part of GDP of developed countries. In this chapter we consider the theoretical basis of structural change of the state and society.

Basic theoretical and practical provisions.

Thorstein Bunde Veblen undertook a successful attempt systematically to research the American society. Veblen is considered by right the founder of institutional economics. In the 40s of the XX century Colin Clark and Jean Fourastié formulated the main principles of postindustrial society: division into primary (agriculture), secondary (industry) and tertiary (service industry) sectors. The authors noted the growth of tertiary sector and its value in comparison with the primary and secondary sectors and its value in GDP (Fourastié, 1949).

Simultaneously was introduced a new term of “postindustrial” society. For the first time this term was used in the early XX century by anarchists, who believed that the future society of industrial form of the economy will destroy. In this context, it is possible particularly note the works of the English socialist Arthur Penty. Daniel Bell (1973) published in his work “The coming postindustrial society” in 1973, the dominance of the tertiary sector in the USA. His hypothesis he confirmed by the multiple statistical researches. Bell relies on the work of Colin Clark “Conditions of Economic Progress”. However, in the literature of continental Europe more often you can read that the primary, secondary and tertiary sectors and all the “hypothesis of three sectors” most often associated with the name Jean Fourastié. Unfortunately, it is not consistent with the reality, i.e., the concept as indicated by the Fourastié himself, was determined by Allan Fisher (Fourastié, 1952). In the English – speaking countries “the hypothesis of three sectors” is often called “Fischer-Clark model (Hohls, Schröder, & Siegrist 2005).

This theory was put forward in the course of still unprecedented structural “coup” in the industrial and developed European states over the past 20 years. Already in 1912, Schumpeter in his work “The Theory of Economic Development” noted the special role of technical innovations that accelerate the development of the economy (Pierenkemper, 2007). The basic concept of sectorial theory lies in the fact that all goods (tangible and intangible), produced by the economy can be attributed to one of the sectors: primary sector (mining, fisheries, forestry and agriculture), secondary (industry and production of goods) or tertiary sector (services, intangible goods) (Pierenkemper, 2007).

The division of goods into sectors according to the origin is not such a trivial task. Colin Clark comes from the conditions of production in division: in agricul-

ture, in the primary sector are used the natural resources and sector is determined by the negative diseconomies of scale – on performance for this sector is established the natural frameworks, the possibilities of innovations in this sector are sufficiently restricted; in the industrial sector or in the secondary sector, there is a possibility of innovations, industrial growth is determined by the positive effect of scale; in the tertiary sector are produced services that can be used at once for the production of goods in the other sectors (for example, logistics, consultations). The theory is based on observations of the authors. In the course of structural changes occurred the shift of employment from the primary to the secondary sector and then to the tertiary sector. However, there are the disagreements, concerning the explanatory approaches, regarding the change and classification of groups of employees according to the corresponding sectors. All three founders of the theory (Allan Fisher, Colin Clark and Jean Fourastié) describe the causes of structural changes, as well as the concepts for the classification of individuals of certain professions in the relevant sectors.

Methodology

The theory is based on the observations of the authors. In the course of structural changes occurred the shift of employment from the primary sector to the secondary and then to the tertiary sector. However, there are the disagreements, concerning the explanatory approaches, regarding the change and classification of groups of employees according to the corresponding sectors. All three founders of the theory (Allan Fisher, Colin Clark and Jean Fourastié) describe the causes of structural changes, as well as the concepts for the classification of individuals of certain professions in the relevant sectors. The picture of employment of population in the industrial countries in the comparison with 1930, when the concept was developed, changed radically.

It should be noted that within the frameworks of this research is illogical come from the existence of three sectors, although the tertiary sector undoubtedly implies “the sector of knowledge” which is necessary to allocated. Therefore, in this research will be considered: primary, secondary, tertiary and quaternary sectors. Having divided the tertiary sector, subtracting from it innovation – quaternary sector, we will be able judiciously to carry the required comparative analysis.

Unambiguous answer to the question, concerning the reason of structural changes is almost impossible to find. Fischer believed that a special role in the process of changing of employment structure plays an increase of income of population. Food consumption is relatively decreases with the increase of income. Along with this is growing the product demand of the secondary sector that in its turn leads to the increase in demand for products of the tertiary sector. Thus, we can say that the product demand of the primary sector shows the least income elasticity, while the demand for goods of the secondary sector is more flexible.

But the demand elasticity for goods of the tertiary sector is the highest indicator in comparison with the demand for goods of the other two sectors. The concept of Fisher, thus, is based on the development of incomes of individuals. Starting with a certain level of income, are consumed more and more products of the tertiary sector.

Another component of the theory of sectorial development it is an assumption of Fischer that consumers quite quickly reach the saturation limit of products of primary sectors, a little later of secondary sector, but the saturation limit of products of tertiary sector can't be achieved by the consumers is impossible (Pohl, 1970).

Clark explains the sectorial changes by the specific production factors for each sector and their changes. Namely, in the course of increase of productivity in the primary sector is become available the additional factor – labor, i.e., a number of employees are not used any more, for example, in agriculture. A part of these employees can move into the secondary sector. However, demand for goods of the secondary sector is not unlimited. Only the tertiary sector, according to the opinion of Clark can employ a large number of employees.

The increase of productivity in this sector is only partly possible; therefore, this sector can employ the “rest” of employees.

On condition of certain level of income of population (Engelen-Kefer 1976). A special role in the explanation of sectorial changes Fourastié assigns to the technical progress and increase of productivity. Due to the technological progress is possible, according to the opinion of Fourastié to achieve the higher indicators of production. The possibilities of introduction of innovations in the primary and secondary sectors, according to the opinion of authors are sufficiently restricted and in the tertiary sector they are relatively high (Fourastié, 1949).

All these three approaches are sufficiently plastically explain the causes of structural changes. However, we would like to combine all attempts to explain this phenomenon by institutional way.

Modern innovation economy

Considering the reason through the institutional prism, it may be noted that there are three main explanations of structural changes.

Demand as the reason of structural changes. The foundation of this concept makes “Engel’s law”, according to which the behavior of consumers is related to the level of income, growth of incomes of consumption of population of food increases disproportionately. Food costs are increased in a less degree than the costs for durable goods or services. Consequently, with the increase of incomes, increases the demand for un-vitally important goods. Thus, the production is adjusted to the demand. Thus, is growing the demand for goods of the secondary and tertiary sector that subsequently leads to the increase of number of employed

individuals in the tertiary sector. On the basis of these theses, it should be noted that the structural changes are possible only in growing real income of population (Hohls, Schröder, & Siegrist 2005).

The supply as a cause of structural changes. In this concept the leading role plays the price of the offered goods. The achievement of low or reducing prices can be achieved by the technological progress. However, the scale technological progress is impossible in all industries in equal volume. Therefore, the development of incomes of employed in one or another sector is different. The high income and increase of productivity have made the structural changes possible (Hohls, Schröder, & Siegrist 2005).

It should be distinguished three phases of changes (Albach, 1989):

1) Starting phase is characterized by the quantitative shifting of manpower from the primary to the secondary sector.

2) The secondary phase is determined by the fact that the number of employed people in the secondary sector reaches the maximum level and simultaneously because of the technological progress is achieved an increase in productivity.

3) In the final stage of development, according to the Fourastié, the tertiary sector takes over the surplus labor force, thus, moving into the services sector.

However, taking into the consideration the objectives of the research, namely, the analysis of influence of innovation sector on the structural changes, it is necessary to divide the tertiary sector into the sector of classic services (hairdresser, lawyer, doctor and etc.) which in the past 20 years is almost not growing and to which in our understanding are also relate relatively new professions (IT professions), determining in the past 20 years a large increase of labor force, as well as the central object of the research within the frameworks of the thesis – scientific or innovation sector.

The modern authors A. G. Granberg (2007) and S. Botot & D. Satinsky (2011) insufficient attention is paid to the influence of investments on the structural changes. The structural changes are considered more as a fact and analyzed as some social phenomenon which is explained by the modification of conditions of labor, incomes, demand for certain professions or qualification, i.e., as a distinctive knowledge (Westkämper, 2013). In the scientific literature of Germany, it is possible to identify the following trends: on the one hand, it is a critical, according to the opinion of Lobby of agriculture, a decrease of people, employed in agriculture, on the other part; it is a great demand, according to the opinion of employment agencies for the professions of IT segment (AgenturfürArbeit Deutschland, 2014). Thus, under the pressure of lobbyists, representing the interests of employers were introduced the significant concessions in the legislation for the employment of citizens from outside the EU countries.

Nucleus of the modern employment change

The large gap in the theory of structural changes remains the cascade change, starting from the capital investments and ending with the final status of transformations. Next figure 1.3 reflects the “cascade” of changes that entails the capital investments in the innovation sector (Ivlevs, 2014).

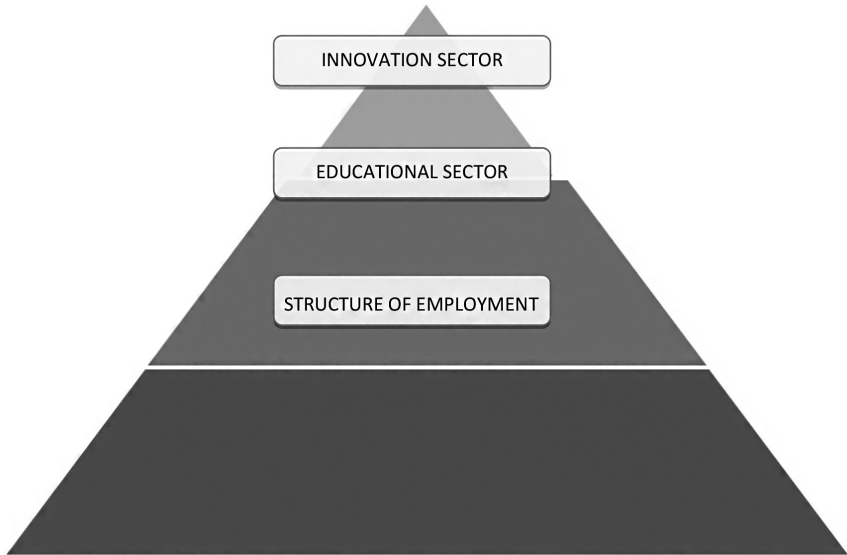

Figure 1. The sequence of changes in the structure of employment as a result of investments in the innovation sector.

On the basis of interrelation of industries, the capital investments in the innovation sector will entail the following changes in this sector:

- New innovations as a result of research activity;
- Increase of a number of employed people in this industry;
- Demand for human resources for this sector.

Excluding the effect of migration, state and commercial institutions, investing the capital in the innovation sector for the purpose of qualitative and quantitative increase of productivity, can't do without the improving of education field. An innovation sector will have the following influence on the education sector (if to exclude the effect of migration):

- Improvement of level of education is inevitable for the growth of innovation sector;
- The demand for professionals in the innovation sector will entail the in-

crease of salary. The result of this increase will be the increased interest on the part of leaners to the profession of researcher. Thus, will increase the skill level.

All these changes have a long-term direct or indirect influence on the structure of society:

- Under the influence of demand from the innovation sector occurs a shift of employment in the favor of science absorbing industry;
- The number of employed citizens in the field of education is changed;
The number of scientists is increased

All these changes correspond to the concept of Romer. However, Romer does not consider his model as a scheme of change of social structures.

In the literature there is no representation of the interrelation of investments in the innovation sector and their result – structural changes in society. The new term, suggested within the frameworks of this research – “innovative mirror” reflects the similar changes.

Innovative mirror are the changes in the structure of society as a result of capital investments in the innovation sector. In other words, an innovative mirror it is the reflection of the result of innovations.

In the process of development of invested investments in the innovation sector, from the point of view of the author of the thesis research, the interrelation of industries will contribute to the fact that capital investments in the innovation sector will lead to the emergence of new innovations as a result of implementation of research activity, to the increase of the number of employed in the research sector and consequently, to the growth of demand for professionals in this sector.

Conclusions

The development of innovation sector will have an influence on the development of education in the terms of improvement of the education level, the increase of salary of professionals of innovation sector due to the growth of demand for them, the increase of interest in the profession of researcher that will lead, in its turn, to the increase of level of qualification.

These changes will lead to transformational changes of the structure of society manifested in a shift of employment in the innovation sector, the field of educational and scientific activity.

According to our opinion, all methods mentioned within the frameworks of the research are designed for the comparison of “established” economic zones or regions with experience of many years of democratic find of solutions of set problems. Taking into the consideration the modern history of some modern states like Lithuania , it should be suggested its own empirical method of analysis of development of NIS, based on the following points:

- Brief geopolitical information and history of development of the modern state;

- Political and economic conditions of development of NIS;
- The structure of scientific and research system;
- The analysis of scientific and research system.

The carrying out the comparative analysis should be based on a comparison of relative values which according to our opinion, first of all, are: human resources, financing, return of the innovation sector.

The vector of the modern development is clear: the administration try to find the way to maximize the society welfare. Under modern reality this can't be reached if the people are working in agriculture sector. This research can't solve all challenges of modern employment structure changes but it deliver the completely theory and give an instruments or the key how employment structures can be changed.

References

1. Agentur für Arbeit, Deutschland.(2014). Statistik. Data from: <http://statistik.arbeitsagentur.de/Statischer->
2. Content/Arbeitsmarktberichte/Arbeitsmarkt-Allgemein/generische-Publikationen/Kurzinfo-Frauen-MINT-2013.pdf [Electronic resource] access date: 20.07.2014.
3. Albach, H. (1989). Dienstleistungen in der modernenIndustriegesellschaft, München.
4. Botot S., Satinsky. D. (2011). The model of the triple helix in the regional development of the Great Britain, USA and Russia // Innovations, № 4 (150).
5. Fourastié, J. (1949). Le grand espoir du XXème siècle, Paris.
6. Fourastié, J. (1952). Die großeHoffnung des zwanzigstenJahrhunderts, 3. Aufl., Paris.
7. Granberg A.G. (2007). The modeling of the space development of the national and world economy: the evolution of approaches // Region: economics and sociology. № 1, 87–107.
8. Hohls, R.; Schröder, I.; Siegrist, H. (2005). Europa und die Europäer. Quellen und Essays zur
9. Modernen europäischen Geschichte, Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
10. Ivlevs, A. (2014). Economic Annals – XXI ISSN 1728-6220.Структурные изменения в
11. государстве как результат инвестирования в инновационный сектор.
12. Bell, D. (1973). The Coming of Post-Industrial Society. New York: Basic Books.
13. Pierenkemper, T. (1994).Gewerbe und Industrieim 19.und 20. Jahrhundert.Oldenbourg, München.
14. Pohl, H. J. (1970) Kritik der Drei-Sektoren-Theorie, in: Mitteilungenaus der Arbeitsmarkt- und
15. Berufsforschung. Heft 4. Nürnberg, 314-321.
16. Westkämper E. (2013). StrukturellerWandeldurch Megatrends, München.

Теоретические основы формирования косвенной финансовой политики

mg.oec. **Андрей Сурмач**

SIA Latvian Development Holding

Балтийская международная академия, Рига, Латвия

Аннотация

Цель представленной статьи показать роль и влияние косвенной финансовой политики на развитие региональной финансовой политики. Автор, используя метод системного анализа, формирует понятие косвенной финансовой политики, определяет ее цель, задачи, элементы и субъекты.

Ключевые слова: косвенная финансовая политика, регион, Рига и Рижский регион

Abstract

The goal of the represented article to show the role and influence of the in direct financial policy on the development of the regional, financial policy. In the article the author, using the method of system analysis forms the concept of indirect financial policy, determines its goal, objectives, elements and subjects.

Keywords: indirect financial policy, region, Riga and Riga region

Введение.

Многие отечественные и зарубежные авторы занимались исследованием вопросов, связанных с реализацией финансовой политики. Как известно, финансовая политика является комплексным видом политики, объединяющим в себе несколько блоков. Для определения этих блоков необходимо сформулировать определение термина «региональные финансы».

Основные теоретические и практические положения

Автор Н.Н. Михеева [4] определяет региональные финансы как «систему экономических отношений, посредством которой национальный доход распределяется и перераспределяется на цели социально-экономического развития территории».

Э.Л. Пашнанов в монографии [5] трактует региональные финансы в узком и широком смысле. В узком смысле региональные финансы – это совокупность денежных средств, используемых на экономическое и социальное развитие территории. В широком смысле региональные финансы – это система экономических отношений, посредством которой национальный доход распределяется и перераспределяется на цели социально-экономического развития территории. Однако никто из перечисленных авторов не рассматри-

вает (или не определяет) финансовую политику как косвенную.

Изучив, теоретический материал автор предлагает, в состав региональной

финансовой политики можно включить налоговую, бюджетную, долговую, инвестиционную, ценовую политики. Применяя более широкую трактовку термина региональные финансы, составные части региональной финансовой политики можно определить следующим образом: налоговая, бюджетная, долговая, инвестиционная, ценовая политики, политика управления собственностью.

Анализ определений термина «финансовая политика», данный экономистами, позволяет сделать вывод о том, что в предлагаемых определениях термина

«финансовая политика» авторы расходятся во мнениях по поводу сущности, цели и объекта финансовой политики. Помимо этого, ни в одном определении не выделены цели финансовой политики. Однако, несмотря на разницу в трактовках термина «финансовая политика» можно выделить общие черты, отмеченные экономистами. Так, Л.А. Дробозина [1], А.Г. Грязнова [2], В.К. Сенчагов и А.И. Архипов [7] видят сущность финансовой политики в финансовом обеспечении выполнения государством своих функций, в первую очередь - реализации экономической политики. В.В. Ковалев [3] за основу берет рост финансовых ресурсов, остальные авторы называют целью использование финансовых ресурсов без указания точных целей такого использования. Таким образом, автор промоциональной работы приходит к выводу, что трактовки данного термина экономистами не точны.

Итак, в соответствии с проведенным выше анализом сущности финансовой политики, автор предлагает дать следующее определение региональной финансовой политики. Региональная финансовая политика – это совокупность целенаправленных мер региональных органов власти в области управления финансами с целью создания финансовой основы реализации социально - экономической политики региона.

Важным на наш взгляд является рассмотрение методов реализации финансовой политики, так Кэмпбелл Р. Макконнелл, Стэнли Л. Брю [6], А.Г. Грязнова, Е.В. Маркина, М.Л. Седова [2] различают прямые и косвенные методы проведения региональной политики.

При прямых (административных) методах проведения региональной политики государство активно участвует в капиталовложениях, направленных на совершенствование территориальной структуры хозяйства (создание центров роста, промышленных парков, инфраструктуры в районах предпочтения и пр.). Методы прямого воздействия предполагают такое регулирование со стороны государства, при котором поведение субъектов экономики основано не столько на самостоятельном экономическом выборе,

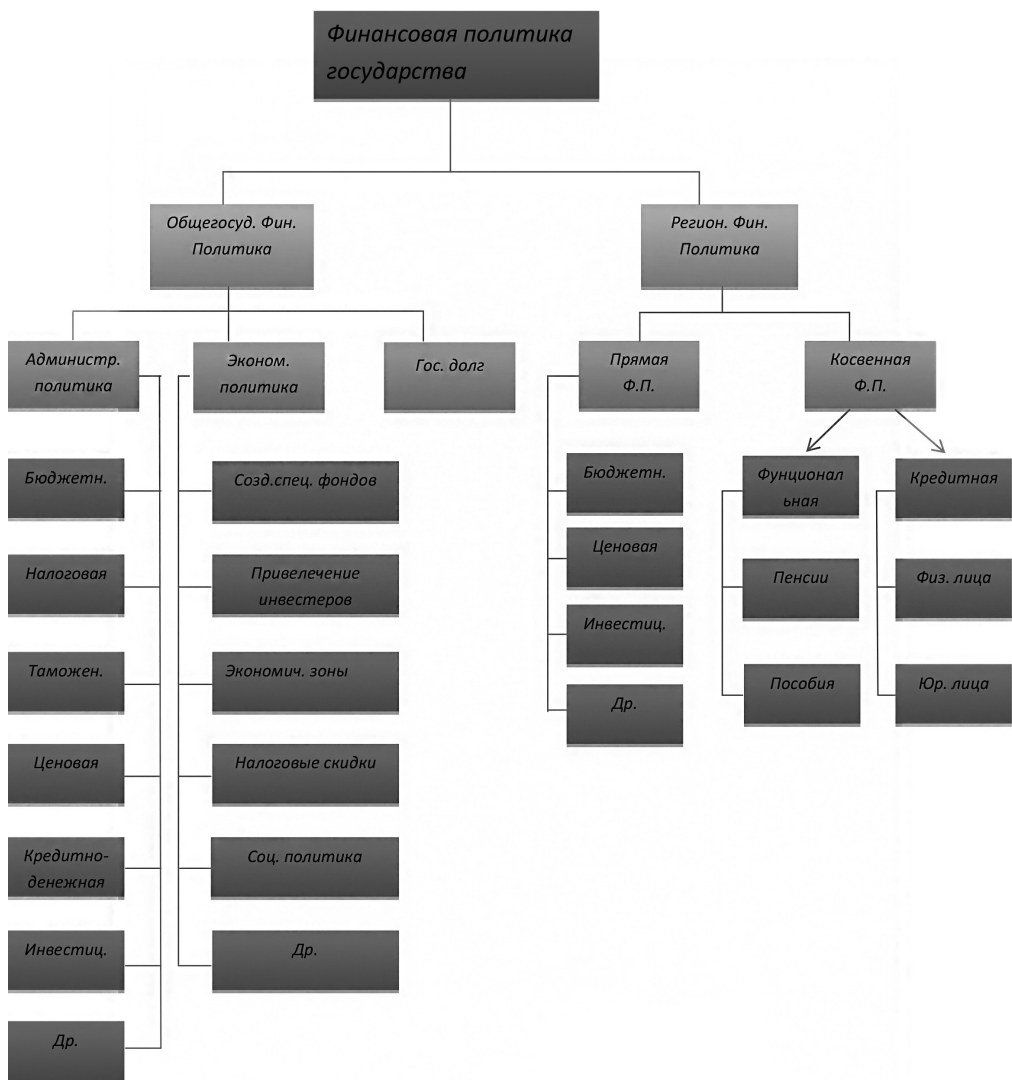

Рис1. Модель формирования косвенной региональной финансовой политики (рис. Автора)

сколько - на предписаниях государства. Прямой метод воздействия оказывают и таможенные процедуры правительства.

При косвенных (экономических) методах проведения региональной политики государство через финансовую (налоговую, таможенную) систему

стремится создать соответствующий экономический «климат» в тех или иных районах для стимулирования их ускоренного развития и управления миграционными потоками.

Следует отметить, что методы косвенного воздействия проявляются в том, что государство не влияет прямо на принимаемые субъектами решения. Оно создает лишь предпосылки к тому, чтобы при самостоятельном выборе экономических решений субъекты тяготели к тем вариантам, которые соответствуют целям экономической политики. Примерами данных действий можно назвать регулирование центральным банком величины учетной ставки, а также - модуляцию налоговых ставок.

Оба метода воздействия на экономику не разделены, безусловно, жесткой линией. В каждом из используемых инструментов имеются элементы обоих методов, однако во многом дело зависит от их соотношения. Например, в рамках проведения финансовой политики в большем объеме наблюдается проявление прямых методов регулирования, в то время как при использовании денежно-кредитной политики на первый план выходят косвенные элементы.

По мнению автора методы косвенного регулирования регионального развития должны включать:

- создание специальных фондов регионального развития (федеральных, областных и др.), которые должны аккумулировать финансовые ресурсы для решения различных региональных проблем: проведения политики субвенции для предприятий, находящихся в сложных социально-экономических и экологических условиях (в Латвии примером такого предприятия может быть Лиепайский Металлург);

- привлечения частных инвесторов для решения задач региональной политики (в Латвии таким примером может быть привлечение частного инвестора для Air Baltic, а также создание свободных экономических зон таких как Резекне);

- компенсации дополнительных затрат, которые несут хозяйствующие субъекты при размещении своих предприятий в районах со сложными условиями (в Латвии таких районов нет);

- установления льготных ставок арендной платы при изъятии площадей под строительство предприятий, имеющих важное значение для совершенствования отраслевой и территориальной структуры экономики; введения регионально-дифференцированной амортизации, позволяющей предприятиям, расположенным в районах со сложными условиями, финансировать ускоренную амортизацию собственного производства (пока данных примеров Латвии не было);

- применения повышенных цен на экологически чистую продукцию; введения санкций для предприятий, загрязняющих окружающую среду, особенно в наиболее неблагополучных регионах (Латвия, является членом ЕС, и обязана соблюдать все требования и нормативные акты по защите окружающей среды) .

Таким образом, автор приходит к выводу, что финансовой политикой можно называть мероприятия государства по мобилизации финансовых ресурсов, их распределению и использованию на основе финансового законодательства страны. Финансовая политика складывается из двух взаимосвязанных направлений деятельности государства: бюджетной политики (бюджетное регулирование) и фискальной политики (в области налогов и государственных расходов).

Однако, не все задачи региональной финансовой политики регион в состоянии решить прямыми методами. Из-за прогнозируемых или возникших ограничений государство и регион, не способно реализовать запланированную региональную политику.

Следует отметить, что проведенный анализ теоретических вопросов, связанный с реализацией региональной экономической политики показал, что западные, восточные и латвийские ученые в своих научных исследованиях ранее не уделяли внимания ситуации когда, в результате внешних международных заимствований, страна получатель международного кредита, в результате наложенных ограничений не способна реализовывать запланированную региональную финансовую политику.

Проведенное исследование позволило автору работы ввести два новых определения:

Прямая региональная финансовая политика- составная часть финансовой политики государства и/или региона, которую государство и\ или регион осуществляет в регионе прямыми методами.

Косвенная финансовая политика(КФП) - составная часть финансовой политики государства и/или региона, которую государство и/или регион не могут осуществлять в регионе прямыми методами, в силу нормативных, регламентирующих или других ограничений.

Используя системный анализ, проведем исследование косвенной финансовой политики и определим ее цели, задачи, элементы и инструменты реализации.

Поскольку применение косвенной региональной финансовой политики вытекает из-за отсутствия возможности применения в регионе прямой региональной финансовой политики, то автор делает вывод, что цели косвенной региональной финансовой политики (КРФП) совпадают с целями прямой региональной финансовой политики конкретного региона.

В свою очередь, косвенная региональная финансовая политика имеет

меньшее количество поставленных перед ней задач и целей. Это связано с тем, что КРФП не занимается такими направлениями региональной финансовой политики как привлечение инвестиций в регион, межбюджетными отношениями, социальной защищенностью региона и другими.

Однако основной перечень целей и задач КРФП совпадает с перечнем целей и задач прямой региональной финансовой политики.

Итак, определим цели **КРФП**.

- экономические цели, то есть достижение целей в области экономики на различном уровне. К ним можно отнести рост ВВП в регионе, снижение безработицы, рост средней заработной платы и т.д.
- социальные цели, то есть достижения целей в сфере общественных отношений (общественные классы и слои населения, социальные блага, распределение социальных благ). К ним можно отнести рост пенсий, пособий, дотаций в регионе. Поддержка малообеспеченных жителей региона, осуществление таких программ как бесплатное питание в школах и др..
- политические цели, т.е достижение целей в области внешней и внутренней политики. К ним можно отнести развитие гражданской и военной инфраструктуры в стране и т.п.

Для реализации цели необходимо сформулировать задачи КРФП:

- финансовое обеспечение выполнения текущих муниципальных обязательств и задач региона в сочетании с финансовым обеспечением запланированных программ развития региона; стабилизация производства и обеспечение экономического роста региона является не менее важной задачей КРФП; рост валового регионального продукта на душу населения важен для любого региона любой страны; рост уровня и качества жизни населения региона; экономическая эффективность производств региона; низкая инфляция и стабильные цены; финансовая устойчивость региона; бюджетная обеспеченность региона; снижение безработицы в регионе; рост доходов населения региона; обеспечение условий для формирования максимально возможных финансовых ресурсов в регионе; установление рационального с точки зрения самоуправления распределения и использования финансовых ресурсов региона; организация регулирования и стимулирования экономических и социальных процессов в регионе финансовыми методами. Выработка финансового механизма и его развитие в соответствии с изменяющимися целями и задачами стратегии региона; создание эффективной и максимально деловой системы управления финансами региона.

Заключение

Итак, представленный теоретический анализ понятия финансовой политики, показал, что в региональной экономике следует выделять косвенную региональную финансовую политику, которая принята выполнять конкретные цели и задачи как показал проведенный автором анализ на примере коммерческих банков Риги и в Рижского региона.

Список литературы

1. Л. А. *Дробозина*. «Финансы». М.: ЮНИТИ, 2001.- 527 с.
2. А. Г. Грязнова , «Финансы». М.: Финансы и статистика, 2012,496с.
3. В. В. Ковалев, Финансы , М.: «Проспект», 2006г., 640 стр
4. Михеева Н.Н. Региональная экономика и управление, Хабаровск: Изд-во РИОТИП, 2000. - 400с.
5. Пашнанов Э.Л. Региональная экономика: история, проблемы перспективы. Волгоград, 2005. 276с
6. Кэмпбелл Р. Макконнелл, Стэнли Л. Брю, М.:Экономикс, 2011, 1040с.
7. «*Финансы*, денежное обращение и кредит. Учебник» *Сенчагов*, Архипов, «Проспект, ТК Велби», 2004 г.- 536с.

Связь культуры и экономики: культура повседневности

Ярослава Одоровская

Студентка магистратуры

«Управление и администрирование предпринимательской деятельности»

Балтийской Международной Академии,

Г. Рига, Латвия,

E-mail: Jaroslava.odorovska@gmail.com

Руководитель – Доц. Вероника Силиневич

Аннотация

Культура и экономика связаны неразрывно уже в силу того, что созидательная деятельность человека в значительной степени направляется экономическими мотивами, а даже если мотивы отдельных субъектов и не являются экономическими (связанными с получением выгоды), то их действия все равно, как правило, осуществляются во взаимодействии с субъектами, руководствующимися экономическими мотивами. В современном мире культура в значительной степени есть продукт экономической деятельности человека. Экономика влияет на культуру, как процесс влияет на результат. Так же можно утверждать и в обратную сторону. Ведь элементы культуры, будучи результатами человеческого труда, воплощенного в материальных и нематериальных ценностях, а также в виде накопленных знаний и навыков выступают в качестве факторов производства новых благ. Это относится в том числе и к таким специфичным для конкретной страны или региона элементам культуры, как моральные принципы, убеждения, предрассудки и т.п., т.е. к тому, что часто именуется «культурными особенностями». Именно в этих элементах культуры воплощаются ценностные установки принадлежащих к тому или иному сообществу людей, которыми они руководствуются в своей, в том числе экономической, деятельности. С этим согласны большинство экономистов и никому не придет в голову отрицать, что нацеленность на коммерческий успех, «предпринимательская жилка», сложившаяся деловая этика – это то, что во многом объясняет экономический успех или неуспех как индивидуумов, так и целых человеческих сообществ.

Ключевые слова: культура повседневности, экономика, человек, быт.

Abstract

The culture and economy are connected indissolubly due to the fact that creative activity of the person substantially goes by economic motives and even if motives of certain subjects aren't economic (connected with obtaining benefit), their actions are all the same, as a rule, carried out in interaction with the subjects which are guided by economic motives. In the modern world the culture substantially is a product of economic activity of the person. The economy influences culture as process influences result. It is also possible to claim (the fact of the influence) in the opposite direction - The culture influences economic as process influences result. Culture elements, being results of the human work embodied in material and non-material values and also in the form of the accumulated knowledge and

skills act as factors of production of the new benefits. It goes for such culture elements, that are specific to the concrete country or the region, as the moral principles, beliefs, prejudices, etc., i.e. to what often is called as “cultural features”. Valuable installations of the people belonging to this or that community by which they are guided in life activity, including economic, are embodied in these elements of culture. Most of economists agree with it and nobody will deny that aiming at commercial success, “an enterprise vein”, the developed business ethics is what in many aspects explains economic success or failure for individuals, and the whole human communities.

Keywords:Culture of everyday life,economy,human, way of life

Введение

Культура и экономика связаны неразрывно уже в силу того, что созидательная деятельность человека в значительной степени направляется экономическими мотивами, а даже если мотивы отдельных субъектов и не являются экономическими (связанными с получением выгоды), то их действия все равно, как правило, осуществляются во взаимодействии с субъектами, руководствующимися экономическими мотивами. В современном мире культура в значительной степени есть продукт экономической деятельности человека. Экономика влияет на культуру, как процесс влияет на результат. Так же можно утверждать и в обратную сторону.

Повседневная культура — это владение обычаями жизни социальной и национальной среды, в которой человек проживает. Процесс овладения повседневной культурой называется в науке общей социализацией и инкультурацией личности

Основные теоретические и практические положения

Цель исследования:на основе анализа источников определить роль, культуры в социально - экономическом развитие регионов.При написание статьи был использован следящий метод – анализ литературы, мониторинг интернет ресурсов. Термин «повседневность» в широкий научный оборот был введён Ф. Броделем. Нужно отметить, что Бродель сам признавал, что такое название «далеко не идеальное обозначение» сути повседневной истории, «принятое за неимением лучшего». А. Людтке, тем не менее считал, что оно оправдывает себя как «краткая и содержательная формулировка, полемически заострённая против той историографической традиции, которая исключала повседневность из своего видения». Спустя десятилетие после этой конференции М.М. Кром сделал заключение об отсутствии универсального и пригодного на все случаи жизни понятия «повседневность», в силу чего определил «повседневничество» истории как исследовательский инструмент. Со времен романтизма повседневность видится как «пошлость жизни», застой и повторение, лишённые поэтического

смысла. Так, согласно интерпретации немецкого социолога и философа Г. Зиммеля, повседневность противопоставляется приключению. Для которого характерно состояние наивысшего напряжения сил и особая острота философа Г. Зиммеля, повседневность противопоставляется приключению. Для которого характерно состояние наивысшего напряжения сил и особая острота переживаний. Развивая шпенглеровскую теорию противопоставления культуры, характеризуемой состоянием творчества, и цивилизации как периода творческой стагнации, немецкий философ и социальный теоретик Г. Маркузе рассматривал повседневность как характерное качество именно цивилизации. Напротив, у А. Лефевра повседневность выступает базисом творчества, «местом дел и трудов». Сходных взглядов придерживалась и А. Хеллер, для которой именно в повседневном происходит реализация естественных потребностей человека, приобретающих при этом культурно-знаковую форму. Немецкий философ Э. Гуссерль обозначал понятием «мир повседневности» (или «жизненный мир») некую феноменологическую реальность, то есть индивидуальный опыт субъекта.

В первые десятилетия XX века особенности экономических и социальных процессов, протекающих в индустриальных державах, определяли усиление противоречий в мировом развитии. С ростом концентрации производства и капитала в этих странах, переходом к крупномасштабному, конвейерному производству объем выпускаемой ими продукции стал систематически превышать платежеспособный спрос на нее. Отсюда углубление кризисов перепроизводства, обострение борьбы за контроль над рынками сбыта продукции, нарастание социальных противоречий. Хаотичные тенденции в развитии ведущих стран мира отчасти компенсировались возросшими возможностями государственного регулирования экономических и социальных отношений. Они использовались как для смягчения остроты внутренних противоречий, так и реализации политических и социальных проектов, милитаризации экономики. В то же время попытки создать механизмы мирного решения спорных вопросов на международной арене оказались безрезультатными. Человечеству пришлось пережить две мировые войны.

В это время и формируется понятие «культура» – чрезвычайно многозначно и используется в самых разнообразных смыслах и значениях. Так, стало нормой использование термина «культура» для обозначения таких феноменов, как искусство, мораль, традиции, воспитанность и образованность. Культура в собственном значении этого слова – это сфера творческой деятельности человека, направленной на изменение мира вокруг, а равно и себя в этом мире.

Культура и экономика связаны неразрывно уже в силу того, что созидательная деятельность человека в значительной степени направляется экономическими мотивами, а даже если мотивы отдельных субъектов и

не являются экономическими (связанными с получением выгоды), то их действия все равно, как правило, осуществляются во взаимодействии с субъектами, руководствующимися экономическими мотивами.

В современном мире культура в значительной степени есть продукт экономической деятельности человека. Экономика влияет на культуру, как процесс влияет на результат. Так же можно утверждать и в обратную сторону. Ведь элементы культуры, будучи результатами человеческого труда, воплощенного в материальных и нематериальных ценностях, а также в виде накопленных знаний и навыков выступают в качестве факторов производства новых благ. Это относится в том числе и к таким специфичным для конкретной страны или региона элементам культуры, как моральные принципы, убеждения, предрассудки и т.п., т.е. к тому, что часто именуется «культурными особенностями». Именно в этих элементах культуры воплощаются ценностные установки принадлежащих к тому или иному сообществу людей, которыми они руководствуются в своей, в том числе экономической, деятельности. Существует мнение, согласны большинство экономистов и никому не придёт в голову отрицать, что нацеленность на коммерческий успех, «предпринимательская жилка», сложившаяся деловая этика – это то, что во многом объясняет экономический успех или неуспех как индивидуумов, так и целых человеческих сообществ.

Регион как хозяйственная система представляет собой часть территории, на которой развивается система связей и зависимостей между предприятиями и организациями. Основным объектом хозяйственного регулирования в условиях перехода к рыночной экономике и многообразия форм собственности выступает область (край, республика, автономная область и т.д.).

Экономическое развитие — расширенное воспроизводство и постепенные качественные и структурные положительные изменения экономики, производительных сил, образования, науки, культуры, уровня и качества жизни населения, человеческого капитала. Экономическое развитие включает общественных отношений, поэтому протекает различно в конкретных исторически сложившихся условиях технологических укладов экономики и распределения материальных благ. Это процесс улучшения качества всех человеческих жизней и возможностей повышения уровня жизни, самоуважения и свободы

Хочу напомнить, что культура и экономика тесно связана между друг другом, основная причина является созидательная деятельность человека в значительной степени направленная на экономические мотивы – таким образом мы можем говорить о понятие повседневной культуры

Термин «повседневность» в широкий научный оборот был введён Ф. Броделем. Нужно отметить, что Бродель сам признавал, что такое название «далеко не идеальное обозначение» сути повседневной истории,

«принятое за неимением лучшего». А. Людтке, тем не менее считал, что оно оправдывает себя как «краткая и содержательная формулировка, полемически заостренная против той историографической традиции, которая исключала повседневность из своего видения».[*,34-45с.] Конечно, в целом для исследований различных аспектов истории повседневности характерны терминологическая эклектика и методологический плюрализм.

Существенный разброс в трактовке понятия «повседневность» отразила прошедшая в 1994 г. в Петербурге международная конференция по истории советской повседневности. Спустя десятилетие после этой конференции М.М. Кром сделал заключение об отсутствии универсального и пригодного на все случаи жизни понятия «повседневность», в силу чего определил «оповседневнивание» истории как исследовательский инструмент.[**, 11-25с.]

Действительно, категория «повседневность» в качестве общего понятия для различных форм общности и взаимодействия довольно аморфна. Со времен романтизма повседневность видится как «пошлость жизни», застой и повторение, лишённые поэтического смысла.[***, 67с.] Так, согласно интерпретации немецкого социолога и философа Г. Зиммеля, повседневность противопоставляется приключению. для которого характерно состояние наивысшего напряжения сил и особая острота переживаний.[****, 157-187с.] Развивая шпенглеровскую теорию противопоставления культуры, характеризуемой состоянием творчества, и цивилизации как периода творческой стагнации, немецкий философ и социальный теоретик Г. Маркузе рассматривал повседневность как характерное качество именно цивилизации.[*****,45-57с.]

Напротив, у А. Лефевра повседневность выступает базисом творчества, «местом дел и трудов». Сходных взглядов придерживалась и А. Хеллер, для которой именно в повседневном происходит реализация естественных потребностей человека, приобретающих при этом культурно-знаковую форму.[*****, 328-330с.]

Немецкий философ Э. Гуссерль обозначал понятием «мир повседневности» (или «жизненный мир») некую феноменологическую

* Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999.–М., 1999. – 34-45с.

** Кром М.М. Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности. – СПб., 2003. – 11 – 25с.

*** Бойм С. Общие места: Мифология повседневной жизни. – М., 2002. – 67с.

**** Зиммель Г. Проблемы философии истории – избранное. Т.1. Философия культуры; Т.2. Созерцание жизни. - М., 1999. – 157-187с.

***** Маркузе Г. Одномерный человек. – Киев, 1995. – 45-57с.

***** Ионин Л.Г. Социология культуры. М/ Статьи и эссе. – СПб., 1997. – 328-330, 332,335-343, 357-359с.

реальность, то есть индивидуальный опыт субъекта.[*, 109с.] Развивая это направление, австрийский социолог и философ А. Шюц дифференцировал все «жизненные миры» на «конечные области значений» (религия, сон, игра, научное теоретизирование, художественное творчество, мир душевной болезни и пр.), то есть знаково-символические сферы языковых конструкций, переход из которых требует определенного смыслового скачка.[**, 12-13с.] «Архитектор» социальной феноменологии выделил шесть конституирующих элементов повседневности, провозглашенной им «верховой реальностью»:

трудовая деятельность, ориентированная на внешний мир;
специфическая уверенность в существовании и достоверности восприятия внешнего мира;
активное и напряженное отношение к жизни;
восприятие времени через призму трудовых ритмов;
определенность личностной самоидентификации;
особая форма социальности как мира социального действия и коммуникации.[***, 7-10с.]

Однако у Шюца повседневность не рассматривается в исторической динамике. Так, авторитетный российский социолог культуры Л.Г. Ионин не убежден, что мир повседневности всегда воспринимался как единственный и подлинно реальный. На начальных этапах человеческой истории, по его мнению, мир повседневности рассматривался как один из возможных миров, да и сейчас можно говорить о реальности потустороннего мира в мировоззрении современного верующего. Для Шюца в повседневности человек ангажирован полностью. Однако, личностная вовлеченность людей традиционной эпохи в совершаемые ими действия была большей, чем в современную эпоху отчужденной повседневности. Более того, Ионин полагает, что в начальные эпохи истории повседневности не существовало, так как она - продукт длительного исторического развития. Можно только говорить о диффузных формах повседневности, своего рода «социальном эфире», в котором «находятся» социальные структуры: любого рода интимность, мистический опыт, смерть тела, любовное соитие и т.п.[****, 357-359с.]

В работах американского социолога Г. Гарфинкеля повседневность также понимается как процесс интерпретации повседневных взаимоотношений

* Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. – 109с.

** Ионин Л.Г. Социология культуры. Свобода в СССР. – М., 1996 – 12-13с.

*** Schutz F. Collected Papers // The Hague. V. 1– 3. 1962– 1966. – 7– 10с.

**** Ионин Л. К. Антропологии повседневности. – М., 1996. – 328–330,332,335–343,357– 359с.

самими участниками этих отношений.[*, 145 с.] Повседневность можно определить как обычное ежедневное существование со всем, что окружает человека: его бытом, средой, культурным фоном и языковой лексикой. Но эта самоочевидность повседневности делает ее особенно неуловимой. «Повседневное» это то, что происходит «каждый день», в силу чего не удивляет. Оно обнаруживается в форме рутины, привычки и многочисленных знакомых явлений.

Например, реальный быт большинства советских людей складывался из барочно-коммунального жилья, бесконечных стояний в очередях, отоваривания карточек, получения талонов и т.п. Повседневными являются ситуации, которые часто повторяются в столь похожей форме, что уже не воспринимается их уникальность, которой они отчасти обладают. Важнейшим свойством повседневности является то, что она постоянно становится и не терпит перерыва. Как правило, она не прерывается полностью даже необычными событиями, она лишь настойчиво требует их рутинно-образного учета. И еще одно немаловажное обстоятельство. Как только мы фокусируем интерес на определённой сфере обыденности, тотчас обнаруживаем в ней достаточно тонкие дифференциации. В особенности это касается видов обыденной деятельности, требующих определённого искусства: кулинарии и садоводства, охоты и рыбалки, коллекционирования и преферанса, ремонт квартиры и т.п.

Повседневная культура — это владение обычаями жизни социальной и национальной среды, в которой человек проживает. Процесс овладения повседневной культурой называется в науке общей социализацией и инкультурацией личности. [**,357– 359с.]

Эта повседневная культура охватывает небольшой объем мира (микромир). Человек осваивает ее с первых дней жизни — в семье, в общении с друзьями. Через тесные спонтанные контакты он овладевает теми навыками, знаниями и стереотипами поведения

Повседневная культура — это сфера общепонятных знаний и общедоступных навыков, полученных благодаря трём источникам: общению в малой группе (семья, ровесники, родня); обучению в школе и получению общего образования; средствам массовой информации. Нравы, обычаи, традиции, правила повседневного поведения осваиваются — в разной мере — через все три источника (семья, школа, СМИ). Социальным пространством для проявления повседневной культуры становятся: приватное пространство

* Филмер П. Об этнометодологии Гарольда Гарфинкеля // Новые направления в социологической теории. – М., 1978. – 145 с.

** Ионин Л. К. Антропологии повседневности. – М., 1996. –328– 330,332,335–343,357– 359с.

(квартира), и публичные места (улица, предприятие, транспорт, театр, музей, очередь, университет школа и т. п.). В повседневной культуре есть как институциональные, так и не институциональные формы взаимодействия

Приватное пространство воспринимается как место, где можно отдохнуть от правил поведения и условностей публичного пространства. Место работы занимает промежуточное место между домашней средой (приватным пространством), где человек максимально освобождается от культурных условностей, и театром (рестораном, парком, музеем), т. е. публичным пространством, где человек в максимальной степени следует культурным условностям и стремится выглядеть лучше, чем он есть. Не только рабочее место, но и некоторые другие места попадают в промежуточную зону.

Промежуточное пространство соединяет в себе черты публичного и приватного пространств. Как и в приватном пространстве, на рабочем месте существуют неформальные отношения — дружеские, доверительно-личные. Как и в театре, на рабочем месте существуют формальные отношения — служебные, безличные. Место работы — это одновременно область долго- и кратковременных отношений, пересечения больших и малых социальных групп, знакомых и незнакомых людей.

Заключение

С учетом выдвинутой цели автором дано определение понятиям «повседневная культура» и «быт» и выделили основные структурные компоненты повседневности, анализ которых даст нам представление о повседневной культуре, отображенной в советских и западноевропейских послевоенных фильмах: *межличностные отношения; домашняя среда; рабочая среда; одежда.*

Исходя из этого, мы выделили основные структурные компоненты повседневности анализ которых даст нам наиболее полное представление о повседневной культуре.

Список использованных источников и литературы

1. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века). – Санкт-Петербург: Искусство-Санкт-Петербург. – 267 с.
2. Schutz F. Collected Papers // The Hague. V. 1– 3. 1962– 1966. – P. 7– 10.
3. Ионин Л. К. Антропологии повседневности. – М., 1996. – С. 328 – 330,332,335 – 343,357– 359.
4. Филмер П. Об этнометодологии Гарольда Гарфинкеля // Новые направления в социологической теории. – М., 1978. – С. 145
5. Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999.

- М., 1999. – С. 34-45.
6. Кром М.М. Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности. – СПб., 2003. – С. 11 – 25.
 7. Бойм С. Общие места: Мифология повседневной жизни. – М., 2002. – С. 67
 8. Зиммель Г. Проблемы философии истории – избранное. Т.1. Философия культуры; Т.2. Созерцание жизни. - М., 1999. – С. 157-187.
 9. Маркузе Г. Одномерный человек. – Киев, 1995. – С. 45-57.
 10. Ионин Л.Г. Социология культуры. М / Статьи и эссе. – СПб., 1997. – С. 328-330, 332,335-343, 357-359.
 11. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. – С. 109.
 12. Ионин Л.Г. Социология культуры. Свобода в СССР. – М., 1996 – С. 12-13

The evaluation the prospects of the development of consumer market in the field of education in Latvia

Mg. oec. Kristina Golubkova

PhD student, Baltic International Academy,

Riga, Latvia,

e-mail: golubkovak@mail.ru

Abstract

Over a period of independence in Latvia is formed the market of educational services, playing a significant role in the economy of the country and that includes the active and interactive markets. This marker of the educational structures – educational institutions, the proof of which serves the number of higher educational institutions and the consumer market – students – graduates, the proof of which serves the number of students, studying in the Latvian universities. However, recently is observed the changes of index, entering into the universities downwards. The mentioned trends require the deep study and analysis for the determination the reasons of reduction of people, who, entering to the universities and the possibilities of formation of the potential consumer market in prospect. The inactivity and lack of response to the marked trends of volume reduction of the consumer market will cause a significant losses to the market of the educational structures – educational institutions which will have to reduce or will be subjected to the closing that consequently will lead to the change, i.e., reduction of the market of educational services as a whole. And this in its turn will have an effect on the economy and image base of the country, the country that gained the reputation of a leader in the number of higher educational institutions.

Keywords: Consumer market – students- graduates, the market of educational services – educational institutions, forecast, prospective development.

Аннотация

За период независимости в Латвии формируется рынок образовательных услуг который играет значительную роль в экономике страны, что включает в себя активные и интерактивные рынки. Этот маркер образовательных структур - учебных заведений, доказательство которого служит количество высших учебных заведений и потребительского рынка - студентов - выпускников, число студентов, обучающихся в латвийских вузах. Однако, в последнее время наблюдается изменения индекса, уменьшение поступающих в высшие учебные заведения. Указанные тенденции требуют глубокого изучения и анализа для определения причины сокращения абитуриентов, которые, поступают в высшие учебные заведения и возможности формирования потенциального потребительского рынка в перспективе. Инертность и отсутствие реакции на отмеченные тенденции снижение объема потребительского рынка приведет к значительным потерям на рынке образовательных структур - учебных заведений, которые придется сократить, что, следовательно, приведет к изменению, т.е. сокращение рынка образовательных услуг в целом. А это, в свою очередь, будет оказывать влияние на экономику и имидж страны, которая завоевала репутацию лидера по количеству высших учебных заведений.

Ключевые слова: Потребительский рынок - студенты-выпускники, рынок образовательных услуг - образовательных учреждений, прогноз перспективного развития.

Introduction.

At the moment of creation of independent state, Latvia is one of the leading states in the number of universities, providing an opportunity to get a higher education within the country. Consequently, in the presence of a large number of universities, the question arises about the availability of those, who will study in these educational institutions, i.e., the availability of the consumers, who forms the consumer market.

On the basis of definition, where the consumer market is determined by the separate individuals and families, who purchase goods and services for the personal consumption.[1] In our case, the consumer market is the potential consumers, wishing to study at the universities – graduates and students who have already studied in the universities of Latvia. In recent years, has been observed the intensification of competition between the universities, aimed at the conquest of new customers and the offer of new innovative product for their attraction. But despite this, the people, who wish to consume, even the super – product, offered by higher educational institutions is becoming less. To study the given problem, to identify the cause of reduction of consumer market in the field of higher education is not just relevant, but is necessary. The goal is to evaluate the prospects of the development of consumer market in the field of education in Latvia.

For the fullest understanding of the role of consumer market in the field of higher education, let's consider the nature of the market itself, the market of the educational services.

Basic theoretical and practical provisions.

The market of the educational services, in our case, is seen as the market of the higher education of Latvia which is formed on the basis of exchange principle between the higher educational institutions, offering the product to the consumer – student – graduate and consumer – student – graduate. Thus, the consumer market as a set of students and graduates and market of the higher educational structures as a set of higher educational institutions, forms the market of higher educational services.

The carried out analysis of interaction of two markets – the market of educational structures – institutions and consumer market does not give a complete picture of development of education market as a whole. Let's consider the dynamics of development of consumer market in relation to the total number of population of Latvia over the last 5 years from 2008 to 2012.

Table 1

The growth dynamics of number of individuals with the higher education^[2]

Number	The directions of positions	2012	2011	2010	2009	2008
1.	The total number of students (people)	94474	97065	103782	112555	125 350
2.	The Population size (people)	2067887	2070371	2248374	2261294	2270894
3.	The proportion of students from the population size (%), gr 1, gr 2.	4,57	4,69	4,62	4,98	5,52

In the represented table 1, visually represented the tendency of reduction of student's proportion, i.e., the consumer market of the total number of the population of Latvia is observed 2008 to 2012. The economists explain the given tendency due to the negative impact of the social, economic and to a lesser degree of demographic factors.

However, it should be noted that the represented above analysis and data, represented in the table show a constant state of need in the existence of market of educational structures – institutions. The only question is in what state by the volume will be presented the consumer market in prospect in order to interact successfully with the market of educational structures – institutions, providing them with the consumption. For the clarification of the key reason, using the econometric methods of the research, let's carry out an analysis of polynomial regression Power of certain degree.

Due to the fact that the consumer market is formed on the basis from the students and graduates, initially it is necessary to emphasize the birth rates in Latvia at the moment as determined possibility of formation of consumer market in prospect in 18 years. For this purpose, let's represent the calculations of the carried out analysis of birth for 2012, 2013 years (See table 2).

Table 2

The analysis of birth rate for 2012 and 2013 years [3]

Year	Month	Period	Birth rate				
		t	Y	t ²	Y*t	Y ²	
2012	January	1	1588	1	1588	2521744	
	February	2	1451	4	5804	2105401	
	March	3	1644	9	14796	2702736	
	April	4	1640	16	26240	2689600	
	May	5	1718	25	42950	2951524	
	June	6	1746	36	62856	3048516	
	July	7	1944	49	95256	3779136	
	August	8	1759	64	112576	3094081	
	September	9	1759	81	142479	3094081	
	October	10	1681	100	168100	2825761	
	November	11	1557	121	188397	2424249	
	December	12	1529	144	220176	2337841	
2013	January	13	1730	169	292370	2992900	
	February	14	1450	196	284200	2102500	
	March	15	1530	225	344250	2340900	
	April	16	1820	256	465920	3312400	
	May	17	1680	289	485520	2822400	
	June	18	1600	324	518400	2560000	
	July	19	1970	361	711170	3880900	
	August	20	1860	400	744000	3459600	
	September	21	1740	441	767340	3027600	
	October	22	1880	484	909920	3534400	
	November	23	1540	529	814660	2371600	
December	24	1540	576	887040	2371600		

The obtained data in the table 2 allowed carrying out an analysis of birth rate for the examined period which showed that the birth rate is quite stable, the main peak of birth rate occurs in the summer period (See Figure 5).

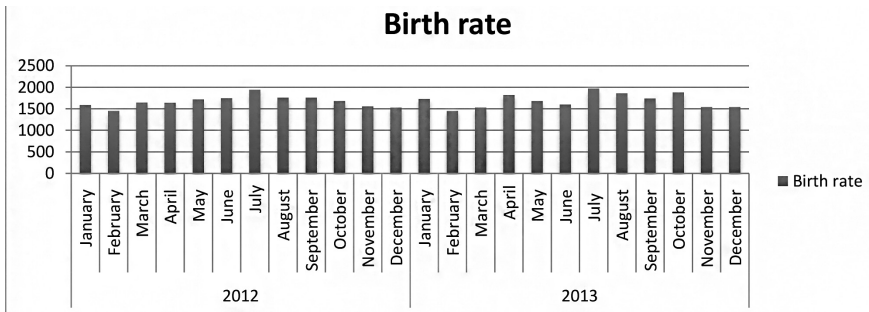

Figure 5 The birth rate in Latvia in the period of 2012-2013 years.

The carried out analysis of birth rate in Latvia for the period of 2012-2013 years, allows to make calculations and to represent the forecast of number of possible graduates, potential consumer in the future. Those data to indicate the complete regression of a specify degree which refers to the type of regression “Polynomial” (See Figure 6).

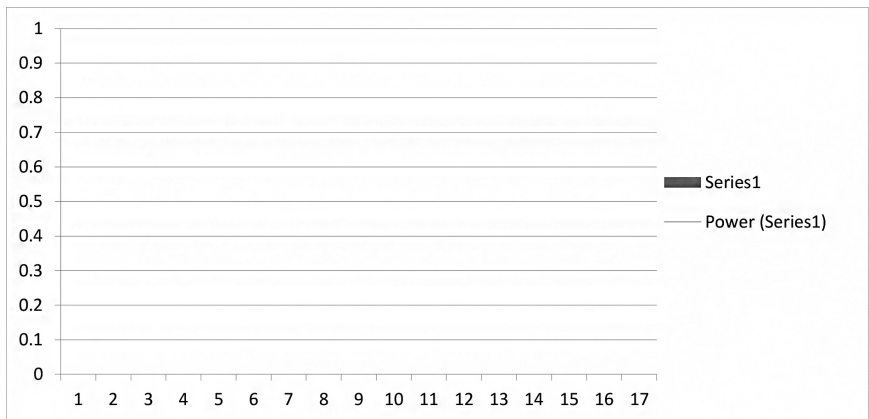

Figure 6 The analysis of polynomial regression Power of a specify degree of the potential graduates.

Thus, a polynomial regression has a value: $R^2 = 0.99257$

Visually represented diagram, reflected in the Figure 6 and the value of polynomial regression indicates to the proximity of forecast to the reality.

The above carried out analysis (See table 1), where is observed the tendency of reduction of consumer – student, entering to the higher education institutions, has allowed to determine a real decrease of consumer market in the market of educational services, in its turn, the results of the carried out analysis by the econo-

metric methods of forecasting, has revealed the absence of tendency of reduction in the future which indicates to the presence of consumer market in prospect and this fact will have a positive impact on the development of market of educational services and educational market as a whole.

Conclusion

To summarize, it should be also noted that the data obtained in the result of carrying out forecast could be changed, if the macro factors of the country, including economic and social factors are changed for the better or worse.

In conclusion, it should be concluded that the number of higher educational institutions for today and the number of students, studying in them confirm the presence of the formed market of the educational services and active and interactive markets – the market of educational structures – institutions and consumer market of students – graduates. And on condition of stability of macro factors in the future, in the country, there is a prospect of availability of consumer market – graduates – students, contributing to the development of education market as a whole.

References

1. Cateora, Philip R. International Marketing / Philip R. Catepra, John L. Graham. - 12th ed. - McGraw-Hill Companies, 2005. – 236
2. Ministry of Education and Department of Higher Education - A Review of Latvian higher education 2008-2012
3. Latvian statistic - <http://www.csb.gov.lv/en/statistikas-temas/population-census-30761.html> [10.01.2014]

Juridiskā zinātne
Юридическая наука
Law Science

Nākotnes kriminalitāte

Andrejs Vilks, Dr. iur. profesors
Rīgas Stradiņa universitāte, Latvija,
tiesību zinātņu studiju programma, e-pasts: andrejs098@gmail.com

Anotācija.

Tiesiskās izziņas procesā nozīmīga vieta pieder prognostiskajai funkcijai, sociāli tiesisko procesu un parādību attīstības tendenču paredzēšanai. Kriminoloģijai kā juridiskās zinātnes apakšnozarei ir īpaši raksturīga prognostisko metožu pielietošana, paredzot kopējā noziedzības stāvokļa, atsevišķu noziedzīgo nodarījumu un formu izmaiņas. Tiesību aizsardzības iestādēm būtu jābūt gatavām reaģēt uz kriminogēno situāciju un procesu izmaiņām.

Atslēgas vārdi: juridiskās zinātnes, kriminalitāte, nākotne, noziedzība, prognozēšana

Abstract

Judicial inquiry process, an important place belongs to a predictive function, socio-legal processes and phenomena development trends to predict. Criminology as legal science subsector is particularly characterized prognostic methods of providing the overall crime situation, a separate offense and shape changes. Law enforcement authorities should be prepared to respond to the criminogenic situation and the process of change.

‘ Dievs redzēja, cilvēku ļaunums augtin auga zemes virsū un ka viņu sirdsprāta tieksmes ik dienas vērsās uz

ļaunu, tad Dievam kļuva žēl, ka Viņš cilvēku zemes virsū

bija radījis... Dievs sacīja: Es iznīcināšu no zemes virsus cilvēku, kuru Es esmu radījis, cilvēku līdz ar lopiem, rūpuļiem un putniem gaisā... ” Zeme ir pilna varas darbu, ko tie dara; tādēļ Es viņus izdeldēšu kopā ar zemi. ” Ūdeņi pārplūdināja zemi un iznīcināja visu dzīvo.

Vecā Derība, Pirmā Mozus grāmata, 6. nodaļa.

Ievads.

Raksta ievaddaļā ir fragments no Vecās Derības Pirmās Mozus grāmatas ir citēts atbilstoši pasaules civilizācijas attīstības iespējamajam pirmsākumam. Ļaunums un noziedzība, to plašā izplatība bija zināmi arī civilizācijas sākumā. To ietekmi bija iespējams pārtraukt tikai iznīcinot ļaunuma nesējus. Pasaules plūdi vardarbību un ļaunumu, to nesējus, - cilvēkus iznīcināja. Tikai Noass ar savu ģimeni izglābās un saglabāja civilizācijas turpmāko evolūciju. Tā ir viena no pasau-

les vēsturiskās attīstības pieejām. Šāds civilizācijas attīstības scenārijs nebūt nav no utiopiskākajiem, ņemot vērā, ka arheologi, iespējams, Ararata kalna virsotnē ir atraduši gigantisku koka laivu, kura varētu būt izgatavota pirms 4800 gadiem [4]. Mēs varam secināt, ka vairāk nekā pirms vairāk kā četrstūkstošgadiem kriminalitāte un ļaunums bija izplatīti tik lielā mērā, ka to ierobežot un novērst nebija iespējams. Vai arī pašreizējā laikā un tuvākajā un tālākajā nākotnē kriminalitāte varētu attīstīties izteikti intensīvi? Vai perspektīvai kriminālais trends tiek prognozēts? Vai atbilstoši kriminalitātes iespējamās attīstības scenārijiem tiek izstrādātas noziedzības apkarošana un novēršanas plāni un programmas?

Noziedzības stāvokļu un trendu prognozēšanā nākotnē, kā arī atsevišķu noziedzīgo nodarījumu veidu evolūcijas un attīstības paredzēšanā viens no problemātiskākajiem aspektiem ir pietiekoši reprezentatīvas informācijas trūkums par pašreizējo kriminalitātes situāciju. Kriminālā un tiesu statistika, galvenokārt, atspoguļo datus par attiecīgo institūciju darbības rezultātiem. Plašāku, taču ne vienmēr objektīvu informāciju sniedz iedzīvotāju aptaujas. Subjektīvie viedokļi par noziedzības stāvokli ne vienmēr ir pamatoti un sniedz tikai ieskatu par noziedzības uztveri, bet ne pašu kriminalitātes stāvokli. Līdz ar to, praktiski nav iespējams pietiekoši reprezentatīvi paredzēt noziedzības stāvokļa un struktūras kvantitatīvās izmaiņas. Vēl jo vairāk tāpēc, ka var mainīties krimināltiesiskais regulējums, kriminalizējot vai dekriminalizējot atsevišķus noziedzīgo nodarījumu veidus, izmainot statistiskās uzskaites formas, transformējoties tiesībsargājošo iestāžu un iedzīvotāju tiesiskajai kultūrai un tiesiskās apziņas līmenim, pieaugot tolerancei pret dažāda veida deliktiem, sakarā ar to augsto izplatību.

Tomēr ir jāatzīst, ka ikviens cilvēks ir centies vairāk vai mazāk sekmīgi ieskatīties nākotnē un paredzēt nozīmīgu notikumu attīstību. Pasaulē, kopš civilizācijas pirmsākumiem, ir izstrādātas un pielietotas dažādas nākotnes paredzēšanas sistēmas. Futuroloģiskās pieejas un skolas īpaši sekmīgi attīstījās XX un XXI gadsimtos. Futuroloģiskie modeļi sāka ieņemt pietiekoši redzamu vietu sociālajās sistēmās. Neapšaubāmi, ka ekonomiskās attīstības perspektīvie modeļi ir saistīti ar finanšu un kredīt iestāžu perspektīvo darbības sfēru un jomu atbalstu, investīcijas programmu un plānu izstrādi un realizāciju. Šādu modeļu izstrāde ir nepieciešama, ieskicējot dzīves kvalitātes līmeņa perspektīvas. Retāk mēs satopamies ar likumpārkāpumu un noziedzības prognozēšanu. Tas nekādā mērā nav saistīts ar to, ka kriminoloģijas instrumentārijā nav izstrādātas un netiek pielietotas noziedzības prognozēšanas metodes. Problēma ir izmantojamās datu bāzes ticamībā un prognožu izmantošanas nepieciešamībā. Noziedzības prognoze, izmantojot statistiskās vai ekstrapolācijas metodes tiek pielietotas, taču nepietiekoši tiek izmantotas pie noziedzības novēršanas un apkarošanas koncepciju, programmu un plānu izstrādes. Tomēr ir jāatzīst, ka atsevišķi tiesību speciālisti – eksperti cenšas arī prognozēt noziedzības attīstību. Viens no interesantākajiem un saistošākajiem ieskatiem nākotnes kriminalitātē pieder Markam Godmenam (Marc Goodman),

kurš pats agrāk ir strādājis policijā, izmeklējis noziedzīgos nodarījumus un pašreiz nodarbojas ar kriminoloģisko izziņu [2].

Neapšaubāmi, vienas no smagākajām un komplicētākajām prognozēm attiecās uz nāves iestāšanos un noziedzību. Kaut gan abi prognozējamie objekti var būt arī savstarpēji saistīti. Nāves iestāšanās ir likumsakarīgs fakts. To zināmos parametros ir iespējams paredzēt ar pietiekoši augstu varbūtību. Noziedzība ir determinēta ar faktoru grupu kopumu, kuru ir ne tikai grūti apzināt, bet vēl jo mazāk izzināt šo faktoru attīstības nākotni. Noziedzības izmaiņas, kriminalitātes nākotni ir iespējams paredzēt ne tikai balstoties uz kvantitatīvām (statistiskām) prognozēšanas metodēm, bet gan izmantojot kvalitatīvas noziedzības izmaiņu noteikšanas metodes.

Balstoties uz noziedzības un to nosakošo faktoru ekspertu vērtējumiem, ir iespējams paredzēt kriminalitātes kvalitatīvās izmaiņas. Šajā gadījumā mēs noziedzības kvalitatīvās izmaiņas atzīstam kā pietiekoši noturīgas kriminalitātes īpašības, kuras var būtiski ietekmēt sabiedriskās attiecības kopumā vai atsevišķā reģionā (jomā).

Pasaule kļūst aizvien atvērtāka. Tas ir patīkami un sniedz mums jauns, pat grūti aptveramas iespēja. Tomēr atvērtā un jaunā pasaule slēpj sevī jaunu, grūti nosakāmus draudus un vienlīdz arī ne vienmēr tīkamas sekas.

Neapšaubāmi, tiesiskās izziņas procesā nozīmīga vieta pieder prognostiskajai funkcijai, sociāli tiesisko procesu un parādību attīstības tendencu paredzēšanai. Kriminoloģijai kā juridiskās zinātnes apakšnozarei ir īpaši raksturīga prognostisko metožu pielietošana, paredzot kopējā noziedzības stāvokļa, atsevišķu noziedzīgo nodarījumu un formu izmaiņas. Tiesību aizsardzības iestādēm būtu jābūt gatavām reaģēt uz kriminogēno situāciju un procesu izmaiņām. Ārvalstu kriminologi ir centušies iezīmēt nākotnes noziedzības attīstības scenārijus, kuri nav iepriecinoši. Jauno tehnoloģiju izteikti straujā evolūcija un to ienākšana ikdienā neveido sabiedrību drošāku un aizsargātāku. Eksperti ir atzinuši, jaunās tehnoloģijas veicina sabiedrības kopumā un ikviena tās locekļa neaizsargātību nekā jebkad tas ir bijis un ir pat iespējams iedomāties. Jaunās tehnoloģijas, lielā mērā, nosaka individuā un krimināli tendētās personas bezkontakta attiecības un samazina iespējamību nodrošināt vainīgo personu saukšanu pie likumā paredzētās atbildības. Minētais nosaka latentās noziedzības aptvēruma grūti apzināmu pieaugumu.

Atcerēsimies, ka 2008 gadā notika vien no smagākajiem teroristiskajiem aktiem Mumbai. Desmit teroristi sešdesmit stundu laikā paralizēja pilsētu ar vairāk kā divdesmit miljonu iedzīvotājiem, Teroristiskā akta rezultātā 164 cilvēki tika nogalināti, bet ievainoti tika vairāk kā 300 [5].

Noziedzības tendencēs notiek lēcienvēidīga paradigmu maiņa. Mainās noziedzīgo nodarījumu izdarīšanas metodika un līdzekļi. Jā agrāk, taču vēl arī pašreiz izplatīti ieroči bija nazis un pistole, tad pašreiz tos nomaina automātiskie šaujamieroči, jaudīgas sprāgstvielas. Ja agrāk, noziedzīgos nodarījumus cietušie bija atsevišķi cilvēki, cilvēku grupas, tad pašreiz atsevišķā noziedzīgā cietušo skaits

sasniedz simtus un pat tūkstošus. Hakeru uzbrukumā kompānijai Sony tīklam PlayStation tika apzagtī vairāk kā simts miljonu cilvēku. Hakeru grupa, kas sevi nodēvējusi par Lulz Security, 2011. gada jūnijā veiksmīgi ielauzās Sony Pictures (SonyPictures.com) interneta servisā [3]. Kad gan vēl ir bijis iespējams vienlaicīgi apdraudēt simts miljonu cilvēku vienlaicīgi?

Mēs visi lielākā vai mazākā mērā izmantojam globālo tīmekli (Internetu). Mēs kļūstam no tā atkarīgi, - komunicējot ar tuviem cilvēkiem, iegūstot nepieciešamo informāciju, veicot maksājumus, veidojot "Drošo māju", sekojot līdzi bērnu uzvedībai un drošībai dzīvoklī u.t.t. Līdz ar to Internets kļūst izteikti nozīmīgu kriminālo grupu kontroles un ietekmes objektiem. Nav informatīvo sistēmu, gluži tāpat kā dzīvokļu, kurus nevar uzlauzt. Īpaši nevar palīdzēt ne metāliskās durvis ne "ugunssienas". Arī cilvēks ir savdabīga informatīvā sistēma, kuru var ietekmēt vai pat vadīt.

E-sistēmas aizvien plašāk un neatgriezeniskāk ienāk mūsu dzīvē. E-medicīna ir ne tikai jaunas ārstniecības iespējas, bet arī potenciāls prettiesisko manipulāciju lauks. Elektrokardioloģiskie stimulatori, dzirdes aparāti, defibrilatori u.c. ierīces tiek izmantotas aizvien biežāk. Atbilstoša ierīces, to rādītāju kontrole ir iespējama arī distancēti, izmantojot Internetu. Šajā veselību nodrošināšanas sistēmā ir iespējams iejaukties arī ne tikai ārstniecības personālam.

Ričards Valtsons (Richard Wadson) atzīst, ka nākotnē noziedzība var kļūst nepārvaldāma un nekontrolējama [7, 62]. Vairākumā valstu daudzās pilsētas teritorijās policija ir bezspēcīga, cīnoties ar krimināliem grupējumi. Ko šādos apstākļos var darīt un ir jādara? Atbilstoši vienam no scenārijiem, armija pieslēdzas policijai, kas, piemēram, savulaik jau bija Ziemeļīrijā. Armija un policija cenšas kontrolēt kriminogēnā ziņā smagākās teritorijas. Ir izstrādāts arī scenārijs, atbilstoši kuram valdība uzceļ sienu vai mūri ierobežojot atsevišķus rajonus. Neviens no šiem rajoniem netiek izlaists vai ielaists. Zināmā mērā, tas jau atgādina pašreizējo nelegālo migrantu ieceļošanas Eiropā ierobežošanas scenāriju. Tomēr, ja noziedzība vienā vai otrā rajonā sasnies epidēmisku līmeni, zināmā laikā šī teritorija tiks transformēta par improvizētu cietumu. Minētais tiek atzīts kā vienkāršākais nekā noskaidrot, aizturēt un nogādāt atbilstošās speciālās iestādēs nemiera cēlājus. Vai arī vēl citas iespējas: visiem ierobežotā rajona iedzīvotājiem piešķirt svītru kodus vai arī izveidot kuģus - cietumus vai izveidot valstis cietumus.

Nākotnes kriminalitātei ir iespējamas arī zināmas teritoriālās transformācijas. Var paredzēt, ka noziedzība nākotnē kvantitatīvu un kvalitatīvi attīstīsies nevienmērīgi. Kriminogēno situāciju attīstības pamatā būs reģionu sociālās un ekonomiskās izaugsmes trends. Depresīvajos reģionos ar zemu Iekšzemes kopprodukta (IKP) līmeni uz tajā dzīvojošajiem iedzīvotājiem, noteiks arī zemāku noziedzības rādītāju. Iedzīvotāju aktivitātes, tai skaitā krimināla rakstura būs mīnīmālas. Iespējamie izņēmumi būs saistīti ar sadzīves rakstura konfliktiem un krimināla rakstura izpausmēm. Taču šāda veida delikti, informācija par tiem un to

novērtējums, galvenokārt, saglabāsies atbilstošu sociālo grupu ietvaros.

Reģionos ar augstu IKP, kur koncentrēties pietiekoši augsts intelektuālais, tehnoloģiskais, materiālais un finansiālais potenciāls, būs arī paaugstināta kriminālā riska un apdraudējumu zonas. Šajos reģionos iespējamība iegūt nelīgumīgas ienākumus, pie tam izteikti apjomīgus, ir krietni augstāks nekā depresīvajos reģionos. Bez tam, šajā vidē nelikumīgi un noziedzīgi iegūtie finansiālie līdzekļi var būt sekmīgi ieguldīti legālajā uzņēmējdarbības sfērā. Legalizējot noziedzīgā ceļā iegūtos ienākumus veidosies iespējas ne tikai tos uzkrāt, bet arī pavairot.

Nākotnes kriminalitāte var mainīt arī noziedznieka sociālo portretu. Kriminālajā sfērā ir gaidāma noziedzīgos nodarījumus izdarījušo personu vecuma samazināšanās. Kriminalitāte objektīvi nosacīti iegūs jauneklīgākus vaibstus. Atbilstoša iespējamā ievirze ir saistīta ne tikai ar to, ka mainīsies iedzīvotāju sociāli demogrāfiskā struktūra, bet arī ar virkni citu faktoru:

Jauniešu intelektuālāzīcija,- kvalitatīvi jaunu zināšanu, prasmiņu un iemaņu apguve, kuras tik lielā mērā nebūs pieejamas vecākām sociāli demogrāfiskām grupām;

Jauno tehnoloģiju invāzija un plaša pieejamība, kuras, pirmkārt, centīsies apgūt un izmantot tieši jaunieši;

Jauni izaicinājumi un iespējas, kuras nodrošinās jaunās tehnoloģijas, komunikācijas, sociālās pieredzes iegūšanā un materiāli finansiālajā nodrošināšanā.

Lielbritānijas Nacionālā aģentūra cīņā ar noziedzību (National Crime Agency NCA) izveidojusi sistēmu – kampaņu #CyberChoices, kuras mērķis ir mazināt jauniešu velmi iesaistīties kibernetizētos [1]. Par pamatu šādas kampaņas izvērsšanai kļuva dati par to, ka vidējais kibernetizētiem vecums pēdējā gada laikā ir samazinājies no 24 līdz 17 gadiem. Kampaņas adresāts ir ne tikai jaunieši, bet arī viņu vecāki. NAC dati liecināja arī par to, ka jaunākajam kibernetizētiem bija tikai 12. gadi. Neapšaubāmi, ka minētā tendence nākotnē var tikai attīstīties.

Speciālisti atzīmē, ka pēdējos gados aizvien jūtāmāk izzūd robeža starp terorismu, hibrīdkariem un noziedzību [6]. Tiesībaizsardzības un spēka struktūrām, kuras nodrošina drošību un cīnās ar noziedzību, aizvien grūtāk ir identificēt, kas ir būtiskākais apdraudējumu faktors – teroristiskās organizācijas, mafiozo un kriminālo struktūru darbība vai grūti izprotamu politisko projektu īstenošana. Pilnīgi iespējams, ka atsevišķos reģionos atbilstošu struktūru darbība pārklājas vēl nozīmīgāk saasinot sociāli politisko un kriminogēno situāciju.

Ļoti iespējams, ka perspektīvā kriminālā ekspansija nākotnē, tieši tā, kā tas ir bijis 4800 gadā, var kļūt par mūsdienu civilizācijas krahu.

Izmantotās izmantotās literatūras un avotu saraksts

1. Campaign targets UK's youngest cyber criminals //http://www.nationalcrime-agency.gov.uk/news/765-campaign-targets-uk-s-youngest-cyber-criminals
2. Goodman Marc. Futures Crimes.Knopt Doubleday Publishing Group, 2015.

3. Julianne Pepitone. Group claims fresh hack of 1 million Sony accounts //http://money.cnn.com/2011/06/02/technology/sony_lulz_hack/
4. Noasa šķirsts//http://www.aliens.lv/n/4136-noasa-skirsts
5. Shanthie Mariet DSouza. Mumbai terrorist attacks of 2008//http://www.britannica.com/event/Mumbai-terrorist-attacks-of-2008
6. Овчинский Владимир. Новая преступность уже здесь. http://openpolice.ru/news/vystuplenie-ministra-mvd-rossii-doktora-yuridicheskikh-nauk-na-kruglom-stole-po-policii-budushego
7. Уолтсон Ричард Будущее: 50 идей, о которых нужно знать. М. Fantom Press, 2014.

Policijas dienestu starpvalstu sadarbības tiesiskais regulējums, tā piemērošanas teorētiskās un praktiskās problēmas

Ērika Krutova, Latvija

Valsts policijas koledža

Policijas tiesību katedras docente,

erika.krutova@vp.gov.lv

Anotācija

2007.gadā parakstot Lisabonas līgumu, policijas un citu kompetentu tiesībsargājošo dienestu sadarbība kļuva par oficiālu Eiropas Savienības kopējo politiku. Salīdzinājumā ar ekonomisko integrāciju, kas sāka 1958.gadā, tas ir daudz par vēlu, lai proaktīvi apkarotu noziedzību. Diemžēl policijas darbā nozīmīgu tiesību normu pieņemšanu dažkārt paātrina teroristiskie akti, nevis dalībvalstu griba. Tādēļ sadarbības kvalitāte joprojām ir zema, kaut normatīvā regulējuma apjoms strauji pieaug. Publikācijas mērķis pievērst uzmanību, ka dažāda līmeņa daudzie normatīvie akti apgrūtina starpvalstu sadarbību. Pirms pieņemt jaunus tiesību aktus, ir jāveic iepriekš izdoto aktu konsolidācija un jāsteno attiecīgas apmācības dalībvalstīs.

Atslēgas vārdi: policija, sadarbība, tiesībsargājošo iestāžu starpvalstu sadarbība.

Abstract

The cooperation of police and other law enforcement agencies became a common policy of the EU in 2007, when the treaty of Lisbon was signed. It was to late act proactively in the fight against crime, because the economic integration was started in 1958. Unfortunately, the important in police work regulations sometimes is adopted faster after the terrorist act, but should be accordance volition of countries. Therefore the quality of cooperation is still low, although regulatory framework is growing rapidly. This article focuses on the fact that the cross-border cooperation became complicate because of quantity of legislation from different level. Before the adopting of new legislation, there is necessary to consolidate the already adopted and the appropriated training in countries to provide.

Keywords: police, cooperation, cross-border law enforcement cooperation.

Ievads

Eiropas Savienībā (turpmāk ES) īsā laika posmā ierosinātas un daļēji ieviestas vairākas iniciatīvās tieslietu un iekšlietu jomā. Kopš Lisabonas līguma parakstīšanas ES intensīvi stiprina policijas dienestu pārrobežu sadarbību, tiek pieņemti ambiciozi lēmumi, integrējot iekšlietas kopējā ES politikā. Problēmu rada straujš normatīvā regulējuma apjoma pieaugums, kas sadarbību padara komplicētāku. Ierindas amatpersonas orientējas pēc nacionālā regulējuma, kurā ne vienmēr ir iestrādātas novitātes. Savukārt likumdevējs par prioritāru uzskata izpildīt ES prasības, nevis nodrošināt attiecīgā regulējuma plānoto rezultātu. Tādējādi jauns sa-

darbības instruments, kas pieņemts ES līmenī un teorētiski iekļauts nacionālajās tiesībās, praktiski netiek izmantots.

Latvija jau vienpadsmit gadus ir pilntiesīga ES dalībvalsts, kopš 2007.gada ir pievienojusies Šengenas bezrobežu zonai, kas kļuva par jaunu izaicinājumu policijas dienestu sadarbības paplašināšanai.

Vēsturiskie notikumi un ģeopolitiskie procesi izmainīja tradicionālos sadarbības veidus. Līdzšinējā tiesībsargājošo iestāžu starpvalstu sadarbība tika balstīta uz divpusējiem un daudzpusējiem līgumiem, konvencijām, kurās ietvēra jautājumus par personu izdošanu, krimināltiesiskās palīdzības sniegšanu, bet nebija iespējamas tādas pārrobežu operācijas kā vajāšana, novērošana, kopēja patrulēšana un apņēmtība veidot līdzvērtīgu kriminālpolitiku.

Pētījuma rezultāti un to vērtējums

Pārrobežu sadarbības modernizācija un stiprināšana notiek, attīstot normatīvo bāzi. Šis process ir laikietilpīgs un sarežģīts, jo ir jāsaskaņo vairāku sadarbības partneru intereses. Pēdējos gados īpaši palielinājies policijas darbību ietekmējošu ES tiesību aktu skaits. Piemēram, datu bāzē - Eur-lex: atrodami 386 dokumenti, kuros figurē vārdu kopa “cīņa pret noziedzību”, 354 dokumenti ar atslēgas vārdiem “ES tiesu iestāžu sadarbība krimināllietās”, 340 dokumenti par “brīvības, drošības un tiesiskuma telpas” aspektiem, 425 par “informācijas pārsūtīšanu” [5]. Latvijā izveidotajā datu bāzē likumi.lv, pēc atslēgas vārda “policija” atrodami 42000 dokumenti. Likuma “Par policiju” [4] ir tikai viena norma, kuras saturs attiecināms uz starpvalstu sadarbību. Diemžēl ne vienmēr dokumentu skaits liecina par gaidāmā rezultāta kvalitāti. Policijas sadarbības jautājumi ir specifiski, un ir maz zinātnieku, mācībspēku, kurus interesē veikt minēto dokumentu padziļinātu izpēti, analizējot kvalitāti un lietderību.

Vienādot dalībvalstu viedokļus ir sarežģītākais normatīvā regulējuma izstrādes posms. Piemēram, par nepieciešamību reģistrēt pasažieru datus, diskusijas par ko sākušās jau pēc 2001.gada 11.septembra teroristiskajiem aktiem ASV. Vienprātība šajā jautājumā nav panākta līdz šim brīdim, kaut Lisabonas līgumā ir noteikts, ka “Savienība piedāvā saviem pilsoņiem brīvības, drošības un tiesiskuma telpu bez iekšējām robežām, kur personu brīva pārvietošanās ir nodrošināta saistībā ar piemērotiem pasākumiem, kas attiecas uz ārējo robežu kontroli, patvēruma meklētājiem, imigrāciju un noziedzības novēršanu un apkarošanu.” [2]. Tikai pēc šā gada traģiskajiem notikumiem Parīzē dalībvalstis apņemas ieviest pasažieru datu reģistrāciju jau līdz gada beigām. Šis process liecina, ka joprojām notiek cīņa ar sekām, nevis proaktīva darbība noziedzības apkarošanā.

Atsevišķas ES dalībvalstis, apzinoties kopīgas darbības nepieciešamību, ciešāk sadarbojas jomās, kas neattiecas uz ES ekskluzīvo kompetenci. Labākas prakses piemērs ir Prīmes līgums, kas noslēgts dažu valstu starpā. Pēc aprobācijas arī citas valstis izteica vēlmi pievienoties Prīmes līgumam. Tādu iespēju paredz

Līgums par Eiropas Savienības darbību(280.c pants) [3].Pašreiz atsevišķu valstu grupas iniciatīva ES pamatlēmumu veidā kļuvusi saistoša visām ES dalībvalstīm,veicot datu apmaiņu - pirkstu nospiedumu, DNS profilu un transportlīdzekļu reģistrācijas dokumentu salīdzināšanu. Kopumā tie ir policijas darbam nepieciešami dati, kas palīdz ātri identificēt un noskaidrot nepieciešamo informāciju.

Tiesību akti, kas pieņemti ciešākas sadarbības procesā, ir saistoši tikai iesastītājām valstīm. Tādēļ veidojas atšķirīgas sadarbības iespējas starp ES dalībvalstīm, un noziedznieki, izzinot sadarbības vājās puses, izmanto to savās interesēs. Policijas starpvalstu sadarbībā ieviešamie instrumenti būtu jāpieņem visām valstīm vienlaikus, tādā veidā uzlabojot situāciju.

Latvijā, ES tiesiskais regulējums tieslietu un iekšlietu jomā, biežāk tiek ieviests, piemēram, papildinot un mainot Krimināllikuma un Kriminālprocesa likuma pantus. Piemēram, 2002.gada 13.jūnija Padomes Pamatlēmums Nr. 2002/584/TI par Eiropas apcietināšanas ordera nodošanas procedūrām starp dalībvalstīm; 2002.gada 13.jūnija Padomes pamatlēmums 2002/465/TI par kopīgām izmeklēšanas grupām ievieša nozīmīgus grozījumus KPL C daļā.

Citi policijas sadarbības jautājumi tiek atrunāti valstīm divpusēji vienojoties, atsevišķos gadījumos tiek izdoti Ministru Kabineta noteikumi vai pieņemti jauni likumi, piemēram, pēc 2006.gada 18.decembra Padomes Pamatlēmuma 2006/960/TI par Eiropas Savienības dalībvalstu tiesībsardzības iestāžu informācijas un izlūkdatu apmaiņas vienkāršošanu, kas bieži tiek minēts kā “Zviedru iniciatīva”, Latvijā 2009.gada 12.martā tika pieņemts “Noziedzīgu nodarījumu novēršanas, atklāšanas un izmeklēšanas ziņu apmaiņas likums”. Savukārt 2011.gada 25.oktobra Eiropas Parlamenta un Padomes Direktīva 2011/82/ES, ar ko veicina pārrobežu informācijas apmaiņu par ceļu satiksmes drošības noteikumu pārkāpumiem, ieviesta ar 2014.gada 7.janvāra Ministru Kabineta noteikumiem Nr.15 “Pārrobežu informācijas apmaiņas kārtība par ceļu satiksmes noteikumu pārkāpumiem.”

Paralēli kopējā normatīvā regulējuma izveidošanas procesam ES izveido aģentūras un institūcijas (Eiropols, Eurojusts, Frontex u.c.), kuru uzdevums sniegt atbalstu dalībvalstu kompetentajiem dienestiem smagu noziegumu un organizētās noziedzības apkarošanā. ES aģentūru darbību un darbības pārraudzību nosaka ES regulas, un tās ir tieši piemērojamas dalībvalstīs.

Pašlaik eksistē (teorētiski) tādi sadarbības veidi, kad vienas valsts kompetentie dienesti ir tiesīgi darboties citas dalībvalsts teritorijā. ES dalībvalstu policijas dienestiem ir iespēja sniegt pārrobežu atbalstu, piedaloties kopējās operācijās un masu pasākumos, patrulējot, pārbaudot dokumentus, sniedzot atbalstu personu identifikācijā un satiksmes kontrolē. Dalībvalsts, pēc citas valsts pieprasījuma, var pieņemt lēmumu, norīkot savus darbiniekus, lai sniegtu atbalstu vai piedāvātu cita veida atbalstu. Šengenas zonas valstis akceptēja pārrobežu vajāšanu, pārrobežu novērošanu u.tml. darbības. Tādējādi dalībvalsts policija ieguva tiesisku pamatojumu atrasties citā valstī, un, ja dalībvalstis par to ir vienojušās, policijas

darbinieki ir tiesīgi izmantot speciālos līdzekļus, t.sk. ieročus. Tādas darbības ir reglamentētas, un policijas mācībās šie jautājumi ir prioritāri, tomēr praksē minēto operāciju skaits ir neliels. Nepietiek zināšanu, kvalitatīvu nacionālo tiesību aktu, iniciatīvas un attiecīgas prakses.

Kopumā policijas starpvalstu sadarbība ir komplicēta, jo tajā iekļaujas pasākumi, lai uzturētu sabiedrisko kārtību, iegūtu, apstrādātu, analizētu un uzglabātu informāciju, apmainītos ar to kopīgā izmeklēšanā, pārrobežu operācijās, personāla mācībās, atklājot noziegumus, izvērtējot izmeklēšanas metodes utt. Pirms jaunu instrumentu izstrādes būtu jāuzlabo jau esošie instrumenti, jāveicina to efektivitāte, jāvājinā sadarbības šķēršļi, jāstiprina uz savstarpēju komunikāciju balstīta uzticēšanās, jāveicina sadarbība ar ES aģentūrām, palielinot to ieguldījumu, veicot praktiskus uzdevumus, jārisina jauni tehnoloģiskie uzdevumi, kas ir nozīmīgi ikdienas darbam.

Secinājumi un priekšlikumi

Policijas sadarbības attīstība joprojām turpinās, un to virza noziedzīgās aktivitātes.

Tiesību normas, kas attiecas uz policijas sadarbību, tiek iestrādātas nacionālajos likumos, kompetentu iestāžu iekšējā regulējumā, un ir tieši piemērojamas. Tiek izstrādātas jaunas tiesību normas un noteikumi, slēgti jauni līgumi. Tiesiskā regulējuma apjoma pieaugums un sadarbības attīstība nav ietekmējusi vienīgi likuma "Par policiju" 8.pantu, kurā ir paredzēts, ka: "Policija sadarbojas ar citu valstu policiju (miliciju), starptautiskajām organizācijām, savienībām vai kopienām, kā arī piedalās starptautiskajās misijās un operācijās saskaņā ar Latvijas Republikai saistošiem starptautiskajiem līgumiem." Tieši šis normatīvais akts ir policijas darbības pamats Latvijā un to izmanto ikviens Latvijas policists. Lai tiesību akti būtu uztverami un sasniegtu cerēto rezultātu, tie ir jākonsolidē gan ES, gan nacionālā līmenī.

Ambiciozu ES iniciatīvu praktisko aprobāciju kavē dalībvalstu atšķirīga izpratne par problēmas būtību un sadarbības nepieciešamību un pieredzes trūkums. Savukārt pieredzi var iegūt tikai aktīvi piedaloties konkrētajos pasākumos. Ir jāveicina izpratne par esošajiem tiesību aktiem, analizējot piemērošanas praksi.

Izmantotās literatūras un avotu saraksts

1. Iekšlietas. <http://www.consilium.europa.eu/lv/topics/home-affairs/>
2. Lisabonas Līgums: starptautisks dokuments.paraksīts 2007.gadā. Oficiālais Vēstnesis C 306 (2007).
3. Līguma par Eiropas Savienības darbību konsolidēta versija. <http://eur-lex.europa.eu/legalcontent/LV/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT&from=LV>
4. Likums Par policiju: Latvijas Republikas likums. Pieņemts: 04.06.1991. Publicēts: "Ziņotājs", 37, 24.09.1992.
5. Piekļuve Eiropas Savienības tiesību aktiem. <http://eur-lex.europa.eu/ho>

Preventīvā kara nošķiršana no agresijas: tiesiskās problēmas

Vita Upeniece

Rīgas Stradiņa universitāte, Latvija
Doktora studiju programma „Juridiskās zinātnes”

vita_up@yahoo.com

Zinātniskais vadītājs: Dr. iur. Jānis Grasis

Abstract

The prohibition of the use of force is fixed in the Charter of the United Nations. Any specific use of force can be lawful only if it is based on exceptions embodied in the Charter (action of self-defense under the Article 51 of the Charter of the United Nations or action under specific authorization by the Security Council under Chapter VII of the Charter of the United Nations) or is used accordingly to the purposes of the Charter of the United Nations.

Many scholars understand the term “anticipatory attack” as both preventive and pre-emptive war. These forms of war are based on the defensive reasons and on the belief that force is used only with the aim of self-defense. Different legal opinions about the meaning of the Article 51 have been arisen. Some authors acknowledge that the right of self-defense appears only in the situation of physical commencement of an armed attack. The others state that the Article 51 can't be interpreted in a way that results in the impairment of the right of self-defense, because the state doesn't have to suffer the consequences of the physical beginning of an armed attack before being lawfully entitled to defend itself especially nowadays, when the weapons of war are so powerful.

The main issue is how broad can be the interpretation of the right of self - defense so as anticipatory attack could be justified and detached from the act of aggression.

Key words: anticipatory attack, preventive war, self-defense, aggression.

Anotācija

Spēka lietošanas aizliegums ir nostiprināts Apvienoto Nāciju Organizācijas statūtos. Atbilstoši tiem jebkura spēka lietošana ir tiesiska, ja tā atbilst statūtos noteiktajiem izņēmumiem (rīcība paš aizsardzības nolūkā saskaņā ar 51. pantu vai, pamatojoties uz VII nodaļā noteiktajā kārtībā izdoto Drošības padomes pilnvarojumu) vai statūtos definētajiem mērķiem.

Ar jēdzienu „iepriekšējs uzbrukums” bieži tiek apzīmēts preventīvais un apsteidzošais karš. Abas šīs kara formas ir balstītas uz aizsardzību un pārliecību, ka spēks tiek lietots tikai ar paš aizsardzības mērķi. Pastāv dažādas Apvienoto Nāciju Organizācijas statūtu 51. panta interpretācijas. Atsevišķi autori norāda, ka tiesības uz paš aizsardzību rodas tikai tajā gadījumā, kad fiziski sākas uzbrukums. Citi vērš uzmanību, ka 51. panta tulkošanas rezultāts nedrīkst vājināt valstu tiesības uz paš aizsardzību, jo valstij nav jācieš no reāla uzbrukuma sākuma sekām, pirms tai radušās tiesības sevi aizstāvēt - it īpaši mūsdienās, kad ieroči kļūst arvien postošāki.

Šī referāta mērķis ir izvērtēt, cik plaša var būt valsts paš aizsardzības jēdziena interpretācija, lai iepriekšējs valsts uzbrukums netiktu atzīts par agresiju.

Atslēgvārdi: iepriekšējais uzbrukums, preventīvais karš, pašaizsardzība, agresija.

Apvienoto Nāciju Organizācijas (ANO) statūti tradicionāli regulē attiecības starp valstīm. Atbilstoši ANO statūtu 2. panta ceturtajai daļai visas dalībvalstis savās starptautiskajās attiecībās atturas no spēka draudiem vai to lietošanas gan pret jebkuras valsts teritoriālo integritāti vai politisko neatkarību, gan arī jebkurā citā veidā, kas nav savienojams ar ANO mērķiem.

Savukārt saskaņā ar ANO statūtu 51. pantu statūti neskar neatņemamās individuālās un kolektīvās pašaizsardzības tiesības, ja notiek bruņots uzbrukums organizācijas dalībvalstij, līdz tam laikam, kamēr Drošības padome nav veikusi pasākumus, kas nepieciešami starptautiskā miera un drošības uzturēšanai. Par organizācijas dalībvalstu veiktajiem pasākumiem, īstenojot tiesības uz pašaizsardzību, nekavējoties jāpaziņo Drošības padomei, un tie saskaņā ar statūtiem nedrīkst skart Drošības padomes pilnvaras un atbildību attiecībā uz tādu jebkurā laikā pieņemtu darbību, kādu tā uzskata par nepieciešamu starptautiskā miera un drošības uzturēšanai vai atjaunošanai.

ANO statūtu 51. pantā ir minēts bruņots uzbrukums. Agresija minēta ANO statūtu 1.panta pirmajā daļā, 39. pantā un 53. panta pirmajā daļā. Bet ANO statūti nesatur šo jēdzienu definīcijas. Tomēr no ANO statūtu normām izriet, ka spēka lietošana nevar tikt kvalificēta kā agresijas akts likumīgas pašaizsardzības gadījumā, kā arī gadījumā, ja to ir sankcionējusi ANO Drošības padome.

1963. gadā I. Braunlijs, vērtējot vai agresijas definēšana ir iespējama un nepieciešama, atzinis, ka ir sarežģīti sniegt visaptverošu definīciju tik dinamiskam jēdzienam, un vienlaikus secinājis, ka to nepieciešams darīt visas starptautiskās sabiedrības un starptautisko attiecību labā. Viņš uzsvēris, ka jēdziena skaidrojumam jābūt pietiekami vispārīgam un neapgrūtinātam ar speciālo terminoloģiju.[1] Agresijas definīcija tika apstiprināta ANO Ģenerālās asamblejas 1974. gada 14. decembra plenārsēdē, kurā ANO Ģenerālā asambleja atzina, ka agresija ir visnopietnākā un bīstamākā pretprettiesiska spēka lietošanas forma, un, ņemot vērā ANO statūtu 39. pantā noteikto Drošības padomes rīcību agresijas akta, miera apdraudējuma vai miera pārkāpuma konstatēšanas gadījumā, Rezolūcijas 3314 (XXIX) 1. pantā noteica, ka bruņotā spēka pielietošana pret citas valsts suverenitāti, teritoriālo integritāti vai politisko neatkarību vai jebkādā citā veidā, kas ir pretrunā ar ANO statūtiem, ir atzīstama par agresiju. Līdzās Rezolūcijas 3314 (XXIX) 1. panta nosacījumam par spēka lietošanu, pārkāpjot ANO statūtus, agresijas skaidrojums ANO Ģenerālās asamblejas 1974. gada 14. decembra Rezolūcijas 3314 (XXIX) 3. pantā ir papildināts ar rīcību sarakstu, kas tiek atzītas par agresiju neatkarīgi no kara pasludināšanas, piemēram: valsts bruņoto spēku iebrukums vai uzbrukums citas valsts teritorijai vai jebkāda militāra okupācija, kaut arī īslaicīga, kas notikusi šāda iebrukuma vai uzbrukuma rezultātā, vai jebkāda citas valsts teritorijas vai tās daļas aneksija, lietojot spēku, valsts bruņoto spēku izdarīta bombardēšana, ko veic

attiecībā uz citas valsts teritoriju, vai jebkādu ieroču lietošana pret citas valsts teritoriju un cita rīcība, grupējumu, grupas, neregulārā karaspēka karavīru vai algotņu nosūtīšana no valsts puses vai tās vārdā vai labā, ja tie, lietojot bruņotu spēku pret citu valsti, izdara aktus, kuri smaguma ziņā atbilst iepriekš minētajiem aktiem, vai būtiski iesaistās šādos aktos.[7]

A. Randelzhofers, salīdzinot ANO statūtos izmantotos agresijas un bruņota uzbrukuma jēdzienus, secinājis, ka bruņotais uzbrukums ir šaurāks jēdziens, kas raksturo vissmagāko agresijas formu. Viņš norāda - ja tiktu panākta vienošanās par bruņotā uzbrukuma jēdziena saturu, tas pastiprinātu starptautisko tiesību efektivitāti karu novēršanas procesos, jo tikai gadījumā, kad bruņots uzbrukums tiek skaidri un nepārprotami definēts ir iespējams veiksmīgi pretoties valstu mēģinājumiem attaisnot jebkuru spēka lietošanu ar paš aizsardzību.[5]

ANO Starptautiskā tiesa ir pieskārusies paš aizsardzības jautājumam spriedumos lietās: Nikaragva pret ASV, Irānas Islāma Republika pret ASV un Kongo Demokrātiskā Republika pret Ugandu. Lietā Nikaragva pret ASV ASV pamatoja spēka lietošanu pret Nikaragvu ar tiesībām izmantot kolektīvo paš aizsardzību sakarā ar Nikaragvas uzbrukumiem Hondurasai, Kostarikai un El Salvadorai, savukārt lietā Irānas Islāma Republika pret ASV ASV pamatoja savu uzbrukumu Irānas naftas platformām - ar paš aizsardzības reakciju uz Irānas rīcību Persijas jūras līcī, kas izpaudās kuģa mīnēšanā un uzbrukumos ASV karoga kuģiem. Lietā Kongo Demokrātiskā Republika pret Ugandu Uganda norādīja, ka lietoja spēku paš aizsardzības nolūkā pret Kongo Demokrātiskās Republikas uzbrukumiem.

ANO Starptautiskā tiesa 1986. gadā lietā Nikaragva pret ASV mēģināja viest skaidrību jēdziena „bruņots uzbrukums” izpratnē, norādot, ka pastāv kopīga vienošanās par rīcību, ko iespējams atzīt kā bruņotu uzbrukumu, it īpaši - gadījumos, kad ar bruņotu uzbrukumu tiek saprasta ne tikai regulāro bruņoto spēku darbība, šķērsojot starptautisko robežu, bet arī bruņotu grupu, grupējumu, neregulārā karaspēka vai algotņu sūtīšana vai darbošanās valsts vārdā, lietojot bruņotu spēku pret citu valsti tik lielā mērā, ka tas sasniedz patiesu regulāro bruņoto spēku uzbrukumu vai to būtisku iesaistīšanu.[8] Tādējādi tiesa izmantoja ANO Ģenerālās asamblejas 1974. gada 14. decembra Rezolūcijas 3314 (XXIX) 3. panta g) punktā iekļauto rīcības aprakstu, kas ir kvalificējama kā agresijas akts. Tiesa atzina, ka tiesības uz paš aizsardzību ir vērtējamas, piemērojot gan konvencionālās, gan starptautiskās paražu tiesības, proti, tā skaidri norādīja, ka prasība pēc bruņota uzbrukuma pastāvēšanas paš aizsardzības darbību uzsākšanai ir noteikta ne tikai ANO statūtu 51. pantā, bet arī paražu tiesībās.[2] Tomēr tiesa, norādot, ka lietā nav iespējami tiesiskas atbildes reakcijas uz sagaidāmo bruņoto uzbrukumu, nav vērtējusi paš aizsardzības tiesību tiesiskumu neizbēgamu uzbrukuma draudu pastāvēšanas gadījumā.[8]

2003. gada lietā *Irānas Islāma Republika pret ASV* ANO Starptautiskā tiesa, vērtējot, vai ASV ir atzīstama par Irānas uzbrukumu objektu un vai šie uzbrukumi

ir vērtējami kā bruņoti uzbrukumi ASV ANO statūtu 51. panta izpratnē, secināja, ka pierādījumi nav pietiekami lai konstatētu Irānas vainu uzbrukumos kuģiem un ASV kara kuģa mīnēšanā.[9]

2005. gada lietā *Kongo Demokrātiskā Republika pret Ugandu* ANO Starptautiskā tiesa, vērtējot tiesības uz paš aizsardzību, arī atsaucās uz ANO Ģenerālās asamblejas 1974. gada 14. decembra Rezolūcijas 3314 (XXIX) 3. panta g) punkta saturu un norādīja, ka, pārbaudot, vai bruņotu uzbrukumu izdarījusi Kongo Demokrātiskā Republika, secināms, ka nav pietiekamu pierādījumu tam, ka šīs valsts valdība tieši vai netieši iesaistījusies uzbrukumos, nosūtot bruņotas grupas vai neregulārā karaspēka karavīrus. Arī šajā lietā tiesa nav vērtējusi iepriekšējās paš aizsardzības tiesiskumu, norādot, ka Uganda uzstāj, ka operācija “Drošas debesis” nav uzskatāma par spēka lietošanu pret sagaidāmo uzbrukumu. Vienlaikus tiesa uzsvēra, ka ANO statūtu 51. pants var attaisnot spēka izmantošanu paš aizsardzības nolūkos tikai pantā strikti noteiktajās robežās un tas nepieļauj spēka lietošanu tādu interešu aizstāvēšanai, kuras valsts uzskata par drošības interesēm, jo valstij ir pieejami citi līdzekļi, it sevišķi - vēršanas Drošības padomē.[10]

Vērtējot ANO Starptautiskās tiesas praksi, secināms, ka tiesa analizējusi katru gadījumu individuāli, izvairoties no jēdzienu vispārināta skaidrojuma sniegšanas un tādējādi atstājot neatrisinātus daudzus pretrunīgus jautājumus.

Preventīvā un apsteidzošā kara jautājums ir tieši saistīts ar tiesību uz paš aizsardzību izmantošanu. No valodnieciskā viedokļa jēdzieniem „apsteidzošs” un „preventīvs” ir līdzīga nozīme, un tie var tik izmantoti kā sinonīmi. Tomēr juridiskajā literatūrā šie jēdzieni tiek nodalīti. ANO statūtu 51. pants garantē ikvienai valstij tiesības uz individuālu vai kolektīvu paš aizsardzību bruņota uzbrukuma gadījumā. Pastāv viedoklis, ka ANO statūtu 51. pants paredz iespēju izdarīt uzbrukumu, tikai lai atvairītu nepārprotami realizētu otras puses uzbrukumu, respektīvi, tikai gadījumā, ja valsts ir reāla bruņota uzbrukuma upuris. Šīs teorijas piekritēji, atsaucoties uz 1969. gada Vīnes konvencijas par starptautisko līgumu tiesībām 53. un 64. pantu, norāda, ka ANO statūtu 2. panta ceturtajā daļā iekļautajam nosacījumam par pienākumu valstīm atturēties no spēka draudiem vai spēka lietošanas to savstarpējās attiecībās ir imperatīva norma un tās saturs maiņa ir iespējama tikai ar līdzvērtīga spēka starptautisko tiesību normu.[6]

Apsteidzošās paš aizsardzības principa (preemptiveself-defense) piekritēji norāda, ka ANO statūti neaizliedz paš aizsardzību nenovēršamu un nepārprotamu draudu pastāvēšanas gadījumā, un atsaucas uz 1837. gada Karolīnas lietu. Šīs teorijas piekritēji vērs uzmanību, ka ANO statūti ir „dzīvs dokuments”, kurš jālasa, ņemot vērā situācijas attīstību mūsdienu pasaulē. Daudzi autori norāda, ka draudi var būt tik tieši un neizbēgami, ka būtu neiespējami prasīt no upura gaidīt līdz uzbrukuma reālajam sākumam, lai rastos pamats tiesību uz paš aizsardzību izmantošanai.[4] Balstoties uz pārliecību, ka labāk uzbrukt paš aizsardzības nolūkā pirmajam, nekā sagaidīt pretinieka uzbrukumu, valsts var pavērst konflikta iznākumu

sev par labu, glābjot savas aizsardzības spējas no iznīcināšanas no pretinieka pusēs, un mazināt konflikta negatīvās sekas savā teritorijā.[3]

Savukārt preventīvā kara jeb preventīvās paš aizsardzības principa aizstāvji lielāku nozīmi piešķir nevis laika faktoram jeb jautājumam, kad tieši sagaidāms uzbrukums, bet iespējamībai, ka nākotnē tas var notikt, un kaitējumam, kuru šis iespējamais uzbrukums varētu nodarīt. Preventīvais uzbrukums tiek saistīts nevis ar pārliecību, ka labāk uzbrukt pirmajam, nevis otrajam, bet ar vēlmi uzsākt cīņu ātrāk, nevis vēlāk. Šāda rīcība tiek attaisnota ar pārliecību, ka nākotnē militāro spēju balanss var mainīties par labu pretiniekam apbruņojuma pieauguma dēļ vai sakarā ar to, ka pretinieks iegūs vai attīstīs jaunas, postošas uzbrukuma vai aizstāvības spējas.[3]

Abi norādītie iepriekšējā uzbrukuma gadījumi balstās uz aizsardzības mērķiem un pārliecību, ka pretinieks nākotnē uzbruks, tomēr, ja apsteidzoša uzbrukuma gadījumā kā kritēriji tiek izmantoti Karolīnas lietā izvirzītie nosacījumi spēka lietošanai (neizbēgama un nepārvarama nepieciešamība, kas neatstāj nedz iespēju izvēlēties līdzekļus, nedz laiku pārdomām), tad preventīvā kara teorijas piekritēji neizvirza skaidrus priekšnosacījumus paplašinātu tiesību uz paš aizsardzību izmantošanai. Tādēļ agresijas akta konstatēšana joprojām būs saistīta ar tiesību uz paš aizsardzību interpretāciju.

Izmantotās literatūras saraksts

1. Brownlie I., International law and the use of force between states. Oxford: Clarendon, 1963.
2. Green J., The International Court of Justice and Self-Defence in International Law; Oxford and Portland, Oregon, 2009, 63.p.
3. Mueller K. P, Striking First: Preemptive and Preventive Attack in U.S. National Security Policy, RAND Corporation, 2006.
4. Randalzhofer A., Article 51 in The charter of the United Nations. A commentary, ed. B.Simma, Oxford/New York: Oxford University Press, 2002.
5. Randalzhofer A. Article 51 in The charter of the United Nations: A commentary, ed. B.Simma, Oxford/New York: Oxford University Press, 2004.
6. Simma B., NATO, The UN and the Use of Force: Legal Aspects, European Journal of International Law, 10, 1999.

Tiesību akti

7. 7. UN General Assembly Resolution 3314 (XXIX) of December 14, 1974, available at: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/739/16/IMG/NR073916.pdf?OpenElement>

ANO Starptautiskās tiesas prakse

8. International Court of Justice, Case concerning military and paramilitary activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)

Merits, Judgment of 27 June 1986, available at: <http://www.icj-cij.org/docket/files/70/6503.pdf>

9. International Court of Justice, Case concerning oil platforms (Islamic Republic of Iran v. United States of America), Judgement of 6 November 2003, available at <http://www.icj-cij.org/docket/files/90/9715.pdf>
10. International Court of Justice, Case concerning armed activities on the territory of the Congo (Democratic Republic of Congo v. Uganda), Judgment of 19 December 2005, available at: <http://www.icj-cij.org/docket/files/116/10455.pdf>

Salīdzinošā kriminoloģija: jēdziens, saturs un nozīme

Aldona Kipāne,

Latvija, Dr. iur., Rīgas Stradiņa universitāte, juridiskā fakultāte,
e-pasts aldonakipane@inbox.lv

Anotācija

Raksta mērķis ir izpētīt un novērtēt salīdzinošās kriminoloģijas teorētiskās pamatnostādnes. Autore sniedz ieskatu salīdzinošās kriminoloģijas jēdziena, satura un nozīmes izpratnē. Mūsdienu noziedzības globalizācijas apstākļos salīdzinošo pētījumu nozīme tikai pieaug. Rakstā apgalvots, ka salīdzinošā kriminoloģija ir patstāvīga kriminoloģijas zinātnes apakšnozare, kura pieprasa noteiktu specializāciju un kompetenci.

Atslēgas vārdi: kriminoloģija; noziedzība; salīdzināmošā kriminoloģija.

Abstract.

The goal of this article is study and estimate the comparative criminological theoretical guidelines. The Author provides insight of comparative criminology the concept, the content and the role. Nowadays, the globalization of crime meanings of the comparative research is only increasing. This article affirms that comparative criminology is an independent subsector in criminology science which demand certain specialisation and the competence.

Key words: criminology; criminality; comparative criminology.

Pēdējos gados aizvien lielāka uzmanība tiek pievērsta salīdzinošo tiesību (angļu val. Comparative law) attīstībai. Salīdzinošās tiesības kā juridisku zinātnisku disciplīnu ir pieņemts uzskatīt gan par: 1) patstāvīgu zinātņu; 2) vispārējās tiesību teorijas palīgdisciplīnu; 3) īpašu pētīšanas metodi, ko iespējams pielietot jebkurā juridiskajā zinātnē. Salīdzināšana var tikt veikta [3]: – atsevišķu tiesību normu un institūtu līmenī (mikrokomparatīvā salīdzināšana), – tiesību nozaru līmenī (mikrokomparatīvā salīdzināšana); – tiesību sistēmu un vispārējo principu līmenī (makrokomparatīvā salīdzināšana). Tātad par salīdzinošo tiesību izziņāšanas un izpētes objektiem var būt kā tiesību sistēma, tā arī noteiktie institūti vai tiesību normas, kā arī tiesiskā realitāte. Tā izpaužas salīdzināšanā, analītiskā izpētē, kopīgo un atšķirīgo pazīmju identificēšanā.

Salīdzinošo tiesību jēdziens tulkojumā no latīņu valodas nozīmē vērtēšanu (parare - vienādi vērtēt). Jebkuras zinātnes jomā, iegūstot un apkopojot pietiekamu informācijas apjomu aizvien aktīvāk tiek izmantots salīdzināmās izpētes rezultāti. Bez salīdzināšanas nav iespējams izdalīt kopējo un atsevišķo, apzināt pasaules struktūras daudzveidību un tās zinātnisko izzīņu” [15]. Šajā aspektā īpaši

aktuāli tas ir kriminoloģijas jomā, attīstot aizvien jaunus izpētes virzienus. Globalizācija atnes jaunas problēmas sabiedrības politiskajās, sociālajās, ekonomiskajās un savstarpējās attiecībās, ietverot gan pozitīvas, gan negatīvas iezīmes. Noziedzība un kriminogēnie procesi pasaulē kļūst sarežģītāki, kriminogēnāki, tādejādi lielāka nozīme un svarīgums tiek piešķirta noziedzības analīzes un salīdzināšanas uzdevumam. Globalizācijas, aizvien pieaugošā mobilitāte un migrācija ir palielinājusi katra cilvēka iespējas satikties ar „citādo” ne tikai sadzīvē, bet arī profesionālajā darbībā. Mūsdienās būtisks izaicinājums pasaules civilizācijai ir sabiedriskās, valstiskās un starptautiskās attiecības kriminalizācija, noziedzība kā nacionāla un transnacionāla problēma, jauno tehnoloģiju ietekme uz sociomu. Līdz ar jauno tehnoloģiju attīstību un piekļuvi starptautiskajam tirgum, noziedzība ir šķērsojusi valstu robežas un izplatījusies globālā mērogā. To varētu attēlot shematiski:

Ekonomikas globalizācija Jaunās tehnoloģijas

Transnacionāli kriminālie grupējumi: 70% kriminālo grupējumu sastāv no dažādu tautību pārstāvjiem; 3600 starptautiskās kriminālās organizācijas Eiropas Savienībā [7].

Starptautiskās sabiedrības redzeslokā aizvien aktīvāk nonāk organizētās noziedzības, terorisms, korupcijas, narkokriminalitāte, cilvēku tirdzniecība, kibernetizācija, u.c. Nenoliedzami, pasaules sabiedrības attiecību kriminalizācijas apstākļos pieaug kriminoloģijas joma [12, 194]. Tādejādi noziedzības globalizācijas periodā kriminoloģijas ietvaros tās attīstības gaitā tiek nodalīts patstāvīgs virziens – **salīdzinošā kriminoloģija**, kuras aktualitāte tikai pieaug.

Pētījuma mērķis ir izpētīt un novērtēt salīdzinošās kriminoloģijas teorētiskās pamatnostādnes. Autore sniegs ieskatu salīdzinošās kriminoloģijas jēdziena, satura un nozīmes izpratnē. Pētījuma gaitā izmantotas vispārzinātniskās metodes un empīriskās pētījuma metodes – kontenanalīze, deskriptīvā metode, dokumentu analīze, salīdzināšana un apkopojums.

Pirms pievērsties salīdzinošās kriminoloģijas jēdziena, satura un nozīmes analīzei. Autore sniedz nelielu teorētiska rakstura informāciju par kriminoloģijas zinātni.

Kriminoloģija, pētot noziedzību ir daudzu nozaru krustojšanās subjekts. Kriminoloģijai ir multidisciplināra struktūra, kurā dominē noziedzības un justīcijas problēma [8, 19]. Autore atzīmē, ka kriminoloģijas zinātnes veidošanās ir ietekmējusies gan ārvalstu pētnieku idejas, gan arī ar citu zinātņu sasniegumus. Kriminologs L.J. Siegels (L.J. Siegel) raksta, ka divdesmitā gadsimta lielākajā daļā kriminoloģija galvenokārt bija socioloģiska, bet šodien to var skatīt kā integrētu pieeju pētījumiem par noziedzīgu darbību. Minētais kriminologs norāda, ka kriminoloģija ir zinātniska pieeja noziedzīgas uzvedības īpatnības izpētei [10, 4]. Kriminoloģija kā starpdisciplināra zinātne izmanto citu zinātņu zināšanas un metodes (pirmām kārtām socioloģija un psiholoģija). Tāpat kā citas sociālās zinātnes par

sabiedrību veidojušās un balstās uz vairāku zinātņu atziņām – filozofijas, vēstures, kultūrvēstures, teoloģijas, pedagogijas, socioloģijas, tiesību un citas zinātnes. Kriminoloģija spēj risināt uzdevumus, kuri palīdz krimināltiesību jomā noziedzīgu nodarījumu novēršanā un ieliek pamatu noziedzības prevencijas un novēršanas pasākumiem. Pazīstamais vācu kriminologs H.J. Šneiders (H.J. Schneider) pieņem, ka kriminoloģijas uzdevums ir ļoti nozīmīgs, uz tās izdarītajiem secinājumiem vienmēr jābalstās juristiem gan krimināltiesību normu jaunradē, gan krimināltiesību pielietošanas praksē [17, 9].

Latvijas kriminoloģijas mācību grāmatā sniegts šāds kriminoloģijas definējums: kriminoloģija ir zinātne par noziedzību, tās cēloņiem un veicinošiem apstākļiem; par noziedznieka personību; par noziedzības kontroles un novēršanas metodēm [6, 23]. Autorei jānorāda, ka bez minētajiem kriminoloģijas pamatlementiem, būtiski nozīmīgs kriminoloģijas izpētes elements ir upura personība. Noziedznieka un upura mijiedarbība notiek savdabīgā sociālā vidē, kurā galvenokārt koncentrēti specifiskie apstākļi, kas ietekmē un sekmē noziedzīgu nodarījumu izdarīšanu. Jāpiekrīt, “acīmredzama ir nepieciešamība visaptverošam pētījumam par nozieguma upuriem, jo daudzi upura lomā, nozieguma situācijā nokļūst piespiedu kārtā. Apkopotie dati par cietušajiem palīdzētu atspoguļot patieso ainu par noziedzības izplatību un tās radītās sekas” [16, 6]. Minēto noziedzības elementa nozīmīgumu atzīmē arī ANO Noziedzības novēršanas un kriminālās tiesvedības kongresa Dohas deklarācija – turpināt veikt tālākus pētījumus un iegūt datus par viktimizācijas gadījumiem [18].

Pēc satura kriminoloģijā tiek nodalīta vispārējā un speciālā daļa. Kriminoloģijas attīstības gaitā izveidojušies dažādi virzieni un skolas par noziedzības izcelšanos un krimināla rakstura uzvedību, tā motivāciju. Kriminoloģijai attīstoties izveidojas dažādas apakšnozares: Klasiskā kriminoloģija (*Classical Criminology*); Ģimenes kriminoloģija; Politiskā kriminoloģija; Masu informācijas vai komunikatīvā kriminoloģija; Sakrālā kriminoloģija; Militārā kriminoloģija; Ekonomiskā kriminoloģija; Penitenciārā kriminoloģija; Vides kriminoloģija (*Environmental criminology*); “Zaļā” kriminoloģija (*Green criminology*); Antropoloģiskā kriminoloģija; Biosociālā kriminoloģija; Etno kriminoloģija (*Ethno criminology*); Kultūras kriminoloģija (*Cultural Criminology*); Kritiskā kriminoloģija (*Critical Criminology*); Anti kriminoloģija (*Anti criminology*); Socioloģiskā kriminoloģija; Klīniskā kriminoloģija (*Clinical Criminology*); Administratīvā kriminoloģija (*Administrative Criminology*); *Blue criminology*; *Constitutive criminology*; *Biological criminology*; Teorētiskā kriminoloģija (*Theoretical criminology*); Analītiskā kriminoloģija (*Analytical criminology*); Eksperimentālā kriminoloģija (*Experimental Criminology*); Attīstības un dzīves veida kriminoloģija (*Developmental and Life-course criminology*); Virtuālā kriminoloģija (*Virtual criminology*); Kiberkriminoloģija (*Cyber-criminology*); Sabiedrības kriminoloģija (*Public criminology*); Salīdzinošā kriminoloģija.

Salīdzinošā kriminoloģija (angļu val. comparative criminology; kievu val. сравнительная криминология) globalizācijas un noziedzības internacionalizācijas apstākļos attīstās aizvien intensīvāk. Salīdzinošās kriminoloģijas ietvars pieprasa pētījumu intensifikāciju¹ globālā līmenī (meta līmenī). Savukārt metavide ietekmē procesus arī makrovidē, kas raksturo sabiedrisko attiecību kopumu valstī [6, 219]. Socioloģijas profesors M. Kastels (M. Castells) nodalījis šādas globālā noziedzīga nodarījuma (global crime) grupas: ieroču kontrobanda; narkotisko vielu kontrobanda; 21. g. s. verdzības forma – cilvēku tirdzniecība; nelegālā migrācija; prostitūcija; kibernoziēgumi; seks tūrisms; terorisms; nelegālo līdzekļu legalizācija [2, 173]. Izvērtējot dažādus ANO un citu starptautisko organizāciju dokumentus un pētījuma rezultātus, var konstatēt, ka noziedzība ir globāla problēma, ja atbilst šādiem kritērijiem:

1. ja kādam noziedzīgam nodarījumam ir līdzīgas pazīmes lielākajā daļā pasaules valstīs;
2. nodarījumam ir transnacionāls raksturs un tā izdarīšanu mahānismā ir iesaistīti dažādu sabiedrību pārstāvji.

ANO 13. Noziedzības novēršanas un kriminālās tiesvedības kongresa pieņemtajā Dohas deklarācija noteikti stratēģijas virzieni un prioritātes cīņā ar noziedzību. Deklarācijā uzsverta cīņa pret transnacionālo organizēto noziedzību; korupciju; nelegālo līdzekļu legalizācija; terorismu; cilvēka tirdzniecību; nelegālo migrāciju; kā arī īpaši atzīmēta sieviešu un meiteņu aizsardzība [18]. ANO Noziedzības novēršanas un kriminālās tiesvedības 24. sesijā uzrunas laikā B. Hasans norādījis uz to, ka Eiropas Savienības dalībvalstu būtiskajiem jautājumiem noziedzības apkarošanā – cīņa ar vardarbību pret neaizsargātajām grupām; cilvēka tirdzniecību upuriem; nelegālo migrāciju; cīņa ar pārnacionālo organizēto noziedzību; korupciju; kibernoziēgumiem; terorismu; pirātismu; kultūras mantojumu nelegālo tirdzniecību un noziēgumiem pret floru un faunu [9].

Autore uzskata, ka salīdzināšana apskatāma kā kriminoloģijas zinātnes fundamentāls raksturojums un jau ielikts kriminoloģijas zinātnes atīstības pirmsākums. Kriminoloģijas starpdisciplinārā daba 1) predestinē savstarpēju interesi saistītu ar citām nozarēm; 2) pieprasa nepārtauktu nacionālo un ārvalstu kriminologu un citu zinātņu pārstāvju izpētes rezultātu analīzi vai monitoringu. Autore piekrīt Krievijas profesores O. Vederņikovas (O.H. Вeдeрникoвa) viedoklim, ka kriminoloģijā kā starpdisciplinārā disciplīna jau savos pirmsākumos attīstījās kā universāla zinātnes nozare par noziedzību un noziedznieku, nesaistot to ar valstu robežām, tāpat kā to atstāj bez ievēribas noziedzība. Salīdzinošā kriminoloģiskā metode bija pamata metode kriminoloģisko zināšanu pārbaudei un izplatīšanai [11, 16-17]. Teorētiskās nostādnēs un salīdzinošos pētījumos apzināts, kanoziedzības determinanti, cēloņi un veicinošie apstākļi visās valstīs ir vieni tie paši – sociālie, ekonomiskie, politiskie, ideoloģiskie, sabiedrības garīgās pretrunas, jo izteiktākas ir to pretunas, jo augstāka ir noziedzība. Jāpiekrīt atziņai, ka salīdzinošā kriminoloģija ir zinātnes joma, kas nodrošina pamatu kriminoloģijas attīstībai un tās ietekmē.

dzināmā kriminoloģija ir tikpat sena kā kriminoloģijas zinātne, piemēram, Ćezare Berkarija (Cesare Beccaria); Džeremijs Bentems (Jeremy Bentham), Voltērs (Voltaire), Klauds Andrie Helvēcijs (Claude Adrien Helvétius) Ādolfs Ketele (Adolphe Quetelet) un citas apgaismības laikmeta personības, salīdzināja savas valsts tiesību sistēmu un justīciju ar citu valstu sistēmām. Salīdzinošie materiāli plaši tiek izmantoti noziedznieka personības izpētē, noziedzības deteminantu pētīšanā. Izteiktās atziņas un ieteikumi bieži vien bija ietekmīgi un ieviestas izmaiņas ārvalstīs [4, 141]. Paplašinot teorijas ārpus kultūras un valsts robežas, salīdzinošie pētījumi kriminoloģijas teorijām, kas parasti ir veidota konkrētā valstī, dod iespēju tās piemērot un pārņemt citās valstīs. Piemēram, Kibernoziegumu salīdzināmās izpētes (Comprehensive Study on Cybercrime) rezultāti: ar bērnu pornogrāfijas materiāliem saistīto nodarījumu izdarītājs ir vecumā no 15 gadiem līdz 73 gadiem (vidējais vecums 49 gadi); 60% noziedznieks ne tikai uzglabāja, bet arī izplatīja šos materiālus. No visiem noziedzniekiem - 1/5 noziedznieku nestrādāja, bija pensionārs, bezdarbnieks vai saņēma pabalstu, pārējie strādāja vai studēja; 42% noziedznieku dzīvoja kopā bija partneri un/vai bērnu; 4% bija garīgās veselības problēmas. Visi no pētījumā apzinātiem noziedzniekiem savas darbības rūpīgi slēpa no tuviniekiem. Noziedzīga nodarījuma izdarīšanas ilgums bija reģistrēts no 6 mēnešiem līdz 30 gadiem [4].

Pēc autores ieskata, salīdzinošā kriminoloģija ir uzskatāma par patstāvīgu kriminoloģijas apakšnozari. Tajā ir formulēts patstāvīgs izpētes objekts, mērķi, uzdevumi, funkcijas un sava metodoloģija. Profesors V. Luņejevs (B.B. Лунеев) norāda, ka salīdzināmā kriminoloģija ir kriminoloģijas zinātnes nozare, kuras ietvaros vispārīgi tiek pētītas pasaules, reģiona un nacionāli specifiskās noziedzības tendences un citi noziedzības raksturojošie elementi: noziedzības faktori, noziedzības novēršanas un pretdarbības pasākumi, kā arī noziedzības veidošanās pamata teorijas. Salīdzināmie parametri – faktiskie rādītāji un ar noziedzību saistītas parādības dažādās valstīs, reģionos un pasaulē kopumā, kā arī teorētiskās koncepcijas [14, 597].

Salīdzinošās kriminoloģijas priekšmets ir:

- Noziedzība savā daudzveidībā;
- Noziedzības faktoru teorijas;
- Starptautiskā sadarbība noziedzības apkarošanā.

Analizējot noziedzības globālo raksturu un to problemātiku jākonstatē, ka mūsdienās salīdzinošās kriminoloģijas priekšmets kļūst izteiktāks un tas ir dinamisks, saturiski mainoties, atkarībā no globālās noziedzības situācijas. Vienlaicīgi var piekrist uzskatam par salīdzinošās kriminoloģijas robežu svārtīgumu nosaka: 1) kriminoloģiskās situācijas mainīgums; 2) stratēģijas un metodes dinamiskums reaģēšanai uz noziedzību; 3) zinātnieku kriminoloģisko uzskatu attīstība citu zinātņu jomā. Tas ietekmē to, ka noziedzības novēršanas jomā kā vadošie eksperti kļūst ne kriminoloģi, bet citu zinātņu speciālisti kā ekonomisti, politologi, socio-

logi un citi speciālisti (pat ģeogrāfi) [12, 193].

Saskaņā ar Krievijas kriminologa V. Kudrjavceva viedokli (В.Н. Кудрявцев) Salīdzinošā kriminoloģija – nav patstāvīga zinātnes nozare, bet viens no noziedzības, tās faktoru un citiem noziedzības elementu, izpētes virzieniem, kas veido dažādu valstu kriminoloģijas zinātnes priekšmetu. Faktiski, analizējot vienas valsts kriminoloģiskās parādības kopumu vai tās dažus elementus, ietverot analogisku sistēmu tiek analizēts atbilstošās parādības citā valstī. Šādas izpētes mērķis ir daudzpusīgāk un plašāk izprast mūsdienu pasaules procesus kopumā un sabiedrības procesus dažādās valstīs, ar atšķirīgām sabiedriskām sistēmām [13, 72].

Salīdzināmā kriminoloģija aptver:

- ▶ Salīdzinošo metodi, daudzas starptautiskās organizācijas izveidotas, lai salīdzinātu noziedzīgu parādību datus dažādās valstīs.
- ▶ Salīdzinošā kriminoloģija ir speciālās zinātniskās darbības sfēra.

Tādejādi salīdzinošo kriminoloģiju var definēt kā kriminoloģijas pastāvīgu apakšnozari, kura aptver salīdzināmās metodes izmantošanu noziedzības parādības izpētē un noziedzības novēršanas pasākumu izstrādē. Salīdzinošā kriminoloģija ir patstāvīgs zinātnisks virziens, kurš prasa noteiktu kompetenci un speciālizāciju. Kriminoloģiskās izpētes procesā svarīgs princips ir pieejas kompleksums un mijiedarbības princips. Nenoliedzami jebkuram kvalificētam kriminologam jāpārzina vispārēja informācija par noziedzību dažādos valsts reģionos, ārvalstīs un pasaulē, jābūt priekšstatam par kriminogēnām parādībām. Tomēr iegūt un analizēt šādu informāciju vajadzētu speciālistiem, kuri pārvalda informācijas iegūšanas metodes, prot apkopot un interpretēt, spēj noformulēt perspektīvo pētījuma hipotēzi; formulēt empīrisku datu bāzi; ir pietiekama zinātniskā erudīcija. Tomēr autorei jānorāda, ka viena endēmijas² problēma, ar ko saskaras salīdzinošā kriminoloģija ir noziedzīga nodarījuma un citu nozīmīgu jēdzienu definēšanas daudzveidība (dažādās kultūrās un nacionālās valstīs definē noziedzību un citus svarīgus jēdzienus dažādi). Lietderīgi minēt Dr.iur. A. Beļskas atziņu, ko var attiecināt arī salīdzinošo kriminoloģiju, lai ārvalstu tiesību pētniecība praktiskiem mērķiem būtu korekta un vēlāk nerastos pārpratumi, būtiski ir ne tikai formulēt pētījuma mērķi, bet arī noteikt sasniedzamo rezultātu [1, 28].

Rezumējot iepriekšminēto:

Mūsdienu noziedzības globalizācijas apstākļos salīdzinošo pētījumu nozīme tikai pieaug. Autore uzskata, ka Latvijā nepieciešams veicināt kriminoloģijas kā zinātnes attīstību un kriminoloģisku pētījumu veikšana, īpaša nozīme ir salīdzinošiem pētījumiem. Neapšaubāmi, izmantojot ārvalstu zinātnieku zināšanas un atziņas tiek sekmēta, pilnveidota un attīstīta nacionālās kriminoloģijas potenciāls.

Autorei jāsecina, ka valstī trūkst stratēģiskas, uz pētījumiem un zinātniskām atziņām balstītas pieejas noziedzības pētīšanai, kuru rezultāti varētu ietekmēt

kriminālpolitikas veidošanās virzienus. Autore uzskata, ka efektīvas noziedzības novēršanas kriminālpolitikas veidošanas jomā Latvijā ir nepieciešami kriminoloģiska rakstura pētījumi.

Autore uzskata, ka Latvijā nepieciešami kvalitatīvi, efektīvi, plaši un pietiekami labi izstrādāti kriminoloģiskie un salīdzinošie pētījumi. Pēc autores domām, šādu pētījumu veikšana būtu nododama specializētai institūcijai ar pietiekamu kapacitāti. Lietderīga būtu kriminoloģiski pētnieciskā institūta izveide.

Kriminoloģiskās domas attīstību veicinātu specializēta žurnāla izveide – kriminoloģijas pētnieciskais žurnāls, kurā tiktu publicēti akadēmiskā personāla, jauno zinātnieku un studentu pētnieciskie darbi.

Izmantotās literatūras un avotu saraksts

1. Bejska, A. Noziedzīga nodarījuma izpratne Latvijas un Amerikas Savienoto valstu krimināltiesībās: Promocijas darbs. Rīga, Latvijas Universitāte, 2012.
2. Castells, M. *End of Millennium, The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. II.* Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1998.
3. Comparative Law. Pieejams: <http://www.britannica.com/science/comparative-law> - aplūkots 25.11.2015.
4. Comprehensive Study on Cybercrime. UNODC, 2013.
5. Pieejams: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/UNODC_CCP-CJ_EG.4_2013/CYBERCRIME_STUDY_210213.pdf
6. Howard, J.G., Graeme, N., Pridemore A.W. Theory, Method and Data in Comparative Criminology // Criminal Justice. 2000. Volume 4.
7. Kriminoloģija. Mācību grāmata / zin. red. K.Ķipēna, A. Vilks Nordik, 2004.
8. Noziedzība izplatās globālā mērogā. Eiropas Parlaments. Pieejams: www.europarl.europa.eu – aplūkots 29.11.2015.
9. O'Brien, M. and Yas, M. Criminology: The Key Concepts. Routledge, Taylor & Francis, 2008.
10. Preses relīze. Latvijas Vēstneša portāls: Par Likumu un Valsti. Pieejams: www.lvportals.lv
11. Siegel, L.J. Criminology: Theories, Patterns and Typologies. Belmont, Wadsworth, 2012.
12. Ведерникова, О.Н. Сравнительная криминология: от прошлого к будущему // Государство на рубеже веков : мат-лы всерос. конф. М., 2001.
13. Клейменов, И.М. Поняти и предмет **сравнительной криминологии** // Вестник Омского университета Серия "Прво", 2010, 3 (24).
14. Кудрявцев В.Н. Методологические вопросы сравнительной криминологии // Проблемы сравнительного правоведения. Москва, 1978.
15. Лунеев, В. В. Сравнительная криминология // Криминология : учебник. М.: Волтерс Клувер, 2004.

16. Ротенфельд Ю. Запечатанная книга. Pieejams:<http://www.lib.rin.ru/doc/i/15971p15.html> -aplūkots 28.11.2015.
17. Ривман, Д.В. Криминальная виктимология. Санкт-Петербург, Питер, 2002.
18. Шнайдер, Г.Й. Криминология. Москва, „Прогресс”, „Универс”, 1994.
19. 13th United Nation Congress on Crime prevention and Criminal Justice. Doha, 12-19 April 2015. Pieejams:https://www.unodc.org/documents/congress/Documentation/ACONF222_L6_e_V1502120.pdf – aplūkots 28.11.2015.

Publiskā aicinājuma uz terorismu krimināltiesiskais regulējums, un tā piemērošanas teorētiskās un praktiskās problēmas

Ēriks Treļs, Dr. iur.,
Valsts policijas koledžas lektors,
eriks.trels@gmail.com

Anotācija

Saskaņā ar Eiropas Padomes Konvencijas par terorisma novēršanu 5. panta pirmo daļu „publiskais aicinājums veikt teroristisku nodarījumu” ir informācijas publiska izplatīšana vai citāda šīs informācijas publiskošana ar mērķi kūdit uz teroristisku nodarījumu veikšanu, kad šādas darbības, tieši vai netieši propagandējot teroristiskus nodarījumus, rada briesmas, ka viens vai vairāki teroristiski nodarījumi varētu tikt veikti.

2007.gada 13.decembrī Latvijā tika veikti grozījumi Krimināllikumā, kas pilnveidoja normatīvo regulējumu, paredzot atbildību par publisko aicinājumu uz terorismu. Referāta mērķis ir uzsākt diskusiju par iespējamiem problēmjaudājumiem, kas saistīti ar Krimināllikuma 88.² panta piemērošanu. Autors sniedz savu redzējumu par jaunā normatīvā regulējuma piemērošanas problemātiku.

Atslēgas vārdi: terorisms, publiskais aicinājums uz terorismu, Krimināllikuma 88.² pants.

Abstract.

According to the first part of Section 5 of the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism, “public provocation to commit a terrorist offence” means the distribution, or otherwise making available, of a message to the public, with the intent to incite the commission of a terrorist offence, where such conduct, whether or not directly advocating terrorist offences, causes a danger that one or more such offences may be committed.

On 13 December 2007, in Latvia, amendments were made to the Criminal Law, which joined the regulatory framework, with liability for public invitation to terrorism. The article aims to initiate a debate on potential problems related to the application of the Section 88.² of the Criminal Law. The author offers his vision of the new regulatory framework application problems.

Key Words: Terrorism, Public Invitation to Terrorism, Section 88.² of the Criminal Law.

Ievads.

2005. gada 16. Maija Eiropas Padome pieņēma Konvenciju par terorisma novēršanu (turpmāk - Konvencija). Konvencija definēja jēdzienu “publiskai cinajums veikt teroristiskuno darjumu”, kas saskaņā arKonvencijas 5. Panta pirmo daļu ir informācijas publiska izplatīšanavai citāda šīs informācijas publisko šana ar mērķi kūdīt uz teroristisku no darjumu veikšanu, kad šādas darbības, tieši vai netieši propagandējot teroristiskus no darjumas, rada briesmas, ka viens vai vairāk I teroristiski nodarjumi varētut ikt veikti [1]. Konvencija Latvijātika ratificē-

ta 2008.gada 13.Novembrī ar likumu “ParVispārējo konvenciju par nacionā lomi noritāšu aizsardzību” [4].2008. gada 12. janvārī stājāspēkā grozījumiKrimināl-likumā (turpmāk – KL), kas papildināja normative regulējumuarjaunu88.²pantu “Aicinājums uz terorismu un terorisma draudi”, paredzot atbildību par publisku aicinājumu uz terorismu vai draudiem īsteno tterora aktu, jairpamats uzskatīt, ka tas var tikt veikts [2].

Kā pamatoti atzīmēja profesors U. Krastiņš, runā dams par Krimināllikumā iekļautā mjaunajām normām un par esošo normu satura papildinājumu, atbilsto šis tarptautiskajiem tiesību aktiem, kuriem Latvija pievienojusies, šo normu „nepieciešamību un efektivitāti varēsizvērtēt tikai ilgā kā laika periodā” [5, 18-19]. Pēdējo četrugadu laikā (no 2011. gada 1. Janvāra līdz 2014. gada 31. decembrim) 88.²pantstikapiemērotspraksē tikai četrasreizes (2011. gadā – 1, 2012. gadā – 1, 2014. gadā – 2) [9].

Referāta mērķis ir noskaidro tar kādām grūtībāms as kā rāst iesību piemēro-tājs, izmeklējot krimināl procesus, kastikauzsāktipēcKL88.²panta, kā arī uzsākt diskusiju par iespējamiem problem jautājumiem, kas saistīti ar KL88.²panta piemērošanu.

Pētījuma rezultāti

KL88.² pantā ietvert aisnoziedzīga is nodarījums ir klasificēts kā smagsno-zieguns. Noziedzīganodarījumaobjektsir „ar Krimināl likumu aizsargātas valsts, sabiedrības, cilvēku kolektīvu un atsevišķu indivīdu intereses, kura sap draud no-ziedzīgs no darījums, nodarottāmvaidraudotnodarītkaitējumu” [7, 31]. Profesors P. Mincs norāda, ka „katrs labums noder par objektu noziedzīgam nodarījumam” [11, 89]. Parasti krimināl tiesībās izdala vispārējo, grupas un tiešo noziedzīga no-darījuma objektu. Vispārējais noziedzīga nodarījuma objekts ir visu interešu ko-pums, ko aizsargā Krimināllikums. Noziedzīga nodarījuma grupas objekts, pēc U. Krastiņa teiktā, ir „tādas pašas vai vienāda veida un savstarpēji saistītas vairākas intereses, kuras apdraud vesela noziedzīgo nodarījumu grupa” [6, 37]. Savukārt, noziedzīga nodarījuma tiešais objekts ir „tās intereses, ko apdraud konkrēta veida noziedzīgs nodarījums” [6, 39]. „Terorisms apdraud Latvijas Republikas ekono-misko sistēmu un valsts un starptautisko drošību. Tajā pat laikā terorisms apdraud arī cilvēka dzīvību un veselību, mantiskās intereses, uzņēmumu, iestāžu un orga-nizāciju normālu darbību, vispārējo drošību un sabiedrisko kārtību.” [8, 47]

Noziedzīga nodarījuma objektīvā puse ir personas uzvedības ārēja izpausme (darbība vai bezdarbība), kas rada vai var radīt kaitējumu „citu personu likumis-kajām tiesībām un interesēm” [7, 31]. U. Krastiņš sekojoši skaidro jēdzienu „dar-bība”: „Krimināltiesiskā nozīmē darbība ir personas aktīva, kaitīga un prettiesiska uzvedība, kas pauz šīs personas apzinātu gribu un tā ir vērsta pret noziedzīga no-darījuma objektu, nodarot vai radot draudus nodarīt kaitējumu ar Krimināllikumu aizsargātām personu interesēm” [6, 50]. KL 88.²pantā ietvertais noziegums no

objektīvās puses izpaužas kā publisks aicinājums uz terorismu, tas ir aicinājums veikt kādu (vai vairākas) no sekojošām darbībām: spridzināšanu, dedzināšanu, kodolķīmisko, ķīmisko, bioloģisko, bakterioloģisko, toksisko vai citu masveida iznīcināšanas ieroču lietošanu, masveida saindēšanu, epidēmiju, epizootiju izplatīšanu, personas nolaupīšanu, ķīlnieku sagrābšanu, gaisa, sauszemes vai ūdens transportlīdzekļu sagrābšanu vai citādām darbībām, ja tās veiktas nolūkā iebiedēt iedzīvotājus vai piespiest valsti, tās institūcijas vai starptautiskas organizācijas izdarīt kādu darbību vai atturēties no tās, vai kaitēt valsts, tās iedzīvotāju vai starptautiskas organizācijas interesēm (KL 88. pants), vai draudiem īstenot terora aktu, ja ir pamats uzskatīt, ka tas var tikt veikts.

KL 88.²pantā minētā darbība var izpausties mutvārdu vai rakstveida aicinājumos. Līdzīgi, kā lietās par nacionālā, etniskā un rasu naida izraisīšanu, arī aicinājums uz terorismu paredz publiskuma nepieciešamību, objektīvās puses konstatēšanai, uz ko norāda cilvēktiesību eksperts A. Kučs, atzīmējot, ka izteikumi, kas izteikti tikai divu personu starpā un neskar pārējo sabiedrību, nebūs uzskatami par publiskiem [10, 31].

Parasti aicinājums tiek izteikts izmantojot darbības vārdus pavēles izteiksmē (jeb imperatīvs). Darbības vārds pavēles izteiksmē tiek lietots, ja ar to tiek izteikta pavēle, pamudinājums, aicinājums, lūgums [12]. Tomēr krimināltiesību zinātnieki norāda, ka dažreiz aicinājumi tiek izteikti aizplūvurotā veidā, izmantojot darbības vārdus *vēlējuma izteiksme* [16, 69-72], vai izmantojot izteicienus: „būtu labi, ja”, „es vēlētos, lai”, u.c. [17, 68-69]. Darbības vārds vēlējuma izteiksmē tiek lietots, ja tiek norādīts uz vēlamu darbību, kas noteiktos apstākļos var būt iespējama vai neiespējama [13]. Tā, piemēram, pretrunīgi vērtējais Krievijas politiķis Vladimirs Žirinovskis (Жириновский В. В.) savā grāmatas „Pēdējais vagonš uz Ziemeļiem” (Последний вагон на Север) ievadā apraksta savu nākotnes paredzējumu (Предвидение), situāciju, kad vairāki Krievijā pazīstamie politiķi satikušies vilciena „Maskava – Anadira” (Anadira ir pilsēta Krievijā, kas atrodas uz ziemeļiem aiz Polārā loka) pēdējā vagonā, gaidot savu izsūtījumu [14]. Tātad V. Žirinovskis aprakstīja vēlamo darbību, kas īstenībā nekad nav notikusi un nav iespējama.

Turpinot KL 88.²panta sastāva analīzi, jānorāda, ka noziedzīgā nodarījuma subjekts ir vispārīgais – fiziska pieskaitāma (KL 13. pants) persona, kas sasniegusi četrpadsmit gadu vecumu (KL 11. pants).

Noziedzīga nodarījuma subjektīvā puse ir personas iekšējā attieksme pret ārējā pasaulē objektīvi notiekošo [6, 88]. Krimināltiesību teorijā tiek izdalītas šādas noziedzīga nodarījuma subjektīvās puses pazīmes: vaina nodoma vai neuzmanības formā, motīvs un mērķis (nolūks) [6, 88]. KL8. panta pirmā daļa nosaka, ka par vainīgu noziedzīgā nodarījumā atzīstama tikai persona, kas to izdarījusi ar nodomu (tīši) vai aiz neuzmanības. Procesa virzītājam, lai noskaidrotu noziedzīgo nodarījumu izdarījušās personas vainas formu, jākonstatē šīs personas psihiskā attieksme pret noziedzīgā nodarījuma objektīvajām pazīmēm.

Kā norāda profesors U. Krastiņš, motīvs un mērķis ietekmē nodoma rašanos, tā virzību uz mērķi un nodoma īstenošanos [6, 108-109]. Motīvs tiek definēts kā iekšējais pamudinājums, dziņa, tieksme, kas virza vainīgā gribu uz noziedzīga nodarījuma izdarīšanu. Savukārt mērķis ir iecerētais rezultāts, ko persona, izdarot noziedzīgu nodarījumu, vēlas sasniegt. KL 88.²pantā minētās darbības motīvs ir pamudināt sabiedrības pārstāvjus veikt teroristiskos aktus un (vai) citas KL 88. pantā ietvertās darbības. Kā pamatoti norāda Krievijas zinātnieks J. Pudovočkins (Пудовочкин Ю. Е.), tieši šīs darbības mērķtiecība atšķir aicinājumu uz terorismu, no personiskā viedokļa paušanas par valstiskiem, politiskiem un nacionāliem jautājumiem ģimenes vai draugu lokā veiktajās sarunās [15, 75].

Secinājumi un priekšlikumi

1. Aicinājums uz terorismu var izpausties mutvārdu vai rakstveida aicinājumos.
2. KL 88.²pantā minētai darbībai jābūt vērstai uz sabiedrību. Aicinājumi uz terorismu, kas izteikti tikai divu personu starpā un neskar pārējo sabiedrību, nebūs uzskatāmi par publiskiem.
3. KL 88.²pantā minēto darbību var izteikt kā atklātā veidā, tā arī aizplīvurotā veidā.
4. KL 88.²pantā minētās darbības motīvs ir pamudināt sabiedrības pārstāvjus veikt jebkuru (vai vairākas) no KL 88. pantā (Terorisms) ietvertām darbībām.

Izmantotās literatūras un avotu saraksts

1. Konvenciju par terorisma novēršanu: starptautisks dokuments. Latvijas Vēstnesis, 2008. 27.novembris, Nr.185.
2. Grozījumi Krimināllikumā: LR likums. Latvijas Vēstnesis, 2007. 29. decembris, Nr. 208.
3. Krimināllikums: LR likums. Latvijas Vēstnesis, 1998. 8. jūlijs, Nr. 199/200.
4. Par Eiropas Padomes Konvenciju par terorisma novēršanu: LR likums. Latvijas Vēstnesis, 2008. 27.novembris, Nr.185.
5. Krastiņš U. Krimināllikumam 10 gadi: tapšana, attīstība un perspektīva. Juridiskā zinātne, 2010, Nr.1.
6. Krastiņš U. Noziedzīgs nodarījums. Rīga: Tiesu namu aģentūra, 2000.
7. Krastiņš U., Liholaja V., Niedre A. Krimināllikuma zinātniski praktiskais komentārs. 1. Vispārīgā daļa. Rīga: AFS, 2007.
8. Krastiņš U., Liholaja V., Niedre A. Krimināllikuma zinātniski praktiskais komentārs. 2. Speciālā daļa. Rīga: AFS, 2007.
9. Kriminālā statistika. Latvijas Republikas Iekšlietu ministrijas Informācijas Centrs. Pieejams: <http://www.ic.iem.gov.lv/node/109> [aplūkots 2015.gada 23.novembrī].
10. Kučs A. Tiesu prakse krimināllietās par nacionālā, etniskā un rasu naida izraisīšanu. Rīga: Latvijas Republikas Augstākā tiesa, 2012, 31.lpp.

11. Mincs P. Krimināltiesību kurss. Vispārējā daļa. Ar U. Krastiņa komentāriem. Rīga: Tiesu namu aģentūra, 2005.
12. Pavēles izteiksme. Pieejams: https://lv.wikipedia.org/wiki/Pavēles_izteiksme [aplūkots 2015.gada 23.novembrī].
13. Vēlējuma izteiksme. Pieejams: https://lv.wikipedia.org/wiki/Vēlējuma_izteiksme [aplūkots 2015.gada 23.novembrī].
14. Жириновский В. В. Последний вагон на Север. Москва: Фолиант, 1995.
15. Пудовочкин Ю. Е. Преступления против безопасности государства. Москва: Юрлитинформ, 2009.
16. Шибузов З.А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма. Москва: Юрлитинформ, 2014.
17. Шуйский А.С. Ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма. В кн: Актуальные проблемы уголовного и уголовно-исправительного права: сборник научных статей. Москва: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2010.

Terorisma draudu iespējamība un to ietekme uz kuģošanas aizsardzību Latvijas ostās.

Aldis Dreiblathe

Doktoru studiju programma: „Tiesību zinātnes”

Rīgas Stradiņa universitāte, Latvija

zinātniskais vadītājs: dr. hab. iur. profesors Osvalds Joksts

Anotācija

Patlaban terorisma draudu līmenis un tieša militāra iebrukuma iespējamība mūsu valstī ir zema, taču, ņemot vērā ģeopolitiskās situācijas izmaiņas, imigrantu plūsmu Eiropā un pēdējā laika uzbrukumus Dānijā, Francijā, Malī, Nigērijā un Turcijā, terorisma draudu pieaugums būtiski palielinās. Pašreizējā informācija liecina, ka “Daesh” (“Islāma valsts”), “Al-Qaeda”, “Boko Haram” un citi teroristu grupējumi turpina plānot teroristu uzbrukumus daudzos reģionos. Nedrīkstam novērtēt šos draudus. Ir savlaicīgi jāveic arī kuģošanas aizsardzības un Latvijas ostu iekārtu aizsardzības papildus pasākumi, jo kriminālie grupējumi un teroristi visapkārt pasaulei ir ieinteresēti jūrniecības biznesā. No gada uz gadu paaugstinās cilvēku kontrabanda, nelegālie imigranti, kravu zagšana, narkotiku kontrabanda, pirātisms un terorisms jūrniecībā. Jūrniecības industrija ir viena no neaizsargātākām no kriminālām aktivitātēm, to lielo apjomu dēļ. Kriminālie grupējumi izmanto katru vājumu jūrniecības industrijā. Kamēr pastāvēs draudi jūrniecības industrijai, tikmēr būs nepieciešams pievērst ar vien lielāku un lielāku uzmanību jūrniecības aizsardzībai.

Hipotēze - kuģošanas aizsardzība, kā kuģošanas drošības nodrošināšanas sastāvdaļa, ņemot vērā ģeopolitiskās situācijas izmaiņas un terorisma draudu pieaugumu ir uzskatāma par nepietiekamu un ir būtiski jāuzlabo veicot, ne tikai praktiskus pasākumus, bet arī kuģošanas drošību un ostu darbību reglamentējošo tiesību aktu uzlabojumus.

Atslēgas vārdi - kuģošanas aizsardzība, kuģošanas drošība, nelegālie imigranti, terorisms.

Abstract

The terrorism threat level and the likelihood of direct military invasion of our country is low, but given the geopolitical situation changes, the flow of immigrants in Europe and recent attacks in Denmark, France, Mali, Nigeria and Turkey, the terrorist threat will significantly increase. Current information indicates that “Daesh” (“Islamic State”), “Al-Qaeda”, “Boko Haram” and other terrorist groups continue to plan terrorist attacks in many regions. We must not underestimate these threats and additional Maritime protection and improvements to the port facility security measures are necessary as the criminal gangs and terrorists around the world are interested in maritime business. Every year there is an increase in human smuggling, illegal immigrants, cargo larceny, drug smuggling, piracy and maritime terrorism. The maritime industry is one of the most vulnerable industries who suffer from criminal activities, due to the large amount of cargo it carries. Criminal gangs use every weakness in the maritime industry. As long as there is a danger of the maritime industry, it will be required to pay a greater and greater attention to maritime protection.

Hypothesis - maritime protection, as part of the maritime security, taking into account

changes in the geopolitical situation and the threat of terrorism, is to be regarded as insufficient and it is essential to improve not only the practical measures, but also improvements in maritime safety and the legislation regulating the operation of the port.

Key words - maritime protection, maritime safety, illegal immigrants, terrorism.

Ievads.

Visu pasauli jau 2001.gada 11.septembrī pārsteidza terorisma uzbrukumi, kuri tika veikti ASV, bet, diemžēl, tā ir tikai daļa no terorisma uzbrukumiem. Apvienoto Nāciju Organizācija vadoties pēc terorismu tendencēm un izprotot cik lielas sekas var rasties, ja teroristi par saviem upuriem izvēlētos kuģus vai ostas iekārtas, uzdeva IMO izstrādāt noteikumus, kas būtu vērsti pret terorismu un veicinātu ostas iekārtu un kuģošanas aizsardzību.

Starptautiskais kuģa un ostas iekārtu aizsardzības kodekss (ISPS code) tika pieņemts 2002.gadā 13.decembrī., Londonā, Starptautiskās Jūrnieceības Organizācijas (IMO) dalībvalstu Diplomātiskajā konferencē. Kodekss stājās spēkā visās IMO dalībvalstīs ar 2004.gada 1.jūliju.[1,149]

Šāda rakstura noteikumi bija jaunums, jo pirmo reizi tiek vērsta jūrnieceības industrijā iesaistīto pušu vērība uz aizsardzību pret terorismu. Latvijai esot IMO dalībvalstij bija jāveic visi priekšdarbi, lai varētu veikt šī kodeksa ieviešanu līdz 2004.gada 1.jūlijam. Latvijas valdība kodeksa ieviešanu uzdeva pārraudzīt VAS „Latvijas Jūras administrācijai”. VAS „Latvijas Jūras administrācija” bija jāizstrādā noteikumi, pēc kuriem vadoties būtu iespējams izveidot ostas iekārtu aizsardzības plānu, kā arī bija jāizveido funkcionēt spējīgu orgānu, kas veiktu funkcijas, kuras noteiktas ISPS kodeksā.

ISPS kodeksa A daļa ietver detalizētas aizsardzības prasības kādas būtu jāveic valstu valdībām, ostu pārvaldēm un kuģošanas kompānijām. Šajā daļā ir galvenie vadmotīvi visām iesaistītām pusēm, kas piedalās jūrnieceības aizsardzības veikšanā, bet nav doti tieši kā tas jāveic. ISPS kodeksa A daļa ir kā skelets, ap kuru Latvijas Jūras administrācijai ir jāizveido Latvijas nacionālā likumdošana jūrnieceības aizsardzībā.

ISPS kodeksa B daļa ietver rekomendācijas, kā izpildīt A daļas obligātās prasības, bet pēc EK (Eiropas Komisijas) (Regulas projekts Nr. 2003/0089 (COD) par Eiropas Parlamenta un Padomes Regulas projektu par kuģu un ostu iekārtu drošības stiprināšanu) ir paredzēts ISPS kodeksa B daļu ieviest par obligātu visās Eiropas Savienības valstīs.

A daļā ir 19 noteikumi un B daļā ir šo noteikumu apakšnoteikumi, kuri palīdz izstrādāt A daļas noteikumus. B daļā ir ļoti sīki un skaidri izteikti noteikumi, ko vajadzētu un kas būtu ieteicams darīt, lai ieviestu A daļu. Ir ļoti sīki izstrādāti noteikumi, kā izpildīt aizsardzības novērtējumu, aizsardzības plānu un aizsardzības virsnieku atbildība gan kuģošanas kompānijām, gan ostas pārvaldēm un termināliem.

Latvijas ostu pārvaldēm un Latvijas ostu nomniekiem ISPS kodekss ir saistošs, tādēļ bija jāveic priekšdarbi, lai būtu iespējams atbilst ISPS kodeksa noteikumiem un iegūtu atbilstības apstiprinājumu. Ostas, kuras neatbilst ISPS kodeksa noteikumiem, nevar iegūt atbilstības apstiprinājumu un tiek iekļautas melnajā sarakstā, kā vienas no nedrošajām ostām. Šāda veida situācija ietekmē ostas tēlu pasaulē, kas ostas attīstībai un konkurētspējai ir graujoši.

ISPS kodeksa ieviešana un uzturēšana ir finansiāli dārga, jo, lai veiktu visus nepieciešamos aizsardzības darbus, ir jāveic daudz pārmaiņu, piemēram, papildus darbavietu radīšana, organizatoriskās izmaiņas un tehniskā daļa, kas ir viena no dārgākām. Šīs izmaksas iespaido konkurenci pasaulē un pat izslēdz citas ostas no pasaules tirdzniecības, jo tās nav spējīgas veikt nepieciešamās investīcijas.

Jūrniecības terorisms ostās ir mērķēts, lai radītu zaudējumus ostas iekārtām vai kuģim ostas teritorijā. Teroristu uzbrukums ostā var radīt zaudējumus visai ostai, jo var tikt slēgta osta, kā rezultātā osta zaudē konkurētspēju un ostas slēgšana var draudēt tai ar izslēgšanu no starptautiskās jūrniecības tirdzniecības.

Pirātisms un bruņoti uzbrukumi kuģiem ar vien biežāk notiek ostas teritorijās un teritoriālos ūdeņos. Tā ir liela problēma, jo ar katru gadu šie uzbrukumi paliek ar vien vairāk un tai skaitā arī Eiropā.

Imigrantu plūsma un to transportēšana ir sāpīgs jautājums attīstītām valstīm, jo tieši uz šīm valstīm visbiežāk dodas imigranti. Imigrantu transportēšanai tiek izmantotas kuģa telpas un konteineri. Ņemot vērā to, ka parasti nelegālie imigranti tur nokļūst caur ostu termināļiem, tad šīs nelegālās imigrantu plūsmas apturēšana gulstas uz ostu apsardzes darbiniekiem.

Dānijas policija savu „iekšējās sagatavotības līmeni” palielinājusi līdz „ievērojami paaugstinātam”, kā iemeslu minot neskaidro situāciju vairākās Eiropas valstīs. Zviedrija paaugstinājusi terora draudu līmeni līdz otram augstākajam.[2]

Mūsdienās, pēc terora aktiem Dānijā, Francijā, Mali, Nigērijā un Turcijā, sadarbojoties muitai, robežsardzei, ostas policijai u.c. drošības dienestiem, Latvijas ostās, īpaši bīstamo kravu objektos, apsardze ir augstā līmenī, atbildīgie dienesti apgalvo, ka arī pasažieru prāmji tiek pienācīgi pārbaudīti. Kā norāda Rīgas Ostas policijas priekšnieks Valdis Voins - Pasažieru prāmis no atbildīgo dienestu puses tiek kontrolēts rūpīgi, tāpat arī kravas, kas ar to tiek pārvietotas, regulāri notiek savstarpējas mācības, lai novērstu iespējamās problēmsituācijas.[3]

Ostas iekārta darbojas saskaņā ar aizsardzības līmeņiem, ko noteikusi Latvijas Jūras Administrācija vai citas atbildīgās institūcijas. Aizsardzības pasākumi un procedūras ostas iekārtai tiek piemērotas tā, lai tās pēc iespējas mazāk traucētu vai aizkavētu ostas iekārtas darbību. Jūras administrācijas vai atbildīgās institūcijas pienākums ir piemērojamā aizsardzības līmeņa noteikšana un tā maiņa. Drošības pasākumus, kas piemērojami otrajā aizsardzības līmenī, ir tiesīgs ieviest ostas iekārtas aizsardzības virsnieks. Par aizsardzības līmeņu izziņošanu un to maiņu atbild ostas iekārtas aizsardzības virsnieks, kurš nepieciešamo informāciju saskaņo

ar atbildīgajām institūcijām un kuģa aizsardzības virsnieku. un sastādīta aizsardzības deklarācija atbilstošam līmenim.

Aizsardzības deklarācija, savukārt, tiek sastādīta starp ostas iekārtu un kuģi. Aizsardzības deklarācijas galvenais mērķis ir nodrošināt to, ka starp kuģi un ostas iekārtu ir panākta vienošanās par atbilstošiem aizsardzības pasākumiem un procedūrām, ko katrs no tiem veiks. Aizsardzības līmeņu maiņas gadījumā, ja nepieciešams, var tikt sastādīta jauna aizsardzības deklarācija vai veiktas izmaiņas jau esošajā deklarācijā. Ja ostas iekārtā bieži tiek uzņemts viens un tas pats kuģis, starp kuģi un ostas iekārtu var tikt noslēgta vienošanās par katras puses pienākumiem un deklarācija katru reizi var netikt sastādīta.

Lai gan Latvijā tāpat kā pārējās Baltijas valstīs terorisma draudu līmenis saglabājas salīdzinoši zems, terorisma draudu tendences Eiropā ilgtermiņā var nelabvēlīgi ietekmēt arī drošības situāciju mūsu valstī, atzīst Latvijas Drošības policija. Šī iemesla dēļ, Drošības policijas ieskatā, jāturpina stiprināt nacionālā pretterorisma sistēma un jāveicina pretterorisma pasākumos iesaistīto institūciju spējas efektīvi novērst teroristiska rakstura apdraudējumus.[4]

Latvijas ostu tiesiskos pamatus nosaka Likums par ostām, Jūrlietu pārvaldes un jūras drošības likums, Rīgas brīvostas likums un Ventspils brīvostas likums un daudzi MK noteikumi saistībā ar jūrlietām. Bet diemžēl iztrūkst noteikumu, kuri reglamentētu jūras pasažieru kontroles kārtību. Pēc terora aktiem Parīzē vairākās Eiropas valstīs paaugstināts ekstrēmistu terorisma draudu līmenis un atjaunota robežkontrolē. Vienlaikus drošības pasākumu līmenis transporta jomā būtiski atšķiras. Ja lidostās arī iekšzemes reisus pasažieri un viņu bagāža tiek rūpīgi pārbaudīta, tad, piemēram, pasažieru prāmju līnijās arvien tiek saglabāts ierastais kontroles režīms. Drošība pasākumi kļūst stingrāki lidostās, taču uz prāmjiem, kas var kļūt par teroristu mērķi, nelegālu imigrantu plūsmas objektu vai pirātisma upuri, rūpīgākas pārbaudes nav paredzētas un netiek veiktas. Latvijas normatīvajos aktos jūras pasažieru kontroles kārtība un nepieciešamajiem kontroles pasākumi ir nepietiekami atrunāti. Tieši šā iemesla dēļ ir nepieciešams noteikt stingrākus pasažieru kontroles noteikumus Latvijas ostās.

Jau 2002.gadā Jūrnieku reģistra vadītājs Jāzeps Spridzāns atsaucoties uz 11.septembra notikumiem ASV, atzina, ka starptautiskās organizācijas uzstāj, ka arī jūrnieki ir jāpārbauda, jo palielinājušies globālā terorisma draudi.[5] Latvijā tika sagatavoti jauni noteikumi par jūrnieku grāmatiņām, ko bija plānots pieņemt Ministru kabinetā. Noteikumos tika ietverts punkts, ka jūrnieku grāmatiņu nevarēs saņemt cilvēki ar smagām un sevišķi smagām sodāmībām. Ar 2009.gada 18.augusta Ministru kabineta noteikumiem Nr.929 „Grozījumi Ministru kabineta 2005.gada 20.decembra noteikumos Nr.992 „Noteikumi par jūrnieka grāmatiņu”” šāds punkts tika pieņemts.[6]

2005.gada 20.decembra Ministru kabineta noteikumos Nr.992 „Noteikumi par jūrnieka grāmatiņu” punktā 25.3. ir noteikts, ka Jūrnieku reģistrs atsaka jūrnieku grāmatiņas izsniegšanu, ja jūrnieks ar tiesas spriedumu atzīts par vainīgu smaga vai sevišķi smaga nozieguma izdarīšanā un sodāmība nav dzēsta vai noņemta. [7] Bet 2006.gada 7.februāra Ministru kabineta noteikumos Nr.102 „Noteikumi par ločiem” nav izvirzīta prasība, ka ločim ir jābūt derīgai Jūrnieku grāmatiņai.[8]

No tā izriet, ka par jūrnieku nevar būt persona, kas ar tiesas spriedumu atzīta par vainīgu smaga vai sevišķi smaga nozieguma izdarīšanā un sodāmība nav dzēsta vai noņemta, bet par loci, kurš ostās arī atrodas uz kuģa, var. Darba devējam, kas ir attiecīgās ostas pārvalde, nav pienākums pārbaudīt loču sodāmību. Šāda nepilnība var būtiski ietekmēt kuģošanas aizsardzību un kuģošanas drošību Latvijas ostās. Ostas Kapteiņdienests, kurš ir atbildīgs par kuģošanas drošību ostā, bet atrodas Ostu pārvaldes (pašvaldības) pakļautībā, darbinieku (loču) sodāmību kontrolēt nevar.

Pētot šo problēmu ir analizēta ISPS kodekss Latvijas likumi un Ministru kabineta noteikumi, Latvijas ostu noteikumi, veiktas ostu darbinieku aptaujas un intervēti Latvijas lielo ostu Kapteiņdienestu vadošie darbinieki. Apkopojot rezultātus un ņemot vērā pēdējā laika notikumus pasaulē, kas saistīti ar terorisma draudiem un nelegālo migrantu plūsmu Eiropā ir jāsecina, ka:

1. Ir pastiprināti jāveic praktiski pasākumi, kas nodrošinātu ierobežotu pieejamību ostas iekārtām;
2. Ir pastiprināti jāveic praktiski pasākumi, kas nodrošinātu prāmju un RO-RO kuģu pasažieru kontroli pirms uzkāpšanas uz kuģa;
3. ir jāizstrādā Ministru kabineta noteikumi, kuros noteikta kuģu pasažieru kontroles kārtība pirms uzkāpšanas uz kuģa;
4. Lai izvairītos no ietekmes izdarīšanas uz Kapteiņdienestiem ir nepieciešama izmaiņu izdarīšana sistēmā tā, lai Kapteiņdienesti būtu patstāvīgas iestādes un būtu tieši pakļauti tikai Latvijas Jūras administrācijai;
5. Ir jāveic izmaiņas 2006.gada 7.februāra Ministru kabineta noteikumos Nr.102 „Noteikumi par ločiem” paredzot loču sodāmības pārbaudi.

Izmantotās literatūras un avotu saraksts

1. Starptautiskais kuģu un ostas iekārtu aizsardzības kodekss, ISPS kodeksa tekstu latviešu valodā tulkojusi bezpeļņas organizācija Valsts akciju sabiedrība Latvijas jūras administrācija, 2004.
2. <http://www.db.lv/pasauale/danija-un-zviedrija-paaugstina-terora-draudu-lime-ni-441458/> Skatīts 2015.gada 30. novembrī.
3. <http://www.lsm.lv/lv/raksts/latvija/zinas/pasazieru-pramjus-un-ostu-sarga-ierasta-rezima.a157119/> Skatīts 2015.gada 30.novembrī.
4. <http://www.lsm.lv/lv/raksts/latvija/zinas/droshiiibas-policija-islamistu-teroristu-draudi-arvien-noziimiigaki-arii-ziemeljeiropai.a117920/> Skatīts 2015.gada 30.novembrī.
5. <http://www.kurzemes-vards.lv/lv/laikraksts/numuri/0002/12/20/?p=16> Skatīts 2015.gada 30.novembrī.
6. <http://likumi.lv/ta/id/196355-grozijumi-ministru-kabineta-2005-gada-20-decembra-noteikumos-nr-992-noteikumi-par-jurnieka-gramatinu-> Skatīts 2015.gada 30.novembrī.
7. <http://likumi.lv/doc.php?id=124840> Skatīts 2015.gada 30.novembrī.
8. <http://likumi.lv/doc.php?id=128919> Skatīts 2015.gada 30.novembrī.

К вопросу о взаимосвязи угроз публичной безопасности и категории правового режима

Яцек Зелиньский

доктор гуманитарных наук
профессор Естественно-Гуманитарного
Университета г. Седльце, Польша
uczelniajz@tlen.pl

Ирина Пикулева

стажер-исследователь Юридического института
Сибирского федерального университета,
г. Красноярск, Россия
pikuleva_94@mail.ru

Abstract

In the article is analyzed the influence of legal regime of public security, existing in Poland. The authors note that the key value has described rights in constitution, derived from the fundamental principle of sovereignty of the people. As an example the consequences of electoral rights are indicated, the use of which in the prorotation division of mandates leads to the ignoring of will of the people, expressed in the process of conduction of elections. The special attention is paid by the authors to the necessity of change of approach to the concept „legal regime” in the direction of not only formal and legal analysis, but also the method of use of valid regulatory opportunities.

Keywords: legal regime, electoral right, coalition, parliamentary majority.

Аннотация

В статье анализируется влияние существующего в Польше правового режима публичной безопасности. Авторами отмечается, что ключевое значение имеют неписанные в Конституции права, вытекающие из основополагающего принципа суверенитета народа. В качестве примера указываются последствия избирательного права, применение которого при пропорциональном разделении мандатов ведет к игнорированию воли народа, выражаемой в процессе проведения выборов. Отдельное внимание авторами обращается на необходимость изменения подхода к понятию „правовой режим” в сторону не только формально-правового анализа, но и способа пользования имеющими силу нормативными возможностями.

Ключевые слова: правовой режим, избирательное право, коалиция, парламентарное большинство.

Введение

Современные потребности правового регулирования требуют модернизации понятия „правовой режим”^{*} в направлении отражения им не только нормативно запрограммированной, но и реально существующей степени обеспеченности и благоприятности реализации прав и законных интересов субъектов в различных областях общественных отношений как частноправовых, так и публичных. Более-менее устоявшейся является такая трактовка правового режима, согласно которой исследуемый нами термин понимается как „система правил, система регулятивного воздействия, направленная на регламентацию прав и обязанностей участников правоотношений” [3,11]. Однако приведенное понимание представляется не совсем точным и полным, так как, в принципе, концепция правовых режимов призвана отражать процесс функционирования права в юридической практике, ориентироваться, главным образом, в отношении реализации прав и законных интересов.

Правовой режим как явление находится не только в сфере возможного, но и в сфере действительного, относится к реальной правовой деятельности, правовой жизни, а как понятие отражает реальное состояние, положение и значение действующих правовых институтов, демонстрируя как, каким образом государство устанавливает баланс интересов участников общественных отношений в различных сферах правовой жизни, определяет приоритеты одних интересов и подчиняет им другие [4,17-18] не только в нормах права, но и в обеспечении их действия правоприменительной деятельностью, создании условий для использования субъектами общественных отношений именно правовых средств для удовлетворения своих разнообразных интересов.

Таким образом, правовой режим отражает не только нормативные ограничения или льготы, но и состояние реальной возможности

* Особое место в теории права, в особенности в российской теоретической правовой науке, занимает категория правового режима, которая, согласно устоявшемуся традиционному пониманию, представляет собой особый порядок правового регулирования конкретной области общественных отношений, состоящий из совокупности юридических средств и характеризующийся определенным их сочетанием. В самом общем виде правовой режим можно представить как определенное юридическое состояние той или иной сферы, области правовой жизни, которая имеет свое собственное законодательное обеспечение, структуру правовых связей между участвующими субъектами и пр. Однако в большинстве правопорядков теория правовых режимов не получила должного развития в силу достаточного сходства функционального потенциала категории «правовой режим» с категориями правопорядка, законности, механизма правового регулирования. Авторы же пытаются отстоять собственную эвристическую ценность использования концепции правовых режимов на примере публичной безопасности.

или невозможности пользования правами, что и свидетельствует о неблагоприятности или неблагоприятности. Необходимо выделять правовые режимы отдельных областей общественных отношений, например, в такой сложной и неоднозначной сфере как публичная безопасность. Правовой режим применительно к исследуемому явлению публичной безопасности выступит правовым инструментом, который способен фиксировать не только статику общественных отношений, закрепленную в формальных источниках права, но и фактическую ситуацию на уровне реализации нормативно-правовых возможностей на предмет урегулированности конкретной правовой ситуации, то есть выявит существующее в обществе угрозы, никаким образом не отображающиеся в законодательных актах.

Так, рассмотрим правовой режим публичной безопасности в Польше на примере реализации гражданами своих избирательных прав, так как, наибольший интерес для нас представляют те права и свободы человека и гражданина (в плане их защиты), которые напрямую зависят от сферы жизни государства, которая и решает вопрос безопасности личности.

Последствия конституционных избирательных положений

Наиболее значимы для проводимого исследования ни те конституционные положения, которые закреплены в Конституции[5], и законодательных актах, а те, которые нормативно не обозначены, но прямо связаны с основным принципом современного государства – суверенитетом народа, которому принадлежит верховная власть. В связи с этим, ключевой проблемой исследования становится определение действительного правового режима реализации таких неабсолютных прав как право иметь соответствующие избирательным декларациям политические партии; право иметь правительство, соответствующее политическим взглядам большинства избирателей; право на политику соответствующую требованиям большинства народа.

Оценивая вышеприведенное положение, можно заключить, что прямое ограничение указанных прав в соответствии с законом преследует цель обеспечения публичной безопасности (например, ограничение избирательных прав в качестве уголовного наказания и т. д.), здесь потенциально возможны нарушения и злоупотребления со стороны правоприменительных органов, что, безусловно, является угрозой для публичной безопасности. Иными словами, здесь мы имеем дело с угрозами, связанными с содержанием нормативных актов. При этом довольно мало внимания уделяется опасностям, которые связаны не с содержанием нормативных актов, а с прагматикой применения права и функционирования польской политической власти. Суть данной проблемы заключается тогда не в подтверждении соответствия (или несоответствия) принимаемых политических решений нормативным принципам, признаваемым в качестве

основополагающих в демократическом обществе, и не в определении согласованности действий власти с правом. Сущность вопроса состоит в механизмах защиты прав человека и гражданина от нецелевого использования нормативно-правовых положений. В таком случае мы выходим за пределы формально-правовых установок и входим в сферу политической культуры общества и его элит, а, значит, и в практику функционирования политической сцены. Представляется возможным привести множество примеров, когда институты, созданные во имя реализации интересов народа и развития общества, фактически способствуют его принуждению, покорению. В этой связи, как нам представляется, следует обратить внимание на два явления:

1. Представительность правящей коалиции во имя интересов избирателей;
2. Качество политики и партийно-ведомственный характер права.

Так, согласно статье 96 Конституции, выборы в Сейм (Sejm) проходят на основе соблюдения принципов всеобщности, равенства, тайного голосования, пропорционального разделения мандатов, что порождает следующие важные последствия.

Во-первых, от поддержки избирательного списка зависит количество мандатов в Парламенте. В стремлении к увеличению «избирательных шансов» (к увеличению количества партийных лидеров в Парламенте), политические партии готовы организовывать избирательные коалиции, что на сегодняшний момент не составит труда (в связи с переходом от традиционной модели классовых партий к Catch-allparty [шире:2], когда выбор партии не зависит от идеологической привязки).

В политику вошли рыночные механизмы, политическая партия стала товаром на аукционе под названием «выборы». Реклама такого товара не требует представления стратегии действий – достаточно лишь общественно интересных и актуальных на момент проведения избирательной кампании лозунгов, даже не связанных с полномочиями баллотирующегося органа. Возник своего рода симбиоз застоя: избиратели не критикуют депутатов за избирательные обещания, а политики не ангажируют избирателей в принятии политических решений. Политическими правами наделяются все новые поколения, для которых оппозиционные корни не имеют никакого значения – они формулируют свои цели через призму условий для развития. В силу этого, возникли новые общественные деления (cleavages*) [1, 28], к которым политические партии не нашли подхода, а ценности политических лидеров не имеют никакого значения для молодого поколения.

Во-вторых, пропорциональная система разделения мандатов способствует увеличению количества политических партий в Парламенте, что мо-

* А. Антошевки и Р. Хербурт предлагают перевод, как: общественно значимые политические разделы [1,28]

жет показаться проявлением демократии. Залогом же успеха и победы на выборах в Парламент является создание коалиции. Из самого содержания выборов следует то, что партия, получившая большинство голосов, наделяется определенными полномочиями для создания политической программы, которая будет внедряться в жизнь. Однако, система разделения мандатов заставляет кандидата на должность премьер-министра вести переговоры и с другими лидерами для обеспечения поддержки парламентским большинством. Президент страны, согласно статье 126 Конституции, как сверхпартийный гарант непрерывности государственной власти, стоящий на страже Конституции, суверенитета и безопасности государства, обязан найти кандидата, который обеспечит быстрое формирование кабинета, имеющего стабильную поддержку в Парламенте. В итоге, Совет министров не представляет интересов избирателей и является итогом политического договора между лидерами парламентских партий. Польская политическая культура не знает института ознакомления избирателей с коалиционными партнерами после победы, при подборе которых противопоставляются два интереса: с одной стороны, удержания доминирующего положения в Правительстве (за счет количества постов), с другой – создание правящего большинства. Победитель комплектует союзников таким образом, чтобы минимально перейти границу большинства. Подобная парламентская арифметика ведет к тому, что победителями становятся малые партии, вошедшие в Парламент, в Правительстве, и, самое главное, от их поведения зависит прочность Правительства. Партия, избранная сувереном для определения путей развития страны, не исполняет данного обязательства в ходе реализации своих избирательных обещаний. Интерес и благо общества проигрывают перед стремлением удержаться во власти. Системное, плановое управление страной проигрывает уступкам частным интересам коалиционных партий, обычно имеющих ограниченное значение и сводящимся к вопросам *ad hoc*.

В-третьих, подобным образом созданная и функционирующая коалиция влияет на качество права, которое нормирует права и свободы человека и гражданина, а также полномочия органов, отвечающих за их соблюдение. Содержание правовых норм всегда выступает итогом политического договора, достигнутого в Парламенте, который не всегда совпадает (и отражает) не только с интересами единиц, в частности, но и государства (как общего блага), отвечающего за публичную безопасность, в целом.

Выводы

Объективно, все указанные явления не являются неправомерными действиями, так как имеют юридическое обоснование и формально не несут угрозы для публичной безопасности. Однако в субъективном плане анализа, они ведут к потере доверия к политическим партиям, которые,

на сегодняшний день, являются главной, эффективной силой, которая в состоянии санкционировать общественный интерес нормативными положениями. Падение доверия к партиям ведет к падению доверия к созданным ими органам, в том числе, и к самому Парламенту, и к принимаемым им правовоположениям.

Таким образом, можем ли мы назвать правовой режим реализации избирательных прав граждан благоприятным с точки зрения результата правового регулирования? Представляется, что нет, так как качество условий правовой жизни в виду партийно-ведомственного характера регулирования отношений не отражает реальных потребностей и интересов населения – необходимо движение в сторону формирования государственного права, а не в сторону государства, которое существует на основании политической интерпретации права.

Представляется целесообразным отметить, что приведенный пример является лишь мельчайшей частью, отражающей всё несовершенство действительной правовой практики. Категория правового режима позволяет обнажить такие «болевы точки» правового регулирования и правореализационного процесса с целью последующей оптимизации нормативно-правового воздействия на общественные отношения, складывающиеся в сфере действия общественных отношений, в целом, и публичной безопасности, в частности. Современные потребности правового регулирования требуют модернизации понятия «правовой режим» в направлении отражения им не только нормативно запрограммированной, но и реально существующей степени обеспеченности и благоприятности реализации прав и законных интересов субъектов в различных областях.

Список использованной литературы и других источников

1. Antoszewski A., Herburt R. *Systemy polityczne demokracji zachodnioeuropejskich*, Wrocław 1993.
2. Williams M.H., *Catch-all in the Twenty-first Century? Revisiting Kirchheimer's Thesis 40 years Later: An Introduction*, "Party Politics", 15 (September 2009).
3. Брыскина Г. С. Проблемы теории правового режима органа государственной власти: автореф. дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2004.
4. Матузов Н. И., Малько А. В. Правовые режимы: Вопросы теории и практики // Правоведение 1996. № 1.
5. *Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 1997 r.*, Dz. U 1997, 78, 483,

Starptautiskā tiesiskā sadarbība krāpšanas apkarošanā Eiropas Savienībā

Kristīne Ārensone

Rīgas Stradiņa Universitāte

Doktora studiju programmas “Juridiskās zinātnes” doktorante

e-pasts: Kristine.Arensone@gmail.com

Zinātniskais vadītājs:

Dr.jur., Rīgas Stradiņa Universitātes Juridiskās fakultātes dekāns,
profesors Andrejs Vilks

Anotācija

Eiropas Savienības dalībvalstis ir izveidojušas juridiskos instrumentus, kas nepieciešami krāpšanas novēršanai un apkarošanai, tomēr to rezultāti nav pietiekami. Kriminālvajāšana par noziedzīgiem nodarījumiem pret Eiropas Savienības budžetu šobrīd ir tikai dalībvalstu kompetencē, un šajā jomā nav izveidota neviena Eiropas Savienības iestāde. Lai arī krāpniecisku darbību radītais kaitējums ir ļoti nozīmīgs, attiecīgo valstu iestādes ne vienmēr tos izmeklē un uzsāk kriminālvajāšanu, jo to tiesībaizsardzības resursi ir ierobežoti. Koordinācijā, sadarbībā un informācijas apmaiņā pastāv daudzas problēmas un ierobežojumi sakarā ar dalīto atbildību starp iestādēm, kuras pieder pie dažādām teritoriālajām un funkcionālajām piekritisībām.

Darba mērķis ir izpētīt starptautisko tiesisko sadarbību krāpšanas apkarošanai Eiropas Savienībā un sniegt priekšlikumus krāpšanas mazināšanai.

Atslēgas vārdi: Apkarošana, kaitējums, krāpšanas novēršana.

Abstract

European Union member countries have created legal instruments required for fraud prevention and fighting against it, however, their results are not sufficient throughout European Union. Criminal prosecution for criminal activities against European Union budget currently is only in competence of European Union member states and there are no European Union level institutions for that purpose. Although damage from fraudulent activities is very meaningful, institutions of respective countries do not always start criminal investigations as their law enforcement resources are limited. There are many problems in coordination, cooperation and information exchange that are related to distributed responsibility among institutions belonging to different territorial and functional jurisdictions.

The purpose of this article is to explore international legal cooperation for fighting fraud in European Union and make recommendations for fraud mitigation.

Ievads

Krāpšana nodara lielu kaitējumu Eiropas Savienības dalībvalstu ekonomikai un saskaņā ar Eiropas Komisijas aplēsēm, krāpšanās ar Eiropas Savienības budžeta līdzekļiem ik gadu rada aptuveni 500 miljonu eiro lielus zaudējumus Eiropas Savienības dalībvalstīm. Savukārt krāpšana un korupcija Eiropas Savienības ekonomikai izmaksā apmēram 120 miljardus eiro gadā, kas ir tikai nedaudz mazāk kā Eiropas Savienības gada budžets [6, 3].

ES dalībvalstis ir izveidojušas lielāko daļu juridisko instrumentu un institūciju, kas nepieciešamas krāpšanas novēršanai un cīņai pret to, tomēr to rezultāti nav pietiekami visā Eiropas Savienībā. Pretkrāpšanas noteikumi ne vienmēr tiek stingri īstenoti, sistēmiskās problēmas netiek risinātas pietiekami efektīvi un attiecīgajām iestādēm ne vienmēr ir pietiekamas spējas, lai izpildītu noteikumus [8, 2].

Lietās par pārrobežu krāpšanu ir nepieciešama koordinēta un efektīva Eiropas līmeņa izmeklēšana un kriminālvajāšana, tomēr pašreizējais informācijas apmaiņas un koordinācijas līmenis šī mērķa sasniegšanā nav pietiekams, neskatoties uz pastiprinātajiem Eiropas, Eiropas un Eiropas birojs krāpšanas apkarošanai (turpmāk tekstā - OLAF) u.c. struktūru centieniem.

Darba mērķis ir izpētīt starptautiskās tiesiskās sadarbības problēmas krāpšanas apkarošanai Eiropas Savienībā un sniegt priekšlikumus krāpšanas mazināšanai.

Darbā izmantota analītiskā pētījuma metode un aprakstošā metode. Lai noteiktu, kādi faktori ietekmē krāpšanas apkarošanu Eiropas Savienībā, izmantota indukcija un dedukcija, kā arī ar šo metožu palīdzību izteikti spriedumi par krāpšanas apkarošanas procesa uzlabojumiem Eiropas Savienībā.

Svarīgākās atziņas teorijā, praksē

Eiropas Savienības finansiālo interešu aizsardzība ir Eiropas Savienības politikas programmas būtisks elements, kura mērķis ir stiprināt un palielināt iedzīvotāju uzticēšanos un nodrošināt to, ka viņu nauda tiek pareizi izlietota. Pieņemot Lisabonas līgumu, savukārt ir ievērojami pastiprināti Eiropas Savienības finansiālo interešu aizsardzības instrumenti, un tādējādi gan Eiropas Savienībai, gan tās dalībvalstīm tiek prasīts apkarot jebkādas nelikumīgas darbības, kas skar Eiropas Savienības finansiālās intereses [9].

Līguma par Eiropas Savienības darbību (2.sadaļas 6.nodaļa „Krāpšanas apkarošana”) 325.pants nosaka - Savienība un dalībvalstis apkaros krāpšanu un citādu nelikumīgu rīcību, kas apdraud Savienības finanšu intereses, saskaņā ar šo pantu veicot pasākumus, kuriem jāattur no šādas rīcības, kā arī jānodrošina efektīva aizsardzība dalībvalstīs, kā arī Savienības iestādēs un struktūrās [1, 325.p].

Lai novērstu krāpšanu, kas apdraud Savienības finanšu intereses, dalībvalstis veic tādus pašus pasākumus, kādus tās veic, lai novērstu krāpšanu, kas apdraud viņu pašu finanšu intereses.

Neskarot citus Līgumu noteikumus, dalībvalstis koordinē rīcību, kuras mērķis ir aizsargāt pret krāpšanu Savienības finanšu intereses. Šajā nolūkā tās kopā ar Komisiju izvērsī ciešu un regulāru kompetento iestāžu sadarbību [1, 325.p].

Lai panāktu efektīvu un līdzvērtīgu aizsardzību dalībvalstīs, kā arī Eiropas Savienības iestādēs un struktūrās, Eiropas Parlaments un Padome saskaņā ar parasto likumdošanas procedūru pēc apspriešanās ar Revīzijas palātu paredz krāpšanas novēršanas un apkarošanas pasākumus, lai aizsargātu Eiropas Savienības finanšu intereses. Komisija sadarbībā ar dalībvalstīm katru gadu iesniedz Eiropas Parlamentam un Padomei ziņojumu par pasākumiem, kas veikti, lai īstenotu Līguma par Eiropas Savienības darbību 325.panta prasības.

Līgums par Eiropas Savienības darbību ir nepārprotams juridiskais pamats Eiropas Savienības dalībvalstu operācijām cīņā pret krāpšanu un citām nelikumīgām darbībām, kas apdraud Kopienas finanšu intereses. Līdz ar Amsterdamas līguma stāšanās spēkā Kopienas rīcībā ir lielāki resursi, lai apkarotu krāpšanu un izskaustu ekonomiskos un finanšu noziegumus. Tādējādi Eiropas Komisijas Krāpšanas novēršanas saskaņošanas darba grupas vietā nāca OLAF, kas ne tikai veic izmeklēšanu, bet arī izstrādā un sagatavo tiesību aktus Kopienas finansiālo interešu aizsardzībai un krāpšanas apkarošanai. OLAF izmeklēšanas gaitā ir daudz lielāka neatkarība nekā tā priekšgājējam [11].

Starptautiskā tiesiskā sadarbība ar ārvalstu izmeklēšanas iestādēm ir ļoti svarīga un jebkuras tās formas, tai skaitā ārvalstīs esošo liecinieku pratināšana, nepieciešamās informācijas iegūšana palīdz ātrāk novest kriminālprocesu līdz tiesai. Pat ja Latvijā ir visas nepieciešamās datubāzes, kā arī visas iespējas iegūt informāciju, bez starptautiskās tiesiskās sadarbības ārvalstīs nevarētu atrast, nopratināt attiecīgās personas, ne arī uzlikt arestu bankas kontiem.

OLAF, pārstāvot Komisiju, realizē izmeklēšanas pilnvaras, kas izriet no Kopienas likumiem un līgumiem ar trešajām valstīm. Birojs var veikt iekšējās izmeklēšanas visās institūcijās, iestādēs, birojos un aģentūrās, kuras ir dibinātas ar vai pamatojoties uz EK un Euratom līgumiem, un tam tiek uzticēts veikt pārbaudes un inspekcijas uz vietas dalībvalstīs [3].

Lai Birojs varētu efektīvi pildītu savu pienākumu izmeklēt, izšķiroša nozīme ir sadarbībai ar nacionālajiem partneriem (izmeklēšanas dienestiem, policiju u.c.), jo tie realizē aptuveni 80% no Eiropas Kopienas budžeta [11].

Kaut arī OLAF nav juridiskas pilnvaras ierosināt lietu pret pārkāpējiem, tas palīdz dalībvalstīm un ES iestādēm atklāt un izmeklēt pārkāpumus. Būdam pilnīgi neatkarīga struktūra, birojs var veikt izmeklēšanu jebkurā ES iestādē vai dalībvalstī un ārpusvienības valstīs, kurās tiek tērēts ES finansējums. Tas palīdz vākt un apmainīties ar informāciju, sekmē krāpšanas apkarošanas stratēģiju izstrādi un īstenošanu un raugās, lai tās tiktu sistemātiski iekļautas tiesību aktos [10, p.65-97].

2013. gada 17.jūlijā Eiropas Komisija nāca klajā ar priekšlikumu Eiropas Padomes regulai par Eiropas Prokuratūras izveidi. Par šo jautājumu joprojām notiek diskusijas Eiropas Savienības Padomē [7, 4].

Kad Eiropas prokuratūra tiks izveidota, tiek plānots, ka tās kompetencē būs OLAF pašreizējais pienākums veikt izmeklēšanu krāpniecības un citu pārkāpumu gadījumā, kur ir apdraudētas ES finansiālās intereses. Savukārt OLAF turpinās veikt administratīvās izmeklēšanas tādu pārkāpumu gadījumā, kas skar ES finansiālās intereses, kuros nav aizdomas par kriminālu rīcību. Tas arī turpinās izmeklēt smagus ES iestāžu darbinieku amatpārkāpumus, kas nav saistīti ar ES finansēm [3].

Saskaņā ar Līguma par Eiropas Savienības darbību 86. panta 1. punktu Eiropas Prokuratūru izveido no Eirojust. Tiek plānots izveidot stingru saikni starp šīm abām organizācijām, pateicoties efektīvai sadarbībai un informācijas, zināšanu un resursu apmaiņai. Īpaši svarīgs aspekts ir tas, ka gan Eiropas Prokuratūrai, gan Eirojust ir jāpiedalās to lietu izmeklēšanā, kurās aizdomās turētās personas ir iesaistītas noziedzīgos nodarījumos, kas skar Savienības finanšu intereses, kā arī citu noziedzīgu nodarījumu gadījumā. Tas nozīmē, ka būs nepieciešama nepārtraukta cieša sadarbība. Attiecīgais regulējums ir ietverts gan regulā par Eiropas Prokuratūru, gan regulā par Eirojust. Turklāt gadījumos, kad attiecībā uz kādu jauktu rakstura lietu pilnvaras pārklājas, Eirojust var palīdzēt noteikt jurisdikciju [2], [5].

Tiek plānots, ka Eirojust nodrošinās administratīva atbalsta pakalpojumus Eiropas Prokuratūrai tādās jomās kā personāls, finanses un IT. Piemēram, Eiropas Prokuratūra savām darba vajadzībām varēs izmantot Eirojust IT infrastruktūru, tostarp tās lietu uzskaites sistēmu, pagaidu darba datnes un rādītāju. Šī sadarbība tiks precizēta nolīgumā starp Eiropas Prokuratūru un Eirojust [2], [5].

ES prokuratūru sākotnēji bija plānots izveidot 2015.gadā, bet ņemot vērā, ka par šo priekšlikumu joprojām ir aktīvas diskusijas, tad reālas darbības varētu tikt uzsāktas 2016.gadā [4, 3]. Sagaidāms, ka pēc Eiropas Prokuratūras izveidošanas samazināsies krāpšanās ar ES budžeta līdzekļiem, kas ik gadu rada aptuveni 500 miljonu eiro lielus zaudējumus Eiropas Savienības dalībvalstīm.

Nobeigums

Pašlaik tikai Eiropas Savienības valstu iestādes var veikt izmeklēšanu un kriminālvajāšanu krāpšanas lietās, kas skar Eiropas Savienības finanšu intereses, bet to pilnvaras ir spēkā tikai attiecīgajā valstī. Noziedzīgi nodarījumi, kas skar Eiropas Savienības finanšu intereses, bieži vien ir komplicēti. Tie ietver vairākus dalībniekus, sarežģītas un sīki izstrādātas krāpšanas shēmas, vairākas valstis un vairāku valstu jurisdikcijas. Turklāt, lai krāpšanas izmeklēšana būtu sekmīga, ir nepieciešama padziļināta izpratne par attiecīgo tiesību un pārvaldes sistēmu.

Efektīvu sadarbību starp Eiropas Savienības dalībvalstīm apgrūpina atšķirīgās krimināltiesību sistēmas, neskaidra jurisdikcija, apgrūtinošas un laikietilpīgas tiesiskās palīdzības procedūras, valodu barjeras, līdzekļu trūkums un atšķirīgās prioritātes. Dažos gadījumos var tikt pieņemts lēmums izmeklēt tikai ar savu valsti saistīto noziedzīga nodarījuma daļu, neņemot vērā potenciāli daudz plašākās sekas, kādas var būt starptautiskai krāpšanas shēmai.

Secinājumi un priekšlikumi

1. Līgums par Eiropas Savienības darbību ir juridiskais pamats Eiropas Savienības dalībvalstu operācijām cīņā pret krāpšanu un citām nelikumīgām darbībām, kas apdraud Eiropas Savienības finanšu intereses. Tomēr, ņemot vērā, ka Eiropas Savienības dalībvalstu tiesu iestāžu darbība bieži vien ir lēna, vidējie kriminālvajāšanas rādītāji ir zemi, kā arī rezultāti, kas iegūti dažādās Eiropas Savienības dalībvalstīs, kopumā ir nevienlīdzīgi, dalībvalstu tiesu iestāžu veiktās pretkrāpšanas darbības šobrīd nevar uzskatīt par efektīvām.

Priekšlikums

Lai uzlabotu krāpšanas apkarošanu Eiropas Savienības dalībvalstīs, jāpalielina dalībvalstu nacionālo Krāpšanas apkarošanas koordinācijas dienestu (AFCOS – Antifraud Coordination Service) un Eiropas Savienības fondu administrēšanas iestāžu loma Eiropas Savienības finansēto projektu īstenošanā par krāpšanas apkarošanas jautājumiem un tiesiskā atbalsta sniegšanā.

2. Lietās par pārrobežu krāpšanu ir nepieciešama koordinēta un efektīva Eiropas līmeņa izmeklēšana un kriminālvajāšana, tomēr pašreizējais informācijas apmaiņas un koordinācijas līmenis šī mērķa sasniegšanā nav pietiekams, neskatoties uz pastiprinātajiem Eiropas, Eiropas birojs krāpšanas apkarošanai centieniem.

Eiropas birojs krāpšanas apkarošanai ir pilnvarots izmeklēt krāpšanu un nelikumīgas darbības, kas apdraud Eiropas Savienības finansiālās intereses, tomēr tā pilnvaras ir ierobežotas administratīvās izmeklēšanas līmenī.

Priekšlikums

Lai nodrošinātu efektīvu izmeklēšanu un saukšanu pie kriminālatbildības par noziedzīgiem nodarījumiem, kas apdraud Eiropas Savienības finansiālās intereses, Latvijas Republikai atbalstīt Eiropas Komisijas priekšlikumu par Eiropas Prokuratūras izveidi.

Izmantotās literatūras un avotu saraksts

1. Līguma par Eiropas Savienības darbību Konsolidētā versija., Eiropas Savienības Oficiālais Vēstnesis., 26.10.2012., Nr. C 326/47..
2. Eiropas Komisijas Informatīvs paziņojums par Eiropas Prokuratūru. 17.07.2013
3. Eiropas komisija, Komunikācijas Ģenerāldirektorāts, ES cīņa pret krāpšanu un korupciju. Ieskats Eiropas Biroja Krāpšanas Apkarošanai – OLAF - darbā., 2014.gads.

4. Eiropas Komisijas paziņojums Eiropas Parlamentam, Padomei, Eiropas Ekonomikas un sociālo lietu komitejai un Reģionu komitejai, Komisijas 2016. gada darba programma, Strasbūra, 27.10.2015., COM(2015) 610.
5. Eiropas Komisijas Priekšlikums Padomes Regulai par Eiropas Prokuratūras izveidi., Eiropas Komisija, Brisele, 17.07.2013., COM (2013) 534., 2013/0255 (APP).
6. Eiropas Savienības cīņa pret krāpšanu un korupciju, Ieskats Eiropas Biroja krāpšanas apkarošanai — OLAF — darbā, Eiropas Komisija, 2014.
7. Eiropas Savienības finansiālo interešu aizsardzība - Cīņa pret krāpšanu, 2014. gada ziņojums, Komisijas ziņojums Eiropas Parlamentam un Padomei, Eiropas Komisija, Brisele, 31.07.2015. COM(2015) 386.
8. Eiropas Savienības Pretkorupcijas ziņojums. Eiropas komisijas ziņojums Padomei un Eiropas Parlamentam., Brisele., 03.02.2014 COM(2014)38.
9. Krāpšanas apkarošana un Eiropas Savienības finansiālo interešu aizsardzība. Pieejams: http://www.europarl.europa.eu/aboutparliament/lv/displayFtu.html?ftuid=FTU_1.5.5.html – aplūkots: 23.11.2015.
10. Kratsas, G. A case for OLAF: The Place and Role of the Anti – Fraud Office in the European Union Context. European Public Law. Volume 18, issue No.1., Wolters Kluwer, Law & Business, 2012., p.65.-97.

Mediation by Internationally recognized Sport Bodies: CAS and FIFA

Marina Kamenecka-Usova

Doctoral program in Law, Riga Stradins University,
marina_k.usova@yahoo.com

Abstract

Mediation is an alternative dispute resolution method. It is a voluntary and non-binding process aimed at reaching a consensus with the assistance of a third party/intermediary named mediator. Mediator helps parties to negotiate, facilitates the communication process and does not impose any decision unlike an arbitrator or a judge. By the means of mediation parties are allowed to work out their own solution to the conflict in a structured way. Mediation is strictly confidential. Why mediation and sport related disputes? Because an increasing growth and development of sports, commercialization of it and big sums of money involved cause enormous differences and disputes in the area of sports what constitutes a necessity for an efficient resolution of such disputes. Author suggests mediation as an effective method to resolve sport disputes and analyses the mediation rules and dispute resolution procedures of such influential international sport bodies as CAS and FIFA.

Key words: mediation, dispute resolution, sport disputes, CAS, FIFA

Аннотация

Медиация это альтернативный способ разрешения споров, добровольный процесс, направленный на достижение консенсуса с помощью третьей стороны / посредника - медиатора. Медиатор помогает сторонам вести переговоры, облегчает процесс коммуникации и не навязывает какое-либо решение в отличие от арбитра в арбитраже или судьи. С помощью медиации, структурированной процедуры, стороны вырабатывают свое собственное решение конфликта. Медиация является строго конфиденциальной. Почему медиация применима в спортивном праве? Потому что стремительное развитие спортивной отрасли, ее коммерциализации, привлечение больших сумм денег, вызывают множество разногласий и споров в области спортивного права, что говорит о необходимости в эффективном способе разрешения таких споров. Автор предлагает, рассмотреть медиацию в качестве метода для решения спортивных споров, анализирует нормы медиации и процедуры разрешения споров в таких влиятельных международных спортивных организациях, как CAS и FIFA.

Ключевые слова: посредничество, разрешение спора, CAS, FIFA

Introduction.

Mediation is an alternative dispute resolution method. It is a voluntary and non-binding process aimed at reaching a consensus with the assistance of a third party/intermediary named mediator. Mediator helps parties to negotiate, facilitates the communication process and does not impose any decision unlike an arbitrator

or a judge. By the means of mediation parties are allowed to work out their own solution to the conflict in a structured way. Mediation is strictly confidential.

Basic theoretical and practical provisions.

According to Maleki Jalil, an increasing growth and development of sports, complexity and expansion of sport organizations, institutions and activities, ever complicating mechanisms of laws and their function in sports, on-going fundamental changes in sports facts and phenomena, media impacts and their analytic and international influence which goes far beyond the geographical borders of countries, even farther beyond the continents, have caused to be raised enormous differences and disputes in the area of sports what constitutes a necessity for an efficient resolution of such disputes. [4]

The need to provide an alternative forum to the court in which sports related disputes could be fairly, effectively, quickly and relatively inexpensively settled within 'the Olympic Family' was expressed by the retired President of the International Olympic Committee, Juan Antonio Samaranch early in his presidency. As a result, the Court of Arbitration for Sport (hereinafter-CAS) was born in 1983, with the specific purpose of fulfilling this particular role. Originally, CAS acted only as arbitration body, but sixteen year later, in May 1999, a mediation service was also added to reflect the growing popularity and success of this form of dispute resolution. [1]

Why mediation works for sport disputes? Because it allows parties to resolve their disputes fast, amicably, confidentially and, what is especially important - the result allows to preserve healthy and non-aggressive relationship between the parties in dispute. All this allows athlete to avoid publicity, mass media attention, increased stress and contribute to positive atmosphere within the sport society. [3] Mediation, as a private and informal dispute resolution method, is independent from any country what makes it attractive for cross-border disputes.

A number of Sport Bodies offer mediation as an alternative dispute resolution method for sport-related disputes. The most well known are CAS, the UK Sports Dispute Resolution Panel, the Australian National Sports Disputes Centre and, presumably, Players' Status Committee together with Dispute Resolution Chamber of Fédération Internationale de Football Association (hereinafter - FIFA).

In this article, author will analyze sport mediation and dispute resolution provided by two most influential Sport Bodies - CAS and FIFA, where some sport lawyers stress out that CAS and FIFA have even more political influence than some countries.

Mediation by CAS

According to the definition given at the official website of CAS www.tas-cas.org, CAS is an institution independent of any sports organization which provides for services in order to facilitate the settlement of sports-related disputes through

arbitration or mediation by means of procedural rules adapted to the specific needs of the sports world.

The CAS has nearly 300 arbitrators from 87 countries, chosen for their specialist knowledge of arbitration and sports law. Around 300 cases are registered by the CAS every year. [10]

Any disputes directly or indirectly linked to sport may be submitted to the CAS. These may be disputes of a commercial nature (e.g. a sponsorship contract), or of a disciplinary nature following a decision by a sports organization (e.g. a doping case).

There exist four CAS procedures: an (1) ordinary arbitration procedure and (2) mediation, that are applicable for disputes resulting from contractual relations or torts; (3) the appeals arbitration procedure for disputes resulting from decisions taken by the internal bodies of sports organizations; (4) a consultation procedure which allows certain organizations to request an advisory opinion from the CAS, in the absence of any dispute, on any legal issue concerning the practice or development of sport or any activity relating to sport. The advisory opinion does not constitute an award and is not binding. [10]

Speaking of the most famous advisory opinion given by CAS, the International Amateur Swimming Federation case of Speedo 'full body' swimsuits ("the fastest suit ever made <...> some swimmers have shown time saving enough to make a difference between winning and losing a race") should be mentioned, where CAS was asked by the Australian Olympic Committee whether the results of the Australian swimmers at the Olympics, achieved by using the new swimsuits, might not become the subject of legal claims. [10]

The Article 1 of CAS Mediation rules states that CAS mediation is a non binding and informal procedure, based on an agreement to mediate in which each party undertakes to attempt in good faith to negotiate with the other party with a view to settling a sports-related dispute. The parties are assisted in their negotiations by a CAS mediator.

In principle, CAS mediation is provided for the resolution of disputes submitted to the CAS ordinary arbitration procedure, i.e., resulting from contractual relations or torts. And the second limitation states that disputes related to disciplinary matters, such as doping issues, match-fixing and corruption, are excluded from CAS mediation. However, in certain cases, where the circumstances so require and the parties expressly agree, disputes related to other disciplinary matters may be submitted to CAS mediation.

Hence, CAS mediation is not meant for all sports-related disputes.

According to Articles 5 and 6, CAS has a list of mediators parties shall choose from, mediators appear in a list for four-year period and can be reselected. Unless the parties have jointly selected a mediator from the list of CAS mediators, he shall be chosen by the CAS President from the list of CAS mediators and ap-

pointed after consultation with the parties. The mediator shall be and must remain impartial, and independent of the parties, and is bound to disclose any circumstances likely to compromise his independence with respect to any of the parties.

Article 8, regarding the conduct of mediation states, that where the parties agree to submit an ordinary arbitration case to mediation, the mediator may consider the request for arbitration as one party's summary of its dispute and may invite only the other party to submit its summary of the dispute. The necessary content of such a request for arbitration is listed in the Article R38 of the CAS Code of Arbitration Procedural Rules.

Each party shall cooperate in good faith with the mediator and shall guarantee him the freedom to perform his mandate to advance the mediation as expeditiously as possible.

In order to achieve a settlement and reach a consensus, Article 9 of the CAS Mediation Rules lists three functions of the mediator:

1. identify the issues in dispute;
2. facilitate discussion of the issues by the parties;
3. propose solutions.

However, the mediator may not impose a solution of the dispute on either party. And that is an important advantage of the mediation comparing to arbitration or litigation, as, quoting the often-cited expression, mediation does not "cut the pie" in pieces, it "expands" the pie.

It is said that one of the main reasons why parties opt for mediation is because they want to avoid publicity that is typical for litigation, which makes confidentiality a very essential element of mediation. [2] Hence, Article 10 of CAS Mediation Rules very explicitly describes the confidentiality rule, covering both "mediation privilege" and "without prejudice rule", i.e., the mediator, the parties, their representatives and advisers, and any other persons present during the meetings between the parties shall sign a confidentiality agreement and shall not disclose to any third party any information given to them during the mediation, unless required by law to do so. Unless required to do so by applicable law and in the absence of any agreement of the parties to the contrary, a party shall not compel the mediator to divulge records, reports or other documents, or to testify in regard to the mediation in any arbitral or judicial proceedings. Any information given by one party may be disclosed by the mediator to the other party only with the consent of the former. No record of any kind shall be made of the meetings.

Article 10 also has a specification of documents and facts obtained during the mediation that parties shall not rely on, or introduce as evidence in any arbitral or judicial proceedings.

Together with the rule that parties or the mediator may terminate the mediation at any time, CAS Mediation Rules Articles 11-12 list four cases when the mediation shall be terminated:

1. by the signing of a settlement by the parties (The settlement is drawn up by the mediator and signed by the parties and the mediator);
2. by a written declaration of the mediator to the effect that further efforts at mediation are no longer worthwhile;
3. by a written declaration of a party or the parties to the effect that the mediation proceedings are terminated; or
4. where one of the parties, or both, refuse(s) to pay its (their) share of the mediation costs within the time limit fixed pursuant to Article 14 of the Rules.

In situations listed under 2. and 3., parties still can opt for arbitration or litigation. If parties choose CAS arbitration the mediator shall not accept an appointment as an arbitrator in any arbitral proceedings concerning the parties involved in the same dispute, unless the parties in writing agreed otherwise.

In fine, CAS Mediation Rules is a very qualitative and well-thought-out instrument of sport mediation.

Dispute Resolution by FIFA

In order to reach a balance and stability in questions regarding international football disputes, FIFA created a Players' Status Committee (hereinafter- Committee). According to Article 54 of FIFA Statutes 2015, the Players' Status Committee shall set up and monitor compliance with the Regulations on the Status and Transfer of Players and determine the status of Players for various FIFA competitions. Its powers of jurisdiction are governed by the Regulations on the Status and Transfer of Players. In year 2001 FIFA creates a Dispute Resolution Chamber (hereinafter-DRC). This body was set up in order to release the Committee from a particular species of FIFA routine sports disputes and, in particular, to resolve disputes regarding the international status and transfer of players. [5]

Article 22 of the Regulations on the Status and Transfer of Players refers to the competence of FIFA and Article 23 and 24 allocates the competence between the Committee and DRC.

In all, the competence of DRC extends to cases involving employment disputes with international status, as well as disputes regarding payment of training compensation and solidarity contribution. In general, the DRC decides on basic issues such as breach of contract for a legitimate reason or not. [5] In the event of any uncertainty as to the jurisdiction of the Committee or the DRC, the chairman of the Committee shall decide which body has jurisdiction. [8]

The DRC is a division of the Committee which can be considered as a parent body for the DRC. It should be noted that DRC is not deemed to be a court of arbitration like CAS. Decisions of DRC may be enforced only by the execution of the disciplinary measures provided for in the Statutes and regulations of FIFA. [5]

Although, DRC is not a court of arbitration, the information on the official website states that DRC provides arbitration and dispute resolution on the basis of equal representation of players and clubs and an independent chairman. [11] In the

Regulations on the Status and Transfer of Players Articles 23 and 24 the process of such dispute resolution is called 'the adjudication' requiring, depending on the specifics of the case, single or three judges. Therefore there is no reason to believe that Committee and DRC use mediation as a dispute resolution method, at least officially.

Albeit, having examined FIFA's Circular nr. 769 from 2001 on the Revised FIFA Regulations for the Status and Transfer of Players, it turned out that the idea to resolve disputes by mediation was present, as the Article 7 (e) among the key elements to the new dispute settlement provision states: whenever a dispute between a player and a club arises, FIFA will offer low cost, speedy, confidential conciliation facilities available to the parties. The parties are free to accept mediation by an independent mediator. Any such conciliation will not delay or interfere with the formal dispute settlement procedures.

These amendments were adopted simultaneously with the idea to establish an entirely independent arbitration tribunal for football with its own infrastructure and administration. But according to the Circular nr. 827 from December 2002, FIFA abandoned this idea because of the lack of financial and administrative resources. In the same document FIFA agreed to recognize the jurisdiction of the CAS. So since 2002, CAS deals with the decisions of DRC and Committee as a body of appeal in accordance with the FIFA Statutes and subject to the specific provisions of the individual FIFA Regulations.

Conclusion

It is hard to explain why FIFA did not include the clause on dispute resolution by conciliation/mediation in its modern regulations, either author did not find any acknowledgement of whether FIFA used to or applies it in practice, although in mass media the headlines regarding mediation by FIFA occur once in a while. Author assumes that FIFA will return to reflect on the need for mediation procedure, as it will allow FIFA less often to enforce decisions of DRC with the help of disciplinary measures, as parties will voluntarily perform its mutually beneficial commitments reached by means of mediation.

Bibliography

1. Blachshaw I. S., *Mediating Sports Disputes. National and International Perspectives.* T.M.C. Asser Instituut. (2002) P. VII, P. 51-61
2. Kamenecka-Usova M., *Confidentiality in Mediation.* Socrates RSU Elektroniskais juridisko zinātnisko rakstu žurnāls (2015) Nr. 2 (2)
3. Kamenecka-Usova M., Matvijcuka K., *Alternative Dispute Resolution in Sports Disputes: Football Hooliganisms.* E-Lex Sportiva Journal, Vol. II: 1 (2014) P. 125
4. Maleki J., *ADR Techniques for Settlement of Disputes in Sports.* E-Lex Spor-

tiva Journal, Vol. II: 1 (2014) P. 81

5. Прокопец М., Рогачев Д., Де Вегер Ф., Разрешение футбольных споров: Анализ Палаты по разрешению споров ФИФА, РФС и Спортивного арбитражного суда. Статут (2012) стр. 9-10

Legal Rules

6. CAS Mediation Rules from September 1, 2013. Articles 1-13. <http://www.tas-cas.org/en/mediation/rules.html> (accessed November 2015).
7. FIFA Statutes, April 2015 edition. <http://www.fifa.com/about-fifa/who-we-are/the-statutes.html> (accessed November 2015).
8. FIFA Rules Governing the Procedures of the Players Status Committee and the Dispute Resolution Chamber from May 2008. <http://www.fifa.com/about-fifa/official-documents/law-regulations/index.html> (accessed November 2015).
9. FIFA Regulations on the Status and Transfer of Players form April 2015. http://www.fifa.com/mm/document/affederation/administration/regulations_on_the_status_and_transfer_of_players_en_33410.pdf (accessed November 2015).
10. Web sources
11. Information on CAS. <http://www.tas-cas.org/en/general-information/frequently-asked-questions.html>(accessed November 2015).
12. FIFA Dispute Resolution System. <http://www.fifa.com/governance/dispute-resolution-system/index.html>(accessed November 2015).

Nepilngadīgo pacientu tiesības ārstniecības procesā un to problemātika.

Karina Palkova,

Latvija, Rīgas Stradiņa Universitāte,
doktorantūras programma, Juridiskās zinātnes,
karina.palkova@inbox.lv
Zinātniskais vadītājs Dr.iur., Inga Kudeikina

Anotācija

Pētījuma mērķis ir sniegt ieskatu nepilngadīgo pacientu un ārstniecības personu tiesisko attiecību problemātikā. Nepilngadīgo pacientu tiesību problemātikas jautājums paliek aizvien aktuālāks. Latvijā nepilngadīgais pacients var pieņemt lēmumu par ārstniecību no 14 gadiem, taču pastāv ierobežojumi, kas ir pretrunā ar starptautiskiem tiesību aktiem. Ārstniecības personas sniegtai informācijai nepilngadīgām pacientam jābūt ne tikai saprotamai, bet arī atbilstoši pacienta vecumam un briedumam, kas ir salīdzinoši grūti nomērāms.

Abstract

The aim of the article is to provide some insight into the problems of the relationship between juvenile patients and medical persons. The issue of juvenile patients' rights becomes very important nowadays. In Latvia the juvenile patient can make his or her own decision starting from 14 year age, but there are limitations which contradicts international law. Information given by the medical person to these patients should be not only understandable, but also corresponding to age and maturity which is rather hard to measure.

Atslēgas vārdi: Medicīnas tiesības, nepilngadīgie pacienti, tiesības

Ievads.

Nepilngadīgopacientutiesībupiemērošanasjautājumsmedicīnaspakalpojumu sniegšanas jomā paliekarvienaktuālāks. Latvijā nepilngadīgo pacientu tiesību jautājumi nav pētīti nepieciešamā apjomā. Pētījuma mērķis ir sniegt ieskatu nepilngadīgo pacientu un ārstniecības personu tiesisko attiecību problemātikā.

Svarīgākās atziņas teorijā, praksē

Nepilngadīgo pacientu tiesību praktiskās realizācijas jomā ir virkne problēmjautājumu, kas būtu jārisina veicot attiecīgas izmaiņas spēkā esošajos normatīvajos aktos, kā arī īpašu uzmanību pievēršot to ievērošanai praksē. Piemērām, Latvijas Republikā spēkā esošā likumdošana nosaka, ka nepilngadīgām personām ir tiesības būt informētām par savu veselības stāvokli. Ārstniecības personas sniegtai informācijai nepilngadīgām pacientam jābūt ne tikai saprotamai, bet arī atbilstoši pacienta vecumam un briedumam. Taču, neskatoties uz konkrētu jautājuma regulējumu un definējumu, nepilngadīgo personu ārstniecības procesā pastāv virkne tiesiskā rakstura neskaidrību un trūkumu.

Pētījums sniegs ieskatu nepilngadīgo pacientu un ārstniecības personu tiesisko attiecību problemātikā, aplūkojot praksē biežāk sastopamo situāciju raksturojumu. Darbā tiks pielietotas klasiskās pētniecības metodes - analītiskā pētniecības metode, salīdzinošā un teorētiskā pētniecības metode. Pieteikumu un secinājumu izstrādes fāzē tiks piemērotas sintēzes un analīzes metodes.

Praksē arvien biežāk ārstniecības personas saskārās ar nepilngadīgo pacientu tiesībām ārstniecības laikā, kā arī ar šo tiesību aizsardzību. Ārstniecības personas bieži uzdod jautājumu par to, dod atļauju nepilngadīgo personu ārstniecībai, no kāda vecuma pacients ir tiesīgs patstāvīgi pieņemt lēmumus ārstniecības procesā. Lai sniegtu atbildes uz šiem, jautājumiem nepietiek vien izpētīt Latvijas Republikā spēkā esošus normatīvus aktus, lielā uzmanība jāpievērš arī starptautiskiem tiesību aktiem.

Pētot darbā norādīto jautājumu, ir svarīgi definēt nepilngadīgā pacienta vecumu. Saskaņā ar Civillikuma [3] 219.pantu pilngadīga persona ir persona, kura ir sasniegusi 18 gadu vecumu. No minētā būtu secināms, ka pacients, kas iepriekšminēto vecumu nav sasniedzis, ir nepilngadīgs. Vienlaikus jāatzīmē, ka būtiskā atšķirība par nepilngadīgā pacienta vecumu ir noteikta Pacientu tiesību likumā [4]. Likuma 13.pantā ir noteikts vecuma ierobežojums, kas noteic, ka iepriekšminētā likuma izpratnē nepilngadīgā persona – pacients ir cilvēks, līdz 14 gadu vecumam. Šis vecums arī dod pacientiem lielākās tiesības nekā jaunākajiem pacientiem.

Pacientu tiesību likuma 13.panta pirmā daļa noteic, ka nepilngadīga pacienta (līdz 14 gadu vecumam) ārstniecība pieļaujama, ja viņa likumiskais pārstāvis par to ir informēts un devis savu piekrišanu. Nepilngadīgam pacientam ir tiesības tikt uzklauts un atbilstoši savam vecumam un briedumam piedalīties ar ārstniecību saistītā lēmuma pieņemšanā.

13. panta otrā daļa nosaka, ka no 14 gadu vecuma nepilngadīga pacienta ārstniecība ir pieļaujama, ja saņemta viņa paša piekrišana, izņemot Pacientu tiesību likuma [4] 7. panta astotajā daļā noteikto. Savukārt, saskaņā ar likuma 13. panta trešo daļu ja nepilngadīgs pacients (no 14 gadu vecuma) atsakās dot savu piekrišanu ārstniecībai, bet ārsts uzskata, ka ārstniecība ir šā pacienta interesēs, piekrišanu ārstniecībai dod nepilngadīgā pacienta likumiskais pārstāvis.

Analizējot Pacientu tiesību aizsardzības likumu [4] un likuma 13. pantā noteikto, jāsecina, ka tajā ir sastopamas pretrunīgi vērtējamas no satura viedokļa tiesību normas. Kaut gan likums nosaka striktu vecuma ierobežojumu, kas ļauj pacienta pieņemt patstāvīgus lēmumus, tas vienlaikus arī ierobežo šīs ekskluzīvas. No vienas puses, likums ļauj pacientam, kas sasniedzis 14 gadu vecumu pieņemt lēmumus pašam, aizsargāt savas intereses un tiesības, no otras puses likuma 13. panta trešajā daļā minētā atruna apgāj un krietni ierobežo pacienta tiesības, nosakot, ka tomēr, ārstniecības persona var neievērot pacienta tiesības atteikties no ārstniecības. Tādējādi ar likumu ārstniecības personai tiek dotas tiesības izmantot nepilngadīgā pacienta likumiskos pārstāvjus ārstniecības piekrišanas saņemšanai.

Līdz ar to, apgalvojums, ka 14 gadu vecumā pacients ir tiesīgs pats pieņemt lēmumus attiecībā uz viņa ārstniecību, nav patiess.

Augstāk norādītais parāda dažādu Latvijas tiesību aktu pretrunīgo regulējumu attiecībā uz personas pilngadības noteikšanu veicot tai ārstniecības pasākumus. Līdz ar to, lai sniegtu detalizētāku ieskatu, ir jāpievēršas starptautisko tiesību aktu analīzei. Viens no starptautiskiem pamatdokumentiem, kas būtu jāaplūko, ir Konvencija par cilvēktiesību un cieņas aizsardzību bioloģijā un medicīnā [2]. Konvencijas 6. panta otrā daļa noteic, ka, ja nepilngadīga persona saskaņā ar tiesību aktiem, nevar dot piekrišanu ar veselību saistītas darbības veikšanai, tad šo darbību var veikt tikai ar nepilngadīgās personas pārstāvja vai likumā noteiktas iestādes, personas vai instances atļauju. Taču 6. pantā ir arī norādīts, ka nepilngadīgā viedoklim atbilstoši viņa vecumam un brieduma pakāpei jāpiešķir arvien lielāka nozīme lēmuma pieņemšanā.

Līdzīgs regulējums ir arī Bērnu tiesību konvencijā [1], kurā 12. panta pirmajā daļā minēts, ka dalībvalstis nodrošina, lai ikvienam bērnam, kas ir spējīgs formulēt savu viedokli, būtu tiesības brīvi to paust visos jautājumos, kas viņu skar, turklāt bērna viedoklim jāpievērš pienācīga uzmanība atbilstoši bērna vecumam un brieduma pakāpei.

No iepriekšminētā secināms, ka nepilngadīgā pacienā tiesības attiecībā uz viņa sniegto viedokli ārstniecības procesā palielinās, pieaugot nepilngadīgā pacienta vecumam un brieduma pakāpei. Tas nozīmē, ka attiecīgi mazinās likumisko pārstāvju tiesības šajā jomā [6,266]. Līdz ar to, Pacientu tiesību likuma [4] 13. panta trešajā daļā noteiktais regulējums attiecībā uz ierobežotām 14 gadīgo pacientu tiesībām atteikties no ārstniecības ir pretrunā ar starptautiskiem tiesību aktiem.

Nemot vērā tiesību aktu hierarhiju un starptautisko līgumu ratifikācijas pamatnoteikumus, dalībvalstīm prioritāri ir jāpieņem starptautisku līgumu regulējums. Tādējādi, ievērojot iepriekš minēto starptautisku aktu tiesību normu saturu, secināms, ka pacients, kas sasniedzis 14 gadu vecumu, ir tiesīgs atteikties no ārstniecības arī pie nosacījuma, ka ārsts uzskata, ka atteikšanās nav pacienta interesēs.

Taču, protams, šāda situācija nav attiecināma uz izņēmuma gadījumiem, piemēram, kad nepilngadīgais pacients nav rīcībspējīgs, atrodas smagā stāvoklī utt. Tādos gadījumos ir jāpieņem Pacientu tiesību aizsardzības likuma [4] 7. panta pirmās daļas regulējums, kas nosaka, ka ja pacients sava veselības stāvokļa vai vecuma dēļ pats nespēj pieņemt lēmumu par ārstniecību, tiesības pieņemt lēmumu par piekrišanu ārstniecībai kopumā vai ārstniecībā izmantojamai metodei vai atteikšanos no ārstniecības kopumā, vai ārstniecībā izmantojamās metodes ir pacienta laulātajam, bet, ja tāda nav, — pilngadīgam un rīcībspējīgam tuvākajam radniekam šādā secībā: pacienta bērniem, pacienta vecākiem, pacienta brālim vai māšai, pacienta vecvecākiem, pacienta mazbērniem.

Līdzīgs regulējums, realizējot nepilngadīgo personu tiesības ārstniecībā, ir arī Lielbritānijā. Šeit īpašu lomu spēlē Gilikas kompetence [5]. Gilikas kompetence ir

standarti, kas izriet no 1985. gadā Lielbritānijā izskatītas lietas un kas plaši piemērojamas mūsdienu medicīnas tiesību jomā. Kompetences apraksta to, vai personai, kas ir jaunākā par 16 gadiem, ir tiesības patstāvīgi, bez vecāku dalības pieņemt lēmumus attiecībā uz savu ārstniecību. Lielbritānijā, nepilngadīgajam pacientam ir lielākās tiesības ārstniecības jautājumu jomā, jo persona, kas jaunāka par 16 gadiem skaitās pietiekami nobriedusi, lai pieņemtu lēmumus, kas spēj ietekmēt viņas dzīvi un veselību [7].

Protams, paliek daudz jautājumu par to, kā novērtēt nepilngadīgas personas brieduma pakāpi, kādi mehānismi tam ir nepieciešami, kas to veikt. Jautājums ir ļoti komplicēts, kas prasa lielāku pētījuma mērogu.

Aplūkojot jautājumu par nepilngadīgo pacientu tiesības ārstniecības procesā secināms:

1. pacients, kas sasniedzis 14 gadu vecumu, ir tiesīgs atteikties no ārstniecības arī pie nosacījuma, ka ārsts saskata pacienta rīcībā bīstamas sekas;
2. pacients, kas, sasniedzis 14 gadu vecumu, ir pietiekoši nobriedis un ir tiesīgs pats pieņemt lēmums par savu ārstniecību.
3. piekrišanu ārstniecībai pacientiem, kas jaunāki par 14 gadiem dod viņa likumiski pārstāvji.

Ņemot vērā augstākminēto, jāsecina, ka Latvijas normatīvo aktu regulējums attiecībā uz nepilngadīgo personu tiesībām ārstniecības procesā nav visaptverošs. Pastāv virkne problēmu ne tikai likumdošanas līmenī, bet arī izpildījumā no praktiskās puses. Ir nepieciešams sistēmiskus trūkumus, iespējams, pārņemot kaimiņvalstu labāku praksi. Ir arī jāpievērš uzmanība Latvijas normatīvo aktu saturam, kas regulē attiecīgu jautājumu un ir pretrunā ar starptautiskiem tiesību aktiem.

Izmantotās literatūras un avotu saraksts

1. Bērnu tiesību konvencija. <http://likumi.lv/ta/id/270592-bernu-tiesibu-konvencija> (Aplūkots 2015. gada 27. novembrī)
2. Konvencija par cilvēktiesību un cieņas aizsardzību bioloģijā un medicīnā - Konvencija par cilvēktiesībām un biomedicīnu. <http://likumi.lv/doc.php?id=203118> (Aplūkots 2015. gada 27. novembrī)
3. Civillikums. <http://likumi.lv/doc.php?id=225418> (Aplūkots 2015. gada 27. novembrī)
4. Pacientu tiesību likums <http://likumi.lv/doc.php?id=203008>
5. Gillick v West Norfolk & Wisbech Area Health Authority 17 October 1985. The British and Irish Legal Information Institute (BAILII) website <http://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1985/7.html> (Aplūkots 2015.gada 27.novembrī)
6. Jackson E. Medical Law Text, Cases and Materials; 2nd Edition. Oxford University Press, p. 266
7. Wheeler R.(2006) Gillick or Fraser? A plea for consistency over competence in children: Gillick and Fraser are not interchangeable. British Medical Journal , (8 April): 807

Galvojuma akcesoritātes principa izņēmumi.

Rolands Neilands

Latvija, Rīgas Stradiņa universitāte

doktora studiju programma „Juridiskās zinātnes”

rolands@neilands.lv

Zinātniskais vadītājs: asoc. prof., Dr. iur. Jānis Grasis

Anotācija

Pastāv divi pretēji viedokļi par to, vai pēc galvenā parādnieka (fiziskas personas) saistību dzēšanas procedūras pabeigšanas un tai sekojošas parādnieka atbrīvošanas no nenokārtotajām saistībām maksātnespējas procesa ietveros galvojums par šāda parādnieka saistībām beidz pastāvēt vai kļūst par patstāvīgu saistību.

Viedokļu dažādība rada problēmas, jo veidojas dažāda tiesu prakse. Raksta mērķis ir atklāt un pamatot, kurš no viedokļiem ir pareizs. Raksta tēma šobrīd ir īpaši aktuāla, jo 30.10.2015. ir pieņemts pirmais Augstākās tiesas Civillietu departamenta nolēmums šajā sakarā.

Atslēgas vārdi: Galvojums, galvinieks, kreditors, maksātnespēja, parādnieks

Abstract

There are two opposite views on whether the guarantee of debtor's obligation ceases to exist or become an independent obligation after the debt cancellation procedure of the principal debtor (natural person) has been completed with the subsequent release of the debtor's outstanding liabilities in the insolvency process.

Views diversity creates problems, as forms different case law. The aim of article is to identify and justify which of the views is correct. The theme of the article is particularly actual because on October, 2015 Department of Civil Cases of the Supreme Court has adopted first decision in this matter.

Key words Guarantee, guarantor, creditor, insolvency, debtor

Ievads

27.04.2011. Augstākās tiesas Senāta Civillietu departaments lietā Nr. SKC – 86/2011 pieņēma spriedumu, norādot, ka galvojuma mērķim ir prioritāte pār galvojuma akcesoritāti, kā rezultātā gadījumā, kad galvenais parādnieks – komercsabiedrība izbeidzas (tiek izslēgta no komercreģistra, izbeidzot maksātnespējas procesu), galvojums no papildu saistības pārtop par patstāvīgu saistību, vienlaikus arī kreditora prasījums pret galvinieku no galvenajam prasījumam piederīga prasījuma kļūst par patstāvīgu. [2]

Ir divi pretēji viedokļi par to, vai minētā sprieduma atziņas ir attiecināms arī uz fiziskām personām. Raksta mērķis ir noteikt, kurš no viedokļiem ir pamatots. Pētījumā ir izmantota gramatiskā, teleoloģiskā un vēsturiskā tiesību normu iztulkošanas metode, kā arī analītiskā metode, analizējot tiesību doktrīnu un tiesu praksi.

Svarīgākās atziņas teorijā, praksē

Galvojuma mērķis *inter alia* ir nodrošināties pret parādnieka maksātnespēju, ja parādnieks kļūst maksātnespējīgs un tādēļ nespēj izpildīt savu saistību, piemēram, segt kredītu.

Uz mērķi kā būtiskāko galvojuma spēkā esamības nosacījumu ir norādījis Augstākās tiesas Senāts. 2011. gada 27. aprīlī Augstākās tiesas Senāta Civillietu departaments lietā Nr. SKC –86/2011 taisīja spriedumu, to motivējot ar šādu tēzi: „Galvojuma aksesoritātes princips nav absolūts un tādus gadījumus, kad galvojuma kā papildu saistības daba nonāk pretrunā ar galvojuma mērķi, ir pieļaujami izņēmumi no tā.

Galvojot par parādnieka saistībām, galvinieks uzņemas risku atbildēt kreditoram par parādnieka saistībām arī tad, ja pēdējais nonāktu finansiālās grūtībās. Līdz ar to, galvinieka atbildības pienākums kreditoram par tāda parādnieka, kurš nonācis maksātnespējas situācijā, saistībām tieši atbilst galvojuma mērķim. Turpretī galvinieka atsvabināšana no pienākuma atbildēt kreditoram par galvenā parādnieka saistībām tikai tā iemesla dēļ, ka parādnieka sliktais finansiālais stāvoklis to novedis līdz maksātnespējai, ir pretrunā ar galvojuma mērķi.

Minētais ir pamats tam, lai galvojuma mērķim piešķirtu prioritāti pār galvojuma aksesoritāti, kā rezultātā gadījumā, kad galvenais parādnieks – komercsabiedrība izbeidzas (tā tiek izslēgta no komercreģistra, izbeidzot maksātnespējas procesu), galvojums no papildu saistības pārtop par patstāvīgu saistību, vienlaikus arī kreditora prasījums pret galvinieku no galvenajam prasījumam piederīga prasījuma kļūst par patstāvīgu.”[1]

Spriedums tika pieņemts lietā, kurā galvenais parādnieks bija juridiskā persona. Tas ļāva uzsākt spekulācijas par to vai sprieduma tēzes ir vai nav attiecināmas arī uz gadījumiem, kad galvenais parādnieks ir fiziskā persona un tam maksātnespējas procesa ietvaros ir pabeigta saistību dzēšanas procedūra.

1. Viedokļu atšķirības

Pastāv divi pretēji viedokļi par to, vai pēc fiziskas personas saistību dzēšanas procedūras pabeigšanas (maksātnespējas procesa ietvaros) ir dzēšami galvojumi, kas sniegti par šīs personas saistībām.

Saeimas deputāts, Juridiskās komisijas vadītājs Gaidis Bērziņš uzskata, ka minētais Senāta spriedums esot pareizs attiecībā uz juridisko personu (galveno parādnieku) galviniekiem, bet fizisko personu (galveno parādnieku) galviniekiem būtu piemērojama pretēja kārtība, proti, tie būtu atbrīvojami no galvojuma saistībām līdz ar galvenā parādnieka saistību dzēšanas procedūras pabeigšanu.[10] [3]

Galvenie argumenti šādai nostājai ir šādi Civillikuma [13] panti: „1710. Galvojums izbeidzas ar katru darbību, kas dzēš galveno saistību, atsvabinot no tās parādnieku. 1712. Galvojums izbeidzas ar ikvienu notikumu, kas atsvabina galveno parādnieku.”

Citi autori ir pauduši pretēju viedokli - ka parādnieka (fiziskās personas) saistību dzēšana neizbeidz galvojumu: „Kreditora aizsardzības interesēs galvojuma saistība (ciktāl tā nav izpildīta vai citādi dzēsta) neizbeidzas arī tad, ja, piemēram, fiziska persona - kā galvenais parādnieks, - kurai pasludināts maksātnespējas

process, ar tiesas lēmumu ir tikusi atbrīvota no saistību dzēšanas plānā norādītās atlikušās (resp., neizpildītās) galvenās saistības...”.[5]

2. Civillikuma 1710. un 1712. pants

Lai labāk izprastu, kuram no viedokļiem dot priekšroku, ir jāaplūko gan Civillikuma 1710. un 1712. pantu avots, gan tiesību doktrīna. Civillikuma 1710. un 1712. pants ar redakcionāliem labojumiem ir pārņemts no Vietējo civillikumu kopojuma 4545. un 4547. panta (skat. tabulu Nr. 1).

Tabula Nr. 1

Vietējo civillikumu kopojums [16, 723]	Civillikums
4545. Galvinieka saistība izbeidzas: 1) Ar ikvienu darbību, kura dzēš galveno saistību, atsvabinot no tās parādnieku.	1710. Galvojums izbeidzas ar katru darbību, kas dzēš galveno saistību, atsvabinot no tās parādnieku.
4547. 2) Ar ikvienu notikumu, kurš atsvabina galveno parādnieku; tā piemēram ar galvenā parāda noilgumu, ar galvenajam parādniekam radušos neiespējamību izpildīt savu saistību vai tml., izbeidzas arī galvojums.	1712. Galvojums izbeidzas ar ikvienu notikumu, kas atsvabina galveno parādnieku.

Profesors Karls Eduards Erdmans ir norādījis, ka galvojums izbeidzas tiklīdz ir izbeigts galvenais parāds. Turklāt nav nozīmes, vai tas ir noticis ar tiešu kreditora prasījuma apmierināšanu vai citām darbībām, ar kurām tiek dzēsta galvenā saistība (piemēram, pārjaunojums, izlīgums, spriedums), vai ar notikumu, kas, nedzēšot parādu nepastarpināti, tomēr izbeidz to (piemēram, noilgums, saistības izpildījuma neiespējamība u.tml.).[12, 550-551]

Jāpiekrīt juridiskajā literatūrā izteiktajam viedoklim, ka galvenā parādnieka maksātspēju un secīgu atbrīvošanu no saistībām nevar uzskatīt par „notikumu”, kas izbeidz galvojumu atbilstoši Civillikuma 1712. pantam, un līdz ar to nevar būt par pamatu galvinieka atbrīvošanai no galvojuma saistībām. Interpretējot Civillikuma 1712. pantu pretēji, zūd galvojuma kā galvenās saistības izpildes pastiprināšanas jēga.[4]

3. Civillikuma 1710. un 1712. pants vēsturiskā skatījumā

To, ka galvojumu dzēšana parādnieka maksātspējas dēļ nav pieļaujama, kā arī to, ka Civillikuma 1710. un 1712. panta attiecināšana uz fizisko personu saistību dzēšanas procedūras pabeigšanu un attiecīgu galvojumu izbeigšanu, nav pamatota, apstiprina ar tiesību normu vēsturiskā interpretācija.

Kā jau iepriekš minēts Civillikuma 1710. pants un 1712. pants ar neliekiem redakcionāliem labojumiem ir pārņemti no Vietējo Civillikumu kopojuma

4545. panta un 4547. panta. Tātad šīm Civillikuma normām pamatā ir Vietējo Civillikumu normas, kas ir apstiprināts 1864. gadā. Ne 1864. gadā, ne 1937. gadā fizisko personu maksātnespēja nepastāvēja mūsdienu izpratnē. Maksātnespējas ietvaros pastāvēja konkurss – process, kurā tika pārdota parādnieka manta, lai segtu kreditoru prasījumus. Pēc konkursa parādnieks netika atbrīvots no atlikušajām saistībām, ja vien nenoslēdza izlīgumu.

Laikā, kad tika pieņemts Civillikums, Civilprocesa nolikuma 1396. pants noteica, kāda veida lietas nav pakļautas civilprocesa vispārējai kārtībai, tajā skaitā nolikuma V pielikumā ievietotie pagaidu noteikumi par tiesāšanas kārtību maksātnespējas lietās.[15, 224] V pielikuma (Maksātnespējas lietas) 102. (41.) punkts noteica: „Parādnieka maksātnespējas atzīšana par nejašu neatsvabina viņu no atbildības pret kreditoriem, kas nav dabūjuši pilnīgu apmierinājumu konkursā, ar to mantu, kuru parādnieks dabūs pēc konkursa slēgšanas.”[15, 224] Tātad saistību dzēšana fiziskās personas maksātnespējas ietvaros laikā, kad notika Civillikuma pieņemšana, nenotika.

Savukārt fizisko personu saistību dzēšanas procedūra tagadējā izpratnē tiesībās tika ieviesta tikai 2010. gada 1. novembrī, kad stājās spēkā šobrīd spēkā esošais Maksātnespējas likums.[14] Saskaņā ar Maksātnespējas likuma 164. panta pirmo daļu, ja parādnieks veicis fiziskās personas saistību dzēšanas plānā noteiktās darbības, pēc šā plāna darbības beigām atlikušās minētajā plānā norādītās šīs personas saistības tiek dzēstas un apturētās izpildu lietvedības par dzēsto saistību piedziņu tiek izbeigtas.

Tātad ne 1864. gadā, kad tika apstiprināts Vietējo civillikumu kopoījums, ne arī 1937. gadā, kad tika pieņemts Civillikums, nepastāvēja šobrīd spēkā esošajā Maksātnespējas likumā ietvertā saistību dzēšanas procedūra, pēc kuras pabeigšanas, izpildot saistību dzēšanas plānu, parādnieks tiek atbrīvots no atlikušajām (neizpildītajām) saistībām pret saviem kreditoriem.

Līdz ar to jebkuri argumenti par to, ka parādnieka (fiziskās personas) saistību dzēšanas procedūras pabeigšana un parādnieka atbrīvošana no atlikušajām saistībām pret saviem kreditoriem ir Civillikuma 1710. un 1712. pantā paredzētie nosacījumi, kas izbeidz arī galvojumus, ir aplami.

4. Tiesu prakse

Pēc 2011. gada 27. aprīlī pieņemtā Augstākās tiesas Senāta Civillietu departamenta sprieduma lietā Nr. SKC–86/2011 tiesu praksē attiecībā uz maksātnespējīgo galveno parādnieku (fizisko personu) galvniekiem atsevišķos gadījumos ir pārņemtas šī sprieduma tēzes, bet atsevišķos gadījumos pilnīgi pretēji – ir pamatots, ka Civillikuma 1710. un 1712. pants izbeidz galvojumu pēc parādnieka (fiziskās personas) saistību dzēšanas procedūras pabeigšanas.

Piemēram, Zemgales apgabaltiesa savā 2014. gada 20. novembra spriedumā lietā Nr. C16039813 [11], Rīgas apgabaltiesas Civillietu tiesu kolēģija savā 2015. gada 16. februāra spriedumā lietā Nr. C31401810 [9], kā arī Latgales apga-

baltiesas Civillietu tiesas kolēģija savā 2015.gada 15. aprīļa spriedumā lietā Nr. C33431913 [8] ir izmantojusi minētā Senāta sprieduma atziņas.

Turpretī Latgales apgabaltiesas Civillietu tiesas kolēģija savā 2014. gada 16. aprīļa spriedumā lietā Nr. C33337912 [7] un Kurzemes apgabaltiesas Civillietu tiesas kolēģija savā 2014. gada 23. oktobra spriedumā lietā Nr. C33303412 [6] ir pamatojusi, ka Civillikuma 1710. un 1712. pants izbeidz galvojumu pēc parādnieka (fiziskas personas) saistību dzēšanas procedūras pabeigšanas.

Zināmu skaidrību ievieš Augstākās tiesas Civillietu departaments ar savu 2015. gada 30. oktobra rīcības sēdes lēmumu lietā Nr. SKC-1443/2015, kurā ir norādījis: „...apelācijas instances tiesa pareizi atzinusi, ka attiecībā uz lietā konstatētajiem apstākļiem Civillikuma 1710. un 1712. pants nav piemērojams. Šāds secinājums atbilst Senāta paplašinātā sastāva 2011. gada 27. aprīļa spriedumā lietā Nr. SKC-86 dotajam minēto tiesību normu, kā arī Civillikuma 1692. pantā definētā galvojuma iztulkojumam. Proti, ka galvojuma mērķis ir atbildēt kreditoram par trešās personas parādu, jo šāds pienākums izriet nepastarpināti no galvojuma līguma – galvojot par parādnieka saistībām, galvinieks uzņemas risku atbildēt kreditoram par parādnieka saistībām arī tad, ja pēdējais nonāktu finansiālās grūtībās. Tas nozīmē, ka galvinieka atbildības pienākums kreditoram par tāda parādnieka, kas nonācis maksātnespējas situācijā, saistībām tieši atbilst galvojuma mērķim. Turpretī galvinieka atsvabināšana no pienākuma atbildēt kreditoram par galvenā parādnieka saistībām, tikai tā iemesla dēļ, ka parādnieka sliktais finansiālais stāvoklis to novedis līdz maksātnespējai, ir pretrunā ar galvojuma mērķi.”[1]

No minētā ir nepārprotami redzams, ka arī tiesu praksē (ne tikai tiesību doktrīnā) parādnieka (fiziskas personas) atbrīvošana no neizpildītajām saistībām pēc saistību dzēšanas procedūras pabeigšanas maksātnespējas procesa ietvaros, neizbeidz galvojumu. Galvojums šādā gadījumā kļūst par patstāvīgu saistību.

Secinājumi

Veicot Civillikuma 1710. un 1712. panta vēsturisko un teleoloģisko iztulkošanu ir skaidrs, ka galvenā parādnieka (fiziskas personas) saistību dzēšanas procedūras pabeigšana, un parādnieka atbrīvošana no neizpildītajām saistībām, neizbeidz galvojumu. Gluži pretēji – galvojums kļūst par patstāvīgu saistību. Šāda pieeja ir nostiprinājusies ne tikai tiesību doktrīnā, bet arī tiesu praksē.

Izmantotās literatūras un avotu saraksts

1. Augstākās tiesas Civillietu departamenta 30.10.2015. rīcības sēdes lēmums lietā Nr. SKC-1443/2015. Nav publicēts.
2. Augstākās tiesas Senāta Civillietu departamenta 27.04.2011. spriedums lietā nr. SKC-86/2011. Pieejams: <http://www.at.gov.lv/files/uploads/files/archive/departament1/2011/skc-0086.doc> [skatīts 24.11.2015.].
3. Bērziņš G. Galvojums kā akcesoriska jeb papildu (blakus) saistība parād-

- nieka fiziskās personas maksātnespējas procesā. Jurista Vārds, 10.12.2013., Nr. 50 (801). Pieejams: <http://www.juristavards.lv/doc/262707-galvojums-ka-akcesoriska-jeb-papildu-blakus-saistiba-paradnieka-fiziskas-personas-maksatnespejas-procesa/> [skatīts 24.11.2015.].
4. Fogels N., Ziņģe J. Galvenā parādnieka saistību dzēšana maksātnespējas procesā – vai pamats galvojuma izbeigšanai. Jurista Vārds, 15.04.2014., Nr. 15 (817). Pieejams: <http://www.juristavards.lv/doc/264225-galvena-paradnieka-saistibu-dzesananbsp/> [skatīts 28.11.2015.].
 5. Kalniņš E. Galvojums kā akcesoriska saistība. Jurista Vārds, 10.05.2011., Nr. 19 (666) Pieejams: <http://www.juristavards.lv/doc/229704-galvojums-ka-akcesoriska-saistiba/> [skatīts: 27.11.2015.].
 6. Kurzemes apgabaltiesas Civillietu tiesas kolēģijas 23.10.2014. spriedums lietā Nr. C33303412. Nav publicēts.
 7. Latgales apgabaltiesas Civillietu tiesas kolēģijas 16.04.2014. spriedums lietā Nr. C33337912. Nav publicēts.
 8. Latgales apgabaltiesas Civillietu tiesas kolēģijas 15.04.2015. spriedums lietā Nr. C33431913 Pieejams: <https://tiesas.lv/nolemumi/pdf/220141.pdf> [skatīts 24.11.2015.]
 9. Rīgas apgabaltiesas Civillietu tiesu kolēģijas 16.02.2015. spriedums lietā Nr. C31401810 Pieejams: <https://tiesas.lv/nolemumi/pdf/219934.pdf> [skatīts 24.11.2015.].
 10. Saeimas sēdes stenogramma – likumprojekts „Grozījumi Maksātnespējas likumā” – G. Bērziņa uzruna deputātiem pie 106. priekšlikuma. Pieejams: <http://saeima.lv/lv/transcripts/view/258> [skatīts 24.11.2015.].
 11. Zemgales apgabaltiesas 20.11.2014. spriedums lietā Nr. C16039813. Pieejams: <https://tiesas.lv/nolemumi/pdf/201269.pdf> [skatīts 24.11.2015.].
 12. Эрдман К. Э. Обязательственное право губерний Прибалтійскихъ: (Изъ курса проф. Эрдмана)/переводъ и дополнительныя примѣчанія М.О. Гредингера. Рига: изд. почетнаго мирового судьи Ф.Е. Камкина, 1908.

Normatīvie akti

1. LR Civillikums. Pieejams: <http://likumi.lv/doc.php?id=225418> [skatīts 25.11.2015.].
2. Maksātnespējas likums. Pieejams: <http://likumi.lv/doc.php?id=214590> [skatīts 24.11.2015.].
3. Civīlprocesa nolikums. 1932.g. izdevums ar pārgrozījumiem un papildinājumiem. Zvēr. Adv. Kārļa Dzelziša redakcijā. Rīga: Dzīve un Kultūra, 1936, 224. lpp.
4. Сводъ местныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ. Часть Третія. Законы гражданскіе. Санктпетербургъ: тип. Втораго Отделенія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1864.

Правовая необходимость разделения понятий «управляющий» и «лицо, обслуживающее дом/«обхозяйственник»» в «Зако́не об управлении жилыми домами»

Мария Данилевич

Латвия, Балтийская Международная Академия,
Программа докторантуры «Юридическая наука»,
mdanilev@gmail.com

PhD, доцент Евроакадемии, Татьяна Калин

Аннотация.

В «Зако́не об управлении жилыми домами» предусмотрены обязательные действия по управлению и разрешено передать управляющему, как все действия, так и их часть. Возникающие споры о том, является ли лицо, которому передана часть действий, управляющим в понимании закона, либо только «лицом, обслуживающим дом/«обхозяйственником»», указывают на недостаточное регулирование данного вопроса, что подчеркивает актуальность проблемы.

Цель статьи рассмотреть является ли необходимым разделить и закрепить понятия «управляющий» и «лицо, обслуживающее дом/«обхозяйственник»» на законодательном уровне.

Ключевые слова: Управление жилыми домами, «лицо, обслуживающее дом/«обхозяйственник»», управляющий

Abstract.

There are mandatory administrative activities that are foreseen in the “Law On Administration of Residential Houses” and it is allowed to pass to residential houses administrator both all of the actions and their part only. Occurred disputes, about what exactly is person, that the part of activities, is passed to as the Law sees it, either the residential houses administrator or just “the person that maintains a house”, point to insufficient control of the given question, that only emphasizes urgency of the problem.

The purpose of the article is to consider if it is necessary to separate and appoint these notions: residential houses administrator and “the person that maintains a house” on law level.

Key words: Administration of Residential Houses, the person that maintains a house, residential houses administrator

Введение.

1 января 2010 года вступил в силу «Зако́н об управлении жилыми домами» Латвийской Республики. На стадии законопроекта активно обсуждалась необходимость разделить и закрепить понятия «управление» и «обслуживание дома/«обхозяйствование»», но в окончательной

редакции закона осталось только понятие «управление» и соответственно, «управляющий». В статье 6 «Закона об управлении жилыми домами», предусмотрены обязательные действия по управлению жилым домом. Закон также предъявляет специальные требования к управляющему. Однако, согласно положениям статья 10, собственник жилого дома имеет право передать управляющему все действия по управлению, предусмотренные законом, либо часть этих действий. Применяя на практике данную норму, нередко возникают споры и разногласия, о том, является ли в таком случае управляющим, лицо, которое осуществляет лишь одно или два действия, из тех, которые предусмотрены в законе, например, санитарное обслуживание жилого дома. Анализируя статьи закона, нельзя сделать однозначный вывод, является или нет, это лицо управляющим в понимании закона, необходимо или нет соответствовать ему требованиям, предъявляемым к управляющему, какими правами и обязанностями оно обладает. Возникающие споры указывают на недостаточное регулирование данной проблемы, что подчеркивает ее актуальность. В связи с чем, возникает необходимость исследовать вопрос о правовой необходимости разграничить понятия «управляющий» и «лицо, обслуживающее дом/«обхозяиственныйник»», и дать оценку возможности в равной степени использовать как одно, так и другое.

Основные теоретические и практические положения

Вопросы, связанные с управлением жилыми домами, в том числе проблема, непосредственно связанная с «обслуживанием/обхозяиствованием» и/или «управлением», продолжают оставаться актуальными, и после принятия «Закона об управлении жилыми домами». На протяжении действия закона, данная проблема не решилась, но проявилась в юридических спорах, а в сам закон с момента принятия 4 раза вносились поправки, но так и не было введено понятие «управление» и/или «обслуживание/обхозяиствование».

Сразу после принятия вышеуказанного закона в 2009 году, было высказано, как позитивное отношение к нему, со стороны, лиц участвующих в его разработке, так и негативное отношение со стороны лиц, непосредственно занимающихся обслуживанием и управлением жилыми домами.

Положительная оценка закона была связана с тем, что впервые на законодательном уровне было закреплено четкое определение прав и обязанностей собственников жилых домов и квартирных собственников, а также управляющих жилыми домами и лиц, ведущих обслуживание/обхозяиствование жилых домов.

Закон предусматривает обязанность по содержанию жилого дома в его физическом сохранении. Управляющий жилым домом обязан обеспечить санитарное обслуживание здания, подачу отопления, горячей и холодной воды, вывоз мусора, содержание общей собственности в порядке.

Действия по управлению содержат также обязанность планирования работ, подготовку проекта бюджета на текущий год, ведение домового дела и прочие.

Значимые нормы, которые выделялись в позитивной оценке, данной в 2009 году, затрагивают вопросы, которые определяют, как собственник дома передает права управления управляющему, а именно другому физическому или юридическому лицу.

Важным является определенный законом порядок, согласно которому жилой дом передается управляющему: домовое дело, документы, финансы.

Положительным моментом, выделялась и обязанность управляющих предоставлять информацию собственникам квартир о финансовой ситуации в процессе обслуживания/обхояйствования дома, поскольку много конфликтов вызывает то, что собственники не знают, на какие цели расходуются средства, взимаемые за обслуживание/обхояйствование. Норма закона предусматривает право собственников квартир, ознакомиться с отчетами поступлений и расходов. К тому же не реже, чем раз, в год управляющий жилым домом обязан ознакомить собственников квартир с планом управления дома, который должен содержать учет проводимых работ, расходные сметы и другие документы. Также, раз, в год управляющий обязан предоставлять отчет об использованных финансовых и материальных средствах.

Квалификация управляющего должна соответствовать требованиям статьи 13 закона. Первая редакция закона предусматривала, что управляющие без квалификации могут исполнять свои обязанности до 31 июля 2011 года. Поэтому необходимо отметить, что сразу после вступления закона в силу, данная норма была пересмотрена и изменена в отношении управляющих, которые на момент вступления в силу закона имели практический опыт управления жилыми домами, на основании решения Конституционного суда Латвийской Республики от 18.02.2010.[2]. Управляющим будет необходимо получить специальное профессиональное образование и, по крайней мере, четвертый уровень профессиональной квалификации [9].

Исходя из выше изложенного, можно сделать вывод, что позитивная оценка, не включает в себя спорных вопросов, и апеллирует исключительно к преимуществам, которые получают собственники.

«Закон об управлении жилыми домами» не содержит понятия обслуживание/обхояйствование. Управление поглотило обслуживание/обхояйствование, и второе является первым. Даже в правилах кабинета Министров, понятие обслуживание/обхояйствование больше не упоминается, за исключением одних – это правила кабинета Министров № 908 от 28.10.2010. «Правила ведения и актуализации домового дела». В пункте 26 данных правил говорится, что домовое дело может содержать

другую важную для управления и обслуживания/обхояйствования дома информацию [8]. То есть все-таки управление и обслуживание/обхояйствование могут существовать вне зависимости друг от друга. Или это не так?

Если проанализировать мнение тех лиц, которые непосредственно занимаются управлением и обслуживанием/обхояйствованием жилых домов, то вопрос, который выводится на первый план, связан с понятиями управления и обслуживания/обхояйствования.

В негативной оценке закона, еще в 2009 году, звучала необходимость на государственном уровне дать пояснение, что означает управлять домом и что означает обслуживать/обхояйствовать дом. Поскольку в ежедневной работе в секторе рынка недвижимого имущества идет постоянное соприкосновение с информацией различного характера, которая связана с управлением и обслуживанием/обхояйствованием жилых домов. Везде доминирует термин «управление и обслуживание/обхояйствование жилых домов» [11]. Появляется логический вывод, что закон должен дать пояснение тому, что означает управлять жилым домом, а что означает обслуживать/обхояйствовать жилой дом? Однако поправки не были приняты, и с вступлением в силу закона осталась возможность только управлять домом, а процесс обслуживания/обхояйствования остался неурегулированным.

До настоящего момента принятые и действующие нормативные акты, не дают определений понятиям «управление» и «обслуживание/обхояйствование». На практике под понятием «управление» можно понимать принятие решений [10] и практические действия в отношении обязанностей собственника содержать и сохранять недвижимость (формы обслуживания/обхояйствования, выбор обслуживающей фирмы/обхояйствованника, утверждения сметы по обслуживанию/обхояйствованию и т.п.), а также отягощения имущества вещными правами (сдачу в аренду, раздел, продажу, залог и т.п.). Обслуживание/обхояйствование, в свою очередь, это хозяйственные мероприятия и средства, с помощью которых обеспечивается содержание и сохранение имущества (взимание платы за обслуживание/обхояйствование, проведение ремонтных работ, санитарный уход за собственностью, обеспечение коммунальных услуг и т.п.).

Законопроект предусматривал, что:

- управление жилым домом – общность действий, которые необходимы для содержания и сохранения жилого дома в пригодном для пользования положении, а также для содержания функционально необходимого жилому дому земельного участка, для того, чтобы обеспечить использование этого имущества согласно целям использования;

- обслуживание/обхозяйствование жилого дома - общность мероприятий технического характера, с помощью которых, претворяются принятые решения в процессе управления жилым домом, по содержанию и сохранению жилого дома и прилегающей к нему территории. [12]

В окончательную редакцию закона, эти определения уже не попали, и до сих пор их нет в законе. Но анализируя приведенные выше понятия можно сделать вывод, что понятие «управление» несомненно, шире и включает в себя понятие «обслуживание/обхозяйствование», которое является только лишь общностью мероприятий технического характера. В действующих правилах кабинета Министров №1014 «Порядок, в котором управляющий рассчитывает оплату за управление и обслуживание/обхозяйствование жилым домом» в статье 7 определены услуги по содержанию и !обслуживанию/обхозяйствованию!, которые должны быть организованны в каждом доме. Одной из этих услуг является услуга по !управлению жилым домом! (в том числе финансовый учет, юридические услуги, обеспечение делопроизводства) [7]. То есть обслуживание/обхозяйствование включает в себя управление, что является противоречием. В управление могут включаться услуги, которые относятся к обслуживанию/обхозяйствованию, но не наоборот, и тождественными они не являются. До настоящего момента законодатель предпочел оставить ситуацию, так как есть, не меняя действующих правил и не давая дефиниций на законодательном уровне понятиям «управление» и «обслуживание/обхозяйствование», но поскольку оба понятия существуют, мы допускаем, что, несмотря на то, что понятие «управление» несомненно, является более широким понятием, оба этих понятия могут существовать вне зависимости друг от друга.

Вступивший в силу закон не предусмотрел использование и разграничение понятий

«обслуживание/обхозяйствование», но комплекс мероприятий, которые можно называть как «обслуживание/обхозяйствование», включает в понятие «управление», таким образом, предусматривая обязанность управляющего обеспечивать также действия, связанные с обслуживанием/обхозяйствованием, но при этом сохраняя возможность передать эти права третьему лицу [1].

Как, непосредственно, управляющий, так и сам собственник жилого дома имеет возможность какую-либо часть, касающуюся управлением жилым домом передать третьему лицу. В случае, если это делает управляющий, то такая возможность обязательно должна быть предусмотрена договором управления – делегирована ему собственником. Но если, собственник дома поручает управляющему проводить только определенную часть действий, а остальную поручает третьему лицу, то в таком случае статус третьего лица является неопределенным, поскольку непонятно является ли оно вторым управляющим или просто лицом, обслуживающим дом/«обхозяйственником».

Заклучение

Поэтому, несмотря на то, что на протяжении более чем 5 лет «Закон об управлении жилыми домами» не содержит понятие «обслуживание/обхозяйствование» и «лица, обслуживающего дом/«обхозяйственника»», представляется юридически необходимым закрепить эти понятия на законодательном уровне. Также следует закрепить права и обязанности, предъявляемые как к «лицам, обслуживающим дом/«обхозяйственникам»», так и к лицам, которые не осуществляют управление домом в полном объеме. Это позволит внести ясность в вопрос, кто обладает юридическими полномочиями осуществлять управление домом, в также исключить спорные ситуации, когда фактически, в доме несколько управляющих, которые не могут договориться между собою, либо несколько лиц, обслуживающих дом/«обхозяйственников», но ни одного управляющего.

«Список использованной литературы и других источников»

1. „Dzīvojamo māju pārvaldīšanas likums” // 04.06.2009. // Latvijas Vēstnesis, Nr. 96 (4082).
2. Latvijas Republikas Satversmes tiesas spriedums „Par Dzīvojamo māju pārvaldīšanas likuma 13.panta pirmās daļas atbilstību Latvijas Republikas Satversmes 91. un 106.pantam” // Latvijas Vēstnesis, Nr. 30 (4222).
3. Likums “Grozījumi „Dzīvojamo māju pārvaldīšanas likumā”” // Latvijas Vēstnesis, Nr. 112 (4304).
4. Likums “Grozījumi „Dzīvojamo māju pārvaldīšanas likumā”” // Latvijas Vēstnesis, Nr. 183 (4375).
5. Likums “Grozījumi „Dzīvojamo māju pārvaldīšanas likumā”” // Latvijas Vēstnesis, Nr. 126 (4932).
6. Likums “Grozījumi „Dzīvojamo māju pārvaldīšanas likumā”” // Latvijas Vēstnesis, Nr. 6 (5065).
7. Ministru kabineta noteikumi Nr.1014 „Kārtība, kādā aprēķināma maksa par dzīvojamās mājas pārvaldīšanu un apsaimniekošanu” 09.12.2008. // LR Saeimas un Ministru Kabineta Ziņotājs, 2009, Nr.8.
8. Ministru kabineta noteikumi Nr.908 „Mājas lietas vešanas un aktualizēšanas noteikumi” 28.09.2010. // Latvijas Vēstnesis, Nr. 156 (4348).
9. Jānis Kalns. Likums dzīvojamo māju ilgmūžībai. <http://www.lv.lv>
10. Lēmumus pieņem saimnieks. <http://www.vestis.lv>
11. Vītolds Peipiņš. Dzīvojamo māju pārvaldīšanas un apsaimniekošanas mūklājs. <http://www.diena.lv>
12. <http://titania.saeima.lv/LIVS/SaeimaLIVS.nsf/0/D0A67F1A97CC8F6C-C225722F00464F61?OpenDocument>

TIESĪBU NEPILNĪBAS UN TO NOVĒRŠANAS VEIDI

Evita Širante

Baltijas Starptautiskā Akadēmija, Latvija, maģistratūra,

esirante10@gmail.com

Zinātniskais vadītājs, dr. Jur., asoc. profesors

Aleksandrs Baikovs

Anotācija.

Referāta tēma: „Tiesību nepilnības un to novēršanas veidi” bija, ir un būs aktuāla. Referāta mērķis – ir izpētīt tiesību nepilnības un likuma robu, un kādi ir to novēršanas veidi. Autore sekojot tiesību un likumu normu attīstībai skaidroja galveno tiesību tālākveidošanas metožu pielietošanas priekšnoteikumu – likuma robu esamību. Izvērtēja Satversmes tiesas lomu tiesību likuma robu novērtēšanā un piemērošanu praksē, kā arī analizēja likuma robu veidus. Tiesību nepilnības būs aktuālas vienmēr un tās pilnveidošana būs novitāte vienmēr

Atslēgas vārdi: Nepilnības, novēršana, robi.

Аннотация.

Темареферата: “Правовые изъяны и способы предотвращения” была, есть и будет актуальна. Цель реферата – исследовать правовые изъяны и пробелы в законе, способы предотвращения.

Авторследуя за развитием норм права и законов объясняла главное правовое условие для дальнейшего развития методов применения - существование пробелов в законе. Оценила роль Конституционного Суда предотвращения пробелов в законе и применена на практике и также проанализировала виды пробелов в законе. Юридические пробелы всегда будет актуально и ее совершенствование будет всегда новинка.

Ключевые слова: Несовершенство, предотвращения, пробелы.

Abstract.

Theme of the report: Law gaps and the ways to address them. The aim of the report - to study the legal loopholes and gaps in the law, and what are the ways to prevent them. The author surveying the legal and statutory provisions for the development showed the principal legal methods of further development of the use of the premise (application prerequisites) - loophole existence. Assessed the role of the Constitutional Court of the legal loopholes in the assessment and application in practice, as well as analyzed the weaknesses in the law. Law gaps will be always up to date and its improvement will always be an Novelty.

Key words: Failures, notches, prevention.

Ievads.

Eiropas kontinentālās tiesību saimes attīstība ir pierādījusi, ka nav nepieciešams, ne arī iespējams pilnīgi visus dzīves gadījumus noregulēt likumā. Ar to tiek noliegta juridiskā pozitīvisma ideja par tiesību un sistēmas funkcionālu viengabalainību un atzīta pozitīvo tiesību nepilnību un likuma robu esamība, kā arī tiesību piemērotāja robu aizpildoša tiesību tālākveidošanas kompetence. Latvijas juridiskās metodoloģijas zinātne vēl atrodas tapšanas stadijā, tomēr juridisko metožu problēma ir ļoti būtisks jautājums. Parādās arvien jaunas zinātniskās publikācijas un prakses piemēri arī tiesību tālākveidošanās sfērā, tiesību tālākveidošanas metodes tiek pētītas un piemērotas praksē. Neskatoties uz to, līdz šim palicis neizpētīts jautājums par galveno tiesību tālākveidošanas metožu pielietošanas priekšnoteikumu – likuma roba esamību. Šis jautājums ir svarīgs tāpēc, ka tas ir pirmais solis tiesību tālākveidošanā likuma robu aizpildīšanā, un bez apstiprinošas atbildes uz šo jautājumu tiesību piemērotājs nevarēs piemērot tālākveidošanas metodes, lai cik tas viņprāt būtu nepieciešams.

Tiesību tālākveidošana ir pieļaujama tikai tad, ja likums uzrāda nepilnību, un šī nepilnība nav apzināts likumdevēja lēmums, t.i. šī nepilnība ir pretēja likuma plānam. Likuma plānam pretēju nepilnību sauc par likuma robu un savukārt tiesību tālākveidošanu likuma robu aizpildīšanā tādēļ sauc arī par likuma robu aizpildīšanu.

Apzīmējums “likums uzrāda nepilnību” nozīmē to, ka atbilde uz tiesību jautājumu nav atrodama ne tikai normatīvajos tiesību aktos, bet arī visā tiesību sistēmā, iekļaujot arī judikatūru un tiesību principus. Turklāt par nepilnību būtu iespējams runāt tikai tad, kad arī objektīvi teleoloģiskās iztulkošanas metodes pielietojums no vienā vai vairākiem tiesību normā ietvertajiem vērtējumiem nesniegtu nekādus pieturas punktus izšķiramā gadījuma atrisināšanai.[1; 19]

Likuma roba esamība ir tiesību tālākveidošanas likuma robu aizpildīšanas pieļaujamības priekšnoteikums, kas piešķir tiesnesim vai citam tiesību piemērotājam tiesības pašam radīt likumā neesošu normu faktiskā gadījuma izlemšanai.

Svarīgākās atziņas teorijā, praksē.

Par tiesību sistēmas nepilnību, tai skaitā, likuma robu iemesliem tiek uzskatīta, piemēram, sociālo attiecību nemītīga attīstība, tehnoloģiskās, ekonomiskās un vispārējās sabiedriskās dzīves izmaiņas u.c. Tiek uzskatīts, ka likuma robs pastāv jau tad, kad likumdevējs ir pilnvarojis tiesību piemērotāju pieņemt nolēmumu, izmantojot ģenerālklauzulas vai nenoteiktos tiesību jēdzienus (t.s. robi intra legem). Robs pastāv arī tad, kad tiesību piemērotājam ir jālemj pēc paša ieskata, jo konkrētā gadījuma risinājumam nekādu mērauklu vairs nedod ne pozitīvie apsvērumi, ne arī tiesību normas. Par robu tiek runāts arī likuma klusēšanas gadījumā, proti, tādas likuma nepilnības gadījumā, kad likuma vārdiskais skanējums nesatur nekādu piemērojamu noteikumu konkrētam gadījumam. Par

likuma robu tiek uzskatīti arī gadījumi, kas ir ietverti pēc likuma vārdiskās jēgas piemērojamā noteikumā, bet šis noteikums pēc tā jēgas un mērķa neder. Nepilnība pastāv, kad izšķiramā gadījuma risinājumu vairs nevar izskaidrot ar tiesību normu iespējamo vārdisko jēgu. Nepilnība nav identiska ar likuma klusēšanu, kā arī ne vienmēr nozīmē tiesību robu. Zināma tiesiskā regulējuma neesamība likumā pati par sevi vēl nenozīmē, ka šāds regulējums ir objektīvi nepieciešams no tiesību sistēmas viedokļa. Tiek uzskatīts, ka likuma robs var pastāvēt vienīgi attiecībā uz tiesiski nozīmīgiem dzīves gadījumiem. Regulējuma neesamība var būt apzināta (ar nolūku). Likuma robs pastāv, ja likumā, ņemot vērā tā iztulkojumu, nav ietverts pozitīvs tiesiskais regulējums, kaut arī no tiesību sistēmas viedokļa šāds regulējums ir nepieciešams. Tiek nošķirts likuma un tiesību robs. Tiesību robs – gadījums, kad nepilnīgs ir ne tikai viens likums, bet gan visa tiesību iekārta pieprasa regulējumu. Tajā pat laikā, attiecībā uz tiesību robu tiek norādīts, ka tiesību sistēma pati par sevi ir uzskatāma par tādu, kurā robu nav, jo „tiesību roba” (tiesību sistēmas nepilnības) jēdziens nav savienojams ar „atvērta” tiesību sistēmas izpratni.

Varētu likties, ka likuma robs pastāv ikreiz, kad tiesību nozare, pie kuras pieder konkrētas lietas faktiskie apstākļi, nesatur šo apstākļu regulējumu, tomēr tā tas nav. No likuma plānam pretējas nepilnības jānošķir likumdevēja plānotā nepilnība. Arī šajos gadījumos var pastāvēt likuma pilnveidošanas nepieciešamība. Plānotās nepilnības var konstatēt, ja, izpētot likuma sagatavošanas materiālus, secinām, ka likumdevējs konkrētu nepilnību iestrādāja likumā, atzīstot šādu risinājumu par saprātīgu. Šis ir gadījums, kad likumdevējs apzināti neregulēja konkrēto faktisko situāciju, jo uzskatīja, ka šādai faktiskajai situācijai nevajadzētu iestāties atbilstošām tiesiskajām sekām (t.s. likuma dziļdomīga klusēšana). Šeit likumdevējs principiāli izšķīries pret regulējumu, pamatojoties uz lietderības apsvērumiem, tādējādi neatstājot vietu tiesību tālākveidošanai, pat ja tiesību piemērotājs ir gribējis ko citu. Šajā gadījumā tiesību tālākveidošana būtu pret pašu likumu. Tādējādi “likuma robs” un “likuma klusēšana” jeb “nepilnība” nav viens un tas pats.

Juridiskajā literatūrā tiek izteikts viedoklis, ka likuma robs ir tikai tad, kad tiesību norma vispār nav piemērojama, jo tā nesatur kādu nepieciešamu priekšrakstu, piemēram, tiesību norma pasaka, kas un ko var prasīt, bet nepasaka, no kā var prasīt.[2; 260] Šādus gadījumus, kad viena tiesību norma pati sevī ir nepilnīga, var apzīmēt ar tiesību normas robiem. Jāatzīst, ka rūpīgi izstrādātos likumos tiesību normu robi ir retums. Tiesību normas robi ir atzīstami par likuma roba paveidu, un principiālās atšķirības to konstatēšanā un aizpildīšanā nav. Tiesību normas robi un regulējuma robi ir trūkumi likuma regulējuma kopsakarībā.[3; 372] Vai pastāv tiesību normas vai regulējuma robs, izlemjams, vērtējot no paša likuma skatu punkta, no regulēšanas nodoma, no mērķa, ko tas grib panākt, no likumā ietvertiem likumdevēja plāniem. Tas, vai likumdevējs apzinājās regulējuma nepieciešamību vai nē, vai likuma nepilnība ir plānam atbilstoša vai plānam pretēja, bet tomēr ar tiesību

tālākveidošanas metodēm aizpildāma, var tikt izsecināts no likuma izcelšanās vēstures un likuma sistēmas un konteksta, izmantojot iztulkošanas metodes, it īpaši teleoloģisko iztulkošanas metodi. Tā piemēram, līdz 1995.gada 28.septembra likuma “Par dzīvokļa īpašumu” pieņemšanai par likuma robu nebija uzskatāms tas, ka Civillikumā nav ietverts dzīvokļa īpašuma (kā kvalificēta kopīpašuma) tiesiskais regulējums. Vadoties no tiesību uz nekustamu īpašumu pārskatāmības apsvērumiem, likumdevējs apzināti nepieļāva iespējamību, ka pastāv īpašuma tiesība uz atsevišķu dzīvokli vai citādu ēkas daļu; “dzīvoklis nav patstāvīga lieta, bet gan nama sastāvdaļa, jo atrodas ar namu nesaraucamā sakarā un tādēļ nevar būt par īpašuma objektu”.[4; 193]

Likuma robus iedala vairākos veidos – atklātie likuma robi, aizklātie likuma robi, sākotnējie apzinātie likuma robi, sākotnējie neapzinātie likuma robi, vēlākie likuma robi. Atklātais likuma robs – ja likumā attiecībā uz noteiktu dzīves gadījumu grupu nav ietverts pozitīvs tiesiskais regulējums, kaut arī šādam regulējumam, ņemot vērā attiecīgā likuma „mērķi”, bija jābūt tajā ietvertam. Aizklātais likuma robs - ja likumā attiecībā uz noteiktu dzīves gadījumu grupu ir ietverts pozitīvs tiesiskais regulējums, taču atbilstoši tā jēgai un mērķim šis otrais regulējums minētajam gadījumam nav piemērots, jo tajā nav ņemtas vērā tās īpatnības, kas ir raksturīgas un nozīmīgas tieši šiem dzīves gadījumiem. Robeža starp atklāto un aizklāto robu slēpjas tajā, vai likumā ir atrodama vispārēja norma jeb princips, attiecībā uz kuru trūkstošais regulējums nozīmētu ierobežojumu. Ja vispārējai normai ir nepieciešami ierobežojumi attiecībā uz konkrēto gadījumu, tad šāda ierobežojuma trūkums ir aizklāts robs. Tādējādi, atklātos un aizklātos likuma robus jānošķir raugoties pēc tā, vai likumiskajā regulējumā tai gadījumu grupai, kurai pēc likuma pamatā esošā nolūka ir nepieciešams regulējums, nevar atrast vispār nekādu normu, vai arī tāda norma ir, bet likumā nav izteikts ierobežojums, kādu tās jēga un mērķis padara nepieciešamu šai gadījumu grupai. Sākotnējais likuma robs - ja likuma robs pastāvējis jau likuma pieņemšanas brīdī. Sākotnējais apzinātais likuma robs ir gadījumos, kad likumdevējs kādu tiesību jautājumu ir tīši atstājis atvērtu, nododot tā atrisinājumu judikatūras un tiesību zinātnes rokās, tādējādi piešķirot tiesnesim plašākas ieskata robežas – izspriest lietu pēc taisnības apziņas un vispārējiem tiesību principiem, lai optimāli varētu ņemt vērā katra konkrētā dzīves gadījuma īpatnības un rast iespējami taisnīgaku risinājumu. Lielākoties šeit var būt runa par izteiksmes nenoteiktību un līdz ar to par interpretāciju, piemēram, ģenerālklausulas piepildīšana ar saturu, nevis par roba aizpildīšanu. Sākotnējais neapzinātais likuma robs – ja likumdevējs, pieņemot likumu, nav pamanījis noregulēt kādu tiesiski nozīmīgu gadījumu grupu vai arī to maldīgi uzskatījis par noregulētu likumā. Vēlākais likuma robs – ja likuma robs radies vēlāk (nav bijis likuma pieņemšanas brīdī), piemēram, dažādu faktisko apstākļu vai tiesību sistēmas pamatā esošo vērtējumu pārgrozības rezultātā radies robs,

kā arī gadījumos, kad saimnieciskās vai tehniskās attīstības rezultātā izceļas tāds tiesību jautājums, kuru likumdevējs nevarēja paredzēt un kuram, ņemot vērā likuma mērķi, tagad jābūt noregulētam likumā.

Likuma robu konstatēšanā tiek iesaistīti ne tikai likumā ietvertie priekšraksti, bet arī likuma pamatā esošais vērtējums. Lielā nozīme likuma robu konstatēšanā ir likuma jēgai un mērķim saistībā ar vienlīdzības principu, kas paredz, ka līdzīgajos apstākļos jāizturas līdzīgi, bet atšķirīgajos – atšķirīgi. Vienlīdzības princips pieprasa attiecīgu noregulējumu, un šeit tas parādās kā būtisks tiesību princips, kas piemīt tiesībām kopumā.[5; 71] tāpēc vienlīdzības princips kalpo par likumā esošo nepilnību konstatēšanas kritēriju. Vienlīdzības princips savā pozitīvajā daļā var pamatot likuma papildināšanu, un savā negatīvajā daļā – normas ierobežošanu, atkarībā no tā, vai priekšraksts savā vārdiskajā izpausmē atrodas aiz likuma pamatā esošā vērtējuma vai pārsniedz to. Tātad likuma robu konstatēšanai mēs varam izmantot divas galvenās metodes – vienlīdzības principu un tiesību normas jēgu jeb ratio legis.

Vispirms apskatīsim, kā vienlīdzības princips palīdz mums atrast tādu caurumu, kuru tiesību piemērotājs var aizpildīt ar jaunu saturu. No tā, ka vienlīdzības princips pieprasa līdzīgās tiesiskās sekas līdzīgajam faktiskajam sastāvam, izriet secinājums, ka analogija kalpo ne tikai kā likuma robu aizpildīšanas metode, bet arī kā likuma robu konstatēšanas metode. Ja pozitīvo tiesību nepilnība tiek noteikta ar vienlīdzības principa palīdzību, vienlaikus ievērojot likuma pamata esošo vērtējumu jeb tiesības normas jēgu, tas nozīmē, ka jautājumā par likumisko nepilnību ir būtiska tiesiskā līdzība starp noregulēto un noregulēto faktisko gadījumu, tādējādi likuma robs tiek konstatēts ar analogijas slēdziena piemērošanu. Būtisks šeit ir jautājums par to, vai konstatētā nepilnība ir likuma robs vai tiesībpolitiska kļūda. No tā ir atkarīgs tas, vai tiesību piemērotājs var vērsties pie tiesību tālākveidošanas vai arī ne. Šis jautājums tiek atbildēts, piesaistot noteiktus likumiskus priekšrakstus un pierādot, ka noregulētais gadījums tiesiskā ziņā, t.i. pēc būtiskiem faktiskiem apstākļiem, ir līdzīgs noregulētajam, tātad izmantojot analogijas slēdzienu. Metodoloģiskā pieeja likuma robu konstatēšanai paredz, ka noteiktā regulējuma trūkumam jābūt nepieļaujamam ne tikai no tiesību meklētāja un piemērotāja subjektīvā viedokļa, bet arī no tiesību kopuma skatupunkta. Tātad likuma un likumdevēja griba, nevis tiesību piemērotāja tiesiskā apziņa, ir izšķirošs kritērijs likuma roba un tiesībpolitiskās kļūdas nošķiršanā. Tomēr tiesību kopums ir pārāk nenoteikts jēdziens, lai robu konstatēšanas procesā tas būtu praktiski piemērojams, tāpēc bieži tiek ņemtas vērā konkrētās normas un tajās ietvertās domas – ratio legis. Pateicoties tam, tiek noteikts, vai šķietams trūkums ir likuma robs vai tiesībpolitiskā kļūda.

Zinātniskajā literatūrā netiek izdalīts likumdevēja nolaidība (legislative omission) jēdziens, kā arī netiek nošķirti likuma robi, kas būtu pretrunā Konstitūcijai, proti, nelikumīgi likuma robi. Šeit varētu minēt vienu interesantu viedokli:

ja valsts konstitūcijā ir ietvertas nepieciešamās pamatvērtības (vai ir atsauce uz starptautiskajiem dokumentiem), tad likuma robs reāli nevarot pastāvēt. Tiesību normu piemērotājiem ir jābūt pietiekami gudriem, lai prastu piemērot konstitucionālo normu “pa tiešo” tajos gadījumos, kad konkrētās situācijas regulējumam nevar atrast atbilstošu normu. Tas, protams, ir juridiskās izglītības jautājums, lai spētu gan izprast tiesību aktu hierarhiju, gan interpretēt tiesību normas. Kaut arī Satversmes tiesas spriedumos nav tieši pateikts, ka neskaidra norma būtu uzskatāma par likumdevēja nolaidību, tiesa ir vērtējusi arī normas skaidrību. Tā, spriedumā lietā Nr. 2006-12-01 tiesa norādīja, ka likumiem un tiesību normām ir jābūt gan pienācīgi saprotamām, gan paredzamām, t. i., formulētām ar pietiekamu precizitāti, lai indivīds, nepieciešamības gadījumā atbilstoši konsultējoties, varētu regulēt savu rīcību. Vienlaikus ir arī uzsvērts, ka tiesību normas piemērotājam nav pareizi vadīties vienīgi pēc neskaidri definētās normas vārdiskās jēgas. Ja tiesību normas pieņemējs, izsakot savu gribu tekstuāli, to ir izdarījis neprecīzi vai arī ir attīstījusies un mainījusies tiesību izpratne, jāņem vērā likumdevēja patiesā griba. Satversmes tiesas misija ir aizsargāt valstī esošo personu pamattiesības pret aizskārumiem, kas radušies saistībā ar konkrētu normatīvu aktu piemērošanu. Īstenojot šo misiju, Satversmes tiesai ir liela nozīme valsts tiesību doktrīnas kvalitatīvā pilnveidošanā. Pateicoties Satversmes tiesas spriedumiem, ievērojami ir attīstījusies tiesību, īpaši sociālo tiesību, doktrīna valstī. Zināmā mērā Satversmes tiesas spriedumi, kas ir publiski pieejami, un tajos ietvertā motivācija, ietekmē sabiedrības apziņu. Satversmes tiesa, kas veic konstitucionālo uzraudzību, zināmā mērā, veic likumdevēja funkcijas. Satversmes tiesa uzskatāma par negatīvo likumdevēju, jo tā, īstenojot konstitucionālo kontroli, izvērtē un, ja tas nepieciešams, atceļ tiesību normas, kuras pieņēmis likumdevējs, ja tās neatbilst Satversmei. Lai izvairītos no situācijas, kad konstitucionālās pārbaudes rezultātā tiek pārkāpts varas dalīšanas princips (tiesu varas un likumdevēja varas nodalīšana), Satversmes tiesa, veicot konstitucionalitātes pārbaudi, izvairās formulēt tiesību normas un noteikt, kā likumdevējam tās būtu formulējamas. Tādējādi pastāv abpusējs respekts – likumdevējs ņem vērā konstitucionālās pārbaudes rezultātā doto slēdzienu, un Satversmes tiesa respektē likumdevēja rīcības brīvību. Tomēr, zināmā veidā Satversmes tiesa pilda arī pozitīvā likumdevēja funkciju. Visbiežāk tas notiek gadījumos, kad Satversmes tiesa ar savu spriedumu atzīst kādu normu par spēkā neesošu, bet tajā pašā laikā konstatē, ka līdz brīdim, kamēr likumdevējs izlabos savas kļūdas, ir nepieciešams pagaidu tiesiskais noregulējums. Ir spriedumi, kuros Satversmes tiesa ir norādījusi, ka līdz brīdim, kamēr likumdevējs izlabos savas kļūdas, iestādēm un tiesām ir jāpiemēro par nelikumīgām atzītās tiesību normas atbilstoši Satversmei un Latvijai saistošajām starptautisko tiesību normām (2006-03-0106), kā arī, ievērojot Satversmes spriedumā norādīto (2006-28-01). Satversmes tiesa, darbojoties zināmā mērā kā pozitīvais likumdevējs, ir norādījusi, ka gadījumā, ja tas ir nepieciešams un iespējams, Satversmes tiesa sava sprieduma nolēmumu daļā

var atzīt, ka juridisko spēku atgūst tiesību normas, kas grozītas ar tādu apstrīdēto aktu, kuru Satversmes tiesa atzinusi par neatbilstošu augstāka juridiskā spēka tiesību normām (2005-12-0103; 2006-13-0103). Lai arī Satversmes tiesa respektē likumdevēja rīcības brīvību, ir reizes, kad tā netieši norāda, kas likumdevējam jāievēro, izdarot izmaiņas tiesiskajā regulējumā.

Latvijas Republikas Satversme Latvijas normatīvo aktu hierarhijā ir ar augstāko juridisko spēku. Normatīvo aktu hierarhija tiek veidota pēc normu juridiskā spēka. Juridiskais spēks nosaka normatīvā akta tiesību normu virsvadību pār zemākstāvošām normām vai attiecīgi - pakļautību augstākstāvošām normām. Satversmē ir noteikta Satversmes tiesas kompetence, proti, Satversmes tiesa likumā noteiktās kompetences ietvaros izskata lietas par likumu atbilstību Satversmei, kā arī citas ar likumu tās kompetencē nodotās lietas. Satversmes tiesa ir tiesīga atzīt par spēkā neesošiem likumus un citus aktus vai to daļas. Satversmes tiesas likuma 1.pants nosaka, ka Satversmes tiesa ir neatkarīga tiesu varas institūcija, kas Latvijas Republikas Satversmē un Satversmes tiesas likumā noteiktās kompetences ietvaros izskata lietas par likumu un citu normatīvo aktu atbilstību Satversmei, kā arī citas tās kompetencē nodotās lietas. Savukārt Satversmes tiesas likuma 16. pants paredz, ka Satversmes tiesa izskata lietas par: 1) likumu atbilstību Satversmei; 2) Latvijas parakstīto vai noslēgto starptautisko līgumu (arī līdz attiecīgo līgumu apstiprināšanai Saeimā) atbilstību Satversmei; 3) citu normatīvo aktu vai to daļu atbilstību augstāka juridiska spēka tiesību normām (aktiem); 4) citu Saeimas, Ministru kabineta, Valsts prezidenta, Saeimas priekšsēdētāja un Ministru prezidenta aktu, izņemot administratīvos aktus, atbilstību likumam; 5) tāda rīkojuma atbilstību likumam, ar kuru Ministru kabineta pilnvarotais ministrs ir apturējis pašvaldības domes (padomes) pieņemto lēmumu; 6) Latvijas nacionālo tiesību normu atbilstību tiem Latvijas noslēgtajiem starptautiskajiem līgumiem, kuri nav pretrunā ar Satversmi. Satversmes tiesai nav ne Satversmē, ne arī ar kādu citu normatīvo aktu piešķirta kompetence izvērtēt likuma robu konstitucionalitāti. Satversme neparedz nevienu citu speciālu procedūru likumdevēja nolaidības izvērtēšanai. Satversmes tiesa neizskata likuma robu atbilstību konstitūcijai un neizvērtē to likumību. Tādējādi, konstatējot, ka apstrīdēta ir neesoša norma, proti, likuma robs, Satversmes tiesas kolēģija, atsakās ierosināt lietu, un, atsaucoties uz Satversmes tiesas likuma 16.pantu 19.2 pantu, norāda, ka tās kompetencē neietilpst neesoša regulējuma atbilstības izvērtēšana. Tā, piemēram, 2004.gada 21.jūlija lēmumā par atteikšanos ierosināt lietu pēc Jēkaba Siliņa pieteikuma (pieteikuma reģ. Nr. 75) kolēģija ir norādījusi, ka Satversmes tiesā izskatāmās lietas nosauktas Satversmes tiesas likuma 16.pantā, kurš citstarp noteic, ka Satversmes tiesa izskata lietas par likumu atbilstību Satversmei. Šis pants tulkojams kopsakarā ar Satversmes tiesas likuma 19.2 pantu, kas paredz, ka konstitucionālo sūdzību (pieteikumu) var iesniegt ikvienu persona, kura uzskata, ka tai Satversmē noteiktās pamattiesības aizskar tiesību norma, kas neatbilst augstāka juridiska spēka tiesību normai. Līdz

ar to Satversmes tiesa izvērtē tikai spēkā esošās tiesību normās ietvertā tiesiskā regulējuma atbilstību augstāka juridiska spēka tiesību normām. Satversmes tiesa neizvērtē tiesību robus. Satversmes tiesa saņem pieteikumus par likuma robiem un likumdevēja nolaidību (legislative omission). Tādi nav daudz, lielākoties tās ir konstitucionālās sūdzības. Tomēr, pamatojoties uz normatīvajos aktos noteikto Satversmes tiesas kompetenci, Satversmes tiesas kolēģijas pieņem lēmumu neierosināt lietu, jo Satversmes tiesa izvērtē vienīgi spēkā esošās tiesību normās ietvertā tiesiskā regulējuma atbilstību augstāka juridiska spēka tiesību normām. Satversmes tiesa neierosina lietas pēc savas iniciatīvas. Tai nav tiesības iesniegt likumprojektus.

Satversmes tiesa neizvērtē ne likuma robus, ne likumdevēja nolaidību. Tomēr, izvērtējot apstrīdētās normas atbilstību augstāka spēka juridiskai normai, Satversmes tiesas spriedumā rezultātā var rasties likuma robs. Lai izvairītos no šādas situācijas, Satversmes tiesa ne vien paredz pagaidu regulējumu, bet reizēm arī norāda, kā jārikojas konkrētajā situācijā. Tā, piemēram, Satversmes tiesa savos spriedumos, norādot, ka par nelikumīgu atzīta tiesību norma paliek spēkā vēl kādu laiku, proti, līdz likumdevēja kļūdas izlabošanai, ir netieši norādījusi likumdevējam, ka likumdevējam jārod situācijas risinājums, kurā tiek ievērotas gan namīpašnieku, gan arī pirmsreformas īrnieku tiesības. Turklāt laiks nepilnību novēršanai tiek dots arī, lai, kā tiesa norādījusi sprieduma secinājumu daļā, izveidotu efektīvāku mehānismu tādu namīpašnieku patvaļas novēršanai, kuri cenšas dzīvokļa atbrīvošanu vai vienošanos par lielāku īres maksu panākt ar prettiesisku rīcību. Neskatoties uz to, ka Satversmes tiesa ievēro varas dalīšanas principu un neiejaucas likumdevēja rīcībā, tā atsevišķos spriedumos ir norādījusi, kas likumdevējam būtu jāievēro. Kaut arī Satversmes tiesas spriedumos nav ietvertas atziņas par to, vai neskaidra norma būtu uzskatāma par likumdevēja nolaidību, tiesa spriedumos ir izvērtējusi normas skaidrību. Tā spriedumā lietā Nr. 2006-12-01 Satversmes tiesa ir norādījusi, ka likumiem un tiesību normām jābūt gan pienācīgi saprotamiem, gan paredzamiem, tas ir, formulētiem ar pietiekamu precizitāti, lai indivīds, nepieciešamības gadījumā atbilstoši konsultējoties, varētu regulēt savu uzvedību. Tajāpat laikā tiesa ir norādījusi, ka ne vienmēr ir iespējams normu definēt pietiekami skaidri. Šādos gadījumos, piemērojot tiesību normas, ir nepieciešams noskaidrot to patieso jēgu. Nav pareizi vadīties vienīgi pēc tiesību normas vārdiskās jēgas. Ja tiesību normas pieņēmējs, izsakot savu gribu tekstuāli, to ir izdarījis neprecīzi vai arī ir attīstījusies un mainījusies tiesību izpratne, jāņem vērā likumdevēja patiesā griba.

Dažu valstu konstitucionālajām tiesām netieši ir nācies norādīt likumdevējam, ka ilgstoša sava darba neizdarīšana liecina par parlamenta nespēju veikt savas funkcijas. Piemēram, Armēnijā parlaments par vairākiem gadiem esot pārsniedzis paša noteikto termiņu jauno kodeksu izstrādāšanai un pieņemšanai. Arī Igaunijas Valsts tiesa bijusi spiesta atgādināt par norādītā likuma roba aizpildīšanas nepie-

ciešamību. Ja valsts konstitucionālā tiesa neizdara savu darbu un, aizbildinoties ar šauri tulkotajām savas kompetences robežām, nenorāda uz likuma roba radīto tiesību aizskārumu, valstij var rasties pienākums aizstāvēties starptautiskā tiesā.

Likuma roba esamība ir tiesību tālākveidošanas praeter legem pieļaujamības priekšnoteikums, kas piešķir tiesnesim vai citam tiesību piemērotājam tiesības pašam radīt likumā neesošu normu faktiskā gadījuma izlemšanai. Savukārt, likuma roba jēdziens nošķir tādus gadījumus, kas pieder no tiesībām brīvajai telpai, no tiem, kuriem tiesiskais regulējums ir iespējams vai pat nepieciešams. Lai klasificētu likuma robus tā pamatā ir jautājums par likuma plānu; uz to atbildot, jāņem vērā vēsturisko jeb subjektīvo iztulkošanas teoriju un objektīvo jeb spēkā esamības laika iztulkošanas teoriju.

Secinājumi.

Secinu, ka Latvijas likumi pelti un kritizēti ne reizi vien. Nereti tiek uzsvērts, ka likumi šajā valstī tiek pieņemti, jo vajadzība spiež. Piemēram, aizvadītajos gados strauji pieņemt likumus un lēmumus lika iestāšanās Eiropas Savienībā, politiskās varas krīzes un globālie finanšu sistēmas apdraudējumi. Likumsakarīgi – steiga ietekmē arī kvalitāti, tā radot gan nepilnības, gan trūkumus, gan neskaitāmus likuma ielāpus. Kā zināms, neviena, pat vispilnīgākā likumdošana nevar iepriekš paredzēt visas tās nestandarta situācijas, kuras var rasties dzīves laikā un prasīt tiesisko regulējumu, jo dzīve bagāta, daudzveidīgāka nekā jebkuras juridiskās normas. Tieši tādēļ nekur pasaulē nekad nav bijis un nav pilnīgu jeb “bezrobainu” ideālu tiesību, kas adekvāti atspoguļotu realitāti. Robi likumdošanā ir nevēlami, kaut gan objektīvi tie ir iespējami un neizbēgami. Tiesības nerodas uzreiz pēc valsts rašanās, ir nepieciešams noteikts periods, kura laikā tiek uzkrāta pieredze un zināšanas pareizai un vispusīgai sabiedriskās dzīves pamatjautājumu noregulēšanai. Šajā periodā valsts iestādēm bieži nākas lemt lietas, bez atbilstošām normām. Taču pat attīstītā likumdošanas sistēmā robu esamība nav izslēgta. Vēl vairāk, pēc N.I.Matuzova viedokļa robi pat kaut kādā mērā ir veselīgi, jo tie ļauj tiesai izlemt unikālas, retas lietas, izejot no saviem uzskatiem par taisnīgumu. Tiesas un citas struktūras nevar palikt bezspēcīgas tā fakta priekšā, ka ir nepieciešama valsts tiesiskā iejaukšanās. Bet tādus negaidītus faktus, strīdus un kolizijas pat vizinotais un tālredzīgākais likumdevējs, nav spējīgs paredzēt. Pie kam pēdējais pat necenšas globāli reglamentēt “jebko un visu” – jo tiesības, kā zināms, neregulē visu, bet gan īpaši svarīgas un būtiskas attiecības. Līdz ar ko tiesību tālākveidošana ir katras modernas tiesiskās iekārtas sastāvdaļa. Tā ir konstitucionālu tekstu, juridiski metodoloģisku līdzekļu kopums, kas nepieciešams, lai novērstu likuma nepilnības visās tiesību nozarēs, tādā veidā nodrošinot pilnīgu tiesisko interešu aizsardzību. Tiesību tālākveidošana pamatojas uz vairākiem vispārīgiem priekšnoteikumiem, tādiem kā – jāpastāv nepieciešamībai veikt tiesību tālākveidošanu; tiesību tālākveidošanai pēc iespējas cieši jāsakņojas tiesību sistēmā un tās rezultā-

tām jābūt taisnīgam, pārbaudāmam un pamatotam ar pārlicinošiem juridiskiem argumentiem; tiesību tālākveidošanas rezultātā nepieciešams radīt pietiekami vispārīgu tiesību noteikumu, kas ir piemērots ne tikai attiecīgā dzīves gadījuma izšķiršanai, bet būtu attiecināms arī uz citiem līdzīgiem likumā neregulētiem dzīves gadījumiem.

Izmantotās literatūras un avotu saraksts

1. [1] Canaris C.W. Die Feststellung von Lücken im Gesetz. 2, überarbeitete Auflage, Berlin: Duncker&Humblot, 1983, S.19.
2. [2] Burckhardt L. Methode und System des Rechts. München: Beck, [b.g].S.260.
3. [3] Regelungszusammenhang, sk. Larenz K. Methodenlehre der Rechtswissenschaft. Sechste Auflage, Berlin [u.a.]: Springer-Verlag, [b.g.] S.372.
4. [4] Čakste K. Nama sadalīšana dzīvokļos. Tieslietu Ministrijas Vēstnesis, 1932, Nr. 6-8, 9/10, 193.lpp.
5. [5] Canaris C.W. Die Feststellung von Lücken im Gesetz. 2, überarbeitete Auflage, Berlin: Duncker&Humblot, 1983. S.71.
6. Neimanis J. Tiesību tālākveidošana. Rīga: Latvijas Vēstnesis, 2006.163.lpp.
7. Jurista vārds 1.JŪLIJS 2008 /NR. 24 (529).
8. <https://tiesibzinatnieks.wordpress.com/>
9. <https://lv.wikipedia.org/wiki/>

GALVOJUMA PROBLĒMJAUTĀJUMI

Daiga Šteinberga,

Baltijas Starptautiskā Akadēmija, Latvija
maģistratūra, "Privāttiesības", dsteinberga@inbox.lv
Zinātniskais vadītājs, juridisko zinātņu doktors,
asociētais profesors. Aleksandrs Baikovs

Anotācija.

Pēckrīzes gados Latvijā daudzi naudas līdzekļu aizņēmēji vairs nespēj nokārtot savas parādsaistības, tāpēc aktuāls ir galvotāja statuss aizdevumu atgriešanas procesā. Šis jautājums aktualizējās, kad Latvijā Maksātnespējas likumā tika iekļauts jauns tiesiskais regulējums par fiziskās personas maksātnespējas procesu, un par tā risināšanu tiek diskutēts vēl šobrīd. Raksta mērķis – izpētīt vai galvojums ir efektīvs nodrošinājums parādu atgūšanai, un kā rīkoties ar galvotāju, ja parādniekam ir pasludināts maksātnespējas process. Izpētes gaitā secināts, ka nepieciešams no tiesiski normatīvajiem aktiem izņemt terminu „faktiskā maksātnespēja, jo to konstatēt ir ļoti sarežģīti, pat neiespējami. Galvojuma līgumi tāpat kā aizdevuma līgumi nevar būt standartlīgumu formā, jo tas negarantē, ka puses ir vienojušās un sapratušās līgumu noteikumus. Kredītoram nekavējoties jāinformē galvotājs par aizņēmēja saistību nepildīšanu vai daļēju pildīšanu, lai galvotājs varētu mēģināt laicīgi iesaistīties radušās situācijas risināšanā. Pabeidzot parādnieka maksātnespējas procesu piešķirt galvotājam īpašu statusu, lai tas varētu atgūt kredītoram samaksātos naudas līdzekļus no parādnieka.

Atslēgas vārdi: Galvojums, galvinieks, parādnieks.

Annotation.

In the years after economic crisis in Latvia many loan takers are not able to settle their indebtedness any more therefore a status of warrantor becomes essential in the process of debt recovery. This issue became even more essential when the new legal framework on insolvency process of a natural person was included in Insolvency law in Latvia. The discussions about its development are still ongoing. The aim of this article is to find out whether a warranty is an effective cover for recovery of a debt and how to deal with a warrantor if insolvency process has been announced for the debtor. In the pace of research it was concluded that a term “actual insolvency” needs to be removed from the legal regulations as it is difficult and even impossible to detect it. Guarantee contracts as well as loan agreements cannot be in the form of standard agreements as it does not guarantee that both parties have agreed and understood the terms of the contract. A creditor needs to immediately inform the warrantor about the debtors default or partial default to give the option to the warrantor to get involved and address the situation. When finalizing the debtor’s insolvency process, it is necessary to grant a special status to the warrantor so that the last can recover paid money to the creditor from the debtor.

Key words: Guarantee, guarantor, debtor

Ievads.

Tautsaimniecībā viens no nozīmīgākajiem resursiem ir finanšu kapitāls. Ir skaidrs, ka bez finansēm nevar pastāvēt ne valsts, ne tās tiesas sistēma, izglītības sistēma, sociālā un veselības aprūpe, kā arī uzņēmumi, kas tieši ģenerē finanses.

Finanšu aprītei ir ļoti liela loma ekonomikas attīstībā. Tēma ir aktuāla - ja uzņēmumi, kas saņēmuši aizdevumus no bankām, tos neatmaksā, tas tieši ietekmē ne tikai bankas un to akcionāru ienākumus, bet arī valsti un mājāsaimniecības. Valsts nodokļos saņem mazāk ieņēmumu un līdz ar to samazinās tās budžets, kas tieši ietekmē visus tās iedzīvotājus. Tāpēc ir nepieciešama godprātīga komercdarbība, un efektīgs parādu piedziņas mehānisms, kā arī stabila tiesu prakse, kas veicinātu parādu piedziņu. Par vienu no saistību pastiprināšanas veidiem var atdzīt galvojumu.

Svarīgākās atziņas teorijā, praksē.

Galvojums ir līgums, ar kuru trešā persona (galvnieks) uzņemas saistību atbildēt par citas personas (parādnieka) parādu, gadījumā, ja viņš neizpildīs kreditoram savu parāda saistību. Galvojums ir viens no saistību pastiprināšanas veidiem, pirmo reizi tas minēts jau romiešu civiltiesībās. Šī tiesību institūta attīstības vēsture ir attiecināma uz aptuveni tūkstoš gadu ilgu laika periodu. Senajā Romā pie verbālkontraktiem, uz kuru pamata savukārt izveidojās speciālie līgumi, tika pieskaitīts arī galvojums. Vēsturiski ieskatoties galvojuma uzdevumā - tas norāda, ka galvojums saistāms ar nopietnu uzticību partnerim, kas dažkārt ļāva saglabāt dzīvību noziedzniekam, ja par viņu galvoja cilvēks ar nopietnu reputāciju. Galvojums pēc būtības ir reputācija - kuru zaudējot jāērķinās ar papildu izdevumiem nākotnes darījumos. Galvojuma saistība ir veidojusies kā personiskā atbildība, atbildot ar savu galvu, galvniekam bija jāuzņemas atbildību par citas personas parādu kā par savējo. Taču laika gaitā šai saistībai palika tikai mantisks raksturs, kad galvnieks paliek atbildīgs par parādu tikai ar savu mantu [11]. Mūsdienu galvojuma mērķis ir ietverts Civillikuma 1692.pantā, kas nosaka, ka „Galvojums ir ar līgumu uzņemts pienākums atbildēt kreditoram par trešās personas parādu, neatsavinot tomēr pēdējo no viņas parāda.” Šī panta normā sniegts galvojuma mērķis, kas nosaka, ka galvojums ir līgums starp galvnieku un kreditoru. Galvojuma līgumam ir noteikta rakstiska forma.

Eiropas valstīs ar galvojumu nodrošināto saistību izpilde nav regulēta vienveidīgi. Tomēr daudzās Eiropas valstīs galvenā parādnieka maksātnespēja nesamazina kreditoratiesības atgūt parādu no galvnieka. Kreditoram ir tiesības saņemt apmierinājumu no galvnieka arī tad, ja galvenais parādnieks tiek atbrīvots no saistībām maksātnespējas procesā. Vistuvākie Latvijas Civillikumam ir Vācijas, Šveices un Francijas civiltiesiskie regulējumi. Visu šo valstu civilkodeksos ir ietverts tas pats pamatprincips, kas Latvijas Civillikumā – kreditoram ar savu prasījumu vispirms ir jāvēršas pie parādnieka, bet, ja parādnieks nespēj pildīt savas saistības, tad pie galvnieka. Tāpat kā Latvijas Civillikumā arī šo valstu civilkodeksos ir paredzēti izņēmumi no šā pamatprincīpa – gan attiecībā uz ekspromisorisko galvojumu, gan attiecībā uz parādnieku maksātnespēju, prombūtni vai citiem apstākļiem, kas ietekmē kreditora iespējas sekmīgi un viegli piedzīt parādu [6].

Atbilstoši Vācijas Civillkodeksa 771.papragrāfam galvnieks var atteikties apmierināt kreditora prasību tik ilgi, kamēr kreditors nav mēģinājis veikt piespiedi

izpildi pret galveno parādnieku un šāds mēģinājums nav izrādījies neveiksmīgs. Tā būtu iepriekšprasības ieruna, tas nozīmē, ka galvniekam ir tiesības prasīt, lai kreditors ar prasību vispirms vēršas pie galvenā parādnieka [10]. Līdzīgs tiesiskais regulējums kā Vācijā ir arī Šveicē, Francijā, Igaunijā un Lietuvā.

Atšķirīga pieeja ir Beļģijā, kur 2005.gadā tika pieņemti grozījumi Maksātnespējas likumā (Bancruptcy Act), piešķirot tiesības tiesnesim galvenā parādnieka atbrīvošanas no saistībām gadījumā pieņemt lēmumu par galvnieka daļēju vai pilnīgu atbrīvošanu no saistībām, ja parāds, kas jāsedz galvniekam, ir nesamērīgs ar viņa mantisko stāvokli. Tādējādi Beļģijas tiesībās tika ieviests proporcionalitātes princips starp galvenajām saistībām un galvnieka spējām to izpildīt [5].

Pētot tiesu praksi galvojuma lietās, Latvijas pirmās neatkarības laika tiesu praksē, un turpinot ar mūsdienu tiesu praksi. Latvijas Senāta Civilās kasācijas departamenta spriedumos, kas skar galvojumus, nepārprotami ir atspoguļotas kreditoru tiesības prasīt saistību izpildi uzreiz no ekspromisoriskā galvnieka, kā arī no galvnieka, ja galvenais parādnieks ir maksātnespējīgs. Nevienā spriedumā neparādās kaut mazākās atkāpes no šīm tiesību normām [8].

Tiesu prakse pēc Latvijas neatkarības atjaunošanas turpina pirmās neatkarības laika judikatūru, nošķir ekspromisorisko galvojumu no vienkāršā galvojuma. Senāta 1997.gada 8.janvāra lietā Nr.SPC-6 [9] sprieduma tēzē ir norādīts: „Galvnieks, ja viņš uzņemas saistību kā pats parādnieks, nevar prasīt, lai kreditors ar prasību vispirms griežas pie galvenā parādnieka.” Arī citās lietās Senāta nostāja par ekspromisorisko galvojumu ir tāda pati.

Nepieciešams veikt izmaiņas Civillikuma 1703.panta 2) daļā „Pret galvnieku celt prasību tūlī var arī tad: ja ir pasludināts galvenā parādnieka maksātnespējas process vai par viņa mantu jau atklāts konkurss.

Izmaiņas nepieciešamas, jo faktiskā maksātnespēja ir ļoti grūti konstatējama, tās noteikšana tiesai būtu darbietilpīgs process, kā arī tas, ka nevienā no likumdošanas aktiem tāds jēdziens nepastāv.

Iekļaut papildinājumu Civillikuma 1698. Pantā, galvnieks atbild ne vien par pašu galveno parādu, bet arī par tā blakus prasījumiem, parādnieka vainas vai nokavējuma dēļ nodarītiem zaudējumiem un tiesu izdevumiem, šis pants neattiecas uz noslēgtiem iepriekš noformulētiem galvojuma standartlīgumiem.

Ar šādu likuma panta papildinājumu aizdevumu izsniedzēji būs spiesti galvotājiem izskaidrot kādu atbildību tie uzņemas ar galvojuma līguma parakstīšanu.

Papildināt Civillikuma pirmās apakšnodaļas vispārīgos noteikumus, aizdevuma devējam vienlaicīgi ar galveno parādnieku ir jāinformē galvotājs par galvenā parādnieka aizdevuma līguma nepildīšanu vai daļēju tā izpildi. Ar šādu papildinājumu tiks novērsta galvnieka neinformētība, līdz ar ko galvnieks varēs laicīgi reaģēt uz radušās situācijas risināšanu.

Papildināt Civillikuma 1694. Pantu, galvojumā ir nepieciešams spēkā esošs galvenais parāds, un to var dot par visādām saistībām, to starpā arī par saistībām no neatļautas darbības, par pastāvošām un nākamām, noteiktām un nenoteiktām, nosacītām un nenosacītām, un kā par visu galveno parādu, tā arī par tā daļu. Gal-

vojuma akcesoritātes princips nav absolūts un tādos gadījumos, kad galvojuma kā papildu saistības daba nonāk pretrunā ar galvojuma mērķi, ir pieļaujami izņēmumi no tā. Ar šādu likuma papildinājumu varētu izslēgt galvnieka iespēju izmantot šo institūtu savu ekonomisko interešu segšanai.

Secinājumi.

Nepieciešams papildināt Maksātnespējas likuma 73.pantu ar punktu, kas nosaka, ka kreditors nav tiesīgs iesniegt kreditora prasījumu pret maksātnespējīgu galvotāju, ja galvenais parādnieks ir maksātnespējīgs.

Maksātnespējas likuma 164.pantu papildināt, ja parādnieks veicis fiziskās personas saistību dzēšanas plānā noteiktās darbības, pēc šā plāna darbības beigām atlikušās minētajā plānā norādītās šīs personas saistības tiek dzēstas un apturētās izpildu lietvedības par dzēsto saistību piedziņu tiek izbeigtas, izņemot, ja parādnieka maksātnespējas procesa laikā galvnieks sedzis tā kreditoram maksājumus, par parādnieka noslēgto aizdevuma līgumu. Veicot šādus papildinājumus Maksātnespējas likumā nerastos nekādas domstarpības par galvotāja tiesībām saņemt parādnieka vietā kreditoram nomaksāto parāda summu.

«Izmantotās literatūras un avotu saraksts»

1. Civillikums, pieņemts 28.01.1937., spēkā esošs no 01.09.1992., publicēts, Valdības vēstnesis, 41, 20.02.1937.
2. Maksātnespējas likums, pieņemts 26.07.2010., spēkā esošs no 01.11.2010., publicēts, Valdības vēstnesis, 124 (4316), 06.08.2010.
3. Baltijas Vietējo Civillikumu kopojums. Vietējo likumu kopojuma III. daļa. Rīga: Valtera un Rapas akciju sab. Izdevums, 1928.
4. Kalniņš E, Nozīmīgs Senāta spriedums par atsevišķiem galvojuma institūta problēmjautājumiem, Jurista vārds Nr.29 (676), 19.07.2011., 14-17.
5. Fogels N., Ziņģe J., Galvenā parādnieka saistību dzēšana maksātnespējas procesā – vai pamats galvojuma izbeigšanai, Jurista vārds Nr.15 (817), 15.04.2014., 16-23
6. Neilands R., Galvenā parādnieka statuss galvojuma prasībā, Jurista vārds Nr.9 (656), 01.03.2011., 12-20.
7. Latvijas Senāta spriedumi (1918-1940). 9.sējums. Senāta Civilā kasācijas departamenta spriedumi (1925). Faksimilizdevums. Rīga: Latvijas Republikas Augstākā tiesa; Senatora Augusta Lēbera fonds, 1997.
8. Augstākās tiesas Senāta Civillietu departamenta spriedumi un lēmumi 1997. Rīga: Latvijas tiesnešu mācību centrs, 1998.
9. Bundesgesetz betreffend die Ergänzung des Schweizerischen Zivilgesetzbuches (Funfter Teil: Obligationenrecht) pieejams: <http://www.admin.ch/ch/d/sr/2/22.de.pdf>
10. Пухан И., Поленак-Акимовская М., Римское право, М., Зерцало, 2000, с. 448.

Социально –правовой аспект проблемы беженцев в ЕС

Георгий Даллакян

Магистрант, Балтийская Международная академия,
Латвия, Рига

Аnotācija

Par vienu no mūsdienų pasaules globālajām problēmām ir kļuvis jautājums, kas saistīts ar bēgļiem, tas ir, personām, kuras ir bijušas spiestas pamest savu mītnes zemi. Svarīgs šīs problēmas aspekts ir normatīvi tiesiskais regulējums attiecībā uz bēgļu sociālo nodrošinājumu ES un atsevišķu nacionālo valstu ietvaros. Sevišķi aktuāls ir jautājums par pretrunu novēršanu tajos ES un atsevišķu valstu likumdošanas aktos, kas reglamentē bēgļu normālas dzīves apstākļu nodrošināšanu.

Atslēgvārdi: normatīvais regulējums, bēgļi, sociālās drošības, apvienošanās.

Аннотация

Проблема беженцев, то есть лиц, вынужденно покидающих страну своего происхождения превратилась в одну из глобальных проблем современного мира. Важным аспектом этой проблемы является нормативно - правовое регулирование социального обеспечения беженцев в рамках ЕС и национальных государств. Особенно актуальным представляется устранение противоречий в законодательстве ЕС и его отдельных стран, регламентирующее сферу нормальной жизнедеятельности беженцев.

Ключевые слова: нормативное регулирование, беженцы, социальное обеспечение, унификация.

Введение.

Проблема беженцев, то есть лиц, вынужденно покидающих страну своего происхождения или постоянного местожительства и ищущих новое местопроживание, превратилась в одну из глобальных проблем современного мира. По данным ООН, в мире насчитывается свыше 60 млн. беженцев.[1].

Особенно остро встала эта проблема перед государствами Европейского Союза, высокий социально-экономический уровень развития которых стал притягательной силой для миллионов беженцев из стран «третьего мира».

Основные теоретические и практические положения.

Изначально ограничительная политика стран ЕС была направлена на борьбу с нелегальной миграцией,[2]но при этом она очень часто затрагивала интересы настоящих беженцев, которые даже не могли получить доступ к процедуре предоставления убежища.

В связи с этим еще в 1986 году Управление Верховного Комиссара

ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) отмечало, что «нельзя ограничиться принятием в одностороннем порядке частичных ограничительных мер», поскольку это чаще всего приводит к перекалыванию бремени ответственности на других, а не к его устранению и дает результат, обратный желаемому.[3]

В связи с тем, что к началу 90-х годов XX века проблема лиц, ищущих убежища в государствах ЕС, достигла своего пика, что привело, в свою очередь, к осознанию этими странами невозможности ее решения на внутрисударственном уровне, были предприняты серьезные усилия, которые привели к подписанию в 1992 году Маастрихтского Договора о Европейском Союзе (далее-Маастрихтский Договор), который расширил сферу межправительственного сотрудничества, в том числе и в области «юстиции и внутренних дел», к которой было отнесено согласование мер по предоставлению убежища (статья K1).

Тем не менее, подписание Маастрихтского Договора не изменило ограничительной направленности мер, принимаемых в отношении лиц, ищущих убежища. Подтверждением этому стало принятие министрами ЕС, ответственными за иммиграцию, в декабре 1992 г. Лондонских резолюций. [4.ст.67]

Очень важное значение во всех этих правовых документах имеет регламентация социально-экономического обеспечения беженцев на территории ЕС. Все вышесказанное позволяет говорить об актуальности данного доклада.

Цель - провести сравнительно-правовой анализ некоторых аспектов нормативного регулирования социального обеспечения в ЕС и Латвии.

В связи с этим представляется необходимым исследовать работы различных ученых по вопросам, возникающим при толковании определения «беженец», проследить общие тенденции и подходы, использованные в национальном законодательстве государств ЕС, регулирующем предоставление социального обеспечения беженцам, и дать им оценку с точки зрения их соответствия нормам международного права в ЕС; выявить пробелы и недостатки законодательства государств ЕС, регулирующего предоставление социальных гарантий, и высказать конкретные предложения по их устранению.

Необходимо отметить, что на лицо, которому присвоен статус беженца, распространяются экономические, социальные, личные и другие права и свободы, а также обязанности, включенные в раздел 8 «Основные права человека» Конституции Латвии (Сатверсме).[7]Наряду с уже названными правами у беженца есть право свободно выезжать и возвращаться в Латвию, принимать у себя членов семьи, прибывших из зарубежных стран. В течение первых 12 месяцев после получения статуса беженца в случае, если у него нет

других средств к существованию, беженец получает пособие на проживание и изучение государственного языка.

Важно подчеркнуть, что иностранцы, которые прибывают в Латвию из стран, которые не являются членами ЕС или ЕЭЗ, и находятся в Латвии с временным видом на жительство (в дальнейшем в тексте – иностранцы), система социальной защиты Латвии доступна только частично. Легально работающим иностранцам частично доступны пособия, зависящие от платежей социального страхования, оплаченных иностранцем. Иностранцам недоступны те государственные пособия, которые не зависят от величины платежей социального страхования, а также социальные услуги, социальная и юридическая помощь.

Согласно закона «О государственном социальном страховании» [8] и закону «О страховании материнства и болезни» [9] иностранным работающим доступны следующие пособия: (1) пособие по болезни, (2) пособие по материнству и отцовству, (3) родительское пособие, (3) пособие на погребение, (4) пособие по инвалидности, (5) пособие при несчастном случае на работе.

Пособие же по безработице доступно не всем иностранцам. Поддержку в случае безработицы могут получить только отдельные группы иностранцев с временным видом на жительство. Это: (1) супруги граждан или неграждан Латвии, или лиц, имеющих временный вид на жительство; (2) лицо, имеющее временный вид на жительство в связи с выполнением в Латвии научной работы; (3) лицо, имеющее временный вид на жительство в связи с присвоением ему в Латвии статуса жертвы торговли людьми и присвоением статуса временной защиты в Латвии; (4) лицо, имеющее временный вид на жительство в связи с присвоением ему в Латвии альтернативного статуса или статуса беженца; а также член семьи лица, получившего альтернативный статус, у которого есть временный вид на жительство в Латвии; и член семьи беженца, у которого есть постоянный вид на жительство в Латвии; (5) лицо, имеющее постоянный вид на жительство Европейского Союза в связи с присвоением в Латвии статуса постоянного жителя Европейского Сообщества, или супруг лица, имеющий временный вид на жительство в Латвии; (6) лицо, являющееся владельцем действительной Голубой карты Европы. (Действие Голубой карты ЕС основано на европейской директиве № 2009/50/ ЕС от 25 мая 2009 года.) Чтобы получить пособие по безработице, общий стаж страхования не может быть менее одного года. Остальные группы поданных третьих стран с временным видом на жительство не имеют права получать пособия по безработице и поддержку в поиске работы.

Приведенные выше данные по социальному обеспечению иностранцев в Латвийской Республике с временным видом на жительство коренным образом отличаются от социального обеспечения беженцев в Латвии.

Безусловно, уровень социальных выплат и других социальных благ в Латвийской Республике существенным образом отличается от других экономически более развитых стран ЕС.

Заключение.

Проведенный в работе анализ практики государств ЕС и самого Сообщества в области предоставления статуса беженцев показывает, что в рамках ЕС преодолен формальный подход по защите прав беженцев лишь на основе положений Конвенции 1951 г., и произошло расширение субъектов защиты за счет категории беженцев, положение которых до этого регулировалось только внутренним правом государств ЕС. По нашему мнению, данная практика свидетельствует не только о стремлении к унификации правозащитных норм, но и о их дальнейшей гуманизации, особенно в контексте урегулирования вопросов социального обеспечения.

Принимая во внимание увеличение потоков беженцев *de facto* и отсутствие международно-правового, а также в отдельных государствах ЕС внутренне-правового регулирования положения этой категории беженцев, представляется необходимым установление на правотворческом уровне ЕС унифицированного определения понятия и видов беженцев *de facto*, а также четких определений, видов и содержания предоставляемых им объемов социальной помощи.

Учитывая, что созданный ЕС на временной основе Европейский фонд по делам беженцев позволяет решить одну из основных проблем государств ЕС, сталкивающихся с огромными потоками беженцев - обеспечения на уровне Сообщества разделения бремени ответственности между государствами в отношении расходов на прием и содержание беженцев, включая лиц, пользующихся временной защитой, было бы полезным преобразовать его из временного в постоянно действующий институт.

Использование опыта, накопленного государствами ЕС в результате постоянной работы с огромными непрекращающимися потоками беженцев, прибывающих на их территорию, позволит другим государствам усовершенствовать действующее внутреннее законодательство о беженцах, избежать противоречий разрабатываемого внутреннего законодательства о беженцах с нормами международного права, а также выйти с инициативой совершенствования общепризнанных норм международного права в исследуемой области.

Список использованной литературы и других источников

1. Конвенция о статусе беженцев, Принята 28 июля 1951 г. Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созванной в соответствии с резолюцией 429 (V) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1950 г.

2. UNHCR. Note submitted by the High Commissioner for the Consultations with Concerned Governments. Geneva. Dec. 1986.
3. Ogata S. Statement to international conference on «Fortress Europe Refugees and Migrants: Their Human Rights and Dignity». Akademie Graz. Austria, 23 May 1992.
4. Journal officiel des Communautés européennes. C 325 du 24.12.2002, p. 5. Official Journal of the European Communities. C 325, 24.12.2002, p. 5. Перевод с французского с учетом положений Договора на английском языке. Перевод и предисловие Четверикова А.О.
5. Энтин М., Европейское право.// Учебник для вузов.- Москва, 2001.
6. Imigrācijas likums (pieņemts 31.10.2002.)// Latvijas Vēstnesis.-2002.11.novembris.
7. Latvijas Republikas Satversme (pieņemts 15.02.1922.)// Latvijas Vēstnesis.1993.,1. jūlijs.
8. Par valsts sociālo apdrošināšanu (pieņemts 01.10.1997.)//Latvijas Vēstnesis.1997.,21. oktobrī.
9. Par maternitātes un slimības apdrošināšanu (pieņemts 06.11.1995.)//Latvijas Vēstnesis.1995.,23. novembris.
10. Valsts sociālo pabalstu likums (pieņemts 31.10.2002.)// Latvijas Vēstnesis.-2002.,19.novembris.
11. Sociālo pakalpojumu un sociālās palīdzības likums (pieņemts: 31.10.2002.)// Valdības Vēstnesis.- 2002.,9. novembris.

Актуальные проблемы поручительства как вида аксессуарных обязательств

Mg.iur. ИРИНА ЦВЕТКОВА

Докторант, Балтийская международная академия,
Латвия, Рига
cvetkova@inbox.lv

Anotācija

Dotajā laikā attiecībā zinātnieku-civilistu vidū nav vienotas pozīcijas par saistību jēdzienu. Galvojums, ka saistību izpildes pastiprināšanas līdzeklis, zināms vēl no romu tiesībām, mūsdienas tiesību zinātnē netika pienācīgi pārskatīts, neskatoties uz to, ka saistību nodrošināšanas veidi, tādi ka: ķīla un līgumsods, civiltiesiskajā regulējumā ir būtiski attīstījušies.

Tai pat laikā, likumdošanas efektīva funkcionēšana civiltiesiskajā nozarē tieši ir atkarīga no saistību izpildes kārtības un kvalitātes, kā arī tiesisko attiecību dalībnieku konstitucionālo tiesību ievērošanas. Izejot no šīs pozīcijas zinātnē esošās dažādas pieejas un rekomendācijas par saistību izpildes kārtību ir pieļaujamas, lietderīgas un nepieciešamas. Tamdēļ pētījumi šajā nozarē ir oriģināli.

Patlaban galvojums, ka aksesoriiskā saistība, sastopas ar jaunajām problēmām, saistītām tostarp ar galvojuma veidošanu, parādnieka maksātspēju, pret galvnieku vērsta piedziņas kārtību, kā arī ar galvnieka tiesību līdzvērtīgu nodrošināšanu, tāpēc rakstam ir arī praktiskā nozīme. Raksta mērķis – izanalizēt galvojumu un galvnieka tiesību nodrošināšanu civiltiesiskajās attiecībās, noteikt tiesiskā regulējuma un tas piemērošanas trūkumus.

Atslēgas vārdi: aksesoriiskās saistības, galvojums, regress.

The Abstract

To date the issue of the concept of responsibility among scientists-civilians appears to be debatable. Guarantee as a means of security known as early as the Roman law has not been essentially revised by modern science, despite the development of the civil-law regulation applicable to such types of security as pledge and forfeit. Alongside with that effective performance of the legislation in the area of the civil law directly depends on the procedure and quality of discharge of obligations and adherence to the constitutional rights of the participants of legal relations. Within this framework the existence of miscellaneous approaches and guidelines for refinement of the procedure of the discharge of obligations is acceptable, effective and indispensable for science. Therefore developments in this field are unique. Nowadays guarantee as the accessory obligation faced a number of new problems related, in particular, to the initiation of guarantee, creditworthiness of the debtor, the procedure of payment collection from the guarantor, responsibility of the guarantor and equivalent protection of his rights, therefore the article is also of practical interest. The objective of the article is to analyse the guarantee and the protection of the guarantor's rights in civil legal relations, to determine the legal regulation and law enforcement deficiencies.

Keywords: accessory obligations, guarantee, regress.

Введение.

Еще со времен римского права поручительство являлось довольно распространенной формой обеспечения обязательств, чему способствовало несовершенство римского залогового права и социально-экономические условия римского общества.

В конце XX, начале XXI века в Европе и других странах мира стали стремительно развиваться ипотечно-кредитные отношения, появились новые финансовые инструменты, а также вторичное ипотечное кредитование. Европейские страны пережили кризис ипотечного бума и в настоящее время в отдельных странах (Великобритания, Италия, Испания, Чехия и др.) наблюдается повторный ипотечный бум.

В этой связи гражданско-правовое регулирование обязательственных отношений претерпело существенные изменения и усовершенствование залогового права, что практически не коснулось поручительства, как средства подкрепления обязательств, а создаваемая в Латвии юдикатура не только не решает проблем, связанных с ответственностью поручителя, но и существенно ущемляет его права.

Актуальность статьи подчеркивается тем, что поручительство, как способ обеспечения, известный еще римскому праву, наукой существенно не пересматривался. Вместе с тем, эффективное функционирование законодательства в гражданско-правовой сфере напрямую зависит от порядка и качества исполнения обязательств и соблюдения конституционных прав. Исходя из этой позиции существование различных подходов и рекомендации по совершенствованию порядка исполнения обязательств в науке приемлемо, полезно и необходимо.

Цель статьи: проанализировать поручительство и защиту прав поручителя в гражданско-правовых отношениях, определить недостатки правового регулирования и правоприменения.

Методы исследования: логически-правовой метод, метод моделирования, сравнительно-правовой метод, формально-нормативный метод.

Поручительство является акцессорным актом который определяет главный акт – главный долг. То есть, поручительство является акцессорным обязательством, задачей которого является обеспечение обязательств за главный долг третьего лица - должника.

Основные теоретические и практические положения.

Начавшийся в конце 2006 года в США ипотечный кризис быстро распространился практически на всю мировую экономическую систему, принес значительное влияние на банковский сектор и мировые финансовые рынки, в том числе и в Латвии. В результате, кредиторы в массовом порядке занялись взысканиями долгов и не только с должников, но и с поручителей,

а также принадлежащего им имущества, используя как возможности, предусмотренные правом, так и недостатки действующего законодательства.

Согласно нормам Гражданского закона Латвии, для поручительства необходима письменная форма (ст.1695)[3], но это может быть одностороннее обязательство поручителя перед кредитором за долг третьего лица. При этом со стороны кредитора не требуется принятие такого поручительства, в отличие от Обязательственно-правового закона Эстонии (ст.144), которым предусмотрено обязательное заключение договора поручительства[8], что согласуется с принципами римского права в отношении возникновения поручительства[11].

В то же время, если поручитель и заключает договор с кредитором, то должник не участвует как сторона договора. Действительность поручительства не зависит от факта наличия или отсутствия согласия должника на совершение такой сделки между верителем и поручителем.

Кроме того, при выдаче поручительства не требуется согласие супруга поручителя. Согласно существующей практике суда, в случае отсутствия брачного договора, при возникновении прав требования взыскание осуществляется с поручителя и его имущества, а также с имущества супруга, даже если он не осведомлен о существовании поручительства.

Распространенной формой ответственности поручителя является ответственность не только за главный долг, но и за его побочные требования, за причиненные по вине или из-за просрочки должника убытки, а также судебные издержки (ст.1698.)[3].

Согласно Германскому гражданскому уложению обязательства поручителя всегда были сравнимаемы с состоянием главного долга в конкретное время и поручитель не отвечал за побочные требования кредитора[4]. Со временем более широкие обязательства поручителя были установлены в Остзейском праве для Курляндии, в то время как в Лифляндии ответственность поручителя устанавливалась только за главный долг и проценты, но не за убытки и побочные требования.

В настоящее время принятая практика судов и законы позволяют кредиторам включать в заранее подготовленные тексты поручительств безусловное согласие поручителя на все побочные требования, и возможные изменения по обязательствам между кредитором и должником. Таким образом, риск ответственности поручителя повышается соразмерно дополнительным соглашениям и претензиям между кредитором и должником, о которых поручителю может быть не известно.

Статья 1699. Гражданского закона Латвии устанавливает солидарную ответственность нескольких лиц, поручившихся за одного и того же должника[3]. Профессор К.Торганс справедливо отмечает, что главный должник и поручитель являются солидарными ответчиками только в

процессуальном аспекте – кредитор может выбирать, с кого требовать исполнения обязательства в первую очередь[1]. Но солидарное процессуальное соучастие не означает возникновение солидарного обязательства по поручительству в понимании материального права. Если бы обязательство по поручительству было солидарным, тогда у поручителя, который погасил долг за должника, возникли бы права требования к остальным поручителям. Л. Жюллио де ла Морданьер подчеркивает, что если долг оплачивает не должник, а третье лицо, которое вступило на место должника, это третье лицо [...] имеет право предъявить иск против должника[10]. В этом смысле солидарная ответственность может существовать настолько, насколько она соответствует требованиям статьи 1682. Гражданского закона Латвии[3]. Практикой суда было найдено решение коллизии – один из поручителей в порядке регресса по цессии стал истцом[5]. Такие действия являются сомнительными и относящимися к недозволенным действиям, противоречащим принципу доброй воли, согласно статье 1 Гражданского закона Латвии[3], ввиду того что:

1. Каждый из поручителей отвечает за исполнение обязательства в определенном размере или полностью. Поэтому у поручителя, который давал поручительство за обязательство, нет права требовать от остальных поручителей исполнения обязательства, которое в полном размере можно требовать также от цессионера.

2. Каждый из поручителей, вступает на место кредитора, заплатив при этом определенную сумму, и первоначальное обязательство, которое подкрепляет поручительство, погашается, и на его месте остается требование, за которое остальные поручители не отвечают.

3. Важен личный характер поручительства, в связи с чем возникает вопрос о том, переходит ли вытекающая из поручительства обязанность на следующего правопреемника кредиторских обязательств, или же поручительство ограничивается только изначальным кредитором.

Гражданский закон Латвии также устанавливает прекращение поручительства любым событием, освобождающим главного должника (ст.1712.) - поручительство не может действовать дольше, чем основное обязательство[3].

Нов 2011 году была создана юдикатура, согласно которой поручительству был присвоен приоритет перед принципом акцессоритарности[6]. В случае банкротства главного должника поручительство из дополнительного обязательства переходит в самостоятельное и кредиторское требование против поручителя из субсидарного становится самостоятельным.

Кроме того, переход обязательства поручителя из дополнительного в самостоятельное по завершении процесса неплатежеспособности должника ограничивает права собственности поручителя, закрепленные в статье 105

Сатверсме[2]. У поручителя пропадает регрессное право обращаться за возмещением к должнику, в противоречии с требованиями Гражданского закона Латвии (ст. 1712)[3]. Вследствие этого ущерб, причиненный поручителю, уменьшает его имущество.

Если обязательство подвержено риску, то кредитор, прежде чем принимать поручительство, обязан убедиться в способности поручителя отвечать по обязательствам главного должника (ст. 1776)[3].

Автор, исполняя обязанности депутата 11 Сазйма Латвии, предлагал предусмотреть исключительную субсидарность обязательств поручителя - кредитор с предъявлением иска вначале обязан обратиться к главному должнику, и только в случае, если взыскание невозможно, кредитор имеет права обращаться с взысканием к поручителю[7]. Такой подход позволил бы защитить права поручителя и ожидать результата процесса неплатежеспособности должника или продажи его имущества с торгов.

Несмотря на увещевания правоведов и судей о том, что в случае банкротства физических лиц поручители будут освобождаться от своих обязательств по окончании процедуры банкротства главного должника – физического лица, соответствующие поправки, поданные автором, будучи депутатом 11 Сазйма, не были поддержаны[7].

Безусловно, у какой-то части должников наблюдается низкая культура оплаты долгов. В то же время, если бы кредиторы более осторожно относились к оценке своих рисков, можно было избежать возникновения негативных последствий, отсеивая таких клиентов еще на стадии заключения сделки. Институт поручительства не предусмотрен для защиты от несоразмерных рисков в результате необдуманной предпринимательской деятельности кредитора и должника.

Заключение

Существующее регулирование гражданско-правовых отношений в сфере поручительства фактически не обеспечивает защиту прав поручителя.

Так как поручительство является самостоятельным аксессуарным обязательством, необходимо заключать трехсторонний договор между кредитором, поручителем и заемщиком. Поручитель не может нести солидарную ответственность по обязательствам должника. Процесс неплатежеспособности главного должника является безусловным основанием для освобождения поручителя от обязательств должника. Поручитель фактически лишен права регресса, чему способствует практика суда о солидарной ответственности поручителя и должника, а также юдикатура в отношении банкротства должника. Решение коллизии путем цессии неправомерно. Все это является предпосылкой для неплатежеспособности самих поручителей, терпящих несоразмерные убытки.

Список использованной литературы и источников

1. K.Torgāns. “Valstiskā uzraudzība pār **šķīrējtiesas spriedumu tiesiskumu**”. Jurista vārds // 24.08.2010. Nr. 34 (629)
2. Latvijas Republikas Satversme// Latvijas Republikas likums stājies spēkā 07.11.1922., ar grozījumiem, kas pieņemti līdz 22.08.2014.
3. Latvijas Republikas Civillikums. Ceturtā daļa. SAISTĪBU TIESĪBAS // Latvijas Republikas likums. Pieņemts Latvijas Republikā 28.01.1937., stājies spēkā 01.03.1993., ar grozījumiem, kas pieņemti līdz 01.01.2014. // Ziņotājs 14.01.1993., Nr. 1
4. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) см.: <http://www.buergerliches-gesetzbuch.info/> (просм.01.12.2015.)
5. 15.09.2010. Latvijas Republikas Augstākās tiesas Senāta Civillietu departamentaspriekšlikums lietā Nr. 15 SKC-168/2010
6. 27.04.2011. Latvijas Republikas Augstākās tiesas Senāta Civillietu departamentaspriekšlikums lietā Nr. SKC –86/2011
7. Saeimas mājas lapa. Priekšlikumi likumprojektam “Grozījumi Civillikumā” Nr.536/Lp11 2.lasījumam см: <http://titania.saeima.lv/LIVS11/saeimalivs11.nsf/0/3D7503AF32534987C2257B3B0039DE89?OpenDocument> (просм.01.12.2015.)
8. Обязательственно-правовой закон Эстонии. **Принят 26.09.2001.** (RT I, 2001, 81, 487)вступил в силу 01.07.2002.
9. В.Буковский. Сводъ гражданских и узаконений губерний Прибалтийских, Рига, 1914., т.2, с.2007
10. Л.Жюллио де ла Морданьер. Гражданское право Франции., Москва, 1961., т.3, с.377.
11. Новицкий И.Б. Римское право. М., 1997. с .130

Tiesību efektivitāte un likumdošanas prognozējamība.

Mg.iur.Kristaps Zariņš

Rīgas Stradiņa universitāte, Latvija

Juridiskā fakultāte, Doktorants

Kristaps@zarins.lv

Zinātniskais vadītājs Dr.iur. **Ivars Kronis**

Anotācija

Darbā tiks apskatīts, kas ir laba likumdošana, leģisprudence (good legislation arī better regulationi): Office of the Parliamentary Counsel (Lielbritānija); Wissenschaftlicher Diens des Bundestages (Vācija); Better regulation (EK internā sistēma). Kas ir Vācijas labas likumdošanas balva (Preis für gute Gesetzgebung). Šveices Federālās Konstitūcijas (18.05.1999.) 170.p. kopskatā ar minēto tēmu un medicīnas tiesībām. Šveices federālais audita birojs (Controle federal des finances), kas veic vispārēju likumu novērtējumu. To salīdzinot ar, par visefektīvāko normu pētītāju uzskatīto, Ženēvas kantona Valsts kontroli, kas internetā publicē savus novērtējumus. Tālāk darba gaitā būs salīdzināts Lietuvas Parlamenta pētniecības departaments ar Igaunijas Augstākās tiesas Tiesiskās informācijas departamenta darbības specifiku. Pie kam izceļot Latvijas prezidenta likumdošanas iniciatīvas institūtu, tā, piemēram, «Tiesiskās vides pilnveides komisiju», darba grupu “Valsts pārvaldes uzlabošanai” kā arī “Konstitucionālo tiesību komisiju”, kuras katras atsevišķi savos laikos ir ieviesušas kādas būtiskas likumdošanas jaunrades iniciatīvas tādejādi uzlabojot likumdošanas prognozējamības kopējo vidi.

Atslēgasvārdi: Tiesību efektivitāte, likumdošanas prognozējamības sistēmas, tiesiskā vide, labalikumdošana, leģisprudence, ex ante, ex post, normu analīze, likumdošanas paredzamība, likumdošanas iniciatīva, normasekspertīze, normas struktūra, normu kvalitāt.

Abstract

The paper will have a view of what is good legislation, legisprudence: Office of the Parliamentary Counsel (Great Britain); Wissenschaftlicher Diens des Bundestages (Germany); Better regulation (EC Internal System). What is the award of German good legislation (Preis für gute Gesetzgebung). P.170 of the Swiss Federal Constitution (18.05.1999) in conjunction with the mentioned topics and medical law. The Swiss Federal Audit Office (Controle federal des finances), which performs the general law assessment. By comparing them to the most efficient regulation, as considered by the researchers, the State Control of Canton of Geneva, who published their assessments on the Internet. Further in the progress of work the Research Department of the Lithuanian Parliament will be compared to the specificity of work of the Department of Judicial Information of the Supreme Court of Estonia. In the meantime highlighting the institution of legislative Initiative of the President of Latvia, thus, for instance, ‘Commission for the Development of Legal Environment’, task group ‘for improvement of public administration’, as well as ‘Constitutional Law Commission’, which each individually in their time introduced some significant creative legislative initiatives, thereby improving the common environment of predictability of legislation.

Ievads.

Pētījuma problēma izceļas ar to, ka daudzkārt ir novērojama normu faktiskās darbības nepiemērotība konkrētām dzīves situācijām. Tās nerod atbalstu vai izpratni (pielietojamību) sociālo procesu norisēs, kā rezultātā veidojas mazefektīvi vai pat neefektīvi tiesību regulējumi un risinājumi. Aktualitāte saskatāma gan tanī, ka minētā tēma tiek aktualizēta jaunākajos jurisprudences pētījumos, gan politiskā konjunktūrā kopumā. Kā arī tanī, ka likumdošanas prognozējamības kontekstā normu, šķiet, sevišķi aktuāli vērtēt caur labas likumdošanas prizmu. Pētījuma mērķis tiecas uz efektīvas likumdošanas nepieciešamības izcelšanu, starp visiem citiem normu analīzes un izstrādes veidiem. Pētījuma rezultātā veidosies pamattēzes, kas raksturo atbilstošā zinātniskā kapacitātē minēto problemātiku. Izpētes metodes reducējas uz sistemātisku un deduktīvu pieeju caur tiesību aksioloģijas vērtību skalu. Visa cita starpā pievēršot uzmanību arī vēsturiskai un doktrinālai tiesību skolai.

«Tīri empīriskā mācība par tiesībām ir – galva (līdzīgi koka galvai Fēdra fabulā), kas var būt skaista, bet, ak vai, tai nav smadzeņu» [1] Likumdošanas prognozēšana, ietekme, sekas un jau spēkā esošas normas analīze ir tie galvenie aspekti uz ko jāvērs uzmanība tiesību normu efektivitātes aprakstē un to galveno iezīmju noteikšanā. Savukārt no likumdošanas prognozējamības viedokļa šie galvenie aspekti būtu normu loģisks un izprotams kopums, kas sevī ietvertu neitrālu ekspertu skatījumu un lobisma iezīmju noteikšanu.

Šajā rakstā tiek vērsta uzmanība uz to, ka galvenās un aktuālas pēdējo tiesību efektivitātes apskatu iezīmes jau rodams 2013. gada Saeimā noritējušā konferencē «Parlamenta lēmumu ietekmes ex post analīze». [2] Tātad normu efektivitātes analīze sevī ietver pirms likumdošanas (ex ante) un pēc likumdošanas (ex post) novērtēšanas sistēmu. Uzmanību der arī akcentēt uz to, ka tiesību normu efektivitāte tiek vērtēta caur un ar socioloģiskiem paņēmieniem, kas nepēta tiesības kā spēkā esošu normu struktūru (law in the books), bet gan reālas tiesības, kuras tiek piemērotas dzīvē (law in action). [3] Laba likumdošana, leģisprudence (good legislation arī better regulationi), kas tiek visaptveroši skatīta, piemēram, caur šādām dažādu valstu institūcijām: Office of the Parliamentary Counsel (Lielbritānija); Wissenschaftlicher Diens des Bundestages (Vācija); Better regulation (Eiropas Komisijas internā sistēma). [4]

Vācijā pat ir labas likumdošanas balva (Preis für gute Gesetzgebung) [5], ko piešķir gan par labiem likumiem, gan par teorētiskām to izstrādēm. Likumdošanas kvalitāte ir valsts atbilstības jautājums, jo sabiedrība kļūst arvien kompleksāka, pieaug nepieciešamība pēc likumdošanas, kas regulē šo kompleksitāti.

Ir uzdodams jautājums vai būtu efektīva un adekvāta populistiska prasība pēc «vienkāršotas» likumdošanas. Bet vairāk šāds uzstādījums būtu jāattiecina uz “saprotaumu” un “īstenojamu” likumdošanu. Tādu likumdošanu, kuru tās strukturālajā līmenī varētu aptvert gan ar normām, gan tiesībām.

Pēc pēdējiem, jaunākajiem juristu atzinumiem likumdošanas apjoms nav atkarīgs no valsts lieluma vai iedzīvotāju skaita, bet no sabiedrības attīstības, izglītības pakāpes jeb kompleksitātes.[6]

Ir atrodams, ka, piemēram, tāda disciplīna kā tiesību socioloģija, kas ir zinātne par tiesību nozīmi un ietekmi sabiedrisko attiecību regulēšanā nozīmē[7], ka tiesību normu efektivitātes novērtēšana ir viens no šīs zinātnes disciplīnas priekšnoteikumiem.

Jāizceļ Šveices Federālās Konstitūcijas (18.05.1999.) 170.p.[8]: «Federālais parlaments nodrošina Konfederācijas izvēlēto regulēšanas līdzekļu efektivitātes izvērtēšanu». Tādejādi tika izveidots federālais audita birojs (Controle federal des finances), kas veic vispārēju likumu novērtējumu.[9]

Ne visur likumdošanas novērtēšanas process norit vienādi. Par visefektīvāko tiek uzskatīts Ženēvas kantona Valsts kontrole, kas internetā publicē savus novērtējumus.[10]. Kur tiek runāts par likumu politikas izvērtēšanu arī auditu. Ir dažādi uzskati par to, kas vairāk ir attīstīts ex ante vai ex post, bet, piemēram, Lietuvā it sevišķi velta uzmanību uz pirms likumdošanas analīzi, to saistot ar birokrātiju.[11] Lietuvā, Parlamenta pētniecības departaments, ir neatkarīgs un resursiem apgādāts, nodarbi pastāvīgi 30.darbiniekus. [12]

Tur pretim Igaunijā, interesanti ir tas, kur tiesu sistēma arī zināmā mērā veic šo efektivitātes analīzi, ka tā ir viena no vienkāršākām Eiropā, proti, Augstākā tiesa pilda vispārējās augstākās tiesas funkcijas un konstitucionālās tiesas funkcijas.[13]

Konkrētāk, Igaunijas AT Tiesiskās informācijas departaments [14]veic pētījumus par to, kā konkrēta norma ietekmē juridisko vidi un it sevišķi šīs vides saprotamību.

Latvijā ar aktīvu normu politisko konsultāciju, publiski redzami nodarbojas pie prezidenta atrodošies konsultanti. Patlaban ir izveidota “Tiesiskās vides pilnveides komisija”[15], prezidents A.Bērziņš izveidoja ekspertu darba grupu “valsts pārvaldes uzlabošanai”[16](dr.sc.pol.D.Bāra vadībā), bet V.Zatlers nodibināja “Konstitucionālo tiesību komisiju” (dr.iur.h.c.E.Levita vadībā)[17]. R.Vējonis turpina socioloģisko populismu un nenoteiktību izsakoties: «Tiesiskās vides sakārtotība un pilnīgums ietekmē ikvienu Latvijas iedzīvotāju, tāpēc ir jāizmanto katra iespēja kopīgi strādāt, veidojot drošu Latviju.»[18] Jaunizveidotās komisijas galvenie uzdevumi ir sekojoši. Pirmkārt, risināt jautājumus, kā rīkoties valsts apdraudējuma gadījumā. Kas jādara valsts prezidentam, bruņotiem spēkiem, Ministru kabinetam, likumdevējam. Satversmes 42.-44.p.[19] to nerisina.

Piemēram. Par šāda regulējuma aktuālu nepieciešamību signalizē tas, ka kopš 18.05.1940., kad Valsts kanceleja izdeva, tādejādi pati, patstāvīgi, normu tālāk veidojot, radīja regulējumu kā šādā ārkārtas situācijā rīkoties, izdodot rīkojumu: “Par ārkārtējām pilnvarām Latvijas sūtnim Lielbritānijā Kārlim Zariņam”[20], satversmes vai likumdošanas jomā, kā atzīst minētā komisija, nekas būtisks līdz šim nav ticis darīts.

Otrkārt, pamatota likumu atgriešana Saeima otrreizējai caurskatīšanai, kas radītu savu pienesumu kopējai un sākotnējai likumdošanas prognozējamībai to sociālo vajadzību kontekstā.

Pašreizējā «Tiesiskās vides pilnveides komisija» jau nepilnu 2.mēnešu laikā pēc tās dibināšanas nāca klajā ar vērīgiem grozījumiem normatīvajos aktos (02.11.2015). Proti: «Nacionālā drošības likumā», «Nacionālo bruņoto spēku likumā», «Ministru kabineta iekārtas likumā».[21] Kā to skaidroja valsts prezidenta konstitucionālo tiesību padomnieks Dr.iur. J.Pleps «..ka tie ir nepieciešamie precizējumi, lai uzlabotu valsts institūciju rīcību valsts apdraudējuma gadījumā».[22]

Likumdošanas efektivitāti un tās prognozējamību var arī apskatīt to starptautiskā griezumā. Kas sniegtu ieskatu uz to, kā šāda veida normatīvās prognozējamības aktivitātes attiecas uz starptelpas sociālo disciplīnu. Tā ir pieejams starptautiskais tīkls likumu varas veicināšanai International Network to Promote the Rule of Law (INPROL).[23] Zīmīgi, ka kontinentālā Eiropā likumdošanas aktualitātes un efektivitātes veicināšanas process ir bijis vienmēr aktuāls, toties anglo-sakšu tiesību sistēmā tā nebūt nav. Kur tiek pretstatīts vispārējās tiesības «common law» pretobjektīvām (taisnīguma) tiesībām «courts of equity».[24]

Caur tiesību efektivitātes prizmu, apskatot un pateicoties Stare decisis «Sais-tošajam precedentam»[25] faktiskajam regulējam tiek dota priekšroka pār tiesisko. Tādējādi likuma prognozējamība ir pavājināta, jo rodas dažādi blakus saistoši procesi, kas ietekmē likumdošanas konjunktūru kopumā. Tas nozīmē, ka tiesību normas neprevālē pār tiesu praksi un personu konkrētajām vajadzībām. Likumi kuri radīti ad hoc veidā, regulējums ir gadījumam nevis regulāri. Bet it sevišķi anglo – sakšu sistēmā tiek cienīta normas vajadzība, normas politika, normas īstēnība, pretēji «pareizībai» vai pretēji «tā rakstīts» burtiskajai izteiksmei.[26] Pilns jēdziens saprotams caur Stare decisis et quieta movere – «ievēro iepriekš teikto un no jau izlemtā neveido jauno».[27] Tādējādi ir atrodams, ka state decisi sniedz tiesību efektivitātes uzlabošanā būtisku pienesumu ar: paredzamību, godīgumu, taisnīgumu un lietderību.

Savukārt, valstīs, kurās ir divpalātu parlaments, augšpalātas būtiska funkcija ir novērst kļūdas, kas iezagušās apakšpalātas likumprojektā. Aptuveni 95% likumdošanas iniciatīvu nāk tieši no valdības.[27] Starp valdību un likumdevēju ir saskatāma dažāda pieeja likumdošanas tapšanā un tā aktivizēšanā, kas rada sava veida robu efektīvas normas tapšanā. Lai veicinātu šādu efektivitāti, rodas vajadzība pēc likumdošanas procesu un būtības padziļinātas analīzes. Savukārt bez socioloģiskās analīzes likumdošanas process kļūs par «nējaušību, veiksmlu un kļūdu kamolu.»[28]

Tiesību efektivitātes socioloģisku likumdošanas analīzi varētu raksturot kā: esošas situācijas novērtēšana, iepriekš pieņemtu tiesību aktu pētīšana, problēmu identificēšana, alternatīvu meklēšana, analīzes veikšana, kas aptvertu plašu soci-

ālo slāni. Tas arī norādītu uz to, ka savlaicīgi tiktu identificētas kļūdas, zaudējumi, neloģiskas situācijas, populistiski solījumi un grozīti nepraktiski lēmumi. Jo parasti politiķi savu kļūdu neatzīst un, ja atzīst, tad labos tikai tad, kad pašiem būs vajadzīgi un droši. Toties politiķiem ir tiesības ignorēt ekspertu viedokļus lēmumu pieņemšanā, jo tauta tomēr ievēl politiķus nevis ekspertus. [29]

Arī tiesību efektivitāte ir aplūkojama caur normatīvu ietvaru. [30] Satversmes tiesa lietā Nr.2013-05-01 atgādināja, ka likumdevējam, ievērojot Satversmes 1.p., ir pienākums periodiski apsvērt, vai tiesiskais regulējums joprojām ir efektīvs un vai tas kādā veidā nebūtu pilnveidojams. Arī Satversmes tiesa lietās Nr.2005-08-01. un 2007-22-01 runā par likumdošanas efektivitāti, saprotamību un izpildāmību. Tādējādi likumdošanas efektivitātes un uztveramības kritēriju aspektā būtu ievērojami sekojoši faktori: mērķi; nepieciešamība; efektivitāte; ietekmi uz tautsaimniecību; makroekonomika un uzņēmējdarbība; administratīvās procedūras; izmaksas; sociālā ietekme; vide; fiskālā ietekme (valsts, pašvaldības); ietekme uz esošo tiesību normu sistēmu un starptautiskā arēna utt.

Svarīgākās atziņas teorijā, praksē.

Tiesību efektivitātes aprakstā ne vienmēr galvenais ir uzsvāru likt tieši uz juridisko kapacitāti, bet gan uz kādas jomas profesionāļu atziņām, piemēram, minētās tēmas ietvaros šāds akcents būtu liekams uz likumdošanas prognozējāmību, kas izrietētu gan no kompetentām zinātniskā struktūrām, gan no attiecīgajiem juridiskās kapacitāte valsts pārvaldes orgāniem.

Ne vienmēr tas efektīvākais ir princips pēc iespējas vairāk kvantitatīvi aprakstīt un izstrādāt kādu konkrētu regulējumu. Vairāk būtu liekams uzsvārs tieši uz kvalitatīvo normas saturu un struktūru. Tā pat normu efektivitātes noteikšana ir piemērojama kā pētnieciska disciplīna visur tur, kur var rasties vai notiek normu pārmērīga jaunrade. Tas nozīmē arī zināmā mērā toleranci pret normu piemērotāju un subsidāru tās tālākveidošanu.

Kā arī jāizceļ atziņa par to, ka tiesību normu efektivitāte arī ir to paredzamība, kas vērsta uz to, lai nostiprinātu likumdevēja atbildību un paškontroli, kas savukārt tālāk reducētos uz jau praktiskiem tiesību politiskas plānošanas disciplīnu elementiem.

Pētījuma rezultāti un to izvērtējums. Pētījuma rezultātā tiek secināts, ka jāveicina «ieklausīšanās» viedokļos un jāizstrādā normas «ekspertīze» pirms pašas normas pieņemšanas un spēkā stāšanās. Tādējādi ir iespējams sasniegt maksimāli lietderīgu regulējumu, kuru, tālāk izvērtējot, ir iespējams maksimāli mazināt normu izstrādes procesā, pieļautās kļūdas. Šāds lietderīgs regulējums arī kalpotu, kā defektu un normu nepilnību izvērtējošs elements. Lietderīgs regulējums arī nozīmētu normu paredzamību un efektivitāti, kas būtu pamatā tam, ka attiecīgā norma ir stabila un ilglaicīga, kā sekas tam būtu tas, ka mazinātos nepieciešamība pēc normu pārvērtēšanas, labošanas un pārlieku lielās interpretācijas. Tēmas izvērtē-

jums slēpjas arī apstākļi, ka normu interpretācija ir viens no normu efektivitātes indikatoriem, kuriem būtu jāsignalizē par visādi citādi neskaidriem vai ne līdz galam izprotamiem noregulējumiem un to praktisko pielietošanu.

Secinājumi un priekšlikumi.

Likumdošanas prognozējamības jomā, izvirzot tiesību normu efektivitātes kritērijus un to noteikšanu, kā arī pielietojot tiesību socioloģijas atziņas, var :

- 1) kopumā uzlabot varas dalīšanas sistēmu ;
- 2) mazināt ierēdniecības un birokrātijas ietekmi;
- 3) atjaunot sabiedrības uzticību likumdošanas varai.

Ņemot vērā augstāk teikto tiek izvirzīti sekojoši priekšlikumi:

1. arī uz likumdošanas prognozējamību attiecināt saprotamu izvirzīto varas dalīšanas sistēmu (laba likumdošana);
2. labas likumdošanas jomā sevišķi akcentēt negatīvo birokrātijas un ierēdniecības sistēmu, to maksimāli iespēju robežās samazinot, izstrādājot normu pirms likumdošanas ekspertīzi;
3. caur normu efektivitātes kritēriju noteikšanu radīt paredzamu likumdošanas prognozēšanu, tādejādi veidojot pārskatāmu un saprotamu tiesību normu jaunradi.

Izmantotās literatūras un avotu saraksts

1. V.Jakubanec. Tiesību jēdziens un formas. Rīga, P&Ko, 2003.
2. Konferences “Parlamentu lēmumu ietekmes ex post analīze” materiāli pieejami <http://www.saeima.lv/lv/aktualitates/saeimas-zinas/21285-saeima-starp-tautiska-konference-diskute-par-tiesibu-normu-efektivitates-novertesanu>.
3. S.Osipova. Ievads tiesību socioloģijā. Rīga, Tiesu namu aģentūra, 2010, 17.lpp.
4. Vēl der minēt, ka Vācijā ir šāda institūcija, kuras uzdevums ir veicināt labu likumdošanu: Wissenschaftlicher Dienst des Bundestages, papildus tika nodibināta īpaša normu kontroles padome: Normenkontrollrat.
5. <http://www.dggev.de/veranstaltungen/preis-fuer-gute-gesetzgebung>
6. https://dspace.lu.lv/dspace/bitstream/handle/7/5169/29014Dace_Sulmane_2013.pdf?sequence=1&isAllowed=y
7. S.Osipova. Ievads tiesību socioloģijā. Rīga, Tiesu namu aģentūra, 2010, 18.lpp.
8. https://www.constituteproject.org/constitution/Switzerland_2014.pdf Art 170: Evaluation of effectiveness. “The Federal Assembly shall ensure that federal measures are evaluated with regard to their effectiveness.”
9. D.Šulmane. Tiesību normu efektivitātes problemātika un aktualitāte XX un XXI gadsimta tiesību socioloģija. Promocijas darbs. LU: Rīga, 2013.
10. <http://www.che-ge.ch/fr/Qui-sommes-nous.html>

11. https://www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_e?p_id=437320&p_tr2=2
12. Turpat.
13. D.Šulmane. Legīstika – no eksotikas līdz nepieciešamībai likumdevēja darbā. Latvijas Universitātes 5.starptautiskās zinātniskās konferences, kas veltīts LU Juridiskās fakultātes 95.gadadienai, rakstu krājums. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2014, 142.lpp.
14. Turpat, 142.lpp.
15. http://www.president.lv/pk/content/?art_id=23462
16. <http://www.lsm.lv/lv/raksts/infografiki/arpus-etera/infografika-berzina-prezidenturas-spilgtakie-brizi.a120697/>
17. http://www.saeima.lv/darbagrupa/25082015_VPDG.pdf
18. http://www.president.lv/pk/content/?art_id=23462
19. <http://likumi.lv/doc.php?id=57980>
20. Slepens. Valsts kanceleja. 1940.g. 18. maijā. No.48.,Rīga, Valdemāra ielā 3, 4.dz. <http://www.history.lv/dokumenti/valsts-kancelejas-rikojums-par-arkar-tejam-pilnvaram-latvijas-sutnim-lielbritanija-karlim>
21. <http://www.lsm.lv/lv/raksts/latvija/zinas/saeima-konceptuali-atbalsta-izmainas-nacionalas-drosibas-likumos.a156703/>
22. http://www.president.lv/pk/content/?art_id=23541
23. <http://inprol.org/about-inprol>
24. Mattila H.E.S. The development of legal language. Helsinki, Finnish Lawyer's Publishing, 2002, 58.lpp.
25. O.A.Hathaway. Path Dependence in the law. The Course and Pattern of Legal Change in a Common Law System. 86 IOWA Law Review 601, 2000, 122.lpp.
26. Jurista vārds. 29.09.2015./Nr.38 (890), 14.lpp.
27. Turpat, 15.lpp.
28. Jurista vārds. 20.10.2015./Nr.41 (893), 20.lpp.
29. Turpat.
30. «Tiesību akta projekta sākotnējās ietekmes izvērtēšanas kārtība» (MK, 15.12.2009.Instrukcija) un Saeimas kārtības rullis 79.p.3.d. un 85.p.5.d. Pieejams: <http://likumi.lv/doc.php?id=203061> un <http://likumi.lv/doc.php?id=57517>

Гражданско-правовая ответственность государства: польская модель регулирования

Пулик Алексей

Польша,

аспирант направления национальная безопасность

Естественно-Гуманитарного Университета в г. Седльце

аспирант кафедры торгового права Университета в Белостоке

pulik-av@bk.ru

Научный руководитель: prof. Dr.hab. Jacek Zieliński

Аннотация

Целью статьи является изучение опыта польского законодателя в вопросе регулирования ответственности государства. Проблему исследования составляют нормы гражданского права Польши, касающиеся механизма возмещения вреда, причинённого государством. Актуальность темы заключается в выведении общих закономерностей развития польского законодательства об ответственности государства, проследив эволюцию польского права за четверть века до настоящего времени.

Ключевые слова: государственные органы, гражданское право, ответственность за вред, Польша.

Abstract

The aim of the article is to study the experience of the Polish legislator in matter of the regulation of state's responsibility. The problem of research consists of the rules of civil law of Poland concerning the mechanism of compensation for damage caused by the state. The relevance of the paper is to conclude the general patterns of transformation of the Polish law on the responsibility of the state, through the evolution of Polish law for a quarter of a century until the present day.

Key words: civil law, Poland, state bodies, tort liability.

Введение.

Независимо от формы правления или территориального устройства, государство участвует в гражданском обороте, в силу необходимости осуществления публичных и общественных задач, в частности поддержания функционирования своего административного аппарата [14, 284]. В демократическом обществе этот принцип реализуется посредством уравнивания государственного статуса с иными субъектами гражданско-правовых взаимоотношений [11, 23]. Однако, отдельные функции государства, как института властвования и принуждения, всегда выходят за пределы установленного юридического равенства, в связи с

чем, нередко возникают ситуации, требующие компенсации понесенных иными участниками отношений убытков [7, 356-358]. При этом перечень оснований восстановления нарушенных прав должны включать в себя дополнительные правовые конструкции, позволяющие достичь состояния социальной справедливости. Опыт иностранных государств в вопросе нормативного регулирования является всегда желательным, когда речь заходит о возможности применения тех или иных правовых имплантов [12, 54-57], укрепляющих правопорядок и законность. В качестве объекта исследования предлагается рассмотреть опыт польского законодателя по данному вопросу, посредством аналитического, сравнительно-правового и интегративного методологических подходов к правопониманию. Целью исследования является выработка практических рекомендаций по усовершенствованию гражданского законодательства, с целью обеспечения надлежащего уровня защищённости субъектов права, в случае возникновения ущерба, связанного с действиями государственных структур в процессе реализации их властных функций и его восстановления.

Основные теоретические и практические положения.

Общее представление польского законодателя о вопросе ответственности в гражданском праве, основано на классическом подходе, известном со времён римских юристов [9, 10-11]. Категория ответственности в рамках гражданского права в целом понимается в подавляющем большинстве работ только с негативных позиций, в то время как позитивная ответственность проявляется по большей части в маргинальных и специфических формах [9, 10-11]. В силу факта, что данный концепт базируется на обязательном праве, в то время как вещно-правовые вопросы ответственности фактически не находят доктринального отражения, будучи представленными только безличными конструкциями фактических правовых последствий, ответственность рассматривается только с компенсационной позиции. Такого рода ответственность в качестве своего основания может иметь принцип вины (в том числе за действия третьих лиц) или риска [6, 275], юридическая конструкция которых известны большинству национальных правовых систем государств континентальной Европы [13, 319-336]. Польский же законодатель выделяет кроме данных двух ещё два вида компенсационной ответственности, а именно принцип справедливости, а также абсолютную ответственность, основанием для которой является наступление определённых юридических событий [8, 250]. Вопрос ответственности государства, действующего в пределах своих властных полномочий, за причинённый ущерб, регулируется ст. ст. 417-417² польского гражданского законодательства [2].

Компенсационная ответственность государственной власти является прямым следствием использования конструкции, закреплённой в ч. 1 ст. 77 Конституции Польши [1], гарантирующей вознаграждение причинённого ущерба вследствие несоответствующих праву действий органов публичной власти, что нашло отражение в ст. ст. 417-417² ГК Польши, введённых Законом от 17 июня 2004 г. – о внесении изменений в Гражданский Кодекс и иные некоторые законы [3]. Ранее действующее законодательство предусматривало ответственность Государственной Казны (SkarbPaństwa) за совершение виновных действий публичным функционером в связи с исполняемыми им функциями. При этом вина могла принимать анонимную форму, означавшая, что известна должность государственного служащего, но невозможно определить личность виновника. Отказ от данного законодательного решения был следствием принятия ныне действующей Конституции, содержащей упомянутую ранее ч. 1 ст. 77, на что прямо указал Конституционный Трибунал в своём Приговоре от 4 декабря 2001 г [5].

По общему правилу, ст. 417 ГК Польши предусматривает ответственность Государственной Казны, единиц местного самоуправления или юридического лица, на которых в силу закона возложена обязанность реализации функций публичной власти, за несоответствующие праву действия или бездействия, в результате которых был причинён ущерб.

В ст. 417¹ ГК Польши нашёл отражение принцип ответственности государственной власти за действия связанные с изданием нормативного акта (ч. 1 ст. 417¹), окончательного решения (ч. 2 ст. 417¹), за непринятие решения, если его издание является обязанным в силу закона (ч. 3 ст. 417¹) или за непринятие нормативного акта, если его издание предусмотрено правом (ч. 4 ст. 417¹). Однако существенным условием применения такого рода ответственности является необходимость обратиться с требованием о признании в предусмотренном порядке (судебном или посредством конституционной жалобы внесённой в Конституционный Трибунал) данного документа, нарушающим основополагающие принципы права, несоответствующим Конституции, международному договору или закону, а в случае отказа принятия акта – обязанность его создания. Такое условие создаёт ограничение нерационального использования положений данной нормы.

Последним случаем, заслуживающим особенного внимания, является применение принципа разумности и справедливости при возмещении ущерба причинённого действиями государственной власти или местного самоуправления независимо от факта, причинён ли данный вред вследствие незаконного действия (ст. 417² ГК Польши) [10, 232]. Действовавшая ранее норма, содержащаяся в отменённой ст. 419 ГК Польши, предусматривала возмещение только за причинённый вред жизни, здоровью или потерю кормильца. Подобный подход создаёт возможность пострадавшему лицу

претендовать на компенсацию понесённого ущерба в полном или частичном объёме, а также на денежное возмещение морального вреда независимо от противозаконности действий, явившихся результатом осуществления публичной власти. Законодатель, однако, вводит ряд принципиальных условий и ограничений возможности применения данного подхода. Первое, относится к субъектному составу данной нормы – в качестве пострадавших могут выступать лишь физические лица. Второе, касается фактических обстоятельств дела. Законодатель не приводит закрытого перечня оснований для возможности рассмотрения дела с позиции принципа справедливости, однако, указывает, что к таковым относятся, в частности, невозможность пострадавшего выполнять трудовую функцию, а также тяжёлое материальное положение. Третье, ответственность государственных органов ограничивается личным вредом, что означает отказ законодателя от рассмотрения материального вреда, в качестве основания применения данной нормы.

Важно подчеркнуть, что польское законодательство исходит из презумпции общего характера норм 417-417² ГК Польши. Так в ст. 421 указано, что если специальными нормами вопрос ответственности органов публичной власти регулируется иным образом, то применяется принцип *lexspecialisderogatlegeneralis*, в соответствии с которым применяются иные нормы (например, ст. ст. 552-558 УПК Польши [4]).

Заключение.

Таким образом, на основании исследования, можно прийти к следующим заключениям:

1. Возможность причинения вреда со стороны государства вследствие реализации своих властных полномочий государством требует специального регулирования, включая специальных оснований для привлечения к ответственности.
2. На сегодняшний день, в польском гражданском законодательстве данный механизм реализован в полной мере, что позволяет различным субъектам гражданского правооборота чувствовать себя полностью защищёнными.
3. Эволюция норм, регулирующих вопрос ответственности государства в Польше, в связи с изменением условий экономической реальности прошла процесс трансформации, тренд которой заключается в расширении перечня причин, позволяющих их применить, одновременно, вводя специальные ограничивающие процедуры, с целью препятствования злоупотреблению правом.

Список использованной литературы и других источников:

1. Dz.U. 1997 nr 78 poz. 483. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 1997 r. uchwalona przez Zgromadzenie Narodowe w dniu 2 kwietnia 1997 r. , przyjęta przez Naród w referendum konstytucyjnym w dniu 25 maja 1997 r., podpisana przez Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej w dniu 16 lipca 1997 r.
2. Dz.U. 1964 nr 16 poz. 93. Ustawa z dnia 23 kwietnia 1964 r. - Kodeks cywilny.
3. Dz. U. nr 162 poz 1692 Ustawa z dnia 17 czerwca 2004 r. o zmianie ustawy — Kodeks cywilny oraz niektórych innych ustaw.
4. Dz.U. 1997 nr 89 poz. 555. Ustawa z dnia 6 czerwca 1997 r. - Kodeks postępowania karnego.
5. Dz.U. 2001 nr 145 poz. 1638. Wyrok Trybunału Konstytucyjnego z dnia 4 grudnia 2001 r. sygn. akt SK. 18/2000. OTK 2001, nr 8, poz. 256.
6. Tatiana Chauvin, Tomasz Stawecki, Piotr Winczorek, Wstęp do prawoznawstwa. 6. wydanie poprawione i uzupełnione. Warszawa 2011.
7. Joanna Filaber Z problematyki odpowiedzialności odszkodowawczej władzy publicznej – wybrane zagadnienia. Wrocławskie Studia Erazmiańskie. Zeszyty Studenckie. 2009. № 2.
8. Zdzisław Gawlik, Piotr Pelczyński, Prawo cywilne. Podstawy prawa rzeczowego i prawa zobowiązań, wydanie trzecie. Przemysł 2009.
9. Wiesław Lang, Struktura odpowiedzialności prawnej. Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika w Toruniu. Nauki Humanistyczno-Społeczne. Prawo, z. 8 (31), 1968.
10. Wojciech Robaczyński w: Prawo cywilne i handlowe w zarysie / Aleksander Kappes [i in.] ; pod red. Wojciecha J. Katnera. Wyd. 2. Kraków 2006.
11. Małgorzata Szczerbińska-Byrska, Obowiązek naprawienia szkody wyrządzonej niezgodnym z prawem działaniem władzy publicznej z art. 77 ust. 1 Konstytucji RP w świetle jedności systemu prawa, [w:] Państwo i społeczeństwo. Z problematyki odpowiedzialności prawnej, Marcin Pieniążek (red.), 2010 (X), nr 4.
12. Roman Tokarczyk, Komparatystyka prawnicza, 9 wyd. Warszawa 2008.
13. Гражданское и торговое право зарубежных государств: Учебник. Отв. ред. Е. А. Васильев, А. С. Комаров. – 4-е изд., перераб. и доп. В 2-х т. – Т. 2. – М.: Междунар. Отношения, 2008.
14. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2014.

Direktīva 2015/849– uzlabojumi un to efektivitāte cīņā pret nelikumīgu iegūtu līdzekļu legalizēšanu un teroristu finansēšanu

Mg.iur. Diāna Liepa

Nīderlande

doktorante Juridiskā zinātne

Baltijas Starptautiskā Akadēmija, Latvija

diliepa@inbox.lv

Abstract

Due to the current political and religious discrepancies, money laundering and terrorism financing is the main discussion topic among the international organizations, as well as nation. Illegal cash flows and terrorist financing affect not only our daily life, but also each state's integrity, stability and economic development. In order to fight against money laundering and terrorist financing, the more coordinating and efficient steps shall be taken. The 4th Money Laundering Directive was adopted on 20 May 2015 and introduced more clear, substantive and procedural provisions in order to tackle the issue concerned, shortly before the inter-national conflict in connection with the terrorism arose. The Directive aims to introduce minimum measures to address this issue. This work aims to discuss whether the measures adopted are effective in the fight against money laundering and terrorism financing and possible problems arising due to the implementation into national legislations.

Key words – beneficial owner, customer due diligence, money laundering, risk based approach, terrorism financing.

Anotācija

Šodien, politisko un reliģisko nesaskaņu dēļ, naudas atmazgāšana un terorismu finansēšana ir visu starptautisko organizāciju, kā arī nāciju svarīgākais apspriešanas punkts. Nelikumīgas naudas plūsmas un teroristu finansējumi ietekmē ne tikai mūsu ikdienas dzīvi, bet arī katras atsevišķas valsts integritāti, stabilitāti un ekonomisko izaugsmi. Cīņai pret naudas atmazgāšanu un teroristu finansēšanu nepieciešams piemērot koordinētākus un efektīvākus pasākumus. Ceturtā direktīva par to, lai nepieļautu finanšu sistēmas imantošanu nelikumīgi iegūtu līdzekļu legalizēšanai vai teroristu finansēšanai tika pieņemta 2015. gada 20. maijā, neilgi pirms starptautisku konfliktu sakarā ar terorisma novēršanu. Direktīvas mērķis ir ieviest minimālus pasākumus šīs problēmas novēršanai. Tomēr, šī darba mērķis ir novērtēt vai pieņemtie pasākumi ir efektīvi cīņā ar starptautisko naudas atmazgāšanu un teroristu finansēšanu un iepājmās problēmas šādu pasākumu pārņemšanā valstu nacionālā regulējumā.

Atslēgas vārdi – faktiskais īpašnieks, klienta uzticamības pārbaude, naudas atmazgāšana, terorisma finansēšana, uz riska faktora balstīta pieeja.

Ievads.

Šodien, politisko un reliģisko apsvērumu dēļ, naudas atmazgāšana un terorismu finansēšana ir visu starptautisko organizāciju, kā arī nāciju svarīgākais apspriešanas punkts. Nelikumīgas naudas plūsmas un teroristu finansējumi ietekmē ne tikai mūsu ikdienas dzīvi, bet arī katras atsevišķas valsts integritāti, stabilitāti un ekonomisko izaugsmi. Pateicoties tehnoloģiju nepārtrauktajai attīstībai, Eiropas Savienības (turpmāk ES) atvērtām robežām, starpvalstu politiskām nesaskaņām, noziedzniekiem ir viegli organizēt, pārvietoties, un gala rezultātā pielietot teroristiskus uzbrukumus. Ir patiesi grūti izsekot nelikumīgas naudas iegūšanas līdzekļu mehānismus un to plūsmas, kā arī paša mehānisma dalībniekus. Līdz ar to, cīņā pret pret nelikumīgu iegūtu līdzekļu legalizēšanu un teroristu finansēšanu ir nepieciešams pielāgot tiesisko regulējumu un pieņemt neatliekamus un efektīvus pasākumus, kā starptautiskā, tā arī reģionālā un nacionālā līmenī.

Šā gada 20. maijā Eiropas Parlaments un Padome ceturto reizi pieņēma grozījumus par to, lai nepieļautu finanšu sistēmas izmantošanu nelikumīgu iegūtu līdzekļu legalizēšanai vai teroristu finansēšanai (turpmāk AML4) [1]. AML4 nosaka minimālus standartus cīņai pret naudas atmazgāšanu un teroristu finansēšanu, līdz ar to, valstīm ir iespēja īstenot stingrākus pasākumus. AML4 groza Eiropas Parlamenta un Padomes Direktīvu 2005/60/EK (turpmāk AML3) [2], tādā veidā cenšoties uzlabot iepriekš pieņemtos pasākumus. AML4 pieņem stingrākus un detalizētākus pasākumus, piemēram, rosina piemērot uz riska balstītu pieeju (6. pants) [1], vienkāršotas (15.-17. pants) [1] un pastiprinātas (18.-24. pants) [1] klienta uzticamības pārbaudes, rosina dibināt centrālos reģistrus informācijas glabāšanai par faktisko īpašnieku (30.-31. pants) [1], definē politiski redzamās personas (3. panta 9. apakšpunkts) [1], ievieš detalizētākas prasības finanšu ziņu vākšanas vienību (turpmāk FIU) sadarbībai (32.-38. pants un 49.-57. pants) [1], kā arī atļauj administratīvo sankciju pielietošanu (58.-62. pants) [1]. Šī darba mērķis ir atspoguļot katru no iepriekš minētiem pasākumiem, kā arī apspriest ieviesto pasākumu efektivitāti un iespējamās problēmas šādu pasākumu pārņemšanā valstu nacionālā regulējumā.

Svarīgākās atziņas teorijā, praksē.

Ieskats AML vēsturē. Naudas atmazgāšanas mehānismi un to pielietojumi ir viens no svarīgākajiem apspriešamas tematiem starptautiskā arēnā sākot no 1989. gada, kad FATF (Financial Action Task Force), starptautiskā organizācija, tika dibināta ar mērķi noteikt standartus un sekmēt to ievērošanu uzraudzības un citās jomās, lai cīnītos ar naudas atmazgāšanu, terorisma un proliferācijas finansēšanu, un citiem starptautiskās finanšu sistēmas stabilitātes apdraudējumiem. Balstoties uz FATF ieteikumiem [7], tika pieņemtas pirmās direktīvas naudas atmazgāšanas un terorisma finansēšanas apkarošanā [4;6]. Direktīvas diemžēl nespēja aptvert visas jomas, kurās preventīvie pasākumiem saistībā ar finanšu sektoru būtu piemēroti. Turklāt direktīvas saturēja salīdzinoši maz detaļu par procedūrām ierosinātām klientu identifikācijai, un netika noteiktas kriminālsankcijas un administratīvie sodi par neatbilstību direktīvas pantiem. AML3 ievērojami paplašināja to personu loku, uz kurām attiecas di-

rektīva, tai skaitā, pirmo reizi, minot trasta un uzņēmuma pakalpojumu sniedzējus. Turklāt AML3 paplašināja skaidrojumu par „finanšu iestādēm”, „naudas atmazgāšanu”, „smagu noziegumu” un iepazīstināja ar jēdzienu „faktiskais īpašnieks”, „trasta un uzņēmuma pakalpojumu sniedzēji”, kā arī „politiski redzama persona”. Turklāt, AML3 uzlaboja un papildināja vienkāršotās un pastiprinātās klienta uzticamības norisi, izklāstīja uz riska faktoru balstīta pieejas principa pielietošanu šajās procedūrās.

2012. gadā FAFT atkārtoti grozīja ieteikumus [8], un līdz ar to bija nepieciešams pieņemt attiecīgos pasākumus reģionālā līmenī. 2012. gada 11. aprīlī Eiropas Komisija sagatavoja ziņojumu Eiropas Parlamentam un Padomei par galveniem atslēgas tematiem, tajā skaitā par uz riska faktoru balstītu pieeju, faktiskā īpašnieka identifikāciju un informācijas pieejamību, nepieciešamību pēc izvērstas klientu uzticamības procedūrām, ziņošanas un sadarbības pienākumiem. 2013. gada 5. februārī ES Komisija iesniedza priekšlikumu grozījumiem un 2015. gada 20. maijā tika pieņemta AML4.

AML4 – uzlabojumi un to efektivitāte. AML4 pieņēma vairākus grozījumus, ar mērķi uzlabot un papildināt esošos pasākumus. Starp svarīgākiem uzlabojumiem tiek uzskatīti, precizējums par uz riska faktora balstītu pieeju, stingrāki un detalizētāki klienta uzticamības pārbaudes noteikumi, faktiskā īpašniekacentrālo reģistru izveide, uzlaboti noteikumi par politiski redzamām personām, FIU efektīvas sadarbības rosināšana, administratīvo, kā arī kriminālo sankciju pieņemšana.

Piemēram, uz riska faktora balstīta pieeja ir galvenais princips, lai noteiktu vai potenciālais klients pārstāv zema vai augsta riska noziedzīgumu naudas atmazgāšanā un teroristu finansēšanā. Tā kā AML direktīvas [1;2;4;6] ir nosacītas minimālai saskaņošanai, uz riska faktora balstīta pieeja atšķiras katrā valstī. Arī AML4 atstāj dalībvalstīm plašu rīcības brīvību, lai izstrādātu savu uz riska faktora balstītu pieeju un lemtu par atsevišķa klienta riska pakāpi. FATF ieteikumi paredz, ka valstīm vajadzētu noteikt, novērtēt un izprast naudas atmazgāšanas un terorisma finansēšanas risku, kā arī nepieciešams piemērot visus pieejamos resursus šādu risku mazināšanai (Ievads, 5. rindkopa) [8]. AML4 nosaka minimālās prasības, lai izvērtētu riskus, proti, ņem vērā riska faktorus, tostarp attiecībās ar klientiem, valstīm vai ģeogrāfiskajiem apgabaliem, produktu, pakalpojumu darījumiem vai piegādes kanāliem. II un III direktīvas pielikumi uzskaita potenciāli zemo un augsto risku pierādījumu veidus. Balstoties un AML4, līdz 2017. gada 26. jūnijam, ES Komisijai ir jāizstrādā ziņojumu par pastāvošiem riska faktoriem iekšējā tīrū un tā attiecīgās nozarēs, kā arī ziņot par visizplatītākajiem līdzekļiem, ko izmanto noziedznieki šajās nozarēs. Līdz ar to, pielikumi II un III, iespējams, tiks grozīti un papildināti. Tomēr, pašlaik pastāv jautājums, par valstu brīvu rīcību uz riska faktora balstītu pieejas izveidi un to norisi. Valstu daudzveidība var sarežģīt šā principa pārrobežu attīstību. Iespējams, ka viena valsts izmantos pielikumā un sevis noteiktos riska faktorus, otra izmantos tikai pielikumā noteiktos. Nepastāvēs vienotības, tikai līdz minimāli saskaņotiem noteikumiem. Visas darbības uz riska faktora balstītu pieeja efektīvas darbības ir balstītas uz pašas valsts vēlmi sadarboties

un izstrādāt efektīvus paņēmienus risku mazināšanai vai to pilnīgai novēršanai.

Papildus paņēmieni cīņā pret naudas atmazgāšanu un teroristu financēšanu ir klientu identifikācija, vārdu sakot, klienta pilnīga izmeklēšana, kas ietver klienta pilnīgo pārbaudi, identitātes nodibināšanu, darījumu attiecību mērķi un būtību, kā arī klienta līdzekļu izcelsmi. Turklāt iegūtos dokumentus un informāciju ir regulāri jāatjauno un jā saglabā 5 gadu laikā pēc tā, kad darījumu attiecības ar klientu ir beigušās. Apdrošināšanas iestādes un pensiju shēmas tiek atbrīvotas no šādām prasībām. AML3 un vēlāk AML4 īstenoja detalizētākas materiālās tiesību normas, tostarp aizliegumu attiecībā uz kredītiestādēm un finanšu iestādēm uzturēt anonīmus kontus vai anonīmas darījuma grāmatiņas. Kontu un grāmatiņu īpašnieki un labuma guvēji, jebkurā gadījumā pakļauti klienta uzticamības pārbaudes pasākumiem. Informāciju par klientiem ir nepieciešams iegūt no uzticamiem un netkarīgiem avotiem, tomēr AML3 un AML4 nesniedz ziņu par to, kādi informācijas līdzekļi tiek uzskatīti par uzticamiem un netakarīgiem avotiem. AML3 pirmo reizi rosināja identificēt faktisko īpašnieku, kas tiek pārņemts arī AML4, ar pienākumu dibināt centrālos reģistrus katrā dalībvalstī informācijas glabāšanai. Klientu uzticības pārbaudes noteikumus var iedalīt vienkāršotākos un pastiprinātos noteikumos. Balstoties uz AML4 pielikumos minētiem riska faktoriem, tiek piemērota veinkāršotāka vai pastiprināta klienta uzticamības pārbaude. Risku faktori minēti FATF ieteikumos saka, ka, ja klients ir regulēta tirgus sarakstos iekļauts uzņēmums, iekšzemes valsts iestāde vai, ja klients pārstāv zema naudas atmazgāšanas un terorisma finansēšanas riskus, klienta uzticamības pārbaude nav nepieciešama (FATF ieteikums nr. 10) [8]. Salīdzinājumā, augstākie riski ietver neizskaidrojamo ģeogrāfisko attālumu starp kredītiestādi un klientu, īpašumtiesību struktūra ir neparasta vai sarežģīta, vai uzņēmums ietver uzrādītāja akcijas. AML4 pielikums par potenciāli augstāka riska situāciju ir identisks faktoriem ietvertajiem FATF ieteikumos. Piemēram, AML4 papildināja AML3 ar to, ka pieprasa dalībvalstis veikt pasākumus, lai novērstu uzrādītāja akciju un uzrādītāja akciju garantiju ļaunprātīgu izmantošanu (10. pants 2. apakšpunkts) [1]. Situācijā, kad akciju turētājs, kas tur akcijas savā vārdā, bet citas personas labā, ir grūti izsekot faktisko akcionāru – fizisko personu, kas stāv aiz sabiedrības un iespējams var būt attiecināms kā augtāka riska klients. Uzrādītāja akcijas parasti tiek glabātas akcionāru privātajos vērtspapīru kontos bankās, un bankas izsniegts konta izraksts ir apliecinājums, ka akcijas pieder konkrētajai personai. Tomēr izraksts tiek izniegts tikai pēc akcionāra rakstiskā pieprasījuma, kas arī rada problēmas akcionāru izsekošanā un tā uzticamības pārbaudē. Šādas pārbaudes, dokumentu pieprasīšana, klientu identifikācija var aizņemt ilgāgu laiku, kas diemžēl dažkārt spēlē diezgan lielu lomu noziedznieku notvēršanā.

Papildus, AML4 pieprasa dalībvalstīm nodrošināt cetrālo reģistru izveidi faktisko īpašnieku informācijas iegūšanai, glabāšanai un izmeklēšanai. Faktiskais īpašnieks ir jebkura fiziska persona, kurai pilnībā pieder klients vai kura šo klientu kontrolē, kuras vārdā darbojas vai veic darījumus. Faktiskais īpašnieks ir vismaz 25% akciju turētājs. AML4 pieprasa visas dalībvalstis izveidot centralizētus reģistrus ārpus uzņēmumiem, kuri saturēs atbilstošu, precīzu un aktuālu informāciju par faktiskiem

īpašniekiem. Šādu reģistru mērķis ir veicināt pārredzamību, lai cīnītos pret juridisko personu ļaunprātīgu izmantošanu. Dalībvalstīm ir rīcības brīvība izvēlēties reģistra veidu un tā darbības norisi, proti, vai tas būtu komercreģistrs, uzņēmumu reģistrs vai publisks reģistrs. Tomēr, jāmin fakts, ka AML4 ierobežo piekļuvi reģistra saturošajai informācijai iegūšanai. Citiem vārdiem sakot, šie centrālie reģistri, ir pieejami kompetentajām iestādēm un FIU, atbildīgajiem subjektiem, kas veic klienta izticamības pārbaudi un jebkurām citām personām vai organizācijām kas var pierādīt, ka tām ir likumīgas intereses. Direktīva pati par sevi neizskaidro jēdzienu „likumīgā interese”. Turklāt šādas citas personas vai organizācijas var iegūt ierobežotu informācijai par fizisko īpašnieku, proti, šāda informācija ietver faktiskā īpašnieka vardu un uzvārdu, dzimšanas mēnesi un gadu, valstspiederību, pastāvīgās dzīvesvietas valsti, kā arī turētās daļas veidu un apmēru. Tādējādi centrālie reģistri nebūs publiski pieejami. Pamatojoties uz FATF rekomendācijām, visiem izveidotiem uzņēmumiem jābūt reģistrētiem valsts uzņēmumu reģistrā, kurā jāiekļauj arī pamatinformāciju par uzņēmuma, tā akcionāriem un tā juridiskās īpašumtiesības, tādējādi dodot iespēju noteikt uzņēmuma faktisko īpašnieku (FATF ieteikums nr. 24) [8]. Pašlaik, lielākoties valstu iekšzemes uzņēmumu reģistri ir publiski pieejami. Šādi reģistri parasti ietver pamatinformāciju par uzņēmumu, tās dibināšanas datumu, reģistrēto juridisko adresi, kapitālu un uzņēmuma darbības mērķi. Citi reģistri ir plašāki un ietver valdes locekļus, direktorus, un uzņēmuma gada pārskatus. Mūsdienās, informācija par faktiskiem īpašniekiem ir konfidenciāla un netiek glabāta reģistros. Līdz ar to, faktiskie īpašnieki bieži vien izmanto šādu priekšrocību, lai izvairītos no nodokļu maksāšanas, vai vienkārši slēpt to, ka personai pieder uzņēmums. Publisko reģistru priekšrocība, ir to publiskā pieeja jebkurai fiziskai vai juridiskai personai. Tādā veidā, ieinteresēta persona var viegli iegūt informācijai par konkrēto uzņēmumu, noteikt uzņēmuma akcionārus, direktorus, kapitālu, likviditāti un citu informāciju, kas noteikti atvieglo klienta uzticamības pārbaudi, kā arī paātrina pārbaudes norisi. AML4 ierobežojumi attiecībā pret centrālajiem reģistriem samazinās šādu pārbaudu efektivitāti, tā, kā informācija par faktiskiem īpašniekiem būs pieejama tikai ierobežotam juridisko un fizisko personu lokam.

Sakarā par noteikumiem par politiski redzamām personām, AML4 pārņēma jēdzienu un to definējumu no Komisijas direktīvas 2006/70/EK par politiski ietekmējamam personām [3], kā arī papildināja, ka politiski redzama persona var ietvert arī politisko partiju vadības struktūru locekli un starptautisko organizāciju direktoru, direktoru vietnieku un valdes locekli vai personas, kas ieņem tiem līdzvērtīgus amatus. Gadījumos, kad persona ir noteikta kā politiski redzama persona, tas nebūtu jāinterpretē, ka persona ir iesaistīta nodziedzīgā darbībā. Atteikšanās no darījumu attiecībām ar personu, pamatojoties vienkārši uz konstatējumu, ka tā ir politiski redzama persona, ir pretrunā ar AML4 un FATF ieteikumiem. Šādu persona noteikšana ir svarīga klientu indentifikācijas procesu daļa, ta kā agrārā stadijā ir iespējams pievērst īpašu uzmanību konkrētajai personai, izmeklēt personas identitāti, saistības un iespējamus riska faktoros.

Visas juridiskās un fiziskās personas, kurām ir noteikti agugstāki riski, jābūt nodotām attiecīgajā FIU vienībā, kas saņem, analizē un tālāk informē kompetentās iestādes ar nolūku informācijas atklāšanai un personu notveršanai. Plašāks regulējums par FIU pilnvarām un darbību ir izklāstīts Padomes Lēmumā par sadarbības pasākumiem starp dalībvalstu finanšu ziņu vākšanas vienībām attiecībā uz informācijas apmaiņu [5]. Esošiem noteikumiem pastāv vairāki trūkumi, piemēram, netiek noteikta sadarbība cīņai pret terorisma finansēšanu, vai arī pastāvošā sadarbība dažādās valstīs nav efektīva, tā kā dažādu valstu FIU informācijas apmaiņa un informācijas piekļuve atšķiras. FATF ieteikums nr. 29 nosaka [8], ka FIU kalpo kā centrālā aģentūra informācijas saņemšanai un iesniegšanai. Šāda informācija ietver ziņojumus par aizdomīgiem darījumiem. AML4 nosaka, ka FIU ir jāatzīst par operatīvi neatkarīgām un autonomām struktūras vienībām ar spēju pieņemt autonomus lēmumus, analizēt, pieprasīt un izplatīt specifisku informāciju par aizdomīgiem darījumiem saistībā ar nelikumīgi iegūtu līdzekļu legalizēšanu un teroristu finansēšanu. AML4 paredz sīkākus noteikumus par sadarbību starp dalībvalstu FIU vienībām, starp FIU un attiecīgiem subjektiem, to vadītājiem un darbiniekiem, kā arī starp FIU un Komisiju. Protams, šāda sadarbība ievērojami atvieglo noziedznieku notveršanu. Tomēr, pastāv situācijas, kad, piemēram, attiecīgie subjekti, kā trasta vai uzņēmuma pakalpojuma sniedzēji ziņo par esošiem riskiem tikai gadījumos, kad subjektiem ir ļoti ticama informācija par pastāvošiem riskiem. Gadījumos, kad iestādēm ir tikai aizdomas, bieži vien šāda informācija netiek nodota FIU. Līdz ar to, FIU vienības ir lielākoties atkarīgas no iesniegtās, ziņotās informācijas, kas, manuprāt, ierobežo to darbību.

AML4 ietver vairākus pantus sakarā ar administratīvajām sankcijām par neatbilstību direktīvai. Direktīva nenosaka kriminālsankcijas, tomēr noteikumi par kriminālsankcijām netiek izslēgti, un tos var īstenot saskaņā ar valsts tiesību aktiem, kas iepriekš tiek paziņoti un saskaņoti ar Komisijas lēmumu. AML4 nosaka, ka maksimālie administratīvie naudas sodi ir vismaz līdz divkārtīgai summai no pārkapuma rezultātā iegūtās peļņas, ja minēto peļņu var aprēķināt, vai vismaz 1 000 000 eiro. Var piemērot arī vismaz 5 000 000 eiro naudas sodus vai 10%, no kopējā gada apgrozījuma saskaņā ar pēdējiem pieejamiem pārskatiem. Šādi naudas sodi ir noteikti ar vēlmi saskaņot minimālos noteikumus starp dalībvalstīm, tomēr to efektivitāti ir nepieciešams novērot.

Secinājumi.

Mūsdienu sabiedrībā var novērot bailes par to, ka tuvākajā nākotnē var novērot un piedzīvot terorisma uzbrukumus. Politisko un reliģisko apsvērumu dēļ, naudas atmazgāšana un terorismu finansēšana ir svarīgākais apriešanas temats kā starptautiskā, tā arī reģionālā un nacionālā līmenī. Diemžēl, teroristiem un noziedzniekiem ir arvien vieglāk organizēt noziedzīgos pasākumus ātri attīstošo tehnoloģiju, atvērto robežu, politisko un ekonomisko nestabilitāšu dēļ. Valstis cenšas dibināt alianses un pieņemt pasākumus esošo problēmu novēršanai. Tomēr, šādi pasākumi ir bieži vien jāuzlabo, tā kā noziegumi turpinās. Līdz ar to, kārtējo reizi, direktīva par to kā novērst finanšu sis-

tēmas izmantošanu nelikumīgi iegūtas naudas legalizēšanai tika labota. AML4 ievieš detalizētākus paņēmienus naudas atmazgāšanas un terorisma finansēšanas novēršanai. Tomēr, AML4 ir minimālo standartu direktīva, kas ļauj dalībvalstīm piemērot stingrākus noteikumus un to dažādība rada problēmas sadarbībā, personu izmeklēšanā un noziedznieku notveršanā. Proti, valstis ar stingrākiem noteikumiem apkaro noziedzīgos nodarījumus efektīvāk par valstīm ar minimāli pieņemtiem noteikumiem. Turklāt ilgstošie klientu izmeklēšanas un identifikācijas procesi kavē ātru lēmumu pieņemšanu un problēmu risināšanu. Ir nepieciešami skaidri noteiktas procedūras klientu izmeklēšanā, valstu un FIU vienību sadarbībā. Ierobežota informācijas piekļuve paildzina efektīvu klientu izmeklēšanu, tāpēc faktisko īpašnieku centrālie reģistri ir jāizvedo publiski pieejami un bez ierobežojumiem. Turklāt dalībvalstīm nepieciešams pielietot pieejamos resursus, ciešas sadarbības nodrošināšanai un informācijas apmaiņai, kas nav pretrunā ar valsts tiesību aktiem un regulējumiem par datu aizsardzību.

Izmantotās literatūras un avotu saraksts

1. Eiropas Parlamenta un Padomes Direktīva (ES) 2015/849 par to, lai nepieļautu finanšu sistēmas izmantošanu nelikumīgi iegūtu līdzekļu legalizēšanai vai teroristu finansēšanai [2015] OV L 141/73.
2. Eiropas Parlamemta un Padomes Direktīva 2005/60/EK par to, lai nepieļautu finanšu sistēmas izmantošanu nelikumīgi iegūtu līdzekļu legalizēšanai un teroristu finansēšanai [2005] OV L 309/15.
3. Komisijas Direktīva 2006/70/EK attiecībā uz “politiski ietekmējamas personas” definīciju un tehniskajiem kritērijiem vienkāršotām klienta uzticamības pārbaudes procedūrām un atbrīvojumam sakarā ar finanšu darbību, kuru veic reti vai ļoti ierobežotos apjomos [2006] OV L 214/29.
4. Padomes Direktīva 91/308/EEK par to, kā novērst finanšu sistēmas izmantošanu nelikumīgi iegūtas naudas legalizēšanai (naudas atmazgāšanai) [1991] OV L 166/77 un
5. Padomes Lēmums 2000/642/TI par sadarbības pasākumiem starp dalībvalstu finanšu ziņu vākšanas vienībām attiecībā uz informācijas apmaiņu [2000] OV L 271/4.
6. Directive (EC) 2001/97 on prevention of the use of the financial system for the purpose of money laundering [2001] OJ L 344/76.
7. Financial Action Task Force (FATF), The Forty Recommendations of the Financial Action Task Force on Money Laundering (The FAFAT Recommendations 1990) <<http://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/recommendations/pdfs/FATF%20Recommendations%201990.pdf>> apmeklēts 2015. gada 30. novembrī.
8. Financial Action Task Force (FATF), ‘‘ The FATF Recommendations: International standards on combating money laundering and the financing of terrorism and proliferation’’ (The FATF Recommendations, February 2012) <http://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/recommendations/pdfs/FATF_Recommendations.pdf> apmeklēts 2015. gada 30. novembrī.

Завещание о жизни

dr.iur. Armen Gabrielyan

Балтийская Международная академия, Рига, Латвия

armen.gabrielyan@gmail.com

Анотācija

Šajā rakstā autors izskata jautājumus saistībā ar “Testaments par dzīvību”, kas stājas spēkā, kad vēl dzīvs būdams testators kļūst rīcībnespējīgs, sastādīšanas noteikumiem.

Raksta autors norada, ka “Testaments par dzīvību” ir juridiskais dokuments, kas izsaka testatora labu un nosaka noteikumus un norādījumus par medicīniskās palīdzības pārtraukšanu, pacientam atradoties terminālajā stāvoklī. Tā ir ilgstoša pilnvara labklājības un medicīnas jomā, kas tajā skaitā pilnvaro lemt medicīniskās aprūpes jautājumus, un var tikt izmantota atbilstoši jebkura indivīda vērtībām un vēlmēm.

Atslēgas vārdi: testaments par dzīvību, terminālajā stāvoklī, ilgstošāpilnvara, medicīnas izbeigšanu pacienta.

Abstract

The article discusses the issues related to “living will” writing conditions, which takes effect during the lifetime of the testator, in the event of his incapacity.

The author points out that “living will” is a legal document that expresses the will of the testator, setting out the conditions and guidelines of termination of care if the patient will be in a terminal state. This is a Durable Power of Attorney, which gives powers of health and medicine, and, in particular, of decision-making on issues related to health care, and can be used in accordance with the values and the desire of any individual.

Key words: living will, terminal state, durablepower of attorney, termination of care.

В ведение.

Актуальность темы исследования заключается в том, что «Завещание о жизни (**LivingWill**), это завещание, которое вступает в силу еще при жизни завещателя, в случае его недееспособности. **LivingWill**, это, во-первых, «завещание о жизни», а во-вторых, «завещание на случай смерти», - это юридический документ, выражающий волю завещателя, предусматривающий условия и указания о прекращении медицинской помощи в случае, если пациент будет находиться в терминальном состоянии. Терминальное состояние – это неизлечимое или необратимое состояние, вызванное заболеванием, травмой или болезнью, при котором медицинские процедуры по поддержанию жизни способны только искусственно отсрочить момент смерти.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы дать представление о «Завещании о жизни», которое является завещание в известном нам значении слова, а распоряжения больного в отношении методов лечения, разреша-

емых / не разрешаемых им, а также в отношении законных представителей, которым пациент доверяет право принятия решения в случае неблагоприятного исхода. Например, в случае развития коматозного состояния больного.

При проведении исследования использовался диалектический метод познания, позволяющий рассматривать социально-правовые явления в их постоянном развитии и взаимодействии. Комплексно использовались сравнительно-правовой, биомедицинский и логико-юридический методы исследования.

Основные теоретические и практические положения.

Термин «Living Will» был введен в употребление в 1969 г. выдающимся адвокатом в области прав человека в двадцатом веке Луисом Катнером (Luis Kutner), [1] которая обозначала прижизненное завещание по отношению к жизни и смерти. Идея данного термина появилась еще в 1967 году на собрании Американского общества сторонников эвтаназии. Его также обозначают как «указания, определяемые пациентом заранее на случай недееспособности (advance directives)».

В 1976 г. Верховным Судом штата Калифорния (США), а в дальнейшем и суды еще девяти штатов (Арканзас, Айдахо, Невада, Нью-Мехико, Северная Каролина, Орегон, Техас, Канзас, Вашингтон) вынесли решение, по которому устанавливается право, позволяющее любому человеку составлять завещание «жизненной воли» (living will). В нем он может высказать свои пожелания по поводу оказания медицинской помощи на случай, если он не сможет сам выразить свою волю – своеобразное право пациента на смерть [2].

Согласно этим решениям каждый больной волен сделать при жизни заявление о том (завещание о жизни), что врачи должны, если он (пациент) впадает по какой-либо причине в критическое состояние, решить вопрос об эвтаназии. Разработан следующий текст заявления: «Заявление сделано такого-то дня, такого-то месяца и года.

«Я, такой-то, будучи в ясном уме и твердой памяти, добровольно, без какого-либо принуждения выражаю (сильное) желание, чтобы моя смерть не была искусственно отсрочена при возникновении условий, изложенных ниже, о чем и делаю настоящее заявление.

Если когда-либо со мной случится травма, несовместимая с жизнью, или я заболел неизлечимой болезнью с развитием критического состояния, которое будет подтверждено двумя врачами, лично осмотревшими меня, одним из которых должен быть мой лечащий врач, и если врачи определяют, что я умру независимо от того, будет, проводиться лечение или нет, и что моя жизнь может выражаться лишь в искусственной отсрочке моей смерти, я даю указание такие процедуры не проводить и не позволять мне умереть

естественной смертью, вводя лишь те лекарства, что необходимы для уменьшения моих мучений. Если же я сам буду не в состоянии дать такие указания, то настоящее заявление должно быть сделано моей семьей или врачами, как моя последняя воля и право отвергать терапевтическое или хирургическое лечение со всеми вытекающими из этого последствиями. Я полностью понимаю значимость этого заявления и делаю его, будучи эмоционально и умственно полностью компетентным» [3].

Такое заявление должно быть подписано заявителем и двумя свидетелями. Наличие такого заявления еще не означает, что оно обязательно будет воплощено в жизнь. Врачи имеют право бороться за жизнь заявителя до последнего его вздоха, несмотря на наличие заявления. Тем не менее, оно ограждает врачей от возможности некомпетентных суждений окружающих в отношении их деятельности в подобных ситуациях. Отношения общества и американских врачей к данному документу и связанными с ним действиями двойственны. Имеются высказывания, как за документ, так и против.

Ряд врачей и юристов признают за больным право отказаться от врачебной помощи для продления жизни. Более того, оспаривается правомочность и гуманность действий врачей и судебных постановлений, не разрешающих эвтаназию.

В то же время Американская медицинская ассоциация выступила со следующим заявлением:

1. Преднамеренное укорочение жизни противоречит общественным институтам и медицинским традициям.

2. Героические усилия врачей не нужны лишь в том случае, когда действительно «биологическая смерть неизбежна», но и в этом случае должно быть получено согласие больного и (или) его семьи, и (или) юридических лиц, представляющих интересы больного.

3. В любом случае решение врача должно быть согласовано со всеми вышеуказанными лицами.

4. Ни врач, ни здоровые лица, ни явно, ни тайно не должны давать больному человеку советы по решению этого вопроса. Окончательное решение остается за больным, и его мнение не должно быть ограждено от чьего бы то ни было влияния [4].

В настоящее время законодательства всех штатов признают не только право на составление living wills, но и право близких родственников безнадежного больного с разрушенным мозгом настаивать на прекращении работы жизнеобеспечивающей аппаратуры. В сорока штатах и в Федеральном Округе Колумбия супруг имеет приоритетное право принимать такое решение в отношении другого супруга.

С 1 января 2009 года в США действуют обязательства, регулирующие действенность и пределы действия «завещания о жизни». Лечащий врач

обязан учитывать волю пациента и вместе с уполномоченным родственником определить, распространяется ли «завещание о жизни» пациента на конкретную ситуацию. «Завещание о жизни» вступает в силу, в случае если больной в конкретной ситуации не можете принимать решения и находится при смертном состоянии.

Прижизненное завещание - составленный заранее документ, в котором лицо высказывает пожелания о своём лечении на тот случай, если оно будет не в состоянии самостоятельно выражать свою волю. Оно вступает в силу, как правило, ещё до наступления смерти его составителя (иногда в момент наступления клинической смерти, если в нём содержатся указания, касающиеся применения реанимационных мер). Эти указания, заранее должны быть обсуждены с врачом. На наш взгляд, указания помогают пациенту дать свое согласие на проведение пассивной эвтаназии в том случае, когда сам пациент не сможет высказать свою волю. «Отношение общества и американских врачей к данному документу и связанным с ним действием двойственно. Различные религиозные конфессии (76% протестантов, 75% иудеев, и 70% католиков) поддерживают правомерность вышеуказанного заявления и его последствия» [5].

18 июня 2009 года германский бундестаг принял изменения к Гражданскому уложению Германии (BürgerlichesGesetzbuch (BGB)) о последнем распоряжении пациента (§1901aPatientenverfügung)[6].

Параграф §1901а дает право подписывать заблаговременное распоряжение о прекращении жизнеобеспечения (завещание о жизни) в случае серьезной болезни. Такое завещание содержит информацию о том, какую помощь или ее отсутствие человек желает получить, если болезнь или травма не позволят ему самостоятельно высказать свою волю. В этом документе закрепляется воля человека о том, при каких условиях врачам следует прекратить борьбу за его жизнь и отключить аппараты искусственного жизнеобеспечения. Согласно §1901а лечение должно быть прекращено, даже если в состоянии пациента не произошло необратимых изменений. Для этого у гражданина должно быть нотариально заверенное распоряжение с указанием медицинских мер, на которые согласен и которые отвергает, если в результате несчастного случая или болезни он не сможет самостоятельно выразить свое желание.

Согласно §1901а, сформулированная заранее в письменном виде последняя воля больного, находящегося в бессознательном состоянии, должна иметь обязательную силу для лечащих врачей независимо от того, является ли болезнь пациента излечимой или нет. Именно это «последнее распоряжение» пациента должно учитываться врачами в первую очередь при решении вопроса об отключении от аппаратов искусственного жизнеобеспечения пациента, находящегося в состоянии комы. Суды могут привлекаться к ре-

шению подобных вопросов «только в спорных случаях». Параграф §1901a создает необходимую правовую базу, в соответствии с которой воля пациента имеет высший приоритет.

Таким образом, **Бундестаг узаконил право каждого жителя страны на добровольный отказ от системы поддержания его жизни.** При этом активная эвтаназия (уход из жизни с помощью врача) остается запрещенной. Подобные распоряжения о прекращении жизнеобеспечения в случае неизлечимой болезни написали около 9 млн. немцев, но они вызывали юридические разногласия, в частности относительно момента вступления в силу. В большинстве случаев они содержат отказ от жизнеобеспечения в случае невозможности выздоровления. Согласно §1901a, если родственники пациента и врачи разойдутся в трактовке завещания, окончательное решение принимает суд. По статистике, до принятия поправок к Гражданскому уложению Германии уже каждый девятый житель Германии составил письменное распоряжение на случай, если в результате аварии или болезни он будет зависеть от искусственных мер по поддержанию жизни и лишится возможности лично решать свою дальнейшую судьбу. Но до сих пор такие расписки не имели юридической силы, и врачи продолжали до последнего поддерживать безнадежных больных, пребывающих в коме.

В дополнение к «завещанию о жизни» следует составить завещательное распоряжение о лечении. Для того чтобы пожелания, указанные в «завещании о жизни» были выполнены должным образом, врач должен работать с уполномоченным лицом. В случае отсутствия такого лица медицинский случай регулируется законом. Для того чтобы больному определить кто будет этим лицом следует изложить, волю больного о лечении. Определитесь, кто из круга родственников или друзей будет контактным лицом касательно вопросов здоровья больного.

Заключение.

В заключение хотелось отметить, что «Завещание о жизни» (livingwill), это юридический документ, выражающий волю индивида, чтобы ему искусственно не продлевали жизнь и не использовали аппаратуру, поддерживающую жизнь, а так же информирующий как родственников, так и медицинских работников о желании подписавшего этот документ избежать «героических мер» по сохранению его жизни в случае наступления необратимого состояния. Иными словами это завещание, предусматривающее условия и указания о прекращении медицинской помощи в случае, если пациент будет находиться в терминальном состоянии. Исполнение завещания о жизни не сопряжено с чрезмерными сложностями, и в то же время оно содержит возможность для альтернативных методов лечения в тех условиях, к которым оно относится. Длительная доверенность, дающая полномочия в

области здравоохранения и медицины, дает, в частности, право принимать решения и по вопросам, связанным с медицинским уходом, и может быть использована в соответствии с ценностями и желанием любого индивида.

Список использованной литературы и других источников

1. Kutner, Luis “Due Process of Euthanasia: The Living Will, A Proposal,” Indiana Law Journal: Vol. 44: Iss. 4, Article 2. 1969.
2. Ian Dowbiggin A Concise History of Euthanasia: Life, Death, God, and Medicine Rowman & Littlefield, 2007 P. 38.
3. Austin Sarat Special Issue Social Movements/ Legal Possibilities Emerald Group Publishing, 2011 P. 85.
4. Jennifer Fecio McDougall, Martha Gorman, Carolyn S. Roberts Euthanasia: a reference handbook ABC-CLIO, 2008. P. 230
5. Kutner, Luis “Due Process of Euthanasia: The Living Will, A Proposal,” Indiana Law Journal: 1969; p.44.
6. Bundesministerium der Justiz http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/_1901a.html

Рациональность, разумность и определенность частного права

доктор юридических наук, ассоц.проф. **Александр Байков**,
Балтийская Международная академия, Латвия
e-mail.:aleks_baikov@inbox.lv

Аннотация.

В статье анализируются одинаково важные как для философии, так и для права проблемы рациональности, рассматриваются категории разумности и определенности частного права, их роль и значение в правовом регулировании, раскрывается их содержание, взаимосвязь и взаимообусловленность.

Актуальность исследования определяется отсутствием четких критериев, определяющих природу и характер названных категорий, разнообразием понимания их содержания, роли и значения в процессе правового регулирования.

Цель исследования заключается в установлении природы, взаимосвязи и взаимообусловленности рациональности, разумности и определенности частного права. В этой связи в работе использовались системно-логический, формально-догматический, функциональный, сравнительно-правовой методы исследования.

В работе обращается внимание на содержательные различия рациональности и разумности, которые и сегодня нередко отождествляются, отмечается очевидная взаимосвязь, разумности, справедливости и добросовестности и одновременно подчеркивается их самостоятельность, синонимичность понятий разумности, выделяются критерии рациональности и критерии разумности, подчеркивается несводимость разумности к правомерности, подчеркиваются присущие разумности признаки, каковыми являются целесообразность и правомерность.

Разумность представляет собой не только субъективную категорию, но и, прежде всего, объективно выраженное в позитивном праве требование, обращенное ко всем участникам регулируемых правом общественных отношений, т.е. категорию объективную. В свою очередь определенность права выражается как его разумность.

В работе прослеживается проявление категории разумности в международно-правовых актах и нормативно-правовых актах ряда национальных правопорядков

Ключевые слова: рациональность, разумность, целесообразность, добросовестность, справедливость, правомерность, определенность частного права

Annotation.

The article analyzes equally important both for philosophy and law issues of rationality, considers the categories of reasonableness and certainty of private law, their role and significance in the legal regulation, interprets their content, interconnection and interdependence.

The relevance of the study is determined by the lack of clear criteria for determining the nature and character of these categories, by the diversity of understanding of their content, role and significance in the process of legal regulation.

The purpose of the study is to establish the nature, interconnection and interdependence of rationality, reasonableness and certainty of private law, show how they differ from

close-by categories of justice, fairness, legality and appropriateness. In this regard, the study used system-logical, formal-dogmatic, functional, comparative-legal research methods.

The study draws attention to the essential differences between rationality and reasonableness, which today are often identified, specifies clear relationship of reasonableness, justice and fairness, and at the same time emphasizes their autonomy, synonymy of rationality, meanings underlines the criteria of rationality and reasonableness, emphasizes the irreducibility of reasonableness to the legitimacy, highlights the signs inherent to reasonableness, which are appropriateness and legitimacy.

Reasonableness is not only a subjective category, but also, above all, is a requirement objectively expressed in positive law, addressed to all the participants regulated by the law of public relations, i.e., an objective category. In its turn, certainty of the law is expressed as its reasonableness.

The study traces the manifestation of reasonableness category in the international legal acts and normative legal acts of a number of national legal orders

Keywords: rationality, reasonableness, appropriateness, justice, fairness, legitimacy, certainty of private law

Введение.

Право, правоведение, равно как и философия, должно быть рациональным. Как правило, рациональность интерпретируется как относительно устойчивая совокупность правил, норм, стандартов, эталонов духовной и материальной деятельности, а также ценностей, общепринятых и однозначно понимаемых всеми членами того или иного сообщества (социальной, профессиональной, этнической группы, сословия и т.д.).

Основные теоретические и практические положения.

Наряду с истиной, объективностью и др. рациональность – одна из основных категорий классической философии. А. Шопенгауэр отмечал, что философия, подобно маятнику, колеблется между рационализмом и иллюминизмом (иррационализмом). Первый основан на разуме, второй – на внутреннем просветлении, высшем сознании. Таким образом, начало философии – иррационально, но сама философия неизбежно заключена во внешнюю форму рационализма, так как ни в какой другой форме она попросту невозможна. «Отвлеченно, общо и отчетливо воспроизвести в понятиях всю сущность мира и как отраженный снимок показать ее разуму в устойчивых и всегда наличных понятиях – вот это и не что иное есть философия» [1, 98] и, конечно, право. Вместе с тем, по мнению сторонников одной из постклассических теорий права, а именно антрополого-диалогической теории права классическая рациональность заменяется постклассической, например, коммуникативной [2; 3; 4]. Более того, И.Л. Честнов приходит к выводу о наличии оснований сомневаться в рациональности права [5, 607].

Человеку не столько дана та социальная реальность, в которой он живет, функционирует, сколько он творит ее сам в соответствии со своими представлениями и интересами. Поэтому процесс преобразования и создания подлинной социальной действительности, соответствующей идеалам развития каждого человека, является делом рациональным, ибо рациональная мысль занята не только реконструкцией, но и реорганизацией, перестройкой [6, 160]. В то же время в основе рациональности лежит разумность. Как отмечал Г. Гегель разум, принятый как понятие субъективного духа, есть знание [7, 228 - 231] и, следовательно, понимание чего-либо означает субъективное знание объективного. Соответственно, в правовой реальности, в отношениях с правовой материей человек, так или иначе, подвергает ее, включая нормы позитивного права, оценке своего разума: обыденного, теоретического и др. с позиций соответствия права истинности, справедливости. Другими словами, применительно к пониманию права последнее выражается как субъективное знание права как объективного явления. Вместе с тем в реальной действительности, особенно, когда речь идет о еще не завершенной деятельности, осуществляемой не в виде одномоментного акта, а более или менее продолжительное время, обычно используется вторичное понятие рациональности. В этом случае рациональность чаще всего истолковывают как «разумность», как соответствие некоторым законам разума, стандартам и нормам «разумной» деятельности. Если деятельность соответствует этим законам и правилам, она оценивается как рациональная; если же субъектом (актором) нарушены какие-то нормы, его деятельность нерациональна. Вот эти законы, нормы, правила и образуют стандарт рациональности, лежащий в основе наших рациональных оценок, позволяющий вынести суждение о рациональности или нерациональности деятельности еще до того, как она завершится: соответствует стандарту - рациональна; не соответствует - не рациональна.

Рациональность как соответствие цели деятельности можно, вслед за М.Вебером, назвать «целерациональностью»; рациональность как соответствие некоторым нормам и правилам будем называть «логико-методологической» рациональностью [8, 239 - 240]. Как отмечает Е.В.Булыгин, скрытую в праве рациональность позволяет увидеть видение права с точки зрения логики и, прежде всего, сформулированной фон Вригтом деонтической логики [9, 204].

В этой связи следует заметить, что отождествление понятий «рациональность» и «разум» произошло под влиянием античной, по своей сути логоцентрической традиции, что, однако, не означает отсутствие необходимости исследований разумности, а посему определенности права и упорядоченности человеческого бытия, сохранения устоявшегося социального порядка. В конечном счете, именно в этом состоит общечеловеческая, социокультурная ценность права.

Попытки сформулировать понятие разумности, предпринятые философами, специалистами практически всех отраслей права, имеют долгую, хотя и безуспешную историю. В.М. Лебедев в этой связи отмечал: «Для того чтобы решить дело на основе разумности, нужно этот смысл, разумность раскрыть, иначе никому не будет ясно, на каком основании принято решение» [10, 199]. Это тем более важно поскольку, наряду со свободой, справедливостью, целесообразностью, определенностью, разумность является одним из общечеловеческих измерений права

В толковых словарях «разумность» рассматривается как производное от прилагательного «разумный», означающее: одаренный разумом, рассудительный, толковый, здравомыслящий. Несколько иначе раскрывается смысл этого слова С.И.Ожеговым и Н.Ю.Шведовой, которыми допускается три его значения: (1) обладающий разумом; (2) толковый, рассудительный; (3) логичный, основанный на разуме, целесообразный. Другими словами, разумным является лицо, обладающее разумом.

В общем (объективном) смысле разумность понимается как познавательная способность людей, обуславливающая целесообразный характер их действий и масштаб оценки поведения субъектов. В гражданском праве разумность понимается либо как один из принципов, либо как одна из гражданско-правовых обязанностей, либо как оценочное понятие. В литературе принцип разумности, как отраслевой принцип, нередко предстает растворенным в принципе справедливости [11]. По мнению В. Белова обобщающим по отношению к принципу разумности является принцип добросовестности [12, 50]. Представляется, что разумность предстает как необходимое качество, свойство не только позитивного и объективного права, но и правоприменительной деятельности, выражающееся в «растворенном» в правовой материи виде, как оценочное понятие, обеспечивающее легитимацию права и воплощение в нем наиболее значимых для субъекта права интересов. Признавая очевидную взаимосвязь добросовестности, справедливости и разумности, необходимо отметить их самостоятельное, автономное функционирование.

Учитывая, что разумность – это категория познания, особую значимость она приобретает в частном праве. По мнению В.А. Черкашина разумность в контексте философского понимания можно признать как разновидность познавательно-мыслительной деятельности человека, основанной на соотношении различных форм познания в целях установления истинного знания. Соответственно, в судебной деятельности разумностью может быть признана такая познавательно-мыслительная деятельность судьи, которая основана на соотношении различных форм правового познания и мышления при исследовании правоотношения субъектов в целях достижения правового результата (регулирования и защиты прав, свобод и законных интересов граждан) [13].

Категория «разумность» характеризуется определенными критериями. Прежде всего, отметим, что разумное мышление опирается на рациональную форму познания. Что означает эта форма? И. Кант считал, что «...познание разумом может относиться к своему предмету двояко, а именно: либо просто определять этот предмет и его понятие (которое должно быть дано другим путем), либо осуществлять его. Первое означает теоретическое, а второе - практическое познание разумом» [14, 83].

В своей практической деятельности участники тех или иных общественных отношений, в т.ч. регулируемых правом, используют такие основные формы познания, как рациональное (логическое), иррациональное (чувственное) и эмпирическое (опытное). Определение и осуществление той или иной практической деятельности реализуется посредством рациональной формы мышления, опирающейся на основные логические законы. Вместе с тем принципу разумности соответствует и иррациональная форма познания, которая исходя из теоретического допущения о том, что в праве его субъект реализует свою свободу, основана исключительно на индивидуальных свойствах субъекта.

По Г.В.Ф. Гегелю, и это общепризнано, разумным познанием является «бесконечное» мышление. Соответственно, разумность предполагает развитие и совершенствование мышления как процесса постоянного поиска истины.

Очевидно, прав Е.А. Фарнсворт, утверждавший, в качестве одной из закономерностей становления системы рыночного хозяйства, расширение использования в законодательстве более широких, «расплывчатых» формулировок, по сравнению с теми, которые использовались законодателем во времена ее стабильного функционирования. В этой связи естественно возростала роль судов в толковании законодательных актов с целью их приспособления к постоянно изменяющимся условиям. Законодатель, вместо установления определенных, четких правил, призывал суды в своей практической деятельности руководствоваться такими, закрепленными в законе общими, нравственными правилами поведения, как правила справедливости, добросовестности, разумности [15, 13].

Учитывая неоднозначность подходов в теории гражданского права, в общей теории права, в цивилистике предприняты ряд попыток определения содержания категории разумности. В частности, В. С. Ем под разумностью понимает осмысленность (рациональность), логичность и целесообразность поведения субъекта. Разумным можно считать поведение субъекта, если оно является результатом осмысления социально-экономической обстановки, в которой он находится, логически вытекает из нее и целесообразно для него [16, 531]. Поскольку разумность – это, прежде всего, осмысленность субъектом своего поведения, трудно не заметить, что здесь В. С. Ем говорит

о разумности как о субъективной категории. В целом соглашается с данным утверждением и С. А. Иванова, которая полагает, что разумность заключается в осознании правомерности своего поведения, «...рационального понимания объективной реальности» [17, 18]. Того же мнения придерживается В.П. Мозолин, утверждающий, что разумность – это осознание правомерности своего поведения [18]. Л.В. Щенникова рассматривает разумность как обращенное ко всем участникам гражданских правоотношений требование законодательства, «...обязанных руководствоваться в своих действиях умом» [19, 119]. Очевидно, что наиболее точным было бы определение разумности и как субъективной, и что, может быть важнее и более значимо, как объективной категории.

Рассматривая категорию «разумность» в онтологическом смысле Ю.В. Винниченко рассматривает ее «... не как основную идею, определяющую общую направленность правового регулирования общественных отношений, а как интеллектуальную деятельность людей, в результате которой право формируется как таковое. В основу содержания понятия «разумность» в онтологическом смысле кладется общенаучное определение разумности – как присущей человеку познавательной способности систематизировать имеющиеся знания о вещах и явлениях, обнаруживать связь последних и действовать целесообразно этой связи» [20, 11]. Нельзя не согласиться с Ю. В. Винниченко, которая отмечает: «Разумность» характеризуется правомерностью. Таким образом, действовать в соответствии с данным принципом (т. е. разумно) - значит действовать правомерно. Критерием разумности является целесообразность. При этом разумным может быть признано только такое поведение субъекта, которое не просто расценивается им самим как разумное, как соответствующее его личной цели, но объективно является разумным, т. е. направлено на достижение целей, допустимых правом. Таким образом, целесообразность, являющаяся содержательным признаком разумности, в гражданском праве мыслима только в форме правомерности» [21, 11]. Конечно, Ю.В.Винниченко права в том, что разумность это понятие объективное, выражающее само поведение. Одновременно трудно согласиться с отрицанием ею субъективной составляющей разумности, т.е. одновременного признания разумности и как понятия субъективного, отражающего отношение лица к собственному поведению, поскольку именно в этом выражается одна из составляющих позитивной ответственности, и понятия объективного. Вместе с тем, трудно согласиться с Ю.В.Винниченко в отождествлении разумности и правомерности. Некоторые авторы, например, вышеупомянутые В.С.Ем, Ю.В.Винниченко, усматривают в качестве критерия разумности целесообразность. Эта позиция близка Н. А. Власенко, который пишет: «...содержанием принципа разумности является баланс интересов и целесообразность действий субъектов...» [22]. Данный автор

полагает: разумность «не существует сама по себе, она должна наполняться содержанием от реальности, например, это может быть оптимальность, заботливость, лояльность, соотношение или сбалансированность интересов. В праве заложено здравомыслие, основанное на рациональности, профессиональном понимании и ответственности за систему собственных действий и поступков. В.И. Емельянов в качестве критерия разумности предлагает среднего человека, указывая на то, что «...на первый взгляд может показаться странным, что слово «разумность», которое в обычном смысле обозначает интеллектуальную деятельность, как юридическое понятие характеризует объективную сторону его действия. Дело в том, что оценивая разумность действий, мы не рассматриваем интеллектуальный или волевой элемент реальных действий конкретного субъекта. В этом случае проявляется возможность совершения определенных действий не конкретным лицом, а средним человеком. Мы говорим, что нормальный человек, желая совершить определенное действие (осуществить право или исполнить обязанность), был способен сделать это в конкретных условиях. При этом не имеет значения знал ли конкретный субъект о последствиях своих действий, желал или не желал их наступления. Существенным является лишь то, что нормальный (средний) человек мог совершить в данной ситуации определенные действия. Таким образом, разумность характеризует интеллектуальные и нравственные качества лица опосредованно, через сравнение его поведения с возможным поведением среднего человека» [23, 65].

Таким образом, несмотря на полисемантическую природу понятия «разумность» и в этой связи невозможности его однозначной интерпретации, можно утверждать, что его основными признаками являются правомерность и целесообразность. Соответственно, разумность не тождественна интеллектуальности.

Очевидна тесная взаимосвязь категорий «разумность» и «целесообразность». Энциклопедический словарь определяет целесообразность как соответствие явления или процесса определенному состоянию, материальная или идеальная модель которого выступает в качестве цели [24]. В словаре синонимов русского языка синонимами целесообразности являются разумность, уместность, рациональность, соответствие [25]. Таким образом, термины «рациональность», «разумность», «целесообразность», «соответствие» являются синонимичными и не способны раскрыть внутреннюю природу и содержание такого правового принципа, как разумность [26, 253]. В то же время указание на наличие цели, как сущностного критерия разумности, также, на наш взгляд, не раскрывает ее особенности в виду того, что вступление субъекта в гражданское правоотношение, как правило, опосредовано достижением той или иной цели. В этой связи направленность поведения лица на достижение цели само

по себе еще не является бесспорным свидетельством его разумности. Не раскрывает, на наш взгляд, содержание разумности и вывод М. Ф. Лукьяненко о том, что «разумные - это рациональные действия, основанные на здравом смысле». Замещение термина «разумные» термином «рациональные» не способно добавить к характеристике действий субъекта что-либо новое. В то же время указание на соответствие поведения «здравому смыслу» приведет лишь к дополнительным сложностям в установлении содержания этого понятия. Наглядным проявлением понимания этой взаимосвязи являются утвержденные ЮНСИТРАЛ19 марта 2015 года Принципы, касающиеся выбора права в международных коммерческих договорах[27].

Внутренне противоречиво понимание разумности, В. И. Емельяновым, который первоначально утверждая разумность как объективную категорию, характеризующую объективную сторону поведения субъекта права, впоследствии неожиданно пишет, что «разумность характеризует интеллектуальные и нравственные качества лица опосредованно, через сравнение его поведения с возможным поведением среднего человека». В этой связи следует лишь заметить, что пытаюсь обосновать субъективное понимание разумности, что само по себе представляется обоснованным, он указывает на необходимость обязательного учета нравственных качеств субъекта, тем самым смешивая ее с добросовестностью [23, 116]. По существу такого же мнения придерживается А. В. Волков, который считает, что «разумность представляет собой структурную сторону добросовестности, а добросовестность - собирательную форму здравого адекватного, честного поведения» [26, 188]. Относительно понимания разумности и добросовестности две точки зрения представлены в зарубежной литературе. Одни авторы отождествляют добросовестность с разумностью [28, 96]. Другие утверждают, что данные категории различны и необходимость вести себя честно не означает необходимости вести себя разумно [29, 235]. Очевидно, что тесно связанные между собой понятия «разумности» и «добросовестности» тем не менее, не тождественны

Непроявление лицом заботливости и осмотрительности или проявление ее в меньшей степени, чем это требовалось по характеру обязательства и условиям оборота, ставшее причиной ненадлежащего исполнения обязательства, означает виновность данного лица в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства. То есть закон определяет заботливость и осмотрительность субъекта в качестве критериев вины в обязательственных отношениях. Установление вины выражается в оценке отношения субъекта к своему поведению, в частности, проявления им заботливости и осмотрительности при исполнении обязательства. Таким образом, добросовестность и разумность представляются, прежде всего, объективными категориями, тогда как вина - субъективной. В научной

литературе существует мнение, что разумность не имеет самостоятельного значения, а выступает лишь в качестве признака, свойства других явлений. «Именно действия, цена, срок оцениваются с точки зрения права, а не разумность как таковая» [30, 224, 225]. Ю. В. Винниченко сделала в этой связи вывод, что гражданско-правовая категория «разумность» в чистом виде юридического значения не имеет, ибо в любом случае предполагает наличие характеризующих его действий, явлений [31].

Вместе с тем разумный срок, разумная цена, разумные меры - это реализация самого принципа разумности, оценка условий соглашения, действий лица с точки зрения соответствия данному принципу. В этой связи представляет интерес положение 11 (1) Акта о несправедливых условиях 1977 г. (Unfair Contract Terms Act (UCTA)) [32], в силу которого в английском праве был установлен так называемый тест разумности в отношении условий заключенных договоров (the reasonableness test). В соответствии с ним требование разумности означает, что данное условие должно быть справедливым и разумным настолько, чтобы быть включенным в договор с учетом обстоятельств, которые были или должны были быть известны или ожидаемы сторонами при заключении договора. Таким образом, введение данного теста предполагает оценку судом условий договора с точки зрения соответствия их требованию разумности.

Одной из идейных основ Единообразного торгового кодекса США (ЕТК) (UCC: Uniform Commercial Code) [33] являются коммерческая разумность, понятие которой хотя и отсутствует в ЕТК, но на практике используется довольно часто.

Принцип добросовестности и разумности закреплен в Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров (ст. 7.8) [34].

К разумности нередко апеллируют акты частноправовой кодификации. Так в ст. 3 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА (2010 года) говорится, что «...**При определении разумности должны быть приняты во внимание, в частности, (а) цель нормы, которая была нарушена; (b) категория лиц, для защиты которых действует норма; (c) любая санкция, которая может быть наложена за нарушение нормы; (d) серьезность нарушения; (e) знала или должна была знать одна или обе стороны о нарушении; (f) было ли нарушение необходимым для исполнения договора; а также (g) разумные ожидания сторон**» (ст. 3.3.1. Принципов УНИДРУА 2010). При этом, при «...определении разумности, должны быть приняты во внимание критерии, упомянутые в статье 3.3.1(3), с соответствующими поправками» (ст. 3.3.2. Принципов УНИДРУА 2010) [35].

Неоднократно обращается к разумности действующее законодательство Латвии. В этой связи можно упомянуть о тех разумных мерах, в том числе превентивного характера, которые должен предпринимать кредитор для

уменьшения или предотвращения возможных убытков (ст.ст. 1732-1752 Гражданского Закона – в дальнейшем ГЗ) [36]. При этом важно подчеркнуть, что разумными эти меры должны быть при данных конкретных обстоятельствах. Другими словами, речь идет о мерах, направленных на уменьшение убытков, но не являющихся для кредитора излишне обременительными. При этом в случае возникновения спора кредитор обязан доказать, что у него отсутствовали возможности по осуществлению разумных мер. Как разумную меру, направленную на уменьшение убытков можно рассматривать ответственное хранение товара не принятого покупателем (ст. 2237 ГЗ).

Разумные меры предусмотрены не только законом, но и иными правовыми актами, обычаями делового оборота.

Представляется, что с позиции законодателя разумность означает наличие соответствующего опыта субъекта, опытности в ведении дел соответствующего рода, например в сфере коммерческой деятельности, должной осмотрительности, должной заботливости с его стороны (например, ст.ст. 1782, 1776 ГЗ). По существу об этом же речь идет в ст. 50 Трудового Закона, в которой закрепляется обязанность работника выполнять работу с той мерой заботливости, которую от него было бы справедливо ожидать, учитывая характер работы [37]. Вместе с тем это не означает недопустимости осуществления в ряде случаев оценки поведения субъекта одновременно как с позиции разумности, так и добросовестности.

Для доказательства рациональности права необходимо показать, что оно соответствует разуму, олицетворяет собой разумное начало, что оно создается и функционирует в соответствии с законами разума, сознательно. Сторонник рациональности права Б.А. Кистяковский утверждал, что право – это логика понятия, созданного разумом [38, 212]. По его мнению, проблема рационального и иррационального в праве решается в (1) логическом (понятие и воля); (2) техническом (целесообразное и нецелесообразное); (3) этическом (доброе и злое); (4) философско-историческом (осмысленное и бессмысленное) планах. При этом понятие полагалось им в качестве наиболее распространенной формы рационального. Соответственно, право рационально, поскольку состоит из объективных и рациональных норм. Однако реальное воплощение позитивного права (законодательных норм) в практической жизни, т.е. в правоотношениях, а далее в субъективных правах и юридических обязанностях, т.е. в объективном праве, и субъективно, и иррационально. Дело в том, что в правосознании юриста (профессиональном правосознании) правовые нормы «...оказываются связанными главным образом не с интеллектом, а с волей» из чего следует, что «... сущность этих волевых движений, порождаемых правовыми нормами в сознании, безусловно, иррациональна. Она коренится в темных подсознательных глубинах нашей души» [38, 219-220] и иррациональность права связана с

тем, что она имеет дело с единичными, конкретными фактами. Именно об этом писал С.А. Муромцев, утверждавший, что если закон выражается общими правилами, то дело судьи в каждом случае придать такому общему правилу свой особый смысл, сообразный с условиями случая» [39,]. Нельзя также пройти мимо того факта, что процесс формирования специальных, даже основополагающих правовых понятий, таких как «право», «правовое регулирование», «механизм правового регулирования», «цель в праве», «функция права», «правовое средство» и др. еще далек от завершения, содержание этих абстракций остается дискуссионным.

В свою очередь, разумность права заключается в его определенности, а «...определенность есть проявление разумности» [40, 11]. Право как одно из исходных и универсальных начал права по сути своей, как средство придания общественной жизни заданности, предсказуемости, упорядоченности, должно быть разумным. Следовательно право должно четко, непротиворечиво устанавливать, предъявляемые к его адресам требования, которые по определению не могут быть полисемантическими. Язык правовых актов должен быть соответствовать правилам юридической техники, т.е. должен быть ясным, точным, общедоступным для восприятия и единообразного понимания, что, в конечном счете, обеспечивает его единообразное использование и применение.

Заключение

Учитывая тенденцию роста требующих правового регулирования разновидностей общественных отношений и их диверсификацию, очевидно стремление законодателя к принятию норм общего характера, более широких, «расплывчатых» формулировок. В этой связи значительно повышается значимость обеспечения рациональности, разумности и определенности правового регулирования. Рациональность и разумность, хотя и взаимосвязанные, но тем не менее различные категории. Разумность является, прежде всего, категорией объективной, выражающейся в праве в виде обращенного ко всем субъектам права требования. Недопустимо также отождествление категорий разумности, справедливости и добросовестности, выступающих в качестве метаюридических регуляторов, обладающих собственным содержанием и выполняющих в процессе правового регулирования специфические роли. Определенность права, выражающая вовне как разумность, в конечном счете, означает создание логически непротиворечивых, внутренне согласованных и однозначно понимаемых адресатами правовых норм, закрепленных в них моделях поведения.

Список использованной литературы и других источников

1. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / Пер. с нем. Ю.И. Айхенвальда // Шопенгауэр А. Собрание сочинений. Том 1. - М.: Московский клуб, 1992. – 396 с.
2. Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход / Отв. ред. И.Т. Касавин, В.Н.Порус. - М.: ИФРАН, 2009. - 215 с.
3. Наука: от методологии к онтологии / Отв.ред. А.П. Огурцов, В.М. Розин. - М.: ИФ РАН, 2009. – 287 с.
4. Понятие истины в социогуманитарном познании / Отв. ред. А.Л. Никифоров. М.: - ИФ РАН, Рос. Акад. наук, Ин-т философии, 2008. – 212 с.
5. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. Монография. - СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. – 650 с.
6. Рассел Б. Воля к сомнению // Феномен человека: Антология / сост., вступ. статья П.С. Гуревич. – М.: Высшая школа, 1993. - С. 160 - 167
7. Гегель Г.В.Ф. Философия духа // Сочинения. Т.3. Энциклопедия *философских* наук. Ч.3. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. – 372 с.
8. Никифоров А.Л. Соотношение рациональности и свободы в человеческой деятельности //Исторические типы Рациональности / Отв. ред. В.А. Лекторский. Т.1. - М.: ИФ РАН, 1995. - С.236 - 249
9. Антонов М.В. Рациональность в праве // Law. Journal of the Higher School of Economics. Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. №3. 5. - С.198 - 208
10. Лебедев В.М. Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации. М.: Российская академия правосудия, 2000. – 368 с.
11. Иванова С.А. Некоторые проблемы реализации принципа социальной справедливости, разумности и добросовестности в обязательном праве // Законодательство и экономика. 2005, №4. - С.29 - 34
12. Белов В. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права // Законодательство. 1998, №8. – 49 - С.52
13. Черкашин В.А. Разумность в гражданском процессе: сущность и перспективы // [http:// F:/Racional_Irracional/Razumnost_1.html](http://F:/Racional_Irracional/Razumnost_1.html)
14. Кант И. Критика чистого разума. 2-е изд. 1781 - 1787 // Кант И. Сочинения в шести томах [Под общ.ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана]. Том 3. - М.: «Мысль», 1964. – 799 с.

15. Мозолин В.П., Фарнсворт Е.А. Договорное право в США и СССР. История и общие тенденции. - М.: Наука, 1988. – 312 с.
16. Осуществление и защита гражданских прав // Гражданское право: В 4 т. Том I. Общая часть: Учебник / Отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Волтерс Клувер, 2004. Т. 1. - С. 520 – 555 (автор главы В.С. Ем)
17. Иванова С.А. Принцип справедливости в гражданском праве России: Автореф. дис. докт. юрид. наук. – Владимир, 2006. – 45 с.
18. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / Под ред. Т.Е.Абовой, А.Ю. Кабалкина. - М. Юрайт-Издат: Право и закон, 2002. – 880 с.
19. Щенникова Л.В. Справедливость и добросовестность в гражданском праве (несколько вопросов теории и практики) // Государство и право. 1997, №6. - С.119 - 121
20. Виниченко Ю.В. Разумность в гражданском праве Российской Федерации. Автореф. дисс.... канд. юрид.наук. СПб.: МВД России Санкт-Петербургский университет, 2003 – <http://lawtheses.com/razumnost-v-razhdanskom-prave-rossiyskoy-federacii>
21. Виниченко Ю. В. Разумность в гражданском праве Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. - Иркутск, 2003. – 190 с.
22. Власенко Н. А. Разумность и право: связь явлений и пути исследования // Журнал российского права. 2011. № 11. – С.45 - 57
23. Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М.: Лекс-Книга,2002. – 160 с.
24. Большой энциклопедический словарь // <http://www.vedu.ru/BigEnc-Dic/69565>.
25. Словарьрусскихсинонимов (онлайн-версия) // <http://www.classes.ru/all-russian/Russiandictionar-synonyms-term-93022.htm>.
26. Волков А. В. Злоупотребление гражданскими правами. Проблемы теории и практики. - М.: ВолтерсКлувер, 2009. - IX, 453 с.
27. Принципы, касающиеся выбора права в международных коммерческих договорах, утвержденные Комиссией Организации Объединенных Наций по праву международной торговли 19 марта 2015 года // <http://www.hcch.net/upload/text40ru.pdf>
28. Goode R. Commercial law. Penguin Books. Third edition. Oxford. England. 2004. 1408 p.
29. Peden, E, 'When Common Law Trumps Equity: the rise of good faith and reasonableness and the demise of unconscionability //Journal of Contract Law. 2005, №21. P.226-249.
30. Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010. – 423 с.
31. Виниченко Ю.В. О значении категории «разумность» // Практика

- применения общих положений об обязательствах: сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. - М.: Статут, 2011. – С.392 - 404
32. Акт о несправедливых условиях 1977 г. (Unfair Contract Terms Act (UCTA)) // <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1977/50>
33. Единообразный торговый кодекс США: Пер. с англ. / Руководитель ред. Дозорцев В.Л.; Серия: Современное зарубежное и международное частное право. - М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1996. - 427 с.
34. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ. - Нью-Йорк, 2010 год // www.uncitral.org/pdf/russian/texts/sales/cisg/V1056999-CISG-e-book-r.pdf
35. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 / Пер. с англ. А.С. Комарова. – М.: Статут, 2013. – LXXIV, 758 с. см. также: <http://www.unidroit.org/English/principles/contracts/principles2010/translations/blackletter2010-russian.pdf>
36. 28.01.1937. Latvijas Republikas likums „Civillikums” // Valdības Vēstnesis, 41, 20.02.1937. [stājas spēkā: 01.09.1992.]
37. 20.06.2001. Darba likums // Latvijas Vēstnesis, 105 (2492), 06.07.2001., Ziņotājs, 15, 09.08.2001. [stājas spēkā: 01.06. 2002.]
38. Кистяковский Б.А. Философия и социология права / Сост., примеч., указ. В.В. Сапова. – СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1998. – 800 с. – (Русская социология XX века)
39. Муромцев С. Право и справедливость // Сборник правоведения и общественных знаний / Труды Юридического общества, состоящего при Императорском Московском университете, и его статистического отделения. Т.2. – С.-Пб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1893. – 12 с.
40. Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография. - М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2014. - 157 с. – www.dx.doi.org/10.12737/5616

Актуальные проблемы правовых отношений при заключении договора займа между физическими лицами

Надежда Жукова,
Латвия, Балтийская Международная Академия,
магистратура «Частное право», ndn@inbox.lv
научный руководитель – доктор юридических наук,
ассоциированный профессор Александр Байков

Аннотация.

Вступая в правоотношения займодаделец, равно как и заемщик наделяются определенным набором прав и взаимосвязанных с ними обязанностей: праву требования переданных денежных средств заемщику корреспондирует обязанность заемщика их вернуть в полном объеме по истечении срока займа. В статье рассмотрены проблемы, возникающие в правовых отношениях сторон договор займа - физических лиц, предложены решения, позволяющие оптимизировать процесс возврата переданных заем денежных средств.

Ключевые слова: Договор займа, долг, заемщик, займодаделец, условия договора.

Abstract.

When entering into a legal relationship, a lender and a borrower are provided with a certain set of rights and interrelated responsibilities: right of claim after the expiry date of the loan given to the borrower corresponds with the obligation of the borrower to repay them in full. The article discusses the problems arising as regards legal relations of individuals - contracting parties of the loan agreement. On the basis of the problems identified, solutions are proposed in order to optimize the process of returning the loan issued to the borrower.

Key words: Loan agreement, the debt, the borrower, the lender, the terms of the contract.

Введение.

Нередко, предоставляя кому-то денежные средства «в долг», мы не замечаем, как вступаем в гражданско-правовые отношения. В частности, простую расписку о получении определенного количества денежных средств от кого-то на определенный срок уже можно рассматривать как полноценный гражданско-правовой договор - договор займа [8]. При этом не всегда тот, кто получает денежные средства взаем, возвращает их в срок или по различным причинам не возвращает вообще.

Основные теоретические и практические положения.

В последние годы объем долговых обязательств, в том числе долговых обязательств, возникающих из договора займа, стремительно возрос. В свою

очередь, механизм их взыскания является достаточно сложным и затратным по времени. Это обуславливает актуальность выбранной темы.

Для достижения поставленной цели определены следующие решаемые задачи:

1. проанализировать составные части договора займа согласно законодательству Латвийской Республики;
2. сделать выводы и разработать предложения по улучшению процесса взыскания своевременно невозвращенного займа.

В качестве основных методов исследования применены: формально-догматический, логико-правовой, социологический методы, метод моделирования.

Договор займа является одним из наиболее распространенных договоров в современном мире. Согласно положениям Гражданского закона (в дальнейшем – ГЗ) под договором займа подразумевается передача в собственность известного количества заменимых вещей с обязанностью возвратить полученное в таком же количестве и в вещах такого же самого сорта и качества [1]. Из этого определения следует, что договор займа является односторонним договором, где у одной из сторон имеется право, а у другой - исключительно обязанность [6].

Чтобы договор займа обладал юридической силой, его необходимо правильно составить, т.е. договор займа должен быть оформлен в письменном виде и в нем должны содержаться следующие условия: общие положения; условие о передаче денег; цель, срок возврата и сумма займа и др. Кроме того, данный договор должен быть подписан обеими сторонами.

При отсутствии необходимых условий или их неточном, некорректном указании, могут возникнуть затруднения в последующем взыскании долга, в случае, если он не будет возвращен, или если вернуть долг будет невозможно. Включение в договор займа ряда других условий, которые не являются обязательными (например, о процентах за использование взятой суммы и штрафных процентах за просрочку возврата займа) может служить усилением исполнения обязательства со стороны заемщика.

Договорная конструкция займа предполагает следующие основные элементы – общие положения. К их числу относятся: название документа; место, дата заключения; паспортные данные и адреса проживания сторон (декларированные и/или фактические); сумма в национальной или другой валюте. Название документа «договор займа» позволит однозначно трактовать юридический смысл документа, избегая его разночтений. Отсутствие названия не делает документ недействительным, однако требует дополнительного анализа его текста для достоверного установления, был ли это именно заем или другая сделка.

Договор, по которому одна сторона обещает дать заем, а другая принять

его, является действительным лишь с того времени, когда контрагенты соглашаются между собой о количества отдаваемого взаем - ст. 1935 ГЗ [1]. Однако, как отмечал К.Торганс, комментируя данный вид договора, договор займа является реальным договором и как реальный договор он признается заключенным с момента передачи вещи или денежной суммы. Таким образом лица, передавая или получая деньги взаем, заключают *договор займа* [3].

Условие о передаче денег является необходимым условием договора займа. При отсутствии указания на конкретный факт передачи денег недобросовестные заемщики могут заявить в суде, что они так и не получили предмет займа. При этом при прекращении обязательств согласно ст. 1838 ГЗ доказать, что уплата произведена, должен тот, кто это утверждает. Поэтому в договоре необходимо указать, что при подписании договора заемщик деньги получил.

В договоре займа обязательно указывается сумма займа, а также может быть установлен срок займа, определяя тот момент, когда у займодателя появляется право требовать принудительного обращения к взысканию. Согласно действующему законодательству если заем должен быть возвращен после предупреждения, то срок исчисляется с того дня, когда предупреждение объявлено должнику; но когда срок предупреждения не установлен, то принимается шестимесячный (ст. 1945 ГЗ).

В отношениях займа должник не обладает никакими правами и наем лежит лишь на обязанности вернуть долг; тогда как у займодателя есть право требования возврата займа. Другими словами, в договоре займа отсутствует юридическое равенство участников гражданско-правовых отношений [5]. Поэтому целесообразно включать в договор займа еще одно важное условие: о понимании заемщиком тех правовых последствий, которые наступают при заключении договора займа. Таким образом, если данное условие отражено в договоре, а сам договор собственноручно подписан заемщиком, при споре это позволит займодателю сослаться на факт, что заемщик при получении денежной суммы осознавал все последствия своих действий.

В отношении формы юридической сделки как таковой в ГЗ установлено, что форма юридической сделки зависит от мнения участников сделки, за исключением прямо указанных в законе случаев [1], т.е. ГЗ не содержит конкретного указания на заключения договора займа в письменной форме. Это может привести к тому, что в случае спора стороны лишаются права сослаться в подтверждение сделки и ее условий на письменные доказательства. Когда заемщик отказывается добровольно вернуть взятую им займы сумму денег, эту сумму займодавец может взыскать через суд только при наличии письменных документов, т.к. согласно ч. 1 ст. 93 Гражданско-процессуального закона, каждая сторона должна доказать те факты, на которых она основывает свои требования, и истцу надо доказать обоснованность своих требований [2].

В судебной практике таких примеров множество: обманутый займодавец обращается в суд с иском к заемщику о взыскании суммы долга, а так как договора займа не существует, и ответчик отрицает факт заключения договора займа, суд отказывает в удовлетворении иска. Как отметил Департамент гражданских дел Сената Верховного суда в решении от 29 апреля 2006 года (дело № SKC-280) в деле о взыскании денежной суммы по договору займа активными фактами основания иска являются заключение договора и передача денежной суммы займодавцу, что при удовлетворении иска должен констатировать суд, чтобы связать эти факты с гипотезой ст. 1943 ГЗ. Это означает, что у суда нет законного основания удовлетворить иск, ссылаясь только на пассивные факты – наступление срока возврата денег и добровольное неисполнение обязательств. Таким образом, только после заключения договора займа, как при одностороннем договоре, обязанность заемщика вернуть взятую в долг денежную сумму и только у займодавца есть право просить возврата одолженной суммы [4, 7]. Точно также и заемщик, в случае возникновения спора в суде, может ссылаться только на письменные доказательства возврата суммы долга займодавцу.

Заключение.

Из изложенного можно сделать вывод, что передачу денег взаем и возврат суммы займа необходимо осуществлять, письменно фиксируя передачу денег и в присутствии не менее двух свидетелей. При этом займодавец и заемщик в обоих случаях должны оставить у себя один экземпляр документа о получении/возврате денег с подписью того, кто их получает, если деньги передаются лицами из рук в руки.

В этой связи целесообразно дополнить ГЗ статьей 1935¹ в следующей редакции: «в случае, когда сумма по договору займа составляет более одной минимальной заработной платы, установленной в государстве, договор займа должен быть составлен в письменной форме в присутствии не менее двух свидетелей, которые в момент подписания договора засвидетельствуют передачу денег займодавцем заемщику». Соответственно целесообразно дополнить ст. 1943 ГЗ частью 2 в следующей редакции: «заемщик должен вернуть ту самую сумму или то самое количество, которое он получил. Возврат займа должен быть зафиксирован в письменной форме в присутствии не менее двух свидетелей, которые в момент возврата займа засвидетельствуют передачу денег или количества заемщиком займодавцу». Предлагаемые изменения, во-первых, позволят обеим сторонам без особых проблем доказать факт передачи денег (количества) взаем и их возврат займодавцу. С другой стороны, в случае доведения дела до судебного разбирательства, у должника не будет основания для подачи встречного иска (например о том, что он не получал деньги взаем), а также оградит его от необоснованного

судебного разбирательства, в случае недобросовестности займодавца. Это, в свою очередь, избавит обе стороны от затягивания судебного процесса. Во-вторых, предлагаемые изменения исключают практику написания расписок как одностороннего акта о получении денег, а также исключают длительные судебные разбирательства, которые загружают суды на многие годы. Кроме того, данные изменения ГЗ о письменной форме договора займа, передаче и возврате займа соответствуют интересам как займодавца, так и заемщика, и свидетельствуют о правовой грамотности сторон договора, а не об их недоверии по отношению друг к другу.

«Список используемой литературы и источников»

1. Civillikums. Ceturtā daļa. Saistību tiesības. Pieņemts 28.01.1937., stājas spēkā 01.03.1993., ar grozījumiem līdz 26.09.2013. Pieejams: <http://likumi.lv/doc.php?id=90220>
2. Civilprocesa likums. Pieņemts 14.10.1998., stājās spēkā 01.03.1999., ar grozījumiem līdz 18.06.2015. Pieejams: <http://likumi.lv/doc.php?id=50500>
3. Civillikuma komentāri, Saistību tiesības, Mans īpašums, Rīga, 1998. g., 382. lpp.
4. Latvijas Republikas Augstākās tiesas mājaslapa. Judikatūras nolēmumu arhīvs. Pieejams: <http://at.gov.lv/lv/judikatura/judikaturas-nolemumu-arhivs/>
5. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая. Общие положения. 2-е изд. М., 1999. - 848 с.
6. «Гражданское право». В 4 т. Т.1: Общая часть: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. под ред. Е.А.Суханова. М.: ВолтерсКлувер, 2006. - 720 с.
7. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. Учебник для юридических вузов и факультетов. – М.: Издательская группа НОРМА—ИНФРА • М, 1999. – 552 с.
8. «Гражданское право» Т. 1: Учебник. 5-е изд., перераб. и доп. под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М.: «ПБОЮЛ Л.В. Рожников», 2001. – 338 с.

Различия нормативно - правового регулирования электронных СМИ в Латвийской Республике и других странах ЕС.

Mg.iur. Ольга Матвиенко, докторант
Балтийская Международная академия, Латвия

Anotācija

Referāta tēma jo īpaši ir aktuāla tādēļ, ka elektronisko masu informācijas līdzekļu funkcionēšana rada jaunu objektu un subjektu sistēmu, nosaka to savstarpējo saistību un atkarību, ievērojami paplašina informācijas telpu. Vispirms jau parādās jauni elektronisko masu informācijas līdzekļu veidi – jauni mēdiji – (publikācijas un izdevumi tīklos, konverģentie masu informācijas līdzekļi, mobilā televīzijau.c.). Ar “Interneta” tīkla parādīšanos ir saistīta tādu jaunu komunikācijas formu ienākšana, kā interneta vietnes, portāli, sociālie tīkli, blogi, tīkla pakalpojumi utt. Mūsu dzīvē strauji parādās milzums jaunu faktu, kas virkni objektu virtuālajā vidē atspoguļo kā objektīvu realitāti.

Atslēgas vārdi:elektroniskiemasiinformācijaslīdzekļi, tiesiskā analīze, internets, normatīvaisregulējums.

Аннотация

Тема доклада актуальна, так как функционирование электронных СМИ порождает систему новых объектов, субъектов, взаимосвязей и взаимозависимостей между ними, значительно расширяет информационную среду. Прежде всего, появляются новые средства электронных СМИ – новые медиа (сетевые издания, конвергентные СМИ, мобильное телевидение и др.). С сетью «Интернет» связывается появление таких форм коммуникаций, как сайты, порталы, социальные сети, блоги, веб-сервисы и т.п. В нашу жизнь активно вторгается огромное количество новых фактов, отражающих существование ряда объектов виртуальной среды как данность.

Ключевые слова: электронные СМИ, правовой анализ, интернет, нормативное регулирование.

Введение.

Современное развитие информационного общества, возрастание роли электронных средств массовой информации как на международном, так и на Латвийском уровнях требует теоретических обоснований для регулирования сферы электронных СМИ. Функционирование электронных СМИ порождает систему новых объектов, субъектов, взаимосвязей и взаимозависимостей между ними, значительно расширяет информационную среду. Таким образом, появляются новые средства электронных СМИ – новые медиа (сетевые издания, конвергентные СМИ, мобильное телевидение и др.). С сетью «Интернет» связывается появление таких форм коммуникаций, как сайты, порталы, социальные сети, блоги, веб-сервисы и т.п. В жизнь человека активно вторгается огромное количество новых фактов, отражающих

существование ряда объектов виртуальной среды как данности [9. 15 -16 ст].

Виртуальность среды при этом несколько не устраняет реальный характер, складывающихся по поводу этих объектов общественных отношений. Развитие информационного общества и электронных СМИ в нем наполняет понятийный аппарат все новыми и новыми терминами, сущность которых предстоит осознать правовой науке, поскольку они уже активно используются законодателем. С ними ежедневно приходится сталкиваться и правоприменителю при разрешении споров между участниками информационных отношений.

Такие понятия, как блог, социальная сеть, веб-сервис, хостинг, домен, пиринговые сети и др., формируют новую среду обращения коммуникаций, которая правом изучена весьма относительно. Право только подступает к этим процессам, а информационное общество активно эволюционирует, что вызывает и изменение информационной среды. Увеличение продуцирования и использования электронных СМИ Европейским сообществом, расширение рынка информации – все это вызывает необходимость анализа изменений системы правового регулирования электронных СМИ в целях развития в ЕС полноценно информационного общества. Вступление Латвии в глобальное информационное общество определяет основные цели, задачи и направления развития информационного законодательства.

Основные теоретические и практические положения.

Значимость исследований правового регулирования электронных СМИ в условиях информационного общества диктуется и возрастающей необходимостью обеспечения информационной безопасности личности, общества и государства. Для информации нет географических границ и Латвия, также как и любая другая страна мира, рассматривается как одна из неотъемлемых составных частей информационного пространства [8.6 ст.].

Важной частью информационного законодательства является нормативно правовые акты, регулирующие отношения в сфере электронных СМИ.

Анализ международных договоров, резолюций Генеральной Ассамблеи ООН свидетельствует о том, что уже в преддверии информационного общества международным сообществом признавались, с одной стороны, влияние последних технических достижений на увеличение влияния средств информации на общественность, а с другой – ведущая роль средств информации в развитии техники и устранении неравенства между странами.

В международном сообществе стали делать акцент на основном виде средств информации – СМИ и, в первую очередь, на телевидении, как наиболее влиятельном средстве массовых коммуникаций, способном оказать воздействие не только на отдельные группы индивидов, но и на государства, все международное сообщество.

В рамках Совета Европы и его Комитета министров был принят ряд нормативных актов, направленных на обеспечение свободы информации через СМИ, регулирование телевидения, прозрачности СМИ. Целый ряд директив ЕС ратифицировала также и Латвийская Республика.

Так, Латвия ратифицировала директиву Европейского Парламента и Совета от 7 марта 2002 года за № 2002/22/ЕС (Директива об универсальных услугах). Эта директива содержит несколько положений о необходимости защиты потребителей, в частности, требование об обеспечении доступности базовых телекоммуникационных

услуг на территории всей страны и для каждого конечного пользователя, даже если такие услуги не оказывались бы в нормальных рыночных условиях. Не менее важной была ратификация директивы Европейского Парламента и Совета от 25 ноября за № 2009/136/ЕК, которой изменяется Директива № 2002/22/ЕК об универсальной услуге и правах пользователей в отношении сетей и услуг электронной связи; директивы № 2002/58/ЕК об обработке личных данных и охране частной жизни в отрасли электронных коммуникаций, а также Регулы ЕК № 2006/2004 о сотрудничестве между учреждениями государства, ответственными за реализацию правовых актов в сфере защиты прав потребителей.

Расширение доступа к разнообразной информации через СМИ (прежде всего, телевидение) способствовало реализации свободы информации и мнений, существенному увеличению выбора коммуникаций.

Важным элементом, регламентирующим реализацию свободы распространения информации, стало принятие конвенции о трансграничном телевидении СДСЕ № : 132, которую Латвия ратифицировала 26.06.1998 года. В данной конвенции говорится о том, что она создает правовые рамки для свободной трансграничной циркуляции в Европе телевизионных программ, устанавливая минимум общих правил в таких областях, как содержание программ, реклама, спонсорство и защита прав личности.

Перед передающими государствами Конвенция ставит задачу обеспечить, положения, чтобы их телевизионные программы соответствовали положениям Конвенции. Одновременно Конвенция гарантирует свободу приема и ретрансляции телевизионных программ, если они соответствуют ее минимальным правилам.

Конвенция регулирует все трансграничные программы независимо от технических средств, используемых для их трансляции (спутники, кабели, наземные передатчики и т.п.)

Главные положения Конвенции регламентируют следующее:

1. свобода слова, приема и ретрансляции;
2. право ответа (трансграничный характер этого права и другие соответствующие средства);
3. запрет порнографии, насилия, разжигание расовой ненависти и защита детей и подростков;
4. показ европейских программ большую часть телевизионного времени, если это возможно;
5. показ кинофильмов (обычно не ранее, чем через два года после их первого показа в кинотеатрах и одного года, если фильм произведен совместно с телеведущим);
6. общие нормы рекламы (запрет рекламы табачных изделий, лекарств и способов лечения, недоступных без рецепта врача, ограничения на рекламу некоторых товаров, например, алкогольных напитков);
7. длительность рекламы (обычно ее объем не должен превышать 15 % времени ежедневных телепередач и 20 % времени в течение одного

часа); В этом положении необходимо отметить, что в Законе ЛР «Об электронных средствах массовой информации» в статье 42 говорится о том, что объем рекламы не должен превышать 10 % времени в течение одного часа.[1] По сути, положение Европейской Конвенции в Законе ЛР имеет более жесткое нормативное урегулирование.

8. Размещение рекламы (например, дважды в течение полуторачасового художественного фильма; запрет в ходе длящихся менее тридцати минут программ новостей и текущих событий);
9. правила спонсорства[6].

Активную роль в формировании информационного общества играют и другие средства массовой коммуникации: реклама, пропаганда, связи с общественностью, кино, а также Интернет.

«Интернет» как информационно-телекоммуникационная сеть предстает системой, одним из проявлений которой является выполнение функции средства для передачи различных информационных потоков как индивидуальной, так и массовой направленности. Интернет является площадкой для новой эпохи развития массовых коммуникаций, функционирование которых и возможности регулирования отношений, складывающихся в отношении них, теперь ставятся в зависимость от средств, через которые они распространяются – традиционных или новых, виртуальных.

По структуре и содержанию Интернет представляет собой сложную систему взаимосвязанных отношений, которую можно рассматривать как самостоятельное явление. По сути, интернет – новое явление в социальной реальности, а, следовательно, его можно рассматривать и как принципиально новый объект правового регулирования.

На сегодняшний день в значительной степени можно говорить о недостаточной разработанности законодательства в области Интернета в большинстве стран, включая и страны Европейского союза.

По мере вовлечения в деловой оборот отношений, связанных с Интернетом, отсутствие правовых норм, регламентирующих данную деятельность, становится своеобразным тормозом для экономического развития (как на уровне отдельного государства, так и на международном уровне).

Например, в Латвийском законодательстве нет специальных правил о сборе, закреплении и исследовании правонарушений в Интернете. Это предполагает необходимое регулирование путем внесения соответствующих дополнений в Гражданский процессуальный, и Уголовно-процессуальные законы.

В Законе же «О средствах массовой информации» сетевые средства массовой информации следует выделить в особую категорию, отличную

как от печатных, так и от электронных средств массовой информации. Для сетевых средств массовой информации должны быть предусмотрены некоторые особенности, связанные с их государственной регистрацией и прекращением выпуска, перечнем выходных данных, порядком направления обязательных экземпляров в министерство и другие организации [1].

Сравнительно - правовой анализ деятельности электронных средств массовой информации в ЕС позволяет сделать вывод о том, что в изученных странах ЕС наблюдается организационное однообразие – за редким исключением во всех странах ключевые вопросы регулирования деятельности телевещательных организаций находятся в компетенции так называемых независимых органов. Наиболее значимые отличия имеют отношение к сфере компетенции и способам, используемыми для выполнения своих обязанностей. Кроме того, в некоторых странах просматривается тенденция к увеличению количества регулятивных институтов, а разнообразие имеющихся регуляторов, которые крайне затрудняет любую попытку классификации и делают практически невозможным создание какой-либо универсальной структуры. Однако, задача заключается скорее в том, чтобы идентифицировать существующие властные органы, уполномоченные регулировать теле- и радиовещательную деятельность, а не представить детальную классификацию регулятивных структур.

Единой модели регулирования телерадиовещания в мире пока не существует. Деятельность регулирующих органов отражает национальную специфику разных стран, включая культурные традиции, историю развития масс-медиа и особенности местной политической культуры.

В Великобритании, например, достаточно понадеяться на то, что правительство, назначая правление регулирующего органа, будет соблюдать так называемые «принципы Нолана». В соответствии с этими правилами в публичной сфере необходимо руководствоваться следующими семью принципами :

бескорыстием, принципиальностью, беспристрастностью, подотчётностью, открытостью, честностью, руководящей ролью. В других европейских странах сама мысль о том, что правительство будет назначать руководство автономного органа, регулирующего масс-медиа, считается несовместимой с независимостью такого органа.

Во многих странах с бывшим авторитарным правлением (например, в Германии), очевидным образом, выражая недоверие и государству и политическим партиям, общество предпочитает ситуацию, когда в национальных регулирующих органах важную роль играют представители гражданского общества и научных кругов. Однако, в целом европейское право исходит из предпосылки о необходимости автономии органов, регулирующих вещание, которые должны быть законодательно и функционально

отгорожены от политического и коммерческого влияния. Комитет министров Совета Европы принял важную Рекомендацию относительно независимости и функций регулирующих органов в вещательном секторе Rec (2000)23.[4] Хотя она и не обладает обязательной юридической силой, её нельзя игнорировать, поскольку она развивает смысл статьи 10 ЕКПЧ (Европейская конвенция по правам человека), которая уже является обязательной применительно к сфере регулирования вещания, а также потому, что она была принята на высоком министерском уровне. Так, в статье 10 ЕКПЧ о свободе выражения мнения говорится:

1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.
2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия [3].

Рекомендация Rec 23 Комитета министров государствам-членам относительно независимости и функций регулирующих органов в вещательном секторе (2000) 23 указывает, что независимость регулирующих и лицензирующих органов жизненно важна для выполнения ими своих полномочий. В документе предлагается государствам – участникам Совета Европы «включить в своё законодательство положения, а в программы действий – меры, которые возлагали бы на регулирующие органы в вещательном секторе полномочия, позволяющие им выполнять свои задачи, как предписано национальным законодательством – эффективно, независимо и прозрачно, в соответствии с руководящими принципами, сформулированными в приложении» к нему [4].

Основной мыслью этого Акта является то, что органы, регулирующие вещание, должны создаваться таким образом, чтобы свести к минимуму риск вмешательства в их работу – например, посредством гласного процесса назначения работников в их состав.

Указанная независимость является общепризнанным принципом в Европе, ещё раз подтверждённым в таком важном акте, как Резолюция № 1636 (2008) Парламентской ассамблеи Совета Европы «Индикаторы СМИ в демократическом обществе». В её тексте отмечается, что одним из показателей свободы СМИ в современном европейском обществе является то, что регулирующие органы в сфере телерадиовещания действуют беспристрастно и эффективно, например при выдаче лицензий [5].

В Латвийской Республике действующим регулирующим органом в сфере электронных средств массовой является Национальный совет по электронным средствам массовой информации. Так, в статье 56. части 1 данного закона говорится, что в состав Национального совета по электронным средствам массовой информации входит пять членов, которые избираются Сеймом. Порядок избрания Совета устанавливается Регламентом Сейма. А также в части 2 говорится, что кандидаты в члены Национального совета по электронным средствам массовой информации, соответствующие установленным частью четвертой настоящей статьи критериям, при консультации с товариществами и учреждениями, действующими в сфере средств массовой информации, образования, культуры, науки и прав человека, выдвигаются Комиссией Сейма по правам человека и общественным делам.

Необходимо отметить и о статусе Национального совета по электронным средствам массовой информации. Так, в статье 57. части 1 говорится, что Национальный совет по электронным средствам массовой информации является независимой, полноправной автономной структурой, которая в соответствии со своей компетенцией представляет интересы общества в сфере электронных средств массовой информации, а также осуществляет надзор за соблюдением в их деятельности Конституции Латвийской Республики, настоящего закона и иных нормативных актов. Совет является производным публичным лицом [2].

Заключение.

Таким образом, подводя итоги проведенного исследования, представляется возможным сформулировать ряд важных предложений :

- В связи со все увеличивающимся объемом и влиянием Интернета в «Закон о электронных средствах массовой информации» необходимо ввести раздел о сетевых СМИ, в котором будут урегулированы все стороны его функционирования;
- С целью обеспечения достоверности и безопасности распространяемой через интернет информации необходимо в Закон «О электронных средствах массовой информации» внести дополнения, которые обяжут официально зарегистрированный как СМИ сайт обеспечить хранение

жестких дисков с первичными носителями информации.

Список использованных источников:

1. Latvijas Republikas Likums Par presi un citiem masu informācijas līdzekļiem (pieņemts 20.12.1990.)// Latvijas Vēstnesis.- 1991.,14. februāris.
2. Elektronisko plašsaziņas līdzekļu likums(pieņemts 12.07.2010.)//Latvijas Vēstnesis.-2010.,28. jūnijs.
3. Cilvēka tiesību un pamatbrīvību aizsardzības konvencija (pieņemts: 04.11.1950.)//LatvijasVēstnesis.-1997.,13. jūnijs.
4. Рекомендация Rec (2000) 23 Комитета министров государствам-членам относительно независимости и функций регулирующих органов в вещательном секторе. См. Текст на рус. яз. // URL: http://medialaw.ru/laws/other_laws/european/rec2000-23.htm.
5. Текст Резолюции № 1636 (2008) Парламентской Ассамблеи Совета Европы «Индикаторы СМИ в демократическом обществе».
6. Европейская конвенция о трансграничном телевидении (СЕД № 132). Открыта к подписанию государствами-членами Совета Европы, государствами - участниками Европейской культурной конвенции и Европейским Советом в Страсбурге 5 мая 1989 года. Дата вступления в силу : 1 мая 1993 года.
7. Резолюция, принятая Советом по правам человека ООН от 25 марта 2010 года № 14/23 Десять основных задач в области свободы выражения мнений в следующем десятилетии.
8. Uldis Ķinis, „Noziedzīgā nodarījuma “Patvaļīgapiekļūšanadatorsistēmai” Latvijas Universitātesraksti. Juridiskā zinātne. Nr. 667.
9. Качаева А.Г., Журналистика и конвергенция. Почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные. - Москва, 2010.

Законодательство о школах национальных меньшинств и его реализация латышской и латгальской диаспорами в Западной Сибири. 1918-1938 гг.

Ксения Шумская

Россия, Новосибирский государственный технический университет, кафедра теории государства и права, доцент, shumskaya0501@mail.ru

Аннотация

Целью исследования является изучение эволюции советского законодательства в области национального образования и его реализация на примере латышской и латгальской диаспорами. В РСФСР латгалцы считались самостоятельной этнической группой, о чем говорят соответствующие свидетельства о рождении. Рассматривается законодательный процесс от Декретов советской власти, которые закрепляли статус школ национальных меньшинств до Постановлений 1937-38 гг., когда школы национальных меньшинств на территории РСФСР были ликвидированы. Предпринимается попытка определить его зависимость от конкретно-исторических обстоятельств, рассмотреть возможность использования отдельных элементов в современной практике образовательного права. Работа представляется актуальной именно в настоящее время, поскольку мир столкнулся с новым вызовом сохранения этнической идентичности в условиях активных миграций.

Ключевые слова: декреты советской власти, постановления Народного комиссариата Просвещения, национальная идентичность, школы национальных меньшинств

Abstract.

The purpose of this research is studying the evolution of Soviet legislation in the field of national education and its implementation on the example of Latgale and Latvian diasporas. In the RSFSR last considered independent ethnic group, as indicated by the respective birth certificates. The process of the decree, which fixed the status of minority schools to Decisions 1937-38. When schools of national minorities in the territory of the Russian Federation have been eliminated. Attempts to determine its dependence on specific historical circumstances, to consider use of certain elements in modern practice of educational law. The work seems to date it is now, as the world was faced with a new challenge of preservation of ethnic identity in terms of active migrations.

Keywords: decrees of Soviet power, the decree of peoples Commissariat of Education, national identity, schools of national minorities

Введение.

В условиях активнейших миграций, интенсивнейшего взаимодействия культур, перед мировым сообществом неизбежно встают вопросы об интеграции лиц, относящихся к национальному или этническому меньшинствам (различия в организационно-правовом статусе, под национальным меньшинством понимаются граждане государства, которые

не принадлежат к государствообразующему этносу), в принимающее сообщество, а с другой стороны, создание возможности сохранения национально-культурных традиций и родного языка. Одним из механизмов адаптации и интеграции является система образования. Обращение к опыту РСФСР-СССР, перед которым стоял вопрос своего рода интернационализации, в настоящее время представляется весьма актуальным.

К сожалению, следует признать, что к настоящему времени отсутствуют специальные исследования, которые бы рассматривали вопросы правового статуса национальных школ в РСФСР-СССР. Как правило, нормативные акты упоминаются в работах, посвященных истории создания и развития национальных образовательных учреждений отдельных диаспор на территории СССР. Да и образовательное право, как самостоятельная отрасль права, сформировалась сравнительно недавно, и работ, посвященных истории образовательного права еще нет.

Основные теоретические и практические положения.

Проследить эволюцию советского законодательства в области национального образования и его реализацию латышской и латгальской диаспорами. Определить его зависимость от конкретно-исторических обстоятельств, рассмотреть возможность использования отдельных элементов в современной практике образовательного права.

Основными источниками являются декреты и постановления органов советской власти, материалы Государственного архива Новосибирской области (фонд 860 редакции газеты «Тайснейба» и фонд 540 общественной организации «Мемориал» новосибирского отделения), а также материалы собранные в результате этнографических экспедиций в латышские и латгальские поселения Новосибирской и Томской области в 2006 и 2008 гг.

Основные принципы национальной политики молодого советского государства были закреплены в Декларации прав народов России, которая была принята Советом Народных Комиссаров 2 (15 по новому стилю) ноября 1917 г. Так, признавалось равенство и суверенность народов России, были отменены все национальные и национально-религиозные привилегии и ограничения, предусматривалось свободное развитие национальных меньшинств и этнических групп, которые проживали на территории России. Народный комиссариат по делам национальностей призывал к созданию и развитию национальных школ, национального театра и иных просветительных учреждений.

Советская власть, создавая социальное государство, не могла пройти мимо проблемы ликвидации неграмотности, стоит отметить, что подавляющая масса населения России была весьма необразованной. Именно поэтому активно занимались образованием взрослых. Так, 26 декабря 1919 г. был подписан Декрет о том, что все население страны в возрасте от 8 до 50 лет, которое не умело читать или писать, было обязано обучаться

грамоте на родном или русском языке по желанию. Для реализации данного нормативного акта, 19 июня 1920 г. Совнарком РСФСР образовал Всероссийскую чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности. Они же в свою очередь создавали сеть ликпунктов и школ ликвидации неграмотности, которые были рассчитаны для лиц 16-50 лет, создавались они и на национальных языках.

Статус и положение национальной школы были определены Постановлением Народного комиссариата просвещения РСФСР от 31 октября 1918 г. «О школах национальных меньшинств». Содержание термина «национальная школа» было определено Государственной комиссией по просвещению еще в сентябре. Так, под «национальной школой» понималась образовательное учреждение, которое обслуживало меньшинство населения, отличавшееся от большинства своим языком и бытовыми особенностями. Преподавание в такой школе должно было осуществляться на родном языке, а также обязательными предметами должны были быть национальная литература и история своего народа. Согласно данному нормативному акту все национальности пользовались правом обучения на родном языке в Единой трудовой школе обеих ступеней и в Высшей школе. Конечно, для открытия образовательного национального учреждения требовалось определенное количество учеников: не менее 25 учащихся для одной и той же возрастной группы. Школы национальных меньшинств являлись исключительно государственными. Существенно дополняло и расширяло этот нормативный акт Постановление «Об организации дела просвещения национальных меньшинств РСФСР».

Следует подчеркнуть, что впервые именно в СССР латгалыцы смогли реализовать обучение детей, а также и взрослых в рамках программы ликвидации неграмотности на латгальском языке, были изданы соответствующие учебники и учебные пособия. К сожалению, в настоящее время лишь единичные экземпляры сохранились в Омском музее истории образования. Национальные образовательные и воспитательные учреждения находились в ведении отдела национальных школ Наркомпроса РСФСР. Именно поэтому на школы национальных меньшинств распространялись все законы и распоряжения, которые издавали центральные органы власти РСФСР и СССР в рамках создания Единой трудовой школы. Положение О единой трудовой школе РСФСР было введено в октябре 1918 г.

Роль Отдела национальных школ сложно переоценить, он помогал в издании учебников, организовывал курсы для учителей. Важно подчеркнуть, что по методике обучения школы 20-х гг. не уступали современным, широко применялось комплексное обучение, лабораторно-бригадный метод, метод проектов

Особенно благоприятным для развития системы национального образования в СССР стал период НЭПа. Так, к 1926 г. в Омске насчитывалось 7 латышских школ первой ступени, в Томском округе – 2. Архивные материалы

(фонды газеты «Тайснейба» в Государственном архиве Новосибирской области) свидетельствуют о том, что образовательные учреждения были достаточно хорошо снабжены учебниками на латышском языке, укомплектованы профессиональными педагогическими кадрами. Можно отметить, что ряд школ был создан по инициативе родителей учащихся. Они сами строили школьные здания, занимались обустройством быта учеников.

Исторические обстоятельства: Первая Мировая война, Революции и последовавшая гражданская война, эмиграция существенно изменили социальный состав жителей СССР, что не могло не сказаться и на системе образования, в том числе и на образовательных учреждениях для национальных меньшинств. Кадровый вопрос стоял очень остро. С 1926 г. вопрос подготовки учителей для латышских школ решал Ачинский педагогический техникум, где был латышский сектор.

Декреты СНК РСФСР, которые были приняты в первые годы советской власти, в 1918-19 гг. коренным образом изменили дореволюционную систему образования: были запрещены частные школы, вводилось бесплатное дошкольное и школьное обучение, предусматривалось совместное обучение детей обоего пола, школа была отделена от церкви, категорически запрещалось преподавание какого-либо вероучения. Все национальности получили право получить образование на родном языке.

Однако, уже в 1937 г. ситуация резко изменилась. Был взят курс на тотальную советизацию, в котором доминировал русский язык, а не языки народов, населяющих СССР. Можно отметить, что национальные меньшинства, в том числе и латышское, проживающее за пределами Латвийской ССР и не имеющее связи с этнической родиной несколько утратило свои национально-культурные особенности.

С 1938 г. постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» переводило школы национальных меньшинств, которые находились на территории РСФСР на русский язык преподавания.

Многие директора школ и учителя, заведующий латгальским отделением Ачинского педагогического техникума в 1937-138 гг. были репрессированы на основании печально знаменитой статьи 58 УК РСФСР.

Но тем не менее, интервьюирование сибирских латышей (антрополого-этнографические экспедиции в Новосибирской и Тоской областях, в которых участвовал автор в 2006 и 2008 гг.), позволяет утверждать, что национальная школа позволяет сохранить национально-культурную идентичность, поддерживает на качественном уровне родной язык (что является неотъемлемой составляющей этнического статуса) при этом не мешает интегрироваться в принимающее сообщество. Сибирские латыши являются тому ярким примером.

Напротив, упорное игнорирование положительного исторического опыта приводит к весьма дорогостоящим ошибкам.

Заключение.

Таким образом, мы видим, что законодательство в области национального образования РСФСР-СССР в период между двумя мировыми войнами переживает несколько этапов:

1. 1918-1924 гг. – период становления;
2. 1924-1936 гг. - реализация законодательства и создание системы национального образования: от дошкольных учреждений, к школам двух ступеней: начальной и средней, профессиональные средние учебные заведения – техникумы и университеты (Коммунистический университет национальных меньшинств запада г. Москва)
3. 1937/38 гг. ликвидация всех национальных образовательных учреждений на территории РСФСР и переход на русский язык обучения.

Несмотря на жесткую государственную политику середины 30-х гг. прошлого века, советская власть в период своего становления смогла сформировать образовательное законодательство, которое учитывало полиэтническую особенность молодого государства. Следует подчеркнуть, что нормативные акты в целом соответствовали нормам международного права в области защиты прав национальных меньшинств.

Считаю, что в условиях формирования новых этнических карт государств, в том числе Латвии и России вполне уместно обратиться к советскому законодательству в области национального образования, исследовать содержательную сторону программ национальных школ. Необходимо признать, что опыт таких образовательных учреждений был весьма положительным: он позволял учащимся сохранять представления о своей национальной принадлежности, сохранять качественно родной язык, но при этом формироваться и как ответственным гражданам нового государства.

Список использованной литературы:

1. Волков Г.Н. Основные пути развития национальной школы и ее современные проблемы // Проблемы двуязычия в национальной школе. - Ижевск: Удмуртия. 1989. С.33-34.
2. Гессен С. И. Что такое трудовая школа // Свободная трудовая школа. Сб. 2. Томск, 1920.
3. Кайданова О. В. Очерки по истории народного образования в России и СССР на основе личного опыта и наблюдений. Т. 1-2. Торонто, 1938.
4. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917-1973 гг. М., «Педагогика» 1974.
5. Ракунов В. А. *Государственная политика в сфере школьного образования в 1920-30-х годах* // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». — 2011. — № 1 (январь—февраль).
6. Сырых В. М. Образовательное право, как отрасль российского права. — М.: 2000;

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ТРУДА В НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО

Алла Владимировна Иванова,
к.ю.н., доцент кафедры морского права
Украина, Одесская национальная морская академия
ivavod@ukr.net

АННОТАЦИЯ

Исследованы особенности интеграции норм международного права в национальное право. Приведено теоретическое обоснование применения механизмов имплементации норм международного права. Выбор способа применения международных норм в разрешении государственных вопросов зависит от вида нормы международного трудового права. Показана эффективность реализации норм международного права на национальном уровне, указаны необходимые условия для такой имплементации. Сделан вывод, что несмотря на всеобщий процесс глобализации во многих сферах жизнедеятельности, каждое государство оставляет за собой безупречное приоритетное право избрания конкретной политики в отдельно взятой сфере, т.е. сохраняет свою независимость и суверенность в решении внутригосударственных вопросов.

Ключевые слова: имплементация, международное право, механизм реализации, pacta sunt servanda.

Abstract

Researched the features of realization international norms into national law. There is adducted theoretical justification for the use of mechanisms implementing the norms of international law. Selecting the method of application of international standards in the resolution of state questions depends on the type of international labor of law. There is reflected efficiency of the implementation of the norms of international law at the national level, are shown necessary conditions for such implementation. It is concluded that in spite of the general process of globalization in many spheres of life, every state reserves its own priority right to elect particular policy in a particular field, that is, maintains its independence and sovereignty in dealing with domestic issues.

Key words: implementation, international law, implementation mechanism, pacta sunt servanda.

Введение.

Механизм реализации международно-правовых норм представляет собой сложный комплекс, взаимодействующие компоненты которого принадлежат к двум правовым системам-международной (межгосударственной) и национальной (внутригосударственной). Соответственно регламентация порядка исполнения международных договоров осуществляется как самими

международными договорами, так и внутригосударственными правовыми актами. От того, насколько добросовестно государства соблюдают нормы международного права во внутригосударственной сфере, во многом зависит порядок не только во внутригосударственных отношениях, но и в международно-правовой сфере.

Основные теоретические и практические положения.

Реализация норм международного права государствами является составной частью системы международно-правового регулирования, в которой государство рассматривается основным субъектом поведения. Норма международного права выступает в качестве критерия поведения государства, а ее модель требует выполнения юридических предписаний. Существенным моментом в таком процессе служит отношение государства к действию международных норм права в своем национальном праве. И от того, насколько данное государство морально и юридически готово к действию в его собственном праве международно-правовых норм, и какой оно изберет для этого правовой механизм, зависит степень реализации норм международного права. Именно здесь абстрактные нормы международного права приобретают свое реальное, жизненное значение как для государств, так и для международного сообщества в целом.

Проблема имплементации норм международного трудового права не раз затрагивалась в научных работах исследователей в области международного права: Б. В. Бабина, И. П. Блищенко, А. С. Гавердовского, В. Н. Денисова, А. А. Мережко, Д. В. Черняевой и других известных ученых, но лишь в теоретических аспектах. Процедура правовой основы применения норм международного трудового права не рассматривалась и не анализировалась комплексно с учетом всех особенностей интеграции международных стандартов труда в национальное законодательство государств.

Целью исследования является определение особенностей механизмов имплементации норм международного трудового права во внутреннее право государств, характер и действенность мер, принимаемых государствами, по реализации предписаний норм международного трудового права на внутригосударственном уровне.

Изложение основного материала. Вопрос о соотношении международного трудового и национального права относится к одним из самых актуальных. Проблемы в его определении стали возникать одновременно с развитием самого международного трудового права. Споры о примате одного права над другим идут уже более ста лет. И, как правило, концепции приоритета национального права хронологически предшествуют всем остальным. Идея же примата норм международного трудового права возникла в конце прошлого века и представляется еще более одиозной.

Необходимо учитывать и тот факт, что международное право не имеет единой формы, а составлено из огромного количества норм национальных правовых систем, не связанных между собой. Все эти системы самостоятельны и самобытны, но во многом и противоречивы [1, С. 108]. Следовательно, необходимо рассматривать вопрос примата международного права в отношении каждой правовой системы в отдельности.

Важность этой проблемы и то, что она приобретает все новые аспекты, отмечает И. И. Лукашук, который подчеркивает, что по мере расширения влияния международных договоров на внутреннюю жизнь государств вопрос о взаимодействии двух систем права – международного и внутригосударственного - становится все более значимым. «В прошлом считалось, - пишет он, - что государство может свободно осуществлять свои международные обязательства, лишь руководствуясь принципом добросовестности. В результате оно свободно выбирало пути и средства реализации обязательств и, в частности, определяло, следует ли применять международный договор во внутренней правовой системе. В новых условиях эта проблема регулируется как международным правом (прежде всего Венской конвенцией о праве международных договоров), так и внутренним правом значительного числа государств. В данный момент юристы ставят под вопросом существовавший ранее порядок и придают происходящим переменам существенное значение» [2, С. 10].

Выделяют международный механизм имплементации и внутригосударственный механизм имплементации норм международного трудового права. Международный механизм имплементации международно-правовых норм представляет совокупность международных норм, регламентирующих совместную организационно-правовую деятельность субъектов международного права, направленную на осуществление целей, заложенных в международных обязательствах.

Внутригосударственный механизм имплементации международно-правовых норм состоит из совокупности норм внутригосударственного права, устанавливающих процессуальный порядок реализации международно-правовых норм, регламентирующих организационно-правовую деятельность органов государства и правоприменительную практику в связи с реализацией международно-правовых норм, направленную на фактическое выполнение принятых государством международных обязательств. Возникающие при этом отношения будут регламентироваться нормами внутригосударственного права. Такие нормы принимаются или для реализации всех норм международных договоров государства, которые уже есть и будут заключены в дальнейшем, или для обеспечения реализации конкретного договора.

Следует выделить два этапа реализации норм международного трудового права во внутригосударственном механизме имплементации

норм международного права. Первый этап состоит в анализе действующего законодательства на предмет его соответствия нормам международного права, в выражении согласия на обязательность для государства международного договора, еще не вступившего в силу. Второй этап состоит в подготовке и принятии соответствующими государственными органами нормативных актов, направленных на реализацию международных обязательств, вытекающих из вступивших в силу для государства международных договоров. Следует отметить, что определение способов выполнения международных обязательств относится к проявлению государственного суверенитета и входит во внутреннюю компетенцию каждого государства.

При этом, ни международное трудовое право, ни внутригосударственное право не регламентирует вопрос о видах имплементационных актов. На международном уровне такими актами, прежде всего, являются международные договоры. Основными источниками национального права являются законы и подзаконные акты (а в некоторых странах еще и прецедентное право). Следует обратить внимание на то, что ряд государств придерживаются концепции: международное право – часть национальной системы права, которое находит отображение в их конституциях. Некоторые государства даже включают международные договоры в перечень источников национального права. Так, например, ст. 9 Конституции Украины 1996 г. [3] предусматривает, что действующие международные договоры, согласие на обязательность которых дано Верховной Радой Украины, является частью национального законодательства Украины. В Польше, на основании ст. 87 Конституции Польши 1997 г. [4] предусмотрено, что ратифицированные международные договоры являются одним из источников общеобязательного права Польши.

Эффективность реализации норм международного трудового права в большей мере зависит от того, насколько будет подготовлено для этой задачи национальное законодательство. Для Украины очевидна необходимость научно-разработанного юридического механизма имплементации международно-правовых норм в национальном праве, одной из основных задач которого является установление и поддержание как можно более тесного взаимодействия между внутригосударственным и международным механизмом имплементации.

В зависимости от того, как государствами определяется порядок взаимодействия национального права и международных договоров, какие способы преимущественно используются ими для реализации международных договорных обязательств в своих правовых системах, существует возможность государства условно разделить на три группы: реализующие международные договорные обязательства «посредством материальной инкорпорации, придерживающиеся принципа формальной

(процедурной) инкорпорации международных договоров и автоматически интегрирующие международные договоры в национальные правовые системы» [5, с. VII].

В группу государств, реализующие международные договорные обязательства посредством материальной инкорпорации, включены государства, в которых, в целях реализации международных договорных обязательств в национальной правовой системе требуется принятие законодательных или административных актов, имеющих материальный характер (Великобритания, Канада, Австралия, Ирландия, Израиль).

В группу государств, придерживающихся принципа формальной (процедурной) инкорпорации международных договоров, отнесены государства, для которых принятие имеющего процедурный характер законодательного или административного акта является формальным предварительным условием включения международных договоров в национальную правовую систему (Германия, Австрия, Италия, Греция, Финляндия, Япония).

В группу государств, автоматически интегрирующих международные договоры в национальные правовые системы входят государства, которые автоматически, без необходимости издания дополнительных актов законодательного или административного характера, интегрируют международные договоры в национальную правовую систему (Франция, Бельгия, Нидерланды, Швейцария, Испания, Португалия, Кипр, Турция, Чехия, Польша, Украина, Венгрия, Хорватия, США, Мексика, Россия).

Примером связи между национальным и международным правом является также фундаментальный принцип международного права *ras-tasuntsehvanda*, государственно-правовая форма, в которой они реализуются, не имеет существенного значения. Указанный принцип имеет два аспекта: 1) внешний или международный аспект, который предусматривает регулирование межгосударственных отношений; 2) внутренний аспект, который означает, что этот принцип исполняет роль своеобразного моста между международным и национальным правом, т.е. предусматривает необходимость изменений национального права в соответствии с международно-правовыми обязательствами. Из этого следует, что государство не должно ссылаться на нормы своего национального права или пробелы в нем, как на повод, для невыполнения международно-правовых обязательств. Этот принцип неоднократно поддерживался в решениях международных судов и различных международных документах.

Следует указать на общие принципы права, которые существуют во всех правовых системах. Наиболее ярким примером можно считать право ЕС, которое было сформулировано на базе международного права и постепенно приобрело черты наднационального правопорядка, в котором

нет четкой границы между внутригосударственной и международной сферами. Создание и деятельность Европейского суда по правам человека является свидетельством того, что физические лица могут бросать вызов собственному государству в международной сфере, и что они не являются исключительно адресатами или субъектами норм международного права. Другим примером является то, что в международной практике можно встретить факты заключения соглашений между государствами, с одной стороны, и физическими или юридическими лицами – с другой.

Учитывая это, некоторые авторы рассматривают физических лиц как таковых, которые имеют производную или ограниченную международную правосубъектность, критерий субъектов также не гарантирует более четкого разделения между национальным и международным правом. Относительно такого критерия, как различные предметы регулирования, то здесь можно утверждать, что в обеих системах права может быть тот же предмет регулирования, поскольку в течение определенного времени происходил процесс включения вопросов, которые традиционно считались исключительно компетенцией национального права (например, вопросы, связанные с правовым статусом личности), к сфере регулирования международного права [6, с. 112].

С точки зрения процедуры имплементации, т.е. практического применения, во внутригосударственном праве все нормы международных стандартов труда делятся на самоисполняемые и несамоисполняемые [7, с. 97].

Самоисполняемыми считаются нормы, обладающие одним из следующих признаков:

- 1) наличие соглашения сторон соответствующего международного договора о непосредственном включении этих норм в систему внутригосударственного права;
- 2) наличие в тексте нормы обеспечения ее исполнения.

Несамоисполняемыми принято считать нормы, для которых характерно наличие одного из следующих свойств:

- 1) присутствие в тексте исключительно общих принципов и направлений, не сопровождаемых конкретным механизмом обеспечения их реализации;
- 2) отсутствие соглашения сторон соответствующего международного договора об обязательности их непосредственного включения во внутригосударственное законодательство.

Дополнительные проблемы, связанные с реализацией международных договорных обязательств по вопросам, относящимся к ведению субъектов федерации, могут возникать у федеративных государств. Определенное воздействие на реализацию государством международных договорных обязательств может быть оказано конституционным судом, если он наделен

полномочием осуществлять конституционный контроль в отношении вступивших в силу для государства международных договоров.

Заключение.

Проблема интеграции международных стандартов труда является сложной, она решается каждым государством самостоятельно и существует во всех государствах не зависимо от того, каких механизмов реализации норм международного права придерживается то или иное государство. Реализация международно-правовых норм содержит немало различных элементов, важная роль среди которых принадлежит гарантиям их осуществления, в частности, должны быть четко определены механизмы реализации, очередность действий, процедуры и т.д. Неизменными условиями интеграции является добросовестное выполнение государством своих международных обязательств в сфере труда, усовершенствования национального законодательства по вопросам реализации международных договоров и адаптации национального законодательства к международным стандартам труда и создания необходимых социально-экономических гарантий исполнения соответствующих международных норм, усовершенствование форм и методов контроля за их соблюдением.

Список использованной литературы:

1. Белянская О. В. Условия имплементации международно-правовых норм в Российское законодательство / О. В. Белянская, О. А. Пугина // Политика и право : Научный юридический журнал. - 2005. - № 8. - С. 104 – 110.
2. Лукашук И. И. Внутреннее право государства и соблюдение международного договора / И. И. Лукашук // Юрист – международник. International-Lawyer. - 2004. - № 3. - С. 9 - 16.
3. Конституція України від 28 червня 1996 р. № 254 к/96-ВР (із змінами і доповненнями, внесеними Законом України від 08 грудня 2004 р. № 2222-IV) // Відомості Верховної Ради України. – 1996. – № 30. – Ст. 141.
4. Конституция Польши от 2 апреля 1997 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа :
5. // <http://constitutions.ru/archives/182>
6. Осминин Б. И. Принятие и реализация государствами международных договорных обязательств : [монография] / Борис Иванович Осминин. – М. : Волтерс Клувер, 2006. – 408 с.
7. Мережко О. О. Проблеми теорії міжнародного публічного та приватного права / Мережко О. О. – К. : Юстиніан, 2010. – 320 с.
8. **Черняева Д. В. Международные стандарты труда (международное публичное трудовое право) : [учеб. пособие] / Черняева Д. В. – М. : КНОРУС, 2010. – 232 с.**

Правовая природа договора франчайзинга

Mg.iur. Айнуp Мусабаета, докторант
Балтийская Международная Академия
Казахстан, Каспийский университет, sinema_888@mail.ru
Доктор юридических наук, профессор Валерий Артурович Рейнгольд,

Аннотация

Данный договор предусматривает использование объектов исключительных прав лицензиара в определенном объеме с возможностью указания территории использования применительно к конкретной сфере деятельности. По своему характеру он является возмездным, взаимным, срочным и консессуальным.

Ключевые слова: франчайзинг, предприниматель, лицензия, юридическое лицо, право

Annotation

This agreement provides exclusive rights to use the objects in a certain amount of the licensor with the ability to specify the use of the territory in relation to a particular area of activity. By its nature, it is compensated, mutual, urgent and consensual.

Key words: franchise, entrepreneur, license, a legal person, law.

Введение.

Договор франчайзинга в современной практике регулирования коммерческого оборота начинает играть все более существенную роль. Договор франчайзинга – договор, по которому франчайзер предоставляет комплекс прав с целью изготовления и (или) продажи определенных товаров и (или) предоставления услуг по договору франчайзинга.

Понятие «франчайзинг», широко используется в мировой законодательной практике. Например, согласно Закону Республики Италии от 6 мая 2004 года №129 «общие положения касательно порядка коммерческого присоединения (франчайзинга)», «франчайзинг» определяется как договор, по которому одна сторона предоставляет другой, за определенное вознаграждение, право на использование пакета, состоящего из прав интеллектуальной собственности и промышленных прав, ноу-хау, технической и коммерческой помощи, а также возможности стать частью франчайзинговой сети. То есть, «франчайзинг» в мировой практике – это целый пакет прав и коммерческого опыта, а не просто право пользования комплексом прав [1]. Республика Казахстан – одна из немногих стран, имеющих правовое регулирование франчайзинговых отношений. Зарубежное законодательство не имеет терминологического единства в отношении франчайзинга. Термин «франшиза» означает либо права (например, регламенты Европейского союза, модельный закон

раскрытия франшизы УНИДРУА), либо отношения права и обязательства по договору, договоренности (например, правила Федеральной торговой комиссии США, Австралийский кодекс, Закон Китая).

Основные теоретические и практические положения.

Договор франчайзинга в классическом понимании, по мнению большинства юристов, является сосуществованием лицензионного договора и агентского соглашения. Так, в законодательстве многих стран договор франчайзинга рассматривается как динамичный синтез лицензионного договора, договора о совместной деятельности и договора о передаче ноу-хау. Например, в законодательстве ФРГ (ст.242 Германского гражданского уложения (ГГУ) франчайзинг не является правовым термином и, соответственно, не может быть четко ограничен от торгового представительства, дистрибьютерства, а также отношений по договору комиссии [2]. Договор франчайзинга характеризуется в немецком праве элементами лицензионного договора, а также большим влиянием франчайзера в интересах «CorporateIdentity», в результате которого положение франчайзинга становится схожим с правовым положением несамостоятельного руководителя филиала.

Регулирование франчайзинга в мире относится к различным отраслям права, например: контрактное право; законы о представительстве и законы, регулирующие контракты распределения (например, дистрибьюторские и агентские соглашения); законы о справедливой торговле; корпоративное право; конкурентное законодательство; законы, регулирующие интеллектуальную собственность, и др. В некоторых государствах франчайзинг имеет самостоятельное правовое регулирование, при этом не исключается использование норм других законов и инструкций. Кроме того, применимы и нормы международных конвенций, например Парижской конвенции, Бернской конвенции и т.д. регулирование франчайзинга в США осуществляется двумя нормами: федеральным регулированием на уровне штатов. Между федеральными инструкциями и инструкциями штатов существуют различия, и требования штатов, как правило жестче федеральных.

Специальное законодательство существует во Франции, Италии, Испании, Канаде, Бразилии, Румынии, Индонезии, Малайзии, Китае, Японии, Корее и в некоторых других государствах. В плане международного развития наиболее протекционистским является законодательство стран Азии, дающее приоритет и преимущества национальным франчайзерам.

В рамках Европейского союза франчайзинг, равно как и все формы вертикальных соглашений, регулируется нормами конкурентного права. В зависимости от концептуального видения государствами развития национального рынка и предпринимательской среды на своих территориях законодательство каждой страны имеет свою специфику.

Можно сформулировать общие для большинства государств принципы: как правило, определена цель регулирования, а именно отношения франчайзинга, его развитие и защита законных интересов участников отношений; определен предмет регулирования – франчайзинг, соответственно формализованы основные понятия; в некоторых законах прописаны необходимые для франчайзеров условия, которые должны быть выполнены до предложения первой франшизы; письменная форма договора; обязательное раскрытие информации до заключения соглашения (в среднем 15-20 дней); основные условия соглашения и платежи; условия расторжения, прекращения и возобновления соглашения, а также последствия расторжения; штрафные санкции.

Регистрация франчайзеров существует практически во всех странах, но идеология этой регистрации отличается от казахстанского варианта. Регистрация, как правило, осуществляется с целью обеспечения контроля над рынком, а также с целью создания дополнительных механизмов защиты прав сторон [3].

В Европе наряду с национальными нормами действует и законодательство ЕС, распространяющееся на государства – участники. В Европейском союзе франчайзинг не регулируется напрямую специальными законами. Регулирование относится к нормам конкурентного права. Две статьи Римского договора, устанавливающегося Европейское экономическое сообщество, определяют основные правила конкуренции (81-82), запрещающие определенные действия, несовместимые с Общим рынком. Положения указанных статей относятся к горизонтальным и вертикальным соглашениям. К горизонтальным соглашениям относятся соглашения между фактическими или потенциальными конкурентами, то есть между организациями, находящимися на одной стадии производства или цепи распределения. Вместе с тем в рамках Европейского союза действуют регламенты, устанавливающие некоторые льготы применительно к распространению действия ст. 81 Римского договора, например, к научно-исследовательским соглашениям. Вертикальное соглашение – это соглашения или совместные действия между двумя или более организациями, каждая из которых работает на различном уровне производства или цепи распределения. В соответствии с регламентом ЕЭС 1956 Комиссия ЕЭС была уполномочена принимать льготы для некоторых вертикальных соглашений. В 1983 году были приняты регламенты, предоставляющие льготы к категориям исключительных соглашений распределения и исключительным покупательским соглашениям, в 1988 – к франшизным соглашениям [4]. Активное развитие смешанных систем, например, включающих в рамках одной сети филиалы и независимых франчайзи, сочетание статуса франчайзи со статусом агента, привело к отнесению франчайзинга под общее регулирование вертикальных соглашений регламентом 1999 года.

Новый экономический подход Комиссии Европейского союза к вертикальным соглашениям сосредоточился на оценке их эффективности на рынке с целью увеличения благосостояния и создания эффективного распределения ресурсов. Вместе с тем он исходит из того, что должен быть достигнут разумный баланс между выгодами и ограничением конкуренции на рынке Европейского союза.

Развитие и расширение коммерческих связей приводит к изменению и появлению новых форм взаимодействия между участниками рынка. Участие государств в интеграционных процессах приводит к принятию новых форм правоотношений. Например, в казахстанское и российское право из международного права интегрированы такие договоры, как агентский, договор коммерческого представительства, коммерческая концессия и другие. Франчайзинг и коммерческая концессия имеют ряд общих признаков, до настоящего времени не утихают споры относительно того, является ли «коммерческая концессия» аналогом «франчайзинга», а сам термин «франчайзинг» при широком его распространении на практике остается нелегализованным. В казахстанском законодательстве применен термин «комплексная предпринимательская лицензия», он использован законодателем условно для различения данной группы правоотношений. Но поскольку в большинстве стран мира используется термин «франчайзинг», казахстанский законодатель, упомянув данный термин в скобках в названии комментируемой статьи, показал, что комплексной предпринимательской лицензией в Республике Казахстан называется франчайзинг. Тем самым проведена некоторая унификация с мировым законодательством. В то же время в тексте статей используется терминология, известная нашему законодательству. Таким образом, законодатель сохранил традиции отечественной правовой терминологии [5]. В законодательстве Российской Федерации эта тенденция является еще более выраженной, и ГК РФ аналогичный правовой институт носит название «договор коммерческой концессии».

В Казахстанском законодательстве договор франчайзинга урегулирован как комплексная предпринимательская лицензия в главе 45 особенной части Гражданского Кодекса Республики Казахстан (ст. 896- 909) [6].

Согласно договору комплексной предпринимательской лицензии одна сторона (комплексный лицензиар) передает за вознаграждение комплекс исключительных прав (товарного знака обслуживания, патента и т.п.) предусмотренных договором, для использования в предпринимательской деятельности лицензиата (п.1 ст. 896 ГР РК).

Поскольку, как видим, договор посвящен передаче исключительных прав, его правовое регулирование подпадает под действие и иных, кроме ГК РК, нормативных правовых актов. Речь идет например, о Законе РК от 26 июля 1999 г. «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров», Патентом законе РК от 16 июля 1999г., актах корпоративного законодательства и т.д. Более того, действует специальный Закон РК от 24 июня 2002 г. № 330 «О комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинге)» [7].

И если, в целом, указанные положения о предмете этого договора замечаний не вызывают, то возможность передачи в пользование лицензиату фирменного наименования лицензиара требует, по нашему мнению, более глубокого, критического анализа.

Итак, ст 38 ГК РК устанавливает, что юридическое лицо имеет свое наименование, позволяющее отличить его от других юридических лиц. Наименование юридического лица включает в себя его название и указание на организационно - правовую форму. Наименование коммерческой организации является его фирменным наименованием.

Возможность передачи права на использование фирменного наименования допускается и другими нормами Кодекса (например, ст. ст. 125, 573, 1023 ГК). И, тем не менее, сама, предоставляемая законодательством возможность такой передачи нами оценивается негативно.

Примечательны высказываемые казахстанскими авторами суждения по этому вопросу. Так, И.У. Жанайдаров, говоря о положительных сторонах договора франчайзинга, отмечает в качестве негативных моментов следующее: «Лицензиат выступает в гражданском обороте под чужим именем и с чужими знаками индивидуализации» [8]. Однако в другой работе И.У. Жанайдаров пишет обратное: « Комплексный лицензиат осуществляет свою предпринимательскую деятельность от своего имени. Это значит, что комплексный лицензиат даже при совершении сделок, связанных с франчайзинговой деятельностью, выступает от своего имени и должен указывать, что он действует в качестве лицензиата, если это с очевидностью не вытекает из самой обстановки совершения сделок. Комплексный лицензиат вправе использовать фирменное наименование комплексного лицензиара только в целях информирования потребителя (реклама, вывеска, использование рядом с товарным знаком лицензиара и т.п.) в порядке и способом, установленными договором комплексной предпринимательской лицензии» [9]. Вместе с тем можно согласиться только с последним суждением, поскольку лицензиат и в обычной своей деятельности выступает от своего имени, так как он обязан указывать способом, доступным для потребителя, что этот товар или эту услугу производит или оказывает именно он, а не лицензиат.

Немного гибче, с оговорками анализирует эту ситуацию Т.Е. Каудыров. Приведем и его позицию: «В определении данного договора в ст. 896 ГК РК среди комплекса исключительных прав, передаваемых лицензиаром лицензиату по данному договору, фирменное наименование лицензиара названо в первую очередь. Это и понятно, если учесть, комплексного лицензиата из всех многочисленных прав по договору франчайзинга интересуется прежде всего право выступать в гражданском обороте после заключения договора под именем лицензиара. И здесь мы вновь обратимся к вопросу о значении обязательных и дополнительных условий фирменного наименования, так как лицензиат выступает не под полным фирменным наименованием лицензиара, а только используя самую значимую, оригинальную его часть» [10].

Данный договор предусматривает использование объектов исключительных прав лицензиара в определенном объеме с возможностью указания территории использования применительно к конкретной сфере деятельности. По своему характеру он является возмездным, взаимным, срочным и консессуальным.

Договор о комплексной предпринимательской лицензии в Гражданском кодексе РК и договор коммерческой концессии в Гражданском кодексе РФ появились раньше того, как стала понятна сама природа экономических отношений, что привело впоследствии к высокому уровню неудовлетворенности содержанием норм регулирования в их совокупности в Казахстане и России. Аналогичные проблемы существуют и в странах бывшего социалистического лагеря, является фактором сдерживания развития франчайзинга на национальных территориях, а также препятствует развитию процессов свободного правового взаимодействия представителей бизнеса различных государств.

Наличие проблем правового характера, связанных с отсутствием единообразных и унифицированных норм регулирования, и важность решения этих проблем, а также необходимость развития и совершенствования методов делового сотрудничества между представителями бизнеса различных государств привели к созданию Международного экспертного совета. Также хотелось бы отметить, что в 2002 год стал плодотворным для развития франчайзинга в Казахстане. В том году произошли следующие значимые для развития отечественного франчайзинга события:

1. Появляется закон о франчайзинге. Таким образом, франчайзинг регулируется не только главой 45 ГК, но и специальным законом.
2. Появляется Национальная ассоциация франчайзинга Казахстана (КАФ) – специализированный институт развития франчайзинга.
3. ЮСАИД в рамках проекта по предпринимательству презентует программу франчайзинга. Целью программы является формирование сугубо казахстанских брендов франчайзинга.

В 2005 году в Алматы проходит первая выставка франчайзинга. Франчайзинг прочно входит в составляющую казахстанского бизнеса, становится неременным атрибутом развития многих компаний. В прессе появляются материалы, освещающие франчайзинг. Повышается интерес к коммерческому и финансовому сектору. Появляется ряд компаний, деятельность которых состоит из франчайзингового брокерства, что является показателем прибыльности сектора [11].

Франчайзингу оказывается поддержка и на государственном уровне. Появляются программа финансирования франчайзинга при Фонде развития малого предпринимательства (ФРМП). Только за период 2003-2011гг. количество франчайзинговых систем в стране выросло. Увеличилось число рабочих мест, созданных именно франчайзинговыми компаниями [12].

Как и иные «новые» поименованные в Гражданском Кодексе договоры, договор комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) является с недавнего времени предметом активных исследований в юридической и экономической литературе, включая научные работы. За последние годы были подготовлены специальные издания, методические и прочие указания, раскрывающие для предпринимателей сущность франчайзинга.

Если обратиться к истории, то несложно проследить, что первоначально в деловой практике появился договор коммерческой концессии, от которого впоследствии отделился договор торгово-распределительного франчайзинга. Дальнейшее развитие франчайзинга привело к становлению комплекса договорных отношений, объединяющих производственную и торговую сферы.

Подобный подход позволял субъекту предпринимательской деятельности продавать товар, работу или услугу, производимые, выполняемые или оказываемые правообладателем, используя его средства индивидуализации, а также выходить на рынок с товаром, работой или услугой собственного производства и тоже использовать чужие средства индивидуализации. Исходя из сказанного и рассмотрев главу 54 РФ, можно сделать вывод о том, что российской законодатель, говоря о коммерческой концессии, имеет в виду франчайзинг [13].

Договор коммерческой концессии, являющийся эквивалентом договора франчайзинга в казахстанском законодательстве, не следует относить к категории смешанных договоров, так как он регламентирован законом как самостоятельный. Ввиду специальной регламентации договора франчайзинга данное мнение применимо и в отношении казахстанского законодательства. [14, с., 316]

Договоры комплексной предпринимательской лицензии должны согласно ст. 897 ГК РК заключаться в письменной форме, то есть в отношении этих договоров должны быть соблюдены условия, предусмотренные ст. 152 ГК РК. Законодательное требование письменной формы договора франчайзинга объяснимо тем фактом, что устная форма сделки является применимой в тех случаях, когда сделка исполнится при самом ее совершении. В договоре франчайзинга, носящем, как правило, долгосрочный характер, этот элемент отсутствует.

Подтверждение соблюдения письменной формы договора франчайзинга может осуществляться путем составления одного документа или обмена документами. К числу данных документов можно отнести письма, телеграммы, факсы и т.д.

В соответствии с п.2 ст. 394, п. 3 ст. 396 ГК РК письменная форма договора франчайзинга считается соблюденной, если лицо, получившее оферту в письменной форме, осуществляет (в срок установленный для ее

акцента) конклюдентные действия по выполнению указанных в ней условий договора. Несоблюдение простой письменной формы договора франчайзинга влечет его недействительность (п.п.2 и 3 153 ГК РК). Такой же подход был воспринят и в законодательстве РФ в соответствии п. 1 ст. 1028 ГР РФ (ч.2) несоблюдение письменной формы договора влечет его недействительность: такой договор считается ничтожным [15].

Исполнение договора франчайзинга, заключенного в надлежащей письменной форме, происходит путем совершения действий (сделок) без составления письменного документа, оформляющего каждое действие так, согласно действующему законодательству передача ноу-хау лицензиаром на основании письменного договора франчайзера лицензиату может осуществляться без оформления соответствующей документации.

Партнерские отношения сторон оформляются франшизным контрактом (franchiseagreementcontract), т.е. контрактом об использовании фирменного имени.

1. Различают виды франшизных соглашений;
2. Франшизы на тип предприятия;
3. Комбинированный франшизы;
4. Конвертируемые франшизы;
5. Дистрибьюторы;
6. Территориальные франшизы;
7. Единичные франшизы;
8. Множественные франшизы;
9. Франшизы на фирменное имя;
10. Субфраншизы. [14, ст. 317].

Предметом данного вида договора является передача комплекса исключительных прав. Целью франчайзингового договора становится расширение франчайзинговой сети или распространение продукта франчайзинга на новые потребительские рынки.

Таким образом, франчайзинг является одной из основных форм развития рыночных отношений, распространения передовых методов ведения бизнеса, внедрения инноваций и применения маркетинговых технологий.

Заключение.

Подводя итоги, можно сказать, что франчайзинг в нашей стране, существуя с 90-х годов прошлого века, регулярно развивается и совершенствуется. В настоящее время существует классификация видов франчайзинга и структура франчайзинговой системы ведения бизнеса.

Можно сделать выводы о довольно грамотном функционировании бизнеса в форме франчайзинга. Именно данная форма бизнеса позволяет

получить возможность использовать уже отработанные и оправдавшие себя технологии, уже известную и популярную марку, возможность обучаться и получать необходимые консультации. Все эти возможности могут предоставить те, кто уже имеет опыт, знания, обладает технологическими секретами предпринимателей, то есть располагает капиталом не материальным, но весьма ценным и эффективным, если его правильно использовать. В то же время не стоит забывать о весьма грамотном правовом регулировании – только при соблюдении всех данных нюансов мы сможем добиться положительных результатов.

Литература

1. <http://franchising.kiev.ua/4/law/116/119/120.html//2012> года по состоянию на 02.02.2013 года.
2. <http://constitutions.ru/archives/3684//2005№5> по состоянию 22.01.2012 года.
3. И.В. Рыкова, к.э.н., директор Школы профессионального франчайзинга, генеральный директор юридической фирмы «Правовой сервис ФАРН», Россия, Москва.
4. Экспорт: право и практика международной торговли: Шмитгофф К.М. М: ридическая литература , 1993г.
5. Гражданский кодекс РК (особенная часть). Комментарий. Отв редактор М.К. Сулейменов, Ю.Г. Басин.- Алматы: «Жеті жарғы», 2000.- С.501-502.
6. Гражданский кодекс Республики Казахстан //02.03.1999 по состоянию на 16.11.2015 года.
7. Закон Республики Казахстан «О комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинге)» от 24.06.2002 года.
8. <http://www.vestnik-kafu.info/jornal/15/558//2008>по состоянию на 08.02.2013 года.
9. <http://all-books.biz/pravo-grajdanskoe/ponaytie-sferaprimeneniyz3590.html//2006>по состоянию на 29.01.2012 года.
10. <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1232697//> 2011 по состоянию на 10.02.2013 года.
11. Журнал BusinessLife. Статья «Франчайзинг в Казахстане» Февраль, 2008 год.
12. «Франчайзинг в Казахстане» Б. Кисиков. Алматы, BookinEast, ISBN9965-452-36-9, 2007 год.
13. http://www.pravo.vuzlib.org/book_z1821_page_5.html// 2011 по состоянию на 17.01.2012 года.
14. Шаикова С.С. Договор франчайзинга: Сборник научных статей. Алматы 2001.-316 стр.
15. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 от 30 ноября 1994 года. №51-ФЗ// Собрание законодательства Российской Федерации по состоянию на 21.01.2012 года.

Международные стандарты правового регулирования права собственности

Сауле Мурат

Mg. iur., докторант, докторская программа «Юридическая наука»,
Балтийская Международная академия,
ms147@mail.ru

Научный руководитель: доктор юридических наук., асс.проф. Байков А.М.

Аннотация

В статье рассмотрены проблемы развития концепции права собственности в контексте различных его исторических моделей: элементарной, модели разветвленной собственности, либеральной, социально-ориентированной. Сделан вывод о том, что в процессе интеграции государств данный институт выделился из рамок национального права и получил свое закрепление в международно-правовых актах. Обосновано заключение о том, что в международном праве принята ценностная концепция права собственности, основанная на равенстве субъектов частной собственности, распространении права собственности на объекты, обладающие признаками экономической ценности и наличности, вне зависимости от их материальной или нематериальной природы, широте полномочий собственника, существовании неопределенного круга носителей пассивных обязанностей, а также возложении на государство дополнительно активных обязанностей по обеспечению права собственности. Если европейская модель права собственности основана на ценностном подходе, то модель собственности стран СНГ, в том числе казахстанская, опирается на вещно-правовую концепцию права собственности с ее традиционной триадной концепцией правомочий собственника владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом. В статье проанализированы обоснованные современной доктриной права собственности и практикой Европейского суда по правам человека международные стандарты правового регулирования права собственности: принцип верховенства права, принцип баланса публичных и частных интересов, принципа судебного контроля, принцип автономности понятия права собственности, принцип законности, принцип соразмерности вмешательства в право собственности преследуемой цели. В современный период одним из актуальных направлений в доктрине права собственности и международной судебной практике является развитие международно-правового института защиты права собственности в двуедином ключе – как института международного права прав человека и как фактора модернизации национального института права собственности.

Ключевые слова: право собственности, защита права собственности, международные стандарты, правовое регулирование.

Abstract

The article deals with the problem of development of the concept of property rights in the context of its various historical models of the unit, model branched property, liberal, socially-oriented. The conclusion is that in the process of integration of the Institute

separated from the framework of national law and derives its binding international legal instruments. Justified the conclusion that international law adopted of values the concept of property rights based on the equality of the subjects of private property, distribution of ownership of the objects with signs of economic value and cash, regardless of material or immaterial nature, the breadth of the powers of the owner, the existence of an indefinite passive range of media responsibilities, as well as laying on the State of additional active duty to ensure the right of ownership. If the European model of property rights based on value approach, the model property of the CIS countries, including Kazakhstan, based on the proprietary-legal concept of property rights with its traditional triad concept of proprietary rights to possess, use and dispose of property belonging to him. The article analyzes founded the modern doctrine of property rights and the European Court of Human Rights, international standards of legal regulation of property rights: the rule of law, the principle of balance between public and private interests, the principle of judicial control, the principle of autonomy of the concept of property rights, the principle of legality, the principle of the legitimate aim of intervention the right to property, the principle of proportionality of the interference in the right of ownership to the aim pursued. In the current period one of the important trends in the doctrine of ownership and international jurisprudence is the development of an international legal institution of protection of property rights in the twofold way - as an institution of international human rights and as a factor in the modernization of the National Institute of ownership.

Keywords: the right to property, the protection of property rights, international standards, legal regulation.

Введение.

Право собственности как один из институтов гражданского общества, как фундаментальный институт частного права признан универсальной ценностью. Право собственности впервые как одно из основных прав человека регламентировано в правовых источниках международного масштаба: в статье 17 Всеобщей декларации прав человека 1948 года [1, с.260] и статье 1 Протокола №1 Европейской конвенции по правам человека 1950 года [2, с.266]. Таким образом, проблематика права собственности, ранее заключенная в границах национального права, актуализирована отныне в контексте международного права. Европейский суд по правам человека своей практикой создает потенциал базовых положений современного института права собственности, устанавливает его унификацию. Результатом практики судебного толкования становится создание единых международных стандартов в области защиты права собственности. Целью данного исследования является рассмотрение международных стандартов правового регулирования права собственности. Исследование проблематики международных стандартов правового режима права собственности основано на следующих методах – историко-правовом, системного анализа, сравнительно-правовом, сравнения и аналогий, прогнозирования и других.

Основные теоретические и практические положения.

Утверждение о том, что право собственности впервые как одно из основных прав человека регламентировано в правовых источниках международного масштаба - в статье 17 Всеобщей декларации прав человека 1948 года и статье 1 Протокола №1 Европейской конвенции по правам человека 1950 года - с точки зрения формальной логики условно, поскольку «нормы права собственности являются весьма древними, более древними, чем сама идея государства» [3, с.23]. Частная собственность как первичная форма собственности возникает на уровне имущественной и социальной дифференциации в первобытном обществе [4, с.175]. Генезис права собственности связывают с историческим моментом развития первых конфликтов по поводу распределения материальных благ. Данная конструкция права собственности именуется в литературе элементарной моделью права собственности и регулирует социальные отношения до эпохи феодализма.

Исследуя проблематику проприетарных отношений, следует особо подчеркнуть, что право собственности относится к числу «вечных» правовых категорий, закрепляющих отношение лица к вещи (имуществу), обеспечивая за счет этой вещи удовлетворение разных потребностей. Категория права собственности всегда привлекала к себе внимание цивилистической мысли. Доктринальные представления о праве собственности прошли длительный эволюционный путь от юридического натурализма (отношения лица к вещи) до современного понимания природы любого правоотношения как отношения между людьми. Первыми в истории политико-правовой мысли изучением проблемы права собственности занимались римские юристы, посвящая свои исследования главным образом толкованию норм права частной собственности. По представлениям римских юристов, вещное право как отношение лица к вещи восходит от понятия владения, устанавливающего фактическое и юридическое распределение вещей.

История римского права включает в себя архаические времена развития концепции «относительной собственности», подвергнутая критике за неправомерное распространение процессуальных признаков на материальный объект. Право собственности в эпоху законов 12 Таблиц известно под названием «квиритской собственности» - древнейшей римской собственности «по праву квиритов» (*ex jure Quiritium*), характеризуемой особым способом приобретения (манципация) и особым иском для защиты (*actio auctoritatis*, древнейшая виндикация).

Сформировавшаяся впоследствии бонитарная (добросовестная) собственность представлена в доктрине как промежуточная категория от юридического владения к полноправной собственности. В литературе отмечается важное значение формирования института бонитарной

собственности в римском праве: собственник наделен субъективными правами и обязанностями, устранен личностный фактор в обладании имуществом на праве собственности, четко определены правовые основания владения, пользования и распоряжения вещью. Реформы Юстиниана завершили формирование права собственности в римском праве, и оно уже в статусе классического образца подверглось рецепции в национальное законодательство многих государств [5, с.69].

Основы римского права, касающиеся права собственности и иных вещных прав, рецепировались на всех этапах эволюции данного правового института во все существующие и развивающиеся правовые системы. Социальная функция права собственности эпохи феодализма переживает трансформацию элементарной модели права собственности в модель разветвленного права собственности [6, с.82-88], оформившейся в соответствующую теорию для регулирования отношений, связанных с земельной собственностью.

Новым содержанием институт частной собственности наполнился в последующую эпоху под влиянием исторической, естественной школы права, когда констатировалось возникновение коллизии ситуации, связанной с возможностью государственного вмешательства в правовую сферу автономии правосубъектной личности. Формируется либеральная модель права собственности, основу которой составляет признание частной собственности естественным правом и гуманитарной ценностью.

Более поздние унифицированные гражданские кодексы Франции (1804г.) и Германии (1896г.) существенно дополнили существующие представления о праве собственности и иных вещных правах [7, с.27]. Французский Гражданский кодекс среди основных видов вещных прав называет: право собственности, право usufrukta, право пользования и проживания, сервитутные права, различные разновидности залога.

С середины 19 века либеральная концепция права собственности с учетом принципа баланса публичных и частных интересов трансформируется в модель, именуемую в литературе социально-ориентированной.

В гражданском Кодексе Республики Казахстан отношения собственности и иных вещных прав регламентируются нормами и положениями Раздела 2. «Право собственности и иные вещные права». ***Понятие права собственности дано в наиболее общем виде: право собственности есть признаваемое и охраняемое законодательными актами право субъекта по своему усмотрению владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом. Соответственно раскрыто содержание триады правомочий собственника. Статьи 191-195 ГК РК разграничивают виды собственности: частной собственности*** как собственности граждан и негосударственных юридических лиц и их объединений; право

государственной собственности в виде республиканской и коммунальной собственности; право государственной собственности на *землю и другие природные ресурсы; право собственности и иные вещные права на жилище; вещные права лиц, не являющихся собственниками*: 1) право землепользования; 2) право хозяйственного ведения; 3) право оперативного управления; 3-1) право ограниченного целевого пользования чужой недвижимостью (сервитут); 4) другие вещные права, предусмотренные ГК РК или иными законодательными актами (например: сервитут, право недропользования, право временного пользования земельным участком, находящимся в частной собственности, залог). К вещным правам применяются нормы о праве собственности, если иное не предусмотрено законодательством или не противоречит природе данного вещного права.

Современные исследователи стран СНГ пытаются возвысить до макроуровня идею о необходимости более конкретного определения логических границ правовых понятий – таковая необходимость обусловлена созданием и регулированием новых общественно-экономических устоев с помощью правовых инструментов. Ибо, как отмечается, размывание понятий и определений ведет к их девальвации, утрате ими как познавательной ценности, так и практического значения [8, с.241]. В число правовых институтов, нуждающихся в более четком определении понятия и признаков, входит институт права собственности и иных вещных прав. Несмотря на огромное количество попыток определения права собственности, вещного права, его общепринятость не достигнута ни в науке гражданского права, ни в действующем законодательстве. Наиболее обстоятельное определение вещного права как конгломерат его признаков содержит научная классификация, данная Е.А.Сухановым [9, с.7, 142-146]. В целом «категорией вещных прав охватывается, во-первых, право собственности – наиболее широкое по объему правомочий вещное право... Во-вторых, в него включаются иные, ограниченные (по сравнению с содержанием права собственности) вещные права» [3, с.309-310].

Таким образом, институт права собственности в процессе интеграции государств выделился из рамок национального права и получил свое закрепление в международно-правовых актах. В Европейском праве разработаны основные (базовые) стандарты права собственности, изучение которых позволило сделать вывод о том, что в международном праве принята ценностная концепция права собственности. Специфика ценностной концепции проявляется в следующих ее чертах: равенстве субъектов частной собственности, распространении права собственности на объекты, обладающие признаками экономической ценности и наличности, вне зависимости от их материальной или нематериальной природы, широте полномочий собственника, существовании неопределенного круга носителей

пассивных обязанностей, а также возложении на государство дополнительно активных обязанностей по обеспечению права собственности.

Дефиниция права собственности в Республике Казахстан имеет с аналогичным международно-правовым понятием данного института по основным позициям совпадения. Однако следует обратить внимание на носящую принципиальный характер специфику. Если европейская модель права собственности основана на ценностном подходе, то казахстанская опирается на вещно-правовую концепцию права собственности с ее традиционной триадной концепцией правомочий собственника владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом.

Международные стандарты правового регулирования права собственности: современная доктрина и судебная практика

Как показывает международная практика, институт права собственности в современный период подвергается существенной трансформации: более обширным стал круг вопросов, касающихся правового регулирования данного института и пересекающих границы внутренней компетенции государств. Доктринальные источники и международно-правовые акты свидетельствуют о том, что право собственности утверждается в области международно-правового регулирования. В литературе убедительно доказывается, что «для права собственности уже не характерен признак абсолютности в той мере, в какой он признавался в классической либеральной модели, ... происходят существенные изменения в структуре права собственности, в полномочиях собственника, появляются новые виды имущества... В целом, наблюдается эволюция института права собственности в сторону более широкого его понимания, что получает отражение в международных актах, в практике международных судебных органов, в частности, в практике Европейского суда по правам человека и в международно-правовой доктрине» [10, с.4]. Вместе с тем, справедливо утверждение о том, что пока еще доктрина не может адекватно описать и объяснить все сложные формы взаимодействий отношений участников отношений собственности и предложить законодательно эффективнее правовые средства их урегулирования [11, с.6].

Статья 1 Протокола №1 Европейской конвенции по правам человека 1950 года Защита собственности гарантирует право собственности, основываясь прежде всего на принципе уважения собственности: «каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Далее данная статья регламентирует норму о лишении имущества, возможном при строгом соблюдении определенных условий: «никто не может быть лишен своего имущества иначе, как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права». Третья норма статьи заключена в содержании второго абзаца: «предыдущие положения не умаляют права государства обеспечивать выполнение таких

законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов и штрафов» [2, с.266].

Правовая регламентация субъективного права собственности основывается на международных стандартах, сформировавшихся в процессе применения обязательной для европейских государств статьи Протокола №1 Европейской конвенции по правам человека 1950 года Защита собственности в практике Европейского суда по правам человека. Разработка и утверждение международных стандартов правового регулирования права собственности способствует в современный период гармонизации национальных правовых систем, унификации режима права собственности.

Базовые международные стандарты защиты права собственности заложены в содержании фундаментальных принципов Европейской конвенции по правам человека: принципа верховенства права, принципа баланса публичных и частных интересов, принципа судебного контроля. Названные принципы являются общими для национальных и международных правовых систем, они присущи праву как социальному регулятору [10, с.123]. К комплексу базовых международных стандартов правового регулирования обоснованно относят также следующие: принцип автономности понятия права собственности, принцип законности, принцип правомерной цели вмешательства в право собственности, принцип соразмерности вмешательства в право собственности преследуемой цели [12, с.14-15].

Принцип верховенства права не допускает правового вакуума – общественные отношения подвергаются правовому регулированию, отвечающему требованиям законности (*providedbythelaw*), доступности и предвидимости, правовой определенности (*legalcertainty*) установленных правил поведения, эффективности гарантированных субъективных прав.

В доктринальных источниках обосновано, что «с точки зрения соответствия целей и результатов правовое регулирование должно удовлетворять требованию баланса публичных и частных интересов. Это требование указывает на пределы вмешательства в частные отношения, которые вытекают из взаимосвязи государства и гражданского общества: 1) государство может ограничивать право собственности в публичных интересах, но при этом 2) публичные интересы не должны подавлять интересы частных лиц, нивелировать их и 3) на частное лицо не должно налагаться чрезмерное бремя в результате ограничения права собственности» [13, с.94]. Международная судебная инстанция может подвергать оценке деятельность всех органов в конституционной системе разделения власти. При этом судом учитываются формы вмешательства: лишение, меры по контролю, иные), а также такие факторы как социально-

экономическая обстановка, имущественное положение собственников, применяемые процедуры, сроки, в течение которых действуют ограничения. В зависимости от этого комплекса условий «требование баланса интересов будет подразумевать дифференциацию правового регулирования с учетом конкретных фактических обстоятельств» [13, с.94].

Обеспечению принципа верховенства права и должного уровня баланса интересов способствует судебный контроль. Судебный контроль представляет собой функцию, реализуемую национальными судами и судебными инстанциями международного масштаба для защиты субъективного права при рассмотрении конкретных дел. Судебные инстанции в современный период развития мирового сообщества возведены в ранг субъектов контроля, обеспечивающего его законность. Результатом судебного контроля является вынесение общеобязательного акта правосудия, призванного к правовому разрешению спора сторон [14, с.188].

Механизм действия судебного контроля в международном праве обуславливается наличием у субъекта правом на доступ в суд, правом на справедливое судебное разбирательство, надлежащие процессуальные гарантии и обязательное для исполнения судебное решение (статьи 7, 28 Всеобщей декларации прав человека 1948 года [1, с.259,263] и статья 6 Европейской конвенции по правам человека 1950 года [2, с.83]). Таким образом, право собственности обеспечивается с позиции комплексного подхода к правовому регулированию данного института. Анализируя проблему защиты права собственности в контексте Европейской конвенции по правам человека 1950 года, следует подчеркнуть соотношение статьи 1 Протокола №1 и статьи 6 Конвенции как обязательные взаимообусловленные части международных стандартов правового регулирования права собственности. В практике Европейского суда по правам человека формируется и утверждается тенденция, согласно которой при рассмотрении конкретного спора между частным лицом и государством все усилия направлены на защиту частного лица посредством расширения сферы действия статьи 6 Конвенции. Следует отметить, что сферы действия статьи 1 Протокола №1 и статьи 6 Конвенции совпадают за редкими исключениями споров, когда полностью преобладает публичный элемент. Необходимость учета публичного интереса в сужении либо ограничении судебного контроля возникает, когда предметом спора является вопрос об уплате налогов, либо в соответствии с принципами международного права (судебный иммунитет государства, международной организации).

Заключение

Возникшая в архаические времена концепция права собственности в исторической ретроспективе, подвергалась модернизации и

трансформировалась в ипостаси различных моделей: элементарной, модели разветвленной собственности, либеральной, социально-ориентированной.

Анализ историко-правового развития института права собственности позволяет сделать вывод о том, что в процессе интеграции государств данный институт выделился из рамок национального права и получил свое закрепление в международно-правовых актах. Исследование разработанных в международном, в частности, европейском праве стандартов права собственности дает основания для заключения о том, что в международном праве принята ценностная концепция права собственности, основанная на равенстве субъектов частной собственности, распространении права собственности на объекты, обладающие признаками экономической ценности и наличности, вне зависимости от их материальной или нематериальной природы, широте полномочий собственника, существовании неопределенного круга носителей пассивных обязанностей, а также возложении на государство дополнительно активных обязанностей по обеспечению права собственности. Если европейская модель права собственности основана на ценностном подходе, то модель собственности стран СНГ, в том числе казахстанская, опирается на вещно-правовую концепцию права собственности с ее традиционной триадной концепцией правомочий собственника владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом.

В современной доктрине права собственности и практике Европейского суда по правам человека обоснованы базовые международные стандарты правового регулирования права собственности: принцип верховенства права, принцип баланса публичных и частных интересов, принципа судебного контроля, принцип автономности понятия права собственности, принцип законности, принцип правомерной цели вмешательства в право собственности, принцип соразмерности вмешательства в право собственности преследуемой цели.

Таким образом, следует резюмировать: в современный период одним из актуальных направлений в доктрине права собственности и международной судебной практике является развитие международно-правового института защиты права собственности в двуедином ключе – как института международного права прав человека и как фактора модернизации национального института права собственности.

Список использованной литературы и других источников

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // Сборник международных документов по правам человека: в 11 томах. – Алматы: Фонд «XXI век», 2001. – Т.1. - 608 с.

2. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод / Под общ. ред. д.ю.н., проф В.А. Туманова и д.ю.н., проф.Л.М.Энтина. – М.: Издательство НОРМА, 2002. – 336 с.
3. Маттеи У., Суханов Е.А. Основные положения права собственности. – М.: Юристъ, 1999. – 384 с.
4. Property problems from Genes to Pension Funds. Editor J.W.Harris. Kluwer Law International. -1999. – P 175-189.
5. Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права. - М., 1956. - С. 69.
6. Landberg E. Die Qlosse des Accursius und ihre Lehre vom Eigentum. – 1883. – S. 82-88.
7. Водкин М.Ю. Проблемы рецепции римского права собственности в европейских кодификациях XIX-XX вв.: автореф.дисс.к.ю.н. – Казань, 2007. – 27с.
8. Толстой Ю.К. Заметки о Ю.Г.Басине. // Правоведение. – 2008. - №5. – С.241.
9. Гражданское право. Том 2. 3-е изд. / Под ред.Е.А.Суханова. – М.:Волтерс Клувер. – 2005. – 496 с.
10. Мингазова И.В. Право собственности в международном праве. - М.:Волтерс Клувер. – 2007. – 320 с.
11. Филатова У.Б. Институт права общей собственности в странах романо-германской правовой семьи (Германии, Австрии, Швейцарии, Франции и России: сравнительно-правовое исследование): дисс.д.ю.н. – М., 2015. – 437 с.
12. Савельева Е.Г. Защита права собственности как одного из основополагающих прав человека (международно-правовые аспекты): автореф.дисс.к.ю.н. – М., 2013. – 29с.
13. Старженецкий В.В. Соотношение международного (европейского) и российского правового регулирования института собственности: дисс.к.ю.н. – М., 2003. – 171 с.
14. Тайторина Б.А. Государственный контроль в конституционной системе разделения власти Республики Казахстан: Монография. - Алматы: ТОО «Ақ шағыл», 2011. - 396 с.

Роль международных организаций в области охраны атмосферного воздуха от загрязнения

Сандугаш Тусупбекова,

Балтийская Международная академия, Латвия

Mg.iur., докторант, докторская программа «Юридическая наука»,
funtik_sk@mail.ru

Научный руководитель: доктор права, доц. Овлащенко А.В.

Аннотация

К числу наиболее существенных негативных последствий техногенных изменений окружающей среды относятся загрязнение атмосферного воздуха отработанными газами автотранспорта, выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух от предприятий дорожного хозяйства, нефтепереработки, цветной металлургии и энергетики. Цель статьи – исследовать роль и значение международных межправительственных и неправительственных организаций в осуществлении международно-правовой охраны атмосферного воздуха от загрязнения. В статье проанализировано значение природоохранной политики и деятельности международных межправительственных и неправительственных организаций универсального масштаба, регионального уровня, ставящих во главу угла проблемы комплексной охраны окружающей среды, разработку основ и методов научного планирования и управления ресурсами биосферы. Становление нового эколого-правового и эколого-экономического подхода к решению вопросов международно-правового регулирования проблем охраны окружающей среды, в том числе охраны атмосферного воздуха отмечено в деятельности современных неправительственных организаций, общественно-политических организаций и движений.

Исследование роли и значения международных межправительственных и неправительственных организаций в осуществлении международно-правовой охраны атмосферного воздуха от загрязнения привело к выводу о необходимости активизации международного сотрудничества государств в данной сфере. Если в деятельности международных межправительственных организаций акцентировано внимание на проблематике правового регулирования правовой охраны окружающей среды, то практика неправительственных, общественных организаций представляет собой программу действий для решения мировой проблематики; дает характеристику нынешнего состояния глобальных проблем с учетом контекста новых международных отношений; новой экономической ситуации, новых приоритетов в таких глобальных проблемах, одной из которых является окружающая среда.

Ключевые слова: атмосфера, воздух, охрана, международные организации, загрязнение.

Abstract

The most significant negative impacts of man-made changes in the environment is air pollution by exhausted gases of vehicles, emissions of pollutants into the air from enterprises of road facilities, oil refining, non-ferrous metallurgy and power engineering.

Purpose of the article is to investigate the role and importance of international inter-governmental and non-governmental organizations in the implementation of international legal protection of air from pollution.

The article analyzes the importance of environmental policies and activities of international intergovernmental and non-governmental organizations of a universal scale, regional level, which center the issues on protection of the environment, development of principles and methods of scientific planning and management of biosphere resources. The formation of a new legal and environmental, and ecological-economic approach to the issues of international legal regulation of environmental issues, protection air form the pollution is observed in the activities of modern governmental organizations, socio-political organizations and movements.

Investigation of the role and importance of international intergovernmental and non-governmental organizations in the implementation of international legal protection of air pollution has led to the conclusion about the need to intensify international cooperation between states in this area. If the activities of international intergovernmental organizations are focused on the problems of legal regulation of the legal protection of the environment, the practice of non-governmental, civil society organizations is a program of action to address the global issues; it gives a description of the current state of global issues, taking into account the new context of international relations; new economic situation, new priorities in these global issues, one of which is the environment.

Keywords: atmosphere, air, protection, international organizations, pollution.

Введение.

Атмосферный воздух выделяется как самостоятельный объект отношений в области охраны окружающей среды и определяется как компонент природной среды, представляющий собой естественную смесь газов атмосферы, находящуюся за пределами помещений. В отличие от других компонентов природной среды атмосферный воздух рассматривается в законодательстве как охраняемый объект, а не как объект использования [1, с.342-343]. Загрязнение воздуха как глобальная экологическая проблема ставит перед мировым сообществом задачу конструктивного сотрудничества государств в области правовой охраны атмосферного воздуха. Важную роль в решении данной задачи играют международные организации. Трудно переоценить значение природоохранной политики и деятельности таких международных межправительственных и неправительственных организаций универсального масштаба как Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП), Всемирный союз охраны природы (БСОП); регионального уровня: Европейская экономическая комиссия (ЕЭК) ООН, Европейский Союз, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Европейское агентство по окружающей среде, Межгосударственный экологический совет, ставящих во главу угла проблемы комплексной охраны окружающей среды, разработку

основ и методов научного планирования и управления ресурсами биосферы. Становление нового эколого-правового и эколого-экономического подхода к решению вопросов международно-правового регулирования проблем охраны окружающей среды, в том числе охраны атмосферного воздуха прослеживается в деятельности современных неправительственных организаций, общественно-политических организаций и движений, таких, как Гринпис, Римский клуб, Международный союз охраны природы, Всемирный фонд охраны дикой природы.

Цель статьи – исследовать роль и значение международных межправительственных и неправительственных организаций в осуществлении международно-правовой охраны атмосферного воздуха от загрязнения. При рассмотрении проблематики международно-правовой охраны атмосферного воздуха от загрязнения использованы всеобщие и специальные методы научного познания: анализа и синтеза, историко-правовой, функциональный, метод системно-структурного анализа, метод прогнозирования.

Основные теоретические и практические положения.

Приоритетные направления деятельности ООН в сфере охраны атмосферного воздуха от загрязнения. Негативные изменения состояния атмосферного воздуха, влекущие пагубные последствия для всех живых организмов на земле, настоятельно требуют решительных практических мер по его охране как на национальном, так и международном уровнях. Международно-правовая регламентация защиты и сохранения окружающей среды, в том числе охраны атмосферного воздуха по инициативе универсальной международной организации ООН разработана в процессе работы первого в истории международного экологического форума – Стокгольмской конференции ООН по окружающей среде в 1972 году. В работе конференции приняли участие полномочные представители 113 государств мира, совместными плодотворными усилиями которых были приняты исторически важные решения, определившие на многие десятки лет вперед направления, пути и способы развития права окружающей среды.

Практика деятельности ООН свидетельствует о степени важности данной международной организации как подлинного центра международного сообщества в деле защиты и сохранения окружающей среды, как и в разрешении многих глобальных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера. Организующую и координирующую роль в деле охраны окружающей среды выполняют главные органы ООН – Генеральная Ассамблея и Экономический и социальный совет. Резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН в 1974 году утверждены Декларация от установлении нового экономического порядка, Хартия экономических прав

и обязанностей государств, вспомогательный орган Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП). В составе Экономического и социального совета последовательно осуществляют свою деятельность по защите и сохранению окружающей среды Комиссия по устойчивому развитию (1992) и Комитет по энергии и ресурсам для развития (1998). Условие обеспечения международного правопорядка в целях охраны окружающей среды обязательно для программы устойчивого развития [2, с.96].

Трудно переоценить значение в деле охраны и защиты окружающей среды такого органа ООН как Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП). Концепция устойчивого развития оформлена в рамках известной программной основы для рассмотрения различных аспектов развития - Повестки дня на XXI век. Приоритетными направлениями деятельности ЮНЕП являются: усиление ее каталитической роли в деле стимулирования и пропаганды природоохранных мероприятий и рассмотрения экологических аспектов в рамках всей системы Организации Объединенных Наций; содействие международному сотрудничеству в области окружающей среды и подготовка рекомендаций относительно соответствующих стратегий, предназначенных для этой цели; разработка и содействие максимально широкому использованию таких методов, как учет природных ресурсов и экономика природопользования; экологический мониторинг и оценка; дальнейшее развитие международного права окружающей среды, содействие его соблюдению и координация функций, вытекающих из растущего числа международно-правовых документов; содействие субрегиональному и региональному сотрудничеству и оказание поддержки деятельности в области охраны окружающей среды; оказание технической, правовой и организационной консультативной помощи правительствам в деле создания и укрепления их национальных правовых и организационных структур; оказание поддержки правительствам и учреждениям и органам, занимающимся вопросами развития, и другие.

Помимо Повестки дня на XXI век ЮНЕП руководствуется Найробийской декларацией, Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН №A/RES/S-19/21 1997 года, Декларацией Мальме 200 года, подтверждающих статус ЮНЕП как ведущего глобального природоохранного органа. Названные документы подробно регламентируют правовой статус ЮНЕП и расширяют его полномочия.

Универсальное международно-правовое регулирование охраны атмосферного воздуха осуществляется главным образом посредством норм и положений Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 года и Киотского протокола к ней 1997 года. Рамочная конвенция представляет собой целостный правовой механизм охраны атмосферного воздуха от выбросов парниковых газов и других загрязняющих веществ. Европейская

Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния 1979 года, подписанная в Женеве (*Швейцария*), Венская конвенция об охране озонового слоя 1985 года и Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой, 1987 года также имеют определенное значение в правовой охране окружающей среды. Названные акты имеют авторитет в международном масштабе и находят реализацию как в международных соглашениях, так и в национальных законодательствах. Республика Казахстан в числе многих других государств присоединилась к этим международно-правовым актам, данная сфера международно-правового регулирования охвачена и казахстанским законодательством.

Представляется необходимым в контексте исследуемой тематики охраны атмосферного воздуха от загрязнения акцентировать внимание на практических аспектах применения Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 года и Киотского протокола к ней 1997 года. В числе преимуществ данного международного соглашения – применение системы учета выбросов парниковых газов, основанная на экономических данных, а также использование рыночных механизмов, способных приостановить дальнейшее загрязнение воздуха выбросами парниковых газов и других выбросов антропогенного происхождения. Данный фактор является позитивным и с позиции привлечения инвестиций, финансовых вложений в экономику отдельных стран и международных организаций, прилагающих усилия для оздоровления экологической ситуации. Использование рыночных механизмов эффективно и с позиции внедрения и использования государствами энергосберегающих и ресурсосберегающих технологий, источников возобновляемой энергии. Межгосударственные механизмы взаимодействия, называемые в научной литературе механизмами гибкости, представляют собой целый комплекс: «совместное осуществление проектов – передача или приобретение единиц сокращения выбросов парниковых газов; реализации проектов, направленных на сокращение антропогенных выбросов или увеличение поглощения парниковых газов в любом секторе экономики (ст. 6 Протокола); торговля квотами на выбросы парниковых газов – коммерческая переуступка своих прав на выбросы парниковых газов для целей выполнения своих обязательств (ст. 7 Протокола); «механизм чистого развития» - осуществление проектов на территории стран, не входящих в Приложения 1 к Рамочной конвенции об изменении климата (развивающиеся страны), и добавление в свои квоты результатов сокращения выбросов парниковых газов, достигнутого путем осуществления этих проектов (ст. 12 Протокола); накопление сторонами квот на выбросы. Так, если выбросы стороны, включенной в Приложение 1, меньше установленного для нее количества выбросов, то эта сторона может накапливать такие квоты для использования в последующие, после 2012 года, периоды обязательств (ст. 3 Протокола)» [3].

Проблемы правовой охраны атмосферного воздуха от загрязнения в практике региональных международных организаций. Важное значение для международно-правового регулирования охраны атмосферного воздуха от загрязнения имеют региональные механизмы, основной движущей силой которых являются международные организации. Среди большого количества международных организаций выделяется Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) - (*англ.* Organisation for Economic Cooperation and Development (OECD) — международная экономическая организация *развитых стран*, признающих принципы *представительной демократии* и *свободной рыночной экономики*. Созданная в 1948 году под названием Организация европейского экономического сотрудничества (*англ.* Organisation for European Economic Cooperation, ОЕЕС) для координации проектов экономической реконструкции *Европы* в рамках *плана Маршалла*, в 60-е годы двадцатого столетия расширила состав и географические рамки, и сейчас в организацию входят 34 государства, в том числе большинство государств — членов *ЕС*, в работе организации также принимает участие на правах отдельного члена *Европейская комиссия* (орган *Евросоюза*). Основная идея международной организации, апробированная десятилетиями: политика экономического роста и охраны окружающей среды должны взаимно дополнять друг друга [4, с.222]. Основные направления деятельности – биобезопасность, охрана атмосферного воздуха от загрязнения, изменение климата, энергетика, транспорт, взаимодействие окружающей среды и общества, управление природными ресурсами, проблема опасных отходов и др.

Для регламентации регионального сотрудничества государств по охране атмосферного воздуха от загрязнения важное значение имеет деятельность Европейской экономической комиссии ООН. Правовую модель деятельности Европейской экономической комиссии по охране атмосферного воздуха от загрязнения признают наиболее эффективной [5, с.94]. В число наиболее эффективных региональных международных организаций в области охраны атмосферного воздуха от загрязнения, равно как и других сфер охраны окружающей среды, входят Экономическая и социальная комиссия ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Содружество независимых государств (СНГ).

Проблемы правовой охраны атмосферного воздуха от загрязнения в практике Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) регламентируются на уровне Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1969/75 года, Парижской хартии для новой Европы 1990 года, включающих вопросы окружающей среды и прежде всего создание новых механизмов международно-правовой регламентации охраны окружающей среды.

В рамках СНГ заключены Соглашение о взаимодействии в области экологии и охраны окружающей природной среды (1992 г.), Соглашение об

информационном сотрудничестве в области экологии и охраны окружающей природной среды (1998 г.).

Вклад международных неправительственных организаций в решение вопросов охраны атмосферного воздуха от загрязнения. Существенное значение для повышения эффективности защиты и сохранения окружающей среды имеет деятельность неправительственных международных организаций, использующих в арсенале средств силу и возможности воздействия общественного мнения. Современные подходы к решению вопросов международно-правового регулирования проблем охраны окружающей среды, в том числе охраны атмосферного воздуха в деятельности современных неправительственных организаций, общественно-политических организаций и движений, таких, как Гринпис, Римский клуб, Международный союз охраны природы, Всемирный фонд охраны дикой природы, представляют собой потенциал для оказания помощи международным организациям посредством разработки проектов международных конвенций.

5 октября 1948 года был создан Международный союз охраны природы (МСОП; фр. *Union internationale pour la conservation de la nature*, IUCN) со штаб-квартирой в городе Гланде (Швейцария - международная некоммерческая организация, которая занимается освещением проблем сохранения биоразнообразия планеты, представляя новости на эту тему, организуя конгрессы в разных странах и составляя списки видов, нуждающихся в особой охране в разных регионах планеты. Свою миссию союз видит в том, чтобы помогать общественным организациям и частным активистам во всем мире сохранять целостность и разнообразие природы. Именно Международному союзу охраны природы принадлежит идея создания Красной книги – международного списка видов животных и растений, которые находятся под угрозой исчезновения. С 1979 года официальным программным документом МСОП является «Всемирная стратегия охраны природы». А на 17-й Генеральной Ассамблее ООН, проходившей в городе Сан-Хосе (Коста-Рика) в 1988 году, сама организация получила новое название – Всемирный союз охраны природы (ВСОП), имеет статус наблюдателя при Генеральной Ассамблее ООН, консультативный статус при ЮНЕСКО и объединяет 82 государства, 111 правительственных учреждений, более 800 неправительственных организаций, около 10 тысяч ученых и экспертов из 181 страны мира.

Всемирный фонд дикой природы (англ. *World Wildlife Fund*, сокр. WWF; в настоящее время официально называется Всемирный фонд природы (англ. *World Wide Fund for Nature* — международная общественная организация, работающая в сферах, касающихся сохранения, исследования и восстановления окружающей среды. Это крупнейшая в мире независимая природоохранная организация с более чем 5 миллионами сторонников во всём мире, работающая в более чем 100 странах, поддерживающая около

1 300 природоохранных проектов во всём мире. Миссия Всемирного фонда дикой природы заключается в предотвращении нарастающей деградации естественной среды планеты и достижении гармонии человека и природы, главная цель — сохранение биологического разнообразия Земли.

Основные идеи Римского клуба, созданного в 1968 году, прослеживаются в его докладах, которые освещают результаты исследований, проведенных по инициативе его членов и посвященных различным аспектам глобального развития человечества. Деятельность Римского клуба включает в себя широкий спектр конкретно-научных разработок, послуживших толчком к возникновению такого нового направления научных исследований, как глобальное моделирование развития человечества. Значимыми в деятельности являются идеи по урегулированию взаимоотношений между обществом и природой посредством разумного природопользования. Следует отметить значение влияния Римского клуба на формирование экологического мышления. Деятельность Римского клуба является неопределимой как для науки, так и для общества в целом по ряду положений, начиная с привлечения внимания широкой общественности к глобальным проблемам мира; включая пропаганду идеи о необходимости гармонизации отношений человека и природы; организацию крупномасштабных исследований по изучению перспектив мирового развития, формирование системы математического моделирования эволюции системы «общество – природа» (создание наглядных компьютерных моделей); подготовку разработку концепции устойчивого развития человечества; выработку практических рекомендаций по решению глобальных проблем человечества. Данная организация дала начало процессу формирования человечеством экологической этики, начиная со своего разума, мышления.

Гринпис (англ. greenpeace — «зелёный мир») — международная независимая неправительственная экологическая организация, состоящая из GreenpeaceInternational (GPI) с главным офисом в Амстердаме и 30 региональных отделений в 47 странах. Работа экологов Гринпис включает в себя следующие направления кампаний: кампания по биоразнообразию, кампания по защите атмосферы, антиядерная кампания, кампания по токсическим веществам. Гринпис воздействует на общественное мнение через печать, просветительские учреждения, проводит ненасильственные акции протеста, добиваясь от промышленных компаний и правительств решений по конкретным экологическим проблемам.

Днем основания «Гринпис» принято считать 15 сентября 1971 года, когда состоялась первая акция экологов против ядерных испытаний. Именно тогда небольшая группа активистов, вдохновленных мечтой о чистом мире без войны и насилия, отправилась в плавание на небольшом рыболовецком судне из канадского города Ванкувера. Корабль отправился к небольшому острову Амчитка на Аляске, в районе которого правительство США

собиралось проводить подземные ядерные испытания. Организаторы акции выбрали сжатое, но емкое название для своей команды GreenPeace. На борту не хватило места, и поэтому название написали слитно. Протесты экологов заставили правительство США прекратить испытания в районе Амчитки к концу 1971 г. Остров стал птичьим заповедником. Активисты «Гринпис» были вдохновлены своей победой и решили бороться против испытаний ядерного оружия по всему миру. Следующая акция протеста прошла в 1975 году возле атолла Муруроа в южной части Тихого океана, где Франция проводила атмосферные ядерные испытания. Благодаря действиям «Гринпис» Франция также прекратила свои испытания. Акцию проводил Дэвид Мак Таггарт (DavidMcTaggart), который в 1979 г. стал главой GreenpeaceInternational.

Заключение

Исследование роли и значения международных межправительственных и неправительственных организаций в осуществлении международно-правовой охраны атмосферного воздуха от загрязнения подтверждает необходимость активизации международного сотрудничества государств в данной сфере. Если в деятельности международных межправительственных организаций мы акцентировали внимание на проблематике правового регулирования правовой охраны окружающей среды, то практика неправительственных, общественных организаций представляет собой программу действий для решения мировой проблематики; дает характеристику нынешнего состояния глобальных проблем с учетом контекста новых международных отношений; новой экономической ситуации, новых приоритетов в таких глобальных проблемах, одной из которых является окружающая среда.

Список использованной литературы и других источников

1. Экологическое право: учебник / Балащенко (и др.). – Минск: Изд.центр БГУ, 2013. – 501 с.
2. Нурмухамедова Э.Ф. Международный экологический правопорядок и экологические права человека. – М., 2004.
3. Миннекаева Д. Р. Основополагающие международно-правовые акты об охране атмосферного воздуха от негативного антропогенного воздействия / Вестник ТИСБИ. - 2004. - № 4. - Источник: Электронный каталог библиотеки юридического факультета СПбГУ
4. Дикусар В.М. Международно-правовые проблемы охраны окружающей среды: дисс.д.ю.н. – М., 2007. – 327 с.
5. Миннекаева Д. Р. Международно-правовые аспекты охраны атмосферного воздуха: дисс.к.ю.н. – Казань, 2005. – 221 с.

LEGISLATIVE GUARANTEES OF THE RIGHT OF OWNERSHIP – IMPORTANT CONDITION OF ITS EXISTENCE AND PROTECTION

Dilshod Chiniev,

PhD,

Republic of Uzbekistan, chief scientific officer,
Institute for monitoring the current legislation under the
President of the Republic of Uzbekistan

Abstract

The article considers the issues of legal regulation of the right of ownership, development of legal thoughts on the problems of legislative recognition of this right, as well as experience of foreign countries on legal framing of the right of ownership.

Key words: right of ownership, legal regulation, legal framework, experience of foreign countries.

Аннотация

Статья рассматривает проблемы правового регулирования права собственности, развития правовых теорий на основе анализа законодательного признания этого права, а также опыта зарубежных стран по правовым основам права собственности.

Ключевые слова: право собственности, правовое регулирование права собственности, правовая база, опыт зарубежных стран.

Introduction.

The need for legal regulation of property relations, the establishment and consolidation of the real possibilities of implementation and protection of ownership rights have always had a special importance.

The importance of guarantees of rights and legitimate interests of the owners, along with the other natural rights and freedoms of citizens, their effective protection in the event of a breach, considered as one of the criteria to strengthen law and order in the state.

Moreover, today one of the hallmarks of a democratic state and strong civil society is the state and extent of guaranteeing the right of everyone to property.

It should be noted that well-established economic relations of property requires giving them the necessary legal color that corresponds to the goals and objectives of the owner, by virtue of which there is a need to consolidate the guarantees of the right of ownership at the legislative level.

However, the legislative regulation of property relations runs through the complex process of the relevant procedures of review, approval and publication

of legislative acts, after the passage of which legal provisions on ownership title enters into effect, both in terms of owners and all of its counterparties.

Namely, enshrined in legislative acts guarantees of the implementation and protection of ownership rights contribute to the implementation of free proprietary rights and their protection from violations and restoration of his property status to the state before the violation.

Basic theoretical and practical provisions.

In addition, legislative acts of the safeguards and protection of ownership rights, at the same time establish special rules, which confer on other persons, i.e. non-owners, the obligation to refrain from infringing someone else's appropriation of property, violation of which should lead to the application of the inevitable and punishable responsibility.

Safeguarding the rights and interests of the owners is also ensured by fixing in legislative acts the relevant rules obliging both public authorities and administration, and other subjects of public relations to promote ownership and protection of ownership rights, which also implies non-interference in economic activity.

In this regard, it should be noted that in the era of capitalist development, one of the signs of which is considered non-interference of the state in the economic activity of its citizens, was not sufficient to protect their rights and interests. Therefore, as experts note, "... In the XIX century it became clear that the protection of human rights requires state intervention and active legislative and practical measures on its part, aimed at the implementation of the guaranteed rights" [7, p.43].

As the historical development of the civil legal thought reveals that it is from this period of human development the process of creating the necessary safeguards of implementation and protection of ownership rights begins. For this purpose, the state, especially the country's civil law, began to take codified acts regulating public relations of property, where the owners were granted special legislative guarantees of security and protection of their rights and interests in relation to their property.

In this regard, in order to ensure the owners' absolute and exclusive rights in respect of the assigned property, civil right of the developed capitalist countries began to develop various mechanisms to protect the violated rights and interests of owners in court. In general, we can say that the whole evolution of Western civil law, is directly linked with the development of the institution of protection of the rights and interests of the owners.

Examples of this are the French Civil Code of 1804 and the Civil Code of 1896.

The codification of the civil legal thought supplied the owner with exceptional guarantees, which allowed him to exercise the right to defend his property freely and without hindrance from the state and actions of others.

For example, the central institution of the French Civil Code becomes institution of private property, based on the right of the owner, “use and dispose of things most absolute way” (§544). French civil code attached special importance to individual private property, not even reflecting in detail in its rules provisions relating to the common property. It was approved by the absolute right of property, and according to experts, was cleared of the feudal hierarchy of owners and of most of the tribal and other pre-revolutionary charges [6].

Thus, according to the requirements of this Code, the owner owned the unrestricted right of disposal of thing. The owner had the right to make in respect of the property any legal actions, for example, sell, donate, and destroy others.

Installed limitations to the use of the owner of the thing stipulated by Article 544 had an exhaustive list and the names listed in the rules of the easement.

Reproducing Article 17 of the revolutionary Declaration of Rights of Human and Citizen, article 545 of the French Civil Code specifically provides that “no one can be forced to the assignment of the property if it is not done because of the public good and just and prior compensation” [6].

According to §903 of German Civil Code the owner “may dispose of the thing at its discretion and dismiss the other from any influence on it”.

§905 GCC supplied the owner of the site, even with such a remarkable guarantee: He could demand that in the adjacent areas should not be erected or maintained such structures, about which it can with certainty claim that their existence or their use would have the effect of unacceptable effects on his site [5].

Property relations have found their legal confirmation Muslim legal system too.

It should be noted that among the fundamental values which are protected by sharia, the property is listed along with religion, life, intellect, and dignity [8, p.42]. Thus, according to Islamic law, the property can only be what has useful qualities and allowed by Sharia, and an individual right is only valid for as long as it is used for the public good [12].

Ownership is quite independent and occurs only when the subject actually takes possession of certain property, the use of which is allowed by Sharia [8, p.44]. The person who took possession of the property which has and owner and is allowed by Sharia, acquires primary ownership. For example, the “revival of the dead land”, as the Prophet Muhammad said: “Those who cultivate the land belonging to no one, has the greatest rights to acquire property in it” [2, p.262].

Key concepts in Islamic law are the “mulk” (ownership) and “mal” (property). The term “mal” is found in more than 90 verses of the Koran, but there is no uniform definition of this phenomenon. Therefore, different schools of sharia doctrine interpret it differently. In particular, the Hanafi school refers to this concept all, what “feels” craving human nature and that may continue until the occurrence of the needs. Modern Muslim jurists consider the “mal” as something “that can be saved and what is allowed to own and use the usual natural way”. Sometimes

to these features the ability to participate in the turnover is added, namely: the presence of his value and necessity of compensation in case of undue damage or destruction.

Taking into account the criteria for “mal” material values in their natural form are attributed first of all. However, according to the prevailing opinion among Muslim jurists, “mal” means not only physical things, but also the useful properties of things as a special kind of property [12].

Thus, the ownership of the Muslim legal system is seen and interpreted through the prism of religious dogmas and postulates, as well as the relationship of the individual to the faith and to God.

Guarantees of the implementation and protection of property rights widely received legislative consolidation also in the constitutions of the world. Thus, in §13 of the Constitution of the Republic of Hungary [4, p.48] and Article 14 of the Basic Law of the Federal Republic of Germany [13, p.369] it is stated that the right to property is guaranteed, and in Article 62 of the Constitution of the Portuguese Republic in addition the transfer of the right to private property during life and after death is guaranteed” [13, p.537-538], in article 42 of Italian Republic’s Constitution it is said that “the recognition and guarantee of private property, the law is determined by the methods of acquisition and use of ...” [13, p.429-430] In addition, in accordance with Article 5 of the Basic Law of Austria on 21 December 1867 “On the general rights of citizens of the kingdoms and lands represented in the Imperial Council” “Property is inviolable ...” [13, p.93].

Article 35 of the Russian Constitution states that “The right to private property is protected by law. No one shall be deprived of his property except by court order” [13, p.280]. In accordance with Article 29 of the Japanese Constitution “The right of ownership shall not be infringed” [13, p.362].

The analysis of civil law of the developed foreign countries also demonstrates the need for establishment of the safeguards of implementation and protection of property rights.

Thus, according to the Civil Codes of Hungary [9, p.216], the Czech Republic (§123 Civil Code) [13, p.217], Spain (p.1 st.348 CC) [13, p.221], Russian Federation (209 CC) [10, p.470-471] the owner is entitled under the law to possess, use and dispose of the object of his property.

Conclusion.

Besides, even according to the criminal law of the Russian Federation, “Property as a social phenomenon and an economic category is a triad of actual social relations of possession, use and disposal of material goods, assigned and belonging to the owner. Being regulated by the rules, these relationships acquire a legal form and legally mediated both proprietary rights of possession, use and disposal ...” [9, p.216].

The need to guarantee the implementation and protection of property rights is also reflected in the norms of international law.

In particular, in Article 17 of the Universal Declaration of Human Rights the UN General Assembly proclaimed: “1. Everyone has the right to own property alone as well as in association with others. 2. No one shall be arbitrarily deprived of his property”. The government of Uzbekistan, following this principle, guaranteed protection of property rights at the constitutional level [1, p.54].

In addition, sub-paragraph “c” paragraph 3 of article 6 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms provides for three types of rights of the defense: the right to defend himself; the right to ensure their protection through a representative; free legal aid by the state [11, p.11], etc.

In general, set in legislative acts guarantee full and unimpeded enjoyment and protection of property rights today are regarded as the most important attributes of a democratic state, the construction of which has always sought to economic development.

Thus, the above indicates that the vital interests of society and the state are to provide guarantees of the protection of the rights and interests of the owner, freedom of economic activity and entrepreneurship, which is a prerequisite for its effective functioning and development.

Literature

1. Adilkhodjaeva S. Theoretical problems of state-legal regulation of the ownership relations reform in Uzbekistan. Dissertation for the degree of candidate of science in law. Tashkent, 1999. P.54.
2. Al-Bukhari. Sahih. Er-Rihad, 1999. P.262.
3. Constitutions of European countries. Moscow, 1999. P. 537-538.
4. Constitutions of the World. Collection of the Constitution of the States of the World. Tashkent, 1997. P.48.
5. Grazhdanskoe-ulozhenie-germanskoj-imperii-1896.<http://www.radnuk.info/ros-pidrychnuk/istoriya-stran>.
6. Jullio de la Morander. B.I. Moscow. P.112 available at www.wikipedia.org/wiki
7. Kalina E. State-legal mechanism of ensuring of the right to personal security in Russian Federation (theoretical administrative-legal research). Dissertation for the degree of candidate of science in law. Chelyabinsk, 2004. P.43
8. Karakhodjaeva D.M. Problems of development and improvement of the legislation on right to property of legal entities in the Republic of Uzbekistan. Dissertation for a degree of doctor of law. Tashkent, 2008. P. 42
9. Main institutions of civil law of the foreign countries. Comparative-legal rese-

arch. Moscow, 1999. P.216

10. Major legal encyclopedia. Moscow, 2005. P. 470-471.

11. Stepin A. Concept and general characteristics of the private right protection in Russian legislation. Russian Justice. No.7. July,2011. P.11.

12. Syukiyanen L. Islamic right to property: legal understanding of religious postulates // Domestic notes. 2004. No.6 www.polit.ru

13. Ibid. P.369.

(Endnotes)

1 Intensifikācija [izcelsme franču intensification] intensitātes palielināšana vai palielināšanās; pastiprināšana; uzlabošna, kuras mērķis ir iegūt lielāku atdevi, labākus rezultātus; ražīguma kāpināšana.

2 Endēmija [izcelses franču endemie , sengrieķu endēmos] vietējais.

